

А. И. ЗУБОК

Экспансионистская
политика США
в начале XX века

Л. И. ЗУБОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Л. И. ЗУБОК

ЭКСПАНСИОНИСТСКАЯ
ПОЛИТИКА США
в начале XX века

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1969

Редакционная коллегия:

*академик А. А. Г У Б Е Р (ответственный редактор),
доктор исторических наук М. С. А Л Б П Е Р О В И Ч,
доктор исторических наук В. М. Д А Л И Н*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предисловие к этой книге должен был написать автор. Наверно он рассказал бы в нем о том, как создавалась эта работа, какие мотивы побудили его взяться за тему; он бы поведал о творческом замысле, о задачах, которые он ставил.

Но автора нет, и предисловие осталось ненаписанным...

Случилось так, что, когда работа была в основном завершена, может быть, осталось где-то что-то исправить или дополнить и снова вернуться от конца книги к началу — написать предисловие... внезапная и мгновенная смерть унесла автора. И вот о человеке, ученом, друге, который вчера еще стоял рядом с нами, — и тепло его рукопожатия еще не остыло, — приходится говорить в прошедшем времени и писать не о книге, а о том, кто ее создал.

Лев Израилевич Зубок прожил большую и яркую жизнь. Она не была ни простой, ни легкой. Он родился в конце прошлого столетия, в 1894 г., в рабочей семье, в раннем детстве потерял отца, умершего от туберкулеза, воспитывался в сиротской школе, а затем за счет благотворительного общества учился в семиклассной торговой школе в Одессе, которую окончил в 1912 г. Это трудное и безрадостное, почти диккенсовское, детство и отрочество не сломали, а, может быть, закалили его характер. В 1913 г., девятнадцатилетним юношей он уехал искать счастье в Америку.

В Соединенных Штатах Америки Л. И. Зубок пробыл 11 лет — до 1924 г. Счастья там он, естественно, не нашел. Но зато постиг иное. Он познал мир капитализма без прикрас, жестокий и беспощадный к простому рабочему-иммигранту, ищущему заработка, и непосредственное соприкосновение с этим безжалостным миром привело его в ряды освободительного движения рабочего класса.

Л. И. Зубок в Америке перепробовал много профессий и был на разных работах, но постепенно освоил специальность рабочего-щетинщика и стал квалифицированным рабочим в этой

отрасли труда. Эта профессия позволила ему устоять на ногах. Днем он работал, вечером учился. Он связал свою судьбу с профессиональным, а затем политическим движением американского пролетариата. В годы мировой империалистической войны он выступал против тех, кто оправдывал и приукрашивал эту войну, и торопил вступление Соединенных Штатов Америки в битву. Участие в антивоенном, антиимпериалистическом движении было его первой политической школой.

После Великой Октябрьской социалистической революции Л. И. Зубок принимает активное участие в «Лиге друзей Советской России», в возникшем в те годы «Обществе технической помощи Советской России» и других организациях, выступавших в защиту Республики Советов, против империалистической интервенции и за признание Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Молодой рабочий, гордый тем, что на его Родине взошла заря нового мира, с головой уходит в политическую борьбу. Л. И. Зубок участвует в создании Коммунистической партии Соединенных Штатов Америки, в ее первых больших политических битвах. Он становится одним из авторитетных вожakov профсоюзного движения, вступившего в ту пору в полосу больших классовых сражений. Человек редкой скромности, он никогда не рассказывал об этом героическом периоде своей жизни. В его автобиографии коротко сказано: «неоднократно руководил забастовками». За этими немногими словами скрывалась огромная, напряженная, полная опасностей и риска, кропотливого, будничного организаторского труда и отваги, душевной твердости борьба труда против капитала не в теории, а на практике в самой развитой и самой сильной стране капитализма.

Роль Л. И. Зубока в руководстве и организации забастовочной борьбы в США была столь значительной, что она была замечена и должным образом оценена за пределами Америки. В существовавшем в те годы международном центре профессионального движения — Профинтерне с вниманием следили за большой и плодотворной работой Л. И. Зубока в профессиональном движении Америки, за классовыми боями, в которых он участвовал и которыми руководил. В 1924 г. Профинтерн пригласил Л. И. Зубока принять непосредственное участие в работе Красного Интернационала профсоюзов, как он тогда назывался.

В ноябре 1924 г. Л. И. Зубок возвратился в Советский Союз; он стал одним из руководящих работников Профинтерна, с 1924 по 1930 г. работая заместителем заведующего англо-американским сектором Интернационала профсоюзов.

Каждый приходит в науку своим путем.

Еще в Америке молодой профсоюзный руководитель понял, что для успешной борьбы против могущественных противников, противостоящих рабочему классу, — трестов, корпораций, всей

великолепно организованной силы капитализма — необходимы знания, образование, длительное, упорное, настойчивое овладение богатствами культуры и науки, накопленными человечеством. Он работал и учился. В 1918 г. он поступил в университет; в 1922 г. получил степень магистра гуманитарных наук. Возможно, что вначале его занятия в университете в какой-то, может быть, даже значительной мере преследовали практические цели: он хотел быть лучше вооруженным в той непримиримой и трудной борьбе с могущественными противниками — капиталистическими корпорациями США, которую вели профсоюзы, возглавляемые им и его товарищами. Но наука обладает своими законами; ее притягательная сила так велика, что, соприкоснувшись с ней, живой и пылкий ум не может уже от нее оторваться, ее начинаешь ценить и любить независимо от практических задач дня. Получив степень магистра, Л. И. Зубок не прекратил своих научных занятий; напротив, он только входил во вкус. Он подготовил и в 1923—1924 гг. сдал все экзамены на докторскую степень. Уехав в Советский Союз и начав работать в Москве, Лев Израилевич возобновил и продолжил свои научные занятия.

Л. И. Зубок приехал в Москву уже зрелым политическим деятелем с большим опытом классовой борьбы. Он увидел новый мир, Республику Советов, строящую социализм, совсем не похожую на покинутую им 11 лет назад отсталую страну, праздновавшую в тот год трехсотлетие дома Романовых. Нужно ли пояснять, что этот новый мир, мир товарищества и дружбы, окруживший его, стал самым сильным, самым действенным стимулом расцвета научного творчества Л. И. Зубока.

Американский коммунист, приехав в Советскую страну, естественно, стал членом партии Ленина, членом Коммунистической партии Советского Союза. Партия направила Зубока, наряду с работой в Профинтерне, в вузы и комуниверситеты Москвы; ему было поручено чтение нового, еще только создаваемого тогда курса новейшей истории.

Сейчас, полвека спустя после Великой Октябрьской социалистической революции, предмет новейшей истории не вызывает каких-либо сомнений; все разработано — периодизация, построение курса, программа. В 1927 г., через 10 лет после Октября, все было иначе. Тогда еще не только не было устоявшихся программ, еще велись споры о самом содержании курса, а любая из проблем, начиная с германской ноябрьской революции 1918 г., вызвала бесконечные дискуссии. Л. И. Зубоку и было поручено чтение этого нового, не освоенного еще никем исторического курса. Он был зачинателем, пионером, он прокладывал первую трассу по целине, где у него не было и не могло быть предшественников.

Л. И. Зубок начал чтение курсов новейшей истории во второй половине 20-х годов в Комуниверситете им. Я. М. Свердлова, в Комуниверситете трудящихся Китая, в Международной Ленин-

ской школе. Он начинал с партийной аудитории, и это было не случайно. Научное обобщение опыта послеоктябрьских классовых боев было насущной потребностью, необходимостью для партийных кадров, находившихся на переднем крае политической борьбы и призванных намечать новые задачи в объективно изменившихся условиях. То была не академическая задача, а политическая. Наука и политика в этом курсе тесно смыкались.

Прошло немного времени, и курс новейшей истории стал необходимостью и для всех гуманитарных факультетов университетов и педагогических институтов. В 30-х годах Л. И. Зубок начал чтение этого курса в Московском университете, в МИФЛИ и других вузах.

Лекции Л. И. Зубока пользовались большой популярностью. Он не был оратором стиля народного трибуна или политического проповедника; он был скорее рассказчиком, не чуждым тонкой иронии, немного насмешливым. Он почти никогда не повышал голоса, да в этом и не было никакой надобности — его слушали очень внимательно, и он в совершенстве владел искусством удерживать неослабевающий интерес аудитории. Он умел находить слова и интонации — простые, свободные от всякой аффектации, заставлявшие его верить. Это умение владеть аудиторией было результатом не только большого опыта и профессионального мастерства, но и глубокой внутренней убежденности, которая невольно передавалась присутствующим. Вероятно, здесь играла также какую-то роль его личная причастность к тому, о чем он рассказывал. Капитализм был для него не теоретической формулой и не книжным понятием; это были страницы его биографии; он на себе испытал его гнетущую, гибельную силу, умел передавать свои ощущения и связывать их с научно точным изложением анализируемых исторических событий.

Было время — люди старшего поколения это помнят, — когда Л. И. Зубок как лектор был, что называется, «нарасхват». С 1930 г. он ушел из Профинтерна и целиком сосредоточился на научной и педагогической работе. Он был лектором ЦК и МК партии, выступал по острым вопросам международной политики, читал курс новейшей истории на английском языке в Международной Ленинской школе, вел систематический курс в Высшей партийной школе, читал лекции в Университете, руководил аспирантами. На него всюду был «спрос», его приглашали во все высшие учебные заведения, и он должен был постоянно отказываться и отбиваться от настойчивых приглашений.

Секрет этой популярности Л. И. Зубока как лектора был не только в том, что он был создателем этого курса, — вероятно, первым в нашей высшей школе прочел его целиком, от начала до конца, — и справедливо считался в ту пору самым авторитетным знатоком этого периода. Секрет его популярности, его известности — в всегда достигаемом полном контакте с аудито-

рией, а сам этот контакт был результатом и мастерства и исключительно добросовестного, ответственного отношения к каждому выполняемому им делу. Для Льва Израилевича не существовало деления на важные и второстепенные выступления; все выступления, перед любой аудиторией были важными, и к каждому из них он готовился и потому сразу же находил общий язык со слушателями. И если при этом он все делал хорошо, и его снова и снова просили приезжать, то это было возможно лишь благодаря исключительно высокой организованности его труда, точности и методичности его занятий.

Эта замечательная организованность в труде, в распоряжении временем, во всем, — Лев Израилевич был человек удивительно собранный, — и добросовестное, ответственное отношение к любому делу, за которое он брался, позволили ему достичь выдающихся результатов в науке.

Его привела в науку дорога политической борьбы. Он не имел за плечами специальной исторической подготовки — его не взращивали тепличные оранжереи аспирантуры. Я говорю это не в осуждение аспирантуры — жизнь, современные требования науки доказали ее необходимость, — а чтобы подчеркнуть, сколь необычен и труден был путь Льва Израилевича Зубока в науке.

Он работал с исключительной напряженностью и потому многого достиг. Он читал лет 12—15 курс новейшей истории, каждый год его дополняя, совершенствуя и отшлифовывая, раньше чем он решился его опубликовать. Первое издание курса «Новейшей истории» было им издано в 1939 г. Но и после выхода первого издания он продолжал интенсивно работать над его совершенствованием. В 1946 г. Высшей партийной школой при ЦК ВКП(б) были выпущены два тома «Новейшей истории» профессора Зубока, и как они существенно отличались от первого издания!¹

С тех пор как увидели свет эти книги, минуло более 20 лет; жизнь не стояла на месте, в науку вошли молодые научные силы, созданы новые обобщающие труды и исследования по частным проблемам новейшей истории. Но при всем том за профессором Л. И. Зубоком остается непреходящая заслуга перед советской исторической наукой: он был первым, кто создал курс новейшей истории; он был первопроходцем, и это не может быть забыто последующими поколениями исследователей, изучающими эту эпоху.

Свыше 40 лет Лев Израилевич изучал историю Соединенных Штатов Америки в новое и новейшее время. Его первые статьи, посвященные этой проблематике, появились в «Дейли уоркер» и других зарубежных левых изданиях 20-х годов. Он исследовал

¹ В 1948 г. было выпущено новое, частично переработанное издание двухтомного курса лекций Л. И. Зубока по новейшей истории.

разные аспекты сложной многосторонней истории так стремительно вырвавшегося вперед американского капитализма. Это изучение было начато еще в Соединенных Штатах и было продолжено в нашей стране. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что в марксистской историографии Л. И. Зубок был одним из самых крупных специалистов истории США конца XIX — начала XX в.

Его научная требовательность, добросовестность и крайняя тщательность в труде предопределили известную медленность в публикации им своих работ по истории Америки. За долгие годы занятий американской историей Л. И. Зубок выпустил три большие книги: «Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна» (1948 г.), «Очерки истории США (1877—1918)» (1956 г.), «Очерки истории рабочего движения в США, 1865—1918» (1962 г.). Настоящая книга — «Империалистическая экспансия США в начале XX в.» — четвертая книга. Между каждой — интервал в 7—8 лет. Он не спешил, не торопился, он не выпускал скороспелых поделок. Каждая из его работ была сделана добротнo, прочно. Это были полноценные научные исследования большого знатока американской истории.

Была еще одна отрасль исторической науки, в которой Лев Израилевич Зубок по справедливости считался одним из самых авторитетных специалистов. Это история международного рабочего движения. Л. И. Зубок знал ее так глубоко, так основательно — людей, печать, обстоятельства, какие-то только ему одному известные детали, — как, пожалуй, никто иной. Он не часто выступал по этим вопросам, но, когда возникали какие-либо затруднения или сомнения, связанные с разработкой этих проблем, в конечном счете обращались всегда к нему. Так было с двухтомной «Историей Второго Интернационала», подготавливаемой большим коллективом авторов Института истории Академии наук СССР. Трудно сказать почему, да и нет нужды вдаваться в причины, но дело не шло, коллектив давно работал, а труд не подвигался к завершению. Так было до тех пор, пока Л. И. Зубока не пригласили быть главным редактором издания. Он взял руководство подготовкой этого непростого, имевшего особые трудности, издания в свои руки, и работа сразу наладилась. Издание было завершено, книги вышли в свет и получили заслуженно высокую оценку научной общественности.

Лев Израилевич Зубок обладал большим научным и политическим авторитетом. Он создавался его научными трудами, его знаниями, его высокой научной квалификацией ученого-историка широкого профиля, в совершенстве владеющего огромным конкретно-историческим материалом, относящимся к предмету его специальных исследований. Этот авторитет был основан на большой идейной убежденности Л. И. Зубока. Он был человеком принципов и твердых взглядов, которые умел отстаивать. Около

полувек он был в рядах коммунистического движения и до последних дней сохранил партийную страстность, защищая и отстаивая в науке взгляды, в правильности которых был убежден. Искусный полемист, умело использующий острое оружие иронии, он был опасным противником в споре. Он был таким в молодости и полностью сохранил те же боевые качества в последние годы. До конца своих дней он оставался ученым-большевиком, следующим в науке и жизни своим убеждениям и умеющим их отстаивать.

Лев Израилевич Зубок подготовил и воспитал много учеников. Он был ученым щедрых знаний и человеком щедрого сердца. Он любил своих учеников и не жалел для них ни времени, ни труда. Они его тоже любили. Многие из тех, кого Лев Израилевич впервые выводил на дорогу науки, ныне стали крупными учеными.

Время не могло его одолеть; он как-то сумел сделать так, что время как бы расступалось перед ним. В 70 лет физически и духовно он был совершенно таким же, как в 50. Я думаю, что это умение побеждать время и возраст было связано с некоторыми особенностями его характера или его душевного склада, — не знаю, как уж лучше сказать. По своей натуре Лев Израилевич был оптимистом. В любой коллизии с неясным исходом он всегда ожидал хорошего конца. Он был насмешлив, прощив, любил острое словцо. Он был хорошим человеком, любившим людей и видевшим в них лучшее.

Он побеждал время, хотя, конечно, не мог победить смерть. Но настоящий ученый не умирает со своей физической смертью. Сохраняется память о нем, остаются вклад, внесенный им в науку, его ученики, его мысли, его книги. Осталась и эта книга, выходящая с предисловием, написанным не автором, потому что он не успел его написать.

Время все уносит, миновали долгие месяцы. Мы уже приучились, привыкли говорить об ушедшем от нас товарище в прошедшем времени, но книга эта вновь возвращает в строй его мысли, его искания, найденные им решения, и с ее страниц до нас снова доносится его голос, живой голос ученого, большевика, человека.

А. З. Манфред

От редакционной коллегии

Лев Израилевич Зубок успел полностью подготовить двенадцать глав своей монографии. Судя по сохранившемуся плану книги, он не дописал лишь последние две главы.

Редакционная коллегия считает своим долгом выразить искреннюю признательность жене Льва Израилевича — Александре Михайловне Найдю-Зубок, которая после его смерти оказала ценное содействие в издании этой работы.

В подготовке рукописи к печати приняли участие М. М. Блинкова и Л. Ф. Туполева.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭКСПАНСИИ США НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.

Война с Испанией и ее последствия явились поворотным пунктом в истории Соединенных Штатов Америки. В результате этой войны США получили Пуэрто-Рико, Гуам и Филиппины, а также протекторат над Кубой. Окончательно был оформлен захват Гавайских островов. Еще 28 марта 1898 г. Мак-Кинли внес в конгресс объединенную резолюцию об аннексии Гавайев. 15 июня она была принята в палате, 6 июля — в сенате, а 7 июля 1898 г. ее подписал президент. Объединенная резолюция предусматривала аннексию островов в качестве «части территории США», отмену пошлин и запрещение китайцам въезда в США из Гавайев. 12 августа острова были оккупированы и присоединены к США.

Испано-американская война окончательно решила также вопрос о Самоа. Совместный протекторат США, Германии и Англии над Самоа, установленный 14 июля 1889 г., не устранил острого соперничества между державами. Колонизаторы—американцы, англичане и немцы — поддерживали племенную рознь, беззащитно грабили острова, сжигали деревни, убивали беззащитное население. Только 2 декабря 1899 г., в результате острой дипломатической борьбы, удалось добиться заключения договора, который положил конец кондоминиуму. Острова были разделены между Германией и США. Германия получила два самых больших острова — Уполу и Саваи и часть островов восточнее 171° западной долготы. США овладели Тугуилой с гаванью Паго-Паго и всеми остальными островами восточнее вышеуказанной долготы. Англия получила от Германии в качестве компенсации острова Тонга и часть Соломоновых островов, а также некоторые территории в Западной Африке.

Соединенные Штаты, таким образом, превратились в империалистическую мировую державу. Если до конца XIX в. экспансия США происходила только на континенте, за счет вытеснения Англии, Франции и Испании и захвата огромных областей

Мексикой, то к 1900 г. они приобрели территории вне пределов Северной Америки, в том числе и на островах Тихого океана. Резко изменилась экспансионистская политика США как в бассейне Карибского моря, так и в районе Тихого океана. Захват Филиппин превратил США в державу, заинтересованную в проведении откровенно агрессивной политики не только в отношении стран Латинской Америки, но и Китая, который рассматривался экспансионистами как огромной важности потенциальный рынок.

Буквально через четыре месяца после испано-американской войны Теодор Рузвельт в одной из своих речей, произнесенной в Чикаго, обосновал политику захватов. Он сказал: «Мы не можем оставаться в пределах наших границ и открыто признавать себя просто преуспевающими торговцами, которые не интересуются тем, что делается в мире. В борьбе за морское и коммерческое превосходство мы должны крепить нашу мощь вне наших границ. Мы должны построить межокеанский канал и обеспечить себе преимущества, которые дадут нам возможность сказать свое слово в определении судьбы океанов Востока и Запада»¹.

Иначе говоря, экспансионисты мечтали не только о новых рынках в Западном полушарии, но и на огромных пространствах Тихоокеанского побережья Азии, где проживало большинство населения земного шара. Новые экспансионистские планы США определялись не только их стратегическим положением, но и экономическими и политическими интересами.

Известно, что история Соединенных Штатов после гражданской войны — это история быстрого развития капитализма. США по своей промышленной продукции в 1840 г. стояли на пятом месте, в 1860 г. — на четвертом, а в 1894 г. они уже заняли первое место, обогнав в своем развитии все остальные капиталистические страны². Объем продукции США в то время был равен половине объема продукции всех европейских стран и более чем вдвое превышал объем продукции Великобритании. Из страны аграрной США к концу XIX и началу XX в. превратились в высокоразвитую индустриальную страну. А это означало, что темпы развития промышленности все больше обгоняли темпы развития сельского хозяйства. Еще в 1880 г. сельское хозяйство оставалось главным источником национального богатства; согласно же переписи 1890 г., первое место в экономике страны заняла промышленность, а спустя десять лет стоимость промышленной продукции более чем в 3 раза превышала стоимость продукции сельского хозяйства³. К 1900 г. США заняли первое место в мире

¹ Цит. по: Н. С. Hill. Roosevelt and the Caribbean. Chicago, 1927, p. 1.

² L. Huberman. America Incorporated. New York, 1940, p. 3—4; Brooks Adams. America's Economic Supremacy. New York—London—Macmillan, 1900, p. 64—66.

³ Ю. Кучинский. История труда в США с 1789 по 1947 г. М., 1948, стр. 139.

по производству чугуна и стали; они опередили другие страны по добыче угля и газа, по производству меди, по строительству железных дорог⁴. Пример США дает наглядное подтверждение леппинского закона неравномерности экономического и политического развития капитализма.

Исключительная быстрота развития американского капитализма за два с лишним десятилетия после гражданской войны сопровождалась ростом концентрации промышленности и капитала. Именно в этот период появились такие крупнейшие промышленные и финансовые магнаты, как Джон Рокфеллер, Морган, Вандербильт и др. Сотни промышленных предприятий, банков, страховых компаний и железных дорог попали под контроль небольшой кучки магнатов. Характерно, что в начале гражданской войны в США имелось только три миллионера, а к концу XIX в. уже насчитывалось 3800 миллионеров⁵.

«К концу XIX века, — писали Бирды, — американские финансисты полностью установили гегемонию у себя дома и были готовы к внешним завоеваниям... Страна Вашингтона, Франклина, Джефферсона и Джона Адамса стала страной миллионеров, а высшее руководство ее экономикой перешло от владельцев ферм, отдельных предприятий и банков к немногим лицам и учреждениям, находящимся близ ее жизненных центров»⁶.

Алчность новоиспеченных богачей не знала предела. Они не пренебрегали никакими беспринципными и жульническими средствами для того, чтобы добиться контроля над основными богатствами страны. Согласно данным 1890 г., одна восьмая часть населения владела семью восьмыми всего богатства и 1% населения сосредоточил в своих руках больше богатств, чем остальные 99%⁷.

Еще в 1882 г. Ф. Энгельс писал, что концентрация капитала в США происходит со сказочной быстротой⁸. Однако в это время образование трестов находилось еще в начальной стадии. С конца XIX в., когда капитализм США вступил в стадию империализма, процесс концентрации производства, централизации капитала и сращивания банковского капитала с промышленным стал более интенсивным. Появились крупные тресты-гиганты, такие, как «Объединенная стальная корпорация», «Объединен-

⁴ J. Lippincott. *Economic Development of the United States*. New York, 1931, p. 372; A. F. Burus. *Production Trends in the United States since 1870*. New York, 1950, p. 288—289; R. C. McCrane. *The Economic Development of the American Nation*. New York, 1942, p. 397.

⁵ Ch. A. Madison. *Leaders and Liberals in 20th Century America*. New York, 1961, p. 8.

⁶ Ch. A. Beard and M. R. Beard. *The Rise of American Civilization*. New York, 1933, Vol. II, p. 197—198.

⁷ H. B. Parkes. *Recent America*. New York, 1941, p. 6.

⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. *Сочинения*, т. 19, стр. 315.

ная медная корпорация» и др. США превращались в классическую страну трестов и монополий.

Джон Муди, написавший серьезное исследование об американских трестах, считал, что уже в начале XX в. 318 крупнейших предприятий в США обладали капиталом в 7246 млн. долл. и контролировали 5300 промышленных предприятий: $\frac{1}{3}$ капитала контролировалась семью корпорациями⁹. Эти тресты господствовали в производстве табака, нефти, железа, стали, сельскохозяйственных орудий, электрических материалов и т. д. Они приобрели огромную экономическую и политическую силу и уже были организаторами не только производства, но и финансового капитала. Вся политическая жизнь, ее внутренний и внешний курс диктовались кучкой монополистов. «Американские тресты, — писал В. И. Ленин, — есть высшее выражение экономики империализма или монополистического капитализма»¹⁰.

Выросшие монополии не ограничивались организацией системы грабежа, насилия и эксплуатации широких народных масс и расхищением естественных богатств у себя в стране, они стремились также извлекать максимальные прибыли путем закабаления и систематического ограбления народов слабых и отсталых стран, в которых цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырьевые материалы дешевы.

Однако в экспорте капитала американский империализм отставал от своих европейских конкурентов. Это объясняется главным образом тем, что американский капитализм в течение многих десятилетий имел относительно большие, чем европейские страны, возможности эксплуатации внутреннего рынка. Все же, несмотря на обширный внутренний рынок, США начали борьбу за внешние рынки еще до империалистической эпохи. Борьба эта приняла особенно острые формы в эпоху империализма.

К концу XIX в. три главные империалистические державы — Англия, Франция и Германия — инвестировали за границей не менее 35 млрд. долл.: Англия — 20 млрд. долл., приносивших ежегодно доход в 900 млн. долл., Франция — 10 млрд. долл., приносивших доход в 400 млн. долл., Германия — 5 млрд. долл. (по некоторым данным, даже больше), приносивших 250 млн. долл.¹¹ Между тем инвестированный за границей американский капитал в то время составлял только 500 млн. долл.¹² Понятно, такое положение не могло удовлетворить американскую олигархию,

⁹ J. Moody. The Truth about the Trusts. New York, 1904, p. 469.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 94.

¹¹ A. Viallate. Economic Imperialism and International Relations during the Last Fifty Years. New York, 1923, p. 60.

¹² S. Nearing and J. Freeman. Dollar Diplomacy. A Study of American Imperialism. New York, 1925, p. 11—12.

которая мечтала о том, чтобы США стали финансовым центром мира.

Но если по инвестированию капиталов вне пределов страны США еще сильно отставали от других колониальных держав, то по внешней торговле к концу XIX в. они сделали резкий скачок. К 1900 г. экспорт США вырос в четыре раза по сравнению с 1860 г., достигнув суммы в 1 394 483 тыс. долл.¹³ Американские промышленные товары хлынули также в страны Европы. Промышленники и политические деятели европейских стран заговорили о конкуренции США. В прессе появились статьи по поводу «американского нашествия» и «американской опасности»¹⁴.

Непрерывный рост промышленного производства, далеко опередившего потребности внутреннего рынка, неизбежно толкал монополистов США на завоевание внешних рынков. Они мечтали не только о рынках Латинской Америки, но и о возможностях внедрения в страны Тихого океана. «Наиболее подходящими для них являются едва еще початые рынки Китая, Японии и Кореи», — писал в одном из своих донесений посол России в США¹⁵.

Крупные промышленники совершенно открыто и беззастенчиво поднимали вопрос о том, что их обязанностью является «вмешательство во все дела, происходящие за границей, если это вмешательство соответствует их интересам», т. е. если США в этом заинтересованы¹⁶.

В 1898 г. президент американской ассоциации банкиров, выступая на ее годовичном съезде, патетически заявил: «Мы располагаем тремя козырями в борьбе за торговое величие, а именно: железом, сталью и углем. Мы давно уже являемся житницей мира; теперь мы надеемся стать его мастерской, а в дальнейшем — его расчетной палатой»¹⁷.

Таким образом, экономическое процветание США стимулировало развитие империалистической идеологии.

Новые призывы к экспансии, к активному вмешательству во внутренние дела других стран встречали «оппозицию» со стороны представителей «свободного» капитализма, которые еще не успели понять тех социально-экономических изменений, которые произошли в США и во всем мире.

Однако эта «оппозиция» из рядов буржуазии не могла ни приостановить, ни затормозить неизбежного стремления молодого

¹³ Th. A. Bailey. A Diplomatic History of the American People. New York, 1940, p. 459.

¹⁴ V. Shiva Ram. Comparative Colonial Policy, with Special Reference to the American Colonial Policy. New York, 1926, p. 153.

¹⁵ АВПР, ф. Канцелярия. 1900 г., д. 109, т. 1, № 26, лл. 130—131 (Расписки — Муравьеву, 9 марта 1900 г.)

¹⁶ Ch. Denby. The Doctrine of Intervention. — «Forum», Vol. XXVI, 1898, p. 392.

¹⁷ V. Shiva Ram. Op. cit., p. 154.

американского империализма к экспансии. Монополистические круги США выдвинули из своей среды ряд «теоретиков» и политических деятелей, которые в своих речах и трудах стремились обосновать и оправдать империалистическо-агрессивные мероприятия, захват и закабаление чужих стран и народов. В высших учебных заведениях США возникли специальные кафедры так называемого «социального дарвинизма». В Йелском университете такую кафедру возглавил известный американский социолог Уильям Самнер. Другим центром пропаганды расовых теорий стал университет Джона Гопкинса.

Социал-дарвинисты, механически применяя дарвинское учение о борьбе за существование и о естественном отборе в мире животных и растений к объяснению закономерностей общественного развития, фактически создали реакционную буржуазную социологию. Они утверждали, что человек рожден для борьбы за существование, что в этой борьбе выживают только «сильные» и наиболее «приспособленные», слабые же вымирают. Буржуазные общественные отношения рассматривались ими как выражение неизменных естественных законов. Эти теории помогали апологетам капитализма оправдывать социальные несправедливости, эксплуатацию, расовую дискриминацию, милитаризм и империалистическую экспансию. Американские социал-дарвинисты были сторонниками Герберта Спенсера, наиболее видного представителя органического учения об обществе. О популярности Спенсера среди американских буржуазных ученых говорят и цифры, показывающие, насколько широко распространялись его труды в США: с 1860 и до конца 1903 г. работы Спенсера были изданы в США общим тиражом в 368 755 томов¹⁸. Социология Спенсера, выступавшего открытым апологетом британского империализма, изображала общественные явления как своеобразный вид биологических явлений. Поскольку общество, как доказывает Спенсер, подчинено обычным биологическим законам, оно может развиваться только стихийно вне всякого вмешательства человека. Отсюда следует и другой вывод о том, что отношения между классами, свойственные капитализму, якобы носят «естественный» и «вечный» характер.

В своей апологии капитализма Спенсер доходил до расистского утверждения о существовании биологически полноценных и неполноценных народов. Войны, по его мнению, являются столкновениями биологических особей, в которых более сильные побеждают более слабых. Господство англичан над колониальными народами, таким образом, является результатом победы «полноценных» над «неполноценными». В итоге — расистский вывод о превосходстве англосаксов над другими народами.

¹⁸ R. Hofstadter. Social Darwinism in American Thought. New York, 1959, p. 34. Огромное количество трудов не только излагало теоретические взгляды Спенсера, но и содержало серьезную критику.

Как сторонник антинаучной механической теории «равновесия» Спенсер утверждал, что капитализм лишен внутренних противоречий и является совершенным организмом. Классовая борьба рабочих и трудящихся масс против этого «совершенного» и «гармоничного» строя недопустима, ибо она приводит к «нарушению равновесия» социального организма.

Марксизм-ленинизм давно доказал антинаучный и реакционный характер спенсеризма и социал-дарвинизма, механически переносящих биологические законы на область общественных явлений. Он создал подлинную науку об обществе и доказал, что его развитие подчинено своим, особым законам, не сводимым к законам природы. Всякие попытки механически перенести понятия естествознания в область общественных наук марксизм-ленинизм разоблачает как антинаучную, реакционную затею. В. И. Ленин подчеркивал, что «никакого *исследования* общественных явлений, никакого уяснения *метода* общественных наук *нельзя* дать при помощи этих понятий. Нет ничего легче, как наклеить «энергетический» или «биолого-социологический» ярлык на явления вроде кризисов, революций, борьбы классов и т. п., но нет и ничего бесплоднее, схоластичнее, мертвее, чем это занятие»¹⁹.

Реакционный и антинаучный характер учения Спенсера об обществе как нельзя лучше отвечал интересам американских монополистов и их ученых апологетов. Их вполне устраивали его теории об обществе и государстве; его антинаучные расистские теории о «полноценных» и «неполноценных» расах, о «превосходстве англосаксонской расы» над другими народами. Все эти «теории» должны были помочь монополистам США и теоретикам-апологетам американского «образа жизни» оправдать «частное предпринимательство», систему эксплуатации, грабежа и насилия, которые крупные магнаты промышленности и финансов Америки применяли не только в своей стране, но и в колониальных и полуколониальных странах. Формы и методы грабежа крупных трестов-гигантов, захвативших богатейшие природные ресурсы страны, присвоивших себе огромные богатства промышленности и сельского хозяйства, созданные тяжелым трудом рабочих и трудящихся, оправдывались «теорией», что в современном мире выживают наиболее «приспособленные» (the survival of the fittest).

Американские экспансионисты и милитаристы использовали «теории» естественного отбора для оправдания своих расовых взглядов о превосходстве англосаксов. Использование теорий естественного отбора для обоснования милитаризма, империализма и угнетения слабых и малых народов не было новым ни для Европы, ни для США. Американские экспансионисты еще в пе-

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 348.

риод «свободного» капитализма накопили немалый опыт в применении расовых теорий. Достаточно вспомнить карательные экспедиции по захвату земель индейцев и физическому уничтожению огромной части индейских племен. Эти экспедиции отличались необыкновенной жестокостью, беззакониями, мошенническими «сделками» и постоянными преступлениями против индейцев. В борьбе против негритянских масс как на Юге, так и на Севере правящие круги не только унаследовали из арсенала рабовладельцев их идеологическое оружие, но продолжали развивать теории «превосходства белой расы». Во время войны против мексиканского народа экспансионисты США не прочь были оккупировать всю страну. Один из американских экспансионистов тогда писал: «Мексиканский народ теперь увидел на примере аборигенов Севера предназначенную ему судьбу; он должен либо ассимилироваться, либо подчиниться превосходящей мощи англо-американской расы — в противном случае он совершенно исчезнет»²⁰.

Уже в те годы экспансионисты выдвигали лозунг о превращении США в мировую державу («universal Yankee nation»). Так, в 1859 г. сенатор Дейвис из Миссисипи в одном из выступлений патетически заявил: «Наша экспансия может распространиться так широко, что охватит весь мир. Мексика, Центральная Америка, Южная Америка, Куба, острова Вест-Индии и даже Англия и Франция могут быть захвачены нами без всяких затруднений и предрассудков; им надо позволить управлять своими внутренними делами по их усмотрению через местные законодательные учреждения. В этом... заключается миссия республики и ее назначение»²¹.

Ярко выраженным экспансионистом был государственный секретарь Сьюард. Он мечтал о создании великой империи, которая будет господствовать не только в районах Атлантики, но и в огромных пространствах Тихого океана. Выступая в Бостоне 24 июня 1867 г., Сьюард говорил: «Дайте мне только гарантию того, что никогда не произойдет незаконного вооруженного сопротивления... Соединенным Штатам и еще пятьдесят, сорок или тридцать лет жизни, и я обещаю вам установление господства над Американским материком и контроля над всем миром»²².

Эти высказывания говорят о том, что еще до эпохи империализма экспансионисты США мечтали о мировом господстве. Однако в конце XIX — начале XX в., когда США опередили все

²⁰ R. Hofstadter. Social Darwinism..., p. 171—172; J. W. Pratt. Ideology of American Expansion. — In: Essays in Honor of William E. Dood. Chicago, 1935, p. 344.

²¹ Congressional Globe, 35th Congress, 2nd Session, p. 705.

²² Th. A. Bailey. A Diplomatic History..., p. 392; V. J. Farrar. The Annexation of Russian America to the United States. Washington, 1937, p. 113.

другие капиталистические страны в промышленном развитии, проблема рынков сбыта, источников сырья и сфер для инвестиций избыточных капиталов для магнатов промышленности и финансовой олигархии стала весьма острой. США вступают в полосу активной внешней империалистической политики. Господствующие круги страны, используя богатый опыт экспансии в доимпериалистическую эпоху, разрабатывают «большие планы» агрессии, говорят о «цивилизаторской роли» США, развивают «теории» о превосходстве англосаксонской расы и о необходимости в связи с этим борьбы за мировое господство Америки над другими народами. Более чем когда-либо раньше распространяются расовые теории, восхваляется утилитаризм, индивидуализм, культ «сильных», «полноценных» и преуспевающих магнатов. Да и сами магнаты не прочь были использовать «теории» социал-дарвинистов и реакционные идеи Спенсера для оправдания своих методов грабежа и насилия. Так, железнодорожный магнат Джеймс Хилл в специально написанном трактате пытался доказать, что «богатства железнодорожных компаний есть результат действия закона о том, что в борьбе за существование выживают наиболее приспособленные». Джон Д. Рокфеллер также утверждал, что «рост крупных предприятий является лишь победой наиболее сильных в борьбе за существование»²³. Эндрю Карнеги в одной из своих статей, опубликованных в журнале «Норз Америкэн ревю», подчеркивал биологическую основу закона конкуренции. «Как бы ни старались мы возражать против кажущейся жестокости этого закона, — писал он, — он все равно существует, его нельзя избежать, его ничем нельзя подменить; и несмотря на то, что этот закон иногда бывает жесток в отношении отдельных людей, он благоприятен для народа, ибо обеспечивает во всех областях отбор наиболее приспособленных»²⁴.

Расистские теории о «полноценных» и «неполноценных» людях, «культ силы» и восхваление «свободного предпринимательства» в период «золотого века» развития американского капитализма, когда Рокфеллеры, Гульды, Морганы, Вандербильты и им подобные установили безраздельный контроль над государством, создали для финансовой олигархии возможность усилить все формы экономического и внеэкономического принуждения, развивать потогонную систему эксплуатации трудящихся, применять самые суровые меры подавления выступлений рабочего класса. Не удивительно поэтому, что стачечная борьба в США уже в конце XIX в. отличалась крайней ожесточенностью, кровопролитными столкновениями с силами правительства. Луч-

²³ R. Hofstadter. Social Darwinism..., p. 45.

²⁴ Цит. по: W. J. G. H. t. Our Benevolent Feudalism. New York—London—Macmillan, 1902, p. 29.

шим примером в этом отношении является героическая борьба в 80-х годах за 8-часовой рабочий день, закончившаяся частичной победой рабочих. Однако победа эта дорого стоила рабочему классу. Лучшие руководители пролетариата, единственной виной которых была преданность интересам своего класса, были казнены. Во время пульмановской забастовки в 1894 г. предприниматели и правительство использовали против бастующих все средства, которыми располагал государственный аппарат. Забастовка была объявлена незаконной, и ее лидеры во главе с Дебсом были брошены в тюрьму.

Но как ни сложна была для монополистической буржуазии разработка форм и методов борьбы с рабочими и трудящимися массами внутри страны, еще более сложным оказалось для них теоретически обосновать экспансионистскую, агрессивную политику подчинения диктату США других народов. Речь шла о том, чтобы покончить со старой, традиционной политикой изоляционизма и невмешательства во внутренние дела других стран и народов. А внутри страны, не только в рядах рабочего класса, но и в лагере самой буржуазии еще было немало политических деятелей, которые выступали против милитаризма, империализма, экспансионизма и войны в целях покорения и угнетения других народов. Среди них были Карл Шурц, Мурфильд Сторей, Джеймс Брайс, сенаторы Хор и Петтигрю и многие другие.

В условиях империализма, когда территориальный раздел мира был завершен, вопрос мог стоять только о переделе уже захваченных другими империалистами территорий. США, как известно, опоздали к разделу мира. Экспансионисты США поэтому особенно жадно добивались колоний. Они боролись за установление своего монопольного влияния в Западном полушарии. Под флагом борьбы за «освобождение Кубы» они развязали первую империалистическую войну против Испании. Мечом и огнем они подавили национально-освободительное движение на Филиппинах. Кубу они превратили в свою полуколонию. Империалисты США настойчиво боролись за установление своего монопольного влияния в Китае и в других странах Азии. Реализация этих экспансионистских планов неизбежно влекла к столкновению с другими колониальными державами, превращению страны в милитаристскую державу, отказу от старых демократических свобод и т. д.

На помощь монополистической буржуазии в разработке экспансионистских планов пришла группа ученых, среди которых были историки, экономисты и социологи. Группа эта представляла собой своеобразную «интеллектуальную элиту», проводившую активную пропаганду экспансионизма, развивавшую «теории» о превосходстве англосаксонской расы и о необходимости в связи с этим для США занять в мировой политике место «лидера среди лидеров». К этой же группе примыкал ряд поли-

тических деятелей, среди которых руководящую роль играли Теодор Рузвельт, Генри Кэбот Лодж, Джон Хэй и др.

Деятельность этой «элиты» началась еще до войны США против Испании и продолжалась в послевоенные годы, когда американские империалисты устанавливали колониальный режим на Кубе и Филиппинах и приняли активное участие в подавлении национально-освободительного движения в Китае. Среди историков США появилась так называемая «англосаксонская школа», которая, ссылаясь на «уроки» истории и на биологию, старалась доказать неоспоримое превосходство англосаксов, кому было предназначено играть роль «цивилизаторов». Школа эта находилась также под влиянием английского историка Э. А. Фримена. В своих трудах он развивал бредовые идеи о превосходстве англосаксонской расы и доказывал, что она унаследовала лучшие традиции греков, римлян и древних германцев. Герберт Бэкстер Адамс организовал в университете Джонса Гопкинса исторический семинар по изучению американских институтов. Важнейшим лозунгом семинара оказалась идея Фримена о том, что «история является политикой прошлого, а политика — современной историей» («History is past politics and politics is present history»). Целое поколение историков находилось под влиянием этой новой «англосаксонской школы». Известный американский историк Генри Адамс, вспоминая свои ранние годы, писал: «Я охотно бросился в объятия представителей англосаксонской исторической школы»²⁵. Руководящей идеей «англосаксонской школы» являлось утверждение о том, что происхождение так называемых «демократических институтов» Англии и США необходимо искать у древних германцев²⁶.

Исторический семинар в университете Джонса Гопкинса не был единственным в распространении идей англосаксонизма. Такие же идеи распространялись профессором А. В. Хартом в Гарвардском университете, А. Д. Уайтом и М. Тайлером в Корнельском университете и Дж. Барджессом — в Колумбийском. В 1890 г. Джеймс К. Хосмер опубликовал книгу «Краткая история англосаксонской расы», в которой излагались основные «концепции» «англосаксонской школы». Говоря о «превосходстве» англосаксов над другими народами, Хосмер утверждал, что темпы их развития будут настолько быстрыми, что они неизбежно займут территории не только Нового света, но и другие районы мира, в том числе Африку и Австралию. В заключении своей работы Хосмер писал: «Одной из неизбежных проблем будущего явится проблема нашего первенствования в мире. Английские

²⁵ The Letters of Henry Adams. Boston, 1930, Vol. II, p. 532.

²⁶ См. E. N. Saveth. Race and Nationalism in American Historiography: the Late Nineteenth Century. — «Political Science Quarterly», September 1939, N 3, p. 421—441.

общественные учреждения, английский язык, английское понимание мира сделаются основными характерными чертами политической, социальной и интеллектуальной жизни человечества»²⁷.

Несколько позже появились труды другого «теоретика» расового превосходства англосаксов, историка и социолога Джона Барджесса. После окончания высшего учебного заведения в США Барджесс продолжал учиться в Германии. В Лейпциге, Гёттингене и Берлине он усвоил все то, что было создано прусскими пангерманцами. По возвращении в США он обосновался в Колумбийском университете, где активно участвовал в создании специального факультета политических наук (political science). В своих произведениях Барджесс доказывал, что только немцы и англосаксы способны и должны руководить миром. «Большая часть земли, — писал Барджесс, — населена народами, которые не сумели образовать цивилизованные государства, которые по существу неспособны выполнить эту задачу и которые должны поэтому оставаться в состоянии варварства или полуварварства до тех пор, пока политически развитые народы не выполнят для них задачу по организации государства.

Такое положение вещей возлагает на политически развитые народы обязанность не только ответить на призыв остальных народов о помощи и руководстве, но также заставить эти народы подчиниться их организации любыми средствами, которые они по справедливости найдут необходимыми для выполнения этой задачи»²⁸.

Барджесс считал, что долгом англосаксов является установление «порядка» в других странах, народы которых хотя и достигли определенного уровня развития, но доказали свою неспособность к самостоятельной государственности. В интересах цивилизации, по мнению этого расиста, высшая раса обязана вмешиваться в дела других народов, ибо «на всей земле должен царить закон и порядок»; при этом государства «высшей расы» «могут по праву устанавливать суверенитет над ними и создавать государственный порядок»²⁹.

Таким образом, Барджесс шел дальше своих предшественников. Он проповедовал насильственную интервенцию с целью подчинения народов малых стран законам государства «высшей расы». Эта «теория» Барджесса была широко использована государственными деятелями США и в первую очередь его уче-

²⁷ Цит. по: R. Hofstadter, *Social Darwinism...*, p. 174 (J. K. Hosmer, *A Short History of Anglo-Saxon Freedom*, New York, 1890, p. 308).

²⁸ J. W. Burgess, *Political Science and Comparative Constitutional Law*. Boston — London, 1890. Vol. I, p. 45—46. — In: J. W. Pratt, *Expansionists of 1898. The Acquisition of Hawaii and the Spanish Islands*. Baltimore, 1936, p. 9.

²⁹ J. W. Pratt, *Expansionists of 1898*, p. 9—10.

ником Теодором Рузвельтом для оправдания своих интервенционистских, захватнических действий в странах Латинской Америки и на Дальнем Востоке.

Барджесс выступал за сближение США не только с Англией, но и с Германией. Единство англосаксонских стран являлось для него своеобразной гарантией сохранения расовых черт и тех политических институтов, которые были ими созданы. Он с пренебрежением относился к народам юго-восточных стран Европы, к ирландцам и к другим иммигрантам не англосаксонского происхождения, считая, что главным образом они виновны в развитии стачечного движения в США. Массовые стачки 80—90-х годов привели к усилению полицейских сил, чиновничье-бюрократического аппарата, что в свою очередь, по мнению Барджесса, означало ущемление демократических свобод. Таким образом, вину за расширение военно-полицейского аппарата и за нарушение конституционных прав в годы подъема массового движения Барджесс возлагал не на монополистов США, а на рабочих-иммигрантов.

Другим видным историком-расистом, проповедовавшим «теорию» превосходства англосаксов и «предопределения судьбы», т. е. того, что судьба американцев предрешена и они должны господствовать над остальными народами, — был Джон Фiske. Находясь под сильным влиянием эволюционной теории Спенсера, Фiske в своих работах проповедовал превосходство арийцев над другими расами, восхвалял англосаксонские институты.

Ярый сторонник расизма, Фiske считал, что в будущем американская нация сможет прокормить по крайней мере 700 млн. человек. В Африке она построит процветающие города, железные дороги, телеграф и т. д. Англосаксонская цивилизация распространится на все континенты. Такова судьба, предназначенная этой расе. В 1885 г. Фiske опубликовал ряд очерков в журнале «Харперс мэгэзин» под названием «Предопределение судьбы» («Manifest Destiny»). В одном из этих очерков он писал: «Есть достаточно оснований для общего заключения о том, что делу, начатому английской расой с периода колонизации Северной Америки, суждено продолжаться до тех пор, пока все страны на земном шаре, которые до сих пор еще не приобщены к старой цивилизации, не станут английскими по языку, религии, своим политическим обычаям и, в значительной степени, по крови населяющих их народов. Близок день, когда $\frac{4}{5}$ человечества смогут проследить свою родословную до английских предков, как это может сделать в настоящее время $\frac{4}{5}$ населения США. И эта раса, распространившаяся на оба полушария, от восхода солнца до его захода, сможет удерживать власть над морем и господствующее положение в торговле, которые она начала завоевывать в те времена, когда Англия впервые простерла свои руки через Атлантический океан к берегам Виргинии и

Массачусетсу»³⁰. Как и Барджесс, Фиске с пренебрежением относился к выходцам из Юго-Восточной Европы и даже возглавлял Иммиграционную лигу, которая агитировала за запрещение иммиграции из стран Южной и Восточной Европы³¹.

Другой автор, Дж. Стронг, опубликовал в том же году небольшую книгу³², в которой доказывал те же идеи, но основывался на религии. Об англосаксах Стронг писал: «...Эта раса, обладающая непревзойденной энергией, имеющая за собой всю мощь громадных богатств, являющаяся, надо надеяться, носительницей великих свобод, чистого христианства и наивысшей цивилизации, раса, в которой разовьются особые агрессивные черты, рассчитанные на то, чтобы привить свои учреждения всему человечеству, распространить свое господство на весь земной шар. Если я правильно предсказываю, эта могущественная раса продвинется в Мексику, Центральную и Южную Америку, на острова океана, в Африку и дальше...»

В заключение Стронг спрашивал: «Есть ли какое-нибудь основание сомневаться в том, что эта раса, в том случае, если она не будет лишена жизненных сил благодаря алкоголю и табаку, предназначена для того, чтобы одни слабые расы вытеснить, другие ассимилировать и переделывать остальные до тех пор, пока действительно все человечество не будет англосаксонизировано»³³.

Работы Барджесса, Фиске и Стронга распространялись большими тиражами. Книга Стронга «Наша страна» была издана на английском языке тиражом в 170 тыс. экземпляров; кроме того, она была переведена на несколько иностранных языков.

Стронг не был единственным христианским проповедником англосаксонизма. Религиозные журналы, представляющие интересы различных христианских организаций, выступали со статьями и трактатами, в которых развивали «теории» о «справедливом империализме» («The Imperialism of Righteousness»). Так, преподобный Дж. Барроус опубликовал в 1898 г. свой курс лекций («The Christian Conquest of Asia»), в котором доказывал, что распространение американских торговых интересов на страны Тихого океана тесно связано с внедрением христианства. Он писал: «...Подобно древнему Израилю мы поставлены богом в центре народов... К западу же от нас лежит неизмеримо обширный азиатский мир, который, пробудившись от сна, объеди-

³⁰ J. W. Pratt. *Expansionists of 1898*, p. 4—5. Один из старых проповедников экспансионизма, Салливан, даже считал, что английский язык, «безусловно, станет общим языком всего человечества» (*Ibid.*, p. 5).

³¹ E. P. Oberholtzer. *A History of the United States since the Civil War*. New York, 1937, p. 740.

³² J. Strong. *Our Country: Its Possible Future and Its Present Crisis*. New York, 1885.

³³ J. Strong. *Op. cit.*, p. 208—227; J. W. Pratt. *Expansionists of 1898*, p. 5—6.

нится с Америкой, с тем чтобы превратить Тихий океан в основную магистраль мировой торговли... И в том, что на языческих берегах звучат проповеди наших миссионеров, осуществляется предначертание судьбы христианской республики»³⁴.

Понятно, когда речь идет об экономическом завоевании Азии, то Гавайи, Филиппины и другие острова Тихого океана не могут быть исключением. Тем более что они имеют большое значение, являясь стратегическими базами как для религиозных, так и для коммерческих и военных целей «высшей расы». Далеко не все религиозные организации и их издания выступали за насильственную экспансию. Но их «теоретические» высказывания и практическая деятельность американских миссионеров в странах Дальнего и Ближнего Востока фактически помогали расчищать почву для воинствующих экспансионистов.

Большую роль в «интеллектуальной элите» конца XIX — начала XX в. играли историки братья Адамсы. Генри Адамс склонен был больше к кабинетной, академической работе. Он стал одним из наиболее видных историков своего времени и оказал значительное влияние на формирование взглядов историков «англосаксонской школы». Им был организован в Гарвардском университете один из первых исторических семинаров, от участников которого требовалась работа над архивными документами. Под его руководством Генри Робот Лодж, ставший в дальнейшем ярким экспансионистом, писал реферат об англосаксонском праве. Генри Адамс работал не только в архивах США, но и Англии, Франции и Испании. В течение многих лет он редактировал журнал «Норз Америкэн ревю». В своем 9-томном капитальном труде («The History of the United States of America during the Administrations of Thomas Jefferson and James Madison», 1889—1891) и в других трудах Адамс большое внимание уделяет экономике. Он вообще считал, что важнейшими проблемами истории являются экономические. В этом отношении Адамс был не только спенсерianцем, но и своеобразным детерминистом и сторонником превосходства англосаксов. Он считал, что для изучения закономерности общественного развития нет необходимости увлекаться историей соперничающих европейских народов. Для этого лучше всего заняться изучением экономического развития великой демократической державы (т. е. США).

Следуя идее Спенсера о борьбе за существование, Адамс решительно демонстрировал свое восхищение духом милитаризма. Он писал: «Если война сделала человека жестоким, она сделала его по крайней мере сильным — она воспитала в нем качества, наиболее ценные в борьбе за существование... Война со всеми ее ужасами может привести не только к деградации, но и к очищению. Она имеет дело с возвышенными побуждениями и шпро-

³⁴ Цит. по: J. W. Pratt. Expansionists of 1898, p. 281.

кими интересами, воспитывает мужество, дисциплину и строгое чувство долга. . .»³⁵

Как истый аристократ и спенсерианец, Г. Адамс ненавидел классовую борьбу, с пренебрежением относился к спекулянтам и крупным промышленно-финансовым корпорациям, считая, что они по своему характеру являются угрозой для общества. Одновременно он с ненавистью относился к тред-юнионам, не стесняясь, писал: «Я с радостью думаю о том, что умру прежде, чем мною будут управлять тред-юнионы двадцатого века»³⁶.

В отличие от своего брата Брука Адамс увлекался не только научной работой, но и политической деятельностью, был активным участником кружка Рузвельта—Лоджа. Его теоретические работы, написанные под влиянием эволюционной теории, преследовали определенную цель показать, что по закону эволюции и в результате экономических успехов США должны занять господствующее в мире положение. В 1896 г. Бруке Адамс выпустил книгу под названием «The Law of Civilization and Decay». В 1900 г. — «America's Economic Supremacy», в 1902 г. вышла в свет его работа «The New Empire», в 1913 г. — «Theory of Social Revolutions» и т. д.

Бруке Адамс придерживался так называемой «циклической теории» развития истории (the cyclic theory of history). Он считал, что общество развивается от варварства к цивилизации и обратно, «от физической раздробленности к концентрации и затем вновь к распаду». Согласно этой «теории», против которой в 1943 г. выступил Бирд, американская демократия обречена в будущем на деградацию и упадок. В своей книге «Закон цивилизации и упадка» Адамс утверждал, что центр торговли неуклонно продвигался на Запад; от пересечения дорог к востоку от Константинополя, через Венецию, Амстердам и, наконец, к Лондону. Это движение происходило согласно закону о плотности населения и развития новой централизованной техники торговли и промышленности.

В то же время, говоря о развитии США, которые бесспорно завоюют мировое господство, Бруке Адамс опасался того монопольного положения, которое все больше приобретали финансово-промышленные магнаты.

Когда вышла работа Брука Адамса «America's Economic Supremacy», Лодж сразу же послал экземпляр этой книги президенту Мак-Кинли, характеризуя ее «как одно из наиболее блестящих и интересных исследований спорных проблем современного экономического положения и политики экспансии»³⁷.

³⁵ См. H. Fish. The American Historian. A Social-Intellectual History of the Writing of the American Past. New York, 1960, p. 170.

³⁶ Ibid., p. 178.

³⁷ См. H. K. Beale. Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power. New York, 1962, p. 82.

В книге приводятся данные, показывающие экономическое развитие капиталистических стран во второй половине XIX в. Великобритания, занимавшая в течение многих десятилетий главенствующее положение в мире, теперь как в экономическом, так и в политическом отношении вступила в полосу деградации. В результате нарушенным оказался баланс мировых сил. Отсюда вывод, что США, догнавшие и перегнавшие все другие державы по уровню развития производительных сил, должны занять место Англии как мировая держава. «Экономический центр цивилизации, — утверждал Брукс Адамс, — находился в движении, и до тех пор, пока он снова не остановится в своем движении, спокойствие не вернется. Все признаки указывают на приближающееся господство США, но, как всегда, господство сопряжено не только с триумфами, но и с жертвами, и удача редко улыбалась тому, кто, помимо энергии и настойчивости, не был вооружен, организован и смел»³⁸.

Брукс Адамс призывал не только к усилению военной мощи США, но и к активизации экономической экспансии США. Без настойчивой борьбы за мировые рынки, по его мнению, добиться мирового господства невозможно. Больше всего он призывал к завоеванию рынков Восточной Азии, которые должны быть превращены «в часть экономической системы» США. Важнейшей проблемой для США он считал Китай с его огромными потенциальными рынками. Он доказывал, что, если США не захватят китайские рынки, они сами могут погибнуть. Если же они завоеуют их, они станут «более могущественными и богатыми, чем когда-либо были Англия, Рим или Константинополь»³⁹. Адамс предвидел день, когда далеко идущие интересы США включат в сферу своего действия весь бассейн Тихого океана, который станет их «внутренним морем».

Что касается возможных столкновений с другими развивающимися державами в целях сохранения «баланса» сил, то Адамс считал, что в ближайшем будущем главной опасностью для США является Германия. Однако примерно через пять десятилетий, по его мнению, в мире останутся только две великие державы: Россия и США. Опасаясь больше всего возможного столкновения между этими державами и считая, что «мировая экономика не может потерпеть возникновения двух центров сосредоточения богатства и власти», он продолжал настаивать на все большем военном укреплении США.

Большое влияние на развитие идеологии экономической и империалистической экспансии США оказал адмирал Альфред Т. Мехэн. Он был теоретиком и практиком и еще в начале

³⁸ B. A d a m s. *America's Economic Supremacy*. New York—London—Macmillan, 1900. p. 169—170.

³⁹ B. A d a m s. *America's Economic Supremacy*, p. 51; H. K. B e a l e. *Op. cit.*, p. 164.

90-х годов выступал с трактатами, в которых пропагандировал экспансионистские теории, доказывал, что США, «хотя бы они этого или нет», вынуждены в результате сложившихся обстоятельств развернуть активную внешнюю политику экспансии. Причем для Мехэна экономическая экспансия неотделима от необходимости укрепления военно-морской силы США. Он рьяно выступал за строительство канала, за аннексию Гавайских островов, утверждая, что они имеют огромное стратегическое значение для борьбы за Тихий океан, писал о необходимости для США установить безраздельный контроль над Карибским бассейном, агитировал за захват Филиппин и других островов на Тихом океане, важных в стратегическом отношении, за проведение активной империалистической политики в странах Азии, в первую очередь в Китае. Еще в 1890 г. он выпустил книгу⁴⁰, в которой требовал построить мощный флот, ибо, по его словам, без флота ни один народ не может добиться влияния в международной политике. За этой работой последовали другие, в которых Мехэн проповедовал свои империалистические взгляды. Он утверждал, что создание мощного флота и прорытие канала, связывающего оба океана, требует разработки особой программы. Реализация этой программы приведет к тому, что США станут обладателями основных стратегических позиций, дающих им господствующее положение на морях. В этом отношении США должны в первую очередь обеспечить за собой неограниченный контроль над Карибским бассейном.

Мехэн сожалел, что стратегические позиции в Карибском бассейне в то время все еще находились в руках иностранных держав. США необходимо, утверждал он, «проявлять все свое искусство», для того чтобы завладеть ими, ибо «в Карибском море находится стратегический ключ к двум великим океанам — Атлантическому и Тихому, — нашим главным морским границам»⁴¹.

«Группа островов Карибского моря, — писал Мехэн, — представляет один из самых важных центров европейской цивилизации, и надо сожалеть о том, что значительная часть этих островов находится теперь в руках, которые не только никогда не дали, но, очевидно, никогда не смогут дать им возможности развиваться так, как того требуют общие интересы»⁴².

Овладение этими островами и новая экспансионистская политика, намеченная Мехэном и другими «теоретиками» англосаксонизма, неизбежно влекли за собой усиление агитации за строи-

⁴⁰ A. T. Mahan. The Influence of Sea Power upon History 1660—1783. Boston, 1890; 2nd ed. — 1898.

⁴¹ Цит. по: J. Carter. Conquest; America's Painless Imperialism. New York, 1928, p. 95.

⁴² A. T. Mahan. The Interest of America in Sea Power, Present and Future, Boston, 1897, p. 261.

тельство межокеанского канала. Мехэн и его друзья мечтали о времени, когда перешеек, разделяющий два океана, соединит их. «Вход в Карибское море и переход через него к перешейку, — писал Мехэн, — являются двумя наиболее важными пунктами, дающими возможность использовать преимущества этого перешейка. Поэтому в случае войны контроль над ними явится не менее важным, чем контроль над самим каналом, подход к которому зависит от них»⁴³.

Ссылаясь на «доктрину преобладающих интересов», экспансионисты требовали, чтобы США не только добились права сооружения, но и управления и обороны канала. Они ссылались на то, что США не могут иначе обеспечить свои особые интересы⁴⁴, которые безусловно перевешивают сумму международных интересов. Касаясь территорий Карибского бассейна, которые принадлежали другим государствам, они доказывали, что, исходя из преобладающих интересов США, территории эти должны в конечном счете перейти к США.

Строительство крупного флота, борьба за монопольное владение каналом, захват Гавайских островов, а затем и Филиппин рассматривались империалистами Америки как начало большого плана дальнейшей экспансии на Тихом океане, в первую очередь в Китае. Сама судьба, говорили они, «предначертала» для США огромные возможности за океаном. Империалисты США придавали огромное значение вопросу утверждения своего господства над Филиппинами, которые они рассматривали как важнейший плацдарм для проникновения в Китай и страны южных морей. Они уже тогда мечтали о превращении Тихого океана в «американское озеро».

По мнению Мехэна, Тихий океан должен был стать крупным центром торговли и ареной гигантской борьбы между народами Востока и Запада. Он рисовал угрожающие перспективы, утверждая, что может наступить такой момент, когда «огромные массы Китая, теперь инертные, могут подчиниться одному из тех импульсов, которые в прежние века сметали цивилизацию волной варварских нашествий. Великие армии Европы, существование которых так часто считают предосудительным, могут оказаться предназначенными судьбой послужить барьером против этого грандиозного нашествия... Но Китай может сломать

⁴³ Ibid., p. 299.

⁴⁴ О строительстве межокеанского канала в журнале «The Annals of the American Academy of Political and Social Science» (Vol. VII, N 1, January 1896, p. 28) появилась интересная статья. Ее автор, Кизби, между прочим, откровенно писал: «Мы, американцы — ветви англосаксонского ствола — также являемся расой, жадной до земли, и уже в пору нашего младенчества мы заявили, что все Западное полушарие, за исключением британских владений и при номинальном признании претензий Испании и Португалии, в действительности принадлежит нам».

эти барьеры как на Востоке, так и на Западе, как к Тихому океану, так и к Европейскому континенту»⁴⁵.

В таких условиях, писал Мехэн, не столько армии Европы, сколько мощный флот Соединенных Штатов Америки может играть решающую роль, преградив путь этому нашествию.

«Что бы ни случилось, — заключал Мехэн, — на долю морской силы в эти дни, как и всегда в истории, выпадает ведущая роль, и США благодаря своему географическому положению должны стать одним из фронтов, от которого как от базы будут оперировать морские державы цивилизованного мира»⁴⁶.

В отличие от некоторых других «теоретиков» экспансионизма того времени, которые полагали возможным примирить экспансию со старой традиционной политикой изоляционизма, Мехэн считал необходимым переход США к новому, более решительному внешнеполитическому курсу. Соединенные Штаты, писал он в 1894 г., должны «отказаться от политики изоляции, которая вполне отвечала интересам их детского периода», и взять на себя обязательства, прежде являвшиеся неразумными, в осуществлении стоявшей перед нацией «неизбежной задачи и приходящейся на ее долю части работы по поддержанию общих интересов цивилизации»⁴⁷.

Взгляды Мехэна и других «теоретиков» экспансионизма, выражавшие интересы определенных групп новой промышленно-финансовой олигархии США, уже тогда мечтавших о мировой гегемонии, оказали большое влияние на политических деятелей типа Лоджа, Теодора Рузвельта, Джона Хэя, Уильяма Тафта и многих других. Стремление к захватам, пропаганда расового превосходства англасаксов, борьба за создание мощного флота, оправдание и даже агитация за открытую интервенционистскую политику и войну с целью захвата военно-морских баз и установление экономического и политического протектората над слабо развитыми странами и т. д. — все это объяснялось «учениями» о «предопределении судьбы», заключавшемся в «естественности, необходимости и неизбежности» экспансии, о «бремени белого человека» и другими «теориями», которые были разновидностями «теории» расового превосходства.

Один из поклонников Мехэна, Альберт Шоу, издатель журнала «Ревю оф ревюс», в течение 1897—1898 гг. написал много передовых статей, призывая ускорить аннексию Гавайских островов, принять все необходимые меры для строительства межконтинентального канала, добиться контроля над основными островами Карибского бассейна. Все это необходимо, указывал Шоу, для того чтобы США в конечном счете стали хозяином в Тихом

⁴⁵ A. T. Mahan. The Interest of America in Sea Power, p. 31—32.

⁴⁶ Ibid., p. 123—124.

⁴⁷ Цит. по: F. R. Dull. America's Rise to World Power, 1898—1954. New York, 1955, p. 33.

океане, который в ближайшем столетии «станет театром важнейших событий»⁴⁸.

Отражая взгляды экспансионистов того времени, еще более откровенно высказывалась газета «Вашингтон пост». Она писала: «Очевидно, к нам пришло новое сознание — сознание нашей силы, а с ним вместе и новый аппетит — стремление показать эту силу. Его можно сравнить с тем действием, которое оказывает на животное вкус крови... Честолюбие, выгоды, земельный голод, гордость, радость борьбы, какова бы она ни была, — все это дает нам новые ощущения. Мы стоим перед лицом неизвестной судьбы. Наш народ ощущает жажду захватов, подобную той жажде крови, которая царит в джунглях. Это означает, что будет проводиться империалистическая политика и что возрожденная республика займет подобающее ей место среди вооруженных наций»⁴⁹.

Характерно, что ярый экспансионист сенатор Альберт Бевридж в одной из своих речей говорил, что вступление США на путь колониального господства было «неизбежным»: «Оно определялось быстро возрастающим могуществом, нашими торговыми потребностями и, главное, долгом, который возлагает на нас весь мир как на цивилизованную силу»; раз вступив на этот путь, США никогда не отступят, а будут неизменно стремиться вперед. «Если кто-нибудь лелеет иллюзорную надежду на то, что американское правительство когда-нибудь будет изгнано из наших владений, — продолжал он, — пусть он ознакомится с религиозными убеждениями этого христианского народа... Пусть он, кроме того, вспомнит историю и изучит наш расовый инстинкт. Нет! Наш флаг нигде не будет спущен. Мы не откажемся от нашего долга установить правительство порядка для других народов»⁵⁰.

Победа США в войне с Испанией, а затем и первые успехи в проведении экспансионистской политики в Мексике, на Кубе и при разрешении венесуэльского кризиса придали еще больше смелости открытым империалистам, «вскружили голову» американским политикам. «Никто не в состоянии, — говорилось в донесении Ламсдорфу, — поглотить все более и более разыгрывающиеся аппетиты, направленные к поглощению все новых территорий...»⁵¹ Экспансионисты говорили о Соединенных Штатах

⁴⁸ Цит. по: J. W. Pratt. *Expansionists of 1898*, p. 223.

⁴⁹ Цит. по: A. K. Weinberg. *Manifest Destiny. A Study of Nationalist Expansionism in American History*. Baltimore, 1935, p. 289; *Congressional Record*, 55th Congress, 2nd Session, Vol. XXXI, p. 573.

⁵⁰ Цит. по: A. K. Weinberg. *Op. cit.*, p. 278; см. также: «*The Annals of the American Academy of Political and Social Science*», Vol. XXX, 1907, p. 4, 6.

⁵¹ АВПР. ф. Канцелярия. 1898 г., д. 113, № 800, лл. 23—24 (Из письма консула В. Теплова (Нью-Йорк) от 22 мая 1898 г.).

как о «ведущем факторе» в мировой политике, как о «лидере над лидерами», как о стране «во главе народов». Расист Бевридж утверждал, будто бог сотворил американский народ для того, чтобы он привел мир к возрождению; что он должен стать арбитром во всех международных конфликтах. «Бог не мог, — говорил он, — в течение тысячи лет готовить народы, говорящие на английском языке... только для пустого и ленивого созерцания и самолюбования. Нет! Он сделал нас искусными организаторами, которые должны установить порядок в мире, где царит хаос. Он вселил в нас дух прогресса для того, чтобы мы победили силы реакции на всем земном шаре. Он сделал нас сведущими в управлении с тем, чтобы мы могли руководить дикими и беспомощными народами. Если бы не эта сила, мир впал бы в состояние варварства и тьмы. И из всех рас он указал на американский народ, который должен в конечном счете привести к возрождению мира»⁵².

Это высказывание вряд ли требует комментариев. Перед нами законченная теория расового превосходства англосаксов для оправдания агрессивно-империалистических стремлений к мировому господству. Вряд ли эти «теории» отличаются от расистских учений пангерманизма, современных неофашистов или американских агрессоров, выступающих против свободолюбивых народов Азии, Африки и Латинской Америки.

Не менее ревностным защитником империалистических вождельей американской финансовой олигархии, чем Бевридж, был сенатор Генри К. Лодж. Он не стеснялся открыто говорить об экспансии, политической и экономической. В отличие от своих единомышленников Лодж не пытался прикрывать американские захваты ссылками на необходимость «помочь» другим народам научиться самоуправлению, добиться «благополучия» и т. д. Он самым откровенным образом говорил, что прежде всего экспансия необходима для благополучия американского народа, т. е. для промышленно-финансовой олигархии. Поклонник Мехэна Лодж в сенате и вне его энергично выступал за необходимость укрепления военно-морского могущества США, приобретение баз, за господство на морях. «Власть на море, — заявил он, — являлась в истории одной из контролирующих сил. Ни одна из наций не была по-настоящему великой без морского могущества»⁵³.

Еще до испано-американской войны Лодж активно выступал за аннексию Гавайских островов, усиление влияния США в Самоа, за приобретение не только Виргинских островов, принадлежавших Дании, но и Гренландии.

⁵² Из его речи в сенате США в январе 1900 г. (Congressional Record, 56th Congress, 1st Session, Vol. XXXIII, p. 711; A. K. Weinberg. Op. cit., p. 308).

⁵³ Цит. по: J. W. Pratt. Expansionists of 1898, p. 205.

Ссылаясь на могущество Великобритании, основанное на большом торговом и военном флоте, на владении обширной колониальной империей и стратегическими базами, расположенными по всему миру, Лодж считал, что США должны добиться и добьются господства на морях, используя для этого все возможности. Недовольный недостаточно решительной и агрессивной политикой США до испано-американской войны, он опубликовал статью в журнале «Форум» за март 1895 г. под заголовком «Our Blundering Foreign Policy».

Характеризуя политику президента Кливленда как «политику отступления и капитуляции», он обвинял его в желании передать Самоа Великобритании, в проведении слишком нерешительной политики на Ближнем и Дальнем Востоке, в забвении экспансионистской политики Джефферсона и Джексона. Далее Лодж развернул программу экспансионистской политики, которую, по его мнению, США должны проводить. «... От Рио-Гранде до Ледовитого океана, — писал Лодж, — должен существовать единый флаг и одна страна. Ни расы, ни климат не мешают этому расширению, а все соображения национального роста и национального благосостояния этого требуют. В интересах нашей торговли и полного нашего развития мы должны построить канал через Никарагуа, а для защиты этого канала и ради установления нашего торгового превосходства на Тихом океане мы должны контролировать Гавайские острова и удерживать свое влияние в Самоа. Англия усеяла Вест-Индию укреплениями, представляющими угрозу для нашего Атлантического побережья. Мы должны иметь на этих островах хотя бы одну сильную морскую базу, и когда канал через Никарагуа будет построен, нам нужна будет Куба...»

Вновь подтверждая свою мысль о необходимости постройки могущественного флота для защиты интересов американцев в любой части света, Лодж заключил: «В настоящее время существует тенденция к консолидации... Мелкие страны ушли в прошлое, — у них нет будущего... Великие нации ради будущей экспансии и защиты в настоящем быстро занимают все свободные места на земле. Это делается для цивилизации и прогресса расы. Будучи одной из великих мировых держав, США не должны остаться вне общего движения»⁵⁴.

Лодж активно выступал за развязывание войны против Испании, за захват Кубы и Филиппинских островов, за установление гегемонии США в Западном полушарии, за проведение активной агрессивной политики на Тихом океане. Такова была программа-минимум «просвещенного» сенатора Лоджа, одного из

⁵⁴ Congressional Record, 53d Congress, 3d Session, Vol. XXVII, p. 3084—3086; H. C. Lodge. Our Blundering Foreign Policy. — In: J. W. Pratt. Expansionists of 1898, p. 207.

вдохновителей империалистической, интервенционистской политики США. Вся его дальнейшая «теоретическая» и практическая деятельность показывает, что он оставался до конца жизни верен своей основной идее — добиться для Соединенных Штатов мировой гегемонии.

Что касается Теодора Рузвельта, то он безусловно был наиболее яркой фигурой среди империалистически настроенной группы политических деятелей и экспансионистов-«теоретиков» своего времени. Группа эта фактически руководилась им. По своему духу она была грубо националистической, шовинистически-расистской. Рузвельт считал, что группа в целом должна решительно ставить интересы и честь США выше всех других стран. Выступая за то, чтобы изгнать европейские державы из Западного полушария, он говорил: «Теоретически я не настроен враждебно ни к одной из европейских держав. Просто я от начала до конца американец, и поэтому я враг всякой державы, которая несправедлива к нам»⁵⁵.

Теодор Рузвельт разделял взгляды других экспансионистов того времени, признававших превосходство англосаксов над всеми народами, на которые США распространили свое господство, а также над теми империалистами, с которыми США предстояло соревноваться. Он восхищался британским империализмом и его методами покорения других народов и считал, что США должны порегнуть своего основного соперника. Полностью солидаризируясь со взглядами Мехэна, Лоджа и Брукса Адамса, он считал необходимым претворять их в жизнь. В целях превращения США в первоклассную мировую державу, слово которой должно стать законом для других народов, он готов был применить любые методы. Он неоднократно цитировал стихи Киплинга «Бремя белого человека» для оправдания захватнических мероприятий. Еще будучи губернатором штата Нью-Йорк, Теодор Рузвельт откровенно восхвалял британский империализм. Он заявлял: «Господство в Индии и Египте было очень выгодно для Англии, так как это воспитало поколение людей, привыкших смотреть на более широкую и возвышенную сторону жизни. Оно принесло еще большую пользу Индии и Египту и в конечном счете, что является самым главным, способствовало прогрессу цивилизации»⁵⁶.

Теодор Рузвельт восхвалял не только Великобританию, но и экспансию вообще. В своем историческом труде «The Winning of the West» он рассматривал экспансию англосаксов на еще не занятых территориях как «одно из самых удивительных явлений мировой истории». В своей речи в Акроне (сентябрь 1899 г.)

⁵⁵ H. K. Beale. Op. cit., p. 39.

⁵⁶ Address in Hamilton Club. Chicago, April 10, 1899. — In: H. C. Hill. Op. cit., p. 204.

Теодор Рузвельт, говоря об экспансии европейских народов, заявил: «Во всех случаях экспансия имела место, потому что народ был великим народом. Она являлась признаком и доказательством величия расширяющейся нации и, кроме того... в каждом случае она приносила неисчислимую услугу человечеству... Когда великие народы боятся расширить свои территориальные границы, отказываются от экспансии, это значит, что их величию приходит конец. Разве мы все еще находимся в периоде нашей юности, в начале нашего возмужания, чтобы занимать место среди слабых и трусливых народов? Нет, тысячу раз нет»⁵⁷.

Рузвельт мечтал о войне. Во время венесуэльского конфликта с Англией в 1895 г. он был настроен воинственно. В письме к Лоджу он писал: «Стране нужна война». Когда президент Гарвардского университета Эллот обвинил его в джингоизме, Рузвельт выразил свое презрение «бесполезным сентименталистам», которые привносят с собой «в дух нации бесхарактерность и вялость, способные подтачивать боевые качества нашей расы»⁵⁸. В своих выступлениях накануне испано-американской войны он вновь и вновь возвращался к своей любимой теме об экспансии и милитаризме, утверждая, что все великие народы были воинственными.

Такое восхваление империализма вытекало из убеждения Теодора Рузвельта в необходимости для США программы широкой и неограниченной экспансии, которая должна в конечном счете превратить Америку в гегемона мира. Рузвельт неоднократно говорил и писал о том, что управление другими народами осуществляется в интересах этих же народов. Но все эти заявления были необходимы только для доказательства того, что империализм США является «особым», «исключительным», что он отличается от империализма других стран и играет по отношению к другим народам, и в первую очередь к народам Западного полушария, роль «старшего брата», «защитника» их интересов. Все это необходимо было для более успешной борьбы против соперников, утвердившихся на мировых рынках значительно раньше США. Прикрывая свои подлинные империалистические цели, Рузвельт стремился играть роль «благожелательного отца или старшего брата» по отношению к другим народам. В книге «The Winning of the West» он писал: «Только извращенная, ошибочная и грубая мораль может запретить захваты, которые превратили весь континент в местонахождение могущественных и благоденствующих цивилизованных наций... Так же нелепо применять к дикарям правила международной морали, которые

⁵⁷ Цит. по: R. Hofstadter. The American Political Tradition. New York, 1948, p. 212—213.

⁵⁸ Ibid., p. 213.

существуют между культурными народами, как судить английского завоевателя V века согласно современным понятиям... Грубый и жестокий поселенец, изгоняющий дикаря с земли, ставит все цивилизованное человечество в положение должника перед ним»⁵⁹.

Декларируя необходимость захватов в «интересах человечества», Теодор Рузвельт восхвалял солдат, морских пехотинцев, миссионеров, купцов и других агентов империализма, которые своей деятельностью якобы «распространяют цивилизацию по всему миру, уничтожают варварство и дикость и приобщают народы к новой жизни». «Слава миссионерам, слава солдатам, слава купцам, — говорил Теодор Рузвельт, — которые в наши дни сделали так много для того, чтобы принести свет в темные уголки мира»⁶⁰.

Таковы империалистические взгляды Т. Рузвельта, у которого слова не расходились с делами. Еще до прихода к власти он оказал серьезное влияние на развитие экспансионистской политики, на подготовку США к агрессивным захватническим мероприятиям не только в странах Латинской Америки, но и в районах Тихого океана. Как до, так и после прихода к власти, он содействовал мобилизации всего агитационно-пропагандистского аппарата для того, чтобы распространять воинствующие идеи империализма, шовинизма, пренебрежения к малым народам, культ силы и войны. Как государственный деятель Теодор Рузвельт создал условия, приведшие к усилению исполнительной власти, к установлению своеобразного «авторитарного государства» в целях проведения интервенционистских и других мер и подготовки предпосылок для установления мировой гегемонии Соединенных Штатов.

⁵⁹ Цит. по: Н. С. Hill. Op. cit., p. 207.

⁶⁰ Ibidem.

АМЕРИКАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ НА КУБЕ И ФИЛИППИНАХ

Планы американской экспансии

Успешная война против Испании и захват новых территорий, экономическая экспансия в страны Западного полушария и Дальнего Востока расширяли поле деятельности для американских монополистов и создавали большие возможности для закабаления народов других стран.

Даже некоторые американские историки признают, что свою внешнюю политику дипломаты США проводят рука об руку с крупными трестами. Так, профессор Вильямс писал: «Американские империалисты часто объединялись с дипломатами в общем стремлении создать более благоприятные условия для капиталовложений за границей. В основе этого сотрудничества лежат как экономические, так и политические интересы, и часто трудно определить, которые из них являются главной движущей силой»¹.

Сразу же после победы над Испанией перед экспансионистами США встали серьезные задачи установления своего колониального режима на Кубе и Филиппинах. Возобновилась еще более активная агитация за необходимость постройки межконтинентального канала. Президент Мак-Кинли еще в декабре 1898 г. призывал к постройке канала, который, по его словам, был необходимым для связи между Западным и Восточным побережьем, а также для аннексии Гавайских островов и расширения влияния и торговли США на Тихом океане². Рейд военного корабля «Орегон» вокруг Южной Америки во время испано-американской войны наглядно демонстрировал потребность в межконтинентальном канале для торговли, а также для военной и морской стратегии.

¹ В. Н. Williams. Economic Foreign Policy of the United States. New York, 1929, p. 28.

² Diplomatic History of the Panama Canal. Washington, 1914, p. 2—4.

Экспансионисты США не ограничивались этими планами. Они стремились к дальнейшему расширению своей колониальной империи путем превращения ряда независимых стран в зависимые, к навязыванию другим странам неравноправных договоров и кабальных займов, к захвату стратегических баз. В первую очередь они стремились, опираясь на доктрину Монро, присвоить себе исключительные права в Вест-Индии и Центральной Америке. Монополия «охраны» республик Нового света должна была перейти к США, утверждали американские экспансионисты, в силу политического тяготения. Закон Ньютона, примененный в области политики, должен был, по их мнению, неизбежно привести к господству США не только в странах Карибского бассейна, но и во всех других странах Западного полушария.

Именно район Карибского бассейна экспансионисты Соединенных Штатов в начале XX в. превратили в своеобразное опытное поле для усовершенствования своих методов экономического, политического и военного проникновения, при которых формально независимые страны по существу превращались в колонии американского империализма. Для осуществления этой империалистической политики экспансионисты активно выступали за строительство крупного военно-морского и торгового флота, который занял бы господствующее положение в «американском Средиземноморье», привел бы к превращению всего этого района в то, что адмиралом Честером было названо «большой зоной Панамского канала». В эту зону должны были войти Вест-Индия, Мексика, Центральная Америка, Колумбия и Венесуэла.

Одновременно вынашивались планы распространения господства США и на другие страны и континенты. Захватывая Гавайские острова и Филиппины, американские экспансионисты развивали особую «теорию тяготения», политической близости и необходимости самозащиты. Острова, расположенные в обоих океанах, говорили американские империалисты, принадлежат «не к европейской, а к американской системе», так как они находятся ближе к США, чем к Европе. Захват Филиппин, а затем и превращение их в колонию Соединенных Штатов рассматривались американскими империалистами как начало реализации плана дальнейшей экспансии США на Тихом океане и в первую очередь в Китае. Что касается Тихого океана как барьера между США и новыми территориями, то американские экспансионисты еще в 90-х годах прошлого века писали, что океан не отделяет США от земель, связанных с их флагом и стремлениями, а скорее соединяет с ними. Тихий океан, писали они, объединяет народ Америки «со всем безграничным таинственным Востоком». Сама судьба якобы «предначертала» для США огромные возможности за океаном. Американские империалисты уже тогда меч-

тали о тех громадных прибылях, которые сулила им торговля со странами Востока и бесчеловечная эксплуатация населения Китая и Кореи.

В статье, опубликованной в журнале «Сенчурн мэгзин» в августе 1898 г., Франк Вандербилт указывал на то, что половина населения земного шара живет в странах, достигнуть которых легко можно с Филиппин. Сенатор Марк Ханна, заслуженно прозванный «создателем президентов», заявил: «Если стремление добиться господства над стратегическим пунктом, дающим американскому народу возможность обеспечить себе доступ к рынкам такой великой страны, как Китай, является торгашеством, то, бога ради, считайте меня торгашом»³.

Таковы планы экспансии, которые были намечены монополистами США в начале XX в. О них, несколько позднее, американский буржуазный историк Джон Картер писал: «Природа начертала границы нашей экспансии. Это «естественные границы» экономической Америки: от Гренландии до Гибралтара в Северной Атлантике; от Танжера до Дурбана, включая бассейн рек в Южной Атлантике; отсюда — по Антарктике, на запад, к мысу Горн и Мельбурну; от Мельбурна — на северо-запад до Сингапура; от Сингапура — до Владивостока и Алеутских островов и от Аляски — на восток до Гренландии. Все то, что находится внутри этого кольца, может быть превращено в сферу американских экономических интересов»⁴.

Установление протектората США над Кубой

Первым на очереди дня после заключения мирного договора с Испанией стал вопрос о Кубе. Монополисты и государственные деятели США проявляли к Кубе особый интерес, что вызывалось как стратегическими, так и экономическими соображениями. Необходимо отметить, что заинтересованность правящих кругов США в Кубе и стремление к ее захвату, проявившиеся с самого начала существования североамериканской республики, стоили очень дорого кубинскому народу. США сделали все от них зависящее, чтобы помешать победе национально-освободительного движения на Кубе. Когда в начале XIX в. Мексика и Колумбия, добившись освобождения от Испании, готовы были оказать помощь Кубе в ее борьбе за освобождение, США самым категорическим образом помешали этому. Еще в 1825 г. Генри Клей как государственный секретарь заявил, что США ни при каких условиях не могут согласиться на оккупацию Кубы или Пуэрто-Рико

³ R. J. Dulles. America in the Pacific. Boston, 1938, p. 227—228.

⁴ J. Carter. Conquest; America's Painless Imperialism, p. 270.

любой европейской державой, за исключением Испании⁵. В 1843 г. Дэвид Вебстер, занимавший тот же пост, заверил Испанию, что при всякой попытке со стороны какой-либо державы отобрать у нее Кубу она может полностью полагаться на флот и вооруженные силы США, чтобы сохранить или вернуть ее. В это время Куба становится предметом вожделений главным образом южных плантаторов, стремившихся приобрести рабовладельческие территории. Однако не только южане, но и северяне были заинтересованы в Кубе вследствие ее стратегического положения. Делались попытки приобрести остров либо путем покупки его, либо путем пиратских налетов⁶.

США, таким образом, проводили вполне определенную политику в отношении Кубы. Она заключалась в том, чтобы, во-первых, не допустить захвата Кубы какой-либо сильной державой и, во-вторых, чтобы, оставив Кубу под властью Испании, выжидать удобного момента для ее аннексии США. Как-то один американский деятель откровенно сказал: «Когда мы, янки, чего-нибудь очень захотим, мы этого добьемся. Даже объединившись, Англия, Франция и Испания не смогут помешать тому, что в один прекрасный день Куба станет нашей»⁷.

Эту политику США продолжали проводить вплоть до войны с Испанией. Они постоянно настороженно следили за событиями на Кубе с тем, чтобы в подходящий момент осуществить свои агрессивные планы.

Революционные выступления кубинцев против колониального ига Испании находили сочувственный отклик среди прогрессивных людей США. Во время восстания кубинцев накануне испано-американской войны прогрессивные элементы США, сочувствовавшие восставшим, надеялись на то, что правительство США признает революционное правительство Кубы и окажет ему моральную и финансовую поддержку. Однако открытые экспансионисты типа Лоджа, Бевриджа и Т. Рузвельта, действуя в полном контакте с монополистами, заинтересованными в эксплуатации Кубы, агитировали за интервенцию на Кубе, за войну с Испанией, поскольку она привела бы не только к утверждению американского господства на острове, но и к подавлению кубинской революции.

Американские капиталисты, имевшие инвестиции на Кубе, во время восстания понесли большие убытки. По имеющимся данным, инвестиции американцев в плантации, рудники и железные дороги достигали накануне войны США против Испании

⁵ J. F. Rippey. Rivalry of the United States and Great Britain over Latin America, 1808—1830. Baltimore, 1929, p. 87.

⁶ См. R. H. Fitzgibbon. Cuba and the United States, 1900—1935. Wisconsin, 1935, ch. 1.

⁷ Th. A. Bailey. A Diplomatic History of the American People, p. 305.

50 млн. долл.⁸ Значительно выросла торговля США с Кубой. За один только 1895 г. она составила 100 млн. долл.⁹ Американцы, инвестировавшие свои капиталы на Кубе, боялись кубинских революционеров несравненно больше, чем испанских властей. В течение некоторого времени они были против интервенции США на Кубе, так как испанский режим предоставлял им все возможности для эксплуатации кубинцев. Однако, когда с развитием революции на Кубе стало ясно, что Испания не справится с создавшимся там положением, американские капиталисты изменили свою линию и стали агитировать за войну с Испанией.

Известно, что накануне войны США с Испанией правительству была представлена петиция, подписанная 300 купцами, банкирами и промышленниками, связанными с Кубой, в которой они указывали на убытки, понесенные в результате революционных событий на Кубе и просили вмешательства США¹⁰. В другой петиции, представленной нью-йоркскими промышленниками, утверждалось, что события на Кубе нанесли торговле между Кубой и США ущерб в 300 млн. долл.¹¹ Они также настаивали на вмешательстве США.

Война против Испании велась под флагом «освобождения» Кубы. В резолюции конгресса об объявлении войны Испании говорилось: «Соединенные Штаты не питают никакого умысла или намерения утвердить свое господство, свою юрисдикцию или свой контроль на этом острове (Кубе); они подтверждают свое решение — немедленно после умиротворения страны предоставить управление и контроль над островом его народу»¹².

В Парижском мирном договоре от 10 декабря 1898 г. Испания отказалась от всех притязаний на господство над Кубой¹³. 1 января 1899 г. произошла официальная передача острова. С того времени начинается «опека» Соединенных Штатов над Кубой. Был установлен оккупационный режим во главе с генералом Бруком; 13 декабря 1899 г. он был смещен генералом Леонардом Вудом, который в качестве генерал-губернатора оставался у власти до мая 1902 г.

С самого начала оккупанты дали почувствовать патриотическим силам Кубы, что американцы являются хозяевами и что

⁸ L. Huberman and P. M. Sweezy. Cuba — Anatomy of a Revolution. New York, 1961, p. 13; L. H. Jenks. Our Cuban Colony; A Study in Sugar. New York, 1928, p. 37.

⁹ A. E. Martin. History of the United States. Boston, 1934, p. 349.

¹⁰ J. W. Pratt. Expansionists of 1898, p. 248.

¹¹ Ibid., p. 249.

¹² Statutes at Large of the United States. Washington, 1899, Vol. XXX, p. 738—739.

¹³ D. F. Healy. The United States in Cuba, 1898—1902. Generals, Politicians, and the Search for Policy. Madison, 1963, p. 54; «New York Tribune», 30.XII 1898.

они не допускают никаких манифестаций. Когда революционные силы Кубы хотели организовать демонстрацию и банкеты в честь победы над Испанией, оккупационные власти заявили им, что в день эвакуации испанцев и передачи власти американцам войска кубинских патриотов должны оставить Гавану. Приказ генерала Брука вызвал протест среди кубинцев. Председатель Гаванского комитета патриотических сил заявил: «В течение многих лет мы страдали только для того, чтобы сегодня наше чувство удовлетворения от изгнания испанцев сменилось тревогой в связи с приходом американцев»¹⁴.

Опасаясь столкновений с патриотическими силами Кубы, которые во время войны взяли на себя основную тяжесть борьбы против испанских войск, США приняли меры к увеличению оккупационной армии. В течение нескольких месяцев она была доведена до 45 тыс. человек¹⁵. Вскоре на Кубу начали прибывать американцы—дельцы и спекулянты. Все они добивались от оккупационных властей разного рода концессий. Экспансионистская пресса США проводила кампанию за продление на неопределенный срок военной оккупации острова. Антимпериалисты и другие прогрессивные элементы доказывали, что кампания эта вызывает законное недовольство кубинцев, союзников США в войне против Испании. В декабре 1899 г. появился годичный отчет военного министра США, в котором ставился вопрос о подготовке, после проведения переписи на острове, выборов Учредительного собрания. В сентябре 1900 г. под наблюдением военных властей США были проведены выборы депутатов в Учредительное собрание Кубы. Согласно инструкциям, выработанным генералом Вудом, депутаты должны были принять конституцию Кубы и согласовать с Соединенными Штатами вопрос о том, «какие отношения должны установиться между правительством обеих стран»¹⁶.

Учредительное собрание открылось в ноябре, а в феврале 1901 г. оно приняло проект конституции. Этот проект совершенно не затрагивал вопроса об отношениях между обеими странами. Такое положение не устраивало экспансионистов США. 2 марта 1901 г. в конгресс США была внесена так называемая «поправка Платта» к биллю о содержании армии на Кубе. Она обязывала президента «предоставить управление и контроль над Кубой населению острова, как только будет образовано правительство, которое в конституции или в специальном декрете определит будущие отношения между Соединенными Штатами и Кубой»¹⁷.

¹⁴ D. F. Healy y. Op. cit., p. 54.

¹⁵ Ibid., p. 58.

¹⁶ House Documents, N 1, 57th Congress, 2nd Session, Vol. I, p. 359.

¹⁷ Statutes at Large of the United States. Washington, 1901, Vol. XXXI, p. 897—898; Congressional Record, 56th Congress, 2nd Session, Vol. XXXIV, Pt. III, p. 2954.

«Поправка Платта» основывала отношения между двумя странами на следующих началах: 1) правительство Кубы не должно заключать никаких договоров с иностранными державами об уступке им кубинской территории для военных надобностей; 2) оно не должно заключать соглашений о государственных долгах, если уплата процентов по этим долгам будет превышать обычные доходы; 3) Соединенным Штатам должно быть предоставлено право интервенции на Кубе в целях защиты ее независимости, оказания поддержки правительству, способному охранять жизнь и собственность граждан и выполнять обязательства, возложенные договором об окончании войны с Испанией; 4) правительство Кубы должно признать действительными все акты американских военных властей на Кубе; 5) военные власти обязаны проводить программу санитарных мероприятий; 6) статус острова Пинос должен быть установлен позже; 7) США должны быть уступлены территории, необходимые им для организации угольных станций и морских баз; 8) вышеперечисленные условия должны быть облечены в форму постоянного договора с США.

Пресса США по-разному реагировала на принятие «поправки Платта». Газеты демократической партии выступали против «поправки», считая, что она является изменой Кубе; республиканские органы, наоборот, доказывали, что «поправка Платта» необходима для блага кубинцев. В сенате «поправка» была принята большинством в 43 голоса против 27¹⁸. В конгрессе за принятие «поправки» голосовал 161 депутат, против — 137¹⁹. 2 марта «поправка Платта» была подписана президентом США.

Гавана с возмущением встретила принятие «поправки». 2 и 3 марта в Гаване состоялись демонстрации протеста. Демонстранты передали губернатору Вуду петицию. Другая демонстрация апеллировала к депутатам Учредительного собрания. Муниципалитеты принимали резолюции протеста. Больше всего возражений вызвал пункт 3-й «поправки», который рассматривался как явная угроза независимости Кубы. Нападки в прессе становились все более угрожающими. В «La Discusión on Good Friday» появилась карикатура, изображавшая кубинский народ распятым на кресте, а в разбойниках можно было узнать лица генерала Вуда и президента Мак-Кинли.

Учредительное собрание Кубы вынесло решение о посылке комиссии во главе с Мендесом Капоте в Вашингтон для переговоров. Комиссия имела ряд совещаний с правительственными деятелями США, но добиться каких-либо уступок не могла. Ей дали понять, что «поправка Платта» не может быть изменена. Госу-

¹⁸ Congressional Record, 56th Congress, 2nd Session, Vol. XXXIV, Pt. IV, p. 3151—3152.

¹⁹ Ibid., p. 3331—3336.

дарственный секретарь США Рут так объяснял значение пункта 3-го «поправки»: «Этот пункт является просто применением доктрины Монро, международное значение которой не признается другими странами. Куба принимает доктрину Монро, а пункт 3 (а) является доктриной Монро, но доктриной, имеющей международное значение. Благодаря этому пункту европейские страны не смогут брать под сомнение права Соединенных Штатов организовать интервенцию в защиту независимости Кубы... Интервенция может иметь место лишь в целях защиты независимости Кубы от нападения другого государства или в том случае, если в республике царит анархия. Этот пункт несколько не умаляет независимости Кубы, которая продолжает оставаться самостоятельной под своим флагом»²⁰.

Это разъяснение Рута совершенно отчетливо ставило вопрос о праве США на интервенцию для «защиты» ее независимости и в целях водворения «порядка». В таких условиях о независимости и суверенности Кубы не могло быть и речи.

12 июня 1901 г. Учредительное собрание Кубы вынуждено было согласиться на включение «поправки Платта» в конституцию в виде приложения. Позднее эта «поправка» легла в основу постоянного договора между Кубой и Соединенными Штатами, заключенного 22 мая 1903 г. Статья III договора, как и «поправка Платта», давала США возможность произвольно вмешиваться во внутренние дела страны и не допускать не угодной им организации внутреннего управления Кубой. Характерно, что в частном письме Т. Рузвельту 28 октября 1901 г. генерал Вуд откровенно писал: «Конечно, поправка Платта лишает Кубу какой-либо независимости»²¹.

Включение «поправки Платта» в конституцию Кубы означало превращение острова, в нарушение всех данных ранее обещаний, в полуколонию США. Право США на интервенцию, а затем и захват американскими монополистами основных богатств острова превращали независимость Кубинской республики в фикцию. Необходимо отметить, что в основе дискуссий по вопросу об установлении нового режима на Кубе лежали не только экономические и политические соображения, но и расистские. Даже антиимпериалисты, выступавшие против официального курса экспансионистов, часто доказывали, что латиноамериканцы не могут стать достойными гражданами США и поэтому никогда не могут быть ассимилированы. Нью-йоркская газета «Ивинг пост», выступавшая против аннексии, доказывала, что кубинцы не являются «чистокровной расой» и поэтому никогда не смогут

²⁰ Foreign Policy Association. Information Service, Vol. V, N 3. New York, 1929, p. 48—49.

²¹ Цит. по: D. F. Healy. Op. cit., p. 178; АВПР, ф. Канцелярия, 1903 г., д. 1113, № 34, лл. 106—107 (Кассини — Ламсдорфу, 26 марта 1903 г.).

пользоваться всеми преимуществами американского гражданства²².

В 1902 г. кубинцы избрали своего первого президента — Эстраду Пальму. 20 мая в губернаторском дворце Гаваны состоялась церемония передачи власти президенту Кубы. Войска США были отозваны²³. Закончилась первая интервенция США на Кубе. В феврале 1903 г. было подписано соглашение с США о сдаче в аренду двух морских баз в Гуантанамо и Бая-Онда на условиях, которые предполагалось выработать впоследствии²⁴. США подтвердили «сохранение суверенных прав республики Кубы» на эти воды. Куба же соглашалась на подчинение этих областей контролю и юрисдикции Соединенных Штатов.

Последующие переговоры привели к подписанию нового соглашения (27 декабря 1912 г.), расширявшего права Соединенных Штатов на Гуантанамо, приобретшую большее значение, чем Бая-Онда, в связи с оканчивавшимся строительством Панамского канала.

На Кубу хлынули капиталисты и всякого рода авантюристы из США. Начался захват лучших земель и других богатств острова. В течение трех лет около 13 тыс. американских граждан уплатили 50 млн. долл. за купленную ими на Кубе землю. Железнодорожные магнаты добивались концессий на строительство железных дорог. Большую активность проявили американские магнаты, связанные с табачным и сахарными трестами. Усилилось внедрение американского капитала в горнодобывающую промышленность и в предприятия по обслуживанию нужд муниципалитетов. Прибирая к рукам экономику и богатства Кубы и приручая верхушку местной буржуазии и помещиков, американские монополисты превратили Кубу в зависимую от США республику, создали условия для беспощадной эксплуатации и угнетения трудящихся масс острова.

Оккупация Филиппин Соединенными Штатами.

Выступления антиимпериалистов против захвата архипелага

Установление американского колониального режима на Филиппинах явилось результатом насильственного подавления национально-освободительного движения филиппинского народа. Захват Филиппин стал возможным потому, что восставшее про-

²² D. F. Healy. Op. cit., p. 210; «New York Evening Post», 25.II 1898.

²³ АВВР, ф. Канцелярия, 1902 г., д. 107, № 46, лл. 178—181 (Кассини — Ламсдорфу, 22 мая 1902 г.). Приложение — Proposed Constitution of Cuba, the Official Acceptance of the Platt Amendment, and the Electoral Law. Washington, 1901.

²⁴ W. M. Malloy (comp.). Treaties, Conventions, International Acts, Protocols and Agreements between the United States of America and Other Powers, Vols I—III. Washington, 1910—1923, Vol. I, p. 358—359.

тив гнета Испании население и руководители национально-освободительного движения во главе с Агинальдо поверили, будто США вернут островам независимость, и помогали американским войскам в войне против Испании. Однако немедленно после захвата Манилы войска США повернули оружие против филиппинского народа. Мирный договор с Испанией не оставлял сомнений в империалистических притязаниях США на Филиппины. Вскоре президент Мак-Кинли направил генералу Отису прокламацию о «благожелательной ассимиляции», в которой указывалось, что с подписанием мирного договора вся власть над Филиппинами переходит к США. Оккупационные власти, возглавляемые генералом Отисом, должны были разъяснить населению, что американцы пришли «не как завоеватели, а как друзья с целью защиты» филиппинцев²⁵.

Правительство США, не дожидаясь ратификации договора сенатом, приняло все необходимые меры для установления оккупационного режима на всем Филиппинском архипелаге. Никакие протесты со стороны филиппинских патриотов не помогли. Весь «коммерческий и стратегический курс», который проводили США, должен был привести к превращению Филиппин в американскую колонию²⁶.

5 января 1899 г. Агинальдо обратился с воззванием к филиппинскому народу. Подробно описав историю взаимоотношений с США, он торжественно заявлял: «Ни в Сингапуре, ни в Сянгане, ни здесь на Филиппинах я никогда ни устно, ни письменно не выразил согласия на признание американского суверенитета над нашей любимой страной»²⁷.

Возбуждение среди филиппинцев против оккупационных властей росло изо дня в день. Прокламация генерала Отиса, содержащая инструкцию президента Мак-Кинли, была встречена с негодованием. Печатные экземпляры, расклеенные на зданиях Манилы, срывались. Взамен появлялся манифест Агинальдо.

Наряду с военными мероприятиями, направленными против филиппинских патриотов, США прибегали и к демагогии. 21 января 1899 г. правительство США образовало комиссию во главе с Якобом Шерманом, которая была направлена на Филиппины, с тем чтобы «облегчить наиболее гуманное и эффективное распространение авторитета на архипелаге...»²⁸ В состав комиссии входили Ч. Денби, бывший посланник в Китае, и

²⁵ Message of the President to the two Houses of the Congress, 1st Session, 56th Congress, Washington, 1899, p. 38; T. M. Kalaw. The Philippine Revolution. Manila, 1925, p. 156.

²⁶ АВПР, ф. Канцелярия, д. 114, № 11 (Кассини — Муравьеву, 22 июля 1898 г.).

²⁷ T. M. Kalaw. Op. cit., p. 157; А. А. Губер. Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм. М., 1961, стр. 227.

²⁸ А. А. Губер. Указ. соч., стр. 238.

Д. С. Уорчестер, профессор Мичиганского университета. К ним должны были присоединиться в Маниле адмирал Дьюи и генерал Отис, которые выполняли задачу кровавого подавления национально-освободительного движения филиппинского народа. Когда комиссия прибыла на острова, американские войска уже вели военные операции против населения архипелага. 4 февраля 1899 г. буквально за несколько дней до ратификации мирного договора с Испанией сенатом США американские оккупационные войска спровоцировали военный конфликт с филиппинскими патриотами. 5 февраля Агнияльдо опубликовал манифест о начале войны с США. В манифесте, между прочим, говорилось: «Я сделал все возможное, чтобы избежать вооруженного столкновения, надеясь добиться независимости мирными средствами и избежать таких дорогостоящих жертв. Однако все мои попытки оказались тщетными перед лицом крайнего высокомерия американского правительства и его представителей на наших островах. Они упорно утверждают, что я являюсь мятежником, поскольку я защищаю священные интересы моей страны и отказываюсь участвовать в их подлых замыслах»²⁹.

И действительно, филиппинские патриоты долго надеялись на возможность мирного разрешения конфликта с США. В Лондоне, Париже, Мадриде и Гонконге образовались хунты, которые старались повлиять на общественное мнение в пользу филиппинцев, борющихся за свою свободу и независимость. Представители филиппинского народа прибыли в США, где они встречались с политическими деятелями, сенаторами и представителями печати, направляли в государственный департамент ноты протеста, которые оставались без ответа.

Военная провокация против филиппинского народа, приведшая к длительной войне, необходима была Мак-Кинли и экспансионистам для того, чтобы оказать давление на сенат и добиться ратификации мирного договора с Испанией. Шовинистическая пресса США и империалистически настроенные политические деятели распространяли лживые слухи о нападении филиппинских войск на оккупационные силы США.

6 февраля 1899 г. большинством в 57 голосов против 27 Парижский договор был утвержден. Уильям Дженнингс Брайан, лидер демократической партии, специально приехал в Вашингтон, чтобы уговорить оппозиционных сенаторов-демократов голосовать за ратификацию. Влияние Брайана оказалось решающим³⁰. Характерно, что русский посол в Вашингтоне в своем

²⁹ Т. М. Kalaw. Op. cit., p. 167.

³⁰ См. W. S. Holt. Treaties Defeated in the Senate. Baltimore, 1933, p. 174. Автор считает, что провокация военных действий на Филиппинах привела к тому, что два оппозиционера-демократа сдали свои позиции и проголосовали за ратификацию (Ibid., p. 170—171). Иначе договор не был бы утвержден.

донесении от 18 февраля 1899 г. также писал о том, что «неожиданное впечатление», которое произвели события последних дней на Филиппинах, привело к тому, что «три колеблющихся сенатора высказались в последнюю минуту «за» и решили дело»³¹.

Обсуждение договора в сенате продолжалось с 4 января по 6 февраля. Против ратификации договора выступали так называемые антиимпериалисты. Агитация против превращения Филиппин в колонию США велась не только в конгрессе, но и вне его. Антиимпериалисты возражали против приобретения колоний на том основании, что такие отдаленные территории, как Филиппины, не могут быть превращены в штаты, что насильственное присоединение миллиона людей противно духу конституции и принципам, положенным в основу Декларации независимости, что тирания за границами государства породит тиранию внутри его, что присоединение отдельных территорий, населенных людьми иной расы и иного языка, вовлечет США в столкновения с другими государствами и т. д. Антиимпериалисты считали, что отказ от этих «основных принципов привел бы республику к гибели»³².

Один из американских ученых, Д. С. Джордан, выступая перед большой аудиторией в Сан-Франциско, высказался против навязывания Кубе или Филиппинам колониального режима; такая политика привела бы, говорил Джордан, к «отказу от лучших демократических принципов и традиций»³³.

Об этой оппозиции В. И. Ленин писал: «В Соединенных Штатах империалистская война против Испании 1898 года вызвала оппозицию «антиимпериалистов», последних могикан буржуазной демократии, которые называли войну эту «преступной», считали нарушением конституции аннексию чужих земель, объявляли «обманом шовинистов» поступок по отношению к вождю туземцев на Филиппинах, Агвинальдо... Но пока вся эта критика боялась признать неразрывную связь империализма с трестами и, следовательно, основами капитализма, боялась присоединиться к силам, порождаемым крупным капитализмом и его развитием, она оставалась «невинным пожеланием»»³⁴.

Антиимпериалистское движение в США объединяло разношерстные элементы. В его состав вошли наиболее активные деятели, выступавшие в течение многих лет за проведение тех или иных политических или социальных реформ. Среди них были Карл Шурц, Чарлз Френсис Адамс, Мурфильд Сторей, сенаторы Хор, Петтигрю и др. Были среди антиимпериалистов сторонники

³¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1899 г., д. 110, лл. 35—36.

³² F. H. Harrington. The Antiimperialist Movement of the United States (1898—1900). — In: The Shaping of American Diplomacy and Documents in American Foreign Relations, 1750—1955. Chicago, 1956, p. 401—407.

³³ Ibid., p. 401.

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 409.

муниципальных реформ (Дж. С. Картер, Эдвард Шепард и др.), пацифисты (Кросби, Аткинсон), сторонники единого сельскохозяйственного налога, демократы-брайанисты, демократы и республиканцы, выступавшие за биметаллизм, ученые и писатели (Уильям Г. Самнер, Уильям Джеймс, Марк Твен и др.), группа бизнесменов (Э. Карнеги, Р. Г. Крейн) и небольшая группа рабочих руководителей во главе с С. Гомперсом.

Разношерстный состав антиимпериалистов сделал невозможным создание единой программы действий и объединенной оппозиционной партии. Такое положение, а также отсутствие связи с движением рабочих и трудящихся фермеров мешало оппозиции создать подлинно массовое оппозиционное движение и добиться серьезных успехов. Тем не менее антиимпериалисты развернули беспощадную критику аннекционистской политики. Еще в конце октября 1898 г. Кассини доносил Ламсдорфу о том, что «политические деятели, пользующиеся всеобщим уважением, как сенаторы Хор и Моррел, известный Карл Шурц, епископ Нью-Йорка Поттер и многие другие выступили с речами и беспощадной критикой политики территориального расширения...»³⁵

Вначале антиимпериалисты имели только разрозненные организации. В Бостоне возник корреспондентский комитет во главе с Брэдфордом и М. Сторей. Они стремились объединить всех выступавших против империалистической агрессии независимо от их политической принадлежности. Аналогичные комитеты и клубы возникли в других городах. В октябре 1899 г. в Чикаго состоялась первая генеральная ассамблея антиимпериалистических лиг³⁶. Свыше 160 делегатов представляли большинство штатов. Было решено основать Американскую антиимпериалистическую лигу. В принятой единогласно декларации принципов говорилось:

«Мы заявляем, что политика, именуемая империализмом, враждебна свободе и ведет к милитаризму, злу, которого мы до сих пор с честью избегали. Мы сожалеем о том, что в стране Вашингтона и Линкольна возникла необходимость вновь подтвердить, что все люди, независимо от расы и цвета кожи, имеют право на жизнь, свободу и счастье. Мы признаем, что правительства пользуются справедливой властью только с согласия своих подданных. Мы утверждаем, что подчинение любого народа является преступной агрессией и грубым нарушением ясно выраженных принципов нашего государства...»

Мы требуем немедленного прекращения войны, которая была начата Испанией и продолжается нами. Мы настаиваем на немедленном созыве конгресса, с тем чтобы он объявил Филиппи-

³⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1898 г., д. 114, № 34 (Кассини — Ламсдорфу, 29 октября 1898 г.).

³⁶ Т. М. K a l a w. Op. cit., p. 211.

нам о нашем намерении признать их независимость, за которую они ведут справедливую борьбу...

Вместе с Авраамом Линкольном мы заявляем, что в мире «нет такого человека, достаточно достойного, чтобы управлять другим человеком без его на то согласия. Когда белый человек сам управляет собой, это — самоуправление; когда он управляет сам собой и вместе с тем управляет другими, это уже не самоуправление, это — деспотизм. Те, кто отрицает право на свободу за другими, не достойны пользоваться этим правом и для себя...»³⁷.

Борьба антиимпериалистов в сенате была весьма упорной. Она продолжалась как во время дискуссии по ратификации договора с Испанией, так и в период, когда оккупационные войска США начали колониальную войну против филиппинского народа. Еще в начале декабря 1898 г. сенатор Джордж Г. Вэст (штат Миссури) внес на обсуждение резолюцию, в которой говорилось:

«Согласно конституции США, федеральное правительство не имеет никакого права присваивать территории с целью установления там постоянного колониального режима»³⁸.

Это была наиболее последовательная резолюция, вокруг которой разгорелась ожесточенная борьба. Другие, менее решительные по своему характеру резолюции, вынесенные на обсуждение сената, считали невозможным для США сохранить контроль над Филиппинами³⁹. 14 декабря 1898 г. сенатор Хор, наиболее активный из сенаторов-антиимпериалистов, внес в сенат петицию, подписанную видными американскими деятелями, в которой они протестовали против установления колониального режима на Филиппинах. Оппозиция в сенате, поддерживая резолюцию сенатора Вэста, атаковала договор с конституционных позиций, доказывая, что по конституции США правительство не имеет права захватывать территории вне пределов континента, ни тем более устанавливать свой постоянный контроль над ними. Антиимпериалисты доказывали, что США не могут пойти по пути колониальных держав Европы, ибо он противоречит принципам революционной освободительной войны американцев против Англии. США, утверждал Вэст, не могут присоединять территории против воли их населения, которое никогда не может стать полноправными гражданами США⁴⁰. Как в сенате, так и в печати⁴¹ Вэст доказывал, что установление колониального режима на Филип-

³⁷ T. M. Kalaw. Op. cit., p. 212—213.

³⁸ C. M. Fuess. Carl Schurz, Reformer (1829—1906). New York, 1932, p. 349; J. W. Pratt. Expansionists of 1898, p. 346.

³⁹ Congressional Record, 55th Congress, 3d Session, Vol. XXXII, Pt. I—II, p. 528, 561, 1342, 1348, 1445, 1479.

⁴⁰ Congressional Record, 55th Congress, 3d Session, Vol. XXXII, Pt. I, p. 93—96.

⁴¹ См. его статью «Objections to Annexing the Philippines» в журнале «The North American Review», January 1899, p. 112—120.

пинах крайне вредно отразится на всей политической жизни США. Он писал: «Постоянная аннексия влечет за собой только международные осложнения, разорительные экспедиции, социальную и политическую деградацию, уничтожение свободных учреждений». Сохранение контроля США над Филиппинами неизбежно повлечет за собой огромные военные расходы на содержание армии, на строительство большого флота и на другие цели, связанные с колониальным режимом. Как известно, империалисты доказывали, что Филиппины необходимы для США как трамплин для развития экономической экспансии на Дальнем Востоке, что экономическое внедрение США на Филиппины и в Китай принесет огромные доходы и т. д. Вэст доказывал, что эта аргументация не выдерживает критики. Несмотря на то, что Великобритания владеет колониями с населением в 322 млн., а США не имеют колоний, за последние семь лет экспорт Соединенных Штатов вырос на 18%, Англии же снизился на 5%. И в заключение Вэст писал: «Колониальная система неизбежно приводит к войнам, доказательством чему служит тот факт, что за период длительного царствования королевы Виктории Великобритания только два года находится в мирных отношениях с другими странами» ⁴².

Многие сенаторы-демократы поддерживали Вэста, но никто не выступал так горячо и с такой убедительностью, как республиканский сенатор из штата Массачусетс Хор. Он доказывал, что филиппинский народ и его вожди своей героической борьбой заслужили уважение всех честных людей; что фактически филиппинская национально-освободительная армия во главе с Агинальдо, которого США привлекли как союзника ⁴³, освободила весь Филиппинский архипелаг, кроме Манилы. И далее Хор говорил:

«Мы знаем, что им ⁴⁴ было организовано временное правительство и разработана конституция для народа, который должен был вступить на путь самоуправления как только кончится состояние войны: и не пайдется в мире и десяти человек, которые могли бы внести в конституцию улучшения — она является шедевром конституционного творчества.

Мы знаем, что он направил нашему сенату обращение, полное силы, темперамента и уважения. Оно является воззванием к великому народу США, в котором со всей ясностью и сжатостью выражены желания и надежды филиппинского народа на освобождение. Я думаю, что ни один американец, в груди кото-

⁴² Ibid., p. 119.

⁴³ Об отношениях США с Агинальдо см. Documents on Relations with Aguinaldo. — Congressional Record, 57th Congress, 1st Session, Vol. XXXV, Pt. II, p. 1506—1519.

⁴⁴ Имеется в виду Агинальдо, президент Филиппинской республики. — Л. З.

рого бьется сердце, а не камень, не может не почувствовать, что творец этого воззвания достоин уважения и почтения»⁴⁵.

Хор выступал не только за право на самоопределение филиппинского народа, но и пуэрториканцев⁴⁶.

Часть демократов, хотя и выступала против установления колониального режима на Филиппинах, в отличие от Хора придерживалась расистской теории о превосходстве белой расы, считала, что филиппинцы не доросли до того, чтобы конституция США и их институты могли быть использованы на архипелаге. В то же время они доказывали, что навязывание филиппинцам колониального режима, против их воли, неизбежно приведет к перерождению демократии в США. Сенатор Маллори, цитируя в одном из своих выступлений историка Фруда, говорил: «... Если история преподает нам наглядные уроки, то одним из них является то, что свободные народы не должны управлять подчиненными провинциями. Если они не могут или не хотят предоставить зависимым народам пользоваться правами их конституции, конституция превратится в клочок бумаги, не отвечающей своему назначению»⁴⁷.

Сенатор Чилтон из Техаса доказывал, что установление контроля над Филиппинами вовлечет США в конфликты на Дальнем Востоке, где им придется воевать далеко от своей страны в невыгодных условиях, и что вмешательство США в дальневосточные конфликты влечет за собой отказ от доктрины Монро. Другие сенаторы опровергали аргументы империалистов о том, что овладение Филиппинами необходимо для торговли США. Они доказывали, что страны Западной Европы поглощают $\frac{9}{10}$ американского экспорта, что статистические данные за 1893—1898 гг. являются лучшим доказательством бесцельности приобретения колоний⁴⁸. Сенатор Нортон из штата Огайо, доказывая, что США не имеют никакого морального права навязать филиппинцам колониальное правление, ссылаясь на печальный опыт американцев в проведении расовой политики.

«Наш народ, — заявлял он, — несмотря на всю славу и все свои великие достижения, все еще не научился разрешать расовую проблему в пределах наших современных границ. Наше отношение к американским индейцам доказывает это. Столетняя история наших взаимоотношений может быть справедливо охарактеризована как «век бесчестия», а наша «гуманная политика» довела численность их примерно с миллиона до менее чем $\frac{1}{4}$ миллиона»⁴⁹.

⁴⁵ Congressional Record. 55th Congress, 3d Session, Vol. XXXII, Pt. II, p. 1840.

⁴⁶ Ibid., p. 1384.

⁴⁷ Ibid., p. 1070.

⁴⁸ Ibid., p. 924—925.

⁴⁹ Ibid., p. 1131.

Ссылались также и на огромные расходы, которые вызвала война против филиппинского народа. Ежегодные расходы на военные цели на Филиппинах достигли 121 300 тыс. долл.⁵⁰

Незадолго до ратификации договора с Испанией сенатор Бэкон внес на обсуждение сената свою резолюцию, в которой между прочим говорилось, что «правительство США признает право филиппинского народа на свободу и независимость и готово признать независимое правительство Филиппин, как только оно будет образовано»⁵¹.

Агитация антиимпериалистов вне конгресса была не менее активной. Против империализма, помимо известных политических деятелей, выступали писатели и ученые. Так, Уильям Г. Самнер в своих трудах осуждал империализм и агрессию. Он доказывал, что «экспансия и империализм противоречат лучшим традициям, принципам и интересам американского народа; они запутают нас в сетях сложных политических проблем и опасностей, которых мы могли бы избежать...»⁵²

С неутомимой энергией выступал против империализма, милитаризма и приобретения США колоний Карл Шурц. 4 января 1899 г. он прочел в Чикагском университете лекцию на тему «Проблема империализма». Он отвергал все аргументы экспансионистов, доказывая их абсурдность. Нельзя, говорил он, сравнивать экспансию США на континенте, приобретение Луизианы, Флориды и Калифорнии со стремлением экспансионистов поработить народы Филиппин. Новые территории, которых добиваются империалисты, находятся в тропической зоне; они густо населены; их смешанное население не принадлежит к англосаксам и для их подчинения и удержания, не говоря уже о защите, потребуется значительное увеличение нашей армии и флота. Война против Испании, начавшаяся под флагом «освобождения», превратилась «в азартную игру по захвату земель, в акт преступной агрессии»⁵³.

Он выступал с пламенными речами на конференциях антиимпериалистов, осуждая всю политику Мак-Кинли и открыто обвиняя правительство США в предательстве филиппинского народа. В одном из выступлений во время избирательной кампании в 1900 г. Карл Шурц, характеризуя предательство Филиппин, сказал: «За всю мировую историю ни в одной из республик не произошло акта, превосходящего этот по своему предательству и подлости»⁵⁴.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Ibid., p. 1845—1846.

⁵² A. G. Keller and M. R. Davie. *Essays of William G. Sumner*. New Haven, 1934, p. 295.

⁵³ C. M. Fuess. *Carl Schurz, Reformer (1829—1906)*. Port Washington (New York), 1963, p. 359.

⁵⁴ Ibid., p. 364.

Опровергая аргументы экспансионистов о том, что филиппинцы не способны к самостоятельному правлению, Карл Шурц писал:

«В недрах каждой человеческой общины заложен провиденным священный зародыш [росток] самоуправления, являющийся могучим стимулом человеческого бытия. Всякий правитель, будь то президент или царь, который попытается потушить эту священную искру, повинен в жесточайшем преступлении. Не существует ни одного народа или племени, на каком бы низком уровне развития они ни находились, которые в той или иной степени не имели бы самоуправления. Ни гаптяне, ни жители Санто-Доминго не нуждаются в нашем вмешательстве. Филиппинцы стоят не ниже этих народов, напротив, и адмирал Дьюи, и генерал Мерит утверждали, что филиппинцы более способны к самоуправлению, чем кубинцы»⁵⁵.

Отвечая откровенным милитаристам типа Рузвельта, Лоджа и др., которые восхваляли войны и доказывали, что они «воспитывают в народе более благородные и возвышенные чувства», Шурц говорил, что это возможно только при условии, когда ведутся справедливые войны. Во всех же других случаях история показывает, что «военная слава является самой плохой пищей для демократии. Война, больше, чем что-либо другое, отвлекает внимание народа от наиболее насущных проблем и интересов. Она порождает и слепоту, и ложный патриотизм...»⁵⁶

Выступая против завоевания территории народов Азии и навязывания им политической и экономической зависимости, против конкурентной борьбы за колониальные владения, которая неизбежно влечет за собой гонку вооружений, усиление милитаризма, напряженности между державами и опасности войны, Карл Шурц говорил, что вряд ли даже самые махровые империалисты хотели бы превратить «Соединенные Штаты Америки» в «Соединенные Штаты Америки и Азии»⁵⁷.

Этих же взглядов придерживался Эндрю Карнеги, активно участвовавший в Антиимпериалистической лиге. Он выступал против империалистических захватов, но признавал «мирную» экономическую экспансию. Карнеги категорически отрицал, что филиппинцы не способны к самоопределению. «Прежде всего, — говорил он, — это еще не доказано. То же самое утверждалось в отношении каждой из 16 республик, отделившихся от Испании; аналогичное заявление делалось по адресу Мексики в период жизни нашего поколения; в это же верили англичане, когда дело касалось нас самих.

⁵⁵ «The North American Review», March 1899, p. 370.

⁵⁶ «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», May 1899. Washington, 1899, p. 100.

⁵⁷ «The Century Magazine», Vol. LVI, N 5, September 1898, p. 785.

Ни в каком отношении филиппинцы не стоят на низшем уровне; это далеко не так; они не отстают от кубинцев; представленные себе, они могут совершать ошибки, но какой народ не ошибается?.. Однако результатом будет установление правления, несравненно больше отвечающего потребностям народа, чем то, которое могут обеспечить наши солдаты и их офицеры»⁵⁸.

Таковы были основные аргументы антимпериалистов. Хотя они не добились успеха, нельзя недооценивать их движение и влияние, которое они имели среди народных масс.

Экспансионисты, считавшие, что Филиппины должны стать для США тем же, чем Гонконг и Гибралтар были для Англии и Циндао для Германии, добились ратификации договора. Правящие круги в США, заинтересованные в завоевании рынков в странах Тихого океана, спровоцировали войну против Филиппинской республики. Сенатор Платт утверждал, что США как государство «владеют всеми суверенными правами по отношению к другим народам, не упомянутым в конституции», и что право завоевания включает в себе право управления завоеванными территориями⁵⁹. Другими словами, он признавал за США право устанавливать колониальный режим и превращать население вновь захваченных территорий в рабов американских монополистов. Сенатор же Лодж пытался доказать, что господство США является для филиппинцев «благословением»⁶⁰.

Война, развязанная империалистами США, была жестокой и кровопролитной. Филиппинские народные массы героически боролись против колонизаторов. Из их рядов выдвинулись способные полководцы. В течение первых шести месяцев войны войска США не добились успеха. Даже официальный отчет военного министерства Соединенных Штатов указывал на трудности борьбы с филиппинцами и признавал, что все попытки за это время «занять страну» провалились.

Война США против филиппинского народа

Большую помощь военнице оказала комиссия Шермана, которая искусно применяла демагогию с целью раскола рядов борющихся филиппинцев. Комиссия опубликовала воззвание к филиппинскому народу, в котором заверяла в «сердечной доброй воле и братских чувствах президента и народа США»⁶¹ и утверждала, что «США не только готовы, но и горят желанием установить на Филиппинских островах просвещенную систему управления, при которой филиппинский народ мог бы пользоваться

⁵⁸ «The North American Review», January 1899, p. 12—13.

⁵⁹ J. W. Pratt. Expansionists of 1898, p. 352.

⁶⁰ Ibid., p. 355.

⁶¹ А. А. Губер. Указ. соч., стр. 253.

в широчайшем объеме самоуправлением и обширными свободами, согласующимися с высокими целями правительства и сочетающимися с теми обязательствами, которые США приняли на себя перед лицом цивилизованных наций мира»⁶².

Наряду с этими общими демагогическими рассуждениями в воззвании были изложены конкретные принципы организации колониального режима. Уже первый параграф предупреждал филиппинцев о том, что верховенство Соединенных Штатов должно быть и будет установлено во всех частях архипелага и никто, ему противящийся, не добьется ничего, кроме своей гибели.

Далее следовали обещания установления справедливой системы налогов, гарантий собственности, строительства железных дорог и т. д. Совершенно ясно, что все эти мероприятия были рассчитаны на то, чтобы мобилизовать на сторону США богатые слои филиппинского населения и в то же время обмануть широкие народные массы. И действительно, в то время как народные массы с оружием в руках ожесточенно боролись против новых колонизаторов, консервативные комрадорские и бюрократические элементы из имущих классов Филиппин, которые боялись дальнейшего развития национально-освободительного движения, вошли в контакт с американцами, стремясь прийти к соглашению с ними. Консервативные группировки филиппинской буржуазии и помещиков предпочитали оккупационный режим США углублению революции.

Национально-освободительное движение раскололось на два лагеря. Один из них выступал за продолжение революционной войны, другой — комрадорские и бюрократические элементы, — за соглашение с американскими империалистами.

Война против филиппинских патриотов приняла затяжной характер⁶³. Американские генералы и правительство США вскоре убедились в том, что они имели «неправильное представление о силе сопротивления Филиппин»⁶⁴, что ведение войны против народа, полного решимости отстоять свою свободу и независимость, не легкая задача. Да и в США война против филиппинцев была крайне непопулярна⁶⁵. Сообщения о военных действиях из-за строгой цензуры поступали весьма туго и не всегда отражали действительные события. Правительство США заинтересовано было сеять в народе «преувеличенные иллюзии». Результаты шестимесечных усилий на фронтах колониальной войны,

⁶² А. А. Губер. Указ. соч., стр. 253.

⁶³ О ходе войны см. А. А. Губер. Указ. соч., гл. VI и VII; M. Storey and M. P. Lichauco. The Conquest of the Philippines by the United States 1898—1925. New York, 1926, chapters VII, VIII.

⁶⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1899 г., д. 110, л. 51 (Донесение Кассини от 4 марта 1899 г.).

⁶⁵ Там же, л. 25.

даже по официальному отчету военного министра, оказались неутешительными. Трудности, с которыми столкнулись оккупационные войска, вновь показали героизм, смелость и настойчивость патриотической, освободительной филиппинской армии. Американский генерал Лаутон, непосредственный участник войны, писал, что, учитывая, в каких тяжелых условиях плохо вооруженные филиппинцы боролись против оккупационной армии, он пришел к выводу, что ему не приходилось видеть более смелых людей⁶⁶.

Но борьба филиппинского народа за свою независимость решалась не только на полях войны. В огромной степени исход этой борьбы зависел от политической линии, проводимой правительством Филиппинской республики. К сожалению, отсутствие единства в руководстве национально-освободительным движением привело к его ослаблению.

Под давлением умеренного правого крыла, боявшегося дальнейшего подъема национально-освободительного движения, из правительства Агинальдо были устранены сторонники продолжения революционной войны. Буржуазно-помещичьи элементы добивались от Агинальдо устранения Луны — самого энергичного и талантливого сторонника революционной войны, главнокомандующего филиппинскими силами Центрального Лусона. Луна много сделал для реорганизации армии на Лусоне; он выступал против всех маневров, рассчитанных на то, чтобы добиться соглашения с оккупантами. В заявлении, опубликованном в «Ла Индепенденсия», Луна писал: «Филиппинский народ стремится к независимости, и я до конца буду защищать свою страну, оставаясь верным моей клятве и моему флагу. Я искренне верю, что лучше умереть в бою, чем подчиниться иностранному господству. Я утверждал это до войны и это же говорю теперь»⁶⁷.

5 июля 1899 г. Луна был убит агентами Агинальдо. Вслед за этим была арестована группа «непослушных» филиппинских офицеров, разоружены два батальона из армии Луны. Это облегчило разгром революционного крыла. Агинальдо начал переговоры с американцами. Филиппинская делегация настаивала на временном перемирии при условии предоставления Соединенными Штатами определенных гарантий. Условия же государственного департамента сводились к безоговорочному подчинению Филиппин США. На это филиппинцы не могли пойти, и соглашательские элементы вынуждены были продолжать войну.

Конгресс США немедленно принял решение об увеличении регулярной армии на Филиппинах с 27 тыс. до 65 тыс. Был объявлен набор добровольцев. К ноябрю 1899 г. численность американских войск на Филиппинах превысила 65 тыс. человек.

⁶⁶ M. Storey and M. P. Lichauco. Op. cit., p. 111.

⁶⁷ T. M. Kalaw. Op. cit., p. 188.

К весне 1901 г. она достигла 70 тыс.⁶⁸ Американцам удалось нанести ряд серьезных ударов филиппинской армии, и она вынуждена была перейти к партизанской борьбе, которая продолжалась около двух лет. Американская военщина жестоко расправлялась с филиппинскими патриотами; расстреливали не только партизан, но и мирных жителей. Убивали женщин, стариков и детей, раненых и пленных. Американские генералы Бэлл, Смит и др. применяли бесчеловечные методы расправы, пытки и расстрелы мирных жителей. В одном из докладов Бэлл сообщал, что в одном районе он отдал приказ «тщательно обыскивать каждое ущелье, долину и скалу, чтобы обнаружить там мятежников или запасы пищи, рассчитывая уничтожить все вокруг городов. Все здоровые мужчины должны быть убиты или взяты в плен. . .»⁶⁹

Согласно данным генерала Бэлла, на одном только Лусоне в результате военных действий и зверств американской военщины погибла шестая часть населения. А население Лусона накануне войны составляло свыше 3,2 млн. человек.

На о-ве Самар генерал Смит организовал концентрационные лагеря в прибрежных районах и насильственно сгонял туда мирное население. Отказавшихся выполнять приказ о переселении в указанный срок расстреливали. В борьбе против партизан применялись самые зверские методы. В одном из приказов Смита говорилось о необходимости «убивать и жечь» и превратить «провинцию Самар в унылую пустыню». Генерал приказал убивать всех способных носить оружие, причем детей старше 10 лет он считал не менее опасными, чем взрослых⁷⁰.

На всех островах и районах Филиппинского архипелага оккупационные войска США, нарушая общепринятые международные нормы, применяли зверские методы истребления мирного населения, казни и пытки, в том числе и «лечение водой» партизан и всех подозреваемых в сочувствии к ним. Районы, где действовали партизаны, предавались огню. Убийства и грабежи, организованные оккупантами, вызывали возмущение и протест прогрессивных слоев США. Особенно острой критике подвергся военный министр Рут. Сенат вынужден был назначить специальную комиссию для расследования всех этих действий американской военщины на Филиппинах. Из собранных материалов, несмотря на старания членов комиссии, пытавшихся оправдать действия американских властей, было ясно, что колонизаторы

⁶⁸ T. M. Kalaw. Op. cit., p. 284—285. По другим данным, оккупационная армия на последнем этапе борьбы имела 2367 офицеров и 71 727 рядовых американских солдат (см. W. C. Forbes. The Philippine Islands. Cambridge, 1945, p. 59).

⁶⁹ T. M. Kalaw. Op. cit., p. 300.

⁷⁰ Ibid., p. 299.

применяли средневековые методы в борьбе против филиппинского народа.

В документах сената приводятся материалы, разоблачающие средневековые методы борьбы американской военщины против всех подлинных филиппинских патриотов. Рядовые солдаты в письмах рассказывали о пытках, которые применялись с целью выведать у филиппинцев необходимую информацию. В одном из таких писем американский солдат сообщал, что участвовал в «водолечении» 160 туземцев, из которых 136 умерли. В выступлениях сенаторов указывалось, что организация концентрационных лагерей американской военщиной ничем не отличается от методов, которые применял испанский генерал палач Вейлер на Кубе. Сенатор Петтигрю в своих выступлениях доказывал, что американская военщина на Филиппинах, борясь против патриотов, применяла «более мучительные и утонченные пытки, чем те, которые во время инквизиции изобретали кровавые палачи»⁷¹.

«Вейлеризм есть вейлеризм, где бы он ни проявлялся, будь то на Кубе или на Филиппинах. Если для Испании это было политикой жестокости и трусости, такой же жестокой и трусливой эта политика является и для Соединенных Штатов»⁷².

Но наиболее ярким свидетельством, разоблачающим всю предательскую политику американских официальных кругов в отношении своего союзника в войне против Испании, филиппинского народа, являются правдивые выступления сенатора Хора. В одном из них он изложил всю историю взаимоотношений с Агинальдо, а затем и историю колониальной войны, разоблачая политику империалистов и их «жажду захватов». Хор говорил: «К какой практической политике привели ваши идеалы и сантименты? Вы нанесли 600 миллионов убытка казне. Вы принесли в жертву около 10 тысяч американцев в самом расцвете сил. Вы опустошили провинции. Вы погубили многие тысячи людей, которым вы хотели принести пользу. Вы устроили концентрационные лагеря. Ваши генералы вернулись домой с богатым урожаем в виде тысяч больных, раненых и безумных, чтобы влачить жалкое существование, искалеченных физически и духовно. В глазах многих народов вы превратили американский флаг в эмблему надругательства над христианской церковью, поджога жилищ и ужасов пыток водой. . . »⁷³

Между тем в помещичье-буржуазных кругах Филиппин все более и более брали верх сторонники капитуляции. Многие открыто перекочевали в лагерь оккупантов и превратились в чиновников американских властей, установивших первые колониаль-

⁷¹ Congressional Record, 57th Congress, 1st Session, Vol. XXXV, Pt. II, p. 1650.

⁷² R. F. Pettigrew. The Course of Empire. An Official Record. New York, 1920, p. 281.

⁷³ Из выступления Хора в сенате 22 мая 1902 г.

ные органы управления в захваченных районах. Позиция Агинальдо, выступавшего за «почетное соглашение» с оккупантами, ослабляла борющийся лагерь и объективно помогла американским империалистам в проведении своих планов разгрома национально-освободительного движения и установления колониального режима.

В марте 1901 г. Агинальдо вследствие измены был схвачен американцами⁷⁴. Вскоре после беседы с руководством оккупантов Агинальдо принял присягу на верность США и опубликовал призыв к филиппинскому народу о прекращении борьбы за независимость.

Капитуляция Агинальдо оказала большую помощь оккупантам. Вслед за Агинальдо капитулировал ряд других генералов и командиров, возглавлявших партизанскую армию.

Как только кончились военные действия, началась расправа с революционерами. Руководители национально-освободительного движения, выступавшие против соглашения с оккупантами, были высланы из страны. Тысячи людей были брошены в тюрьмы. Смертные приговоры стали частым явлением, а осуждение на 10—20 и больше лет тюремного заключения и каторжных работ считалось сравнительно мягким приговором.

Организация колониального режима на Филиппинах

Одновременно с военным разгромом национально-освободительного движения представители США проводили работу по организации колониального режима. Еще 3 июня 1900 г. на Филиппины приехала новая комиссия, возглавляемая Тафтом. Она сменила комиссию Шермана, обеспечившую США поддержку наиболее консервативных элементов Филиппин. Комиссия Тафта должна была завоевать на сторону Штатов ту часть буржуазии, которая еще не стояла на почве безоговорочного признания господства оккупантов. Эта задача в значительной мере облегчалась военными неудачами филиппинцев и капитуляцией Агинальдо и его сторонников. При помощи соглашательских элементов из буржуазно-помещичьих слоев Филиппин комиссия Тафта разработала законопроект об организации муниципалитетов. 19 сентября 1900 г. был принят закон о гражданской службе. По этому закону право занимать должности на гражданской службе (за исключением должностей губернатора и глав департаментов) после сдачи соответственного экзамена было предоставлено американцам и филиппинцам. Цель этого закона

⁷⁴ АВПР, ф. Канцелирия, 1901 г., д. 105, № 23, лл. 97—98 (Кассини — Ламсдорфу, 28 марта (10 апреля) 1901 г. Кассини сообщает подробности о том, как генерал Фенстон взял в плен Агинальдо).

опять-таки заключалась в том, чтобы ускорить переход филиппинской буржуазии и интеллигенции на сторону США. Созданные комиссией муниципальные и провинциальные органы гражданской службы действовали в полном контакте с военными властями, способствуя «умиротворению» страны. Согласно закону устанавливались четыре класса муниципалитетов (соответственно числу населения), правление которых состояло из президента, вице-президента и муниципального совета, избираемого на четыре года. Право же голоса получали мужчины с 23-летнего возраста, которые удовлетворяли одному из следующих трех требований: 1) занимали какую-нибудь муниципальную должность до 13 августа 1898 г.; 2) владели собственностью стоимостью не менее 500 песет или платили 30 песет налога; 3) говорили, читали и писали на английском или испанском языке⁷⁵. Ясно, что в результате таких требований широкие массы населения Филиппин лишались права голоса. Кроме того, все эти законы распространялись только на провинции, населенные филиппинцами, принявшими христианство. Территории же, населенные племенами моро, оставались под юрисдикцией военных властей до июня 1903 г. 25 июня 1901 г. президент США назначил Тафта губернатором Филиппин.

Американские власти подавляли всякое движение, ставившее себе целью борьбу за независимость.

Вся система гражданской администрации, установленная Тафтом, помимо всего, была рассчитана на то, чтобы обмануть общественное мнение в США и в других странах; чтобы показать, что колониальный режим Соединенных Штатов является «особым», «исключительным». В действительности же режим Тафта «гражданская свобода», как справедливо писали Сторей и Личоуко, «не означал политической свободы и еще менее — независимости»⁷⁶. Сам Тафт в выступлениях и официальных отчетах, фактически исходя из расовой теории о превосходстве англосаксов, утверждал, что потребуются жизнь нескольких поколений, пока филиппинцы смогут сами распоряжаться своей судьбой. Установленный им режим по существу являлся подлинным колониальным деспотизмом.

1 июля 1902 г. был принят Органический закон об управлении Филиппинскими островами. Он санкционировал все законы США, изданные американскими властями на Филиппинах, и разрешал через два года после проведения властями США переписи на Филиппинах создание выборной законодательной ассамблеи. Гражданский губернатор, вице-губернатор, члены комиссии и главы департаментов назначались президентом США

⁷⁵ W. F. Willoughby. Territories and Dependencies of the United States, Their Government and Administration. New York, 1905, p. 264.

⁷⁶ M. Storey and M. P. Lichauco. Op. cit., p. 189.

с согласия сената. Закон объявлял все население островов гражданами Филиппин. Вся законодательная власть принадлежала ассамблее, состоящей из двух палат. Верхняя палата, в которую входили 4 американца и 4 филиппинца, назначалась правительством США. Нижняя палата в количестве 50—100 депутатов избиралась населением. Избирательное право предоставлялось лишь лицам, состоявшим на государственной службе при власти испанцев, владельцам недвижимого имущества стоимостью не меньше 250 долл., плательщикам налогов в размере 50 долл., умеющим говорить и читать на испанском или английском языке. Эти ограничения привели к тому, что только имущие классы могли участвовать в выборах ⁷⁷.

Содержание оккупационной администрации островов дорого обходилось филиппинцам. США ввели на Филиппинах поземельный налог, разорявший крестьянство. Только 5 млн. акров земли сохранилось за местным населением, 65 млн. акров оказалось в руках оккупационных властей ⁷⁸, а в дальнейшем, несмотря на все законы по органичению земельных участков, североамериканские монополистические компании и сросшиеся с ними филиппинские помещики захватили лучшие земли Филиппин. Вся система налогов, навязанная филиппинцам, тяжелым бременем ложилась на плечи трудящихся масс страны. Чтобы обеспечить себе преобладание во внешней торговле Филиппин, Соединенные Штаты Америки, обязанные по договору с Испанией в течение десяти лет допускать испанские товары на таких же основаниях, как и американские, значительно повысили ввозные пошлины в интересах своих монополий, что привело к росту дороговизны.

Не удивительно поэтому, что американский политический деятель и ученый П. С. Рейнш писал: «Кроме Италии, трудно было бы сыскать налоговую систему, которая бы так эффективно подрывала всю деловую жизнь» ⁷⁹.

Органический закон США помог оккупационным властям в проведении политики «усмирения» Филиппин. Буржуазно-помещичьи круги архипелага, испугавшиеся размаха национально-освободительного движения, капитулировали перед оккупантами. Созданная еще в конце 1900 г. Федеральная партия была явно проамериканской. Она активно сотрудничала с оккупантами, выступала за признание суверенитета США и в конечном счете

⁷⁷ См. W. F. Willoughby. *Op. cit.*, p. 191—201. Первые выборы в ассамблею проходили в 1907 г., причем в них участвовало только полтора процента населения.

⁷⁸ M. Storey and M. P. Lichauco. *Op. cit.*, p. 191.

⁷⁹ M. Storey and M. P. Lichauco. *Op. cit.*, p. 217. В 1912 г. военный министр Стимсон в одном из отчетов писал, что содержание на Филиппинах оккупационного режима дорого обходилось филиппинцам.

за превращение Филиппин в штат Соединенных Штатов. Велики были услуги, оказанные Федеральной партией оккупантам. Не удивительно, что американские власти высоко оценивали ее деятельность, считая ее надежной опорой. В феврале 1901 г. на Филиппинах возникла Консервативная партия. В отличие от Федеральной партии она «не желала американизации Филиппин и превращения их в штат США и в своих политических требованиях ограничивалась пожеланиями американского управления при сохранении многих испанских традиций»⁸⁰. Эта партия успеха не добилась. Тем не менее и эта партия оказала большую помощь оккупантам.

Предательство буржуазно-помещичьих кругов Филиппин помогло американским властям «усмирить» страну. Правда, еще в течение нескольких лет после принятия закона 1902 г. не прекращалась борьба народных масс. Так, в 1903 г. в провинциях Кавите и Батангас повстанцы продолжали борьбу. Во главе партизанских отрядов стояли вожди, выдвинутые из среды местного крестьянства. Движение, продолжавшееся несколько лет, было зверски подавлено общими усилиями оккупантов и их агентуры. США стали неограниченными хозяевами архипелага. Установленный ими колониальный режим принес новые барыши американским магнатам, превратившим широкие филиппинские массы в кули американского империализма.

Захват американцами «коронных земель» на Филиппинах открыл для них огромные возможности быстрого обогащения. На островах вскоре появились крупные американские землевладельцы, среди них было не мало офицеров и чиновников оккупационных властей. Они начали захватывать лучшие плодородные земли на островах. За всеми местными помещиками также признавалось право собственности на землю. Оккупационные власти США превратили католические монашеские ордена в свою агентуру. До восстания 1896 г. эти ордена владели на Филиппинах 400 тыс. акров лучших земель⁸¹. Восставшие против испанского ига филиппинцы фактически отняли эти земли. Испугавшись размаха крестьянского движения, правительство США в 1903—1905 гг. добилось соглашения с Ватиканом об уплате католическим орденам 7293 тыс. долл. под видом компенсации за отнятые земли⁸².

Филиппинцы вынуждены были уплатить эту сумму. Когда на островах началось движение за разрыв связей с Ватиканом и за создание независимой католической церкви, правительство США

⁸⁰ А. А. Губер. Указ. соч., стр. 325.

⁸¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1902 г., д. 107, № 57, лл. 217—218 (Кассини — Ламсдорфу, 18 июня (1 июля) 1902 г.).

⁸² См. Special Report of W. H. Taft, Secretary of War to the President on the Philippines. Washington, 1908, p. 20—21.

провело целый ряд мероприятий для ослабления этого движения.

Власти игнорировали требования арендаторов бывших монашеских земель. Обрабатываемых ими земельных участков они не получили. Последние попали в руки тех, кто мог приобрести их с аукциона по ценам, недоступным для рядовых тружеников.

Так американские колонизаторы устанавливали власть паразитического класса помещиков. Сохранив феодальные пережитки, колонизаторы создали условия беспощадной эксплуатации многомиллионных масс тружеников земли.

Политика превращения Филиппин в придаток американского империализма означала, что и в области промышленности проводились мероприятия, увековечивавшие ее отсталость. Промышленность продолжала находиться в течение многих лет в крайне жалком состоянии. Не развивалась горнодобывающая отрасль. Не использовались богатые потенциальные энергоресурсы архипелага. В стране существовали небольшие маслобойные и сахароварные заводы, лесопилки, сигарные фабрики и мастерские по изготовлению пенковых веревок. Преобладание форм мануфактуры, ремесел и домашней промышленности говорило об отсталости производства. Колониальный характер промышленности «проявился также и в том, что принадлежала она в основном не национальному, а иностранному капиталу»⁸³.

Американские монополисты вкладывали капиталы преимущественно в предприятия по первичной обработке экспортного сельскохозяйственного сырья (сахарные и маслобойные заводы), в экспортно-импортные и оптовые торговые предприятия, отчасти же — землю»⁸⁴. Выращивание технических культур в угоду монополистам США привело к свертыванию производства продуктов питания. А это обусловило еще большую зависимость народных масс Филиппин от американских монополистов. Система налогообложения и высокие цены на импортное продовольствие привели к тому, что жизнь на островах страшно вадорожала. «Архипелаг в экономическом отношении очень обеднел. Даже сложилась туземная пословица:

Spaniards — no money, plenty chao-chao;
Americans plenty money, no chao-chao!»⁸⁵

Филиппинцы вынуждены были ввозить рис. Если в 1899 г. за импортируемый рис филиппинцы уплатили 2 млн. американ-

⁸³ Г. И. Левинсон. Филиппины между первой и второй мировыми войнами. М., 1958, стр. 11.

⁸⁴ Там же, стр. 8.

⁸⁵ ЦГА ВМФ, ф. 417, 1905 г., д. 47210. Отчет военно-морского агента А. Небольсина о Филиппинских островах от 25 января 1905 г.

ских долларов, то уже в 1904 г. сумма, потраченная на закупку риса, возросла до 11 600 тыс. долл.⁸⁶

О бедственном состоянии филиппинцев говорят также данные о положении в провинции Батангас. В письме к губернатору Тафту от 2 августа 1905 г. представители этой провинции описали положение муниципалитета Балаян. Вот некоторые из приводимых в письме данных: в 1896 г. там проживало 41 308 жителей, к 1905 г. их число сократилось до 13 924. За эти же годы площадь обрабатываемой земли сократилась с 19 500 га до 1700 га; производство риса сократилось более чем в 3 раза; сахара — более чем в 40 раз⁸⁷ и т. д.

Даже официальные данные, приведенные в отчетах Тафта, говорят о тяжелом положении трудящихся Филиппин. Так, в отчетном финансовом году, закончившемся 30 июня 1907 г., средний процент смертности на каждую тысячу жителей архипелага был 5,59. Однако среди филиппинцев он достигал 36,9. В Маниле 60% новорожденных умирали в течение первого года жизни; в других районах страны положение было еще более тяжелым.

Таким образом, колониальная политика США превратила Филиппины в придаток американского империализма. Экономическая жизнь архипелага была целиком подчинена интересам США. Методы эксплуатации, применяемые американцами на Филиппинах, принесли народным массам островов неисчислимые бедствия и лишения и одновременно создали условия для обогащения американских монополистов и их агентуры на Филиппинах.

Экспансия США в странах Латинской Америки. Агрессивный характер доктрины Монро

Навязывание Кубе «поправки Платта» узаконило право полицейского надзора США над островом. Такая политика полностью гармонировала с теми мероприятиями экономического и политического характера, которые проводились империалистами США в отношении стран Латинской Америки. Американские монополисты уже к началу XX в. имели серьезные интересы в странах Западного полушария, в особенности в районе Карибского бассейна. Прямые инвестиции США за границей в начале XX в. достигали 500 млн. долл., из них 285 млн. были помещены в Латинской Америке, главным образом на Кубе и в Мексике, и продолжали увеличиваться здесь крайне быстро. На Кубе, в Пуэрто-Рико, Коста-Рике и Доминиканской республике по мере внедрения американского капитала в сахарную

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Подробно см. M. Storey and M. P. Lichauco. *Op. cit.*, p. 216.

промышленность коренное население теряло свое положение независимых производителей, превращалось в наемных рабочих, работающих на плантациях сахарного тростника. На банановых плантациях в Коста-Рике, Гондурасе, Гватемале и Колумбии происходили те же процессы. Бывшие самостоятельные производители отрывались от земли, создавался чисто аграрный пролетариат, лишенный куска земли, вынужденный влачить полуголодное существование. В то же время местные жители попадали почти в полную зависимость от продуктов, ввозимых из США.

Прямые инвестиции Соединенных Штатов в горное дело, нефть, фабричные предприятия, коммунальное хозяйство, железные дороги и плантации латиноамериканских стран способствовали укреплению колониального и полуколониального состояния этих стран, несмотря на то, что формально они считались независимыми. Инвестиции усиливали экономическую зависимость этих стран от рынков США. Они открывали широкие возможности не только для политического, но и для военного проникновения США, что фактически вело к потере этими странами независимости и суверенности.

Развитие торговли между США и странами Латинской Америки после испано-американской войны также подтверждает экономическую зависимость этих стран от США. Все страны, как Карибской, так и Южной Америки, являлись в основном аграрными. Сельскохозяйственные продукты и полезные ископаемые представляли главные предметы экспорта. В этих странах добывались нефть, серебро, свинец, медь, железная руда, марганец, цинк и ртуть, причем по добыче некоторых из них карибские страны занимали видное место не только в Западном полушарии, но и во всем мире. Одна Мексика давала $\frac{1}{3}$ мировой добычи серебра, а по добыче платины Колумбия занимала третье место в мире. Эта же страна являлась крупным поставщиком изумрудов. Другим важным продуктом, превышающим по стоимости все остальные ископаемые, являлась нефть.

Снабжение США такими промышленными металлами, как свинец, медь, хром, марганец и пр., из стран Латинской Америки все возрастало. Американские монополии (фруктовые, сахарные, нефтяные, железнодорожные, коммунальные и др.), внедрившиеся в эти страны, приложили много усилий к тому, чтобы превратить их в аграрно-сырьевой придаток США. В большинстве стран господствует система монокультуры. Почва и климат оказались благоприятными для выращивания кофе и бананов. Основой народного хозяйства Гондураса являлись почти исключительно банановые плантации. Куба в основном зависела от урожая сахара и табака. Сальвадор почти в такой же мере зависел от производства кофе. Никарагуа выручала от экспорта кофе столько же, сколько от всего остального экспорта. В Венесуэле

была развита нефтяная промышленность. Поскольку американский капитал внедрялся во все эти отрасли промышленности, политика государственного департамента США была направлена на защиту их интересов.

Добиваясь монопольного господства в Западном полушарии, США стремились вытеснить или по крайней мере ослабить влияние Англии, Франции, Германии и других держав в этих странах. Для защиты интересов американских капиталистов государственный департамент выработал особые методы экспансии в этом районе. Крупные корпорации США, имеющие прямые или косвенные капиталовложения в странах Латинской Америки, требовали, чтобы государственный департамент проводил твердую политику в их интересах и чтобы в этих странах царили «мир и порядок», столь необходимые для их «национального и коммерческого благосостояния»⁸⁸. Правительства этих стран вынуждались «советоваться» с монополистами и дипломатами США по экономическим, политическим и социальным вопросам. Нет сомнения в том, что «финансовые предприятия, корпорации, торговые палаты и различные объединения вкладчиков, заинтересованные в заграничных предприятиях, являлись движущими силами, ответственными за изменение курса американской дипломатии»⁸⁹. Когда для защиты американской собственности за границей дипломатические мероприятия оказывались недостаточными, департамент по морским делам посылал американских моряков для проведения военных операций в интересах монополистов США.

Политика США в странах Западного полушария прошла различные этапы, включая и вооруженную интервенцию. Цели, преследуемые этой политикой, также менялись на различных этапах. Тем не менее в Центральной Америке, как пишет американский историк Риппи, «основной задачей в течение долгого периода являлось стремление усилить господство США на берегах Мексиканского залива и Карибского моря с тем, чтобы не дать возможности другому сильному государству занять положение США»⁹⁰.

Экспансионистскую политику США в Западном полушарии старались оправдать путем измышления различных новых теорий или удобных для США толкований доктрины Монро⁹¹.

Нет сомнений, что доктрина Монро с самого начала содержала зародыши будущих экспансионистских тенденций Соединен-

⁸⁸ J. Carter. Op. cit., p. 95.

⁸⁹ Ibid., p. 100.

⁹⁰ J. F. Rippy. Latin America in World Politics. An Outline Survey. New York, 1938, p. 278—279.

⁹¹ Текст доктрины см. D. Perkins, H. Off. A History of the Monroe Doctrine. Boston, 1943, p. 320—392 (на рус. языке текст см. Н. Н. Болховитинов. Доктрина Монро. М., 1959, стр. 309—310).

ных Штатов Америки, она превратилась в подлинное орудие агрессивной политики.

Из доктрины, основой которой являлась борьба против попытки вторжения европейских держав в страны Западного полушария, она все больше превращалась в доктрину, сущность которой сводилась к положению: «Вся Америка для североамериканцев». Известный аргентинский юрист Кинтана следующим образом охарактеризовал отношение народов Латинской Америки к доктрине Монро в эпоху империализма: «Доктрина Монро, — писал он, — не является доктриной, требующей Америку для американцев, она требует Америку для североамериканцев. Она служит Соединенным Штатам превосходным оружием для того, чтобы изолировать Европу от Америки и установить в ней свою гегемонию. США постоянно старались получить всякого рода концессии, нарушая суверенные права остальных американских стран. Эта доктрина является очень опасной, так как служит прикрытием политики североамериканского империализма»⁹².

Доктрина Монро оказала большую помощь США в борьбе за установление их гегемонии в Западном полушарии и прежде всего в «американском Средиземноморье». Она содействовала проведению экспансионистской политики США в интересах американских акционеров, промышленников, концессионеров и таких крупных корпораций, как «Юнайтед фрут компани» или нефтяные тресты. Доктрина Монро служила целям американской экспансии во время президентств Полка в 40-х годах XIX в., Бьюкенена — в 50-х годах, Гранта в вопросе о Санто-Доминго.

В 1895 г. государственный секретарь Олли направил ноту министерству иностранных дел Великобритании с требованием немедленно передать на арбитражное решение вопрос о границе с Венесуэлой, угрожая в противном случае войной. В этой ноте говорилось: «В настоящее время Соединенные Штаты фактически являются полновластным хозяином этого континента и их желание служит законом для подданных стран, находящихся под их покровительством. И все это потому, что, помимо всех других оснований, неограниченные ресурсы США, наряду с их изолированностью, делают их хозяином положения и фактически неуязвимыми для всех других государств»⁹³.

Такая интерпретация доктрины Монро, дающая возможность США считать себя полновластным хозяином обоих материков, вызывала резкий протест в странах Латинской Америки. В Мексике, Аргентине, Чили и других странах Латинской Америки нота Олли была встречена критически и враждебно.

⁹² «New York Times», 13.X 1920.

⁹³ J. B. Moore. A Digest of International Law, Vols I—VIII. Washington, 1906, Vol. VI, p. 553; Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (далее: Foreign Relations), 1896. p. 545—562.

Здесь понимали, что новая интерпретация доктрины Монро приведет к еще большему, чем прежде, применению интервенционистских методов со стороны США, к еще большему их вмешательству в дела латиноамериканских стран.

В конце прошлого столетия идеи Олни получили подтверждение в выступлениях Денби в защиту интервенционистской доктрины, согласно которой обязанностью Америки являлось «вмешательство во все дела, происходящие за границей, если это вмешательство соответствует ее интересам»⁹⁴. Заявление Денби, безусловно, являлось призывом к более агрессивному вмешательству в целях обеспечения экономических интересов США.

Однако главная «заслуга» превращения доктрины Монро в орудие для проведения агрессивной политики США принадлежит Теодору Рузвельту. До его прихода к власти европейские государства свободно собирали платежи по своим займам и защищали своих подданных и их имущество в странах Латинской Америки. В течение 80 лет правительства европейских стран время от времени бомбардировали порты Латинской Америки и высаживали свои войска на территории латиноамериканских стран с тем, чтобы силой заставить их выполнять навязанные им обязательства. Рузвельт решил покончить с таким положением. Он был инициатором политики, превратившей США в «полицейского Западного полушария».

Т. Рузвельт утверждал, что США обязаны обеспечить разрешение всех споров в Латинской Америке и охрану как европейских, так и американских граждан в случае, если им угрожает опасность. Если США не сделают этого, заявлял президент, то европейские государства придут в Западное полушарие, останутся здесь навсегда и будут угрожать безопасности США.

Таким образом, доктрина Монро была расширена с тем, чтобы ею можно было замаскировать эту новую империалистическую политику.

Венесуэльский конфликт

До блокады портов Венесуэлы совместными силами Англии, Италии и Германии в 1902 г. США не протестовали на основании доктрины Монро ни против войны Испании с Чили в 1865—1866 гг., ни против мексиканской экспедиции Наполеона III. Однако с 1902 г. президент Рузвельт, основываясь на доктрине Монро, возложил на США ответственность за урегулирование спора между Венесуэлой и ее европейскими кредиторами.

Германия, Великобритания и Италия предъявили Венесуэле требование об уплате долгов. Однако диктатор Венесуэлы игно-

⁹⁴ Ch. Denby. The Doctrine of Intervention. — «Forum», Vol. XXVI, 1898, p. 392.

рировал требования европейских кредиторов. Тогда в декабре 1901 г. правительство Германии приняло решение прибегнуть к предупредительным средствам, установить блокаду Венесуэлы, чтобы заставить правительство Кастро удовлетворить претензии подданных европейских держав. В то же время Германия, стремясь предотвратить интервенцию США на основании доктрины Монро, в меморандуме государственному департаменту США заявила, что она «не намерена посягать на захват хотя бы незначительной территории на Южноамериканском материке или на прилегающих к нему островах»⁹⁵.

В своем ответе от 6 декабря 1901 г. государственный секретарь Хэй обратил внимание германского правительства на то место в послании Рузвельта от 3 декабря 1901 г., где последний ссылался на доктрину Монро. «Доктрина Монро, — говорилось в обращении, — является декларацией о том, что на американской земле не должно быть сделано никаких территориальных приобретений со стороны неамериканских государств за счет какого-либо из государств Америки». Одновременно с этим Теодор Рузвельт заявил, что, принимая доктрину Монро, США «не гарантируют ни одну из американских стран от наказания в случае плохого ее поведения, но при условии, что это наказание не примет формы захвата территории со стороны какого-либо из неамериканских государств»⁹⁶.

Когда правительство Италии предъявило свои требования, государственный департамент США ответил в том же духе, предупредив Италию, «что если она собирается организовать выступление против Венесуэлы, то лучше это сделать не одновременно с Германией. В противном случае это может оказать вредное влияние на общественное мнение США»⁹⁷.

Англия предъявила свои претензии, требуя одновременно, чтобы Венесуэла возместила убытки, причиненные в результате захвата и уничтожения английских судов. В течение нескольких месяцев Англия и Германия договаривались о совместных действиях против Венесуэлы. И только 9 декабря 1902 г. началась блокада венесуэльских портов с целью заставить правительство Кастро удовлетворить претензии европейских кредиторов в размере 30 млн. долл.⁹⁸

11 декабря правительство Венесуэлы обратилось к США

⁹⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1902 г., д. 107, № 73 (Кассини — Ламсдорфу, 18 декабря 1901 г.); House Documents, N 1, 57th Congress, 1st Session, Vol. I, p. 192—194.

⁹⁶ Foreign Relations, 1901, p. 192—195; J. R. Clark, Memorandum on the Monroe Doctrine. Washington, 1930, p. 173—174.

⁹⁷ A. L. P. Dennis. Adventures in American Diplomacy 1896—1906. New York, 1928, ch. XI.

⁹⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1902 г., д. 107, № 104, лл. 372—373 (Кассини — Ламсдорфу, 20 ноября 1902 г.); там же № 108, лл. 385—387 (Кассини — Ламсдорфу, 4 декабря 1902 г.).

с просьбой о передаче спора на разрешение третьейского суда. Государственный секретарь США направил предложение Венесуэлы в Лондон и Берлин, не оказывая при этом какого-либо давления.

Германское министерство иностранных дел незамедлительно отправило инструкцию своему послу в Лондоне Меттерниху, в которой указывалось на необходимость согласиться на посредничество. 18 декабря 1902 г. Англия и Германия дали принципиальное согласие на передачу всего спора на рассмотрение арбитражной комиссии. Пока осуществлялись условия арбитража, блокада продолжалась обычным порядком. Вскоре не только Италия, но и Франция и другие державы, не участвовавшие в блокаде, также дали свое согласие подчиниться решениям арбитражной комиссии⁹⁹.

Венесуэльский конфликт был использован Теодором Рузвельтом и экспансионистской прессой для пропаганды своих милитаристских идей. Распространялись версии о том, что милитаристы Германии хотели бы заполучить военную базу в Западном полушарии; Германия обвинялась в недружелюбном к США отношении; американская пресса приводила выдержки из пангерманских газет, направленных против политики США и доктрины Монро. Чтобы несколько разрядить атмосферу, Германия отозвала посла Голлебена, заменив его бароном Шпек фон Штернбургом, другом Теодора Рузвельта¹⁰⁰.

В одном из донесений Ламсдорфу русский посол в США Кассини писал, что Рузвельт использовал венесуэльский конфликт и добился признания необходимости существенного увеличения американского флота и доведения его до размеров германского. В заключение донесения Кассини сделал следующий вывод: «Одним из последствий венесуэльского кризиса было, таким образом, сознание США необходимости быстрее развития их морских сил и занятия ими места первоклассной морской державы»¹⁰¹.

Решение венесуэльского кризиса мирным путем означало наступление нового этапа в эволюции доктрины Монро. Европейские державы вынуждены были в эти годы считаться с возрос-

⁹⁹ Версия о том, что во время блокады Теодор Рузвельт отправил Германии ультиматум, в котором заявил, что в течение 48 часов должно быть дано согласие на арбитраж или морской министр Дьюи во исполнение правительственного приказа начнет военные действия, не имеет под собой никакой почвы. Она основана на высказывании Рузвельта в 1916 г., которое не подтверждено никакими документами; легенда создана самим Рузвельтом, по-видимому, в целях шовинистической пропаганды, направленной против Германии.

¹⁰⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1903 г., д. 113, № 2, лл. 6—8 (Кассини — Ламсдорфу, 1 января 1903 г.).

¹⁰¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1903 г., д. 113, № 18, лл. 59—61 (Кассини — Ламсдорфу, 26 февраля 1903 г.).

шей силой США. Английская «Вестминстерская газета» в статье о Венесуэле писала, что «доктрина Монро вновь появляется с неимоверно возросшим авторитетом», а «Сетердей ревю» провозгласила, что «монроизм побеждает в результате добровольного ухода Европы с Американского континента и прилегающих островов»¹⁰².

Вмешательство США во внутренние дела Доминиканской республики

Разрешение венесуэльского конфликта является только одним, хотя и важным этапом в развитии доктрины Монро. Теодор Рузвельт, который, по меткому определению Генри Адамса, был «воплощением действия», не мог не воспользоваться возникшей ситуацией для дальнейшего утверждения «контроля» США над странами Латинской Америки. Немедленно после ликвидации венесуэльского конфликта США открыто вмешались в дела Доминиканской республики.

Монополисты США в течение многих десятилетий проводили мероприятия по эксплуатации богатств этой маленькой, много-страдальной страны. В 1893 г. американская компания по развитию Санто-Доминго (Santo Domingo Improvement Company) купила заемные обязательства республики за 170 тыс. ф. ст., выданные правительством Санто-Доминго Датской компании¹⁰³. Вслед за этим американская компания сама предоставила доминиканцам ряд займов и вместе с этим приобрела право взимать все таможенные пошлины, служившие обеспечением этих займов. После того как в 1901 г. правительство республики отменило это невыгодное для него соглашение, американская компания обратилась к государственному департаменту США с просьбой защитить ее интересы. Госдепартамент настоял на непосредственных с компанией переговорах. 31 января 1903 г. был подписан протокол, по которому правительство Доминиканской республики обязалось выкупить свои долговые обязательства компании, уплатив правительству США 45 млн. долл. золотом. Арбитражный совет разработал условия платежей: устанавливались 4% годовых, выплачиваемых ежемесячно и обеспеченных таможенными пошлинами и доходами с портов Северного побережья. Было также решено, что в случае невыплаты долговой суммы США назначают финансового агента, который будет контролировать доход от таможен¹⁰⁴. Это было первым серьезным экономическим

¹⁰² D. Perkins, H. Off. Op. cit., p. 227.

¹⁰³ M. M. Knight. The Americans in Santo Domingo. New York, 1928, p. 14—15.

¹⁰⁴ W. M. Malloy (comp.). Treaties, Conventions..., Vol. I, p. 414.

вмешательством в дела Санто-Доминго, попыткой финансового закабаления республики.

Такое открытое вмешательство США в дела Доминиканской республики вызвало протесты со стороны европейских держав, являвшихся кредиторами этой республики. Задолженность республики исчислялась в 32,3 млн. долл., из них около 22 млн. долл. приходилось на долю европейских стран. Возник вопрос, применят ли европейские государства силу для взыскания долгов и как на это будут реагировать США. В середине марта 1903 г. в беседе с германским послом Рузвельт заявил: «Эти несчастные республики вызывают у меня большое беспокойство. Второй попытки собирать долги силой здесь бы не стерпели. Я часто думаю о том, что выходом явится лишь какой-либо вид протектората над Южной и Центральной Америкой»¹⁰⁵.

Разрешив венесуэльский кризис, Рузвельт считал необходимым применить такую политику, которая сделала бы невозможным вмешательство европейских держав в дела латиноамериканских стран и обеспечила бы монопольное положение США. Но это означало, что США должны взять на себя полицейские функции и гарантировать выплату европейским кредиторам следуемых им долгов. Французские и бельгийские кредиторы, опираясь на свои договоры с Санто-Доминго, потребовали передачи им таможен республики.

Теодор Рузвельт решил действовать. Воспользовавшись финансовыми затруднениями, которые помешали Доминиканской республике произвести вовремя платежи, финансовый агент США захватил 21 октября 1904 г. таможню в Пуэрто-Плата. Это вызвало еще большее беспокойство европейских кредиторов, которые угрожали применить силу для сбора долгов. В обращении к конгрессу 6 декабря 1904 г. Рузвельт определил свое отношение к латиноамериканским республикам. Он заявил: «Если страна докажет, что она способна эффективно и благопристойно разрешать общественные и политические проблемы и если она соблюдает порядок и выполняет свои обязательства, ей нечего бояться вмешательства США. Но хронический беспорядок, постоянная неспособность поддерживать узы, связывающие цивилизованные народы, могут в Америке, как и во всякой другой стране, настоятельно потребовать вмешательства цивилизованного государства. В Западном полушарии Соединенные Штаты, принявшие доктрину Монро, могут быть вынуждены, помимо своего желания, в вопиющих случаях, вызванных такими беспор-

¹⁰⁵ D. Perkins, H. Off. Op. cit., p. 235. Рузвельт считал, что соглашение с Венесуэлой по удовлетворению претензий должно быть образцом для других держав. Подробно о соглашении см. АВПР, ф. Канцелярия, 1903 г., д. 113, № 13, лл. 44—45 (Кассини — Ламсдорфу, Вашингтон, 12 февраля 1903 г.).

рядками или неспособностью, взять на себя роль международной полицейской силы»¹⁰⁶.

Короче говоря, Рузвельт считал, что США обязаны выполнять «полицейские» функции. Он превратил доктрину Монро, по правильному определению американского историка Паркера Томаса Муна, в мандат американского империализма¹⁰⁷, в орудие для вмешательства США во внутренние дела латиноамериканских стран, для борьбы против национально-освободительного движения.

Государственный департамент США, ссылаясь на доктрину Монро и на высказывания Рузвельта, предложил американскому посланнику в Доминиканской республике Даусону посоветовать правительству обратиться к США с «просьбой» взять в свои руки сбор пошлин для распределения полученных денег среди кредиторов. Боязнь европейских кредиторов, угрожавших интервенцией, и давление государственного департамента США заставили президента Доминиканской республики Моралеса выполнить это требование и обратиться с такой «просьбой» к правительству Соединенных Штатов.

Переговоры, происходившие в условиях «морального воздействия» военно-морских сил в порту Доминиканской республики, привели к подписанию 7 февраля 1905 г. протокола о передаче в ведение США всех таможен Санто-Доминго. Из сумм, которые собирались, 45% надлежало отдать доминиканскому правительству для расходов, а 55% предназначались на уплату внешних и внутренних долгов. США обещали республике «необходимую помощь в восстановлении кредита, по охране порядка, в улучшении работы гражданской администрации и обеспечении материального прогресса и благосостояния Доминиканской республики»¹⁰⁸.

В преамбуле к протоколу доказывалось, что правительство США будет считать «любую попытку со стороны правительства другого полушария оказать давление и добиться контроля над делами Доминиканской республики проявлением недружелюбного отношения к США». Передавая в феврале 1905 г. протокол на утверждение сената, Т. Рузвельт в специальном послании пытался обосновать свои действия ссылкой на доктрину Монро. Он писал: «Либо мы должны примириться с вероломным нару-

¹⁰⁶ Congressional Record, 58th Congress, 3d Session, Vol. XXXIX, Pt. I, p. 19; J. B. Moore. Op. cit., Vol. IV, p. 562; Foreign Relations, 1904, p. XII.

¹⁰⁷ В своей работе ««Self-Defense» and «Unselfish Service» in the Caribbean», написанной в 1929 г. (в коллективном труде «The United States and the Caribbean». Chicago, 1929) Мун резко выступает против использования доктрины Монро как орудия империализма. В особенности он бичует политику Т. Рузвельта.

¹⁰⁸ Foreign Relations, 1905, p. 342.

шением доктрины Монро, либо мы должны сами согласиться на такое решение, которое здесь предлагается... Этот протокол подвергает практическому испытанию способность правительства США поддержать доктрину Монро»¹⁰⁹.

Отказ сената утвердить протокол США с Санто-Доминго, устанавливавший по существу протекторат над этой республикой, не остановил Рузвельта. Пользуясь своим правом главнокомандующего армией и флотом, он направил в Доминиканскую республику морскую пехоту и морского офицера в качестве генерального агента по сбору таможенных пошлин. Оказывая давление на Доминиканскую республику, он добился подписания «исполнительного договора»¹¹⁰ с президентом Санто-Доминго. По этому соглашению сборщики пошлин должны были быть американцами, находящимися под защитой военных судов. В том же году генеральный сборщик, назначенный Рузвельтом, приступил к сбору пошлин «под охраной военного флота США»¹¹¹ и к выпуску облигаций для расплаты с иностранными кредиторами.

Политика Теодора Рузвельта подверглась резкой критике в конгрессе и вне его. Указывалось, что президент нарушил американскую конституцию, незаконно установив протекторат над Санто-Доминго. Однако Рузвельт в течение двух лет вел настойчивую борьбу, добиваясь утверждения сенатом его политики в Санто-Доминго. Между тем военные власти сделали все, чтобы поддержать доминиканское правительство Моралеса, выгодное для американского империализма. Все попытки внутри страны свергнуть Моралеса встречали отпор со стороны морских сил США, которые оставались в водах Санто-Доминго. Теодор Рузвельт писал министру по морским делам (сентябрь 1905 г.): «...Предложите адмиралу Брэдфорду помешать любой революции. Я намерен сохранить остров в положении статус-кво до тех пор, пока сенат не предпримет действий в отношении договора, и я буду угрожать любому революционному движению как попытке нарушить модус вивенди»¹¹².

Таким образом, как в теории, так и на практике Теодор Рузвельт использовал доктрину Монро как орудие агрессии, посредством которого США контролировали «поведение» стран Центральной Америки и добивались неограниченного контроля над судьбой этих стран.

«Доктрина Рузвельта» фактически возлагала на США функции полицейской силы и требовала неограниченной монополии этой силы в Западном полушарии. Она превратила США не

¹⁰⁹ Ibid., p. 334.

¹¹⁰ Т. е. договора, основанного на конституционных полномочиях президента и не подлежащего утверждению сенатом.

¹¹¹ J. H. Latané. The United States and Latin America. New York, 1920, p. 279.

¹¹² H. C. Hill. Roosevelt and the Caribbean, p. 164.

только в «полицейского Запада», но также в международного агента по сбору долгов в Западном полушарии. Согласно этой доктрине, в тех случаях, когда возникала потребность вмешательства в финансовые дела или в сбор пошлин в странах Западного полушария, эти функции должны были выполнять только США.

Наряду с политикой, направленной к тому, чтобы помешать европейским странам силой получать свои долги, и отчасти в результате этой политики вырабатывались методы дальнейшего внедрения финансового и промышленного капитала США в страны Латинской Америки. Проводившаяся государственным департаментом политика содействия американским капиталовложениям со временем стала настолько ярко выраженной и определенной, что получила популярное название «дипломатии доллара», которая в качестве одного из основных методов предполагала военную интервенцию в интересах обладателей инвестиций (методы «толстой дубинки») ¹¹³.

Попытка европейских государств собрать долги Венесуэлы путем применения силы, а также утверждение Рузвельта, что насилие над одной из американских стран не противоречит доктрине Монро при условии, что это насилие «не примет формы захвата территории неамериканским государством» ¹¹⁴, вызвали резкий ответ министра иностранных дел Аргентины Луиса Драго. Через два с лишним месяца аргентинский посланник в Вашингтоне также обратился к статс-секретарю Хэю с предложением об установлении принципа компетентности южноамериканских судов в делах между иностранцами и местным населением и о провозглашении незаконности собирания иностранными державами причитающихся их подданным долгов силой оружия.

США ответили отрицательно на это предложение. В короткой ноте Хэй уведомил аргентинского представителя, что взгляды США на доктрину Монро известны; что касается применения европейскими державами силы для взыскания денежных претензий, предъявляемых их подданными к южноамериканским державам, то «поскольку оно не сопровождается территориальными захватами, оно не может встречать активного со стороны США вмешательства. . .» ¹¹⁵

Понятно, эта позиция США не могла удовлетворить аргентинских политических деятелей. В противовес США они выдвигали положения «доктрины Кальво», получившей свое название по имени известного аргентинского публициста и историка.

¹¹³ Генерал Батлер — «герой» многих интервенций, в заявлении, сделанном им агентству «Юнайтед Пресс» 15 сентября 1933 г., признал, что «многие из этих экспедиций были не чем иным, как военными экспедициями по сбору долгов для банкиров Уолл-стрита».

¹¹⁴ См. Annual Message to Congress, December 5, 1905.

¹¹⁵ См. АВБР, ф. Канцелярия, 1903 г., д. 113, № 25, лл. 88—89 (Кассини — Ламсдорфу, Вашингтон, 12 марта 1903 г.).

В книге, посвященной вопросам международного права, Кальво утверждал, что государство не имеет права прибегать к вооруженной интервенции ради удовлетворения частных денежных претензий, предъявляемых его гражданами к другому государству. Он отрицал также ответственность государства за ущерб, нанесенный иностранцам во время внутренних беспорядков и восстаний. «Признать принцип возмещения убытков, — писал Кальво, — значит создать чрезмерную и недопустимую привилегию, выгодную для сильных государств и оскорбительную для более слабых, а также признать несправедливое неравенство между местными жителями и иностранцами... Санкционировав право требовать возмещения убытков, мы нанесем косвенно сильный удар одному из основных принципов независимости государств — принципу территориальной неприкосновенности»¹¹⁶.

Эта доктрина, получившая признание большинства стран Латинской Америки, была полностью использована в ноте Драго, посланной США, и стала известной под названием «доктрины Драго». Согласно этой доктрине капиталист, дающий в долг свои деньги иностранному государству, всегда учитывает ресурсы этой страны и большую или меньшую вероятность того, что принятые обязательства будут выполнены своевременно. Все правительства, таким образом, пользуются различным кредитом соответственно уровню их цивилизации и культуры, а также способности ведения дел, причем все эти условия всегда учитываются до предоставления займов. Вторым основным принципом международного права является признание равенства всех стран. Как признание долгов, так и их уплата должны быть предоставлены на решение самого государства «без ущемления его суверенных прав».

Таким образом, в противовес «доктрине Рузвельта» южноамериканские страны разработали свою доктрину для защиты против агрессии стран-кредиторов. Однако страны эти были слишком слабы, чтобы добиться осуществления «доктрины Драго».

¹¹⁶ S. G. Inman. Problems in Pan-Americanism. New York, 1921, p. 216.

ПАНАМСКИЙ КАНАЛ

**Проблема межокеанского канала
и англо-американское соперничество**

Вопрос о прорытии межокеанского канала являлся не новым для США. Он неоднократно стоял на повестке дня с начала XIX в. В период, когда США были еще слабы, американские государственные деятели не претендовали на то, чтобы США построили канал самостоятельно и после постройки сосредоточили контроль над ним полностью в своих руках. Однако они настаивали на том, чтобы ни одно из иностранных государств не могло установить подобного контроля.

К концу XIX—началу XX в. ситуация резко изменилась. Подъем экономики США, рост торговли со странами Тихого океана, захват Гавайских островов, расширение владений США в результате испано-американской войны, установление колониального режима на Филиппинах и протектората над Кубой, провозглашение политики «открытых дверей» — все это знаменовало превращение США в державу, которая имела серьезные интересы не только в Западном полушарии, но и в странах Тихого океана. В связи с этим вопрос о канале между двумя океанами приобретал для американской финансовой олигархии гораздо более важное, чем ранее, значение в экономической и политической борьбе за мировые рынки. Для пропаганды межокеанского канала в широких кругах буржуазная печать США использовала девятидневный рейс военного судна «Орегон». Для того чтобы достигнуть островов Вест-Индии, «Орегон» должен был покрыть расстояние в 13 400 миль вокруг мыса Горн вместо 4600 миль, которые ему пришлось бы пройти, если бы был построен канал. Этим примером доказывали жизненную необходимость постройки канала между двумя океанами.

Главным препятствием на пути строительства межокеанского канала являлся договор Клейтона — Бульвера, подписанный 19 апреля 1850 г. между США и Великобританией. Основные условия договора заключались в следующем: Англия и США обязались никогда не добиваться и не осуществлять исключи-

тельного контроля над проектируемым каналом через Никарагуа; никогда не сооружать укреплений для охраны канала, не захватывать, не колонизировать и не устанавливать своего контроля над какой-либо частью Центральной Америки. Обе стороны обязались охранять безопасность и нейтралитет канала и предлагали другим странам последовать их примеру; они обещали оказать поддержку всякой компании, которая предприняла бы сооружение канала в духе, соответствующем договору, и, наконец, они соглашались распространить свое покровительство на все каналы и железные дороги через перешеек и особенно на проектируемый межокеанский путь через Теуантепек или Панаму¹.

Договор Клейтона — Бульвера связывал американские правящие круги, ставил их в положение некоторой зависимости от Англии. Многие государственные деятели США даже считали, что принятие договора являлось отказом от доктрины Монро. Официальные круги США стремились аннулировать договор и добиться исключительных прав на прорытие канала через перешеек, что привело бы к ликвидации притязаний Англии в Центральной Америке вообще и особенно в Никарагуа².

Дипломатические переговоры с Англией, продолжавшиеся в течение многих лет, мало способствовали улучшению положения. Поскольку Англия отказалась согласиться на изменение договора Клейтона — Бульвера 1850 г., США начали переговоры в 1884 г. с Никарагуа о заключении договора, предусматривавшего сооружение Штатами канала и установление совместно с Никарагуа контроля над ним, причем США гарантировали территориальную неприкосновенность Никарагуа. Однако, когда в 1885 г. к власти пришел президент Кливленд, он снял этот договор с обсуждения сената. «Всякий путь, — заявил он, — сооруженный через перешеек, разъединяющий два величайших в мире водных пространства, должен приносить выгоды всему миру и служить надеждам человечества. Должна быть исключена возможность установления власти над ним со стороны одного государства. Он также не должен служить причиной враждебных действий или наградой для воинствующего честолюбия»³.

Одновременно с этим французская «Всеобщая компания межокеанского канала», получившая за 10 млн. долл. концессию, начала работы в районе Папамы. Работу возглавил Фер-

¹ Canal Treaties, Senate Documents, N 456, 63d Congress, 2nd Session, p. 5—9; Report of the Senate Committee on Inter-oceanic Canals. Washington, 1901, p. 329—336; Senate Documents, N 160, 56th Congress, 1st Session, p. 4—7.

² К середине XIX в. Англия установила свое господство над берегом Москито, островами залива (Bay Islands) и Белизом.

³ J. H. Latané. The United States and Latin America, p. 177—178; S. F. Bemis (ed.). The American Secretaries of State and Their Diplomacy, Vol. VIII. New York, 1927, p. 87—89.

динанд Лессепс, создатель Суэцкого канала. Была нанята целая армия инженеров и рабочих, закуплено дорогое, но ненужное оборудование. Коррупция, взяточничество, злоупотребления и биржевые спекуляции вскоре привели к банкротству компании. К концу восьмого года расходы достигли 400 млн. долл., выполнено же было лишь около $\frac{1}{3}$ всех работ, в то время как по первоначальному плану стоимость всего сооружения исчислялась в 114 млн. долл. Банкротство компании привело к расследованию, обнаружившему колоссальные злоупотребления администрации. В связи с этим возник крупный скандал во Франции (1892—1893 гг.). Дело было передано в суд. Обнаружилась грандиозная система подкупа парламентариев, членов правительства и прессы, что привело к разорению сотен тысяч вкладчиков. Самое слово «Панама» стало с тех пор нарицательным для крупных мошенничеств.

В США, где некоторые круги считали направление через Никарагуа более выгодным, делались попытки организовать компании по сооружению канала через эту страну. Еще в 1889 г. актом конгресса США была утверждена компания американских капиталистов под названием «Maritime Canal Company of Nicaragua» с целью прорытия канала между Атлантическим и Тихим океанами по территории республики Никарагуа⁴. За три года работы компании строительство разворачивалось крайне медленно⁵.

В 1896 г. государственный секретарь Олли вновь поднял вопрос о договоре Клейтона — Бульвера. В пространном меморандуме он излагал историю договора и заявлял: «На основе принципов, регулирующих взаимоотношения как между странами, так и между отдельными лицами, США признают, что договор сохраняет полностью свою силу. Если изменившаяся обстановка делает некоторые условия, в свое время считавшиеся выгодными, теперь неприемлемыми или оскорбительными, истинное лекарство заключается не в искусных попытках отрицать существование договора и не в той или иной интерпретации его статей, а в прямом и честном предложении Великобритании обсудить вопрос в целом»⁶.

Именно в этом духе правительство США обратилось 7 декабря 1898 г. с официальным предложением к английскому правительству через своего представителя Уайта, которому было поручено

⁴ ЦГА ВМФ, ф. 417, 1893 г., д. 12152, № 383, лл. 2—3 (Депеша барона Шиллинга из Вашингтона, 5(18) января 1892 г. Приложение — Акт конгресса США). Общее протяжение водного пути между океанами составит 169 миль.

⁵ АВПр, ф. Канцелярия, 1898 г., д. 114, № 43 (Кассини — Муравьеву, 10 декабря 1898 г.); S. F. Bemis. A Diplomatic History of the United States. New York, 1942, p. 512.

⁶ J. H. Latané. Op. cit., p. 180.

вести переговоры «в откровенном и дружественном духе взаимного примирения и поднять вопрос о возможности обеспечить такие изменения в условиях договора Клейтона — Бульвера, которые дали бы возможность США завершить дело, предназначенное служить на благо всему цивилизованному миру»⁷.

Переговоры, которые Уайт начал с лордом Солсбери и Бальфуром, происходили в условиях, выгодных для США. Англия искала сближения с США. Захват Германией Циндао, развернувшаяся на Дальнем Востоке борьба за китайские рынки и англо-бурская война толкали Великобританию к тому, чтобы покончить с политикой «блестящей изоляции». Во время испано-американской войны Англия поддерживала США. И в США экспансионистские круги выступали за сближение с Англией. Все это облегчило переговоры. «Перспективы соглашения благоприятны, — телеграфировал Уайт. — Министр иностранных дел настроен благожелательно. Удовлетворен Вашей телеграммой, которую он находит замечательной. Кажется, что лично он, как и Бальфур, относится благосклонно к сооружению канала. В сугубо конфиденциальной беседе он признал, что такое грандиозное предприятие может быть осуществлено лишь при покровительстве правительства, а также, что лучше, чтобы канал находился под защитой одного такого государства, как США, чем двух или более стран»⁸.

В дальнейшем переговоры вели государственный секретарь Хэй и английский посол в США лорд Паунсефот⁹. Касаясь этих переговоров, русский посол в Вашингтоне Кассини писал: «Должно признать, что Хэй выбрал весьма удобный момент для испрошения уступок лондонского кабинета, очевидно, мало расположенного увеличить серьезные затруднения положения, созданного для него южноафриканской войной, новыми осложнениями с Соединенными Штатами»¹⁰.

5 февраля 1900 г. был подписан договор, предоставлявший США право на сооружение и эксплуатацию канала через перешеек при условии его нейтрализации, согласно принципам договора Клейтона — Бульвера¹¹. Условия нейтрализации проектируемого канала, согласно заключенному договору, в основном напоминали конвенцию 1888 г. о Суэцком канале¹².

Не успели еще просохнуть чернила, которыми был написан

⁷ Senate Documents, N 474, 63d Congress, 2nd Session, p. 2.

⁸ Ibidem.

⁹ S. F. Bemis (ed.). The American Secretaries of State and Their Diplomacy, Vol. IX. New York, 1929, p. 152—172.

¹⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1900 г., д. 109, т. 1, № 7, лл. 38—42 (Кассини — Муравьеву, 1 февраля 1900 г.).

¹¹ Senate Documents, N 456, 63d Congress, 2nd Session, p. 7—11.

¹² A. L. P. Dennis. Adventures in American Diplomacy 1896—1906, p. 159—160.

договор, как последовала суровая его критика. Большинство считало, что он не полностью аннулировал договор Клейтона — Бульвера. Кампания против первого договора Хэя — Паунсефота велась в сенате и вне его стен. Серьезные возражения вызывал пункт, запрещавший США возводить укрепления. Шовинистическая пресса подняла шум о дипломатической победе Англии. Против договора резко выступил Теодор Рузвельт. В письмах Хэю он писал: «У меня двоякого рода возражения. Во-первых, с точки зрения морской политики. Если бы канал существовал в 1898 г., «Орегон» мог бы быстрее прийти в Атлантический океан... Но если бы этот канал был открыт для боевых судов неприятеля во время войны, это представляло бы угрозу для нас; он явился бы дополнительным бременем, лишним стратегическим пунктом, который должен охранять наш флот. Если мы укрепим его, он может превратиться в один из наиболее сильных источников нашего морского могущества. Если же он не укреплен, он способствует усилению, во вред нам, всякой страны, имеющей более сильный флот, чем наш...»

Второй вопрос касается доктрины Монро. Если мы привлечем иностранные государства к совместному владению каналом и гарантиям в отношении территории, расположенной так близко от наших границ, как можем мы возражать против подобных же действий, скажем, в Южной Бразилии или Аргентине, где наши интересы менее очевидны? Если Германия будет иметь одинаковые с нами права на канал через Центральную Америку, почему она не может разделить с нами права и в Северной Америке? По моему мнению, мы должны упорно отказывать всем европейским странам в праве контроля в любом виде над теми территориями в Западном полушарии, над которыми они до сих пор его не имеют»¹³

Взгляды Теодора Рузвельта разделяли наиболее агрессивные элементы в стране. В сенате преобладало мнение о необходимости построить на деньги США канал, «защищаемый американскими силами»¹⁴. При обсуждении первого договора Хэя — Паунсефота к нему были приняты три важные поправки: первая заключалась в констатации, что новый договор заменяет договор Клейтона — Бульвера, вторая предусматривала, что ограничения в управлении каналом не распространяются на мероприятия, которые США могут предпринять в целях своей защиты или для охраны порядка на канале и, наконец, третья поправка окончательно вычеркивала статью об участии других держав¹⁵.

¹³ S. F. Bemis (ed.). The American Secretaries of State, Vol. IX, p. 155—156.

¹⁴ АВПР, д. Канцелярия, 1900 г., д. 109, т. 1, № 73, лл. 317—319 (Касини — Ламсдорфу, 5 декабря 1900 г.).

¹⁵ Первая и третья поправки были приняты сенатом единогласно; вторая — большинством в 65 голосов против 17.

Английское правительство отказалось признать эти поправки¹⁶. Для того чтобы урегулировать все спорные вопросы, потребовался еще год переговоров.

16 ноября 1901 г. сенат ратифицировал второй договор Хая — Паунсефота; 18-го, после подписания его президентом США, он вступил в силу¹⁷. Новый договор аннулировал договор Клейтона—Бульвера¹⁸ и предусматривал возможность сооружения канала при прямом или косвенном покровительстве правительства США, которое получает исключительное право эксплуатации и управления им. Принцип нейтральности формально сохранялся, но единственным гарантом были США, которые получали право полицейского надзора над каналом.

Статья первоначального проекта, запрещающая постройку фортификаций, была опущена.

Новый договор устранял препятствия, стоявшие до этого на пути строительства канала; что касается Великобритании, то она уступила, признав приоритет США в Карибском районе, и это давало возможность Соединенным Штатам приступить к постройке канала в любом направлении, которое им покажется более удобным.

В 1895 и 1897 гг. работали комиссии, высказавшиеся в пользу направления через Никарагуа. Назначенная в 1899 г. новая комиссия приступила к исследованию различных возможных вариантов и 16 ноября 1901 г. сделала свой доклад. Стоимость сооружения канала через Никарагуа исчислялась в 189 864 тыс. долл. Работы же по завершению Панамского канала требовали затраты 144 233 тыс. долл., не считая уплаты за права и имущество французской компании, которые достигали суммы в 109 141 тыс. долл., причем комиссия считала, что все имущество этой компании не стоило 40 млн. долл. В заключение комиссия заявляла, что направление через Никарагуа — самое практичное и удобное для прорытия канала через перешеек¹⁹.

В конгрессе и вне его шла борьба между двумя группировками: одна настаивала на панамском варианте, другая — на никарагуанском. Панамская компания Америки была основана

¹⁶ *Diplomatic History of the Panama Canal*, p. 11—17. Приведена переписка с министром иностранных дел Великобритании лордом Лэнсдауном.

¹⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1901 г., д. 107, № 71 (Кассини — Ламсдорфу, 18 декабря 1901 г.). Кассини цитировал следующие слова Лоджа: «Великобритания согласилась передать канал в полное ведение США не только во время мира, но и во время войны, и никто не может сомневаться, что в случае возникновения военных действий США могут действовать по своему усмотрению».

¹⁸ *Senate Documents*, N 85, 57th Congress, 1st Session, p. 11—14; *Diplomatic History of the Panama Canal*, p. 292—294.

¹⁹ *Foreign Policy Association. Information Service*, Vol. IV, N 6, May 25, 1928. *The United States and the Nicaraguan Canal*.

в конце 1899 г. Активную роль в ней играл Уильям Нельсон Кромвель, главный юрисконсульт французской компании Панамы. Вследствие недостатка средств ей угрожала конфискация. Не удивительно, что она стремилась передать свою концессию американскому правительству.

Между тем в палате представителей обсуждался проект Хепборна, рекомендовавший путь через Никарагуа²⁰. После долгих прений, 9 января 1902 г. конгресс принял этот законопроект. Известие об этом повергло в панику французскую компанию, которая согласилась продать США все свои права и имущество за 40 млн. долл. В ответ на это предложение комиссия представила дополнительный доклад, рекомендуя принять панамский вариант.

Законопроект Хепборна вызвал горячие дебаты в сенате. Сенатор Спунер внес поправку, уполномочивающую президента выкупить права на концессию и имущество панамской компании, уплатив не более 40 млн. долл., и обеспечить все необходимые условия для постройки канала со стороны Колумбии. В случае, если в течение определенного времени с Колумбией и французской компанией не удастся добиться удовлетворительного урегулирования всех вопросов, президент должен дать распоряжение о сооружении канала через Никарагуа. 28 июня 1902 г. поправка Спунера, после подписания ее президентом, приобрела силу закона.

Нажим США на Колумбию

Еще задолго до принятия поправки Спунера начались переговоры с посланником Колумбии в США. В переговорах важное значение приобрел договор США с Новой Гранадой (ныне Колумбия) от 12 декабря 1846 г. Новая Гранада гарантировала правительству США и его гражданам право проезда и перевозок по всякого рода путям, существующим в настоящее время и могущим быть построенными в будущем через Панаму. В свою очередь США гарантировали Новой Гранаде «полный нейтралитет вышеупомянутого перешейка с тем, чтобы в будущем, пока будет действовать договор, не могло быть прервано или затруднено сообщение между двумя океанами»²¹.

Переговоры с посланником Колумбии Кончей продвигались крайне медленно²². Государственный секретарь Хэй угрожал вернуться к никарагуанскому варианту. Об этом пространно пи-

²⁰ Кромвель пожертвовал 60 тыс. долл. в фонд республиканцев во время президентской кампании 1900 г. Он приложил много сил, чтобы провалить проект строительства канала через Никарагуа.

²¹ H. Miller (ed.), *Treaties and other International Acts of the United States of America*, Vol. I. Washington, 1931.

²² Подробно см. С. А. Гонимский. История панамской «революции». М., 1958, стр. 36—79.

сала и правительственная печать США. Борьба «двух маршрутов» использовалась экспансионистами США в целях политического шантажа. В конце ноября 1902 г. Конча вернулся в Колумбию. Колумбийскую миссию в Вашингтоне возглавил поверенный в делах Томас Эрран, заинтересованный в скорейшем подписании договора с США. Переговоры быстро продвинулись: 22 января 1903 г. был подписан договор Хэя — Эррана, 17 марта того же года утвержденный сенатом. Договор этот²³ отменял все прежние концессии и уполномочивал французскую компанию продать канал Соединенным Штатам. Он предоставлял последним исключительное право на постройку и эксплуатацию канала и контроль над ним на 100 лет с правом продлить это соглашение еще на такой же срок. США получали право на постоянный контроль над зоной в 3 мили шириной по обе стороны канала, за исключением городов Панама и Колона. Колумбия сохраняла суверенные права над территорией и получала право бесплатно перевозить свои войска, снаряжение и должностных лиц по каналу и железной дороге. Для наблюдения за строительством канала в зоне учреждались колумбийские, американские и смешанные трибуналы, причем юрисдикция каждого из них распространялась на определенные дела. Колумбия обязалась дать свои вооруженные силы для охраны канала и железной дороги. В случае же, если бы Колумбия не смогла выполнить этих обязательств, эти функции с согласия Колумбии брали на себя США. В чрезвычайных же обстоятельствах они получали право действовать и без ее согласия. За все это США выплачивали Колумбии 10 млн. долл. одновременно и должны были через 9 лет после ратификации договора перечислить 250 тыс. долл. ежегодно.

В народных массах Колумбии договор вызвал резко враждебное отношение. Указывали на то, что он нарушает суверенные права Колумбии, что компенсация недостаточна, выражали сомнение в законности заключения постоянной или возобновляемой аренды, высказывали страх перед американским империализмом. В прессе появилось множество статей, осуждающих договор. Вопрос о договоре вызвал обострение борьбы между политическими партиями: поскольку консерваторы поддерживали договор, влиятельные либералы выступали против него. Посланник США в Колумбии Боппе в своих донесениях информировал государственный департамент о том, что в стране усиливается «оппозиция ратификации договора о канале... Пресса полна статей, враждебных предлагаемому договору, а общественное мнение охвачено возмущением против его авторов, особенно Эррана...»²⁴

²³ Diplomatic History of the Panama Canal, p. 277—288.

²⁴ Foreign Relations, 1903, p. 142—143.

В колумбийском сенате также шла ожесточенная борьба. Высадка американских войск на перешейке в сентябре 1902 г. для «восстановления движения» по железной дороге, нарушенного вследствие революционных выступлений, произвела в Колумбии исключительно неблагоприятное впечатление. Тем более, что это вмешательство вооруженных сил США на перешейке и в Колумбии было не первым²⁵. 2 августа 1903 г., после длительной борьбы, колумбийский сенат единогласно отверг договор²⁶. Попытки пересмотреть это решение провалились²⁷. Для Теодора Рузвельта, выступавшего за постройку канала через Панамский перешеек, не было сомнений в том, что придется действовать более решительно. Поэтому он решил игнорировать право Колумбии отклонить договор и любыми методами добиться цели. В письмах, написанных в период с июля по октябрь 1903 г., Рузвельт исчерпал весь свой обширный запас неслестных эпитетов, называя политических деятелей Колумбии «глупыми и презренными созданиями»²⁸. Под влиянием неистовой ярости к Колумбии он искажал факты. Колумбийцы, писал он, «не заслуживают большей симпатии, чем та, которую мы питаем к неудачливым бандитам»²⁹.

Положение становилось крайне напряженным. Правительство, доносил русский посол в Соединенных Штатах, полагало, что «США сделали Колумбии все возможные уступки, дальше которых они идти не могут, и поэтому они не допускают возможности приступить к обсуждению каких бы то ни было изменений или дополнений трактата»³⁰.

Большой интерес представляет письмо, написанное Хэем 13 сентября 1903 г. президенту Рузвельту. «...Совершенно ясно, — писал он, — что при современном политическом положении в Колумбии мы ни в настоящее время, ни в ближайшем будущем не сможем заключить с ней удовлетворительного договора.

Весьма вероятно, что на перешейке вспыхнет восстание против глупого и продажного правительства в Боготе. Теперь Вы должны решать: будете ли Вы ждать результатов этого вос-

²⁵ См. M. Offutt. *The Protection of Citizens Abroad by the Armed Forces of the United States*. Baltimore, 1928, p. 37—38, 42, 60—62, 67—70, 89—92, 92—96. Американские вооруженные силы участвовали в интервенции на перешейке в 1856. 1860. 1865, 1873, 1885, 1901 и 1902 гг.

²⁶ *Diplomatic History of the Panama Canal*, p. 426.

²⁷ *Ibid.*, p. 467.

²⁸ H. F. Pringle. *Theodore Roosevelt: A Biography*. New York, 1931, p. 311.

²⁹ J. B. Bishop. *Theodore Roosevelt and His Time Shown in His Own Letters*. New York, 1920, Vol. I, p. 297.

³⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1903 г., д. 113, лл. 231—233 (Кассини — Ламсдорфу, 12(25) августа 1903 г.).

стания, примете ли участие в спасении перешейка от анархии или, наконец, будете вести переговоры с Никарагуа.

В случае серьезного повстанческого движения в Панаме мы должны будем что-нибудь предпринять для охраны транспорта. Наша интервенция не должна быть случайной и не должна на этот раз быть выгодной, как это было прежде, для Боготы»³¹.

Это письмо не вызывало сомнений: оно призывало организовать интервенцию для «освобождения» Панамы от Колумбии в интересах североамериканского империализма.

Монополисты США издавна интересовались богатствами Колумбии. Начиная с середины XIX в. американские капиталы стали проникать в сельское хозяйство, горную промышленность и в транспортные предприятия Колумбии. К концу века американские инвестиции в Колумбии достигали приблизительно 14 млн. долл.³² и распределялись следующим образом (в млн. долл.):

Панамская железная дорога	8,0
Займы	3,5
Городское недвижимое имущество	1,0
Прочие	1,5

Панамская железная дорога была построена американцами, получившими от Новой Гранады концессию на очень выгодных условиях³³. В первое время после постройки дорога приносила большие доходы. Кроме железных дорог, американцы принимали участие и в других транспортных предприятиях.

Позднее американцы начали вкладывать капиталы в коммунальные предприятия: городские железные дороги, телефон, электростанции и т. п. Еще ранее они начали инвестировать капиталы в горную промышленность и сельское хозяйство. Среди компаний, занятых горным делом, были: «Boston and Colombia Dredging Company», «American Gold Dredging Company» и др.

В 1899 г. свою деятельность в Колумбии развернула «Юнайтед фрут компани». Уже через год она владела 13 035 акрами культивированной земли в Колумбии. В лесном деле также имелись американские инвестиции.

До мировой войны 1914—1918 гг. американские займы Колумбии были незначительными. В 1880 г. Колумбия заключила у нью-йоркских банкиров 3-миллионный заем для организации Национального банка, «Юнайтед фрут компани» предоставляла займы владельцам банановых плантаций и т. п.

³¹ S. F. Bemis (ed.). The American Secretaries of State, Vol. IX, p. 163—164.

³² J. F. Rippey. The Capitalists and Colombia. New York, 1931, p. 61.

³³ Ibid., p. 42—43.

После испано-американской войны значительно возрос интерес американских капиталистов к странам Вест-Индии. «Американцы, — пишет известный историк США, — хлынули в страны Вест-Индии по следам своей армии, и им сопутствовали американские займы и капиталовложения»³⁴.

Все чаще и чаще обращались граждане США к своему правительству за помощью «для защиты их прав и имущества». Интервенционистская политика США в странах Вест-Индии объяснялась не только стремлением создать выгодные условия для капиталовложений, но и — еще в большей степени — военной стратегией и стремлением США помешать другим государствам захватить стратегические позиции в Карибском бассейне.

«Панамская революция»

Наиболее разительным примером американской интервенции в Карибском районе является интервенция, организованная Теодором Рузвельтом в 1903 г. с тем, чтобы захватить зону канала.

Теодор Рузвельт решил добиться своей цели любой ценой. Он не желал проявлять терпения в отношении Колумбии. Еще в марте 1903 г. Рузвельт приказал военному министру Руту послать несколько офицеров в район Панамы, чтобы «составить план и собрать информацию о побережье той части Южной Америки, которая может представлять особый интерес... в случае каких-либо столкновений в Мексиканском заливе или в Карибском море»³⁵.

Помимо офицеров, посланных в качестве гражданских лиц, на перешейке действовали и другие агенты Теодора Рузвельта. Они устанавливали связь с «патриотическими» панамцами, подготавливая «революцию» против Колумбии.

После июля 1903 г. Рузвельт добился установления личного контроля над переговорами о канале. Он взял на себя полную ответственность за свою политику и не советовался ни с Хэем, ни с Руттом, ни с другими государственными деятелями страны. В одном из писем Теодор Рузвельт писал: «Если бы я высказал свои стремления, это было бы воспринято как попытка подстрекательства к мятежу в Панаме... Если бы я должен был сказать о том, что я считаю теоретически самым желательным, это сочли бы... попыткой создать такое положение вещей в действительности»³⁶.

Уже в мае 1903 г. американский посланник в Боготе Боппе сообщил о недовольстве, вызванном здесь сведениями о том, что большое число граждан США прибывает в Панаму³⁷. В ответной

³⁴ M. Offutt. Op. cit., p. 159.

³⁵ H. F. Pringle. Theodore Roosevelt: A Biography, p. 315.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Diplomatic History of the Panama Canal, p. 391.

телеграмме госдепартамента говорилось: «Сведения о том, что большое число американских граждан находится на перешейке, являются абсолютно ложными. Немедленно и настойчиво опровергните их»³⁸.

Однако слухи продолжали распространяться и стали особенно тревожными в октябре. Министр иностранных дел Колумбии старался успокоить царившее в сенате возбуждение. Он указывал на то, что США по договору 1846 г. обязались защищать контроль Колумбии над перешейком и время от времени на практике подтверждали это³⁹.

15 августа 1903 г. Френсис Лумис, исполняющий обязанности государственного секретаря США, представил Теодору Рузвельту меморандум, разработанный профессором Колумбийского университета Джоном Бассет Муром, заявив, что он содержит «серьезные и хорошо обоснованные предложения..., которые могут иметь большое значение»⁴⁰.

В своем меморандуме Мур писал: «Учитывая тот факт, что США в течение более 50 лет обеспечивали Колумбии ее суверенитет над перешейком ради общей цели свободного и открытого прохода через перешеек, США вправе требовать, чтобы им разрешили построить великий проход через перешеек, как это предусмотрено договором. В действительности же Панамский канал до сих пор строился под защитой этой самой гарантии. Люди, начавшие его строительство, не смогли его закончить. США вправе взять на себя окончание его сооружения».

Положение США коренным образом отличается от положения частных капиталистов, которые в том случае, если они специально не освобождены от этого, подчиняются местному суду и до получения помощи от своего правительства могут быть вынуждены идти путем обычной тяжбы и отстаивать свои права перед трибуналами правительств, против которых они их ведут»⁴¹.

Это «ученное» заявление соответствовало философии Теодора Рузвельта, считавшего, что сила создает право. После беседы с Муром Рузвельт сказал Хэю, что, если по договору 1846 г. «у нас есть какой-нибудь намек на право сооружения канала, я экспромтом могу высказаться за такую акцию...»⁴²

13 сентября 1903 г. Теодор Рузвельт намекнул Хэю и Тафту, что нужно пачать действовать в Панаме, не считаясь с правительством Колумбии. Когда не менее империалистически настроенный Марк Ханна советовал проявить больше терпения с тем, чтобы достигнуть соглашения, Теодор Рузвельт выразил сомне-

³⁸ Ibidem.

³⁹ Ibid., p. 463—464.

⁴⁰ A. L. P. Dennis. *Adventures...*, p. 343.

⁴¹ Цит. по: W. H. Calcott. *The Caribbean Policy of the United States, 1890—1920*, Baltimore, 1942, p. 151.

⁴² J. B. Bishop. *Op. cit.*, Vol. I, p. 276.

ние в том, что терпение должно явиться единственной добродетелью США. «Это не значит, — писал он, — что нам необходимо идти в Никарагуа. Я уверен, что с точки зрения морали, а следовательно, и с точки зрения закона, оправданны наше вмешательство и наше утверждение, что канал должен быть построен, и они не должны препятствовать этому»⁴³.

В первоначальном проекте своего ежегодного послания конгрессу (до «революции» в Панаме) Теодор Рузвельт писал: «Мы должны купить все права панамской компании и без дальнейших переговоров с Колумбией приступить к завершению строительства канала, начатого французской компанией»⁴⁴.

Однако события в Панаме развернулись раньше, чем было отправлено послание в конгресс. В сентябре 1903 г. сенатор Лодж писал Теодору Рузвельту о своих надеждах на то, что либо на основании договора 1846 г., либо путем уступки провинции Панама США удастся получить контроль над путем, который явится, без сомнения, наилучшим. Между тем агенты Рузвельта в Панаме, работая в полном контакте с группой панамцев, заинтересованных в отделении от Колумбии, спешили с подготовкой «революции». Агенты работали секретно и время от времени посылали президенту конфиденциальные сообщения, в которых особое внимание уделяли возможности восстания на перешейке.

16 октября 1903 г. американские офицеры, работавшие с марта на Панамском перешейке, были приняты Рузвельтом в Белом доме. Как пишет американский историк Прингл, Рузвельт «удивил обоих офицеров своим знанием топографии местности. Из разговора с Рузвельтом они вынесли заключение, что он намерен предпринять какие-то действия, хотя он и не сказал, что правительство принимает участие в революции»⁴⁵.

Стало совершенно ясно, что подготовка «восстания» для отторжения Панамы от Колумбии завершалась. «Восстание в Панаме 1903 г., — писал американский специалист по истории Латинской Америки Риппи, — было делом кучки колумбийцев, живущих на перешейке, которые действовали по совету и с согласия четырех именитых граждан США: Нельсона Кромвеля, Френсиса Лумиса, Джона Хэя и Теодора Рузвельта. Вождями колумбийцев были: Мануэль Амадор Герреро, Хосе Августин Аранго, Фредерико Бойд и Томас Ариас»⁴⁶.

Видным участником событий, закончившихся отделением Панамы, был Филипп Бюно-Варилья — инженер, спекулянт, владелец французской газеты «*Matin*», один из главных акционеров

⁴³ H. F. Pringle. Theodore Roosevelt: A Biography, p. 318.

⁴⁴ H. C. Hill. Roosevelt and the Caribbean, p. 59.

⁴⁵ H. F. Pringle. Theodore Roosevelt: A Biography, p. 321.

⁴⁶ J. F. Rippey. The Capitalists and Colombia, p. 93.

французской компании. По существу он являлся связующим звеном между чиновниками Белого дома и государственного департамента, с одной стороны, и Амадором с его хунтой в Панаме — с другой.

Амадору Герреро американцы пообещали пост президента будущей республики Панама. Панамская хунта послала его в Вашингтон для переговоров о помощи в организации «революции». Амадор беседовал с Хэем. Последний напомнил ему о правах и обязанностях США по договору 1846 г., но, как и следовало ожидать, отказался открыто дать обязательство, что правительство США окажет поддержку планам восстания. Амадор был разочарован. Однако в связи с приездом Бюно-Варильи положение изменилось. 9 октября произошла встреча Бюно-Варильи с президентом Теодором Рузвельтом. В результате этой встречи у Бюно-Варильи сложилось твердое убеждение в том, что Рузвельт готов использовать переворот в Панаме для приобретения права на канал.

16 октября Бюно-Варилья получил аудиенцию у государственного секретаря Хэя. После того как Бюно-Варилья описал положение в Панаме, Хэй спросил, чем это может закончиться. Бюно-Варилья заявил: «Все это кончится революцией. И Вы должны, со своей стороны, предпринять меры, если не хотите быть застигнутыми врасплох». «Да, — ответил Хэй, — к сожалению, это является самым вероятным предположением. Но мы не будем застигнуты врасплох, так как Тихоокеанскому флоту уже отдано распоряжение отплыть к перешейку»⁴⁷.

На следующий день Бюно-Варилья писал Амадору: «Я могу заверить Вас, что через 48 часов после провозглашения новой республики на перешейке Вам будет оказана военная помощь Америки»⁴⁸.

Вернувшись в Нью-Йорк, Бюно-Варилья передал Амадору проект новой конституции Панама, шифр, программу военных операций и текст декларации независимости Панама. Кроме того, он предложил ему 100 тыс. долл. из своих личных денег для расходов, связанных с подготовкой «восстания». Было решено, что оно начнется не позже 5 ноября и что Бюно-Варилья будет назначен послом новой республики в Вашингтоне и уполномочен заключать договоры. Амадор вернулся в Панаму.

Бюно-Варилья дал указания приступить к подготовке переворота. Теодор Рузвельт утверждал, будто он не знал, что обещал Бюно-Варилья мятежникам. Однако, по его словам, Бюно-Варилья — «очень способный человек и сам может решить, что должно делать наше правительство». «Я не сомневаюсь, — заявил

⁴⁷ Ph. Bunau-Varilla. Panama. The Creation, Destruction and Resurrection. London, 1913, p. 318.

⁴⁸ J. F. Rippey. The Capitalists and Colombia, p. 96.

президент, — что он сумел выработать очень разумный план и дать своим людям соответствующие указания»⁴⁹.

21—31 октября семь американских военных судов были сосредоточены в «опасной» зоне. 2 ноября 1903 г. американское военное судно «Нэшвилл» прибыло в Колон. Через несколько дней к нему присоединились другие суда, получившие следующий приказ: «Поддерживайте свободное и беспрепятственное сообщение. Если вооруженные силы станут угрожать перерывом сообщения, занимайте железнодорожную линию. Препятствуйте высадке вооруженных сил, безразлично правительственных или восставших, с враждебными намерениями в Колоне, Портобелло или в каком-либо другом пункте... Есть сведения о приближении судов с правительственными войсками к перешейку. Если, по вашему мнению, это может вызвать конфликт, препятствуйте их высадке...»⁵⁰

Условия для «восстания» были подготовлены. Тем не менее мятежники не спешили использовать благоприятные обстоятельства, и это вызвало тревогу государственного департамента США. 3 ноября в 3 часа 40 мин. американские консулы в Панаме и Колоне получили следующую телеграмму: «Сообщено о восстании на перешейке. Быстро и исчерпывающе осведомляйте департамент. Лумис»⁵¹. Консул США в Панаме отвечал: «Восстания еще нет. Сведения говорят, что оно начнется ночью. Положение критическое»⁵². Однако в 9 часов 50 минут вечера департамент получил от этого же консула телеграмму следующего содержания: «Восстание произошло сегодня, в 6 час. вечера, без кровопролития. Представители армии и флота взяты в плен. Правительство будет организовано этой ночью... Такое же движение, возможно, начнется в Колоне. Барранкилья»⁵³.

Высадка колумбийских войск в Колоне вызвала сильную тревогу. Поскольку командир «Нэшвилла» не получил приказа о недопущении высадки войск, 3 ноября в 11 час. 18 мин. госдепартамент США вновь телеграфировал ему: «В интересах мира сделайте все возможное, чтобы помешать продвижению правительственных войск от Колона к Панаме. Необходимо сохранить свободное сообщение через перешеек и обеспечить порядок»⁵⁴.

События развивались с необычайной быстротой. Формально «восстание» началось 3 ноября. Попытки колумбийских войск использовать железную дорогу с тем, чтобы добраться до Панамы,

⁴⁹ J. B. Bishop. Op. cit., Vol. I, p. 296.

⁵⁰ J. F. Rippy. The Capitalists and Colombia, p. 96.

⁵¹ Diplomatic History of the Panama Canal, p. 345.

⁵² Ibid., p. 346.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Ibidem.

оказались безрезультатными. Американские железнодорожные власти предусмотрительно отправили весь подвижной состав на другой конец линии и отказались перевезти кого-либо, за исключением двух офицеров. Эти последние добрались до г. Панама, но были арестованы здесь через два часа после прибытия. Американские морские пехотинцы высадились с борта «Нэшвилла» для охраны сообщения и железной дороги. Оставшийся колумбийский офицер и рядовые солдаты 5 ноября отплыли в г. Картахену (Колумбия), получив право свободного проезда и 8 тыс. золотых долл. Между тем заговорщики подкупили генерала Уэрту и 500 колумбийских солдат, находившихся в г. Панама, а также командира колумбийской канонерской лодки. Панамская «революция» началась захватом в плен губернатора Панамской провинции и двух вышеупомянутых колумбийских офицеров. Армия мятежников состояла из 500 подкупленных солдат колумбийского батальона и 441 члена пожарных команд.

На следующий день колумбийская канонерка выпустила несколько снарядов по г. Панама, причинив незначительный ущерб. Вскоре прибыли американские военные суда.

Таким образом, «победили» заговорщики. На следующий день Амадор выступил перед собравшейся толпой со следующими словами: «Мир поражен нашим героизмом. Только вчера мы были рабами Колумбии, сегодня же мы свободны... Президент Рузвельт оказал нам помощь... Приветствую вас, свободные сыны Панама! Да здравствует Панамская республика! Да здравствует президент Рузвельт!»⁵⁵.

Вслед за этим Амадор предложил «поблагодарить» каждого «героя», участника успешной «революции», выдав по 50 обещанных долларов. Позднее, в тот же день, состоялась демонстрация: «Уэрта был вынесен на украшенном кресле, рядом с ним шел американский консул Эрман с американским флагом, а по другую сторону Амадор нес новую эмблему Панама»⁵⁶.

По окончании парада генералу Уэрте была вручена сумма в 30 тыс. долл. серебром, позднее он получил дополнительно 50 тыс. золотых долл. Другие офицеры получили 10 тыс. долл. каждый.

Так закончилась «революция» в Панаме. Сообщая о развернувшихся с поразительной поспешностью событиях в Панаме, посол России в Вашингтоне писал: «Вся эта трагикомедия была разыграна замечательно скоро и бойко. Все появлялось на сцену вовремя: и несколько американских судов на обоих панамских побережьях, и объявившийся будто неожиданно в Нью-Йорке панамский представитель Bunau Varilla, и декларация г. Хэя;

⁵⁵ H. F. Pringle. Theodore Roosevelt: A Biography, p. 327.

⁵⁶ Ibid., p. 228.

ансамбль может только делать честь закулисной, режиссерской игре»⁵⁷.

Империалистическая политика Теодора Рузвельта привела к новой победе США. Панама стала «республикой». Таким образом, США сделали еще один важный шаг по реализации стратегических планов в Карибском бассейне.

Уже 5 ноября государственный секретарь Хэй сообщил властям в Боготе о «единодушном порыве», с которым народ Панамы «восстановил свою независимость», а также об установлении дипломатических отношений с США и о том, что президент Соединенных Штатов «настоятельно предлагает правительствам Колумбии и Панамы мирное и справедливое разрешение всех возникших между ними вопросов»⁵⁸.

Весть о восстании в Панаме достигла столицы Колумбии лишь 6 ноября, т. е. в день, когда Хэй фактически установил дипломатические сношения с новой республикой. Правительство Колумбии отправило президенту Мексики телеграмму, в которой просило обратиться к правительству США и к другим странам, представленным на панамериканской конференции, с призывом оказать помощь Колумбии в сохранении ее неприкосновенности⁵⁹. Колумбийское правительство намеревалось также послать своего представителя в Панаму для урегулирования всех вопросов, ввести осадное положение и, если нужно, послать свои войска на перешеек.

Однако США, разрешив посылку представителя в Панаму, заявили, что «высадка колумбийских войск на перешейке нежелательна, поскольку это может привести к гражданской войне и на неопределенное время нарушить свободное сообщение, которое они [США] обязались охранять»⁶⁰.

При таком положении, когда американские крейсеры курсировали в море, колумбийские войска могли встретиться с мятежниками, лишь пройдя через джунгли.

13 ноября США признали правительство Панамы, и Бюно-Варилья был официально признан полномочным представителем новой республики в Вашингтоне. 18 ноября США и Панама подписали договор Хэя — Бюно-Варилья, который предоставлял США концессию на канал на предложенных ими условиях⁶¹.

В своем ежегодном послании конгрессу от 7 декабря 1903 г. Теодор Рузвельт коснулся панамской «революции», стараясь оп-

⁵⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1903 г., д. 113, лл. 281—285 (Кассини — Ламсдорфу, 5(18) ноября 1903 г.).

⁵⁸ Diplomatic History of the Panama Canal, p. 348—349.

⁵⁹ Ibid., p. 356—357.

⁶⁰ G. Mack. The Land Divided. A History of the Panama Canal and other Isthmian Canal Projects. New York, 1944, ch. 37.

⁶¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1903 г., д. 113, лл. 292—294 (Кассини — Ламсдорфу, 19 ноября (2 декабря) 1903 г. Текст договора — лл. 295—296); Senate Documents, N 456, 63d Congress, 2nd Session, p. 73—74.

равдать свое поведение условиями договора 1846 г. «Народ Панамы, — писал он, — в течение долгого времени был недоволен Колумбийской республикой, и его сдерживала лишь перенектива заключения договора, который представлял для него жизненный интерес. Когда же стало очевидным, что надежда на договор безнадежно потеряна; народ Панамы восстал, буквально, как один человек»⁶².

И далее, объясняя действия США, Теодор Рузвельт писал: «При таких обстоятельствах правительство США было бы пошлю в глупости и слабости, которые явились бы преступлением против нации, если бы оно действовало иначе после того, как 3 ноября в Панаме вспыхнула революция»⁶³.

Поскольку это послание не привело к ослаблению критики действий правительства, 4 января 1904 г. Рузвельт обратился к конгрессу с новым посланием, защищая свой образ действий. Он утверждал, что Колумбия не была уполномочена «принять» проведение мирового пути через перешеек и что интервенция США оправдывалась, во-первых, договорными правами и, во-вторых, интересами «всего цивилизованного мира». «Относительно канала, — писал Теодор Рузвельт, — США несут известную ответственность не только перед своим народом, но и перед всем цивилизованным миром. Настоятельно необходимо, чтобы больше не было задержки с началом работ»⁶⁴.

Касаясь вопроса о действиях вооруженных сил США на перешейке, Рузвельт писал: «В действительности мы поддерживаем порядок на перешейке в интересах его населения и наших национальных потребностей, а также ради блага всего цивилизованного мира. Если бы мы не действовали так, как действовало правительство, это стоило бы многих человеческих жизней, страданий и разрушений. Всего этого удалось избежать благодаря твердости и благоразумию, с которыми командир Хуббард⁶⁵ проводил свои решения и не допустил столкновения между враждебными партиями»⁶⁶.

Попытки Рузвельта и Хэя доказать, что США не принимали никакого участия в «восстании» в Панаме, не выдерживают никакой критики. Нет сомнения в том, что без поддержки США это «восстание» не началось бы. Сам Бюно-Варилья заявил: «Если бы «Нэшвилл» опоздал на 24 часа, революции бы не было»⁶⁷.

Амадор после восстания сказал: «Вы понимаете, что мы, начавшие это движение, не являемся безумцами, мы полностью

⁶² Ibid., p. 11.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ Ibid., p. 14.

⁶⁵ Командир судна «Нэшвилл».

⁶⁶ The Panama Canal and our Relations with Colombia. Senate Documents, N 471. 63d Congress, 2nd Session.

⁶⁷ J. F. Rippey. The Capitalists and Colombia, p. 100.

учитывали тот факт, что мы ни в коем случае не смогли противостоять всему остальному народу, а следовательно, мы должны были прибегнуть к мерам, хотя и болезненным, но неизбежным. США полностью участвовали в этом движении, и панамцы не были одинокими»⁶⁸.

Уже гораздо позднее (23 марта 1911 г.), выступая в Калифорнийском университете, Рузвельт открыто заявил: «Я взял зону канала, а потом дал возможность конгрессу дебатировать этот вопрос, а пока обсуждения продолжались, строительство канала двигалось вперед»⁶⁹.

Наконец, в одном из писем в 1915 г. Теодор Рузвельт писал: «Если бы они (горсточка панамцев. — Л. З.) не восстали, я бы рекомендовал конгрессу захватить перешеек силой оружия, и... я действительно написал первый проект послания на этот случай»⁷⁰.

Нет сомнений в том, что действия США являлись открытой интервенцией, что весь план «восстания» в Панаме был разработан в Вашингтоне и успешное выполнение его стало возможным лишь благодаря непосредственной помощи вашингтонского правительства и американских вооруженных сил. Агрессивные действия США вызвали возмущение во всех странах Латинской Америки.

Характерным является заявление президента Эквадора. В обращении к конгрессу 10 августа 1904 г. он заявил: «Я считаю, что события, происшедшие в Панаме несколько месяцев назад, могут послужить жестоким уроком, из которого мы должны извлечь для себя пользу... Я спешу заявить главе Колумбийского государства о том, что все мы, граждане Эквадора, глубоко сожалеем о событиях столь печальных и несчастливых как для этой республики, так и для всей Латинской Америки»⁷¹.

Колумбия продолжала безуспешно протестовать против действий США. Будучи не в состоянии бороться против своего могущественного соседа, Колумбия обратилась с просьбой о передаче вопроса на арбитражное решение Гаагского трибунала⁷². Однако США отклонили это предложение на том основании, что оно якобы затрагивает их национальное достоинство. Элиу Рут в своем ответе⁷³ писал, что арбитражное решение этого вопроса невозможно без обсуждения законности права Панамы на провозглашение и осуществление своей независимости от Колумбии. «Мы относимся к этому положительно, — заявил он, — и не можем требовать, чтобы народ Панамы согласился передать на

⁶⁸ J. F. Rippy. The Capitalists and Colombia, p. 100.

⁶⁹ H. F. Pringle. Theodore Roosevelt: A Biography, p. 330.

⁷⁰ J. F. Rippy. The Capitalists and Colombia, p. 102.

⁷¹ Foreign Relations, 1904, p. 296.

⁷² Diplomatic History of the Panama Canal, p. 576—582.

⁷³ Ibid., p. 583—585.

утверждение какого-либо арбитра права, имеющие жизненное значение для его политического существования. Мы также не намерены позволить какому-либо арбитру диктовать политику США...»⁷⁴

Дальнейшие переговоры привели к соглашению, зафиксированному в форме трехстороннего протокола, который был подписан 17 августа 1907 г. в Вашингтоне представителями Колумбии, Панамы и США⁷⁵.

На основании этого протокола Рут добился заключения трехстороннего договора. Колумбия обязывалась признать Панаму и урегулировать вопрос о границах. Колумбия получала право беспоплатного провоза военных судов и войск через канал. Сельскохозяйственные и промышленные продукты Колумбии могли поступать в зону канала на тех же условиях, что и продукты США. США и Колумбия договорились о том, что первые десять годовых взносов за канал в сумме 250 тыс. долл. уплачивались Колумбии. В начале 1909 г. США ратифицировали этот договор. Однако общественное мнение Колумбии было настроено настолько враждебно, что, несмотря на поддержку президента Рейеса, сам факт представления договора на утверждение конгресса послужил причиной падения правительства.

Напряженные отношения между Колумбией и США продолжались еще в течение многих лет. Интервенционистский курс США и применение угроз и силы в отношении Колумбии с целью добиться права сооружения Панамского канала послужили серьезным уроком для колумбийцев и других народов Латинской Америки. Они все более и более убеждались в том, что США, опираясь на доктрину Монро, в действительности проводят империалистическую, интервенционистскую и деспотическую в отношении своих соседей политику.

Американо-панамский договор

Отношения между США и Панамой неразрывно связаны с тем интересом, который для американского империализма представляет в экономическом и военно-стратегическом отношении Панамский канал, получивший название «американского Гибралтара». Для империализма США охрана Панамского канала имела особенно важное значение. Как известно, право на сооружение и эксплуатацию канала США получили по грабительскому договору, заключенному с Панамой 18 ноября 1903 г. В то время как зона в 10 миль шириной через перешеек находится под полным контролем Соединенных Штатов, Панамская республика

⁷⁴ Ibid., p. 314—325.

⁷⁵ Ibid., p. 584.

остается «независимым» государством. По договору 1903 г. США получили «на вечные времена» следующие права⁷⁶:

1. Право «использовать, оккупировать и контролировать» зону в 10 миль шириной для сооружения, содержания и эксплуатации канала (ст. II), а также «все права и полный контроль над вышеуказанной зоной...», которыми пользовались бы Соединенные Штаты, если бы они имели право исключительного суверенитета на этой территории..., и которые полностью исключают возможность каких-либо прав и полномочий над этой территорией со стороны Панамской республики» (ст. III).

2. Право использования любого земельного и водного пространства вне зоны канала, «необходимого и удобного для сооружения, содержания и эксплуатации канала, а также для его санитарного обслуживания и охраны».

3. Право проводить санитарные мероприятия и меры по охране общественного порядка в гг. Панаме и Колоне в случае, если правительство Панамы не в состоянии будет их осуществить⁷⁷.

Ст. I договора гласила, что США «гарантируют и обещают охранять независимость Панамы». Как в этих, так и в других статьях договора признавалось право США вмешиваться во внутреннюю и внешнюю политику правительства Панамы. Однако в ст. I говорилось о том, что США не намерены защищать Панаму в случае невыполнения ею международных обязательств или поддерживать ее притязания в отношении других государств.

Другие статьи содержали перечень обязательств, взятых США по отношению к Панаме. Соединенные Штаты обязались освободить от пошлин суда, проходящие через канал, и оставляли за Панамой право открывать таможенные в портах, расположенных в зоне канала, и облагать пошлиной товары, направляющиеся на ее территорию. Правительство Панамы получило право пользоваться телеграфом и телефоном в зоне канала. Военные суда, войска и вооружение Панамской республики могли проходить через канал безвозмездно.

Ст. XIV гласила, что в качестве компенсации за права и привилегии, гарантированные договором, США согласны уплатить Панамской республике сумму в 10 млн. долл., а также, спустя девять лет после ратификации договора, выплачивать ежегодно, до истечения срока действия договора, 250 тыс. долл. в американской золотой валюте.

⁷⁶ Message of the President of the United States Communicated to the two Houses of Congress at the beginning of the 2nd Session of the 58th Congress. Washington, 1903. p. 27—36.

⁷⁷ N. J. Padelford. The Panama Canal in Peace and War. New York, 1942, p. 45—51; W. M. Malloy (ed.). Treaties, Conventions..., Vol. II, p. 1349

Ст. IV и VII утверждали за США право использовать и приобретать другие водные и земельные пространства на территории Панама, нужные им в связи с использованием канала.

Ст. V устанавливала «постоянную монополию США... на все коммуникации в виде каналов или железных дорог», проходящих через территорию Панама и соединяющих два океана. Никакое другое государство или компания не могли получить разрешение Панама на подобные сооружения, могущие конкурировать с Панамским каналом или Панамской железной дорогой. Даже правительство Панама в своих собственных владениях не имело права на постройку каналов и железных дорог, которые соединили бы два океана.

Ст. XXV содержала обязательство Панама продать или сдать в аренду военно-морские базы и угольные станции, нужные США «для более успешного выполнения условий настоящей конвенции и обеспечения безопасности и нейтралитета канала».

Договор о канале вступил в силу после его ратификации, 26 февраля 1904 г. Вскоре конгресс США уполномочил президента вступить во владение зоной канала и назначить там временную администрацию, «могущую обеспечить населению охрану его свободы, имущества и религии». Границы зоны были установлены соглашением, подписанным 16 июня 1904 г.⁷⁸

С самого начала между США и Панамой возникли разногласия по вопросу о правах и полномочиях США: о том, могут ли США проводить мероприятия, не связанные непосредственно с «сооружением и эксплуатацией канала, а также с его санитарным обслуживанием и охраной»⁷⁹. Другими словами, началась борьба вокруг толкования той или иной статьи договора. Первое недоразумение возникло в июне 1904 г., когда губернатор зоны генерал Девис обнародовал приказы об организации портов в зоне канала, установлении американской почтовой службы, а также о введении импортных пошлин по тарифу Дингли, обуславливая при этом свободную торговлю для США. Правительство Панама заявило протест, указав на ст. XIII договора, которая гласила, что «США в любое время могут импортировать беспошлинно в зону канала и на прилегающую территорию» материалы, «необходимые и полезные для строительства, содержания и эксплуатации канала, а также для его санитарного обслуживания и охраны», но в то же время ясно запрещала США открытие зоны канала для общей торговли. Правительство Панама далее указывало, что такая интерпретация договора и проведение соответствующей политики приведет к финансовому и торговому краху республики.

⁷⁸ Впоследствии они были изменены договором от 2 сентября 1914 г.

⁷⁹ W. D. McCain. The United States and the Republic of Panama. Durham, 1937, p. 123—147.

В протесте, между прочим, заключалось следующее описание перспектив, ожидающих Панаму:

«Торговля, земледелие и скотоводство придут в состояние упадка, и правительство Панамы, получающее доходы из этих источников, ждет та же участь. Наступит всеобщее разорение, и население вынуждено будет эмигрировать. Согласно ст. I, США гарантируют независимость Панамской республики. Однако предлагаемые мероприятия доведут республику до самого тяжелого состояния зависимости и рабства, до состояния го-лода»⁸⁰.

Политические деятели Панамы вообще считали, что обе стороны совместно осуществляют суверенитет над зоной канала и что США получили лишь те полномочия, которые необходимы для сооружения, содержания и эксплуатации канала, а также для его санитарного обслуживания и охраны.

Несмотря на резкий протест правительства и общественного мнения Панамы, американские чиновники продолжали по своему усмотрению действовать в зоне канала. Государственный департамент США утверждал, что ему лучше известно, как надо интерпретировать договор, заключенный с Бюно-Варильей. США также заявили, что, поскольку им принадлежит суверенная власть, они имеют право открывать таможни и организовать почтовую связь даже в том случае, если номинальное право суверенитета остается за Панамой. Позиция, занятая США, была подробно изложена в ноте государственного департамента, посланной им правительству Панамы 24 октября 1904 г.⁸¹ В этой ноте подчеркивалось, что ст. III договора гарантировала США те права, которыми они могли пользоваться, лишь являясь суверенным владельцем зоны, что полностью исключало наличие таких же прав у Панамы. Нота утверждала, что единственным ясным толкованием значения ст. III следует считать то, которое дано ей участниками договора.

Утверждая далее, что право суверенитета в зоне канала США не вызывает никакого сомнения и что американское правительство действовало согласно букве договора, государственный департамент выразил надежду на дружественное разрешение спорных вопросов.

С этой целью президент Рузвельт послал в Панаму секретаря по военным делам Тафта. В результате переговоров с панамским правительством 1 декабря 1904 г. было заключено так называемое соглашение Тафта. По этому соглашению два конечных порта (Антон и Кристоаль) предназначались лишь для товаров, перечисленных в ст. XIII договора 1903 г., т. е. необходимых для

⁸⁰ W. D. Mc Cain. Op. cit., p. 26.

⁸¹ Эту позицию полностью поддержал в 1923 г. государственный секретарь Юз (см. Foreign Relations, 1923, p. 652—653).

строительства канала, и для таких транзитных грузов, как уголь и нефть. Была также установлена свобода торговли и между Панамой и зоной канала. В свою очередь Панама согласилась понизить таможенные пошлины с 15 до 10% и обеспечить США полную санитарную юрисдикцию в приморских портах — Панаме и Колоне. США обязались употреблять марки со штампом «зона канала», купленные у панамского правительства за 40% их номинальной стоимости с тем, чтобы остальные 60% шли в распоряжение почтовой администрации канала.

Соглашение Тафта не содержало определения того, какие импортируемые товары являются «необходимыми и полезными» для канала, а также не санкционировало организации американских государственных магазинов. Открытие этих магазинов и общее проникновение американского капитала вызвало в Панаме чувство глубокого недовольства по отношению к США.

Опираясь на договорные «обязательства», США присвоили себе право вмешательства в дела Панамы. Зона Панамского канала была превращена американцами в своеобразное государство в государстве. Они захватывали участки земли вне зоны под предлогом, что они необходимы и удобны для сооружения, содержания и эксплуатации канала. Экономическое проникновение американского капитала в Панаму привело к тем же результатам, что и в других странах Центральной Америки. Оно оказалось не менее эффективным средством для превращения Панамы в зависимое от США государство, чем политические мероприятия и дипломатическое давление. Формально Панама оставалась суверенным государством, но фактически постоянное вмешательство иностранного военного и морского министерств США крайне ограничивало этот суверенитет.

Первая панамериканская конференция

Экспансионистская политика Теодора Рузвельта расчистила дорогу для американских промышленников, банкиров и открыла для них новые сферы приложения капиталов, приносящие огромные прибыли. Политика государственного департамента, направленная против национально-освободительного движения в соседних с США странах, проводилась в полном контакте с действиями военно-морского ведомства. Одновременно с применением открыто интервенционистских методов политические деятели США прибегали и к идеологическому воздействию на господствующие в соседних странах круги, пытаясь всеми возможными мерами поставить их в зависимость от развития и процветания американских монополистических предприятий. Одним из орудий, к которым неоднократно обращаются монополисты США для проведения своих империалистических целей, является панамериканизм.

Панамериканизм в современном смысле этого слова зародился в конце XIX в. Большинство буржуазных историков и государственных деятелей США определяют панамериканизм как движение в пользу американского единения, основанного на географической близости, сходстве учреждений, взаимодействии экономических интересов, тяготении к демократическим принципам, общности международных устремлений и целей. Они рассматривают его как движение, направленное к более тесному сближению социальных, экономических и культурных связей обеих Америк.

Но эти определения извращают историческую действительность. Панамериканизм в новейшем смысле слова есть движение, созданное и поддерживаемое США в эпоху империализма, чтобы прочнее и вернее подчинить своей политической гегемонии народы обеих Америк. Панамериканизм — это одно из орудий США, способствующее созданию в странах Латинской Америки условий, благоприятных для капиталистов США и неблагоприятных для их европейских конкурентов. Профессор Риппи писал по этому вопросу: «Мотивы, поощрявшие политических вождей США к участию в панамериканском движении, начертанном в программах конференций, были и остаются по преимуществу экономическими: облегчение торговли и капиталовложений... Прочие объекты были включены главным образом для удовлетворения латиноамериканцев и отвлечения их внимания от некоторых неприятных вопросов, связанных с мощной и часто доминирующей ролью США в новом мире. Кроме того, конференции предоставили дипломатам США поводы к «успокоительной» пропаганде, касающейся целей политики их правительства»⁸².

Известный южноамериканский общественный деятель и писатель Мануэль Угарте, хотя и преследуя цель пропаганды паниспанизма, справедливо отрицает единство культуры, традиций и пр. между двумя Америками. «Мы знаем, что существует две Америки, — писал он, — и что между ними нет ни единой общей черты. Их происхождение, язык, религия различны... Соседство, близость далеко не способствуют установлению мира, а затрудняют его. Панамериканизм является самым опасным обманом, самым злостным заблуждением. Во имя его мы готовим свою гибель и поощряем интересы нации, которая нам угрожает. Какую пользу извлекли мы до сих пор из него? Наши периодические съезды под опекой янки ничем не помогли разрешению хотя бы одной из осаждающих нас проблем. Они скорее подчеркнули нашу роль сателлитов»⁸³.

И действительно, даже деятельность первых панамериканских конференций подтверждает мысль о том, что они должны были служить ширмой для агрессии североамериканских империали-

⁸² J. F. Rippy. *Latin America in World Politics*, p. 241—242.

⁸³ C. Beals. *America South*. New York, 1942, p. 500.

стов. США играли на них руководящую роль. Они принимали все меры к тому, чтобы не допустить использования конференций в качестве трибуны для критики государственного департамента. С точки зрения государственных деятелей США, назначение конференций состояло в расширении возможностей для инвестиций американского капитала и американского экспорта. В то время как представители США делали все возможное, чтобы избежать обсуждения политических вопросов, особенно вопросов об интервенции, делегаты из латиноамериканских стран добивались такого обсуждения. Однако они были разрозненны, их раздирали противоречия, и поэтому им не удалось создать единый фронт против империализма янки. Кроме того, делегаты Латинской Америки обычно представляли те группы правящих классов, которые были во многих отношениях связаны с американскими банкирами и промышленниками и зависели, таким образом, от США. Это еще более способствовало гегемонии США на конференциях.

Первая панамериканская конференция состоялась в 1889 г. по инициативе государственного секретаря Блэйна. Его панамериканизм был квалифицирован как «дипломатическая марка для торговой экспансии» США⁸⁴. В 1881 г., побуждаемый желанием добиться более выгодных условий для торговли США с Центральной и Южной Америкой, он разослал от имени правительства США приглашение всем странам Северной и Южной Америки на общую конференцию в Вашингтоне в 1882 г. Официальной целью конференции именовалось рассмотрение и обсуждение способов предотвращения войн между американскими странами⁸⁵.

Блэйн надеялся, что до ноября 1882 г. так называемая Тихоокеанская война закончится. Но военные действия между Чили и Перу продолжались и после смены правительства США в 1881 г. Приглашения были отменены. Чили больше всего боялась, что США будут добиваться принятия решения о принудительном арбитраже и могут помешать ей в разрешении спора о Такна — Арике. Выступая под флагом мира, Блэйн фактически добивался создания более выгодных для американских монополистов условий для экспансии в странах Латинской Америки.

Конгресс США проявил большой интерес к поощрению торговли с Южной Америкой, где капиталы европейских стран занимали господствующее положение. Между 1880 и 1888 гг. в палату и сенат был внесен ряд законопроектов, требовавших от президента созыва конференции американских стран для обсуждения способов оживления торговых отношений между США и Южной Америкой. В конце концов в 1888 г. такой законо-

⁸⁴ S. F. Bemis. A Diplomatic History of the United States, p. 736.

⁸⁵ H. C. Commager (ed.). Documents of American History. New York, 1945, p. 108—109.

проект был принят обеими палатами и подписан президентом Кливлендом. Приглашения на межамериканскую конференцию в Вашингтоне в 1889 г. были разосланы всем странам Латинской Америки. Специальные эмиссары США разъезжали по этим странам, подготавливая условия для предстоящей конференции. В повестку дня конференции США предлагали включить следующие вопросы: меры по охране и развитию благосостояния всех американских государств, образование таможенной унии, введение единых таможенных пошлин, единиц мер и весов, создание третейского суда для разрешения конфликтов и т. д.

Обсуждение этих предложений вызвало споры в разных странах. Политические деятели Чили больше всего выступали против принудительного арбитража, который мог быть использован США для еще большего вмешательства в дела своих соседей. «Кто может забыть, — писала чилийская газета «El Estandarte Católico», — о жестоком ограблении Мексики и о гнусных планах интервенции, направленной против наших интересов, к которым был причастен Блэйн»⁸⁶.

Не особенно доброжелательно многие страны отнеслись к предложению о создании таможенной унии. Так, в Аргентине Кесада выступил против создания такой унии. Североамериканцев он характеризовал как пруссаков Западного полушария. Создание американской таможенной унии, считал он, превратит Латинскую Америку в «экономического данника Соединенных Штатов, в обширную конфедерацию. Этот проект является настолько серьезным, что политические деятели Латинской Америки дважды подумают, прежде чем примут этот греческий дар»⁸⁷.

Кесада считал, что Аргентина должна принять участие в предстоящей конференции для защиты своих интересов и для проведения определенной линии в отношении экономической политики США. «В этом полушарии, — писал Кесада, — начинается открытая битва за насущные интересы Европы и Америки. Нет сомнений, что каждая из сторон прибегнет к любым средствам, чтобы остаться победителем в этом сражении»⁸⁸.

Приглашение на панамериканскую конференцию было принято всеми американскими государствами, кроме Доминиканской республики, недовольной тем, что США не ратифицировали договора о взаимном благоприствоянии, обсуждавшегося в 1884 г.

Первая панамериканская конференция, открывшаяся в Вашингтоне 2 октября 1889 г., продолжалась до 19 апреля 1890 г.

⁸⁶ F. B. Pike. Chile and the United States, 1880—1962. Notre Dame, 1963, p. 63.

⁸⁷ Th. F. McGann. Argentina, the United States, and the Inter-American System, 1880—1914. Cambridge (Mass.), 1957, p. 106.

⁸⁸ Ibid., p. 107.

США послали на конференцию десять делегатов во главе с Дж. Б. Гендерсоном, богатым и влиятельным адвокатом, бывшим сенатором, сохранившим большие связи в Вашингтоне. В состав делегации вошли также известные магнаты, как Карнеги и Блесс.

Первое столкновение на конференции произошло по вопросу об избрании председателя. Американская делегация предложила кандидатуру государственного секретаря Блэйна, не входившего в состав делегации. Аргентинцы выступили против, доказывая, что только делегат может быть избран председателем. И лишь когда один из американских делегатов предложил передать свой мандат Блэйну, аргентинцы отказались от своей позиции, но заявили, что не будут присутствовать на первом заседании, на котором будет обсуждаться вопрос об избрании Блэйна председателем. 2 октября под председательством Блэйна началось первое деловое заседание. Оно ограничилось только тем, что делегаты, кроме аргентинцев, слушали вступительную речь Блэйна. Следующее заседание конференции было отложено до 18 ноября. В течение этого времени США организовали «политическое турне» для делегатов конференции. Делегаты посетили много крупных промышленных городов и центров страны. Все делалось, чтобы произвести впечатление на делегатов, показать им экономическую мощь США, создать атмосферу доверия к северному соседу. Аргентинская делегация в составе Саэнса Пеньи и М. Кинтаны отказалась от участия в турне «de luxe».

18 ноября конференция возобновила свою работу. Борьба вокруг вопроса о порядке ведения заседаний продолжалась до 15 января 1890 г. Долгие и острые дебаты вызвал вопрос о том, что должна представлять собой предлагаемая США таможенная уния: таможенный союз или просто свободу торговли и взаимное благоприятствование американских государств. Предложение о таможенной унии вызывало в памяти многих аналогию с бисмарковской политикой «железа и крови» и с германским таможенным союзом. Страх делегатов латиноамериканских стран перед империализмом США, а также напряженные отношения между некоторыми латиноамериканскими странами не позволили достигнуть соглашения в этом, важном для США вопросе.

Аргентинский делегат Роке Саэнс Пенья не раз выступал по этому вопросу, доказывая экономическую несостоятельность таможенного союза. Страны Южной Америки, среди них Аргентина и Чили, по торговым, политическим и культурным связям в то время стояли ближе к Европе, чем к США. Недаром Саэнс, выступая на конференции, говорил, что попытка превратить Западное полушарие в район свободной торговли могла бы привести «к войне одного континента против другого, к войне 18 государств, объединившихся с целью удушения торговли с той самой Европой, которая протягивает нам свою руку,

снабжает нас... вооружением, дополняет нашу экономику и передает нам свою цивилизацию»⁸⁹.

Латиноамериканские страны опасались не столько ослабления связей с европейскими странами, сколько политики США, рассчитанной на создание условий их полного подчинения. Не было достигнуто соглашения даже в вопросе о взаимном праве наибольшего благоприятствования в торговле. Договор об арбитраже был принят вопреки оппозиции со стороны чилийской делегации.

Предусматривался обязательный третейский суд во всех спорах, касающихся дипломатических и консульских привилегий, границ, территорий, компенсаций, права навигации и т. д. Однако договор не был ратифицирован правительствами.

Конференция приняла предложенную Блэйном резолюцию следующего содержания:

«1. Во время действия арбитражного договора принцип завоевания не должен допускаться американским международным правом.

2. Уступки территории, имеющие место во время действия арбитражного договора, теряют силу, если они были сделаны под угрозой войны или под давлением вооруженных сил.

3. Принужденная к такой уступке страна имеет право требовать передачи в третейский суд дела о законности уступки»⁹⁰.

Любопытно отметить, что уже на первой панамериканской конференции многие делегаты Латинской Америки выражали опасение, как бы более сильные державы не оказали давления в пользу своих подданных. Об этом также говорит принятая на конференции, вопреки США, следующая декларация:

«1. Иностранцам предоставляются право пользования всеми гражданскими правами, присвоенными местным уроженцам, и все вытекающие отсюда преимущества.

2. Нация не берет на себя и не признает никаких обязательств в пользу иностранцев или ответственности перед ними, кроме предоставленных местным уроженцам конституцией и в аналогичных случаях законами».

Первая панамериканская конференция не достигла почти никаких практических результатов. Ее единственным конкретным последствием было образование международной ассоциации, названной «Международным союзом американских республик». Его представляло агентство в Вашингтоне, носившее сначала название «Коммерческого бюро американских республик», а затем «Панамериканского союза» и превратившееся впоследствии в постоянный секретариат конференции.

⁸⁹ Th. F. Mc Gann. Op. cit., p. 156.

⁹⁰ S. F. Bemis (ed.). The American Secretaries of State, Vol. VIII, p. 178; Minutes of the International American Conference. Washington, 1890, p. 807. Не будучи ратифицированы, эти предложения не привели к каким-либо реальным последствиям.

В конце 1899 г. Мак-Кинли в послании конгрессу поднял вопрос о созыве второй межамериканской конференции. Государственный секретарь Джон Хэй предложил 8 февраля 1900 г. дипломатическим представителям латиноамериканских государств в Вашингтоне снестись со своими правительствами относительно предполагаемой конференции. Вскоре Хэй предложил, чтобы конференция состоялась в городе Мехико.

14 апреля, в день десятилетия существования «Международного союза», состоялось специальное заседание, на котором была разработана предварительная повестка дня конференции. Конференция призывалась вновь обсудить следующие вопросы: об арбитраже, международном суде по определению претензий, о средствах поощрения промышленности, сельского хозяйства и торговли, развития путей сообщения и т. д. Большинство голосов члены бюро высказались за то, чтобы конференция собралась в Мехико. Мексиканское правительство разослало всем американским странам предложение собраться на конференцию 22 октября 1901 г.

Характерно, что в намеченной повестке дня конференции совершенно вынал вопрос о таможенном союзе, который больше всего волновал латиноамериканцев. Чили вновь высказалась против постановки вопроса о принудительном арбитраже и согласилась принять участие в созываемой конференции только после того, как были внесены некоторые коррективы в повестку дня.

Вторая панамериканская конференция

Конференция открылась в городе Мехико 22 октября 1901 г. и продолжалась до 31 января 1902 г. Аргентина и Чили больше всего были озабочены сохранением равновесия сил в Южной Америке. В то время как Чили выступала против принудительного арбитража, Аргентина настаивала на обсуждении этого вопроса. Еще до созыва конференции посланник Аргентины заявил Хэю, что «конференция потерпит провал в случае, если США не используют своего законного влияния, чтобы добиться принятия решения о принудительном арбитраже»⁹¹. Перуанцы также добивались принятия конференцией решения об арбитраже. Они считали, что такое коллективное вмешательство поможет им покончить с домогательствами Чили и вернуть потерянную ими территорию. На самой конференции борьба вокруг вопроса об арбитраже приняла острые формы и чуть ли не привела к ее срыву. Противники Чили во главе с аргентинской делегацией выступали за принудительный арбитраж по всем конфликтам. Чилийская делегация категорически высказывалась против этого предложения, требовала взамен принятия решения о доброволь-

⁹¹ Th. F. McGann. Op. cit., p. 202.

пом арбитраже и о присоединении к принятым на Гаагской конференции 1899 г. конвенциям. Пятнадцать делегаций, в их числе Аргентина и США, вне конференции подписали протокол о признании Гаагских конвенций об арбитраже. Вокруг этих предложений продолжалась борьба между сторонниками и противниками принудительного арбитража. Делегации США и Мексики внесли ряд компромиссных предложений⁹². В итоге длительных и ожесточенных споров конференцией были приняты: протокол о присоединении к Гаагским конвенциям от 29 июля 1899 г. о мирном разрешении международных конфликтов и о кодификации международного права, договор о разрешении третейским судом материальных претензий. Договор подписало всего 9 правительств, в число которых не входили ни Чили, ни США⁹³.

Помимо этого, была подписана, против воли делегатов США, которые не приняли участия ни в обсуждении, ни в голосовании, конвенция о правах иностранцев. Она гласила:

«1. Иностранцы должны пользоваться всеми гражданскими правами, принадлежащими местным гражданам, точно и в тех же условиях, как последние, за исключением случаев, предусмотренных конституцией каждой данной страны.

2. Государства не имеют и не признают никаких обязательств в отношении иностранцев или ответственности за них, за исключением предусмотренных конституцией и законами в пользу своих подданных.

В силу этого государства не отвечают за ущерб, причиненный иностранцам действиями мятежников или отдельных лиц, и вообще за ущерб от случайных причин разного рода, под которыми понимаются война гражданская и национальная. Исключения составляют те случаи, когда конституционные власти не справляются со своими обязанностями.

3. В случае наличия у иностранца претензий или жалоб гражданского, уголовного или административного порядка против государства или его граждан, он должен представить свои требования в компетентный суд данной страны. Дипломатическим путем жалобы могут направляться только в случаях открытой несправедливости со стороны суда, или необычайной затяжки дела, или же явного нарушения принципов международного права»⁹⁴.

⁹² См. R. N. Burr. *By Reason of Force, Chile and the Balance of Power in South America 1830—1905*. Berkeley, 1965, p. 240—242.

⁹³ A. C. Wilgus. *The Second International Conference at Mexico City*. — «Hispanic American Historical Review», Vol. XI, N 1, February 1931; J. B. Scott (ed.). *The International Conferences of American States, 1889—1928*. New York, 1931.

⁹⁴ J. B. Scott (ed.). *Op. cit.*, p. 90—92; Senate Documents, N 330, 57th Congress, 1st Session, p. 228. Second International Congress of American States.

Конференция приняла также решение о реорганизации «Коммерческого бюро американских республик» в «Международное бюро американских республик». Управление им возлагалось на «административный совет, состоящий из государственного секретаря США в качестве председателя и дипломатических представителей всех правительств, представленных и аккредитованных при правительстве США»⁹⁵.

Решения второй панамериканской конференции не только вскрыли противоречия, которые разделяли США и страны Латинской Америки, — они показали, что страны эти испытывают страх перед своим соседом, пытающимся стать монопольным повелителем Западного полушария. Но если США удалось в первые годы XX столетия добиться гегемонии в странах Карибского бассейна, то в Южной Америке они наталкивались на серьезное противодействие со стороны Аргентины, Чили и других держав. Интервенционистская политика США, применение вооруженной силы для защиты американских капиталовложений, вызванные стратегическими соображениями и с целью положить конец «восстаниям и беспорядкам» в соседних странах, введение войск по «просьбе» местных правительств и т. д. — породили не только недоверие, но и страх перед американским империализмом. А новая рузвельтовская политика «большой дубинки» вызвала значительную враждебность в Центральной и Южной Америке. Часть прессы стран Южной Америки, отражавшая интересы национально-освободительного движения, открыто выражала свое недовольство, подозрительность и ненависть к империализму янки. Захват Рузвельтом Панамского перешейка, установление протектората над новой Панамской республикой, превращение им доктрины Монро в орудие агрессивной политики США, присвоение США «полицейских» функций в Западном полушарии, подавление Соединенными Штатами национально-освободительного движения на Филиппинах, Кубе и в других странах Латинской Америки привели к дальнейшему росту противоречий между империализмом США и народами, боровшимися за национальное освобождение.

⁹⁵ J. B. Scott (ed.). Op. cit., p. 92—94.

ЭКСПАНСИЯ США В КИТАЕ II ДОКТРИНА «ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ»

Раздел Китая на «сферы влияния» империалистическими державами

Важным объектом борьбы империалистических держав в конце XIX и начале XX в. становится Китай с его обширным рынком для сбыта товаров и источниками различного рода сырья, в том числе огромных неиспользованных запасов угля, минералов и руд¹.

К концу XIX в. империалистические державы начали борьбу за раздел Китая. Япония удалось, как писал В. И. Ленин, «пробить брешь в китайской стене» и открыть «такой лакомый кусок, который сразу ухватили зубами капиталисты Англии, Германии, Франции, России и даже Италии»².

В результате японо-китайской войны 1894—1895 гг., обнаружившей всю степень разложения и беспилия феодального Китая, Япония захватила Тайвань и острова Пэнхуледао (Пескадорские) и еще больше укрепила свои позиции в Корее, «независимость» которой от Китая была признана Симоносэским договором. Попытка Японии добиться территориальных приращений на материке не увенчалась успехом из-за вмешательства России, Франции и Германии. Япония, вынужденная отказаться от Ляодуна, не оставила своих захватнических планов в Китае. Державы, взявшие Китай под «защиту», преследовали свои цели и только выжидали благоприятной обстановки для реализации планов расчленения Китая. Воспользовавшись затруднениями Китая, они заключили ряд соглашений и договоров, укрепивших их позицию в Китае.

Все эти «соглашения» указывали, с одной стороны, на растущие между державами противоречия и, с другой, — на желание каждой из них опередить своих соперников и добиться больших уступок. Началась вакханалия захватов империалистическими

¹ См. P. S. Reinsch. World Politics at the End of the XIX Century as Influenced by the Oriental Situation. New York. 1902, p. 109.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 83.

хищниками китайской территории и баз, приобретение концессий на постройку железных дорог, на эксплуатацию рудников и т. д. Открытое применение военной силы отныне «сочеталось с завоеванием при помощи железных дорог и банков»³.

Империалистическая Германия обратила особое внимание на бухту Цзяочжоу и искала только повода, чтобы завладеть ею. В ноябре 1897 г. в Шаньдуне были ограблены и убиты два немецких миссионера. Выполняя приказ Вильгельма II, германская эскадра на Дальнем Востоке немедленно высадил десант и заняла Циндао. Германия потребовала сдачи ей в аренду на 99 лет Цзяочжоу и признания ее интересов на большей части Шаньдунского полуострова. Китай вынужден был подписать договор (6 марта 1898 г.), удовлетворив требования Германии. По этому договору побережье бухты Цзяочжоу передавалось Германии в аренду на 99 лет. На срок аренды Китай отказывался от своих суверенных прав на эту территорию⁴. Навязанный Китаю договор ясно показывал, что Германия намеревалась стать полновластным хозяином Шаньдуна. Под видом аренды была создана «сфера влияния» Германии.

Англия навязала Китаю ряд кабальных займов, в результате которых Китай вынужден был признать долину реки Янцзы исключительной сферой интересов британского империализма. После успешных переговоров с Германией и подписания с ней соглашения, по которому Англия обязывалась не вмешиваться в права и интересы Германии в Шаньдуне, английские войска оккупировали Вэйхайвэй (30 мая 1898 г.). 9 июня того же года Англия принудила Китай подписать соглашение о расширении арендной территории Гонконга за счет Коулунского полуострова. Это соглашение содержало также обязательство со стороны Китая не продавать, не отдавать в аренду и не уступать района Янцзы другим государствам⁵.

Франция добилась права постройки железной дороги от тонкинской границы до Юньнаньфу, передачи ей в аренду территории Гуанчжоуваня на побережье Гуандунской провинции и т. д. Франция также добилась привилегий в разработке полезных ископаемых в провинциях Юньнань, Гуандун и Гуанси. Китай обязался не отчуждать о-в Хайнань⁶. Япония заставила Китай подписать соглашение, которое обязывало его не отчуждать в пользу третьей державы территории в провинции Фуцзянь.

³ T. W. Overlach. Foreign Financial Control in China. New York. 1919, p. 11.

⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1898 г., д. 35, лл. 12—14 (Приложение — карта занятой немцами территории); Фань Вень-лань. Новая история Китая. М., 1955, т. I, стр. 426, 484—485.

⁵ Фань Вень-лань. Указ. соч., т. I, стр. 426; АВПР, ф. Китайский стол, 1898 г., д. 115 (Павлов — Муравьеву, 27 апреля 1898 г.).

⁶ АВПР, ф. Китайский стол, 1898 г., д. 115 (20 апреля 1898 г.).

Италия предъявила Китаю требование об уступке ей для угольной стоянки бухты Сань-Мун, южнее Чжоу-Саньских островов, со включением в сферу влияния Италии Чженьцзяна⁷. Для подкрепления своего требования Италия направила в Китай пять военных судов⁸. Однако попытка Италии приобрести морскую базу провалилась из-за противодействия Китая и из-за отказа ряда держав поддержать ее⁹.

Царская Россия по договору с Китаем от 3 июня 1896 г. получила право в случае войны с третьей державой вводить свои военные суда в любой порт Китая. Она добилась выгодных условий проникновения в Маньчжурию и права постройки на ее территории железной дороги. По договору 1898 г. Китай отдавал России в аренду на 25 лет Порт-Артур, Дальний и омывающие их воды в качестве военно-морской базы. «Маньчжурская железнодорожная компания» получила право на сооружение железнодорожной ветки, которая соединила бы Китайско-Восточную железную дорогу с Порт-Артуром и Дальним¹⁰. Министерство иностранных дел России заявило правительствам других стран, что «порт Талиевань остается открытым для иностранной торговли и для их судов»¹¹.

В апреле 1899 г. Англия и царская Россия подписали соглашение, по которому Англия обязалась не добиваться для себя или своих подданных концессий на сооружение железной дороги к северу от Великой китайской стены и не препятствовать получению концессий в этой области со стороны России. В свою очередь Россия предоставляла Англии свободу действий к югу от Великой китайской стены¹².

С 1895—1896 гг. началась бешеная погоня за железнодорожными и другими концессиями в Китае, так называемая «битва за концессии». В результате нажима крупных держав примерно за три года до конца 1898 г. Китай вынужден был предоставить 19 концессий на строительство железных дорог общим протяжением 10 тыс. км¹³.

«Постройка желдорог, — писал В. И. Ленин, — кажется простым, естественным, демократическим, культурным, цивилизаторским предприятием... На деле капиталистические нити,

⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1899 г., д. 85, л. 58 (Донесение Гирса из Пекина, 17 февраля (1 марта) 1899 г.).

⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1899 г., д. 85, л. 82 (28 февраля (12 марта) 1899 г.).

⁹ Там же, лл. 64 и 68 (20 февраля 1899 г. и 24 февраля (8 марта) 1899 г.). Гирс сообщал, что только английский посланник заявил о поддержке итальянских требований.

¹⁰ Фань Вень-лань. Указ. соч., т. I, стр. 427.

¹¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1898 г., д. 21, л. 6 (Циркуляр от 16 марта 1898 г. за подписью графа Муравьева).

¹² P. S. Reinsch. Op. cit., p. 178—179.

¹³ H. B. Morse. The International Relations of the Chinese Empire, 3 Vols. New York, 1910—1918, Vol. III, p. 124.

тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства вообще, превратили эту постройку в орудие угнетения *миллиарда* людей (колонии плюс полуколонии), т. е. больше половины населения земли в зависимых странах и наемных рабов капитала в «цивилизованных» странах»¹⁴.

Предоставление иностранными государствами займов также использовалось ими для усиления давления на Китай путем захвата контроля над таможенными страны в целях обеспечения выплаты займов и процентов по ним. После японо-китайской войны Китай переживал серьезные финансовые трудности, которые поспешили использовать империалистические державы. Россия и Франция предоставили Китаю крупный заем на сумму в 400 млн. фр.¹⁵, выпущенный под гарантию царского правительства. Заем предназначался главным образом на покрытие контрибуции Японии.

Доказательством того, что Россия понимала, какие выгоды сулит ей положение кредитора Китайской империи, является тот факт, что она сама делала займы, чтобы затем ссужать полученные суммы Китаю.

В 1896 г. английские и германские капиталисты предоставили Китаю заем в 16 млн. ф. ст. В 1898 г. заем на такую же сумму Китай получил от Гонконг-Шанхайской банковской корпорации¹⁶ и Германо-азиатского банка. Эти и последовавшие за ними займы привели к финансовому закабалению китайского народа.

Борьба США за Китай

Добившись победы в войне с Испанией и захватив Филиппины¹⁷, США решили, опираясь на свои экономические ресурсы, превосходившие ресурсы других стран, завоевать обширный китайский рынок. Однако империалисты США оказались в Китае перед сложной ситуацией. Китай уже был фактически разделен на «сферы влияния» между европейскими империалистами. Монополисты разных стран, железнодорожные магнаты, банковские дельцы, частные концессионеры и деятели крупных трестов, за спиной которых стояла вся мощь государственного аппарата

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 304—305.

¹⁵ W. L. Langer. The Diplomacy of Imperialism, 1890—1902, 2 Vols. New York, 1935, Vol. I, p. 188.

¹⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1898 г., д. 81, л. 38 (Донесение Павлова из Пекина, 19 февраля (1 марта) 1898 г.).

¹⁷ АВПР, ф. Китайский стол, 1900 г., д. 764 (Депеша Де-Воллана от 7 июня 1900 г. «Не будь Филиппин, — писал он, — США за отдаленностью Китая могли бы удовольствоваться пассивным отношением ко всем беспорядкам в Китае; теперь же это вмешательство Америки захватывает все больший и больший круг»).

той или иной страны, «словно стая коршунов, собрались пировать над трупом Китая»¹⁸.

«Никогда еще в таком виде и масштабе, как в эти годы, — писал видный советский историк Б. А. Романов, — не вторгался империализм на китайскую территорию с такой последовательной настойчивостью и наглым пренебрежением к национально-политической «независимости» и «неприкосновенности» этой страны. Сотни тысяч квадратных километров отхватывались и попадали в новую кабалу к иностранцам под предлогом «дружбы» и «компенсации» на началах (безденежной) «аренды»... Пекинское министерство иностранных дел обратилось в эти годы не то в биржевую, не то в нотариальную контору, где постоянно толпились дипломатический люд в сопровождении *толмачей*, часами, днями, неделями торгуясь и обсуждая всякие сделки, сверяя и подписывая договоры и соглашения..., повышая голоса, впадая в «возбуждение» и щеголяя оттенками «серьезных представлений», «категорических заявлений», «решительных требований» и всяких угроз»¹⁹.

Соединенные Штаты, еще занятые в это время кровавой войной против филиппинских патриотов и установлением колониального режима на Кубе, в Пуэрто-Рико, на Гавайских островах и т. д., решили выступить с доктриной, которая дала бы им возможность проникать со своими товарами в эти «сферы влияния» и в арендованные другими державами территории Китая. Это была доктрина «открытых дверей и равных возможностей». Еще в годовом отчете бюро внешней торговли государственного департамента за 1896/97 год открыто говорилось о необходимости «наступления на мировой рынок». В нем совершенно открыто утверждалось, что обеспечение равных возможностей в Китае «безусловно принесет громадные выгоды промышленникам США благодаря спросу на продовольствие и товары различных сортов, который они смогут удовлетворить»²⁰. В прессе, контролируемой крупными монополиями США, печатались многочисленные статьи, в которых доказывалась необходимость расширения торговых и финансовых мероприятий США в Китае. Политические деятели, историки и экономисты в своих выступлениях призывали правительство к решительным действиям на Дальнем Востоке, указывали на огромное значение китайских рынков. Так, Р. Г. Хилл в статье, опубликованной в 1899 г., писал: «Каждый европеец употребляет, вероятно, в 10 раз больше товаров промышленной и пищевой продукции, чем азиат. Европейцы

¹⁸ A. L. P. Dennis. *Adventures in American Diplomacy 1896—1906*, p. 180.

¹⁹ Б. А. Романов. *Очерки дипломатической истории русско-японской войны, 1895—1907*. М.—Л., 1947, стр. 82.

²⁰ A. W. Griswold. *The Far Eastern Policy of the United States*. New York, 1938, p. 56—57.

в настоящее время потребляют почти в 8 раз больше наших товаров, чем все остальные народы мира. Европа поглощает примерно на 805 млн. долл. нашего экспорта; Азия — на 40 млн. долл.; Южная Америка — на 35 млн. долл.; Океания — на 20 млн. долл. и Африка — на 15 млн. долл.»²¹.

Исходя из этих данных, Хилл доказывал, что перед США открыты колоссальные возможности в Китае. «Установление европейского контроля над Китаем, — писал он, — означает: выгодные перспективы для молодежи, которая получает образование в наших технических учебных заведениях, рынки для нашего железа и машин и неслыханные прибыли для нашего народа»²².

Другой автор, Шьербранд, выпустивший в начале XX в. книгу «Америка, Азия и Тихий океан», утверждал, что «в настоящее время в наиболее процветающих провинциях Китая средняя годовая заработная плата главы семьи равняется 36 долл. Чтобы увеличить ее, скажем, до 200 долл., нужно, чтобы ценность китайского рынка для западных товаров возросла в шесть раз»²³.

Вывод автора ясен: США должны разработать все необходимые экономические и политические мероприятия для того, чтобы вытеснить своих конкурентов в Китае и овладеть его рынками.

К этому же призывал бывший посланник США в Пекине Денби. Он писал: «Тихому океану предопределено судьбой вместить на своих просторах более обширную торговлю, чем Атлантическому... Здесь, на Дальнем Востоке, находятся самые разнообразные источники доходов, в которых мы непосредственно заинтересованы... Мы имеем некоторое моральное влияние на мировую политику, и я считаю, что это влияние должно быть использовано во всех случаях, когда этого требуют наши интересы...»²⁴

Монополисты США высказывали опасения, как бы конкуренты — представители других держав не использовали своего преимущественного положения и не ущемили интересы американской торговли. Не только американские коммерсанты, но и миссионеры, число которых в Китае достигало 1500 человек, настаивали на более определенной политике США на Дальнем Востоке, с тем чтобы противодействовать активности других стран и создать выгодные условия для американских корпораций. Посланник США в Пекине Конжер делал все от него зависящее,

²¹ «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», May 1899, p. 135.

²² Ibid., p. 139.

²³ Wolf von Schierbrand. America, Asia and the Pacific. New York, 1904, p. 84.

²⁴ S. F. Bemis (ed.). The American Secretaries of State and Their Diplomacy, Vol. IX, p. 136.

чтобы обеспечить успех американским корпорациям в их конкурентной борьбе в торговле, в сооружении железных дорог и в приобретении порта в Китае. Он открыто выступал против сохранения целостности Китая и заявлял, что, когда Китай будет разделен, США «должны быть готовы к тому, чтобы путем переговоров или захвата приобрести хотя бы один хороший порт, не пользуя который можно было бы осуществлять свои права и проводить свое влияние» ²⁵.

Конджер раскрывал истинные намерения американских империалистов: проводить открыто агрессивную политику и подобно другим державам захватить часть Китая, с тем чтобы установить американскую «сферу влияния». Однако для проведения такой политики был необходим большой флот и армия, без помощи которых нельзя было заставить другие державы считаться с США. Испано-американская война показала слабость американской армии и флота, которые могли успешно бороться с распадающейся испанской империей или проводить карательные экспедиции против индейцев, но ни в коем случае не были в состоянии конкурировать с другими империалистическими державами в борьбе за раздел Китая ²⁶. Кроме того, США экономически более мощные, чем другие империалистические державы, не хотели удовлетвориться ролью рядового участника в этой борьбе. Они стремились играть роль главного арбитра в делах Дальнего Востока и создать такое положение, при котором в конечном счете они смогли бы занять монопольное положение на рынках Китая и превратить Тихий океан в «американское озеро».

В начале 1898 г. торговые палаты разных городов США как в восточных, так и в западных штатах, направляли петиции в государственный департамент США, требуя принятия энергичных мер для защиты интересов американских бизнесменов в Китае ²⁷. Группа американских дельцов, представлявшая большинство фирм, связанных с Китаем, одобрила резолюцию Нью-Йоркской торговой палаты о необходимости защиты американских интересов на Дальнем Востоке против притязаний царской России ²⁸. В резолюции Нью-Йоркской торговой палаты говорилось о необходимости в связи с происходящими в Китае событиями, угрожающими дальнейшему развитию торговли США, предпринять энергичные меры для «защиты существующих договорных прав наших граждан и для охраны их торговых интересов в этой стране» ²⁹.

²⁵ A. W. Griswold. Op. cit., p. 59.

²⁶ Подробно об этом см. A. Carnegie. Americanism Versus Imperialism. — «The North American Review», January 1899, p. 1—13.

²⁷ Ch. S. Campbell. Special Business Interests and the Open Door Policy. New Haven, 1951, p. 34.

²⁸ Ibid., p. 35.

²⁹ Ibidem.

В 1898 г. возник Комитет по американским интересам в Азии. В его состав вошли представители рокфеллеровской «Стандард ойл», «Бетлехем айрон компани», хлопчатобумажных компаний, торгующих с Китаем, «Фрезер энд К^о» и многих других организаций, заинтересованных в активизации политики США в Китае³⁰.

Проделав большую работу в «борьбе за Китай», Комитет по американским интересам в Азии принял решение об основании новой, более широкой организации — Американско-Азиатской ассоциации. В состав новой организации, возникшей в июне 1898 г., вошли все члены комитета и представители многочисленных фирм, заинтересованных в торговле с Китаем и в получении железнодорожных и других концессий. Руководящую роль в новой организации играла «Америкэн Чайна девелопмент компани», которая еще в 1895 г. начала переговоры с Китаем о концессии на строительство железной дороги. Официальным органом ассоциации стал журнал «Эйша» («Азия»). Ассоциация стремилась к тому, чтобы правительственная политика в отношении Китая соответствовала ее интересам. «Для ведения торговли с Китаем, — писал президент ассоциации, — американским и английским купцам нужны открытые, согласно договорным правам, порты, без всяких ограничений и вмешательства извне»³¹.

Ассоциация добилась больших успехов в мобилизации общественного мнения в пользу борьбы за рынки Китая и других стран Дальнего Востока. Она оказывала серьезное давление на правительство в целях проведения более решительной политики в Китае. Когда государственным секретарем стал Джон Хэй, прямой ставленник и защитник интересов американских монополий, между государственным департаментом и ассоциацией установились самые дружеские связи. Во время антимпериалистических выступлений в Северном Китае и Маньчжурии 53 фабриканта и экспортера хлопчатобумажных тканей обратились в госдепартамент с петицией. Указав на то, что большинство американских тканей вывозилось в районы Китая, которыми интересуется Россия, петиционеры писали: «До тех пор пока правительство США не будет проводить более решительную политику, эти рынки будут закрыты для нашей торговли, как это недавно имело место на Мадагаскаре»³².

Хэй как один из руководителей группы экспансионистов, возглавляемой Т. Рузвельтом и Генри К. Лоджем, охотно выполнял все директивы монополистов. Его внешнеполитические акты в отношении Китая полностью отвечали требованиям Американско-Азиатской ассоциации.

³⁰ Ibid., p. 30, 34.

³¹ Ibid., p. 42.

³² Ibid., p. 47.

В конце XIX в. американские промышленники и купцы раз-
вернули энергичную экономическую экспансию в Китае.
В 1900 г. в Китае насчитывалась 81 американская фирма;
31 миссионерское общество объединяло свыше 1000 американских
миссионеров³³. Помимо религиозной деятельности, миссионеры
выступали в качестве лучших пропагандистов американских мо-
нополий в Китае, Корее и других странах Азии, расчищая почву
для экономической экспансии американского капитала.

Миссионеры также содержали больницы. В 1900 г. под их
контролем в Китае находилось 60 больниц. Не менее половины
миссионерских школ в Китае руководилось американцами.
В 1899 г. в них обучалось около 10 тыс. человек, а уже к 1905 г.
число учащихся достигло 30 тыс. Так американские миссионеры
готовили агентуру для монополистов США. Характерно также,
что в 1900 г. американские инвестиции в Китае состав-
ляли 24,7 млн. долл. Из них имущество американских религио-
зных миссий оценивалось в 5,1 млн. долл.³⁴ На промышленные
инвестиции падало 17,5 млн. долл.; 2,2 млн. долл. составляли
займы. Значительная доля промышленных инвестиций принадле-
жала компании «Стандард ойл». В 1898 г. Китай импортировал
около 100 млн. галлонов керосина; из них половина ввозилась
из США. Часть инвестиций направлялась в текстильную про-
мышленность. Американцы построили в Шанхае две хлопчато-
бумажные фабрики с общим капиталом в 1,2 млн. долл.³⁵

В Шанхае американцам принадлежала крупная табачная
фабрика. Все это было только начало, так как американцы в то
время больше думали о торговле, чем об инвестициях. В области
торговли с Китаем (вместе с Гонконгом) США добились боль-
ших успехов. Об этом говорят следующие данные (в млн. долл.)³⁶:

Год	Импорт	Экспорт	Год	Импорт	Экспорт
1895	21 322	7 857	1898	21 073	16 258
1896	23 342	11 613	1899	21 098	22 226
1897	21 328	17 984	1900	28 158	24 112

Как видно из таблицы, экспорт в Китай с 1895 и по 1900 г.
возрос более чем в три раза. Такой рост американского экспорта

³³ Ch. F. Remer. The Foreign Investments in China. New York, 1933, p. 251. По данным Денби, число миссионеров в Китае достигло 1500 человек (см. S. F. Bemis (ed.). The American Secretaries of State, Vol. IX, p. 136—137).

³⁴ См. Ch. F. Remer. Op. cit., p. 260.

³⁵ Ibid., p. 251.

³⁶ Shü-Lun Pan. The Trade of the United States with China. New York, 1924. p. 48.

в Китай обнадеживал экспансионистов США в их «битве за Китай», в их стремлении вытеснить своих конкурентов — англичан, русских, японцев и немцев и самим занять господствующее положение на рынках Китая. Борьба американских монополий в этом отношении протекала успешно. США по темпам роста торгового оборота догоняли и обгоняли своих соперников. Если в 1896 г. на долю США приходилось 6,7% внешней торговли Китая, то к 1902 г. она достигла 10,5%. За эти же годы доля Англии упала с 16,5 до 12,8%. Доля Японии в 1902 г. во внешней торговле Китая достигла 12,2%, России — 8,1%³⁷.

Таким образом, США становились серьезным конкурентом Англии, занимавшей с 1840 г. первое место в экономической эксплуатации Китая.

Еще более интенсивно развивалась торговля США с Японией. В 1902 г. США вывозили в Японию товаров на сумму в 21 485 тыс. долл., Великобритания — на сумму в 26 млн. Важно отметить, что за 20 лет британский экспорт в Японию вырос в два раза, а американский — в 6 раз³⁸.

В Китай США вывозили главным образом хлопчатобумажные ткани, керосин, муку и изделия из железа и стали. Китай покупал примерно половину американского экспорта хлопчатобумажных тканей³⁹. Следовательно, текстильная промышленность США, и особенно хлопчатобумажные фабрики южных штатов, во многом зависели от рынков Китая. Главным конкурентом США на китайских рынках была Англия. В Маньчжурии, поглощавшей до 80—90% вывозимых из США в Китай хлопчатобумажных тканей, американские коммерсанты сталкивались с конкуренцией русских хлопчатобумажных тканей. Поэтому текстильные фабриканты США активно выступали за провозглашение правительством политики «открытых дверей и равных возможностей»⁴⁰.

«Стандард ойл» прилагала немало усилий для завоевания монопольного положения на рынках Китая. В 1895 г. керосин, ввозимый из США в Китай, оценивался в 2 млн. долл., а уже в 1897 г. — в 4,5 млн. долл.⁴¹

Главным конкурентом «Стандард ойл» на рынках Китая являлась Россия. Агенты «Стандард ойл» прибегали к разнообразным средствам для того, чтобы противодействовать ввозу русского керосина в Китай. Американский керосин продавался по демпинговым ценам. «Стандард ойл» скупала также крупные партии русского керосина, а затем сбывала его по бросовым ценам.

³⁷ Ibid., p. 49.

³⁸ Wolf von Schierbrand. Op. cit., p. 30.

³⁹ Ch. S. Campbell. Op. cit., p. 20.

⁴⁰ По экспорту в Маньчжурio США занимали в 1901 г. первое место (см. T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War. Gloucester, 1959, p. 125—126).

⁴¹ Ch. S. Campbell. Op. cit., p. 23.

Вскоре в борьбу за рынки Китая вступила и «Ройял Датч». Первые партии керосина из Суматры были ввезены в 1894 г., из Борнео — в 1901 г.

Таким образом, монополия нефтяных компаний США серьезно подрывалась в Китае не только русскими, но и голландскими нефтяными компаниями. К 1900 г. в экспорте керосина в Китай доля США составляла 41,5%, России — 39,1, Суматры — 19,4% ⁴². Как и текстильные фабриканты, нефтяные монополии США в борьбе против своих конкурентов на рынках Китая активно содействовали проведению правительством США политики «открытых дверей».

Еще более острой была конкурентная борьба за рынки Китая по стальным и железным изделиям. Преимущество в ней имели США, чьи товары продавались по более дешевым ценам. Главные конкуренты США — англичане вынуждены были постепенно отступить с рынков Северного Китая и Маньчжурии, одновременно принимая более эффективные меры для сохранения преимущественного положения в Центральном Китае.

Участие США в «битве за концессии»

Монополисты США попытались также принять участие в «битве за концессии». Наибольшую активность в борьбе за концессии в Китае проявила организованная в декабре 1895 г. «Америкэн Чайна дивелопмент компани».

С самого начала в состав этой компании вошли видные представители финансового капитала США ⁴³. Среди них — железнодорожный магнат Э. Г. Гарриман, Якоб Шифф из «Кун, Леб энд К^о», Чарлз Костер из моргановской группы, представители «Карнеги стил компани», президенты «Ферст нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» и «Чейз нэшнл бэнк» и др.

Компания поставила перед собой широкие планы по сооружению железных дорог и по эксплуатации минеральных богатств Китая. При этом компания разработала самые широкие планы: проведение дороги через центр Китая от Кантона до Ханькоу и Пекина, далее до Маньчжурии и вдоль всей этой провинции до соединения с Транссибирской железной дорогой. Вскоре после образования этой компании, в 1895 г. ее специальный уполномоченный в Китае А. У. Баш обратился за помощью к Денби ⁴⁴.

Денби весьма сочувственно отнесся к планам «Америкэн Чайна дивелопмент компани». На него огромное впечатление

⁴² Shü-Lun Pan. *Op. cit.*, p. 231.

⁴³ См. W. R. Braisted. The United States and the American China Development Company. — «The Far Eastern Quarterly», Vol. XI. N 2, February 1952, p. 147.

⁴⁴ A. Vagts. Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, 2 Bände. London, 1935, Bd. II, S. 962.

произвел как состав компании, так и ее план создания кругосветного пути. Реализация этого плана помогла бы американцам бороться за установление «полного контроля над национальным прогрессом Китая»⁴⁵.

Весной 1895 г. Баш посетил графа Кассини (в то время российский посланник в Китае). Он заверил его в том, что американская компания решила действовать в Маньчжурии только с полного одобрения России⁴⁶ и готова предоставить русским предпринимателям особые условия в приобретении акций. Однако Кассини «дал уклончивый ответ», предложив Башу адресоваться непосредственно в Петербург.

Второе свидание Баша с Кассини в 1896 г. также оказалось безуспешным. Одновременно компания вела переговоры с американцем Петиком — секретарем Ли Хун-чжана. В представленном Петиком проекте, пишет Б. А. Романов, речь шла уже не о простом соединении Сибирской железной дороги с Пекин-Кантонской магистралью, а о мирном завоевании всей Маньчжурии: дорога должна была пойти от «какого-либо» порта в Ляодунском заливе на Нючжуан—Мукден—Гирин—Цицикар к «какому-нибудь пункту Сибирской линии и от Мукдена к корейской границе»; компании должно было быть предоставлено право «приобретать «земли, леса, и кони» в любых пунктах Монголии и устанавливалась на 30 лет монополия компании на всякое железнодорожное строительство»⁴⁷.

В письме к Кассини Петик пытался доказать, что осуществление американского плана железнодорожного строительства окажется весьма выгодным для России. «Я предлагаю этот вопрос, — писал он, — вниманию Вашего превосходительства, признавая, что Маньчжурия и северные провинции собственно Китая входят в сферу русского влияния, и вследствие этого всякого рода обширные планы, в которых иностранцы заинтересованы в этой части Китая, должны осуществляться только с ведома и полного одобрения русского правительства и должны находиться в соответствии с политическим и торговым курсом России»⁴⁸.

Планы американской компании показали, что борьба за железнодорожную концессию преследовала далеко идущие цели. Речь шла о том, кто же в конце концов завоеует преобладающее влияние в том или ином районе Китая — США или царская Россия. В данном случае американцев больше всего интересовала Маньчжурия. Не требовалось особой проникательности, чтобы разгадать эти планы. Поэтому Кассини доносил, что он «конфи-

⁴⁵ Foreign Relations, 1897, p. 59.

⁴⁶ Б. А. Романов. Россия в Маньчжурии (1892—1906). Л., 1928, стр. 102.

⁴⁷ Б. А. Романов. Россия в Маньчжурии, стр. 103; см. также А. А. Фурсенко. Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей. 1895—1900. М.—Л., 1956, стр. 177—182.

⁴⁸ А. А. Фурсенко. Борьба за раздел Китая, стр. 179.

денциально дал понять г. Башу, что, насколько ему известно, русское правительство, поскольку дело идет о железных дорогах в Маньчжурии, не намерено обращаться к каким бы то ни было иностранным обществам»⁴⁹.

Добиться каких-либо уступок в Маньчжурии, после того как Россия и Китай подписали договор о строительстве КВЖД, Баш не смог.

Считаясь с создавшимся положением и с позицией России, американская компания начала переговоры с Китаем о строительстве железной дороги Пекин—Ханькоу⁵⁰ и в начале ноября добилась подписания соответствующего предварительного соглашения. Однако и здесь американцы встретили серьезное противодействие. Дело в том, что часть проектируемой трассы должна была проходить через долину Янцзы, основной «сферы влияния» англичан. Под давлением англичан Китай отказался подписать с американцами окончательное соглашение⁵¹.

В 1897—1898 гг. американцы столкнулись с новым конкурентом, с бельгийским синдикатом. Под давлением России и Франции Китай подписал с бельгийцами соглашение, предоставив им концессию на строительство железной дороги Пекин—Ханькоу⁵².

Таким образом, американцы вновь потерпели неудачу в проведении своих планов, которые затрагивали интересы России и Англии. В конце 1898 г. они добились у китайского правительства ограниченной концессии на строительство железной дороги Кантон—Ханькоу⁵³. Американский концерн должен был выпустить акций на сумму в 4 млн. ф. ст. для возобновления строительства дороги и для эксплуатации ее в течение 50 лет. В качестве компенсации компании обеспечивалась прибыль от продажи китайских акций, 50% стоимости строительства и 20% чистой прибыли.

13 июля 1900 г. между Китаем и американской компанией было подписано дополнительное соглашение⁵⁴. По новому контракту компания получила право выпуска акций на сумму до 40 млн. долл. для покрытия расходов по строительству 710 миль главной магистрали от Ханькоу до Кантона, 130 миль железнодорожных веток и 78 миль запасных путей.

Американская компания проделала все необходимые изыскания, но стройка продвигалась очень туго. К сентябрю 1904 г.

⁴⁹ См. А. Канторович. Америка в борьбе за Китай. М., 1935, стр. 100.

⁵⁰ Foreign Relations, 1897, p. 59.

⁵¹ Ibid., p. 56—58.

⁵² W. L. Langer. Op. cit., Vol. II, p. 679; H. B. Morse. Op. cit., Vol. III, p. 87.

⁵³ Shü-Lun Pan. Op. cit., p. 301—302; P. H. Kent. Railway Enterprise in China. An Account of Its Origin and Development. London, 1907, ch. XII. Полный текст контракта см. А. А. Фурсенко. Борьба за раздел Китая, стр. 182—188.

⁵⁴ См. А. А. Фурсенко. Борьба за раздел Китая, стр. 188—209.

компания построила всего 32 мили железнодорожного пути с Кантоном в качестве отправного пункта. К этому же времени большая часть первоначального акционерного капитала попала в руки бельгийцев (4 тыс. из 6 тыс. акций). Такое положение вещей вызвало недовольство в США. В ряде статей, опубликованных в прессе деловых кругов, доказывалось, что «бельгийцы — фиктивные владельцы акций и что за этой вывеской кроются русские и французские капиталы; это, по их мнению, косвенным образом подтверждается фактом, что финансовая сторона American China Development Company поручена Русско-китайскому банку»⁵⁵.

В 1905 г. китайское правительство аннулировало контракт с американской компанией, выплатив ей 6750 тыс. американских долл.⁵⁶

Так закончилась попытка США добиться концессии на строительство железной дороги и на эксплуатацию недр Китая.

В «битве за концессии» конкуренты США на Дальнем Востоке — Англия, Россия, Германия и Франция, — опираясь на военно-политические силы, превосходящие американские, добились более серьезных, чем США, успехов.

Доктрина «открытых дверей»

Учитывая расстановку сил империалистических держав в Китае в конце XIX в., когда, с одной стороны, возник своеобразный блок России, Франции и Германии, а с другой, — англо-японо-американский союз, а также невозможность для США, занятых покорением Филиппин, прибегнуть к военным мерам в целях проведения экспансионистской политики в Китае, государственный департамент решил пойти по пути «мирного» завоевания Китая.

Для Великобритании конец XIX в. оказался тяжелой эпохой. Английская буржуазия лишилась индустриальной гегемонии. На мировых рынках успешно выступали молодые промышленные державы — Германия и Соединенные Штаты. Большие трудности переживала и внешняя политика Англии. В Азии она испытывала последствия конфликта с Россией, в Африке надвигалось серьезное столкновение с Францией, в Западном полушарии еще не был окончательно разрешен венесуэльский конфликт, в Южной Африке приближалась война с бурами. Но более тревожным для Англии было положение в Китае. Здесь под угрозой оказалась ее монополия в торговле, которую она сохранила до конца XIX в. Англия, контролировавшая примерно 2/3 внешней торговли Ки-

⁵⁵ АВНР, ф. Канцелярия. 1904 г. д. 129. т. 1. лл. 171—173 (Рассини — Ламедорфу. 19 мая (1 июня) 1904 г.).

⁵⁶ АВНР, ф. Китайский стол. 1905 г. д. 122. лл. 63—64; Foreign Relations. 1905. p. 124—135.

тая, после его раздела на «сферы влияния» столкнулась с конкуренцией России, Германии, США, Японии. Соединенные Штаты, Германия, Япония и Россия стремились всеми средствами покончить с английской монополией. Только за 1896—1899 гг. «доля Англии (не считая других частей Британской империи и Гонконга) в китайской торговле снизилась с 16,5% до 11,7%»⁵⁷. И в политическом отношении положение Англии на Дальнем Востоке несколько пошатнулось. Помимо России и Франции, с которыми у Англии имелись серьезные противоречия, в Китае появилась новая грозная для Англии сила — Германия.

Перед британской дипломатией стояла неотложная задача покончить с политикой «блестящей изоляции». Попытка Чемберлена в марте 1898 г. договориться о заключении союза с Германией закончилась провалом. В то же время Англия прилагала много усилий, чтобы добиться сближения с США. К концу столетия ей удалось договориться с Соединенными Штатами по всем спорным вопросам. Англия отступила в районе Карибского бассейна, фактически уступив там гегемонию США. Положительно был разрешен и венесуэльский конфликт. Во время испано-американской войны Англия также заняла благожелательную для США позицию. На Дальнем Востоке Англию и Соединенные Штаты связывала взаимная заинтересованность, направленная против экспансии царской России в Маньчжурии — сфере преобладающих интересов американских монополий.

Англия превратила важнейший в экономическом отношении район Китая, долину Янцзы, в свою «сферу влияния». Границы этого района не были определены; чтобы укрепиться в этом огромном районе, потребовалось не мало усилий, тем более что другие державы — Россия и Франция, — расширяя свои «сферы влияния», стремились внедриться и в центральные районы Китая.

Великобритания, занимавшая в Китае господствующее положение, «была больше озабочена тем, чтобы удержать уже принадлежавшее ей в этой стране, чем захватывать новое. При ее исключительном положении законодателя и экспортера мира свобода торговли и политика открытых дверей в Китае обеспечивала ей большие выгоды, чем льготные тарифы и торговые войны. Именно эти причины, а не стремление поощрять американскую торговлю и капиталовложения в принадлежащие ей концессии и сферы влияния заставляли Англию вести политику, более благоприятную США, чем политика Германии, Франции и России»⁵⁸.

В английской и американской печати появлялись многочисленные статьи о необходимости политического сближения Англии и США. Большинство этих статей носило явно антирусский характер. Кассини доносил из Вашингтона: «Одним из наи-

⁵⁷ А. Банторович. Указ. соч., стр. 106.

⁵⁸ A. W. Griswold. Op. cit., p. 54.

более важных вопросов, требующих с нашей стороны самого пристального внимания, является в настоящее время все большее и большее сближение между США и Великобританией...»⁵⁹ Печать выражала главным образом настроения экспансионистских кругов США, заинтересованных в сближении с Англией для совместной борьбы против России на Дальнем Востоке. Против усиления контактов с Англией выступали американцы прландского и немецкого происхождения.

В правительственных кругах США преобладали настроения в пользу сближения с Англией. Больше всего их привлекала политическая линия, проводимая Британией на Дальнем Востоке. Наиболее откровенным англофилом был государственный секретарь Хэй. Но и он не мог не считаться с традициями США. Поэтому, выступая за сближение с Англией для защиты интересов США в Китае, даже Хэй не мог дать согласия на заключение формального союза с Англией.

Отказываясь от заключения формального союза с Великобританией, правящие круги США готовы были предпринять совместные с ней действия против России на Дальнем Востоке. Одновременно, учитывая все растущий японо-русский антагонизм, США не возражали и против сближения с Японией. Еще 17 января 1898 г. Теодор Рузвельт в письме к Штернбургу утверждал, что японцы могут быть «мощным противовесом России на Дальнем Востоке»⁶⁰.

Английские государственные деятели еще до декларации Хэя открыто высказывались в пользу «политики открытых дверей» в Китае. 1 марта 1898 г. палата общин единогласно приняла резолюцию о том, что «для торговли и для влияния Англии жизненно необходимо сохранение независимости китайской территории»⁶¹.

Керзон, выступая в тот же день в палате общин, также призывал к сохранению целостности Китая, утверждая, что она скорее всего может быть обеспечена, «если Китай будет открыт для сношений всех заинтересованных в нем держав»⁶².

Фактически под прикрытием лозунга «независимости» Китая Англия стремилась укрепиться в своей сфере влияния, сохранить господствующее положение на китайских рынках и свободно эксплуатировать китайский народ. О политике Англии в долине Янцзы откровенно говорил помощник министра иностранных дел в парламенте 9 июня 1899 г.: «Я отрицаю утверждение, что мы отказались от одной политики и проводим другую. Мы пытаемся

⁵⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1898 г., д. 114 (Письмо Кассини Муравьеву, 21 июня 1898 г.).

⁶⁰ H. F. Pringle. Theodore Roosevelt: A Biography, p. 373.

⁶¹ Parliamentary Debates, 4th Series, Vol. 54, p. 309, 340; A. L. P. Dennis. Adventures..., p. 283.

⁶² Parliamentary Debates, 4th Series, Vol. 54, p. 338—339.

добиться того, чтобы железнодорожные и горнорудные концессии полностью попали в руки английских вкладчиков. Мы стремимся освободить торговлю от чрезмерных налогов и надеемся, что внутренние воды, за исключением Янцзы и портов, которые не являются договорными портами, будут открыты для торговли»⁶³.

Учитывая все возрастающую конкуренцию других держав, Англия решила заручиться поддержкой США и таким образом установить равновесие сил на Дальнем Востоке. Уже 8 марта 1898 г. английский посол в Вашингтоне Паунсефот предложил государственному департаменту США совместными усилиями обеих стран обеспечить равные торговые возможности в Китае⁶⁴, т. е. политику «открытых дверей».

8 января 1899 г. Англия предложила США выступить с совместной декларацией о политике «открытых дверей»⁶⁵. В популяризации этой доктрины большую роль сыграл британский адмирал и политический деятель лорд Чарлз Бересфорд. Как представитель Объединения британских палат Бересфорд предпринял агитационную поездку по Китаю, Японии и США. В США он выступал перед собраниями деловых кругов в Сан-Франциско, Чикаго, Буффало, Нью-Йорке и Вашингтоне, агитируя за доктрину «открытых дверей» и за англо-американское сближение. Бересфорд также выступал на специальном собрании Американско-Азиатской ассоциации и был приглашен на банкет к статс-секретарю США Джону Хью. Не только в своих выступлениях, но и в статьях и в книге «The Break-up of China» Бересфорд с большим энтузиазмом доказывал необходимость проведения в Китае политики «открытых дверей».

«Ни к чему, — писал он, — слишком часто повторять глубокое убеждение каждого купца в Китае, что политика открытых дверей или равных возможностей для торговли всех стран является единственной возможной политикой для развития торговли и коммерции... Нет также никакого смысла держать двери открытыми, если не обеспечен порядок в помещении, находящемся по ту сторону двери. Чтобы открыть двери, надо обеспечить целостность Китайской империи»⁶⁶.

В письме к Хью Бересфорд вновь затронул тот же вопрос. Он писал: «Поскольку в руках Америки оказалось свыше 50% импорта в Северном Китае, для американских интересов, так же как и для наших, необходимо проведение политики «открытых дверей». Я уверен, что в ближайшем будущем предполагаемый

⁶³ P. S. Reinsch. Op. cit., p. 173.

⁶⁴ A. W. Griswold. Op. cit., p. 45—46; A. L. P. Dennis. Adventures..., p. 170—171.

⁶⁵ A. W. Griswold. Op. cit., p. 49—50.

⁶⁶ Ch. Beresford. The Break-up of China. New York, 1899, p. 453—454. См. также его статью «China and the Powers». — «The North American Review», May 1899, p. 530—538.

торговый альянс между Великобританией и Америкой в отношении политики «открытых дверей» в Китае станет бесспорным фактом»⁶⁷.

Хотя предлагаемая Англией политика безусловно вызывала одобрение империалистов США, они не хотели связывать себе руки каким-либо совместным заявлением. Они прекрасно понимали, что предложение Англии вызвано ее стремлением упрочить свое положение на Дальнем Востоке, главным образом в противовес России. Против этого они ничего не имели, но в то же время они не забывали, что англичане являются их самыми серьезными соперниками в торговле, в железнодорожном строительстве и в промышленности Китая. Этим объясняется тот факт, что даже Хэй, будучи известным англофилом, выступал вместе со всем кабинетом Мак-Кинли за самостоятельную декларацию США о политике «открытых дверей».

24 августа 1899 г. Хэй обратился к У. Рокхиллу, опытному дипломату и специалисту по проблемам дальневосточной политики, с просьбой подготовить проект обращения правительства США к державам в защиту американских экономических интересов в Китае. Рокхилл в свою очередь воспользовался помощью англичанина Хиппели, бывшего чиновника китайских морских таможен, с которым он был знаком в течение многих лет. Оба они разработали проект, который лег в основу ноты Хэя об «открытых дверях». 6 сентября 1899 г. Хэй отправил в Лондон, Берлин и Петербург идентичные ноты, где излагалась сущность политики «открытых дверей». Позднее такие же ноты были посланы в Токио, Рим и Париж. Каждое правительство должно было дать заверение в виде официальной декларации в том:

«1) Что оно не будет никоим образом затрагивать прав договорных портов или узаконенных интересов в пределах так называемой «сферы интересов» или арендованной территории, которые оно может иметь в Китае.

2) Что действующий китайский договорный тариф будет одинаково применяться во всех портах, находящихся в пределах упомянутой «сферы интересов» (за исключением порто-франко), ко всем товарам независимо от национальной принадлежности. Что взимаемые таким образом пошлины должны взыскиваться китайским правительством.

3) Что в портах, находящихся в пределах этой «сферы», оно будет взимать не более высокие портовые сборы с судов иной национальности, чем с судов своей собственной, и что на железных дорогах, построенных, контролируемых или эксплуатируемых в пределах его «сферы», не будут установлены более высокие тарифные ставки на товары, принадлежащие подданным или гражданам других национальностей, чем те, которые взимаются за по

⁶⁷ A. L. P. Dennis. *Adventures...*, p. 186.

добные же товары, принадлежащие данному государству и перевозимые на равные расстояния»⁶⁸.

Эта нота означала, что США требуют, чтобы для американских товаров в существующих в Китае «сферах» были установлены «открытые двери», т. е. сохранена свобода действий и принцип «равных возможностей».

Характерно, что США требовали применения принципа «открытых дверей» на территориях Дальнего Востока, где хозяйничали соперничающие с ними империалисты, в то время как в странах Центральной Америки и даже на Филиппинах, только недавно захваченных у Испании, США проводили политику «закрытых дверей» в интересах тех же американских промышленников и банкиров.

Доктрина «открытых дверей» преследовала не только экономические, но и политические цели. Опираясь на свои экономические возможности, превосходившие другие страны, и учитывая сложившееся соотношение сил на Дальнем Востоке, американские монополисты вели борьбу не за отдельную сферу влияния, хотя в принципе они не отвергали и такой возможности, а за проникновение своих товаров и капиталов во все сферы влияния и сферы интересов других держав. Иначе говоря, речь шла о том, чтобы добиться монопольного положения на рынках всего Китая. А экономическое и финансовое господство США в Китае неизбежно привело бы к политическому закабалению страны американским империализмом.

Американская политика «открытых дверей» являлась специфическим орудием американского империализма на Дальнем Востоке для проведения его агрессивных планов против Китая и других народов стран Азии. Так же, как и доктрина Монро, она была рассчитана на будущее. По мере усиления американского империализма доктрина «открытых дверей» претерпела ряд изменений, причем ее значение как орудия интервенционизма не только не ослабевало, но еще больше укреплялось. Опираясь на доктрину «открытых дверей» и употребляя усовершенствованные методы экономического и дипломатического давления, США добивались экономического и политического подчинения Китая интересам американских монополистов. Прав американский историк Тайлер Деннетт, когда пишет, что «политика «открытых дверей», подобно младенцу, была сначала маленькой, а потом выросла, но с самого начала была политикой интервенционистской, так же как ребенок со дня рождения принадлежит к человеческому роду»⁶⁹. Причем Деннетт считает, что поводом

⁶⁸ Foreign Relations. 1899, p. 128—145; G. V. A. Mac Murray. Treaties and Agreements with and Concerning China, Vol. I. New York, 1921, p. 221—235; А. А. Фурсенко. Борьба за раздел Китая, стр. 215—218.

⁶⁹ T. Dennett. The Open Door as Intervention. — «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», July 1933, p. 80.

для проведения политики «открытых дверей» было стремление изобрести мирные средства для сдерживания проникновения царизма в Северный Китай. Как английские, так и американские интересы были затронуты, с той только разницей, что американские интересы носили в основном перспективный характер, в то время как английские были вполне актуальными⁷⁰.

Известный американский публицист и политический деятель Мехэн, в отличие от современных американских буржуазных историков, пытающихся доказать оборонительный и мирный характер доктрины «открытых дверей», также признает ее интервенционистский характер. «Доктрина «открытых дверей», — писал он, — провозглашает то же самое в отношении дальнейшего расширения — методами политической или военной интервенции — влияния и контроля над восточными рынками, контроля путем аннексии или установления господства, основанного на силе, коротко говоря, путем захвата, чем бы он ни прикрывался. Захват с помощью этих методов, за которыми следует установление господства над туземными рынками, шел в течение трех столетий; его результаты: Британская Индия, обширные голландские и французские владения на Дальнем Востоке, Корея, Маньчжурия, Филиппины... Остановить это развитие на пороге Китайской империи, населенной четырьмястами миллионов потребителей, — такова приблизительная цель политики «открытых дверей». Необходимым ее элементом является целостность Китайской империи. Эта целостность утверждается принципом «открытых дверей» не из доброжелательства, а потому, что она необходима для свободного доступа к китайским рынкам»⁷¹.

Политика «открытых дверей», таким образом, в начальной ее стадии была заявкой США, опоздавших к разделу Китая, на право участия в агрессии империалистических держав против Китая. Во всех прошлых актах, направленных против Китая, США принимали активное участие совместно с другими державами. Поэтому своей доктриной «открытых дверей» «США по существу лишь теоретически обосновали совместную агрессию держав и их в основном единую политику в Китае за последние 50 лет»⁷².

Ответы держав на ноту Хэя

Как же реагировали на ноту Хэя империалистические державы? Англия, хотя и вносила некоторые оговорки, согласилась подписать декларацию. Выражая энтузиазм по поводу принципа

⁷⁰ Ibid., p. 79.

⁷¹ A. T. Mahan. The Interests of America in International Relations, p. 182—183.

⁷² Ху Шен. Агрессия империалистических держав в Китае. М., 1951, стр. 120.

«открытых дверей», британское правительство заявляло, что эта политика не может применяться в отношении Гонконга, являющегося колонией, и в отношении Вэйхайвэя, представляющего арендованную территорию.

Потребовалось около трех месяцев, прежде чем Англия окончательно согласилась на проведение политики «открытых дверей» в Вэйхайвэе, а также на всех других арендованных ею территориях и в «сферах» ее влияния. Исключение было сделано только для Гонконга⁷³.

Ответы других держав были уклончивы. Каждая держава, кроме Италии, не имевшей в Китае «сферы влияния», обуславливала принятие декларации согласием других держав. Ответ Германии по существу сводился к признанию существующих договорных прав и к подтверждению свободы иностранной торговли в Цзяочжоу⁷⁴. Ответ Германии, по мнению русского посла Кассини, был «составлен, как и следовало ожидать, в выражениях столь же любезных, сколько неопределенных»⁷⁵. Франция, согласившись с доктриной, ограничивалась позитивными обязательствами лишь в отношении арендованной территории, не упомянув о «сфере влияния»⁷⁶. Япония, мечтавшая о реванше против России, нуждалась в помощи Англии и США. Она присоединилась к американской доктрине «открытых дверей». Во время переговоров по этому вопросу Япония выразила желание, чтобы «американские дельцы объединились с японскими для совместной деятельности в предприятиях Китая и Кореи»⁷⁷.

Сложнее обстояло дело с ответом царской России. Доктрина «открытых дверей» была направлена главным образом против России. «Хотя требования американцев, — писал Б. А. Романов, — относились ко всей территории Китая, но в скрытой форме третий пункт американской ноты 6 (18) сентября 1899 г. на деле заключал в себе предложение «нейтрализации» жел[езных] дор[ог], в первую очередь в Маньчжурии, за отсутствием в данный момент других иностранных дорог в Китае, и приобретал поэтому специфически враждебный России смысл»⁷⁸. Россия заняла выжидательную позицию, внимательно следя за ходом переговоров США с другими державами.

1 декабря Кассини получил информацию из министерства о том, что министр финансов Витте возражает против предложе-

⁷³ A. W. Griswold. Op. cit., p. 77; A. L. P. Dennis. Adventures..., p. 188—189.

⁷⁴ Foreign Relations. 1899, p. 131; A. L. P. Dennis. Adventures..., p. 189.

⁷⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1900 г., д. 109, т. 1, № 16 (Кассини — Муравьеву, 13 марта 1900 г.).

⁷⁶ A. L. P. Dennis. Adventures..., p. 192.

⁷⁷ Ibid., p. 192—193.

⁷⁸ Б. А. Романов. Россия в Маньчжурии, стр. 243.

пия о железнодорожных тарифах и считает целесообразным, чтобы он ограничился «в настоящее время ответом в общих выражениях, не связывающих нас»⁷⁹.

В США поняли, что добиться от России безоговорочного присоединения к доктрине «открытых дверей» не удастся. Американский посол Тоуэр после посещения министра иностранных дел России графа Муравьева в пространном дописании Хэю писал: «Он заявил, что этот вопрос настолько сложен, что даже кабинет министров России не мог прийти к окончательному решению... У меня создалось впечатление, что русское правительство расположено было бы отнестись благосклонно к предложениям США... Министры же боятся одобрить политику, могущую в будущем привести к далеко идущим результатам... Он (Муравьев) в конце концов зашел даже так далеко, что заявил, что каким бы ни был ответ русского правительства — он не явится отказом; на мое же повторное напоминание о позиции, занимаемой в этом вопросе другими государствами, он сказал: «Уведомьте Ваше правительство, что мы последуем примеру Франции»⁸⁰.

Поняв, наконец, что вряд ли Россия признает политику «открытых дверей» в Маньчжурии, государственный департамент США инструктировал своего посла Тоуэра добиться ответа России «хотя бы в самой уклончивой форме». Посол США выполнил данную ему инструкцию. 30 декабря 1899 г. министерство иностранных дел России вручило Тоуэру свой ответ⁸¹.

Ответ царской России являлся деликатным отказом, поскольку в нем Россия избегала каких-либо обязательств в отношении арендованных ею территорий и ее «сфер влияния». Статсекретарь Хэй прибег к типичному для американской дипломатии маневру. В письме к Тоуэру он писал: «Наша задача — дать ответу России возможно широкое толкование»⁸². 20 марта 1900 г. Хэй выступил с заявлением, в котором говорилось, что ввиду «благоприятного» ответа, полученного от всех держав, США считают свое предложение «окончательным и определенным»⁸³. Методы американской дипломатии вызвали раздражение русского посла, считавшего заявление Хэя преждевременным, «ввиду того, что ответы правительств существенно различны»⁸⁴.

⁷⁹ АВПР. ф. Китайский стол, 1899 г., д. 1574, л. 37 (Муравьев — Кассини, 1 декабря 1899 г.).

⁸⁰ E. H. Zabriskie. *American-Russian Rivalry in the Far East. A Study in Diplomacy and Power Politics, 1895—1914*. London. 1946. p. 58.

⁸¹ А. А. Фурсенко. Борьба за раздел Китая, стр. 223—224.

⁸² E. H. Zabriskie. *Op. cit.*, p. 60.

⁸³ *Foreign Relations, 1899*, p. 142.

⁸⁴ АВПР. ф. Канцелярия, 1900 г., д. 109, т. 2, л. 359 (Телеграммы Кассини 27 марта 1900 г.).

Американская официальная пресса, подхватив заявление статс-секретаря, писала о большом триумфе дипломатии США. Деятельность Хэя восхвалялась прессой американских деловых кругов. В английской газете «Таймс» появилась корреспонденция из США; в которой подводился итог дипломатической победе США и ее статс-секретаря Хэя. Восхваляя успешную деятельность Хэя, автор статьи писал: «Дипломатический успех, достигнутый чисто дипломатическими средствами, без ущерба для кого бы то ни было, но принесший благотворные результаты нашей стране, постепенно признается как действительно памятное достижение»⁸⁵. Так правящие круги Америки рекламировали свой успех на дипломатическом и политическом фронтах. В действительности же признание политики «открытых дверей» со стороны держав было весьма сомнительным. Оговорки, сделанные державами, показали, что каждая из них готова защищать свои интересы в захваченной «сфере влияния». Но для США провозглашение доктрины «открытых дверей» имело огромные перспективы: усиление борьбы за рынки сбыта, источники сырья и сферы для инвестиции капиталов на огромных пространствах многомиллионного Китая и других стран Азии.

Сентябрьские ноты статс-секретаря Хэя об «открытых дверях» в Китае с удовлетворением были встречены деловыми кругами США. Они считали, что Америка сделала важный и необходимый шаг по пути завоевания китайского рынка. Выступая на банкете в Шанхае 13 ноября 1899 г., президент Американско-Азиатской ассоциации, касаясь доктрины Хэя, заявил, что «с нашим мнением считаются, и мы можем успешно действовать для уппрочения интересов наших торговых ... учреждений»⁸⁶. В то же время в деловых кругах выражалось недовольство недостаточной категоричностью посланных державам нот Хэя. Указывалось главным образом на то, что в них отсутствуют специальные пункты о независимости и целостности Китая. Именно по этой линии монополистические организации продолжали оказывать давление на правительственные круги, считая, что в создавшихся в Китае условиях курс США может быть только один — выступать за его «целостность». В принятой на годичном съезде Национального совета торговых палат резолюции выражалось пожелание, чтобы «США использовали все свое влияние... чтобы предотвратить ... расчленение ... Китайской империи»⁸⁷.

Американо-Азиатская ассоциация считала, что сентябрьские ноты статс-секретаря являются только первым шагом в проведении политики «открытых дверей» и что впереди еще много

⁸⁵ A. L. P. Dennis. *Adventures...* p. 195.

⁸⁶ Ch. S. Campbell. *Op. cit.*, p. 57.

⁸⁷ *Ibid.*, p. 59.

задач, требующих разрешения, «главной из которых является сохранение целостности Китайской империи»⁸⁸.

В таком же духе принимались решения и другими организациями США, заинтересованными в рынках Китая.

В течение многих месяцев Национальная ассоциация предпринимателей, Нью-Йоркская торговая палата, Американо-Азиатская ассоциация, торговые палаты Кливленда, Чикаго, Бостона, Сент-Луиса, Филадельфии, Ассоциация экспортеров США и другие организации упорно боролись за то, чтобы конгресс США принял решение о посылке специальной делегации в Китай для изучения условий расширения американской торговли. Такое решение было принято в сенате 24 марта 1900 г.⁸⁹ Под давлением коммерсантов и фабрикантов Хепборн внес в палату представителей конгресса билль о посылке торговой делегации в Китай⁹⁰. Однако развернувшиеся в Китае события, выступление народных масс против «иностранных варваров» вынудили конгресс временно отказаться от проведения обсуждаемых мер.

Народное восстание против империалистов в Китае

Доктрина «открытых дверей» была провозглашена Соединенными Штатами накануне начавшегося в Китае народного движения «И хэ туань», обнаружившего для империалистов силы сопротивления китайских народных масс.

Раздел Китая на «сферы влияния» империалистических стран, захват иностранными монополистами концессий на строительство железных дорог и эксплуатацию естественных богатств страны, навязывание Китаю огромной контрибуции и займов, завоевание иностранцами особых прав в строительстве фабрик и заводов, а также в торговле тяжело отразились на положении трудящихся масс. Начавшееся в 1900 г. движение «И хэ туань» (общество «Кулак, поднятый во имя мира и справедливости») было направлено главным образом против «иностранцев» и миссионеров. В сознании крестьянских масс и городской бедноты их бедственное положение все более связывалось с господством иностранных эксплуататоров и деятельностью иностранных миссионеров и религиозных организаций.

Миссионеры рассматривались китайскими массами как авангард иностранных эксплуататоров, постоянно угнетающих народ и оказывающих отрицательное влияние на его жизнь. Миссионеры и их организации пользовались особыми «правами». Они получали поддержку как со стороны своих правительств, так и со стороны цинского режима.

⁸⁸ Ch. S. Campbell. Op. cit., p. 59; The American Asiatic Association, 1900, p. 20.

⁸⁹ Senate Report, N 450, 56th Congress, 1st Session, p. 5.

⁹⁰ House Report, N 484, 56th Congress, 1st Session, p. 1.

В опубликованном в 1899 г. указе китайского императора иностранные миссионеры приравнивались по своему положению к китайским чиновникам. Цинская династия, таким образом, охраняла засилье иностранной церкви и произвол в отношении китайского народа, чинимый миссионерами, проникшими в глухие районы страны.

Даже командующий объединенной армией, направленной против восставших, граф фон Вальдерзее в своих воспоминаниях писал об английских и американских миссионерах в Китае: «Эти люди часто рассматривают службу в миссии исключительно с точки зрения добывания средств к жизни. Одновременно с миссионерской деятельностью они занимаются всеми делами, которые считают прибыльными. Я хорошо знаю многих священников, которые одновременно ведут различные дела (например, покупка и продажа земельных участков, спекуляция), совершенно противоречащие их службе»⁹¹.

Об отрицательной деятельности миссионеров писал также Ламсдорф: «Своей несоответствующей призванию деятельностью они вместе с наводнившими страну коммерческими предпринимателями притесняли население и более всего способствовали возбуждению ненависти китайцев к европейцам»⁹².

Ненависть китайского крестьянства и городской бедноты вызывалась также и тем обстоятельством, что «новообращенные» в христианскую веру, получая поддержку иностранной церкви, часто использовали ее для безнаказанного угнетения народных масс Китая. «Новообращенные» получали также защиту и со стороны китайских правительственных органов. «Местные чиновники, — пишет китайский историк Фань Вень-лань, — не осмеливались привлекать к ответственности китайцев-христиан, они всегда «помогали христианам и притесняли народ», в случае судебных тяжб они заставляли население покоряться и уступать, принуждали население нести дополнительные расходы на общественные и казенные нужды (китайцы-христиане часто отказывались платить свою долю по различным повинностям и общественным нуждам). Простой народ, сдерживая свой гнев, долго молча сносил притеснения китайцев-христиан»⁹³.

Движение «И хэ туань» возникло на базе предшествующих разрозненных выступлений народных масс и приняло особенно острые формы после раздела Китая на «сферы влияния», когда иностранные войска и нахлынувшие концессионеры, коммерсанты и спекулянты начали проводить политику грабежа и насилия в пределах арендованных территорий, железнодорожных зон и

⁹¹ Цит. по: Фань Вень-лань. Указ. соч., т. I, стр. 496.

⁹² АВПР, ф. Китайский стол, 1899—1904 гг., д. 1574 (Ламсдорф — Урусову, 25 августа 1900 г.).

⁹³ Фань Вень-лань. Указ. соч., т. I, стр. 497.

сфер влияния. Оно явилось наиболее мощным и решительным свидетельством стремления крестьянско-плебейских масс покончить с расхищением и разграблением Китая международным империализмом.

В Шаньдуне движение «И хэ туань» сильно разрослось. В начале лозунги «И хэ туань» были направлены не только против иностранцев, но и против Цинской династии. После того, как позиция цинского правительства изменилась и оно решило использовать движение как лишний козырь в борьбе с иностранцами, «И хэ туань» изменило свои лозунги. В борьбе против засилья иностранцев выдвигались два основных требования: 1) уничтожение неравноправных договоров и 2) изгнание иностранцев из Китая.

Отряды «И хэ туань» в Шаньдуне росли; они превращались в грозную силу. Американские миссионеры, раздувая события, неоднократно требовали вмешательства американского посланника Конжера.

Опережая своих коллег, представителей других держав, Конжер обращался к китайскому правительству с требованиями немедленно принять меры к подавлению народного восстания. В одном из таких обращений американский посланник писал: «В качестве предварительного мероприятия, которому я придаю очень важное значение, я бы предложил опубликование имперского декрета о запрещении и полном роспуске обществ «Кулак, поднятый во имя мира и справедливости» и «Большого меча». Я настаиваю на том, чтобы в этом декрете было ясно изложено, что принадлежность к любому из этих обществ или предоставление убежища его членам является преступлением против законов Китая»⁹⁴.

По требованию Конжера цинское правительство направило в Шаньдун Юань Ши-кай для подавления движения «И хэ туань». Как сообщал русский посланник в Пекине Гирс, «общественное мнение в Пекине было сильно взволновано известиями, получаемыми из Шаньдунской провинции, о деятельности тайного общества «согласия и справедливости», возбуждающего языческое население против китайцев-христиан и подстрекающего его сжигать и разорять села и храмы последних...»

Движение, сообщал далее Гирс, «направлено главным образом против европейцев и грозит полным разгромом миссионерских учреждений, причем местные власти всеми будто бы средствами поддерживают его...»

К удивлению китайцев, Конжер заговорил «столь решительным и угрожающим языком, что китайскому правительству пришлось отозвать шаньдунского губернатора, назначив на его

⁹⁴ Foreign Relations, 1900, p. 96.

место командира корпуса, расположенного в Чжилйской провинции, генерала Юань Ши-кай»⁹⁵.

Юань Ши-кай установил режим террора против сторонников «И хэ туань», начал сотрудничать с иностранными войсками в Шаньдуне и с отрядами, организованными миссионерами и их учреждениями. Объединенные силы организовали карательные действия против ихэтуаней. Жестокости карателей не было предела: «В уезде Дунган на территории в 10 квадратных ли не было ни одного дерева, на котором не висели бы люди, не было ни одного человека, на голове у которого не было бы пропитанной кровью повязки»⁹⁶.

Хотя Юань Ши-каю удалось нанести движению ихэтуаней ряд ударов в Шаньдуне, уничтожить его не удалось. Весной 1900 г. некоторые части ихэтуаней вступили в пределы провинции Чжили. Здесь они объединились с местными силами и начали борьбу против иностранных поработителей. Главными районами действий ихэтуаней стали Тяньцзинь, Баодин, Тунчжоу. Цинские чиновники оказались бессильными перед растущим массовым народным движением; им не удалось приостановить ход событий.

Лозунги «И хэ туань» — «смерть иностранцам», «уничтожение неправомерных договоров», их устная агитация и листовки поднимали народ на борьбу. В их ряды вливались патриоты разных провинций. В результате их армия быстро разрасталась. В конце мая они атаковали железнодорожные станции, прервали связь па Пекин-Тяньцзиньской и Лугауцзяо-Баодинской дорогах. Повсюду начались нападения на иностранцев и христиан.

В начале апреля Гирс сообщал Муравьеву, что «движение боксеров приняло за последнее время довольно серьезный характер. Из Шаньдунской провинции они перешли в Чжилйскую, направляясь к Пекину. Их отрядам предшествуют эмиссары, расходящиеся по окрестным деревням и довольно успешно вербующие сторонников в местном населении...»⁹⁷

В июне ихэтуаня заняли Тяньцзинь⁹⁸, быстро продвигаясь к столице Китая. 13 июня они вступили в столицу.

21 июня 1900 г. цинское правительство издало указ об объявлении войны иностранным державам, а также приказало правительственным войскам совместно с отрядами «И хэ туань» захва-

⁹⁵ АВПР, ф. Китайский стол, 1899 г., д. 116, № 43 (Письмо Гирса Муравьеву из Пекина. 13 (25) декабря 1899 г.).

⁹⁶ Фань Вень-лань. Указ. соч., т. I, стр. 504.

⁹⁷ АВПР, ф. Китайский стол, 1900 г., д. 117, № 17 (Письмо Гирса Муравьеву, 5 апреля 1900 г.).

⁹⁸ АВПР, ф. Канцелярия. 1900 г., д. 111, т. 1, л. 133 (Секретная телеграмма Ляптева из Шанхая 12 июля 1900 г. сообщает, что «китайские войска окружили Тяньцзинь, концессии разрушены, потери иностранцев большие...»).

тить посольский квартал в Пекине. Цинская династия, вынужденная пойти на объединение с народным движением, с самого начала проявила колебания, нерешительность. Она стремилась использовать народное движение для того, чтобы добиться более выгодного для себя компромисса с иностранными державами. Постоянно лавируя и зондируя почву для соглашения с ними, Цинская династия в конце концов предала массовое народное движение «И хэ туань».

Империалисты отчетливо понимали, что Цинская династия пошла только на временный союз с ихэтуанями, что она не менее, чем империалистические державы опасается развития массового народного движения. Поэтому империалисты применяли довольно определенную тактику. Она заключалась в том, чтобы разгромить народное патриотическое движение, подчеркивая в то же время, что они не выступают против Цинской династии.

В Пекине создалось чрезвычайно опасное для дипломатического корпуса и иностранной колонии положение. Китайские войска переходили на сторону восставших патриотов. Иностранцам угрожала непосредственная опасность расправы. Царский посланник Гирс писал: «Народное волнение значительно усиливается в Пекине и носит характер слепой ненависти и желания отомстить иностранцам за ожидаемые впоследствии бедствия... нет больше сомнения, что китайское войско на стороне боксеров»⁹⁹.

А уже 17 июня адмирал Алексеев сообщал: «По известиям Пекина от 11-го нашего стиля, положение дел в столице представляется безнадежным. Из миссий уцелели французская, английская, германская, японская, в коих сосредоточены дипломатический корпус и европейская колония. Германский посланник во время поездки в Цзунли-ямынь подвергся нападению и был убит, секретарь Гарсей тяжело ранен, после чего сопровождавший посланника конвой сжег здание Цзунли-ямыня...»¹⁰⁰

Народное восстание в Китае угрожало интересам империалистических держав. Еще в мае 1900 г. они послали экспедиционный корпус, который начал наступление на Пекин с целью его захвата под предлогом необходимости освобождения дипломатического персонала и иностранной колонии. 17 июня интервенционные войска штурмом взяли Таку.

2 августа союзная армия общей численностью около 40 тыс. человек выступила из Тяньцзиня, двигаясь с боями в направлении Пекина. Карательная экспедиция империалистов приняла характер кровавой расправы с китайскими патриотами. Войска интервентов занялись неслыханными грабежами и насилиями.

⁹⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1900 г., д. 76, л. 249 (Телеграмма Гирса из Пекина, 25 мая 1900 г.).

¹⁰⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1900 г., д. 111, т. 1, л. 141 (Телеграмма Алексеева из Таку, 17 июня 1900 г.).

Американский посланник Рокхилл писал: «Вся страна от Таку до Пекина находится в состоянии полной анархии из-за присутствия там иностранных войск, посланных для восстановления порядка. «Европейские дисциплинированные армии» везде проводят операции, напоминающие зверства монголов XII века. От побережья до Пекина вряд ли уцелел дом, который не был бы полностью разграблен, а половина домов была сожжена. Пекин также подвергся бесновладному ограблению: от генералов до самого низшего чина, от послов великих держав до последнего атташе, от епископов до рядовых миссионеров — все занимались грабежом, мародерством и шантажом, покрывая себя несмываемым позором...»

И далее Рокхилл писал, что он и его жена были свидетелями, «как изумительные бронзовые изделия, иногда относящиеся к XIII веку, разбивались на куски французскими и немецкими солдатами для отправки в Париж и Берлин. В течение семи веков эти изделия сохранялись нетронутыми, но они не избежали рук цивилизованных представителей Запада...»¹⁰¹

О событиях в Тяньцзиньне русский дипломат Коростовец писал: «Какая жестокая война. Пленных не берут, раненых добивают. Это хуже всякой африканской войны. Союзники так ожесточены, что убивают всех»¹⁰².

Больше всех свирепствовали против мирного населения миссионеры, независимо от религии или национальной принадлежности. Они, как доносил русский посланник из Пекина Гирс, являлись «главными проповедниками идей мщения огнем и мечом за вынесенные гонения от китайских язычников...»

По словам г. Нишона, многие французские офицеры, отличающиеся преданностью католицизму, высказывали ему, что их религиозные чувства глубоко оскорблены поведением миссионеров, весьма часто сопровождающих военные экспедиции и подбивающих военачальников подвергать сожжению целые деревни под тем предлогом, что их жители преследовали христиан»¹⁰³.

14 августа после ожесточенных боев интервенты вступили в Пекин и освободили посольства. Правительство бежало в Шань. Пекин был предан грабежу и насилию. Эшелоны, груженные золотом, жемчугом и другими награбленными драгоценностями, двигались по направлению к портовым городам. В Чжили, Шаньдуне и Шаньси интервенты организовали карательные экспедиции.

Зверства, бесчинства и грабеж интервентов вызывали негодование прогрессивных людей во всем мире. Революционная пресса России разоблачала грабительскую политику империали-

¹⁰¹ См. H. K. Beale. Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power, p. 171—172.

¹⁰² АВПР, ф. Канцелярия, 1900 г., д. 111, т. 1, л. 402.

¹⁰³ АВПР, ф. Китайский стол, 1901 г., д. 118, № 2, лл. 11—14 (Донесение Гирса Ламедорфу, 9 февраля 1901 г.).

стов в Китае. В. И. Ленин бичевал империалистов и «цивилизаторскую миссию» царизма на Дальнем Востоке. Он писал: «Они принялись обкрадывать Китай, как крадут с мертвеца, а когда этот минимей мертвец попробовал оказать сопротивление, — они бросились на него, как дикие звери, выжигая целые деревни, топя в Амуре, расстреливая и поднимая на штыки безоружных жителей, их жен и детей. И все эти христианские подвиги сопровождаются криками против дикарей-китайцев, держающих поднять руку на цивилизованных европейцев»¹⁰⁴.

В Германии социал-демократы Август Бебель, Роза Люксембург и Франц Меринг организовали кампанию протеста против зверств империалистических держав в Китае. Они выступали в рейхстаге, в печати, на массовых митингах с разоблачением грабительских, колониалистских планов империалистов.

Участие США в подавлении народного восстания в Китае

Какова же была позиция США во время восстания «И хэ туань»? Буржуазные историки США (Деннис, Деннетт, Бемис, Ф. Р. Даллес и др.) пытаются доказать, что Соединенные Штаты проводили особую от других держав политику. Интервенция США характеризуется как помощь Китаю (Деннетт, Бемис). Они пытаются доказать, что в отличие от других держав США не преследовали никаких других целей, кроме экономических, и не стремились приобрести «сферу влияния».

Изучение как опубликованных, так и неопубликованных документов показывает, что буржуазные историки сознательно искажают факты. В подавлении народного восстания в Китае США участвовали активно. Они послали в Китай около 5 тыс. солдат и приняли «самое деятельное участие в военных действиях», стремясь быть «всегда на первом месте»¹⁰⁵. Американский посланник в Китае Конжер своей вызывающей деятельностью не менее, чем представители других держав, ответствен за кровавые деяния империалистов в Китае. Он точно выполнял планы американских монополистов, заинтересованных в рынках Китая, и прилагал немало усилий, чтобы использовать антиимпериалистическое движение китайского народа для усиления влияния США.

Еще 17 июня 1900 г. делегация министерства иностранных дел Китая встретила Конжера, пытаясь выяснить намерения держав и позицию США. Конжер отказался ответить на вопрос о позиции держав, но предупредил делегацию, что прави-

¹⁰⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 380.

¹⁰⁵ АВПР, ф. Китайский стол, 1900 г., д. 786, л. 54 (Денеша Де-Воллана, 17 августа 1900 г.).

тельство Китая несет полную ответственность за действия ихэтуаней и что для их подавления Соединенными Штатами будет послано столько войск, сколько окажется необходимым. Конжер угрожающе заявил, что американские войска уже следуют из Манилы в Китай. Он упрекал правительство Китая в том, что оно не принимает необходимых мер для подавления восстания «И хэ туань». Далее Конжер сказал, что «если бы у него было 1000 солдат, он бы убил всех боксеров в Пекине, и что если бы пострадал кто-либо из членов его семьи или посольства США, то американские войска разрушили бы Пекин»¹⁰⁶.

Позиция, занятая Конжером, не содействовала смягчению создавшегося в Китае напряжения. Наоборот, она ускорила организацию совместной интервенции держав против народного восстания «И хэ туань». Госдепартамент США проводил политику маневрирования. С одной стороны, он стремился своими отдельными выступлениями повлиять на мировое общественное мнение, показать, что США не заинтересованы в расчленении Китая и в приобретении баз, с другой стороны, он принимал все необходимые меры для усиления политического влияния США в Китае, для завоевания американскими монополиями господствующего положения на рынках Китая, в первую очередь в Маньчжурии.

Так, в инструкциях Конжеру от 22 марта 1900 г. Хэй писал, что «обстоятельства могут заставить нас действовать по образцу других держав, но мы должны делать это сепаратно и без сотрудничества с другими державами»¹⁰⁷. А уже 8 июня инструкция Хэя была более определенной. В ней говорилось: «Действуйте независимо от других для защиты американских интересов, когда это возможно, и в сотрудничестве с представителями других держав, когда возникнет в этом необходимость»¹⁰⁸.

Вскоре Конжер поставил вопрос о посылке в Китай американских войск. Правительство быстро реагировало, направив в Китай экспедиционный корпус во главе с генералом Чейффи. Совместно с войсками других держав американские солдаты активно участвовали в подавлении восстания «И хэ туань», не уступая своим партнерам в жестокостях и зверствах при расправе не только с ихэтуанями, но и с мирным населением.

Характерно, что до того как США и Англия стали располагать достаточными силами для борьбы с восстанием в Китае, встал вопрос о том, чтобы поручить Японии немедленно направить в Китай большую армию. В секретной телеграмме из Порт-Артура адмирал Алексеев сообщал: «Начальник нашей эскадры в Таку сообщил, что английский адмирал проводит следующую

¹⁰⁶ Foreign Relations, 1900, p. 153.

¹⁰⁷ Ibid., p. 111.

¹⁰⁸ Ibid., p. 143.

мысль: для прекращения смуты необходимо срытие Пекина и Тяньцзиня, для чего потребуется армия не меньше 100 000, которую легче всего может дать Япония. Финансы последней истощены, и она охотно взялась бы за умиротворение Китая, получив на то санкцию держав...»¹⁰⁹

Хотя Япония, заинтересованная в сближении с Англией и США, готова была взять на себя главную роль палача китайского народа, добиться согласия всех держав не удалось. Противоречия в лагере держав, действовавших совместно против патриотического движения в Китае, вновь приняли исключительно острый характер после кровавой расправы с восставшими ихэтуанями.

Продолжая маневрировать, Хэй отправил 3 июля 1900 г. циркулярную ноту державам, в которой излагал позицию США в китайском вопросе.

«Президент, — говорилось в этой ноте, — намерен, как и прежде, действовать в полном согласии с другими державами: во-первых, в установлении связи с Пекином и спасении американских чиновников, миссионеров и других американцев, находящихся в опасности; во-вторых, в оказании помощи во всем Китае американским подданным и их собственности; в-третьих, в охране и защите всех законных американских интересов и, четвертое, в предотвращении распространения беспорядков на другие провинции империи и повторения таких бедствий.

Сейчас, конечно, преждевременно предсказывать, какими способами можно достигнуть последнего, но правительство США намерено найти такое решение вопроса, которое принесло бы Китаю постоянное благополучие и мир, сохранило бы территориальную и административную целостность Китая, сохранило бы все права, гарантированные дружественными державами договорами и международным правом, и обеспечило бы для всего мира одинаковые и справедливые условия для торговли во всех частях Китайской империи»¹¹⁰.

Эта нота являлась расширенным вариантом американской доктрины «открытых дверей». В ней более определенно, чем в сентябрьских нотах Хэя, сформулирован пункт о сохранении территориальной и административной целостности Китая. Американские буржуазные историки — Латанс, Бемис, Гризвольд и многие другие — превозносят этот составленный Хэем документ. Они утверждают, что США проводили политику, направленную

¹⁰⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1900 г., д. 111, т. 1, л. 136 (Секретная телеграмма Алексеева из Порт-Артура, 12 июня 1900 г.); A. L. P. Dennis. *Adventures...*, p. 220; Р. М. Бродский. *Американская экспансия в Северо-Восточном Китае, 1898—1905*. Львов, 1965, стр. 49; P. J. Treat. *Diplomatic Relations between the United States and Japan, 1895—1905*. Stanford, 1938, p. 2.

¹¹⁰ *Foreign Relations, 1900*, p. 299; A. W. Griswold. *Op. cit.*, p. 501—502.

на защиту «территориальной и административной целостности Китая». В своей книге «Дипломатическая история Соединенных Штатов» Бемис, вопреки фактам, утверждает, будто во время народного восстания в Китае «секретарь Хэй успешно боролся за предотвращение действительной войны»¹¹¹.

Но все эти утверждения ложны. Нота Хэя имела целью, как видно из текста, защиту интересов американских капиталистов, эксплуатировавших Китай. В ней содержалось требование защиты неравноправных договоров, навязанных Китаю империалистическими державами и превращавших его в полуколонию. Кроме того, Хэй открыто говорил о помощи Китаю в предотвращении «беспорядков», а это означало, что войска США и в дальнейшем будут участвовать в подавлении всех национально-освободительных движений в Китае. Другими словами, США брали на себя роль жандарма в интересах своих монополистов. И если в ноте говорилось об «административной и территориальной целостности» Китая, то это означало, что США добивались «открытых дверей» для того, чтобы успешно бороться со своими конкурентами и, используя экономическое и политическое давление, добиться господствующего положения в эксплуатации Китая.

Таково было истинное значение второй ноты Хэя, которая явилась новым, дополненным изложением политики «открытых дверей», наиболее отвечающей специфическим интересам США.

Весьма характерно, что в то время как Хэй говорил о территориальной целостности Китая, США все еще продолжали добиваться собственной «сферы влияния». Летом 1900 г. морское министерство США подняло вопрос о приобретении на побережье Бахайского залива порта Циньвандао. «Получил достоверные сведения, — доносил Алексеев, — о намерении США занять Циньвандао с целью устройства угольной станции для морских сил в китайских водах. Ранее чем приступить к выполнению этого плана, американцы желали осведомиться о мнении России, дабы не затронуть наших интересов...»¹¹²

Интерес к этому порту возрос еще и потому, что попытки США договориться с Англией по вопросу о приобретении островов Чжан (Чжоушань), расположенных недалеко от Шанхая, потерпели полное фиаско¹¹³.

В ноябре 1900 г. Хэй поручил Конжеру добиваться приобретения бухты Самса, в провинции Фуцзянь, в качестве военного порта США. Фуцзянь уже был захвачен Японией как ее «сфера влияния», и японцы выразили Хэю свой протест, напомнив его

¹¹¹ S. F. Bemis. A Diplomatic History of the United States, p. 487.

¹¹² АВПР. ф. Канцелярия, 1900 г., д. 111, т. 1, л. 339 (Секретная телеграмма Алексеева, Тяньцзинь, 16 (29) августа 1900 г.).

¹¹³ См. Р. М. Бродский. Указ. соч., стр. 56—57; S. W. Livermore. The American Naval-Base Policy in the Far East, 1850—1914. — «The Pacific Historical Review», Vol. XIII, N 2, 1944, p. 123—124.

собственные предупреждения против использования народного восстания для территориальных захватов¹¹⁴.

Как накануне, так и во время переговоров держав с Китаем с ликвидации конфликта США проводили политику, которая никак не может быть охарактеризована как защита «независимости и целостности» Китая. В ответ на обращение китайского императора о посредничестве президент США Мак-Кинли потребовал полной капитуляции Китая, совместного участия сил Китая и интервентов в подавлении восстания¹¹⁵ и т. д.

Было совершенно ясно, что США не заинтересованы в переговорах до взятия интервентами Пекина. Даже за два дня до его захвата государственный департамент США в циркулярной ноте, посланной своим представителям в Китае, приветствовал назначение Ли Хун-чжана для ведения переговоров с державами и в то же время заявил, что до освобождения осажденных в Пекине миссий не может быть и речи о переговорах с китайским правительством¹¹⁶.

На предварительных стадиях переговоров обнаружилось некоторое сближение точек зрения США и России. Объясняется это тем, что Россия, готовясь к оккупации и к отдельным переговорам с Китаем по вопросу о Маньчжурии, все время подчеркивала свое миролюбие. 12 августа царское правительство приняло решение: 1) эвакуировать Маньчжурию, «как скоро в ней будет восстановлен прочный порядок» и 2) эвакуировать русские войска и посольства из Пекина и приступить к переговорам с правительством Китая, «как только» оно «вновь примет бразды правления»¹¹⁷. 25 августа Россия разослала декларацию правительствам Англии, Германии, Франции, Италии, Австро-Венгрии, США и Японии, в которой излагались ее планы в Китае после подавления восстания. В ней заявлялось о намерении России «устранить все то, что могло бы привести к разделу поднебесной империи, и о желании придерживаться общего согласия держав»¹¹⁸.

Поверенный в делах США Пирс в допоселении госдепартаменту от 30 августа, сообщая об этой декларации и о своем разговоре с Ламедорфом, писал: «Граф Ламедорф сделал решительное заявление, что, если в настоящее время Россия из-за некоторых соображений военного характера оккупирует ряд пунктов в китайских владениях, это является временным мероприятием и Россия не намерена захватывать или удерживать «ни одного

¹¹⁴ Foreign Relations, 1915, p. 113—115; A. W. Griswold. Op. cit., p. 83—84; S. F. Bemis. A Diplomatic History of the United States, p. 487—488; A. Vagts. Op. cit., Bd. II, S. 1096—1097.

¹¹⁵ Foreign Relations, 1900, p. 294—295.

¹¹⁶ Ibid., p. 301—302.

¹¹⁷ Б. А. Романов. Очерки..., стр. 95—96.

¹¹⁸ АВПР, ф. Китайский стол. 1899—1904 гг., д. 1574, лл. 115—116.

дьюма территории ни в Китае, ни в Маньчжурии». Я цитирую его слова»¹¹⁹.

Правительство США в специальном меморандуме государственного департамента от 29 августа отметило свое удовлетворение «откровенной декларацией» России, которая в этом отношении соответствовала заявлениям других держав. В то же время правительство США выражало опасение, что «держава, которая решится отозвать войска из Пекина, неминуемо затем приступит к охране своих интересов собственными средствами». И все же правительство США объявило, что «если только со стороны держав не последует такого общего высказывания в пользу продолжения оккупации, которое повлияет на решение русского правительства, то мы предпешем командующему американскими силами отозвать свои войска»¹²⁰.

Так получилось, что Россия и США выступали в роли «защитников» Китая. Понятно, каждая из них преследовала свои империалистические цели, маневрировала, скрывала истинные намерения. США, пытаясь претворить в жизнь политику «открытых дверей», выступали против сепаратных переговоров и больше всего опасались, что Россия установит свой контроль над Маньчжурией. Поэтому декларация царизма о «неприкосновенности» Китая вполне устраивала США; они могли заявить, что и Россия признала доктрину «открытых дверей». Россия же маневрировала, добиваясь свободы рук, выжидая более удобного момента для реализации своих планов в Маньчжурии. Характерно, что, выступая открыто в «защиту» целостности Китая, министерство иностранных дел России послало инструкцию адмиралу Алексееву, в которой говорилось: «Не отделяясь от других держав, дабы зорко следить за их действиями и иметь возможность во всякий момент предъявлять свои требования, мы должны, однако, избегать всего, что могло бы сколько-нибудь связать нашу полную свободу действия или явиться в глазах китайцев доказательством враждебных намерений России»¹²¹.

США, проводя политику «открытых дверей» и выступая в защиту «независимости и целостности» Китая, не прочь были воспользоваться создавшимся положением для получения собственной «сферы влияния». Добиться такой сферы Соединенным Штатам не удалось из-за противодействия России, Англии и Японии. Требования, предъявляемые США к Китаю во время предварительных переговоров, также разоблачают агрессивные намерения

¹¹⁹ Foreign Relations. 1900, p. 371—372.

¹²⁰ Foreign Relations. 1900, p. 378—379; A. L. P. Dennis. Adventures..., p. 254—255; АВПР, ф. Канцелярия, 1900 г., д. 109, л. 490 (Де-Воллан — Ламедорфу, 30 августа 1900 г.).

¹²¹ АВПР, ф. Китайский стол, 1900 г., д. 764 (Инструкция Ламедорфа Алексееву в Порт-Артур, 15 августа 1900 г.); А. Канторович. Указ. соч., стр. 141—142.

американского империализма. Так, 18 октября 1900 г., согласно донесению Гирса из Пекина, американский посланник внес предложение, в котором говорилось о необходимости потребовать от китайского правительства опубликования указа, объявляющего, что «провинциальные вице-короли и местные чиновники отвечают за спокойствие в их округах и что в случае новых антиевропейских беспорядков или нарушения трактатов они немедленно будут смещены и лишены права получать новые должности или почести».

Далее Гирс сообщал, что «Конджер получил предписание предложить обязать Китай принципиально присоединиться к политике открытых ворот и объявить Пекин городом, открытым для иностранной торговли»¹²².

Требование объявить Пекин открытым городом является лучшим доказательством агрессивности США и фактическим опровержением утверждений американских историков о миролюбивой американской политике в отношении Китая, о том, что США закрепили «независимость и целостность» поднебесной империи.

После долгих и мучительных переговоров и маневрировании со стороны США и других держав наконец удалось договориться о начале переговоров с Китаем. 26 октября в Пекине открылась конференция держав. Основой для обсуждения послужили французские предложения¹²³. Выявившиеся разногласия между державами крайне затрудняли работу конференции. И только в конце декабря 1900 г. удалось договориться о предъявлении Китаю совместной ноты¹²⁴, проекта мирного договора из 12 пунктов. Американские представители продолжали упорно добиваться включения пункта об открытии всего Китая для иностранной торговли и о признании «нераздельности» Китая. Отказ держав от принятия этого предложения не говорил об успехе Хэя в проведении своей основной внешнеполитической доктрины «открытых дверей» в Китае. В то же время статс-секретарь США Хэй 16 ноября писал Конжеру: «Мы стоим за обеспечение прав иностранных концессий либо для каждой из заинтересованных стран в отдельности, либо в виде международных селтльментов, но насильственный захват по праву завоевания расходуется с декларированными задачами держав... Вопрос этот должен быть частью общего урегулирования, в котором Соединенным Штатам должно быть обеспечено право на справедливую долю»¹²⁵.

¹²² АВНР, ф. Канцелярия, 1900 г., д. 76, т. II, л. 382 (Телеграмма Гирса из Пекина, 18 октября 1900 г.); *Foreign Relations*, 1900, p. 227—228.

¹²³ См. *Foreign Relations*, 1900, p. 321—322.

¹²⁴ *Ibid.*, p. 244—245.

¹²⁵ *Foreign Relations*, 1900, p. 227 (Телеграмма Хэя, 16 ноября 1900 г.).

Таким образом, политика США и во время переговоров 1900—1901 гг. с Китаем была по своему характеру интервенционистской, как и политика других империалистических держав.

Переговоры с Китаем затянулись до 7 сентября 1901 г., когда был подписан мирный договор.

Китай обязался выплатить державам в течение 39 лет огромную контрибуцию на сумму в 450 млн. лян. До полной выплаты Китай уплачивал проценты из расчета 4%. А это означало, что общая сумма контрибуции за все время достигала 980 млн. лян. Обеспечением выплаты контрибуции служили доходы от таможен и от обычных налогов на территории радиусом 25 км от каждого открытого порта.

В Пекине создавался особый носольский район, в котором китайцы не могли проживать и содержать свои войска. Охрана этого района поручалась иностранным войскам.

Империалисты также установили контроль на подступах к Пекину. Они могли для этого держать свои войска в 12 пунктах на железной дороге от Пекина до Шанхайгуаня. На этом протяжении должны были быть скрыты все военные укрепления. Не разрешалось также возводить фортов в Таку.

Специальные постановления превращали Тяньцзинь в колонию иностранных держав. Расширялись концессии держав, девять держав получали право устроить в Тяньцзине сеттлмент, на 10 км вокруг города не разрешалось пребывание, а также проезд китайских войск. Империалисты могли там держать свои войска и производить военные маневры.

Согласно договору: а) подлежали казни или другому наказанию все чиновники и приближенные императора, связанные с движением «И хэ туань»; б) цинское правительство обязалось издать указы, запрещающие участие в организациях, направленных против иностранцев; за участие в таких организациях люди простого звания подлежали казни, а чиновники лишались службы и навсегда отстранялись от дел; в) Цзунли-ямынь должен был быть реорганизован в министерство иностранных дел и т. д.

Так закончилось вмешательство восьми держав во внутренние дела Китая. «Мирный договор», подписанный цинским правительством, превратил Китай в полуколониальную страну. «Отныне, — писал китайский историк Ху Шен, — привилегии империалистов в Китае получают полнейшую гарантию, но в то же время Китаю позволяется формально сохранить «целостность» и «независимость» государства, а цинское правительство может осуществлять «твердое» управление Китаем»¹²⁶.

Вторжение империалистических войск в Китай не привело к разделу Китая. Объясняется это, во-первых, тем, что империа-

¹²⁶ Ху Шен. Указ. соч., стр. 152.

листы почувствовали силу народного движения. Хотя движение «И хэ туань» потерпело поражение, оно тем не менее вскрыло огромные силы китайского народа и фактически привело к срыву попыток колониального раздела Китая империалистическими державами. Как писал Вальдерзее, «любое государство Европы, Америки или Японии, каждое в отдельности или все вместе взятые, не смогут ни хитростью, ни вооруженным путем установить господство над четвертой частью человечества. Поэтому политика раздела Китая — фактически несостоятельная политика»¹²⁷.

Поэтому империалистические державы предпочли в дальнейшем прибегать к методам экономического проникновения в Китай в целях его ограбления.

Во-вторых, не менее важной причиной, приведшей к провалу планов раздела Китая, являлись серьезные противоречия между державами-интервентами.

Англия, имевшая преобладающее влияние в Китае и выступавшая за сохранение его территориальной целостности, вынашивала планы захвата района Янцзы. Она также добивалась объявления провинций Гуандун и Гуанси «независимыми» территориями, чтобы облегчить свое проникновение в обе провинции.

Однако планы Англии натолкнулись на серьезное сопротивление других держав. Прибегнуть к военным мерам Англия не могла из-за войны в Южной Африке. Она поэтому вновь активно отстаивала принцип территориальной целостности Китая. К этому Англия вынуждалась еще и потому, что войска ее основного соперника, царской России, в это время оккупировали Северо-Восточный Китай. Действия России натолкнулись на решительное сопротивление не только Англии, но и других держав. Они выступили единым фронтом против захвата царизмом трех северных провинций Китая.

Германия, проявившая наибольшую активность при организации интервенции восьми держав, стремилась захватить район Яньтая (Чифу) и превратить его в базу для дальнейшего вступления в Китай. Но когда Вальдерзее прибыл в сентябре 1900 г. в Китай, он отказался от плана захвата его территории, убедившись в том, что недооценил силу и размах народного движения в стране. Кроме того, он понял, что попытка захвата Яньтая неизбежно приведет к столкновению с Англией, США и Японией. Что касается позиции Японии, то она, так же как Англия и США, открыто выступала за территориальную целостность Китая, рассматривая ее как условие для дальнейшей борьбы за установление своего монопольного положения в стране. Япония, заинтересованная в проведении реваншистской политики по отношению к царской России, добивалась сближения с Англией и США.

¹²⁷ Цит. по: Фань Вень-лань. Указ. соч., т. I, стр. 579.

Противоречия, раздражавшие колониальные державы, привели к образованию двух враждебных группировок, каждая из которых в то время не могла выступить против другой. Одна из них, включавшая Англию, Японию и США, формально выступала за сохранение территориальной целостности Китая. Понятно, позиции США и Японии несколько отличались от позиции Англии. Япония готовилась к схватке с Россией, пока же она выступала против уступок китайской территории другим державам.

Другая группировка, включавшая Россию, Германию и Францию, наоборот, стремилась к захвату китайской территории. Эти два враждебных лагеря взаимно уравнивали друг друга.

Таким образом, размах движения «И хэ туань» и противоречия в лагере империалистических держав сделали невозможным колониальный раздел Китая.

**ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА
в 1901—1904 гг.****Сепаратные переговоры России с Китаем о Маньчжурии.
Позиция держав**

Подписание «заключительного протокола» с Китаем (7 сентября 1901 г.) означало, что державы добились временного сговора, узаконившего ограбление Китая. Противоречия между империалистическими государствами в Китае не только не были ослаблены, но приняли еще более острые формы. Англия по-прежнему добивалась установления тесных связей с Японией и Соединенными Штатами для борьбы против России. Она также пыталась вовлечь Германию в русло антирусской политики на Дальнем Востоке. Однако эти попытки не могли привести к стабильным результатам из-за углублявшегося англо-германского антагонизма. Япония стремилась усилить свое влияние в Корее и Северо-Восточном Китае. Поскольку осуществить свои захватнические планы Япония могла только в результате военного поражения России, то господствующие круги Японии с конца XIX в. начали усиленно готовиться к войне с царской Россией. Миллионы пен расходовались ими на усиление армии и флота. Общая сумма расходов Японии на армию и флот в 1896—1903 гг. превысила 773 млн. пен¹. Учитывая силы России и ее союз с Францией, Япония добилась сближения с Англией и США, ибо без их финансовой помощи не могло быть и речи о войне с Россией. Уже в начале 1901 г. в Лондоне велись неофициальные переговоры между Англией, Японией и Германией по вопросу об условиях, при которых Япония могла бы решиться на выступление против России из-за Маньчжурии и Кореи². Германия, стремясь направить экспансию России на Восток, чтобы ослабить ее влияние в Европе, уже тогда обещала в случае японо-русской войны проводить политику «строгого нейтралитета»; Англия готова была оказать Японии помощь своим флотом. Даже эти предварительные дипломатические бе-

¹ Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны, 1895—1907, стр. 38.

² Там же, стр. 129.

седы показали, что Япония при содействии Англии все свое внимание уделяла основной проблеме: подготовке войны с царской Россией.

США, борясь за проведение политики «открытых дверей», встречали серьезные препятствия со стороны других держав, каждая из которых стремилась не только укрепиться в «своей сфере», но и расширить свое влияние на другие районы Китая. Однако основным соперником на Дальнем Востоке США считали Россию, проводившую мероприятия по захвату Маньчжурии, в которой американские монополисты были заинтересованы больше всего.

Не удивительно поэтому, что при проведении внешнеполитического курса на Дальнем Востоке американские дипломаты добивались взаимопонимания с теми державами, политика которых была явно антирусской.

Еще во время совместных переговоров держав с Китаем Англия вела переговоры с Германией, а Россия добивалась от Китая особых для себя привилегий в Маньчжурии. И те и другие переговоры не могли не вызвать недовольства США. Англия, крайне заинтересованная в укреплении своих позиций в долине Янцзы и в ограничении свободы действий России в Маньчжурии, еще в 1898 г. вела переговоры не только с США, но и с Японией по вопросу об «открытых дверях». Переговоры эти оказались безрезультатными. Германия, стремясь предотвратить установление Англией монопольного положения в долине Янцзы, начала с ней переговоры. В августе Германия предложила свой проект соглашения, который касался лишь долины Янцзы. Британия предложила расширить его, включив специальный пункт о Маньчжурии. Германия категорически выступила против включения такого пункта, заявив, что она не хочет вступать в конфликт с Россией из-за Маньчжурии. Потребовалось немало времени для того, чтобы добиться составления такого текста, который удовлетворил бы как Англию, так и Германию. 16 октября 1900 г. было подписано англо-германское соглашение, известное под названием соглашения о Янцзы³. Обе державы обязались не добиваться каких-либо территориальных приобретений в Китае, а также придерживаться принципа равных возможностей для торговли в Китае.

Казалось бы, что Германия и Англия признали принципы «открытых дверей», с которыми США выступили 3 июля 1900 г. Однако третий пункт англо-германского соглашения фактически опровергал такое его толкование. В нем говорилось, что «в случае использования какой-либо одной из держав осложнений в Китае для приобретения территориальных выгод в какой-либо форме обе стороны войдут в соглашение между собой относи-

³ Foreign Relations, 1900, p. 354.

тельно мер, которые следует принять для охраны своих собственных интересов в Китае»⁴.

Другие державы — Франция, Россия, США, Япония, Австро-Венгрия и Италия — приглашались присоединиться к провозглашенным в соглашении принципам.

Англия добивалась этого соглашения, надеясь использовать его против политики России. Однако вскоре политические деятели Англии поняли, что их надежды не оправдались. 15 марта 1901 г. фон Бюлов, выступая в рейхстаге, сделал следующее заявление: «Англо-германское соглашение не имеет никакого отношения к Маньчжурии... Я могу еще добавить, что во время переговоров, приведших к заключению этого соглашения, мы не дали ни малейшего повода сомневаться, что мы не имели в виду распространения его на Маньчжурию...»⁵

А это означало, что Германия открыто выступила против английского толкования соглашения. Она вовсе не намерена была ухудшить свои отношения с Россией и препятствовать ее замыслам в Маньчжурии. Именно поэтому Германия определенно заявила, что в пункте третьем соглашения не упомянуто о Маньчжурии только потому, что она рассматривается как зависящая от Китая территория за пределами Великой стены. Не удивительно, что в одной из бесед с германским послом Солсбери заявил: «Я сознаюсь, что с тех пор, как Вы (т. е. Германия. — Л. З.) изменили это соглашение таким образом, чтобы сделать его приятным для России, мне это соглашение не очень нравится»⁶.

Англо-германское соглашение произвело неблагоприятное впечатление в кругах американских дипломатов. Для Хэя оно явилось «весьма неприятным»: существо этого соглашения перекраивало «вверх дном все его идеи и политические комбинации»⁷. Кассини доносил Ламсдорфу, что Хэй больше всего бесновал третий пункт соглашения⁸. И действительно, в официальном заявлении от 29 октября государственный департамент выразил свое неудовольствие третьим пунктом соглашения. «Так как этот пункт, — говорилось в заявлении, — относится к взаимному соглашению двух высоких договаривающихся сторон, правительство Соединенных Штатов Америки не считает воз-

⁴ Ibidem.

⁵ W. R. Thayer. Life and Letters of John Hay, 2 Vols. Boston, 1915, Vol. II, p. 248.

⁶ Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Berlin, 1925 (далее: «G. P.»). Bd. XVI, S. 233.

⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1900 г., д. 109 (Кассини — Ламсдорфу, 4 ноября 1900 г.).

⁸ «Хэй, — писал Кассини, — считал, что третий пункт противоречит принципу «открытых дверей»» (АВПР, ф. Канцелярия, 1900 г., д. 109, 22 октября (4 ноября) 1900 г.).

можным, как оно к тому призывалось, выразить свое мнение о нем»⁹.

Кассини считал, что правительство США опасалось последствий, которые угрожали американским интересам, «от образа действий, могущего быть принятым Англией и Германией» в связи с теми преимуществами, которых США добились в Маньчжурии по соглашению с Китаем¹⁰.

Только Япония заявила о своем согласии с принципами англо-германского соглашения и о присоединении к нему. Этот акт Японии, единственной державы, присоединившейся к соглашению, объясняется главным образом тем, что Япония опасалась повторения событий 1895 г. — русско-франко-германской коалиции — в случае осложнений с Россией из-за ее политики в Маньчжурии.

Между тем Россия, принявшая участие в общих переговорах с Китаем о возмещении убытков, причиненных движением «И хэ туань», еще задолго до подписания «заключительного протокола» перешла к новой политике, которая угрожала вовлечь ее в еще более опасную войну. Она начала с Китаем сепаратные переговоры об эвакуации Маньчжурии, занятой русскими войсками во время народного восстания. В октябре-ноябре русские войска заняли участок железной дороги Пекин—Шаньхайгуань, строившийся на английские капиталы, порт Нючжуан, полностью контролировали Мукден, Цицикар и всю южную часть Маньчжурии до границ Чжилйской провинции.

Англия немедленно реагировала. Она начала переговоры с Японией и Германией «об открытом вмешательстве и даже о союзе против России втроем»¹¹. Согласно допесениям посланников разных стран, царизм добивался отказа Китая от предоставления иностранцам каких-либо концессий в Маньчжурии, Монголии и в пограничных с Россией провинциях Западного Китая; возмещения убытков, нанесенных восстанием «И хэ туань»; предоставления обществу КВЖД концессии на постройку железной дороги от КВЖД к Пекину; отказа Китая от содержания войск в Маньчжурии впредь до окончания строительства КВЖД; смены по представлению русского правительства любых местных властей в Маньчжурии и т. д.

Таковы условия, которые должны были послужить базой для сепаратного соглашения. Только по выполнении этих условий и водворении «нормального порядка и спокойствия Россия обещала вывести свои войска из Маньчжурии и восстановить власть китайского правительства»¹².

⁹ Foreign Relations, 1900, p. 355.

¹⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1901 г., д. 105, лл. 75—78 (Кассини — Ламсдорфу, Вашингтон, 14 марта 1901 г.).

¹¹ Б. А. Романов. Очерки..., стр. 112.

¹² Б. А. Романов. Россия в Маньчжурии, стр. 296—299.

3 января 1901 г. в английской газете «Таймс» появился неточный текст секретного соглашения между мукденским губернатором и представителем царского правительства в Порт-Артуре адмиралом Алексеевым.

В своих донесениях американские представители в Китае, Конжер и Рокхилл, предупреждали государственный департамент США о сенаратных переговорах России с Китаем¹³. В одном из писем Рокхилл сообщал о беседе английского посланника в Китае Эрнста Сатоу с помещиком южных провинций Ли Хун-чжаном. Последний уведомил его, что «державы требуют, чтобы их информировали о переговорах между Китаем и Россией. Китай, прибавил Ли, с радостью сделал бы это и отдал бы себя в руки держав, с тем чтобы они защитили его от непомерных требований и постоянных угроз России»¹⁴.

Сепаратные переговоры России с Китаем встретили сопротивление со стороны Японии, США и Англии. 1 февраля 1901 г. статс-секретарь Хэй направил телеграмму протеста правительствам Китая, России и других стран против сенаратных переговоров России и Китая¹⁵. В тот же день, отвечая на запрос Японии о том, какие меры США готовы предпринять против России, Хэй вынужден был ответить, что американское правительство в настоящее время «не намерено самостоятельно или совместно с другими державами навязывать свои взгляды (хорошо известные взгляды на сохранение целостности Китая) на Востоке акциями, которые могли бы носить враждебный характер в отношении какой-либо другой державы»¹⁶.

По существу Хэй признавал, что США не в состоянии вести серьезную борьбу, чтобы заставить другие державы, в первую очередь Россию, считаться с американской доктриной «открытых дверей».

Между тем Конжер продолжал доказывать, что госдепартаменту США необходимо принять более решительные меры против нарушения Россией совместных обязательств держав в отношении Китая. В своем донесении от 5 февраля 1901 г. он сообщал: «Сегодня я получил из достоверного источника секретное сообщение (концию которого и прилагаю) о требованиях, которые Россия собирается предъявить китайскому правительству. Это сообщение наряду с недавней перепиской по этому вопросу между Японией и Россией, которая... была переслана из Токно, полностью подтверждает намерение России захватить Маньчжурию, а также покрыть военные расходы путем практического

¹³ См. Б. Б. Глинский. Пролог русско-японской войны. Материалы из архива С. Ю. Витте. Пр., 1916, стр. 146—147.

¹⁴ A. L. P. Dennis. *Adventures in American Diplomacy 1896—1906*, p. 241—242.

¹⁵ T. Dennett. John Hay. New York, 1933, p. 322.

¹⁶ A. L. P. Dennis. *Adventures...*, p. 242.

захвата железной дороги от Шаньхайгуаня до Ньюжуаня. Она уже завладела на линии от Тяньцзиня до Шаньхайгуаня паровозами и другим железнодорожным инвентарем. Это является первым, по значительным шагом по пути расчленения империи»¹⁷.

19 февраля китайскому посланнику в Вашингтоне был вручен меморандум правительства США, предостерегающий китайское правительство против заключения сепаратного соглашения с Россией, которое повлекло бы за собой изменения территориальных и финансовых обязательств. «Правительство Соединенных Штатов, — говорилось в меморандуме, — преследующее исключительно цель предохранения Китая от означенной опасности и поддержания самых свободных и благожелательных между империей и другими странами отношений, согласно началам, изложенным им в циркулярной ноте от 3 июля 1900 года, — притом в духе чисто дружественном к Китайской империи и ко всем, ныне заинтересованным в переговорах державам, — желает выразить свое мнение, что рассмотрение каких бы то ни было территориальных либо финансовых частных соглашений по крайней мере без полного сведения о том всех держав, ныне ведущих переговоры, и без одобрения с их стороны было бы несвоевременным, нецелесообразным и даже в высшей степени опасным для интересов Китая»¹⁸.

Китайское правительство расценило протесты Соединенных Штатов, Англии и Японии как поддержку его позиции в переговорах с Россией. Оно направило державам указ богдыхана от 28 февраля, в котором правительство Китая, выражая благодарность представителям держав за их советы, в то же время констатировало, что «одному Китаю невозможно, сохраняя твердость, породить неудовольствие России». Поэтому Китай обращался к державам с просьбой о совместном посредничестве между русским и китайским правительствами, «чтобы вопрос мог быть мирно разрешен к общей пользе всех держав, которых он касается»¹⁹.

Английское правительство дало немедленный ответ, в котором заявило, что, как только будет получен официальный текст соглашения, на котором Россия настаивает, оно проконсультируется с другими заинтересованными державами. Оно также выразило уверенность в том, что правительство Китая не свяжет себя никакими обязательствами до тех пор, пока от держав не будет получен ответ на просьбу о посредничестве.

В течение марта происходил активный обмен мнениями между правительствами Англии и Японии. Барон Хаяси откры-

¹⁷ E. H. Zabriskie. American-Russian Rivalry in the Far East, p. 69 (Копкер — Хэю, 5 февраля 1901 г.).

¹⁸ Foreign Relations, 1902, Appendix, p. 363—364.

¹⁹ Б. Б. Глинский. Указ. соч., стр. 153.

венно считал, что предполагаемое между Китаем и Россией соглашение является явным нарушением совместно принятых державами решений и в значительной мере подрывает способность Китая выполнять свои обязательства. Правительство Японии поэтому заявило о своей готовности вновь совместно с Англией советовать китайскому правительству отказаться от подписания соглашения с Россией о Маньчжурии. Английское правительство немедленно выразило свое полное согласие²⁰.

Япония оказала давление на китайское правительство, требуя от него отказаться от подписания соглашения с Россией. В то же время она заявила протест царской России, указав, что некоторые статьи предполагаемого соглашения не только нарушают державные права и неприкосновенность Китая, но и договорные права других держав. Японское правительство поэтому сделало дружеское представление, чтобы проект соглашения между Россией и Китаем о Маньчжурии был передан на обсуждение конференции держав в Пекине.

Ламсдорф отклонил предложение. В беседе с японским послом он ответил, что соглашение касается двух независимых государств и ни о каком вмешательстве посторонних держав не может быть и речи. Одновременно он заверил посла, что соглашение не затрагивает ни интересов других держав, ни неприкосновенности Китая в Маньчжурии, что оно имеет лишь временный характер и как только нормальный порядок будет восстановлен, — русские войска уйдут из Маньчжурии²¹.

Выступление держав против сепаратного соглашения ободрило Китай. 24 марта правительство Китая отказалось подписать предложенное Россией соглашение. 5 апреля 1901 г. в «Правительственном вестнике» появилось сообщение, в котором, между прочим, говорилось: «К сожалению, в иностранной печати, для возбуждения общественного мнения против России, распространялись тревожные слухи о целях и намерениях императорского правительства, приводились искаженные тексты какого-то договора о протекторате над Маньчжурией и сообщались заведомо ложные известия о предполагавшемся между Россией и Китаем соглашении».

Между тем соглашение это должно было служить началом осуществления заявленного императорским правительством намерения возвратить Китаю Маньчжурию, запятуя русскими войсками лишь вследствие тревожных событий минувшего года; для соответствующих военных распоряжений необходимо было к известному времени разрешить в утвердительном или отрицательном смысле вопрос, возможно ли путем взаимного соглашения ныне же обусловить эвакуацию Маньчжурии.

²⁰ См. P. H. Clyde. *International Rivalries in Manchuria 1689—1922*. Columbus, 1928, p. 92; *Parliamentary Papers* (1904), CX, China, N 2 (N 28).

²¹ «Красный архив», т. XIII, 1925, стр. 21.

По полученным сведениям, к заключению такого соглашения с Россией китайскому правительству созданы были серьезные препятствия, вследствие чего и безотлагательное принятие имевшихся в виду мер для постепенной эвакуации Маньчжурии оказалось неисполнимым»²².

Указав далее на необходимость «поддержания порядка» на обширной русско-китайской границе, правительство России заявило, что оно «будет спокойно выжидать дальнейшего хода событий».

Переговоры США с Россией о Маньчжурии

США использовали временный срыв русско-китайских переговоров для нового дипломатического нажима на Россию с целью добиться усиления своих экономических позиций в Маньчжурии. Государственный департамент США был весьма озабочен проектируемым соглашением России и Китая относительно Маньчжурии.

Ради обеспечения своих торговых интересов правительство США рассматривало «неприкосновенность Китая не как некий политический принцип, проведение которого должно быть осуществлено во что бы то ни стало, но как гарантию, долженствующую обеспечить за обширной экспортной торговлей Соединенных Штатов почти нетронутый и выгодный рынок»²³.

Более того, США готовы были признать особые интересы России в Маньчжурии при условии обеспечения американской торговле всех выгод политики «открытых дверей». В одной из бесед с Кассини Хэй откровенно заявил: «Мы вполне признаем за Россией право принимать все меры, которые она найдет необходимым, чтобы предупредить повторение событий прошлого года. Мы поняли бы даже, если бы она пошла по этому пути так далеко, как она найдет пужным для своих интересов и для своих планов, если бы у нас была надежда, что наша торговля не пострадает от того, что дверь останется открытой»²⁴.

Министерство иностранных дел России было заинтересовано в продолжении переговоров с США, надеясь вбить клин между державами. Уже в это время проводились переговоры между Японией и Англией по вопросу о заключении союзного договора для совместных действий против интересов России на Дальнем Востоке.

Выступая за сближение с США, Россия прежде всего добивалась неприсоединения американского правительства к создавае-

²² Цит. по: Б. Б. Г л и н с к и й. Указ. соч., стр. 170.

²³ АВПР, ф. Канцелярия, 1901 г., д. 105, лл. 75—78 (Кассини — Ламсдорфу, Вашингтон, 14 (27) марта 1901 г.).

²⁴ АВПР, ф. Китайский стол, 1899—1904 гг., д. 1574 (Кассини — Ламсдорфу, 28 марта 1901 г.); Б. А. Р о м а н о в. Россия в Маньчжурии, стр. 304—305.

мой на Дальнем Востоке антирусской коалиции. Поэтому русскому послу в Вашингтоне была послана пространная инструкция для переговоров с государственным департаментом, в которой указывалось, что правительство России «придает большое значение тесному сближению с Америкой, интересы коей не могут прийти в столкновение с задачами, преследуемыми Россией в делах Крайнего Востока»²⁵.

Выполняя инструкцию министерства иностранных дел, Кассини продолжал переговоры с Хэем. В состоявшейся в конце марта беседе Хэй вновь подтвердил, что США отдают себе отчет в исключительном положении, занимаемом Россией в Маньчжурии и возлагающем на нее обязанности принимать меры для защиты своих прав и интересов. «Федеральное правительство», заявил Хэй, не предпримет ничего, чтобы противодействовать начинаниям России «самого радикального характера, под условием, чтобы за Соединенными Штатами была обеспечена неприкосновенность их торговых и промышленных интересов, равно как и сохранен принцип открытой двери»²⁶.

Таким образом, Хэй сформулировал основные требования США. На этот раз они оказались более широкими, ибо США требовали преимущественных для своих монополистов привилегий в Маньчжурии не только в торговой, но и в промышленной сфере. Все дальнейшие попытки русского посла добиться определенного заявления американского правительства о том, какие торговые и промышленные цели оно преследует и каково действительное значение политики «открытых дверей», не увенчались успехом²⁷.

И даже в конфиденциальном письме от 20 апреля 1901 г., врученном царскому послу, государственный департамент США не дал четкого ответа на интересующие Россию вопросы. И в этом письме США добивались «заверения императорского правительства в том, что при любых соглашениях, которые Россия могла бы заключить с Китаем или другой державой в отношении Маньчжурии и Северного Китая, подданным Соединенных Штатов в их экономической деятельности и при создании поселений в любой части Китая и Маньчжурии, которые могут быть охвачены подобным соглашением, не будет угрожать никакого ущемления их прав и привилегий»²⁸.

²⁵ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1901—1902 гг., д. 152, л. 18 (Ламсдорф — Кассини, получено 15 марта 1901 г.).

²⁶ АВПР, ф. Китайский стол, 1899—1904 гг., д. 1574, л. 131 (Кассини — Ламсдорфу, 11 апреля 1901 г.).

²⁷ Подробно о переговорах см. С. Б. Горелик. Политика США в Маньчжурии в 1898—1903 гг. и доктрина «открытых дверей». М., 1960, стр. 96—117.

²⁸ АВПР, ф. Китайский стол, 1899—1904 гг., д. 1574, л. 140 (Письмо госдепартамента от 20 апреля 1901 г.).

Но если Кассини не совсем понял основные намерения США, стремившихся к получению не равных с другими державами, а преимущественных прав в Маньчжурии, то царские министры (Витте и Ламсдорф) прекрасно понимали, что «предложения Хэя выгодны больше США, чем России»²⁹. Считая, что США требовали слишком высокую цену за поддержку политики России, царская дипломатия решила не давать никаких письменных обязательств, пока вопрос о Маньчжурии не будет окончательно решен.

В ходе дальнейших переговоров, продолжавшихся по июнь месяц, так и не удалось добиться взаимопонимания. Причиной тому были серьезные противоречия между США и Россией в Маньчжурии. Удовлетворить все требования США — значило предоставить американскому капиталу полную свободу действий в Маньчжурии, создать условия, противоречащие интересам России. Требуя для себя преимущественных условий в Маньчжурии, США в то же время проводили политику маневрирования, выжидая результатов переговоров между Англией и Японией, к которым они относились с сочувствием. Для себя же они сохраняли возможность в дальнейшем согласовать свою политику с англо-японской антирусской коалицией.

В августе 1901 г. по предложению Ли Хун-чжана возобновились русско-китайские переговоры об эвакуации Маньчжурии. Возобновлению переговоров предшествовала острая борьба в правительственных кругах России по вопросу о присоединении Маньчжурии. На данном этапе победила линия министра финансов Витте, настаивавшего на экономическом завоевании Маньчжурии «мирным» и «безопасным» путем. В связи с этим Витте предлагал приступить к постепенной эвакуации Маньчжурии. Министр иностранных дел России Ламсдорф в письме военному министру и министру финансов (от 19 июля ст. ст.) писал о том, что «с формальной стороны, поскольку вопрос касается взаимных отношений к другим державам, присоединение к ее владениям Маньчжурии представляется возможным, несмотря на заявления, сделанные в обнародованных правительственных сообщениях».

Однако такая политика, по мнению Ламсдорфа, могла привести к войне с Японией, которая «несомненно встретит полное сочувствие, а быть может, и негласную поддержку со стороны некоторых, соперничающих с Россией на Крайнем Востоке держав»³⁰.

В письме Ли Хун-чжану (от 27 июля (9 августа)) говорилось, что Россия согласна вывести войска, если Китай даст Русско-китайскому банку обязательство «не давать никому в Маньчжурии

²⁹ С. Б. Горелик. Указ. соч., стр. 102.

³⁰ «Красный архив», т. 63, 1934, стр. 34.

никаких железнодорожных концессий, ранее не предложив их банку»³¹. Уже 14 и 21 августа 1901 г. английский посланник в Китае Э. Сатоу сообщал министерству иностранных дел о возобновлении русско-китайских переговоров и о содержании проекта нового соглашения³². Державы, заинтересованные в расширении своих интересов на Дальнем Востоке, и в первую очередь Япония, пристально следили за действиями России. Между Англией и Японией развернулись интенсивные переговоры о заключении союза, направленного против царской политики на Дальнем Востоке.

Проект банковского соглашения, полученный Ли Хун-чжаном 27 сентября (10 октября), вызвал с его стороны крайне отрицательную реакцию. В беседе с представителем банка Ли Хун-чжан заявил об отказе «отдать в руки банка всю Маньчжурию». Текст соглашения стал немедленно известен в Японии, а 2(15) октября Ли Хун-чжан заявил русскому посланнику о готовности подписать договор о выводе русских войск из Маньчжурии; в то же время представитель Русско-китайского банка был предупрежден о неизбежности выступлений держав против «банковского соглашения» с Россией.

Представители США в Китае также продолжали оказывать давление на государственный департамент, настаивая на принятии более решительных мер против России. Американский консул в Нючжуане Г. Миллер в многочисленных письмах выступал против проводимой русскими властями в порту таможенной политики, которая, по его мнению, ущемляла интересы его страны³³. Американский посланник также проявил озабоченность положением в Нючжуане и в Маньчжурии в целом. Он сообщал о возобновлении переговоров о сепаратном соглашении между Россией и Китаем и считал, что если не будут приняты более действенные меры против нее, то в конце концов она добьется господства в Маньчжурии в ущерб США. В одном из своих донесений Конжер писал: «...Если принять во внимание наши договоры с Китаем, условия, на которых Россия завладела Маньчжурией, и тот факт, что она совместно с другими державами успешно заключила соглашение о крупной контрибуции, мы имеем право в случае, если Япония и Великобритания поступят так же, потребовать при заключении любого соглашения между Россией и Китаем обеспечить status quo для торговли, с тем чтобы сразу же вернуть Китаю контроль над таможнями в Нючжуане и освободить всю Маньчжурию. Все это облегчит

³¹ Б. А. Романов. Очерки..., стр. 145.

³² См. А. И. Гиппиус. О причинах нашей войны с Японией. СПб., 1905, стр. 42—55.

³³ См. T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 125—130.

Китаю выплату огромных контрибуций, из которых Россия получает львиную долю»³⁴.

Переговоры России с Китаем, после смерти Ли Хун-чжана, затянулись до февраля 1902 г. Они происходили в обстановке лихорадочных закулисных переговоров между Англией и Японией, направленных против дальневосточной политики России. США, пристально следившие за развитием событий, надеялись, что будет создана антирусская коалиция. Пришедший после убийства Мак-Кинли к власти Теодор Рузвельт разработал и практически осуществил ряд мероприятий по усилению агрессивной внешней политики США на Дальнем Востоке и по подготовке предпосылок для установления гегемонии США в Западном полушарии. В послании конгрессу от 3 декабря 1901 г. он требовал дальнейшего усиления военно-морского флота, оправдывал грабительскую интервенцию держав в Китае и политику «открытых дверей», призывал к расширению торговли с Китаем и настаивал на предоставлении США коммерческих льгот не только на его побережье, но и во всех внутренних районах, открытых для иностранцев³⁵.

Англо-японский союзный договор и подготовка войны против России

30 января 1902 г. Англия и Япония подписали договор о союзе, который открыл новый этап в развязывании Японией войны против России. По договору Англия и Япония, признавая независимость Китая и Кореи, заявляли о своих «специальных интересах» в этих странах Дальнего Востока. Обе державы предусматривали допустимость принятия необходимых мер, если их интересам будут угрожать агрессивные действия какой-либо другой державы или внутренние «беспорядки» в Китае и Корее.

Англия и Япония обязывались в случае, если одна из них окажется в состоянии войны с третьей державой, занять позицию нейтралитета и приложить усилия к тому, чтобы воспрепятствовать другим державам присоединиться к враждебным действиям против своей союзницы. Если же какая-либо держава или державы все же присоединятся к враждебным действиям против союзницы, другая должна прийти на помощь, «вести войну со-обща и заключить мир во взаимном с ней согласии»³⁶.

Англо-японский договор не только был направлен против России, но он одновременно ущемлял независимость Кореи и Китая. Под флагом борьбы за их целостность Англия и Япония

³⁴ Цит. по: Е. Н. Забриские. *Op. cit.*, p. 75—76 (Конжер — Хэю, 7 сентября 1901 г.).

³⁵ *Foreign Relations*, 1901, p. LII—LIII.

³⁶ Текст договора см. А. Гальперин. *Англо-японский союз, 1902—1921 годы*. М., 1947, стр. 420—423.

совершенно беззащитно говорили о необходимости подавлять внутренние «беспорядки» в Китае и Корее. Договор значительно укрепил внешнеполитические позиции Японии, развязав ей руки для подготовки войны против России. «Англия, — писал В. И. Ленин, — заключила союз с Японией, готовя войну ее против России...»³⁷

В США известие о заключении англо-японского договора произвело весьма благоприятное впечатление. Политические деятели США проявляли исключительную озабоченность будущностью торговых и промышленных интересов американских магнатов в Китае. Они поэтому с удовлетворением считали постановления англо-японского союзного договора, «касающиеся безусловной необходимости сохранения в Китае политики «открытой двери», серьезной поддержкой основных начал, провозглашенных ими при всяком удобном случае...»³⁸

По-иному откликнулись на известие об англо-японском союзе во Франции, где он произвел «тяжелое впечатление». Князь Урусов писал из Парижа, что «политические люди дивятся искренности и решимости Лондонского кабинета в столь трудную для Англии минуту и считают новый союз прямой угрозой против Франции и России»³⁹.

3(16) марта 1902 г. Россия и Франция подписали декларацию, в которой выразили свое отношение к англо-японскому договору. Поскольку договор был заключен «как в видах обеспечения status quo и общего мира на Крайнем Востоке, так равно и с целью сохранения независимости Китая и Кореи, должествующих оставаться открытыми для торговли и промышленности всех наций», Россия и Франция выразили свое удовлетворение. В то же время они заявляли, что им нельзя «терять из виду возможности либо враждебных действий других держав, либо повторения беспорядков в Китае, могущих нарушить целостность и свободное развитие Поднебесной империи в ущерб их взаимным интересам»⁴⁰. В таком случае они вынуждены будут принять соответствующие меры для защиты своих интересов.

Однако реального значения русско-французская декларация не имела, ибо Франция не была заинтересована в отвращении сил России на Дальний Восток из-за боязни Германии в Европе. Она не собиралась воевать за интересы России на Дальнем Востоке.

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 186.

³⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1902 г., д. 107, лл. 77—80 (Кассини — Ламсдорфу, Вашингтон, 13 февраля 1902 г.).

³⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1902 г., д. 75 (Письмо Урусова из Парижа, 14 (27) февраля 1902 г.).

⁴⁰ А. И. Гиппиус. Указ. соч., стр. 58—59; АВПР, ф. Канцелярия, 1902 г., д. 107, л. 110 (Кассини — Ламсдорфу, 13 марта 1902 г. и ответ правительства США).

США откликнулись как на англо-японский договор, так и на франко-русскую декларацию. В опубликованном меморандуме правительство США заявило, что в этих документах оно с удовольствием видит «новое подтверждение заверений, уже прежде полученных им от каждого из означенных правительств относительно согласия их с взглядами, которое это правительство провозгласило с самого начала относительно сохранения независимости и целостности Китая и Кореи и поддержания полной свободы отношений между этими странами и всеми нациями на почве торговли и промышленности»⁴¹.

На другой день после подписания англо-японского союзного договора Хэй выступил с нотой протеста, направленной против русского проекта соглашения и против монополии Русско-китайского банка в Маньчжурии. В ноте указывалось, что «предоставление исключительных привилегий для какого-либо коммерческого учреждения одной национальности является нарушением политики «открытых дверей» в Китае, как она была провозглашена США и принята всеми державами, имеющими торговые отношения в этой стране...»⁴²

На основании этой ноты посол США Тоуэр обратился 3 февраля 1902 г. к министру иностранных дел России Ламсдорфу с меморандумом, в котором констатировал, что русский проект соглашения «нарушает договоры Китая с державами и договорные права американских граждан, подрывает суверенитет Китая над Маньчжурией; оно способно повлечь за собой аналогичные требования других держав в других частях Китая и тем самым полное крушение политики равного трактования всех стран; оно противоречит повторным заверениям русского министерства иностранных дел следовать политике «открытых дверей»..., принятой всеми трактатными державами, имеющими торговые интересы в Китайской империи»⁴³.

В заключение Тоуэр писал, что он получил инструкцию от своего правительства просить русское правительство «принять меры, которые способны рассеять беспокойство Соединенных Штатов».

Меморандум США, совпадавший по времени с заключением англо-японского союзного договора, вызвал беспокойство в кругах русских дипломатов; министерство иностранных дел России поручило Кассини выяснить у Хэя позицию США в отношении англо-японского договора, а также не был ли меморандум США заранее согласован с Англией и Японией. Указав на то, что

⁴¹ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1901—1902 гг., д. 152 (Меморандум от 22 марта 1902 г.).

⁴² АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1901—1902 гг., д. 152, лл. 45—46 (1 февраля 1902 г.).

⁴³ Foreign Relations, 1902, p. 926—929; АВПР, ф. Китайский стол, 1899—1904 гг., д. 1574, л. 161.

правительство России готово заключить с США «отдельное соглашение, которым обеспечивались бы торгово-промышленные интересы обоих государств на Дальнем Востоке», Ламсдорф в то же время писал, что «присоединение Штатов к англо-японскому соглашению может быть принято императорским правительством не иначе, как недружелюбное действие против России»⁴⁴.

В беседах с Кассини Хэй заверял его, что, посылая ноту протеста, США не имели предварительного соглашения с Англией и Японией; что «США чужды англо-японскому соглашению»⁴⁵. Хэй даже пытался убедить Кассини в том, что «дружба» Соединенных Штатов с Россией и «сохранение исключительно добрых отношений между... обеими странами является одним из основных принципов иностранной политики Соединенных Штатов»⁴⁶.

В действительности же США продолжали политику маневрирования. Они не хотели удовлетворяться «равными возможностями» в Маньчжурии, а добивались монопольного положения. В то же время, борясь против усиления влияния России в Маньчжурии, политические деятели США приветствовали заключение англо-японского союзного договора, считая, что он является гарантией «успешного развития американской торговли и промышленности» на Дальнем Востоке⁴⁷. Хэй еще в сентябре 1900 г. мечтал не только о сближении с Англией, но и о союзе с ней. Но этому мешала традиционная политика США, направленная против заключения союзных договоров. Хэй тогда писал: «Если бы не наша внутренняя политика, мы могли бы и должны были объединиться с Англией, интересы которой идентичны с нашими, но при нынешних настроениях... об этом не может быть и речи»⁴⁸. И в начале 1902 г. ситуация не изменилась. И Хэй, и Рузвельт охотно присоединились бы к англо-японскому союзу, но они вынуждены были считаться с традициями и с той антиимпериалистической оппозицией, которая имелаась в конгрессе Соединенных Штатов Америки.

Политические деятели США не прочь были загребать жар чужими руками. Союз Англии и Японии, враждебный России, рассматривался ими как оружие, которое может быть использовано для проведения американской политики на Дальнем Во-

⁴⁴ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1901—1902 гг., д. 152 (Ламсдорф — Кассини, 14 февраля 1902 г.).

⁴⁵ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1901—1902 гг., д. 152 (Письмо Кассини, 2 февраля 1902 г.; см. также письмо Кассини от 26 февраля 1902 г.).

⁴⁶ АВПР, ф. Китайский стол, 1899—1904 гг., д. 1574, л. 195.

⁴⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1902 г., д. 107 (Кассини — Ламсдорфу, 27 марта 1902 г.).

⁴⁸ A. L. P. Dennis. *Adventures...*, p. 258 (Хэй — Эди, 14 сентября 1900 г.).

стоке, для борьбы за утверждение доктрины «открытых дверей» в интересах монополистов США. Эти настроения высказывала американская пресса. Так, «Нью-Йорк ивнинг сан» писала: «Новый союз... осуществляет на практике американскую теорию. Это особенно удачно для нас, если учесть, что мы достигли такого положения, не нарушив нашей традиции избегать союзов, могущих привести к каким-либо осложнениям. Китай с его многомиллионным населением будет открыт для нашей торговли и промышленности. Деятельность же других держав в результате этого соглашения будет в известной мере ограничена»⁴⁹.

Агрессивная политика англо-японского союза вполне устраивала Соединенные Штаты, активно проводившие борьбу за завоевание монопольного положения на Дальнем Востоке.

Отстаивая свои торговые и промышленные интересы в Маньчжурии, Соединенные Штаты Америки готовы были на любые комбинации, однако только при сохранении монополиям Соединенных Штатов Америки свободы эксплуатации природных богатств Маньчжурии. Толкая Россию на путь оккупации Маньчжурии, США не только стремились временно использовать царскую Россию в качестве международного жандарма в Китае, но и ускорить ее столкновение с Японией. Отношения США и Японии были особыми: экспансионисты Соединенных Штатов уже давно решили использовать ее как свою главную опору на Дальнем Востоке. Поэтому, хотя формально США не присоединились к англо-японскому союзу, фактически они по всем коренным вопросам дальневосточной политики сотрудничали с Японией и Англией.

Заключение англо-японского союза, а также протесты Англии, Японии и США против предполагаемого соглашения Китая с Русско-китайским банком ободрили Китай. 12 февраля 1902 г. цинское правительство заявило о своем категорическом отказе подписать «банковское соглашение».

В создавшейся обстановке царская Россия вынуждена была согласиться на подписание (8 апреля 1902 г.) «голого договора о выводе войск из Маньчжурии и... подписать его со всеми поправками китайцев, не заикаясь ни о каких монополиях и банковских соглашениях, одна перспектива которых фактически сделала «участником» англо-японского союза и США»⁵⁰.

В результате заключенного 8 апреля с Китаем соглашения⁵¹ Россия дала обязательство в течение 6 месяцев по подписании соглашения вывести свои войска из юго-западной части Мукден-

⁴⁹ Цит. по: «Times», 13.II 1902; Chung-fu Chang. The Anglo-Japanese Alliance. Baltimore, 1931. p. 242.

⁵⁰ Б. А. Романов. Очерки..., стр. 155.

⁵¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1902 г., д. 75, лл. 19—21; полностью соглашение см. Б. А. Романов. Очерки..., стр. 453—455; А. И. Гиппиус. Указ. соч., стр. 61—63.

ской провинции до реки Ляохэ; в течение последующих 6 месяцев очистить остальную часть Мукденской провинции, Гирин и, наконец, в последующие 6 месяцев вывести остальные русские войска из провинции Хейлунцзян.

И в этом соглашении царскому правительству удалось ценой посулов и взятков китайским чиновникам сохранить оговорку о том, что войска будут выведены, «буде не возникнет смут и образ действия других держав тому не препятствует». Кроме того, в ст. IV соглашения говорилось о том, что китайское правительство «не должно приглашать другие державы участвовать в охране, постройке и эксплуатации» железнодорожных линий Шаньхайгуань—Инкоу—Синьминьтунь «или позволять иностранным державам занимать возвращенную русскими территорию»⁵².

Государственный секретарь США Хэй выразил удовлетворение русско-китайским соглашением. В письме Теодору Рузвельту от 1 мая 1902 г. он писал: «Мы ни в какой мере не относимся враждебно к политике России в Маньчжурии. Напротив, мы признаем исключительность ее положения в Северном Китае. Чего мы добивались в течение двух лет и чего мы наконец достигли, — это заверений (если они имеют цену) в том, что, независимо от событий в Северном Китае и Маньчжурии, Соединенные Штаты не будут поставлены в худшие условия, чем во времена, когда Маньчжурия находилась под неоспоримым контролем Китая»⁵³.

Вернее говоря, Хэй по существу вновь подтвердил, что для США речь идет не о независимости и суверенности Китая, о чем неоднократно заявлялось в открытых декларациях, а об экономических интересах в Китае, в особенности в Маньчжурии. США не возражали и против оккупационного режима России в Маньчжурии, но при условии предоставления американским монополистам неограниченных возможностей для торговых и промышленных операций.

Однако США, сомневаясь в искренности России, искали других гарантий для своих интересов в Китае. Не удивительно поэтому, что в беседе с Кассини Хэй положительно высказывался о новой группировке держав на Дальнем Востоке и даже утверждал, что в случае угрозы интересам США президент Рузвельт может принять все необходимые меры для их защиты⁵⁴.

Характерно, что в начале мая английская печать, стремясь доказать, что англо-японский союз поддерживается США, опубликовала секретный меморандум государственного секретаря Хэя от 1 февраля 1902 г. Хэй выразил сожаление по поводу случившегося и даже утверждал, что меморандум был украден

⁵² Б. А. Романов. Очерки..., стр. 455.

⁵³ Цит. по: А. L. P. Dennis. Adventures..., p. 353.

⁵⁴ АВПР, ф. Китайский стол, 1899—1904 гг., д. 1574, лл. 202—204.

из архива госдепартамента и продан одной из английских газет. В действительности же Конжер сообщил содержание меморандума английскому посланнику в Пекине, добившемуся его обнародования. Опубликование меморандума США именно в это время рассчитано было на то, чтобы дать понять, что при создавшейся на Дальнем Востоке расстановке сил США заняли вполне определенную позицию солидарности с англо-японской антирусской коалицией.

Заинтересованность американских монополистов в экономической экспансии в Китае росла. Печать деловых кругов неоднократно обсуждала проблемы дальневосточных рынков. Активную борьбу за азиатские рынки проводила Американско-Азиатская ассоциация. Как в печати, так и в выступлениях представителей деловых кругов и правительства указывалось на огромное потенциальное значение рынков Китая, которые могут в ближайшие годы вырасти в 5—10 раз. «Если мы применим правильные методы, — писал американский специалист по Дальнему Востоку Вольф фон Шьербранд, — торговля с Китаем может расширяться неограниченно, повышение жизненного уровня китайцев, скажем, на 50—100% в течение последующих 10 или 20 лет, будет означать расширение американской торговли в этой стране на такой же процент»⁵⁵.

Летом 1902 г. в Нью-Йорке состоялось совещание представителей хлопчатобумажных фирм, заинтересованных в рынках Китая. Обсуждался вопрос об установлении непосредственных связей с Китаем в целях расширения торговли. До того времени, ввиду отсутствия в Китае филиалов американских банков, товары США попадали в Китай через посредство Ливерпульского рынка. «С открытием в Гонконге отделения американского банка, — писал Кассини, — пополнен означенный пробел, и ныне американские производители получают возможность посылать свой продукт непосредственно из Тихоокеанских портов на американских судах...»

Расширению торговых связей с Китаем должно было способствовать также «учреждение Китайско-Американской торговой компании в Сан-Франциско с капиталом в один миллион долларов»⁵⁶.

Американская торговля со странами Азии, и в особенности с Китаем, росла. Если в 1843 г. торговля США со странами Азии составляла примерно 6 млн. долл. (экспорт и импорт), то уже к 1903 г. она достигла 122 млн. долл.⁵⁷, уступая только Англии. Серьезными конкурентами США в Китае выступали не только

⁵⁵ Wolf von Schierbrand. *America, Asia and the Pacific*, p. 126—127.

⁵⁶ АВРП, ф. Канцелярия, 1902 г., д. 107, лл. 274—275 (Кассини — Ламсдорфу, 12 (25) августа 1902 г.).

⁵⁷ С Японией, Китаем, Кореей, Гонконгом и с азиатской частью России (см. Wolf von Schierbrand. *Op. cit.*, p. 29).

Англия и Россия, но и Германия и Япония. Германский экспорт в Китай с 7500 тыс. в 1892 г. вырос до 16 300 тыс. в 1901 г. и 17 400 тыс. в 1903 г.⁵⁸ Причем германская конкуренция касалась важнейшего предмета американского экспорта — хлопчатобумажных товаров. Значительно возрос экспорт в Китай более дешевых текстильных товаров из Японии.

Борьба колониальных держав шла и по линии промышленных и концессионных интересов. Подписание русско-китайского договора стимулировало дальнейшую экспансию держав в Маньчжурию. В первую очередь это относилось к США и Японии. Деловые круги США, как уже говорилось, оказывали серьезное давление на правительство, добиваясь расширения торговли с Китаем, а также с рядом других стран Азии. В Гирине американцы добились концессии на серебряные рудники. Английские капиталисты также занимались разведывательными операциями по выявлению ископаемых в районах Маньчжурии. Представители США и Англии проявляли интерес к Дуньхуанскому округу и к бассейну р. Ялу и проводили там изыскания. Здесь они непосредственно сталкивались с русскими концессионерами и лесопромышленниками. Япония прилагала не мало усилий, чтобы укрепить свое экономическое влияние в Корее и в Южной Маньчжурии. Она добивалась концессий на каменноугольные копи вблизи Мукдена. Печать Японии проводила против России резкую кампанию, и японские милитаристы продолжали усиленно готовиться к войне с ней.

Царское правительство, вынужденное заключить соглашение с Китаем и формально отказаться от особых льгот и преимуществ в Маньчжурии, опасалось усиления влияния иностранного капитала. Учитывая провал «банковского соглашения», Витте пытался провести ряд мероприятий по обеспечению монополии России на промышленные концессии по добыче золота, железа, нефти, каменного угля и других богатств Маньчжурии. Витте опасался, как бы отдельные частные предприятия не захватили эти концессии, что открывало возможности их перехода в руки иностранных подданных. Он считал, что проведение новых, более активных мероприятий по освоению богатств Маньчжурии имело не только экономическое, но и политическое значение. Стремясь оградить Маньчжурию от последствий внедрения иностранного капитала, он содействовал созданию «Маньчжурского горнопромышленного товарищества» (июль 1902 г.) с основным капиталом в 1 млн. руб. Товарищество приобрело концессии на право разведок и разработки золота в Цзянпигу, разведок в Гуаньшанском округе на правом берегу Амура и левом берегу Сунгари, а также в Саньсинском округе Гиринской провинции.

⁵⁸ Wolf von Schierbrand. Op. cit., p. 269.

Однако по-настоящему развернуть свою деятельность «Маньчжурское горнопромышленное товарищество» не успело из-за противодействия безобразовской придворной клики и Восточно-Азиатской компании. Безобразовская шайка, заинтересованная в эксплуатации Маньчжурии и Кореи, выступала как против иностранной, так и против отечественной конкуренции, в особенности против Горнопромышленного товарищества. После отставки Витте в августе 1903 г. деятельность Товарищества фактически прекратилась.

Большую деятельность развернуло общество КВЖД. Оно уделяло много внимания организации морского транспорта, производило добычу угля на Янтайских копях, занималось разведкой ископаемых в Северной и Южной Маньчжурии. Русско-китайский банк активно содействовал организации смешанных и чисто русских концессий⁵⁹.

Осенью 1902 г. Витте совершил поездку в Маньчжурию. По возвращении он представил правительству подробный доклад о положении дел на Дальнем Востоке, в котором предупреждал о возможности «повторения через несколько лет волнений, подобных боксерскому», и призывал «быть настороже от враждебных замыслов со стороны Японии». Витте считал, что ближайшая задача политики России в Маньчжурии заключается «в твердом следовании по пути примирения с Китаем и неукоснительного исполнения принятых на себя на основании соглашения обязательств...»⁶⁰ Что касается отношений с Японией, то Витте призывал к заключению «соглашения, которое успокоило бы Японию насчет замыслов России на Корейском полуострове, примирило бы ее с нашим положением в Северном Китае и тем устранило бы один из опасных поводов для возможной кровавой распри на Дальнем Востоке»⁶¹.

В то же время Витте, изучив создавшуюся в Маньчжурии ситуацию, пришел к выводу о необходимости, если эвакуация края уже начата, «найти способы ее замедлить, чтобы свести ее на нет»⁶².

В специальном письме на имя Ламсдорфа Витте вновь ставил вопрос о необходимости соглашения России с Японией, ибо «вооруженная борьба с Японией в ближайшие годы была бы для нас большим бедствием»⁶³.

Попытки избежать вооруженного столкновения наталкивались на серьезные препятствия. Японские империалисты, под-

⁵⁹ Перечень русских предприятий в Маньчжурии см. АВПР, ф. Китайский стол, 1903 г., д. 120, л. 43; В. Аварин. Империализм в Маньчжурии, т. I. М., 1934, стр. 86—87.

⁶⁰ Б. Б. Глинский. Указ. соч., стр. 206.

⁶¹ Там же, стр. 207, 217.

⁶² Б. А. Романов. Очерки..., стр. 202.

⁶³ Б. Б. Глинский. Указ. соч., стр. 243.

стрекаемые Англией и США, усиленно готовились к войне. И не только за Корею, но и за Маньчжурию. В самих господствующих кругах России шла острая борьба по вопросам внешней политики. Против более умеренного курса Витте — Ламсдорфа выступала безобразовская клика, состоявшая из самых шовинистических и реакционных элементов, заинтересованных в хищнической эксплуатации богатств Маньчжурии и лесных ресурсов на Ялу.

Осенью 1902 г. царская Россия начала эвакуацию русских войск из первой зоны Маньчжурии. В январе 1903 г. правительство приняло решение выполнить договор с Китаем только частично, предъявить Китаю новые дополнительные требования о «гарантиях» русских интересов в Маньчжурии. Фактически это означало по крайней мере задержку вывода русских войск из второй зоны. К осени 1903 г., когда подошел срок окончательной эвакуации третьей, последней зоны, в Петербурге уже восторжествовала безобразовская камарилья, форсировавшая развязывание маньчжурской авантюры.

Новые требования царской России. Роль США в развязывании русско-японской войны

18 апреля 1903 г. китайскому правительству была предъявлена нота, содержащая новые требования России⁶⁴. В ней предлагалось Китаю: не открывать свободных портов и консульств других держав в очищенной области; не принимать иностранцев, кроме русских, на службу на Севере; сохранить управление в том же положении, как и во время оккупации; вносить таможенные сборы в Нючжуане в Русско-китайский банк; сохранить за русскими санитарный надзор в Нючжуане; сохранить за Россией право пользоваться телеграфом Китая в Маньчжурии; не отчуждать в пользу какой-либо другой державы эвакуированной территории.

Действия России вызвали резкие протесты не только Китая, но и Англии и Японии. Последние обещали Китаю поддержку против новых требований России и советовали отклонить новые требования, что и было сделано китайским правительством. Министр иностранных дел Англии немедленно информировал Хэя о своем желании совместно с США добиваться утверждения в Китае «политики «открытых дверей» и поддерживать его независимость и целостность...»⁶⁵ В шовинистической прессе Японии появился ряд статей, возвещающих войну с Россией в ближайшее время. Японское правительство предъявило Корею ноту, энер-

⁶⁴ Содержание ноты см. А. И. Гиппиус. Указ. соч., стр. 102—103; см. также Foreign Relations, 1903, p. 53 (Письмо Конжера о новых требованиях России).

⁶⁵ А. И. Гиппиус. Указ. соч., стр. 98.

гично протестуя против действия русского лесопромышленного товарищества на Ялу и требуя аннулирования заключенного с русскими соглашения⁶⁶. Япония также «советовала» правительству Кореи «открыть Ичжоу или иной порт на Ялу для иностранной торговли». В случае отказа Япония угрожала послать к корейским берегам военно-морские силы «для фактического осуществления своих домогательств»⁶⁷. Англия также потребовала безотлагательного открытия Ялу для иностранной торговли⁶⁸. США, выступая против новых требований России, предьявленных Китаю, считали, что они противоречат прежним заверениям, «данным... Россией относительно свободы американских торгово-промышленных интересов в Маньчжурии»⁶⁹. Больше всего государственный департамент США был раздражен пунктом, запрещающим Китаю открывать новые города в Маньчжурии для иностранной торговли. США как раз в это время вели переговоры с Китаем о заключении нового торгового договора. Они настаивали на уничтожении ликина, на предоставлении американцам одинаковых с подданными других государств прав арендовать и приобретать земли, содержащие минеральные богатства, требовали установления статуса открытых портов в Пекине, Мукдене и Дагушане⁷⁰.

После встречи с Кассини Хэй отправил телеграммы новому послу в Петербурге Мак-Кормику и посланнику США в Китае Конжеру, в которых говорилось: «Настаивайте на нашем требовании открыть в Маньчжурии порты и консульства в них и сообщите о нашем возмущении против второй статьи, лишаящей всех иностранцев, кроме русских, возможности участвовать в китайской администрации»⁷¹.

В тот же день Хэй в письме к президенту Рузвельту подробно разъяснил, что первые два пункта требований России направлены против интересов США. «Я убежден, — писал, однако, Хэй, — что Вы также не допускаете мысли о том, что мы могли бы принять какой-либо план совместно с Англией и Японией, который казался бы открыто враждебным России. Общественное мнение не поддержит нас в этом деле, да к тому же оно, по-моему, для нас и невыгодно»⁷².

27 апреля 1903 г. Конжер вручил китайскому правительству

⁶⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1903 г., д. 94, лл. 205—206.

⁶⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1903 г., д. 94, лл. 131—134; см. также АВПР, ф. Канцелярия, 1903 г., д. 117, л. 150.

⁶⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1903 г., д. 94, лл. 205—206.

⁶⁹ АВПР, ф. Китайский стол, 1899—1904 гг., д. 1574, л. 310 (Телеграмма Кассини из Вашингтона, 11 (24) апреля 1903 г.).

⁷⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1903 г., д. 114, лл. 175—176 (Телеграмма Кассини из Вашингтона, 14 марта 1903 г.).

⁷¹ Foreign Relations, 1903, p. 54, 708—709.

⁷² A. L. P. Dennis. Adventures..., p. 356.

ноту протеста против новых требований России, ущемляющих интересы США⁷³. США настаивали на открытии для иностранной торговли новых пунктов в Маньчжурии, сохраняли за собой право подвергнуть обсуждению и высказать свои соображения по любому вопросу русско-китайских переговоров.

Принц Цин сообщил Конжеру об отказе Китая принять новые требования России и выразил надежду, что в переговорах с Россией Китай не останется без поддержки иностранных держав. Тогда же он познакомил японского посланника с содержанием требований, предъявленных Китаю Россией. Японский посланник немедленно информировал об этом Конжера. Вскоре полный текст русской ноты появился в американской прессе. Антирусская кампания в печати приняла еще более острые формы; в ней участвовали видные политические деятели и некоторые официальные лица. Выступления в защиту монополистических интересов американских магнатов в Маньчжурии прикрывались лозунгами борьбы за независимость и целостность Китая.

Требование об открытии новых торговых пунктов в Маньчжурии показало, что США по существу солидаризировались с политикой Англии и Японии. Это «подтверждается, — писал Розен, — и самым выбором таковых пунктов, а именно: маленького порта Танунхоу и устья Ялу, Мукдена и Харбина, между тем как порт Инкоу, казавшийся вполне достаточным, открыт уже давно, и мы сами не только призываем иностранную торговлю в открытый нами Дальний, но и сами устроили и оборудовали этот порт ценой значительных финансовых жертв»⁷⁴.

Попытки Ламсдорфа смягчить напряженные отношения, складывавшиеся между Россией и США, а также его заверения о нежелании России нанести ущерб американским интересам в Китае, не увенчались успехом. В своих донесениях Кассини сообщал, что отказ открыть новые пункты в Маньчжурии для свободной торговли «мог бы повести к самым большим затруднениям и толкнул бы несомненно США в объятия наших соперников на Крайнем Востоке...»⁷⁵

Между тем в правительственных кругах России росло влияние агрессивных элементов, выступавших за проведение «нового», по существу авантюристического курса в Маньчжурии. Адмирал Алексеев, будущий наместник царя на Дальнем Востоке, выступил против открытия для иностранной торговли различных пунктов в Маньчжурии, в особенности у устья Ялу.

⁷³ Foreign Relations, 1903, p. 55.

⁷⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1903 г., д. 107, лл. 9—12 (Телеграмма Розена из Токио, 5 (18) июня 1903 г.).

⁷⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1903 г., д. 114, л. 100 (Телеграмма из Вашингтона, 29 мая 1903 г.).

Он считал, что удовлетворение домогательств США и других держав нанесет серьезный ущерб русским экономическим предприятиям, еще недостаточно окрепшим, «чтобы выдержать конкуренцию»⁷⁶.

Продолжавшийся нажим царской России на цинское правительство и отказ Китая открыть новые пункты в Маньчжурии для иностранной торговли не могли не привести к усилению напряженности в отношениях России и США. Конжер предупреждал правительство Китая, что отказ удовлетворить основное американское требование «произведет в Соединенных Штатах неблагоприятное впечатление и будет рассматриваться американским правительством как нежелание Китая согласиться с его просьбой»⁷⁷. Об этом же доносил Кассини, больше всего опасавшийся, что отказ от удовлетворения домогательства США об открытии новых пунктов может привести к присоединению США к Англии и Японии и к созданию единого фронта этих держав против России.

В опубликованном 18 июня 1903 г. меморандуме Хэй дал подробный обзор русско-американских отношений, обвинив Россию в срыве на практике политики «открытых дверей». Хэй утверждал, что он в течение четырех лет пытался договориться с Россией и Китаем по вопросам участия США в экономической жизни Дальнего Востока, отказавшись от присоединения к любым комбинациям и группам других держав, что Соединенные Штаты, добиваясь утверждения политики «открытых дверей», «не требовали ничего, что могло бы нанести ущерб России, но добивались лишь тех прав, которые были признаны Россией совместно со всем миром...»⁷⁸

Однако в связи с тем, что правительство России настаивало на своем требовании об отказе открыть новые пункты для иностранной торговли в Маньчжурии, Хэй заявил, что он вынужден передать президенту Рузвельту всю переписку с Россией и доложить ему о невозможности добиться приемлемого и почетного соглашения с Россией⁷⁹.

Через три дня Хэй передал специальный меморандум царскому послу. В нем говорилось: «Мы всегда признавали исключительное положение России в Маньчжурии. Мы ничего не предпринимали, чтобы помешать ее прогрессу и законным стремлениям. Мы только настаивали на свободе доступа и на благоприятствовании нашей коммерции, что было гарантировано нам всем цивилизованным миром, в том числе и Россией, и что не-

⁷⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1903 г., д. 117, лл. 122—123 (Телеграмма из Порт-Артура, 6 (19) июня 1903 г.; см. также лл. 125—126 — телеграмма от 9 (22) июня).

⁷⁷ Foreign Relations, 1903, p. 63.

⁷⁸ A. L. P. Dennis. Adventures..., p. 379—380.

⁷⁹ Ibid., p. 379.

однократно и добровольно подтверждалось заверениями русского правительства»⁸⁰.

Меморандумы Хэя как бы подводили итог переговорам США с Россией. Замалчивая закулисные дипломатические интриги США, они подчеркивали лишь авантюристический характер политики России в Китае, которая противоречила доктрине «открытых дверей», следовательно, мешала развитию экспансионистского дальневосточного курса США. Всю вину за создавшиеся напряженные отношения государственный департамент США возлагал на Россию.

В конце июня — начале июля в Порт-Артуре состоялось совещание по вопросам Маньчжурии и Кореи. На нем присутствовали Куропаткин, Алексеев, Безобразов, посланники в Пекине и Сеуле и другие военные и политические деятели. Совещание «признало присоединение Маньчжурии к России (в создавшихся условиях) нежелательным, но, в случае непринятия Китаем требований России, считало необходимым продолжать оккупацию, т. е. оставаться как и ныне на неопределенное время с неразрешенным маньчжурским вопросом на руках...»⁸¹

Русский посланник в Китае Лессар предложил заблаговременно «разъяснить заинтересованным державам, что Россия не препятствует Китаю, по мере развития торговли, открывать некоторые города Маньчжурии для иностранной торговли, но без устройства селтльментов»⁸².

Совещание согласилось с мнением Лессара. Оно было сообщено министерству иностранных дел России, которое вскоре разослало всем русским послам соответствующий циркуляр. 14 июля Кассини вручил Хэю ноту, в которой говорилось, что правительство России никогда не выступало против «открытия определенных городов Маньчжурии для иностранной торговли». Исключением является Харбин, расположенный в зоне КВЖД. Россия возражала против допущения иностранных консулов в этот город без предварительного с ней согласования⁸³.

Такая постановка вопроса, расходящаяся с практической деятельностью царского правительства на Дальнем Востоке, не встретила сочувствия в правящих кругах США, добивавшихся преимущественного положения в Маньчжурии. 18 июля Рузвельт писал Хэю: «Я не имею ни малейшего основания сомневаться в осведомленности России о том, что я испытываю раздражение в отношении ее политики в Маньчжурии, что я не намерен уступить и что с каждым годом растет моя уверенность в том, что моя страна до конца поддержит меня»⁸⁴.

⁸⁰ Ibid., p. 380—381.

⁸¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1903 г., д. 117 (Петергоф, 5 июля 1903 г.).

⁸² Б. Б. Глинский. Указ. соч., стр. 304.

⁸³ Foreign Relations, 1903, p. 711.

⁸⁴ A. L. P. Dennis. Adventures..., p. 359.

Государственный департамент США поручил Конжеру ознакомиться с нотой России, потребовать открытия новых пунктов в Маньчжурии, ускорить заключение торгового договора⁸⁵. Однако правительство Китая ответило, что оно не получило никакой информации о том, что Россия отказалась от своего протеста против открытия новых городов для торговли. Китай, заявил принц Цин, не может принять по этому вопросу решения, пока продолжается оккупация Россией Маньчжурии.

Конжер выражал свое беспокойство событиями в Маньчжурии, заявляя, что «все русские говорят о Маньчжурии, как полновластные хозяева, и даже мелкие чиновники (младшие должностные лица) заявляют о полной готовности России к войне».

Считая, что протесты Англии, Японии и США в отношении русской политики в Маньчжурии оказались не эффективными, Конжер писал: «Я думаю, что здесь всем ясно, что Россия не собирается отказываться от Маньчжурии... Она (Россия. — Л. З.) настойчиво и успешно продвигается вперед, захватывая и удерживая все позиции. Помимо важного заявления, которого Вам удалось добиться от России по вопросу о политике «открытых дверей», мы ничего не достигли. Китай не испытывает к нам чувства благодарности, Россия же раздражена и озлоблена и постепенно захватит наши привилегии»⁸⁶.

Между тем в Петербурге продолжали усиливаться сторонники «нового курса». 12 августа адмирал Алексеев был назначен наместником на Дальнем Востоке. Ему присвоили высшую власть по всем вопросам гражданского управления края, а также право дипломатических сношений с соседними государствами. Витте был отстранен от должности министра финансов и назначен на пост председателя Комитета министров⁸⁷. В Петербурге вскоре был организован «Особый комитет по Дальнему Востоку» под председательством царя, которому подчинялось дальневосточное наместничество.

Изменения в правительстве России означали усиление агрессивных кругов, выступивших за проведение более решительной дальневосточной политики. Вокруг безобразовской шайки объединились реакционные слои военщины, придворные, крупная буржуазия, помещики, верхушка чиновничьего аппарата и другие группы, заинтересованные в эксплуатации богатств и народов Китая и Кореи, в расширении экспансионистской, захватнической политики царизма. «Интересам этой кучки капиталистов и чиновных пройдох, — писал В. И. Ленин, — наше правительство, не колеблясь, приносит в жертву интересы всего народа. Самодер-

⁸⁵ Foreign Relations, 1903, p. 67.

⁸⁶ A. L. P. Dennis. Adventures..., p. 381—383 (Конжер — Хэю, 24 июля 1903 г.).

⁸⁷ Почетная должность, но по существу лишившая Витте власти.

ажавное царское правительство и в этом случае, как и всегда, оказывается правительством безответственных чиновников, раболепствующих перед тузами-капиталистами и дворянами»⁸⁸.

Укрепление безобразовцев в правящем лагере России произвело удручающее впечатление на общественные круги других стран. Политические и общественные деятели считали, что в новых условиях шансы на мирное разрешение противоречий, возникших между державами на Дальнем Востоке, в значительной мере подорваны. В агрессивных кругах Японии, усиленно готовившейся к войне с Россией, ожидали обострения отношений из-за столкновения русско-японских интересов в Маньчжурии. 12 августа 1903 г. японский посланник в Петербурге Курино передал министру иностранных дел проект соглашения, заявив при этом, что «чем далее будет откладываться заключение соглашения, тем все труднее будет, так как положение дел на Дальнем Востоке теперь более и более осложняется», и «просил Ламсдорфа ускорить дело, елико возможно»⁸⁹.

Уже в первом пункте проекта соглашения говорилось об обязательстве обеих держав «уважать независимость и территориальную неприкосновенность Китайской и Корейской империй и поддерживать начало равного благоприятства для торговли и промышленности всех наций в этих странах». А это означало признание принципа «открытых дверей». Считалось, что Япония якобы «желает ограничить свои и чужие интересы в Маньчжурии, не предпреляя ее судеб в пользу одной России...»⁹⁰

США продолжали оказывать давление на цинское правительство, требуя скорейшего завершения переговоров о заключении торгового договора и открытии новых пунктов для иностранной торговли⁹¹. Конжеру была дана директива добиться подписания с Китаем нового договора 8 октября, т. е. в день, когда истекал срок эвакуации русских войск в Маньчжурии.

В начале сентября царское правительство предъявило Китаю новые, несколько измененные условия эвакуации Маньчжурии. Они сводились к следующим требованиям:

«1) Китай обязывается не уступать ни одной части Маньчжурии какой-либо другой державе, а также не отводить земли под иностранные селенья;

2) России должно быть предоставлено право устроить по реке Сунгари пристани, соединить их телеграфной линией и расположить для их охраны русские войска;

⁸⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 381.

⁸⁹ Б. А. Романов. Очерки..., стр. 240; Проект соглашения см. А. И. Гиппиус. Указ. соч., стр. 173—175; Foreign Relations, 1903, p. 616. В задачу нашего исследования не входит рассмотрение русско-японских переговоров.

⁹⁰ Б. А. Романов. Россия в Маньчжурии, стр. 426.

⁹¹ Foreign Relations, 1903, p. 70—73, 74—77.

3) России должна быть предоставлена постройка почтовых станций по дороге из Цицикара в Благовещенск;

4) с товаров, ввозимых в Маньчжурию по железной дороге, не должны взиматься более высокие пошлины, нежели с товаров, доставляемых гужем или по реке;

5) после отозвания русских войск отделения Русско-китайского банка должны охраняться китайскими войсками, но за счет банка;

6) русский врач должен быть назначен членом санитарного управления в Нючжуане»⁹².

Но и эти требования были отвергнуты Китаем. По существу решение всех этих вопросов почти полностью зависело от хода русско-японских переговоров по вопросам Маньчжурии и Кореи. Американский посланник в Токио Гриском доносил, что правительственные круги Японии относятся отрицательно к новым требованиям России, предъявленным Китаю, считая их несовместимыми с политикой «открытых дверей» и сводящими на нет домогательства держав об открытии новых пунктов в Маньчжурии для иностранной торговли⁹³.

Государственный департамент США, считая необходимым в первую очередь ускорить подписание с Китаем нового торгового договора, решил пока не реагировать на новые требования, предъявленные Россией Китаю. 8 октября 1903 г., после довольно длительного нажима со стороны США, был подписан американо-китайский торговый договор⁹⁴. Соединенные Штаты не только добились новых торговых льгот, но и согласия Китая открыть для международной торговли маньчжурские города — Мукден и Аньдунь. В договоре указывалось, что «выбор подходящих местностей для проживания и торговли иностранцев, равно как и выработка правил для этих местностей, будут согласованы правительствами США и Китая». Аналогичный договор, подписанный в тот же день между Китаем и Японией, содержал постановление об открытии Мукдена и Танунхоу, а затем и Пекина для иностранной торговли. Заключение этих трактатов означало, что США и Япония открыто и демонстративно отказались признать за Россией специальные права в Маньчжурии. Не случайно оба договора с Китаем были подписаны 8 октября 1903 г., в день, когда истекал срок окончательной эвакуации русских войск из Маньчжурии; Япония и США тем самым подчеркивали свою солидарность в маньчжурском вопросе.

Таким образом, забыты были все заверения Хэя, неоднократно утверждавшего обособленность США от англо-японского союза.

⁹² А. И. Гиппиус. Указ. соч., стр. 157.

⁹³ Foreign Relations, 1903, p. 618.

⁹⁴ См. G. V. A. Mac Murray. Treaties and Agreements with and the Concerning China, Vol. I, p. 423—433.

Их борьба за открытие для иностранной торговли новых городов в Маньчжурии с правом поселения иностранцев была направлена против экспансионистской политики России. В то же время, борясь против поглощения Маньчжурии Россией, США оказывали прямую помощь агрессивным кругам Японии, мечтавшим об установлении своей гегемонии в Корее и Маньчжурии. Русский посланник в Японии Розен еще в июне 1903 г. писал, что «предъявлением Китаю требования об открытии новых пунктов в Маньчжурии для иностранной торговли помянутые державы имеют в виду создать весьма действительные преграды предвидимому ими поглощению Маньчжурии Россией». Розен справедливо считал, что «США, как и стоящий за ними англо-японский союз, преследуют исключительно политические цели», что «выставление ими (США. — Л. З.) вперед принципа «открытых дверей» есть не что иное, как благовидный предлог и диалектический прием...»⁹⁵ Вернее говоря, конфликт с царской Россией из-за Маньчжурии приближался к своему решающему этапу. США только формально не примкнули к англо-японскому союзу. Фактически же между Англией, Японией и США установилось полное взаимопонимание и политическое сотрудничество, направленное против дальневосточной политики России.

После подписания американо-китайского торгового договора события на Дальнем Востоке развернулись с лихорадочной быстротой. Японские империалисты, уверенные в активной поддержке Англии и в помощи США в случае войны с Россией, форсировали события. Они только ждали удобного момента и предлога для удара. Все допесения представителей России и других стран из Токио говорили о том, что японцы решительно готовятся к войне.

В Порт-Артуре наместник Алексеев и его окружение рассматривали заключение американо-китайского торгового договора как акт «недружелюбный» и даже заявили, что «Россия не считает Маньчжурию частью Китая»⁹⁶. Американский посол Мак-Кормик также писал, что, «настаивая на политике открытых дверей и учреждении консульств в Мукдене и Аньдуне до разрешения русско-японского конфликта, Соединенные Штаты пытались занять положение, при котором им можно было бы оказать помощь Японии. Под прикрытием «торгового договора» — являющегося с их точки зрения троянским конем, — Соединенные Штаты пытаются найти точку опоры, чтобы добиться права голоса в вопросе..., ставшем в настоящее время важным для России»⁹⁷.

⁹⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1903 г., д. 107, лл. 9—12 (Телеграмма Розена из Токио, 5 (18) июня 1903 г.).

⁹⁶ A. L. P. Dennis. *Adventures...*, p. 262.

⁹⁷ E. H. Zabriskie. *Op. cit.*, p. 98.

США пристально следили за переговорами между Японией и Россией. В конце 1903 г. государственный департамент США разослал всем посланникам инструкцию с просьбой присылать подробные сообщения о развитии событий на Дальнем Востоке. С 21 декабря министерство иностранных дел Японии регулярно информировало госдепартамент о ходе японо-русских переговоров. 31 декабря государственный департамент США получил телеграмму Грискома, в которой он сообщал, что японский министр иностранных дел считает создавшееся положение «исключительно критическим» и что Япония «не будет ждать более, чем определенный, разумный период времени, что переговоры не должны больше тянуться, так как это лишь выгодно для военных приготовлений России»⁹⁸.

Характерно, что еще в донесении от 8 декабря, а затем и в телеграмме от 31 декабря Гриском высказывался за обращение дружественных держав к Японии и России с предложением «добрых услуг»⁹⁹. Однако государственный департамент США совершенно не реагировал на его предложения, доказывая этим, что Соединенные Штаты вовсе не были заинтересованы в мирном исходе переговоров между Японией и Россией. Наоборот, правящие круги США были заинтересованы в войне между Россией и Японией, считая, что Япония будет вести войну не только в интересах своих монополистов, но в известной мере и в интересах американского империализма, считавшего Россию своим основным врагом в борьбе за китайские рынки. Еще за месяц до начала военных действий правительство США дало заверение Японии, что в случае войны «американская политика будет благоприятна Японии»¹⁰⁰. Это заверение США, а также существование англо-японского союза стимулировали японских империалистов на скорейшее развязывание войны.

Не удивительно поэтому, что даже уступчивость царской России на последней стадии переговоров с Японией не могла изменить положение. В Японии заканчивалась подготовка к нападению на Россию. Японский посланник в Англии вел переговоры о займе. Он бдительно следил за тем, чтобы не допустить вмешательства и посредничества других держав. Английский министр иностранных дел Лэнсдаун дал обязательство «приложить все усилия, чтобы предупредить вступление в войну других держав», а также «не допустить «в данный момент» какого-либо посредничества третьих держав»¹⁰¹. Заверив Японию, что она выполнит взятые на себя по отношению к ней договорные обяза-

⁹⁸ Foreign Relations, 1903, p. 622.

⁹⁹ См. A. L. P. Dennis. *Adventures...*, p. 384—385; P. J. Treat. *Diplomatic Relations between the United States and Japan, 1895—1905*, p. 180.

¹⁰⁰ E. H. Zabriskie. *Op. cit.*, p. 101.

¹⁰¹ Б. А. Романов. *Очерки...*, стр. 279.

тельства, Англия обещала ей заем немедленно после открытия военных действий против России¹⁰².

Что касается Франции и Германии, то они ясно дали понять, что в случае войны займут позицию нейтралитета. Обе эти державы не желали участвовать в войне на Дальнем Востоке. Франция в это время вела переговоры о сближении с Англией. Она не считала, что ее союзнические обязательства по отношению к России простираются и на Дальний Восток. Германия тоже не была заинтересована в обострении отношений с Англией и США. А главное, стремясь ослабить влияние России в Европе, Германия всячески толкала ее на войну с Японией.

Воспользовавшись исключительно благоприятной обстановкой и помощью Англии и США, Япония провокационно сорвала переговоры с Россией и 8 февраля 1904 г., без объявления войны, нарушая все нормы международного права, напала на русский флот, открыв таким образом военные действия. Так началась русско-японская война, которую В. И. Ленин охарактеризовал как «нелепую и позорную», вскрывшую всю гнилость царской России¹⁰³.

¹⁰² British Documents on the Origins of the War, 1898—1914. London, 1929, Vol. II, N 169.

¹⁰³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 254.

США И НЕЗАВИСИМОСТЬ КОРЕИ

Американские экспансионисты и Корея

В своей борьбе за дальневосточные рынки правящие круги США проявили заинтересованность и в Корее. Богатства Кореи привлекали экспансионистов Японии, России, Германии и США. Американские колонизаторы, стремясь захватить опорные пункты для своей экспансии на Дальнем Востоке, еще с середины XIX в. неоднократно совершали набеги на Корею. Первая попытка такого разбойничьего нападения американцев на территорию Кореи (в провинции Канвондо) относится к 1855 г. В 1866 г. вооруженная американская шхуна «Генерал Шерман» организовала налет на Корею «с целью ограбления древних гробниц в районе Пхеньяна»¹. Через год другая экспедиция, возглавляемая американским купцом Дженкинсом, провела новое нападение на Корею. Банда Дженкинса на шлюпках, спущенных с корабля «Китай», поднялась по реке в северную часть провинции Чхунчхондо и ограбила гробницы². Авантюра Дженкинса была разоблачена, и государственный департамент США отмежевался от своего агента.

В 1871 г. США направили к берегам Кореи эскадру с целью навязать Корее кабальный неравноправный договор и открыть ее порты для иностранной торговли. Экспедиции удалось высадить десант на о-ве Канхвадо. Однако, встретив упорное сопротивление корейских патриотов, американцы вынуждены были отказаться от своих планов и отплыть от берегов Кореи.

В 1876 г. американцы сделали новую попытку вторгнуться в Корею. Эскадра, возглавляемая адмиралом Роджерсом, бомбардировала и разрушила ряд укреплений на побережье Кореи. Но и на этот раз, получив суровый отпор, агрессоры вынуждены были убраться.

Потерпев поражение в своих планах навязать Корее, вассалу Китая, неравноправный договор, США начали поощрять

¹ F. A. McKenzie. Korea's Fight for Freedom. London, 1920, p. 19.

² Ibid., p. 20.

захватнические мероприятия японских агрессоров в Китае и Корее, надеясь в дальнейшем извлечь для себя экономические выгоды в районах японского влияния.

В 1876 г. японские агрессоры, спровоцировав ряд инцидентов в Корее, силой оружия навязали ей первый неравноправный «договор о мире и дружбе». Япония цинично признала Корею «независимым государством». Тем самым японские агрессоры сделали первый шаг к ликвидации вассальных отношений Кореи к Китаю и подготовили почву для установления своего господства над корейским народом. Заключением Канхваского договора 1876 г. японские колонизаторы покончили с политикой затворничества, которую проводила Корея в течение многих десятилетий, и добились права торговать с Кореей, используя открытые порты. Для японцев в Корее устанавливалось право экстерриториальности.

Японские агрессоры поспешили воспользоваться этими привилегиями и провели ряд мероприятий, направленных к политическому подчинению Кореи. Опираясь на клику предателей внутри Кореи, они вмешивались во внутренние дела страны и стремились подчинить себе корейскую армию.

Вслед за Японией открытия портов и заключения договора с Кореей потребовали США. Правительство Соединенных Штатов направило в Корею коммодора Шуфельда, в течение нескольких лет добивавшегося заключения неравноправного договора, установления дипломатических и торговых сношений.

Преодолев ряд серьезных затруднений, Шуфельд добился (в 1882 г.) подписания договора с Кореей. По этому договору три корейских порта, уже открытых для японцев, были открыты и для американской торговли. Договор предусматривал обмен посланниками, установление консульской юрисдикции и экстерриториальности, предоставление американцам права наибольшего благоприятствования.

Для прикрытия кабального характера договора в него была включена особая статья (1-я), которая гласила: «Если какое-либо третье государство будет действовать несправедливо или применит насилие к какой-либо из двух договаривающихся сторон, то другая договаривающаяся сторона, будучи об этом поставлена в известность, окажет добрые услуги с целью мирного урегулирования, проявив тем самым свое дружеское отношение»³.

Все попытки представителей Китая добиться признания США зависимости Кореи от Китая не увенчались успехом. Шуфельд категорически отказался включить в договор 1882 г. пункт

³ Текст договора см. H. Chung. The Oriental Policy of the United States. New York, 1919, p. 229—241; M. F. Nelson. Korea and the Old Orders in Eastern Asia. Louisiana, 1946. p. 141.

о вассальной зависимости Кореи от Китая. США настаивали на признании независимости Кореи, считая, что это облегчит американским монополистам экономическое и политическое проникновение в страну.

Настаивая на признании независимости Кореи, Шуфельд все же дал согласие на то, чтобы король Кореи отправил президенту США письмо, в котором отмечалось вассальное положение Кореи. В письме, между прочим, говорилось: «... Корея является страной, зависимой от Китая, однако управление ее внутренними и внешними делами всегда находилось в руках короля.

В настоящее время, когда правительства США и Кореи намерены заключить договор, переговоры между этими странами будут вестись на основе равенства и взаимного уважения, и король Кореи заверяет, что все статьи договора будут утверждены и проведены в жизнь согласно законам независимого государства»⁴.

Американо-корейский договор был заключен при прямом содействии маньчжурской династии, заинтересованной в ослаблении японского влияния в Корее. Договор предоставлял американским дельцам большие возможности эксплуатации природных богатств и народа Кореи. Он стал примером для других колониальных держав.

В ноябре 1883 г. Англия добилась подписания неравноправного договора с Кореей. Вслед за Англией договоры были заключены правительством Кореи с Германией, Италией, Россией, Францией, Австро-Венгрией и другими державами. Политика «закрытых дверей» для Кореи закончилась. «Открытие» страны для иностранной торговли превратило ее в объект захватнических устремлений колониальных держав, каждая из которых добивалась установления своего экономического и политического господства.

12 мая 1883 г. первый американский посланник Фут прибыл в Чемульпо, откуда отправился в Сеул. Вслед за ним в Корею прибыли американские советники и миссионеры, прикрывавшие «политику грабежа» распространением христианства»⁵. США, так же как и Япония, стремились подрвать влияние Китая в Корее. Они лицемерно выступали за «независимость» Кореи от Китая, стремясь облегчить своим монополистам реализацию планов экономического закабаления корейского народа. Этой же цели служила и статья 1-я договора 1882 г. Представители США добились заключения ряда контрактов на каботажное пароходство, добычу жемчуга, рубку леса на некоторых островах у берегов Кореи, на сооружение дворцовой электростанции и порохового завода. В 90-х годах американские дельцы организовали

⁴ М. F. Nelson. *Op. cit.*, p. 145.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 379.

специальную компанию для эксплуатации богатств Кореи под названием «Компания по развитию Кореи» (Corean Development Company) и получили концессию на добычу золота и других минералов в районе Унсан сроком на 25 лет. Уже в конце XIX в. американцы прибрали к рукам ряд рудников и золотых приисков и развернули значительную деятельность по их эксплуатации.

Почти одновременно американские дельцы проявили исключительный интерес к железнодорожному строительству в Корее. Еще в 1894 г. американский капиталист Джеймс Морз, прибегая к методам давления на корейские власти, домогался строительства сети железных дорог по всей стране. И только внутренние трудности, возникшие в Корее в связи с крестьянским восстанием, и начавшаяся японо-китайская война сделали невозможным реализацию плана Морза. В 1896 г. Морз добился концессии на строительство железной дороги Сеул — Инчхон, на которую претендовала Япония. За этим последовал захват концессий на сооружение трамвайных линий, электросети и канализации в Сеуле. Американцы также организовали регулярные паромные рейсы с Кореей. Добиваясь влияния на корейскую армию, они навязали соглашения (1887 г.) о приглашении в корейскую армию американских инструкторов⁶.

Огромную помощь американским дельцам в захвате выгодных и доходных объектов эксплуатации в Корее, в навязывании корейскому правительству кабальных займов оказывали миссионеры. Первые американские миссионеры прибыли в Корею еще в начале 80-х годов XIX в. Среди них был и Горас Аллен, врач по профессии. Он провел в Корее свыше 23 лет, сначала как врач-миссионер, а затем в качестве посланника США, добившегося доверия королевского двора и оказавшего неоценимые услуги американским монополистам в их экономической и политической деятельности в Корее.

Миссионеры развернули в Корее разнообразную идеологическую экспансию. Они занялись обращением корейцев в христианскую веру; больше всего внимания они уделяли «воспитанию» подрастающего поколения. Для этого открывались не только церкви, храмы и другие религиозные учреждения, но и специальные школы и колледжи. Воспитание велось в проамериканском духе, пропагандировались идеи о «цивилизаторской» миссии американцев в Корее. Еще в начале 90-х годов было создано общество по распространению религиозной литературы среди местного населения. Евангелие и другие религиозные книги, переведенные на корейский язык, широко распространялись среди населения.

⁶ Foreign Relations, 1887—1888, p. 437; Г. Д. Тягай. Крестьянское восстание в Корее 1893—1895. М., 1953, стр. 65.

Религиозная пропаганда сочеталась с «благотворительной» деятельностью, направленной на то, чтобы завоевать доверие местного населения.

Американское правительство и финансовые монополии субсидировали деятельность миссионеров, расчищавших путь для экономической экспансии. При этом миссионеры и другие представители США вели откровенно антикитайскую пропаганду, считая, что политика Китая в Корее является тормозом для развития американской экспансии. В то же время, не имея достаточной военной силы для подчинения Кореи своей власти, США и их агентура в Корее проводили политику поддержки Японии, рассчитывая использовать ее против домогательств России как в Корее, так и в Северо-Восточном Китае.

Японский и российский империализм и Корея

Проникновение иностранного капитала в Корею привело к соперничеству и ожесточенной борьбе держав за экономическое и политическое господство в стране. Особенно острая борьба развернулась между Китаем, Японией и Россией. Япония еще до войны с Китаем, используя благожелательное отношение Англии и США, проводила активную политику экономического и политического подчинения Кореи. Своими основными конкурентами в борьбе за господство в Корее японские империалисты считали Китай и Россию. В конце XIX в. на очереди дня для японских колонизаторов встал вопрос о необходимости покончить с влиянием Китая в Корее. Одновременно правящие круги Японии разработали десятилетнюю программу подготовки реваншистской войны против царской России.

Империалисты Японии считали Корею наиболее близким и удобным рынком сбыта, источником сырья и сферой приложения капиталов. В то же время Корея привлекала их как исключительно важная военно-стратегическая база для борьбы против Китая и России. Не удивительно поэтому, что уже в конце XIX в. японские империалисты начали ожесточенную борьбу, чтобы покончить с экономическим и политическим влиянием России в Корее. В результате планомерной экспансии японским монополистам удалось захватить контроль над основными областями корейской экономики. Корея была превращена в рынок сбыта для японских товаров и в источник вывоза сельскохозяйственного сырья. Причем японские эксплуататоры, применяя методы экономического принуждения и разнообразные формы ростовщичества, по существу отбирали за бесценок у корейских производителей сельскохозяйственные продукты, в том числе и продукты питания.

Японские колонизаторы, стремясь полностью вытеснить Китай из Кореи и подчинить ее своей власти, посылали в страну

агентов и вооруженные силы. Опираясь на реакционные феодальные круги, заинтересованные в подавлении освободительного движения, японская военщина активно участвовала в ликвидации крестьянского восстания. Еще накануне войны с Китаем японские колонизаторы (июнь 1894 г.) захватили Сеул, заняли королевский дворец и «организовали» марионеточное правительство. Новое правительство вынуждено было подписать с японцами соглашение об изгнании китайских войск из Кореи, о снабжении японских войск продовольствием и о создании условий для беспрепятственного продвижения их по стране⁷.

О цинизме японских захватчиков можно судить по статье 1-й этого договора. В ней говорилось: «Настоящий договор о союзе имеет своей целью изгнание китайских войск из Кореи, укрепление независимости Кореи и обеспечение интересов обоих государств»⁸.

Как политические деятели Китая, так и король Кореи, наивно считавший, что США являются «защитником и старшим братом» Кореи, неоднократно обращались к Соединенным Штатам с просьбой о вмешательстве для ликвидации надвигающегося конфликта. Король Кореи также просил правительство США помочь ему добиться вывода из страны китайских и японских войск.

Америка неизменно отвечала отказом. В ответе государственного департамента Корее от 23 июня 1894 г. говорилось, что США могут оказать влияние на Японию только путем дружеского воздействия и ни в коем случае не будут действовать объединенно с другими державами⁹.

США также отвергли предложение Великобритании о совместном вмешательстве в дела Кореи с целью предотвращения войны между Китаем и Японией.

Таким образом, правительство США, несмотря на договорные обязательства перед Китаем и Кореей, выступало пособником японских империалистов. «Американское правительство, — пишет историк США Деннетт, — не имело никаких возражений против установления японского владычества на этом полуострове»¹⁰. В своем стремлении расширить экономическую экспансию не только в Корее, но и в Китае, США все больше и больше опирались на военную силу Японии. Считая Японию экономически слабой, США надеялись в дальнейшем использовать плоды колонизаторской политики японских империалистов в интересах своих монополистов.

⁷ См. «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа». М., 1953, стр. 125—126.

⁸ «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа», стр. 126; Korea: Treaties and Agreements. Washington, 1921, p. 10—11.

⁹ P. J. Treat. Japan and the United States, 1853—1921. California, 1928, p. 552.

¹⁰ T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 97.

Нейтралитет США во время японо-китайской войны оказался весьма благожелательным для Японии. Фактически он служил ширмой для проведения политики пособничества захватническим планам японских империалистов.

Развязывая войну против Китая, японские империалисты преследовали широкие планы. В журнале «Найинтинз сенчури энд афтер» (март 1904 г.) появилась статья Поунелла, в которой излагались планы японских милитаристов. Автор писал: «... Что контроль над Китаем... был издавна целью японцев, доказывается существованием детально разработанной карты, охватывающей весь район Кореи, Маньчжурии и берега Печилийского залива, с отметкой всех дорог, контуров холмов и всех деталей, карты, которая явилась результатом тайных съемочных работ самой пытливой расы земного шара за много лет до того, как эта карта была использована японским штабом в войне 1895 г.»¹¹

Японо-китайская война закончилась поражением Китая. Под флагом борьбы за «независимость» Кореи Япония добилась уничтожения ее зависимости от маньчжурской династии.

Победа Японии в войне с Китаем означала наступление нового этапа ее колониальной политики на материке. Началась лихорадочная подготовка к реваншистской войне против России. Как и до японо-китайской войны, в проведении своих захватнических планов милитаристы Японии располагали помощью США и Англии, заинтересованных в ослаблении России на Дальнем Востоке. Уже в эти годы наиболее оголтелые японские колонизаторы начали пропагандировать расистскую доктрину «Азия для азиатов»; под флагом борьбы за полное вытеснение европейских колонизаторов из азиатских стран японские милитаристы мечтали об установлении в них своего монопольного господства.

Корея превращалась милитаристами Японии в важный военно-стратегический плацдарм для проведения широких экспансионистских планов. Японские оккупационные войска продолжали оставаться в стратегических пунктах страны. Правительство Кореи было реорганизовано в угоду оккупантам. Корейская армия фактически руководилась японскими офицерами. Антияпонские выступления подавлялись самым жестоким образом. В начале октября 1895 г. японские солдаты захватили королевский дворец и убили королеву Мин. Запуганный король Кореи стал пленником и бесправной марионеткой японских милитаристов.

Усиленно продолжалась японская экономическая экспансия в Корею. К концу XIX в. Япония фактически добилась монополии во внешней торговле Кореи. Свыше 15 тыс. японских торговцев, наводнивших Корею, создавали различного рода спеку-

¹¹ Цит. по: T. D e n n e t t. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 147.

лятивные учреждения. Японские банки захватывали господствующее положение в банковских операциях страны. Японцы прибирали к рукам железные дороги Кореи и другие средства связи.

Короче говоря, японские милитаристы настойчиво проводили курс на колонизацию Кореи. При этом они опирались на поддержку американской и английской буржуазии, продолжавших свою политику хищнической эксплуатации богатств Кореи.

На пути к распространению своей политической программы экспансии на материке Япония сталкивалась с другими империалистическими державами — Англией, Францией, Германией, Россией и США. Однако главным врагом японские империалисты считали Россию, которой они приписывали инициативу в организации «дружеского» демарша трех держав, потребовавших от Японии изменения условий мирного договора и лишивших ее плодов одержанной над Китаем победы.

Россия противодействовала превращению Кореи в японский военно-стратегический плацдарм. Усиление Японии в Корее и активизация ее политики на континенте создавали непосредственную угрозу дальневосточным границам России. Принимаемые меры для укрепления русских позиций на Тихом океане затрудняли осуществление агрессивных планов. В первую очередь это касалось Японии, за спиной которой стояли империалисты Англии и США.

В самой Корее японские милитаристы встретили серьезную оппозицию народных масс. Антияпонское партизанское движение распространилось на многие районы страны. 11 февраля 1896 г. политической группировке, искавшей сближения с Россией, удалось организовать бегство короля из дворца в русскую миссию. Обосновавшись в русской миссии, король распустил прояпонское марионеточное правительство и организовал новый кабинет из прорусски настроенных янбаней.

В Сеуле вспыхнуло восстание. Восставшие нападали на японских ставленников, гневно расправляясь с ними. Японские воинские части не могли сдерживать стихийный напор народных мстителей. Японские сановники и их пособники вынуждены были бежать из Сеула.

Царская Россия использовала ситуацию для усиления своих позиций в экономике Кореи. В конце августа 1896 г. русским купцом Ю. Н. Бриннером был заключен контракт на лесозаготовки в районе Ялуцзян¹². В том же году русский подданный получил концессию на разработку золотых россыпей в провинции Хамген-Намдо, а граф Кайзерлинг основал китобойную станцию у восточного побережья Кореи.

¹² Текст контракта см. А. И. Гиппиус. О причинах нашей войны с Японией, стр. 52—55.

В создавшейся обстановке, приведшей к временному подрыву политического влияния Японии в Корее, японские захватчики решили вступить на путь дипломатических переговоров и соглашений с Россией. 14 мая 1896 г. Россия и Япония подписали соглашение (Вебер—Комура), по которому за Россией признавались определенные права в Корее как в военной, так и в политической области. Японии разрешалось «содержать не более 200 жандармов для охраны телеграфной линии, разбросанных мелкими отрядами по всему ее протяжению, и не более 800 солдат для охраны японских поселений в Фузане, Гензане и Сеуле»¹³.

9 июня последовало подписание дополнительного соглашения (Лобанов—Ямагата). Маршал Ямагата, командированный для переговоров в Россию, предлагал заключить соглашение о разделе Кореи между Россией и Японией, причем Япония соглашалась уступить России большую часть территории Кореи с портами на западном и восточном ее берегах, сохраняя за собой лишь южную оконечность полуострова со столицей Сеулом. Лобанов отклонил предложение Ямагата, ибо в Симоносэцкский договор по настоянию России был включен пункт о независимости Кореи. Кроме того, царизм не хотел связывать свою свободу действий в будущем.

По подписанному в Москве соглашению России и Японии формально гарантировались равные права в Корее. Договор предусматривал, в частности, совместное русско-японское содействие Корее в случае необходимости прибегнуть к иностранным займам. Корея могла сформировать и содержать вооруженные силы и полицию без иностранной помощи¹⁴.

25 апреля 1898 г. между Россией и Японией было подписано новое соглашение (Циси—Розен), по которому оба государства окончательно признавали суверенные права и независимость Кореи, обязались воздержаться от вмешательства во внутренние дела страны. Японское правительство обязалось не вмешиваться впредь во внутренние дела Кореи и не предпринимать, без предварительного согласия России, никаких действий в пределах Корейского полуострова даже и в том случае, если бы сеульское правительство обратилось к нему с просьбой о какой-либо помощи или советах.

Со своей стороны Россия, признавая неоспоримый факт нынешнего состояния торговли и пребывания значительного числа японцев в Корее, «дружески» согласилась не противиться коммерческим сношениям Японии с этой страной¹⁵.

¹³ Б. А. Романов. Россия в Маньчжурии, стр. 142.

¹⁴ См. Э. Д. Гримм. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927, стр. 106.

¹⁵ См. Б. А. Романов. Очерки..., стр. 440—441.

Соглашение 1898 г. японские милитаристы широко использовали в дальнейшем для развития своих экспансионистских планов. Несмотря на ненависть народных масс Кореи к японцам, последние, используя выгодное географическое положение, прояпонские элементы в Корее и обширную японскую колонию, продолжали настойчиво захватывать экономические позиции в стране. Японцы господствовали во внешней торговле Кореи. Они заняли «первое место по ввозу в Корею бумажной пряжи, хлопчатобумажных тканей, бумаги, спичек, фарфора, шелка, полосового и кровельного железа, меди в слитках»¹⁶. Они захватили ряд концессий на разработку недр; настойчиво занимались строительством железных дорог в целях усиления своих военно-стратегических и экономических позиций. Продолжалась активная колонизация: к 1901 г. в Корее проживало 30 тыс. японцев, а накануне русско-японской войны — свыше 50 тыс. Причем, как доносили американские представители, японцы не считались с договорными постановлениями, ограничивавшими их проживание в открытых портах, и проникали в глубь страны.

Во всех этих мероприятиях японские империалисты пользовались поддержкой Англии. Английский и японский посланники в Сеуле действовали в полном контакте, когда речь шла о подрыве влияния России. Они выступали против замены англичанина Броуна Алексеевым на посту финансового советника Кореи. Аллен, наблюдая действия посланников, еще в 1899 г. сообщал о существовании между Японией и Англией «по крайней мере локального союза в Корее»¹⁷. Аллен не сочувствовал официальной политике государственного департамента США, поддерживавшего Японию в противовес России. Он считал, что японские милитаристы и их экспансионистские планы являются главной опасностью для американских монополистов. Исходя из этой своей концепции, он выступал за поддержку США России в Маньчжурии и Корее с целью ограничить захватнические аппетиты японских милитаристов.

Вопрос о нейтрализации Кореи

События, развернувшиеся в Китае в 1900 г., и совместные действия держав против движения «И хэ туань» несколько задержали осуществление японскими милитаристами своих планов в Корее. И все же, даже в самый разгар событий в Китае, бывший японский посланник Комура считал необходимым пересмотреть русско-японские соглашения о Корее. Еще более определенно в том же духе высказался в августе 1900 г. япон-

¹⁶ Г. Д. Тягай. Очерк истории Кореи во второй половине XIX в. М., 1960, стр. 148.

¹⁷ F. H. Harrington. Gold Mammon and the Japanese. Madison, 1944, p. 306.

ский министр иностранных дел Аоки. В официальной японской прессе также ставился вопрос о необходимости в связи с усилением России в Маньчжурии добиться дальнейшего расширения и укрепления позиций Японии в Корее. Движение в пользу активной политики в Корее должно было, по мнению политических деятелей и официальной прессы, привести к полной свободе действий Японии в Корее.

В 1900—1901 гг. русско-японские отношения обострились в связи с сепаратной политикой России по вопросу о Маньчжурии. Хотя Россия и принимала меры противодействия усилению Японии в Корее, в правительственных кругах все время наблюдалось беспокойство. Японцы продолжали захватывать стратегические позиции в Корее. Более воинственная печать Японии, указывая на продвижение русских в Маньчжурии, решительно требовала занятия Японией всей Кореи, если необходимо, — даже прибегая к военным действиям. В правительственных кругах России возникла идея о нейтрализации Кореи, чтобы развязать себе руки для действий в Маньчжурии¹⁸.

В эти тяжелые для Кореи дни Аллен, с сочувствием относясь к борьбе корейского народа за независимость, которая, по его мнению, обеспечивала лучшие возможности для интересов США, заверил корейского короля в том, что Соединенные Штаты и другие державы не допустят покорения Кореи одним каким-либо государством. В письме к государственному секретарю Хэю от 31 августа 1900 г. Аллен писал о своей беседе с королем следующее: «Я напомнил ему о содержащемся в этих договорах (1882 и 1887 гг. — Л. З.) обещании оказать Корею помощь в тяжелое для нее время путем добрых услуг и напомнил ему случай, когда в 1894 г. во время японо-китайской войны его просьба об оказании помощи не была напрасной и секретарь Грешэм немедленно послал очень резкую телеграмму японскому правительству, что, как я уверен, имело непосредственное отношение к тому, что Япония взяла твердый курс на признание и установление независимости Кореи»¹⁹.

Однако в Вашингтоне, вопреки заверениям Аллена, постарались «забыть» основные пункты договора 1882 г. В 1900 г. под воздействием русской дипломатии корейское правительство подняло вопрос о нейтрализации страны. Представитель Кореи в Токио обратился к американскому посланнику с просьбой, чтобы США взяли на себя инициативу добиваться от держав обязательства совместной гарантии независимости Кореи. Однако Вашингтон не откликнулся на просьбу Кореи. Япония же считала необходимым отложить обсуждение корейского вопроса до стабилизации положения в Маньчжурии.

¹⁸ См. Б. А. Романов. Россия в Маньчжурии, стр. 293—294.

¹⁹ M. F. Nelson. Op. cit., p. 251.

Во время переговоров Ито с Ламсдорфом в Петербурге (с 11 по 21 ноября 1901 г. по ст. ст.) вновь встал вопрос о Корее. Японские политические деятели рассматривали корейский и маньчжурский вопросы как взаимосвязанные. Маньчжурская проблема превратилась в международную, и японские дипломаты могли более решительно, опираясь на содействие Англии и США, ставить вопрос не только о Маньчжурии, но и о Корее. Не удивительно поэтому, что Ито в переговорах с Ламсдорфом заявил, что Япония желала бы «устранить в корейских делах влияние всякой другой иностранной державы» и располагать неоспоримым правом «давать советы корейскому правительству и помогать ему . . . даже военной силой в случае беспорядков в стране или столкновений с другими державами»²⁰.

Ито также ставил вопрос о льготных тарифах для Японии в Маньчжурии. По просьбе Ламсдорфа он представил в письменном виде японские условия. Среди них главным было требование признания Россией свободы действий Японии в Корее в отношениях политических, промышленных и коммерческих и исключительного права помогать Корее советами и содействием при выполнении ею обязанностей, включая и помощь военную, поскольку таковая может оказаться необходимой для подавления восстания и всякого рода беспорядков, могущих нарушить мирные отношения между Японией и Кореей²¹.

Ито уехал из Петербурга, не дождавшись контрпредложений Ламсдорфа. Он получил их в Берлине²². Хотя Россия шла на большие уступки в признании особых прав Японии в Корее, она отвергла ее требование об «исключительных правах», настаивая в то же время на признании Японией преимущественных прав России в областях Китайской империи, соприкасающихся с русской границей²³. Ито считал русские контрпредложения неприемлемыми и отказался предложить их японскому правительству в качестве базы для будущих переговоров.

Переговоры Ламсдорфа с Ито не привели ни к какому определенному результату. Они возобновились официально только осенью 1902 г., когда японское правительство через своего посланника в Петербурге сделало русскому правительству новые, более отвечающие интересам Японии предложения по корейским делам. За это время соотношение сил на Дальнем Востоке изменилось в пользу Японии. Заключение англо-японского союза и поддержка его правительством США по существу означали создание тройственного антирусского альянса. Опираясь на союз с Англией и на помощь США, Япония активизировала свою под-

²⁰ Б. А. Романов. Россия в Маньчжурии, стр. 333.

²¹ См. Б. Б. Глинский. Пролог русско-японской войны, стр. 188.

²² См. Б. А. Романов. Россия в Маньчжурии, стр. 335—336.

²³ См. там же, стр. 336.

готовку к войне с Россией. Агрессивность японских милитаристов угрожала не только России, которая не была подготовлена к войне, но и Корее и Китаю.

Судьба Кореи по существу была предрешена, так как США и Англия предоставили Японии полную свободу действий в отношении корейского народа. Вновь возник план об объявлении Кореи нейтральным государством, независимость которого гарантировалась бы США и западноевропейскими державами²⁴. По этому вопросу посланник США в Японии сообщал в государственный департамент: «Извольский заявил мне, что он крайне желал бы, чтобы США, Россия и Япония совместными усилиями добились этого и таким образом уничтожили бы повод к раздражению и спорам, которые, по его мнению, рано или поздно, приведут к конфликту между Россией и Японией, который может вспыхнуть в любой момент, если не будет взят этот курс и совместная акция этих держав, как он сказал, не получит поддержки Великобритании и Франции, а возможно, и Германии»²⁵.

Согласно последующему донесению американского посланника, Комура категорически отказался поддержать предложение о нейтрализации Кореи. «Барон Комура, — доносил посланник, — заявил, что Япония присоединилась бы к этому предложению, если бы в Маньчжурии сохранились условия, существовавшие там до русской оккупации. . . ; иначе Россия, продолжая свою линию, поглотила бы Маньчжурию, а затем, невзирая на свои обязательства, под каким-нибудь предлогом, уловив удобный момент, попыталась бы захватить Корею, и это привело бы к борьбе за власть над полуостровом, причем даже Япония по мере своих сил противостояла бы ей»²⁶.

Корея накануне русско-японской войны

Усиление в правительственных кругах России открыто шовинистических элементов во главе с «диким помещиком»²⁷ Безобразовым, заинтересованных в колониальном грабеже, привело к резкому ухудшению отношений с Японией, США и Англией. В противоположность этим «истинно русским» крепостническим элементам более умеренные политические деятели во главе с Витте, трезво учитывавшие соотношение сил на Дальнем Востоке и неподготовленность России к войне, стояли на точке зрения отказа от Кореи и некоторых уступок в Маньчжурии. После поездки в Маньчжурию Витте, как в отчете, так и

²⁴ ЦГА ВМФ, ф. 32, д. 57, л. 69; P. J. Treat. *Diplomatic Relations between the United States and Japan, 1895—1905*, p. 164—166.

²⁵ *Ibid.*, p. 164.

²⁶ P. J. Treat. *Diplomatic Relations...* p. 165—166; A. L. P. Dennis. *Adventures in American Diplomacy 1896—1906*, p. 415.

²⁷ Характеристика М. Н. Покровского.

в письме Ламсдорфу, определенно высказался за скорейшее заключение с Японией соглашения по корейским делам. Придавая при существовавших обстоятельствах исключительное значение мирным отношениям с Японией и считая, что «вооруженная борьба с Японией в ближайшие годы» была бы для России «большим бедствием», Витте писал: «Лично для меня нет сомнения, что из двух зол — вооруженного столкновения с Японией и полной уступки Корее — последнее наименьшее. Нельзя забывать, что война с Японией будет не только тяжела сама по себе, но и поставит нас в трудное положение в отношении других держав»²⁸.

Эту позицию Витте продолжал отстаивать на всех совещаниях и в течение 1903 г., вплоть до освобождения от занимаемого им поста. Укрепившаяся у власти безобразовская клика развернула авантюристическую деятельность на Дальнем Востоке, причем особое внимание она обратила на Корею. Здесь, опираясь на лесную концессию русского купца Бришпера, полученную им еще в 1896 г. и передававшуюся и продававшуюся из рук в руки, авантюристические элементы и решили развернуть свои грабительские мероприятия по эксплуатации естественных богатств. В состав созданного ими «Русского лесопромышленного товарищества» для эксплуатации лесных богатств в огромной области от устья Ялу до устья р. Тумень вошли представители дома Романовых, в том числе и Николай II, Безобразов, Абаза и многие другие. Товарищество, осуществляя авантюристические замыслы своих руководителей, не только развернуло спекулятивные мероприятия в Корее, но и разработало план создания вдоль р. Ялуцзян заслона от движения японцев из Северной Кореи.

Деятельность лесной концессии на Ялуцзяне вызвала недовольство в Японии. Русский посланник доносил из Сеула: «Появление несколько времени тому назад на корейском берегу Ялу разведочной партии наших лесопромышленников вызвало здесь самые фантастические слухи о намерениях России, сильно встревожившие японцев»²⁹.

В Японии все более и более утверждалось мнение, что русская лесная концессия на Ялу «носит далеко не частный характер, а что за концессионерами стоит русское правительство»³⁰.

Вновь прибывший в Токио в апреле 1903 г. русский посланник барон Розеп в своих донесениях сообщал, что в Японии осведомлены о положении дел на корейской границе и о значении лесопромышленной концессии. Он считал, что она наносит вред русско-японским отношениям, ибо в правительственных кругах

²⁸ Б. Б. Глинский. Указ. соч., стр. 245 (Письмо Витте — Ламсдорфу. 28 ноября 1902 г.).

²⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1903 г., д. 94, л. 84 (Телеграмма из Сеула. 12 марта 1903 г.).

³⁰ Б. Б. Глинский. Указ. соч., стр. 280.

Японии деятельность концессии рассматривается как проявление притязаний России на Корейский полуостров.

Японское правительство сообщало все полученные им сведения относительно Ялуцзяна правительствам Англии и США, сделавшим ряд запросов министру иностранных дел Ламсдорфу. «Новый курс» на Ялуцзяне привел к напряженным отношениям не только с Японией, но и с США, и с Англией. Япония, Англия и США потребовали открытия новых портов для иностранной торговли, в том числе на Ялуцзяне³¹. Японское правительство энергично протестовало против действий «Русского лесопромышленного товарищества» на Ялу, особенно приобретения земельного участка. Оно заявляло, что «названное товарищество есть русское правительственное учреждение, что допущение его деятельности вполне обуславливает право прочих держав требовать одинаковых преимуществ и приведет к окончательной утрате Кореи независимости». Правительство Японии требовало «немедленного уничтожения заключенного уже корейцами с товариществом соглашения об отводе участка, угрожая в противном случае порвать дружеские отношения и насильно захватить соответствующие земельные участки»³².

Политика царизма в Маньчжурии вызвала серьезные осложнения с Японией, США и Англией. Ялуцзянская концессия, требование Россией концессии в Корее на постройку железной дороги Сеул—Сингисю (Инчжоу) и на эксплуатацию горнорудных богатств и т. д. не могли не повлиять на ход переговоров между царской Россией и Японией. В инструкции от 28 июля 1903 г., посланной японским министром иностранных дел посланнику в Петербурге Курино, совершенно определенно выражалось сомнение относительно домогательств России. В ней говорилось: «Занятие Маньчжурии Россией создало бы положение дел, вредное для безопасности и интересов Японии... Но еще более серьезным является для японского правительства то обстоятельство, что Россия, утвердившись на фланге Кореи, явилась бы постоянной угрозой независимому существованию этой империи и, во всяком случае, стала бы преобладающею в Корее силою. Корея есть важный передовой пост линии обороны Японии, и, вследствие этого, Япония считает независимость Кореи безусловно необходимой для своего спокойствия и безопасности. Япония имеет чрезвычайные политические, а равно торговые и промышленные интересы и влияние в Корее, каковые, по соображениям собственной своей безопасности, она не может согласиться уступить или поделить с какой-либо другой державой»³³.

³¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1903 г., д. 94, лл. 133—134, 145, 248—249.

³² АВПР, ф. Канцелярия, 1903 г., д. 94, лл. 205—206 (Телеграмма из Сеула, 5 августа 1903 г.).

³³ А. И. Гиппиус. Указ. соч., стр. 169—170.

Во время переговоров Япония наряду с Кореей отводила решающее место Маньчжурии. Характерно, что в своих предложениях в августе 1903 г., по-видимому, согласованных с Англией и США, Япония соглашалась признать только «специальные» интересы России в железнодорожных предприятиях Маньчжурии, в то же время настаивая на признании Россией исключительных прав Японии в Корее во всех отношениях, включая и необходимую военную помощь.

Переговоры между Россией и Японией затянулись на многие месяцы. Япония знала о неподготовленности России к войне. Заручившись поддержкой Англии и США, она заняла решительную и непримиримую позицию по отношению к России. Во время переговоров в Японии проводились последние приготовления к войне. Никакие уступки царизма в последние дни переговоров уже не могли помочь. В ноте, переданной японским посланником Курино Камедорфу 5 февраля 1904 г., японское правительство вновь заявило, что оно считает «независимость и территориальную неприкосновенность Корейской империи существенными для своего собственного спокойствия и безопасности». И далее в ноте говорилось: «Последовательные отвержения императорским российским правительством предложений Японии касательно Кореи, принятие конх императорское правительство считало необходимым как для обеспечения независимости и территориальной неприкосновенности Корейской империи, так и для охраны преобладающих интересов Японии на полуострове, в связи с последовательными отказами императорского российского правительства войти в обязательства уважать территориальную неприкосновенность Китая в Маньчжурии, серьезно угрожаемую постоянным занятием этой провинции, несмотря на договорные к Китаю обязательства российского правительства и его неоднократные заверения другим державам, имеющим интересы в этих областях,—вызывали для императорского правительства необходимость серьезно обдумать меры самообороны, какие оно должно принять»³⁴.

Дипломатические переговоры были прерваны. 8 февраля Япония начала войну.

Антикорейская позиция Теодора Рузвельта

Еще осенью 1903 г. Аллен, занимавший последовательную антияпонскую позицию в корейских делах, совершил специальную поездку в США, надеясь убедить президента Рузвельта в необходимости отказаться от прояпонской позиции на Дальнем Востоке. В беседе с Рузвельтом он доказывал, что «политика правительства превратила США в орудие Англии и Японии.

³⁴ А. И. Гиппиус. Указ. соч., стр. 225—227.

Создается впечатление, что Америка «таскает каштаны из огня» для этих двух империй». Если Рузвельт будет продолжать эту линию, это приведет к тому, что Япония станет рассчитывать на помощь США и займет более воинственную позицию в отношении России. В таком случае США окажутся «вынуждены вступить в той или другой степени в союз с Англией и Японией»³⁵.

В доказательство этой идеи Аллен ссылался на высказывание Хаяси, заявившего в Сеуле, что «США и Англия — друзья и обе страны являются большими друзьями Японии и что положение США таково, как если бы они входили в англо-японский союз»³⁶.

Наивно было ожидать, чтобы Рузвельт, часто игнорировавший при проведении своей экспансионистской политики мнение палаты и сената, мог прислушиваться к доводам Аллена. Он категорически отверг все аргументы Аллена. Дальневосточная политика Рузвельта с самого начала была направлена против России. Поддержка англо-японского союза означала проведение прояпонской политики, а это неизбежно приводило и к оказанию помощи Японии в ее стремлении окончательно покорить Корею. Еще задолго до русско-японской войны Рузвельт в письмах к германскому послу Штернбургу откровенно высказывался за оккупацию Кореи Японией³⁷. Кассини сообщал Ламсдорфу: «Мне удалось ознакомиться с содержанием весьма конфиденциального письма, написанного недавно президентом Рузвельтом одному из своих близких друзей...»³⁸. По мнению Рузвельта, Япония должна завладеть Кореей, дабы составить противовес русскому распространению в Маньчжурии. 23 апреля 1903 г. Кассини вновь сообщал: «Личный взгляд президента Рузвельта на отношения Японии к Корее, подлежащей, по его мнению, достаться Японии для установления политического равновесия между нами и означенной державой (Японией. — *Ред.*) на Дальнем Востоке... Усиление наше в Маньчжурии потребовало бы, с точки зрения Соединенных Штатов, соответствующего усиления преобладания Японии в Корее»³⁹.

Прав советский историк А. Добров, когда он пишет: «Судьба Кореи в планах американского империализма была, таким образом, предрешена задолго до русско-японской войны. Именно с этой точки зрения и нужно рассматривать всю политику амери-

³⁵ F. H. Harrington. *Op. cit.*, p. 315.

³⁶ *Ibid.*, p. 316.

³⁷ Подробно об этом см. А. Ф. Добрынин. США и независимость Кореи (1904—1905 гг.). — «Известия АН СССР, серия истории и философии», т. IV, № 4, 1947, стр. 343—354.

³⁸ АВПР. ф. Канцелярия, 1902 г., д. 107, лл. 46—47 (Кассини — Ламсдорфу, 16 (29) января 1902 г.).

³⁹ АВПР. ф. Канцелярия, 1903 г., д. 113, лл. 144—145 (Кассини — Ламсдорфу, 23 апреля 1903 г.).

канского правительства по отношению к Корее и ее независимости в период русско-японской войны»⁴⁰.

Во время русско-японской войны Рузвельт еще более определенно выступал против независимости Кореи. В письме к Хэю от 28 января 1905 г. он писал: «Мы вряд ли сможем заступиться за корейцев против Японии. Они не могут нанести ни одного удара в свою собственную защиту»⁴¹. Несколько позже, 6 февраля, он писал статс-секретарю: «... Когда будет заключен мир, Япония должна будет установить протекторат над Кореей (которая доказала свою несостоятельность) и наследовать права России на Порт-Артур и прилегающие к нему территории; Маньчжурия же, я надеюсь, будет возвращена Китаю»⁴².

Грабительская политика японских агрессоров и позиция США

Как только началась война, Япония, пренебрегая провозглашенным Кореей нейтралитетом, наводнила страну своими военными силами и фактически оккупировала ее. В Сеуле японские войска захватили дворец корейского короля и, применяя угрозы и шантаж, 23 февраля 1904 г. навязали Корее кабальное соглашение⁴³, фактически заложившее основы японского протектората. Корея обязалась принимать советы Японии в деле улучшения административного управления; содействовать японскому правительству, в случае надобности, занять любые пункты в стране в военно-стратегических целях; не заключать соглашения с другими державами без согласия Японии. Эти и другие кабальные условия, превратившие Корею в военный плацдарм японской военщины, прикрывались демагогическими обязательствами Японии об обеспечении безопасности, спокойствия, независимости и территориальной неприкосновенности Кореи.

Сообщая другим державам о заключении нового соглашения с Кореей, японское правительство подчеркивало, что оно являлось необходимым «для облегчения военных операций... а также для предупреждения в будущем осложнений...»⁴⁴

Хозяйничанье японских империалистов в стране, бесчинства военщины, экспроприация колонизаторами лучших пахотных земель и другие беззакония, чинимые японцами, вызвали возмущение народных масс. В столице и в провинциях возникли патристические общества. Патриоты требовали отмены кабального

⁴⁰ А. Добров. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. М., 1952, стр. 167.

⁴¹ The Letters of Theodore Roosevelt, ed. by E. E. Morison, Vol. IV. Cambridge, 1951, p. 1112.

⁴² Ibid., p. 1116.

⁴³ Foreign Relations, 1904, p. 437; АВПР, ф. Канцелярия. 1904 г., д. 99, л. 352.

⁴⁴ Foreign Relations, 1904, p. 437.

корейско-японского протокола, изгнания японских колонизаторов из страны.

В этих тяжелых для Кореи условиях ее король все еще надеялся на помощь США. Аллен писал Хэю: «... Император с уверенностью ожидает, что Америка сделает для него кое-что после окончания войны или при других благоприятных обстоятельствах, чтобы помочь ему сохранить возможно большую независимость. Он склонен давать статье 1-й нашего договора очень свободное и благоприятное для себя толкование»⁴⁵.

Однако о помощи Кореи со стороны США не могло быть и речи. Политика Рузвельта была определенной: оказание максимальной помощи Японии в войне против России. А это в свою очередь означало принесение в жертву Кореи, превращенной японскими милитаристами в важнейшую военно-стратегическую базу. Вскоре государственный департамент США отозвал Аллена, ставшего «неудобным» для выполнения планов Рузвельта. Его место занял Эдвин Морган, призванный беспрекословно выполнять политическую линию президента Рузвельта, давно решившего «передать Корею Японии, чтобы закончить войну, подстрекателем которой был он сам»⁴⁶.

Аллен как миссионер и посланник оказал неоценимые услуги американским монополистам в приобретении концессий в Кореи. На определенном этапе своей деятельности он содействовал укреплению престижа США в Кореи. Однако его линия как сторонника экспансии США на Дальнем Востоке расходилась с официальной политикой Рузвельта. Несмотря на колебания, проявленные Алленом в конце дипломатической деятельности, он всегда считал, что главным врагом США на Дальнем Востоке является Япония. Он крайне сожалел, что проводившаяся США политика содействия японским милитаристам в Кореи привела к «уничтожению независимости такого древнего и славного народа»⁴⁷.

Между тем японские милитаристы продолжали самым беспощадным образом расправляться с национально-освободительным движением в Кореи. В течение лета 1904 г. корейское правительство вынуждено было подписать ряд соглашений, укрепивших позиции Японии. Одно из них относилось к концессиям и договорам с Россией. Корейский король подписал декрет об их аннулировании. Корея «согласилась» принять японского советника по финансовым делам, консультироваться с правительством Японии по всем внешнеполитическим сношениям. Американец Д. У. Стивенс, бывший в течение многих лет на службе в Япо-

⁴⁵ M. F. Nelson. Op. cit., p. 270 (Аллен — Хэю, 14 апреля 1904 г.).

⁴⁶ F. H. Harrington. Op. cit., p. 332—333 (Аллен — И Ха Юнгу, 30 ноября 1905 г.).

⁴⁷ F. H. Harrington. Op. cit., p. 333.

нии, стал советником Кореи по внешней политике. В других министерствах и правительственных учреждениях Кореи советниками стали японцы.

22 августа 1904 г. японские колонизаторы заставили корейское правительство подписать новое соглашение⁴⁸, откровенно зафиксировавшее «права» Японии на контроль финансово-экономической и внешнеполитической деятельности Кореи. Корейское правительство обязалось пригласить в качестве финансового советника японского подданного и решать все финансово-экономические вопросы «лишь после того, как будет получен его совет». В качестве дипломатического советника Корея должна была пригласить иностранца, рекомендованного японским правительством. Его совет являлся решающим по всем вопросам, касающимся сношений с другими государствами. Корея лишалась права самостоятельно, без одобрения японского правительства, заключать договоры и конвенции с иностранными державами.

Так был сделан еще один шаг по пути закабаления Кореи японским империализмом. В новом соглашении вопросы независимости и территориальной целостности Кореи даже не упоминались. Назначенный в качестве советника по финансовым делам представитель Японии Мегата вскоре провел ряд мероприятий, в том числе и реформу денежной системы, которые буквально привели к ограблению народных масс Кореи. Но зато они открывали неограниченные для японских торговцев и спекулянтов возможности быстрого обогащения. Экономические рычаги страны, в том числе и налоговые и таможенные дела, оказались в руках колонизаторов. Японцы захватили управление всеми средствами связи, присвоили себе право пользоваться корейскими гаванями и бухтами, провели ряд других «реформ», подготовивших все необходимые условия для превращения Кореи в японскую колонию.

Установив силой оружия господство в Корее, правительство Японии предприняло ряд дипломатических шагов, добиваясь согласия держав на окончательное установление японского протектората над Кореей. Больше всего Япония интересовалась позицией Англии и США.

Позиция США вполне определилась еще задолго до событий 22 августа 1904 г. Переписка Теодора Рузвельта в течение 1904 г. вновь подтвердила готовность США пожертвовать Кореей. В беседе с германским послом Штернбургом Рузвельт, излагая свои взгляды об условиях будущего мира на Дальнем Востоке, заявил, что «Корея могла бы принадлежать Японии; против этого США не будут возражать, если только Япония отнесется с уважением к единственному требованию США о признании амери-

⁴⁸ Foreign Relations, 1904, p. 438—439.

канских концессий»⁴⁹. В другой беседе со своим «интимным другом» фон Штерибургом в августе 1904 г. Рузвельт вновь высказал соображения по поводу будущего мира. «Корея,— заявил он,— останется под протекторатом Японии, который равносителен контролю. Державы должны гарантировать нейтрализацию Маньчжурии, которая будет находиться под контролем китайского вице-короля, назначаемого Германией или Англией»⁵⁰.

Переписка Рузвельта с Канеко и с Спринг-Райсом, приехавшим в Вашингтон по приглашению Рузвельта, показывала, что президент уделял немало времени дальневосточным проблемам. Оказывая помощь Японии, он все же считал, что японцы, укрепившись в результате войны, могут бросить вызов США. В письме к Спринг-Райсу от 13 июня 1904 г. он писал: «Японцы меня интересуют, и они мне нравятся. Я отдаю себе отчет в том, что, если они победят, это может в дальнейшем привести к борьбе с нами, но я надеюсь и верю, что этого не случится»⁵¹.

Соглашение Тафта—Кацура

Но в вопросе о Корее позиция Рузвельта оставалась неизменной: предоставление Японии полной свободы действий, признание ее преимущественных интересов, а затем и установление японского протектората над Кореей. В июле 1905 г. военный министр Тафт, направляясь на Филиппинские острова, «проездом» в Японии встретился с премьер-министром Кацура. Между ними состоялся обмен мнениями по проблемам, интересовавшим США и Японию. США проявили озабоченность в вопросе защиты Филиппин. Кацура заверил Тафта в том, что «Япония не имеет никаких агрессивных намерений в отношении Филиппин». Со своей стороны Тафт выразил личное мнение, что «установление с помощью японских войск такого суверенитета над Кореей, чтобы она не могла заключать договоры с другими странами без согласия Японии, является логическим результатом настоящей войны и будет прямо содействовать установлению прочного мира на Востоке»⁵².

В результате переговоров был составлен меморандум, который по своему существу являлся договором между США и Японией⁵³. Теодор Рузвельт полностью одобрил действия своего личного представителя. Он телеграфировал Тафту: «Ваш раз-

⁴⁹ «G. P.», Bd. XIX, Hf. 1, N 5994 (Штерибург — Бюлову, 9 мая 1904 г.); A. L. P. Dennis. Adventures..., p. 365.

⁵⁰ «G. P.», Bd. XIX, N 6264 (Телеграмма Штерибурга, 11 августа 1904 г.); A. L. P. Dennis. Adventures..., p. 390.

⁵¹ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. IV, p. 831—832.

⁵² P. J. Treat. Diplomatic Relations..., p. 253; ЦГА ВМФ, ф. 418, д. 2905, лл. 2—3.

⁵³ В США соглашение Тафта — Кацура впервые было опубликовано в трудах Т. Деннетта в 1924 г.

говор с графом Кацура абсолютно правилен во всех отношениях. Передайте, пожалуйста, Кацура, что я одобряю каждое сказанное Вами слово»⁵⁴.

Японская газета «Кокумин», которая, по-видимому, получила секретную информацию о результатах переговоров между Тафтом и Кацурой, 4 октября 1905 г. писала: «По существу это является японо-американским союзом. Мы можем быть уверены, что, поскольку Англия стала нашим союзником, Америка также станет участником договора. Благодаря особым национальным условиям Америка не может заключить открытого союза, но мы должны всегда помнить о том, что она является нашим союзником, хотя и не связана с нами официальным договором: мы твердо верим, что Америка, руководимая президентом Рузвельтом, политическим деятелем мирового масштаба, будет решать проблемы Востока в сотрудничестве с Японией и Великобританией»⁵⁵.

Таким образом, ради своих империалистических интересов США отдали Корею на растерзание японским милитаристам, надеясь после окончания войны добиться признания японцами доктрины «открытых дверей» и, опираясь на свое экономическое превосходство, прибрать к рукам не только Корею, но и Маньчжурию и Китай.

Соглашение Тафта — Кацура являлось как бы завершением той политики предательства интересов корейского народа, которую правительство США проводило в течение почти четверти века. Что же касается вопроса о присоединении США к англо-японскому союзу, о чем так откровенно писала японская газета «Кокумин», то ни Рузвельт, ни Хэй никогда не выступали против этого. Наоборот, они считали весьма желательным прикнудить к этому союзу, но традиции страны мешали реализации такого плана. В одном из писем известному политическому деятелю, Джорджу Кеннану, Рузвельт писал: «Что касается союза, мой дорогой Кеннан, беда в том, что Вы рассуждаете слишком академично. Следили ли Вы за тем, как мне удавалось провести договоры через сенат? Проводить политику, рекомендуемую Вами, не легче, чем попасть на Луну. Лично я полностью согласен с Вами. Но если бы Вы прошли через те трудности, которые мне пришлось преодолеть в таких очевидных вопросах, как дела, связанные с Панамой и Санто-Доминго, Вы бы получили хотя бы слабое представление об абсолютной невозможности провести в жизнь политику, о которой Вы упоминаете в Вашем письме»⁵⁶.

⁵⁴ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. IV, p. 1293 (Рузвельт — Тафту, 31 июля 1905 г.).

⁵⁵ T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 115.

⁵⁶ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. IV, p. 1169—1170 (Рузвельт — Кеннану, 6 мая 1905 г.).

Корея и второй англо-японский договор 1905 г.

Япония была заинтересована в пересмотре англо-японского союзного договора до начала мирных переговоров с Россией⁵⁷. Англо-японский договор 1902 г. оказал Японии неоценимую помощь в подготовке и развязывании войны против России. Однако в политической обстановке 1904 г. он уже изжил себя, ибо в одном из пунктов договора говорилось о независимости и территориальной неприкосновенности Кореи. Добиваясь досрочного пересмотра англо-японского договора, Япония хотела достигнуть двух целей. Во-первых, заручиться безоговорочной поддержкой в окончательном разрешении корейского вопроса не только США, но и Великобритании. Во-вторых, памятуя опыт 1895 г., Япония стремилась к заключению союза с англосаксонскими странами, чтобы укрепить свои позиции на предстоящей мирной конференции.

Японская дипломатия и официозная пресса начали кампанию за пересмотр союзного договора с Англией еще в октябре 1904 г.⁵⁸ Причем политические деятели Японии сознательно говорили о распространении договора на всю Азию, к чему Англия стремилась еще в 1902 г., когда речь шла о заключении первого англо-японского договора. Переговоры о новом договоре несколько задержались из-за назревавших в Европе событий. Первый марокканский кризис, обострение франко-германских и англо-германских отношений поставили перед Англией, заключившей союз с Францией, серьезные проблемы дипломатического и военно-политического характера. В то же время Англия все еще придерживалась своей главной цели — максимального ослабления России, которую она осуществляла японскими штыками. Даже творец Антанты, Эдуард Грей, в июне 1905 г. говорил американскому послу в Лондоне: «В строжайшем секрете, только между нами, чтобы ни одна живая душа об этом не узнала, — если они не заключат мира, почему бы японцам не взять Владивосток с тем, чтобы в конце концов вернуть его назад его величеству. Не облегчит ли это окончание войны»⁵⁹.

Намерение Англии максимально ослабить Россию в результате войны последней с Японией все еще оставалось в силе. Английские политические деятели добивались усиления своих позиций на Дальнем Востоке, в первую очередь в Китае. В то же время они считали, что с побежденной и ослабленной Россией легче будет договориться по вопросам Тибета, Афганистана, Ирана и Турции и тем самым обеспечить оборону сухопутных границ Индии.

⁵⁷ Подробно см. *British Documents*, Vol. IV, p. 120—183.

⁵⁸ «*Times*», 22.III 1905.

⁵⁹ J. B. Bishop. *Theodore Roosevelt and His Time*, Vol. I, p. 396.

Весной 1905 г., после неоднократных и настойчивых просьб Японии о пересмотре союзного договора, Англия дала положительный ответ, предложив внести ряд серьезных изменений в японский проект. Важнейшим из них являлось требование о военной помощи Японии на границах Индии. Через своего посла в Вашингтоне правительство Англии информировало президента Рузвельта о ходе переговоров с Японией и о намерении Японии требовать на предстоящей мирной конференции признания Кореи «исключительной сферой японского влияния». 12 августа 1905 г. второй англо-японский союзный договор был официально подписан.

Третий пункт договора гласил: «Ввиду того, что Япония владеет преобладающими политическими, военными и экономическими интересами в Корее, Великобритания признает право Японии принимать такие меры руководства, контроля и покровительства в Корее, какие она сочтет соответствующими и необходимыми для охраны и развития этих интересов, с тем условием, чтобы эти меры не противоречили принципу равных возможностей для торговли и промышленности всех наций»⁶⁰. Следует отметить, что этот пункт во многом напоминает соответствующую статью проекта мирного договора, переданного русской делегации 10 августа. В ней было сказано: «Россия, признавая, что Япония имеет в Корее преобладающие политические, военные и экономические интересы, обязуется не противодействовать и не вмешиваться в те меры руководства, покровительства и контроля, которые Япония найдет необходимыми применять в Корее»⁶¹.

По статье 4-й нового договора Япония признавала за Англией право принимать для безопасности индийской границы все меры, «какие она может найти необходимыми для охраны ее индийских владений»⁶².

Новый англо-японский союзный договор резко отличался от договора 1902 г. В введении четко и определенно излагались его цели. Его действие распространялось на всю Восточную Азию и Индию. При этом, согласно статье 2-й договора, в случае вовлечения одной из договаривающихся сторон в войну даже с одной державой другая сторона должна немедленно прийти на помощь своей союзнице, вести войну сообща и заключить мир «во взаимном согласии с нею»⁶³.

⁶⁰ G. V. A. Mac Murray. Treaties and Agreements with and the Concerning China, Vol. I, p. 517; А. Гальперин. Англо-японский союз, стр. 425.

⁶¹ Б. А. Романов. Очерки..., стр. 459.

⁶² А. Гальперин. Англо-японский союз, стр. 425.

⁶³ А. Гальперин. Англо-японский союз, стр. 425. Англо-японский союзный договор 1905 г. держался в секрете до заключения Портсмутского мирного договора.

В письмах к английским послам в Петербурге и Париже от 6 сентября лорд Лэнсдаун больше всего останавливался на значении статьи 3-й договора. Он писал: «В этом вопросе новый договор, безусловно, отличается от договора 1902 года. Стало очевидно, что Корея, благодаря ее близости к Японии и ее неспособности к самоуправлению, должна находиться под контролем и опекой Японии»⁶⁴.

О значении англо-японского соглашения довольно откровенно высказалась газета «Нью-Йорк таймс». Она писала, что Англия и Япония заключили пакт, «присвоив себе исключительное право распоряжаться судьбой половины населения самого большого континента... Фактически Великобритания и Япония заявили, что вся Азия, расположенная к югу от линии, проходящей через Японское и Каспийское моря, должна рассматриваться как сфера их влияния»⁶⁵.

Англо-японское соглашение являлось союзом между самой сильной военно-морской державой в Европе и наиболее сильной милитаристской страной Азии. Он был направлен против народов Азии. Обе державы обязались оказывать друг другу помощь в целях усиления гнета и эксплуатации стран, находящихся в их сферах влияния. В первую очередь речь шла о Корее. Япония добилась неограниченной свободы действий против свободолюбивого народа. Как меморандум Тафта — Кацура, так и второе англо-японское соглашение 1905 г. расчистило для нее путь к установлению колониального режима в Корее.

Установление протектората Японии над Кореей

Опираясь на эти решения и на Портсмутский договор, представивший Японии исключительные права и возможности производства в отношении Кореи, японская военщина начала усиленно готовить установление протектората над страной. Даже про-японски настроенный посланник США Морган в донесениях сообщал о вызывающем поведении японских колонизаторов, о столкновениях между корейцами и японскими чиновниками и военщиной⁶⁶. Народные восстания вспыхивали то в одном, то в другом месте. Они подавлялись японскими оккупантами самым суровым образом. Для наведения «порядка» в Сеул вновь прибыл опытный колонизатор Хиробуми Ито. Он привез личное обращение японского императора и заранее подготовленный проект договора об установлении протектората над Кореей.

Все еще надеясь на помощь Америки («старшего брата»),

⁶⁴ Цит. по: A. L. P. Dennis. The Anglo-Japanese Alliance. Berkeley, 1923, p. 24; British Documents, Vol. IV, p. 174—175.

⁶⁵ «New York Times», 9.X 1905.

⁶⁶ Foreign Relations, 1905, p. 628; A. L. P. Dennis. Adventures..., p. 417.

корейский король решил послать в Вашингтон специального эмиссара, американца профессора Х. Б. Хальберта, проживавшего в Корее в течение многих лет. Хальберту поручалось передать Рузвельту и государственному департаменту послание, в котором король Кореи умолял США об оказании помощи на основании договора 1882 г. Не легко было Хальберту выехать из страны. Несмотря на уверенность японских властей, что Хальберта постигнет неудача в переговорах, они все же приложили немало сил, чтобы воспрепятствовать или по крайней мере задержать его выезд из страны.

Одновременно японцы спешили с проведением своих планов. 15 ноября Ито представил корейскому правительству и королю проект договора об установлении в Корее режима протектората («договор о защите») ⁶⁷. Содержание его сводилось к следующему:

1. Японское правительство через министерство иностранных дел в Токио отныне будет вести всеми внешними сношениями Кореи; дипломатическим и консульским представителям Японии будет поручена защита подданных и интересов Кореи в иностранных государствах.

2. Японское правительство обязуется соблюдать существующие договоры Кореи с другими державами; корейское правительство отныне не может заключать международные акты иначе, как при посредстве японского правительства.

3. Японское правительство будет представлено при дворе корейского короля генеральным резидентом для ведения прежде всего дипломатических дел.

4. Все ранее заключенные между Кореей и Японией договоры и конвенции остаются в силе, если они не противоречат данному соглашению.

5. Японское правительство гарантирует безопасность корейского королевского дома и соблюдение его величия.

В течение пяти часов Ито безуспешно пытался сломить сопротивление корейского короля, отказавшегося подписать проект договора. «Согласившись на Ваши предложения, — ответил корейский король, — я бы обрек мою страну на разорение, а поэтому я скорее умру, чем приму их» ⁶⁸.

Ито созвал весь корейский кабинет, добиваясь всеми мерами согласия каждого министра в отдельности и всех вместе подписать представленный им проект. В Сеуле была создана атмосфера страха. Военные части заняли все стратегические центры столицы, правительственные здания, окружили дворец, в кото-

⁶⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1905 г., д. 136, лл. 26—27; ЦГА ВМФ, 1905 г., ф. 418, д. 2905, л. 6; Foreign Relations, 1905, p. 614—615.

⁶⁸ H. Chung. The Case of Korea. London, 1919, p. 53; F. A. McKenzie. Op. cit., p. 90.

ром проходило «заседание» кабинета. Все это напоминало патриотам Кореи, министрам и королю события 1895 г., когда японская военщина организовала убийство королевы.

К каким только мерам не прибегли Ито, Хаяси и руководитель японской армии маршал Хасегава, прибывшие во дворец с целью заставить министров подписать новое соглашение об установлении протектората над Кореей. Когда все «аргументы» не помогли, Хасегава с обнаженной шпагой бросился к министрам, сказав: «Дайте ваше согласие и станете богатыми, выступите против — погибнете». «Убейте нас, если смее», — ответил корейский премьер Хан Ку Сул. Тогда японские офицеры схватили его, потащили в другую комнату, где вновь пытались угрозами и шантажом заставить подписать договор. Между тем три члена корейского кабинета, считая, что японцы убили премьера, в конце концов поддались нажиму и подписали навязанный им договор.

Весть о подписании договора вызвала негодование среди патриотически настроенных слоев корейского общества. Во многих районах страны возмущенные патриоты поднялись на борьбу. Вспыхивали крестьянские восстания. Горожане нападали на японских солдат. Конфуцианские проповедники и их приверженцы подали петицию протеста против заключения договора. Ряд известных политических деятелей страны покончили жизнь самоубийством в знак протеста против позорного договора. Борьба, принявшая во многих районах страны вооруженный характер, проходила под лозунгами «Долой договор о протекторате!», «Смерть предателям!». В патриотической прессе печатались пламенные призывы к борьбе, разоблачались коварные и чудовищные методы японских захватчиков и преступления измеченников родины. Сеульская газета «The Whang Sung News» в одной из своих статей писала: «Стоит ли нам продолжать нашу жизнь? Наш народ превращен в рабов, и дух нации, насчитывающей 4000 лет существования, со времени Тан-кун и Кийя, был уничтожен в один день. Увы, соотечественники, увы!»⁶⁹

Японская военщина потопила в крови восстание корейских патриотов. Первым генеральным резидентом в Корее стал Ито Хиробуми. Присвоив себе диктаторские права, Ито начал проводить мероприятия для дальнейшего экономического и политического порабощения оккупированной Японией Кореи.

В Вашингтоне Хальберт напрасно добивался приема то в Белом доме, то в государственном департаменте. Как президент, так и государственный секретарь и его подчиненные сознательно оттягивали встречу до момента насильственного установления японцами протектората над Кореей. 23 ноября 1905 г. японский посланник Такахира передал американскому правительству ко-

⁶⁹ Цит. по: Н. Chung. The Case of Korea, p. 57; F. A. McKenzie. Op. cit., p. 97.

пию соглашения с Кореей от 17 ноября 1905 г. Государственный департамент США немедленно реагировал, послав по телеграфу инструкцию о закрытии американской миссии в Корее и о ведении всех дел, касающихся Кореи, через японскую миссию в Вашингтоне или через американскую миссию в Токио⁷⁰.

Письмо Хальберта все же попало к президенту Рузвельту. Ответил он на это письмо только после получения сообщения об установлении протектората Японии над Кореей. В обращении к Руту от 25 ноября Рузвельт, между прочим, говорил: «... В течение времени, которое прошло после написания этого письма, нас официально уведомили, что корейское правительство заключило с Японией соглашение, на которое король, как он пишет в письме, не решался пойти. Принимая все это во внимание, я не вижу, чтобы можно было предпринять какие-либо практические действия с нашей стороны»⁷¹.

Статс-секретарь Рут, занявший этот пост в 1905 г. после смерти Хэя, ответил Хальберту, используя аргументы Рузвельта, и предупредил его о нежелательности вновь поднимать этот вопрос.

Король Кореи предпринял еще одну отчаянную попытку повлиять на США. В телеграмме Хальберту от 11 декабря он утверждал, что «договор от 17 ноября недействителен, ибо он был навязан силой». «Сделайте все возможное, — просил король, — чтобы как можно скорее покончить с этим договором»⁷². В тот же день к Руту обратился находившийся в то время в Вашингтоне бывший корейский посланник во Франции Мин Юнг Чан. Он доказывал, что договор о протекторате недействителен, что он был насильно навязан японцами. Король Кореи поэтому просит, чтобы США наконец выступили со своими «добрыми услугами».

Отвергая аргументы и доказательства Мин Юнг Чана, Рут ссылался на «официальные сообщения» как японского, так и корейского правительства, которые, по его мнению, полностью совпадают. Далее Рут утверждал, что соглашения Японии с Кореей от 23 февраля и 22 августа 1904 г., не вызвавшие якобы возражения Кореи, «по своему характеру практически предоставляли Японии контроль над внешней политикой Кореи». Такое положение «исключает всякую возможность для США вмешательства, предусмотренного договором 1882 г.»⁷³.

Так трагически закончилась история корейского народа в первые годы XX столетия. Правительство США, защищая интересы своих монополий, добивалось установления «политического равно-

⁷⁰ Foreign Relations, 1905, p. 612—614.

⁷¹ T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 304—305.

⁷² M. F. Nelson. Op. cit., p. 264.

⁷³ Foreign Relations, 1905, p. 629—630.

всия» на Дальнем Востоке. Для этого оно прилагало немало усилий, чтобы ослабить экономическое и политическое влияние России в этом районе мира. А это в свою очередь привело к оказанию всемерной помощи японским милитаристам как накануне, так и во время русско-японской войны.

Предательство Кореи полностью отвечало экспансионистским планам американских империалистов, разработанным ими в начале XX в.

ТЕОДОР РУЗВЕЛЬТ И ПОРТСМУТСКИЙ МИР

Политика США во время русско-японской войны

Русско-японская война, которую В. И. Ленин заклеил как «преступную», явилась результатом столкновения интересов российского военно-феодалного империализма и молодого, хищнического империализма Японии.

Войну против России начала Япония, за спиной которой стояли Англия и США. Обе эти державы, добиваясь усиления своих позиций на Дальнем Востоке, стремились использовать военно-морские силы Японии для ослабления своего основного соперника — России. Во время войны и Англия, и США, формально объявившие о нейтралитете, фактически оказывали Японии огромную помощь. В этом отношении война против России велась не только Японией, но и в известной мере США и Англией. Американский империализм, сыгравший огромную роль в развязывании военного конфликта, как во время войны, так и в особенности в период подготовки мирных условий для ее окончания, оказывал Японии эффективную помощь, надеясь в конечном счете добиться более выгодных условий для своей экспансии на Дальнем Востоке.

Политические деятели США считали, что Япония ведет войну не только за свои интересы, но и за интересы Америки. Так, известный политический деятель и ученый П. С. Рейниш в статье «Япония и господство в Азии», опубликованной в январе 1905 г. в журнале «Норз Америкэн ревю», писал: «Япония ведет нашу войну... Самое меньшее, что могут сделать англосаксонские народы для проводников их политики на Востоке, — это противостать дипломатическому влиянию, которое при помощи всяких окольных путей лишит японцев плодов их беспримерного самопожертвования»¹.

Этой же идеи придерживался другой специалист по проблемам Дальнего Востока. Он писал: «В определенном смысле действительно Япония ведет войну для Америки. «Джен» (Япо-

¹ Цит. по: T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 167.

ния. — Л. З.) — наш ученик — в этой войне отстаивает основные цели, за которые борется наша страна. Но, естественно, Япония имеет и свои исключительные интересы. И придет время, когда и ее интересы столкнутся с интересами Америки»².

Располагая экономическим превосходством над своими соперниками, США добивались господствующего положения на Дальнем Востоке. Однако по военной готовности США в то время уступали своим конкурентам. Кроме того, они еще были заняты освоением недавно завоеванных территорий. Отсюда и необходимость проведения на Дальнем Востоке макеверной дипломатической политики, рассчитанной на натравливание одних держав против других и использование Японии для борьбы против России, которую США считали своим главным врагом.

Теодор Рузвельт проводил политику активной поддержки японского империализма. При этом, однако, он ни на минуту не забывал об агрессивных, экспансионистских интересах американской монополистической буржуазии, ярким представителем которой он был. Он прилагал немало энергии для развития военных и военно-морских сил США, готовя страну к открытым боям за установление господства американского империализма не только в странах Латинской Америки, но и на Дальнем Востоке. Пока же он считал необходимым использовать Японию как силу, способную нанести удар царской России, остановить ее наступление в Китае и Корее.

Считая, что «Япония, — как писал Рузвельт, — ведет нашу игру»³, правительство США «было открыто пристрастно в русско-японской войне»⁴. В письме к своему другу Спринг-Райсу от 24 июля 1905 г. Рузвельт писал: «Как только началась война, я уведомил Германию и Францию в самой вежливой и сдержанной форме, что в случае заключения союза против Японии, могущего привести к событиям, подобным событиям 1894 г., — я немедленно встану на сторону Японии и сделаю все необходимое, чтобы ей помочь»⁵.

Американские историки Джонс, Даллес и др. утверждают, что, хотя эта декларация Рузвельта не подтверждена никакими документами, кроме его письма, все же она является точным выражением его отношения к Японии в годы войны. Об этом свидетельствуют многочисленные высказывания Т. Рузвельта

² Wolf von Schierbrand. *America, Asia and the Pacific*, p. 3.

³ См. А. Добров. *Дальневосточная политика США в период русско-японской войны*, стр. 141.

⁴ Ch. L. Jones. *History of the Foreign Policy of the United States*. New York—London, 1933, p. 367.

⁵ 27 декабря 1904 г. Рузвельт писал Спринг-Райсу: «Если бы не позиция, которую заняли Англия и США, я думаю, что Германия и Франция вмешались бы на стороне России» (*The Letters of Theodore Roosevelt*, Vol. IV, p. 1087).

в письмах к политическим деятелям, к которым он относился с особым доверием⁶.

Своему другу Джодджу Кеннану он писал: «С самого начала я стоял на стороне Японии и делал все возможное в пределах международного права, чтобы защитить ее интересы. Я крайне восхищаюсь японцами и верю в них. Они всегда говорили мне правду, не в пример русским. Кроме того, они принадлежат к воинственной породе, что мне нравится... Я хочу заверить Японию, что ей обеспечена полная поддержка Соединенных Штатов во всех ее законных притязаниях»⁷.

Первые сообщения о победах Японии в войне против России американская буржуазия и ее правительство встретили с восторгом. Не скрывал своего энтузиазма и Теодор Рузвельт. Уже 10 февраля 1904 г. он писал сыну: «Война началась, конечно, катастрофично для русских, но, между нами, — об этом не должна знать ни одна душа — я был в высшей степени доволен японской победой»⁸.

Однако из этого еще не следует, что Рузвельт безоговорочно поддерживал Японию. В своих высказываниях он неоднократно проявлял признаки беспокойства позицией Японии в случае ее победы над Россией. Не могут ли ее победы в конечном счете «породить дух самонадеянности и стремления к мировой гегемонии»⁹? Главное, не станет ли Япония угрожать интересам и владениям США в Тихом океане. В письме к председателю комиссии конгресса по военным делам Дж. Хэллу Рузвельт писал, что «японцы, возможно, имеют виды на Филиппины». Исходя из этого, он настаивал на необходимости проведения мероприятий по расширению военно-морских сил и усилению сухопутной армии с тем, чтобы США могли удержать Филиппины при всех условиях¹⁰. «Мы во всяком случае должны, — писал он в другом письме, — держать порох сухим и глаза открытыми»¹¹.

Основные цели политики Рузвельта в войне 1904—1905 гг. были сформулированы им в начале войны. Они неотделимы от всей его тихоокеанской политики, от строительства Панамского канала, от стремления американских монополистических кругов

⁶ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. IV, p. 1283—1287 (Т. Рузвельт — Спринг-Райсу, 24 июня 1905 г.).

⁷ T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 160—161 (Т. Рузвельт — Кеннану, 6 мая 1906 г.).

⁸ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. IV, p. 724. Характерно, что в письме к американскому посланнику в Китае Рокхиллу Рузвельт писал 29 августа 1905 г.: «Я был прояпонцем ранее, а теперь, после опыта работы с уполномоченными для мирных переговоров, я стал еще большим прояпонцем, чем прежде» (A. W. Griswold. The Far Eastern Policy of the United States, p. 120).

⁹ T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 161.

¹⁰ Ibid., p. 162.

¹¹ Ibid., p. 50.

создать условия для борьбы за гегемонию США в странах Тихого океана. В обстановке 1904—1905 гг. речь шла о борьбе за сохранение неустойчивого равновесия сил на Дальнем Востоке, об отстаивании принципа «открытых дверей» при помощи японских штыков. Американские империалисты надеялись, что победа слабой в экономическом отношении Японии откроет для американских монополистов более широкие возможности проникновения в Маньчжурию, а затем и в другие районы Китая и Дальнего Востока.

Война на истощение как Японии, так и России больше всего соответствовала интересам американского империализма¹². В беседе с германским послом в Вашингтоне Штернбургом Рузвельт заявил: «В наших интересах¹³, чтобы война между Россией и Японией тянулась до тех пор, пока оба государства достигнут максимально возможного истощения друг друга, чтобы территория, где сталкиваются их интересы, продолжала и после заключения мира служить тем же целям и чтобы границы их сфер влияния скрещивались таким же образом, как и до войны. Это заставит их все время быть в военной готовности и сократит их аппетит к другим территориям. Тогда японцы не будут угрожать и немцам в Цзяочжоу, и нам на Филиппинах. Внимание России тогда будет отвлечено от ее западных границ и останется сосредоточенным на Востоке»¹⁴.

Во время войны Рузвельт неоднократно думал о возможности изменений в отношениях между Россией и Японией. Его тревожила перспектива сближения или даже союз между ними в будущем. В связи с этим в одной из бесед с Такахира он сделал серьезное представление. «При таком союзе, — заявил президент США, — Япония только сильно пострадает, японские гавани могут быть блокированы и островное государство отрезано от Китая, если Россия и Япония будут проводить в Китае политику, противоречащую интересам прочих держав, но Россия в Китае трудно уязвима»¹⁵.

Используя японский империализм в качестве орудия для проведения своей экспансионистской политики на Дальнем Востоке, США оказывали Японии огромную помощь во время войны; они принимали все необходимые меры, чтобы добиться завершения и урегулирования военного конфликта при помощи выгодного для

¹² См. «The China Times», 11.VII 1904.

¹³ Т. е. в интересах США и Германии. — Л. 3.

¹⁴ «G. P.», Bd. XIX, Hf. 1, S. 112—113, N 5992; A. L. P. Dennis. *Adventures in American Diplomacy 1896—1906*, p. 364. В беседе с французским послом Т. Рузвельт сказал: «Нужно радоваться, если в результате войны русские и японцы останутся лицом к лицу, уравновешивающими друг друга и обесиленными» (см. Р. М. Бродский. *Американская экспансия в Северо-Восточном Китае 1898—1905*, стр. 131).

¹⁵ Б. А. Романов. *Очерки дипломатической истории русско-японской войны*, стр. 383.

Японии мира. В то же время, стремясь создать на Дальнем Востоке после войны «равновесие сил» и закрепить принцип «открытых дверей», США хотели, чтобы победа досталась Японии максимальным истощением ее людских и экономических ресурсов. Добиваясь ослабления России, Рузвельт, исходя из своей политики «равновесия сил», все же не хотел допустить ее полного разгрома и изгнания с Дальнего Востока. «Хотя для нас победа России была бы ударом цивилизации, — писал Рузвельт 16 июня 1905 г., — однако сокрушение ее как восточноазиатской державы также было бы, по моему мнению, несчастным обстоятельством. Лучше всего, чтобы она была оставлена лицом к лицу с Японией так, чтобы каждая имела сдерживающее влияние на другую»¹⁶.

Таковы были цели, которых добивались империалисты США на Дальнем Востоке в 1904—1905 гг. США хотели не установления прочного и длительного мира, а создания условий вооруженного перемирия, чреватого постоянными столкновениями и конфликтами между Россией и Японией. К этой основной цели были направлены все мероприятия США как политического, так и экономического характера, которые проводились ими в те годы на Дальнем Востоке. Ей же была подчинена и проводимая США политика «нейтралитета» и посредничества, которая проводилась Теодором Рузвельтом накануне и во время Портсмутской мирной конференции. Ради достижения этой главной задачи США предали интересы корейского народа¹⁷.

США и нейтралитет Китая

7 февраля 1904 г. Япония обратилась к государственному департаменту США с просьбой, чтобы их представители в России взяли на себя защиту интересов японских подданных. На следующий день государственный секретарь Хэй разослал соответствующие инструкции по этому поводу американскому послу в Петербурге и консулам в Одессе, Москве, Нью-жуане и Владивостоке¹⁸.

8 февраля государственный департамент США разослал инструкции своим послам в Лондон, Париж и Берлин с просьбой проконсультироваться с министерствами иностранных дел по вопросу о целесообразности совместного обращения нейтральных стран к России и Японии (в случае войны) с предложением уважать нейтралитет и административную целостность Китая, избежать «чрезмерного возбуждения» китайского народа и «насколько возможно уменьшить вред, наносимый торговле и международ-

¹⁶ T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 165—166.

¹⁷ См. гл. VI.

¹⁸ Foreign Relations. 1904, p. 430, 714.

ным отношениям»¹⁹. Через два дня, 10 февраля, еще до получения ответа, Хэй обратился с идентичным посланием ко всем державам, подписавшим протокол 1901 г.; правительство США выражало «горячее желание, чтобы во время ведения военных действий обе воюющие державы уважали нейтралитет Китая, не препятствовали принимаемым Китаем мерам для сохранения своей административной целостности и по возможности локализовали театр военных действий»²⁰. Ни слова в этом документе не было о Корее. Это объяснялось тем, что империалисты США давно предоставили Японии свободу действий в Корее, используя ее как разменную монету.

Ответы России и Японии вряд ли могли удовлетворить правительство США. Тем не менее Хэй, применяя свою старую испытанную дипломатическую тактику, заявил, что обе державы в основном выразили свое согласие²¹.

12 февраля Китай заявил о своем нейтралитете²². Через день Япония дала официальный ответ США. Она заявила о своей готовности «обязаться уважать нейтралитет и административную целостность Китая вне областей, занятых Россией, при условии, что Россия даст аналогичное обязательство и добросовестно выполнит все его условия»²³. Россия ответила 19 февраля. Она предложила добиться соглашения с другими державами с целью сохранения нейтралитета Китая на следующих условиях:

1. Китай обязан строго соблюдать все статьи нейтралитета.

2. Правительство Японии должно соблюдать как соглашение с державами, так и общие принципы, признанные международным правом.

3. Нейтралитет Китая не распространяется на Маньчжурию, территория которой в силу обстоятельств будет служить плацдармом военных действий²⁴.

В правительственных кругах России прекрасно понимали значение американского нейтралитета, а также «возвышенных» принципов, высказанных в обращениях Хэя. Как и до войны, США главным образом опасались, как бы война и возможная

¹⁹ Foreign Relations, 1904, p. 301.

²⁰ Foreign Relations, 1904, p. 2. США объявили о своем нейтралитете 11 февраля. Еще 28 января (10 февраля) 1904 г. Кассини сообщал о разговоре с Хэем: «Хэй сказал мне, что США на случай войны будут придерживаться строгого и, прибавил он, доброжелательного нейтралитета... Вышеупомянутый разговор происходил 27 января—9 февраля, когда у г. Хэя, может быть, уже были данные насчет нападения японских миноносцев на наш флот, но когда я не имел никаких сведений об этом...» (АВПР, ф. Канцелярия, 1904 г., д. 129, т. 1, лл. 51—53).

²¹ Foreign Relations, 1904, p. 2—3.

²² См. АВПР, ф. Китайский стол, 1904 г., д. 121 (Письмо Лессара, 8 (21) февраля 1904 г.).

²³ Foreign Relations, 1904, p. 420.

²⁴ Ibid., p. 724.

оккупация китайской территории не отразились на американской торговле. «Если девизом американского предложения, — писал Кассини, — восхваляются возвышенные гуманитарные принципы, то за ними как суть дела стоят лишь практические и эгоистические соображения»²⁵.

Практические действия США показали, что американское правительство не только не намерено выполнять условия нейтралитета, но, наоборот, готово воспользоваться ими для проведения мероприятий в интересах Японии.

В начале августа произошел инцидент в Чифу. После морского сражения с японской эскадрой три русских военных корабля искали убежища в китайских портах. 11 августа миноносец «Решительный» прибыл в Чифу. На следующий день, несмотря на то, что миноносец был по приказу китайских властей частично разоружен, прибывшие в порт два японских миноносца потребовали от командира «Решительного» немедленно покинуть порт или сдаться. Получив отказ, японцы напали на «Решительный» (подорванный командой, но еще державшийся на воде) и увели его на буксире в Японию²⁶.

Все это происходило в нейтральном порту, на виду у команд находившихся здесь американских и других иностранных судов, и явилось грубым нарушением нейтралитета Китая.

Другие два русских военных корабля, крейсер «Аскольд» и истребитель «Грозовой», сильно поврежденные в бою с японской эскадрой, прибыли 12 августа в Шанхай; оба корабля нуждались в ремонте. Под давлением Японии китайские власти потребовали, чтобы «Грозовой» в течение 24 часов, а «Аскольд» в течение 72 часов покинули порт или разоружились. Русский генеральный консул ответил отказом. Китайские власти, испугавшись угроз со стороны Японии прибегнуть к решительным мерам, потребовали созыва консульского корпуса для принятия решения о немедленном уходе из порта русских судов.

На заседании генеральный консул США Гудноу, ссылаясь на полученные инструкции, заявил, что он «не является приверженцем теории, что Соединенные Штаты могут быть призваны Китаем или иностранными консулами в качестве гаранта нейтралитета Китая и что он должен, поскольку возможно, охранять нейтральные интересы Америки, если они будут стоять под угрозой»²⁷.

Позиция американского консула и давление, оказанное Японией на Китай, сделали свое дело: «Грозовой» и «Аскольд» вынуждены были разоружиться. Русское правительство неодно-

²⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1904 г., д. 129, т. 1 (Кассини — Ламсдорфу, 11 (24) февраля 1904 г.).

²⁶ Foreign Relations, 1904, p. 424.

²⁷ Ibid., p. 142.

кратно протестовало против действия американских представителей в Китае, взявших на себя обязанность «посредников в делах, касающихся русско-японской борьбы»²⁸.

В письме министра иностранных дел Конжеру указывалось, что «курс, проводимый Японией, дает ей возможность считать военной зоной любой район Китая; в связи с этим Россия в дальнейшем не будет считаться с нейтралитетом Китая»²⁹.

Даже это заявление правительства России, вызвавшее недовольство и раздражение в правительственных кругах США, не изменило ситуации. Американские консулы в Китае продолжали проводить мероприятия, наносящие вред России.

США проявляли полное равнодушие. «Движущим мотивом США» во всех этих инцидентах являлось их «желание не создавать затруднений Японии и ее союзнице Англии»³⁰.

Враждебная России позиция США выявлялась во многих других инцидентах в течение войны. 11 сентября транспортный пароход «Лена» прибыл в Сан-Франциско³¹. «Лена» не могла выйти в море из-за негодности машин. Японский посланник Такахира представил госдепартаменту телеграмму, в которой правительство Японии выражало уверенность в том, что США безотлагательно примут «необходимые меры». Кассини же был уверен, что согласно законам о нейтралитете «Лена» получит возможность заняться ремонтом³².

Президент Рузвельт потребовал, чтобы капитан судна немедленно разоружил «Лену», и после этого разрешил ей войти в частный док для ремонта. Офицерам и команде «Лены» было «предложено остаться в Сан-Франциско до тех пор, пока состоится по этому вопросу соглашение между США и обеими воюющими странами...»³³. Характерно, что, когда капитан «Лены» Берлинский обратился к американским властям с просьбой о выезде в Европу, ему посоветовали «обратиться к японскому генеральному консулу в Сан-Франциско» за разрешением на выезд³⁴.

Примерно такую же позицию заняло правительство в связи с прибытием в Манилу трех русских крейсеров — «Олега», «Авроры» и «Жемчуга», получивших серьезные повреждения в Цусимском бою.

²⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1904 г., д. 102 (Ламсдорф — Кассини, 11 ноября 1904 г.).

²⁹ A. L. P. Dennis. Adventures..., p. 366.

³⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1904 г., д. 129, т. 1, лл. 275, 276 (Кассини — Ламсдорфу, 10 (23) августа 1904 г.).

³¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1904 г., д. 129, т. 1, лл. 292—294 (Кассини — Ламсдорфу, 7 (20) сентября 1904 г.).

³² Foreign Relations, 1904, p. 428, 785, 795.

³³ АВПР, ф. Канцелярия, 1904 г., д. 129, т. 1 (Кассини — Ламсдорфу 7 (20) сентября 1904 г.); Foreign Relations, 1904, p. 785—787; *ibid.*, 1905, p. 429.

³⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1905 г., д. 121, т. 1, л. 72.

В начале ноября в китайский порт Чифу прибыл русский эсминец «Расторопный». Порт был блокирован японцами. Боясь захвата эсминца японцами, командир решил взорвать «Расторопный». В день взрыва эсминца к русскому консулу в Чифу явился американский консул, потребовав проверить, не свезла ли на берег команда эсминца часть оружия³⁵. Одновременно под давлением американского посланника в Пекине министерство иностранных дел Китая, не получившее информации о переводе команды «Лены» на китайский крейсер «Хайю», потребовало немедленно обзоружить русский экипаж.

Налицо было явное вмешательство американских представителей в интересах Японии, о чем посланник России Лессар неоднократно писал в своих донесениях. «В программе ее (американской. — Л. З.) империалистической политики на первом месте стоит — добиться руководящей роли в исходе русско-японской распри и связанных с ней вопросов. Ее теперешние действия — подготовка почвы для Вашингтонского конгресса. Повысив ранг своих консулов в генеральные, она получила представителей, которые, становясь деканами, действуя как бы от имени консульского корпуса и пользуясь неведением китайцев, придающих решениям его неподобающее им значение, становятся как бы арбитрами по всем делам с нами и японцами»³⁶.

Стремясь расширить фронт деятельности своих представителей, США не только повысили ранг своих консулов, но, ссылаясь на договор с Китаем от 8 октября 1903 г., потребовали допущения своих консулов в Апдун, Дальний и Мукден. И это несмотря на то, что все эти пункты находились в зоне военных действий. В правительственных кругах России отнеслись к этому требованию США крайне отрицательно³⁷.

Все дальнейшие попытки США добиться водворения своих консулов в Маньчжурии только по согласованию с Китаем закончились провалом. Царское правительство и русское командование категорически отказывались допустить на время военных действий американских консулов в указанные районы. Они ссылались на то, что Маньчжурия служит театром военных действий и что по соглашению держав на нее не распространяется нейтралитет Китая. Настойчивая позиция русских властей в вопросе о недопущении американских консулов в район военных действий вызвала «неудовольствие и раздражение» государственного секретаря Хэя³⁸.

³⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1904 г., д. 101, л. 312 (10 (23) ноября 1904 г.).

³⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1904 г., д. 101, л. 314 (Лессар — Ламсдорфу, 10 (23) ноября 1904 г.).

³⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1904 г., д. 129, т. 2, лл. 497, 501.

³⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1904 г., д. 129, т. 4 (Кассин — Ламсдорфу, 7 (20) апреля 1904 г.).

Американская политика в отношении Китая в годы войны не диктовалась стремлением оказать ему действительную помощь. Все выступления США в защиту нейтралитета Китая, за сохранение его независимости и целостности были связаны с проведением основного плана Соединенных Штатов — создания более благоприятных условий для своей экономической и политической экспансии на Дальнем Востоке. Политические акты США, касающиеся Китая, проводились без учета мнения китайского правительства. Накануне созыва Портсмутской мирной конференции США поддержали предложение Японии о недопущении китайских представителей на конференцию. В самих Соединенных Штатах в годы войны расистское законодательство в отношении китайцев и антикитайское движение в западных штатах привели к ухудшению взаимоотношений между США и Китаем. Капиталисты США в разгар строительства трансконтинентальных железных дорог приложили немало усилий, чтобы ввозить в США законтрактированных китайских рабочих. В конце 70-х годов в Калифорнии было около 75 тыс. китайцев, составлявших 9% населения штата³⁹. Во время строительства железных дорог, особенно Центральной тихоокеанской дороги, самой жестокой эксплуатации подвергались китайские рабочие. Не довольствуясь этим, американские капиталисты в борьбе против рабочих других национальностей прибегали к обычным методам разжигания белого шовинизма и национальной розни.

В течение 80-х и 90-х годов XIX в. конгрессом США был принят ряд законов против китайской иммиграции. В 1882 г. конгресс США принял закон о запрещении китайской иммиграции на 10 лет. В 1894 г., воспользовавшись затруднениями Китая в связи с опасностью нападения японских милитаристов, США вынудили китайское правительство подписать новое соглашение, запрещавшее китайскую иммиграцию в США на 10 лет.

Еще до истечения срока закона 1894 г. в США начались выступления за полное запрещение китайской иммиграции. В западных штатах проводилась откровенно погромная агитация против китайцев. Китайские ученые, промышленники и общественные деятели, пользовавшиеся по закону правом въезда, подвергались унижительной проверке со стороны американских таможенных чиновников. В Бостоне в 1903 г. полиция и иммиграционные власти окружили китайское гетто и арестовали несколько десятков китайцев. Даже официальные представители Китая, приглашенные на выставку в Сент-Луис, были задержаны в Сан-Франциско иммиграционными властями. Возмущенные

³⁹ Th. A. Bailey. A Diplomatic History of the American People, p. 423.

таким поведением американских властей, многие из этих «гостей» вернулись на родину.

Иммиграционное законодательство и политика дискриминации в отношении китайских иммигрантов в США не могли не вызвать огромного недовольства среди широких масс китайского народа. Тем более, что в 1904 г. конгресс США принял новый закон, запрещающий китайскую иммиграцию на неопределенный срок. Закон этот распространялся на Гавайи и Филиппины. Даже Джон Хэй в одном из высказываний заявил: «Конгресс так хорошо справился с этой задачей, что даже Конфуций не смог бы стать американским гражданином, если бы он добивался этого мольбами и слезами»⁴⁰.

Еще в 1904 г. в Китае началось массовое движение за бойкот американских товаров; но наиболее широкого размаха оно достигло в 1905 г., когда политическая жизнь в стране получила «особенный толчок от русско-японской войны и от русской революции»⁴¹.

Весной 1905 г. движение за бойкот американских товаров охватило ряд «договорных портов» Китая. Комитеты по организации и проведению бойкота агитировали за отказ покупать и использовать американские товары и машины, обучать своих детей в американских школах, ездить на американских пароходах и т. д. Предупреждая правительство США о серьезности положения, китайский посланник в Вашингтоне заявил: «Китайцы настроены серьезно. Ваш закон об иммиграции принижает их. Они бы скорее пошли на уилату контрибуции или на территориальные уступки, чем подвергаться угрозам и унижениям иммиграционными властями США»⁴².

Особенно широкое развитие антиамериканское движение получило в южной части Китая. Передовую роль играли шанхайские организации. Всюду распространялись листовки, плакаты, карикатуры и антиамериканские брошюры. Когда китайские промышленники, испугавшись размаха движения, начали его сдерживать, китайская интеллигенция и студенчество возглавили движение, превратив его в подлинно народное. Оно распространилось и на Гавайские острова, Филиппины, японские города Нагасаки и Иокогама. Из Пекина Ламсдорф получил сообщение, в котором говорилось: «Объявленный 7(20) минувшего июля бойкот американской торговле отличается существенно от всех предыдущих тем, что в нем принимают участие все гильдии, торгующие с американцами. Примеру Шанхая последовали и другие порты Китая, особенно южные, преимущественно перед другими,

⁴⁰ H. K. Beale. Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power, p. 193.

⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 221.

⁴² H. K. Beale. Op. cit., p. 196.

посылающие эмигрантов в США и их владения. Движение охватило почти весь Собственный Китай и продолжает расти»⁴³.

В Шанхае, Кантоне и Амое движение приняло угрожающие для американских фирм размеры. Продажа нефти компанией «Стандард ойл» значительно сократилась. Наполовину оказалась урезанной торговля Британско-американской табачной компании. Представители «Стандард ойл», текстильных фирм Новой Англии, швейной компании Зингера и др. обращались к государственному департаменту США, настаивая на принятии мер по ликвидации бойкота. Американско-Азиатская ассоциация, объединявшая купцов, связанных с Китаем, требовала проведения правительством решительных мероприятий.

Американское правительство оказало давление на Китай, требуя принятия мер по ликвидации бойкота. 31 августа 1905 г. китайское правительство вынуждено было опубликовать декрет о запрете антиамериканского движения. Хотя Рузвельт рекомендовал конгрессу внести изменения в законодательство по вопросу об иммиграции китайцев и допускать въезд ученых и представителей промышленности, он в то же время решил прибегнуть к своим старым, испытанным методам давления. Осенью 1905 г. в США по распоряжению президента началась частичная мобилизация. Военно-морское министерство готовилось отправить несколько судов к берегам Китая, дополнительные сухопутные силы готовились к отправке на Филиппины, откуда, в случае необходимости, они легко могли быть переброшены в Китай. Желтая пресса проводила антикитайскую шовинистическую кампанию. Дело все же не дошло до открытой вооруженной интервенции. Движение бойкота постепенно сошло на нет из-за отсутствия единого руководства и отхода от него основной части буржуазии. Однако принятые правительством США меры показали, что и в Азии оно готовилось проводить полицейские функции.

США и контрабандная торговля в годы войны

Деятельность американских консулов и других представителей в Китае и Японии была разнообразной⁴⁴. Они также содействовали развитию торговли США с Японией, участвовали в оказании помощи тем американским организациям, которые во время войны занялись контрабандой в интересах японской военщины.

⁴³ АВПР, ф. Китайский стол, 1905 г., д. 122, лл. 44—47 (Письмо Ламсдорфу от Казакова, 12 августа 1905 г.).

⁴⁴ Р. М. Бродский в своей книге «Американская экспансия в Северо-Восточном Китае» приводит много интересных фактов о шпионаже американских представителей в пользу Японии, о вхождении американцев в отряды хунхузов и т. д. (см. там же, гл. IV).

Экономическая отсталость Японии, ограниченность ее сырьевых ресурсов и слабое развитие тяжелой промышленности создавали для японской военизации большие трудности. И только благодаря огромной помощи со стороны Англии и США трудности эти могли быть преодолены.

Во время войны значительно выросла торговля США с Японией. Америка заняла первое место в японской внешней торговле: в 1905 г. общий объем торговли Японии с США достиг суммы в 198 286 тыс. иен⁴⁵. В японском импорте США заняли второе место. Экспорт США в Японию только за 1905 г. возрос в 2,5 раза по сравнению с довоенным, 1903 г. Причем США поставляли в Японию все необходимое для фронта и тыла. Экспорт США включал боеприпасы, оружие и военное снаряжение, жидкое горючее, локомотивы и железнодорожные вагоны, электромоторы, паровые котлы и судовые двигатели, строительные материалы, рельсы и другие стальные изделия, хлопок, табак и табачные изделия, пшеницу и пшеничную муку, кожаные изделия⁴⁶ и т. д. Только за девять месяцев 1905 г., согласно донесению Кассини, вывоз Японией увеличился на 6 424 159 долл. по сравнению с тем же промежуток времени в 1903 г., а ввоз за тот же период — на 10 080 597 долл. В торговом обороте специально с США за те же девять месяцев вывоз Японией определился в 3 898 622 долл., ввоз из США — 19 719 486 долл., т. е. на 3 919 277 долл. и 2 702 538 долл. более против 1903 г.⁴⁷

Американские монополии имели огромные возможности для быстрого обогащения не только за счет эксплуатации народных масс своей страны, но и за счет ведущих войну народов России и Японии. Особенно большие барыши получали американские дельцы, прибегавшие к контрабандной торговле. Еще в июле Кассини сообщал Ламсдорфу о широкой контрабандной торговле с Японией, которую организовали многие американские коммерческие фирмы с начала войны, в особенности из портов Сан-Франциско, Сиэтла и Сакраменто. Перевозки часто адресовались частным лицам. Они включали муку, уголь, медикаменты, военную амуницию, ружья, лошадей для японской кавалерии. Значительным оказалось также «движение золота в слитках и денежных ценностей из США в Японию»⁴⁸.

В японские порты постоянным потоком прибывали из Европы и Америки корабли с военной контрабандой, причем капитаны пароходов снабжались «двойными документами», т. е. по одним

⁴⁵ А. Добров. Указ. соч., стр. 151.

⁴⁶ Там же, стр. 153.

⁴⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1905 г., д. 121, т. 1, лл. 9—11 (Кассини — Ламсдорфу, 12 (25) января 1905 г.).

⁴⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1904 г., д. 129, т. 1, лл. 224—231, 244—245 (Письма Кассини от 13 (26) июля 1904 г. и 27 июля (9 августа) 1904 г.).

документам грузы назначались в Японию, а по другим — в какой-нибудь нейтральный порт.

«Американский генеральный консул в Инкоу, — сообщалось в одном из донесений, — часто вмешивался и освобождал японских шпионов, арестованных в Маньчжурии под видом купцов, которые потом, приехавши в Нагасаки, открыто хвалились своим шпионством и вместе с войсками отправлялись обратно в Корею... Вообще американские консулы в Японии вместе со своим министром (посланником. — Л. З.) открыто агитируют против России и открыто принимают участие в парадах и процессиях по поводу одержанных побед над русскими»⁴⁹.

Пароходные компании США «The Pacific Main Steamship Company» в Сан-Франциско и Портленде и «Asiatic Steamship Company» в Портленде, контролируемые магнатом Э. Г. Гарриманом, в конце августа 1904 г. объявили о возобновлении перевозок в японские порты Иокогама, Кобэ и Нагасаки; они принимали также грузы, предназначенные для доставки в корейские порты Чемульпо, Вонсан и Фузан.

В кругах американской буржуазии открыто радовались успехам Японии в войне с Россией. Так, во время пребывания японского принца Фушими в Нью-Йорке в конце декабря 1904 г. Американско-Азиатская ассоциация, «руководители которой отличаются доходящим до смешного японофильством», устроила торжественный прием.

Как сообщал Кассини, «на специальном обеде присутствовали сотни самых отъявленных друзей Японии и находился также г. Лумис, старший товарищ статс-секретаря, который, как уверял впоследствии г. Хэй, был командирован им туда, чтобы своим присутствием сдерживать пыл красноречия, в котором за лишним стаканом вина могли найти себе выражение слишком сильные чувства симпатии к японцам»⁵⁰.

Таким образом, группа дельцов, организованных американским обществом, заинтересованных в развитии торговли в Китае, поддерживала прояпонскую политику. Она считала, что для развития американской деятельности на Дальнем Востоке США должны опираться на Японию, и соглашалась с мнением барона Канеко, утверждавшего, что соединение американских капиталов и японской деловитости создаст благоприятнейшие условия для завоевания рынков Дальнего Востока.

Однако среди американской буржуазии были и противники сближения с Японией. Они выступали против курса Американско-Азиатской ассоциации. В журнале «Нью-Йорк коммершиал» по-

⁴⁹ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1904 г., д. 179, лл. 210—211 (Из донесения русского подданного, прибывшего из Японии, 6 августа 1904 г.).

⁵⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1904 г., д. 129, т. 1 (Кассини — Ламсдорфу, 15 (28) декабря 1904 г.).

явились статьи с суровой критикой президента Азиатской ассоциации. Один из руководителей этой буржуазной оппозиции, Дж. Х. Хаммонд, в своих выступлениях и статьях доказывал, что Япония, укрепившись в Корее и Маньчжурии, проведет мероприятия по монополизации рынков Дальнего Востока. Хаммонд считал, что Япония и США являются естественными врагами на Дальнем Востоке и во всем районе Тихого океана. Отсюда и его вывод о том, что развитие американской торговли и другой деятельности на Дальнем Востоке возможно только путем сближения с Китаем и Россией⁵¹.

Еще в начале 1905 г. распространялись слухи о том, что японцы наводят районы Маньчжурии после их захвата армией и начинают создавать условия для установления своего монопольного положения в экономике. Об этом также писали американские военные корреспонденты. Один из них, С. Уошбарн, говорил: «Японцы затеяли большую игру на глазах всего мира... В глубине души они презирают даже англичан и американцев, которые им в настоящее время полезны и делают для них все, что могут. Японцы смеются исподтишка по поводу «открытых дверей» в Маньчжурии, потому что, когда наступит подходящее время, они могут побить нас в промышленности, созданной с помощью дешевого труда, а следовательно, и в торговле»⁵².

Что касается американской прессы, то она в основном занимала явно антирусскую позицию, открыто восхваляя японскую военщину и прояпонскую политику США и Англии. Против антирусских высказываний прессы и некоторых политических деятелей выступали ирландцы, враждебно относящиеся к Англии. Так, в Канзасе на собрании американских граждан ирландского происхождения была принята специальная резолюция, осуждающая недружелюбные действия против России, ведущей войну на Дальнем Востоке⁵³. В Сан-Франциско ирландцы «предложили снарядить и отправить на театр военных действий на свой счет... полевой госпиталь, состоящий приблизительно из 12 врачей и 12 сестер милосердия со всем снаряжением»⁵⁴.

Русское министерство иностранных дел неоднократно протестовало против нарушения нейтралитета Китая, контрабандной торговли и других незаконных действий американских представителей и дельцов. 13 января 1905 г. Кассини передал ноту государственному департаменту США. Ссылаясь на опыт почти одиннадцати месяцев борьбы, в ноте утверждалось, что Китай

⁵¹ См. I. Hammond. American Commercial Interests in the Far East. — «The Annals of the American Academy of Political and Social Science». Vol. XXVI, July 1905.

⁵² T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War. p. 310.

⁵³ АВПР, ф. Канцелярия, 1904 г., д. 129, т. 1, лл. 100—101, 104 (Резолюция принята 4 (21) марта 1904 г.).

⁵⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1904 г., д. 130, л. 78 (2 марта 1904 г.).

постоянно нарушал нейтралитет, что китайцы участвуют в отрядах хунхузов, действующих под руководством японских офицеров на нейтральной территории, что китайские порты используются для ведения контрабандной торговли с Японией.

Если настоящее положение, указывалось в ноте, продлится, Россия вынуждена будет рассматривать вышеуказанный нейтралитет с точки зрения своего собственного нейтралитета⁵⁵.

Идентичные ноты были посланы другим державам⁵⁶. Русское министерство иностранных дел также считало, что Китай не только сочувствует Японии, но и готовится к военным действиям против России. Это последнее предположение царского правительства не оправдалось. Однако по совету США и Японии Китай под видом охраны своего нейтралитета сосредоточил на границе Маньчжурии войска (около 18 тыс.). И только после решительного протеста русского правительства китайские войска были отведены от маньчжурской границы⁵⁷.

13 января 1905 г., когда Кассини вручил государственному департаменту США ноту, Хэй разослал циркулярную телеграмму всем нейтральным странам, в которой вновь излагалась позиция США по вопросу о независимости и суверенности Китая. Нейтральные государства приглашались выразить свое отношение к американской политике «открытых дверей» и «равных возможностей»⁵⁸.

Нейтральные державы выразили свое согласие с принципами, изложенными США⁵⁹. Представитель США в Японии Гриском передал копию циркулярной телеграммы барону Комура. Японское правительство также заверило США, что «отношение имперского правительства к сохранению целостности Китая и признание принципа равных возможностей не изменилось, несмотря на войну»⁶⁰.

Однако вся эта дипломатическая возня являлась прикрытием экспансионистских устремлений США, заинтересованных в сохранении после войны преимущественных прав для своих монополистов на рынках Дальнего Востока. Выступления за сохранение «открытых дверей» также объяснялись опасением, как бы Япония, добившись при помощи США победы, не нарушила планы американской олигархии — установления на Дальнем Востоке положения неустойчивого равновесия.

В марте русское правительство вновь обратилось к заинтересованным державам с жалобами на Китай и Японию. 2 марта

⁵⁵ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1904—1905 гг., д. 190, л. 8; Foreign Relations, 1905, p. 757.

⁵⁶ Foreign Relations, 1905, p. 5, 135—145, 582—591, 757—762.

⁵⁷ Подробно см. А. Добров. Указ. соч., стр. 189—191.

⁵⁸ Foreign Relations, 1905, p. 1.

⁵⁹ Ibid., p. 1—4.

⁶⁰ Ibid., p. 586—587.

Кассини вручил государственному департаменту США промеморий, в котором указывалось, что банды хунхузов, организованных и руководимых японцами, активно действуют в Монголии и в пограничных с Маньчжурией провинциях. Действия хунхузов, а также возможное выступление войск генерала Юань Ши-кай, указывало царское правительство, могут вызвать недовольство и возмущение населения Маньчжурии и привести к печальным событиям, напоминающим движение «И хэ туань». Считая, что державы стремились с самого начала войны локализовать театр военных действий, Россия выражала надежду, что они примут необходимые меры, чтобы заставить Японию и Китай отказаться от идеи расширения сферы военных операций, главным образом на провинции к востоку от Монголии⁶¹.

Копия этого промемория была послана государственным департаментом США своим представителям в Китае и Японии, а также Такахира. В полученной Такахира от барона Комура инструкции говорилось: «Вы уполномочены формально и категорически отрицать утверждение, что китайские бандиты или другие китайские отряды, регулярные или нерегулярные, в Монголии, Маньчжурии или в любой другой части Китая, в настоящее время или когда-либо в течение войны, находились под командованием японских офицеров, японских подданных или других лиц, уполномоченных правительством»⁶².

Борьба против военной контрабанды приняла весьма острые формы во второй половине 1904 г. Русское правительство объявило военной контрабандой ряд товаров, предназначенных для Японии, и русский флот начал проводить систематические операции по захвату нейтральных судов с контрабандным грузом. В июле 1904 г. русские суда захватили пароход «Арабия», плававший под немецким флагом, но перевозивший американские товары⁶³. Захват судов продолжался и в 1905 г. (пароходы «Австралия», «Монтара», «Антилопа», «Барракута» и др.).

Государственный департамент США проводил дипломатическое наступление на русское правительство, энергично защищая интересы Японии и американских дельцов-спекулянтов⁶⁴. Секретарь Хэй в своих нотах пытался урезать список товаров, объявленных русским правительством контрабандными. Кроме того, он заявил, что контрабандный характер тех или иных товаров зависит также и от того, куда они направляются и для кого они предназначаются. В одной из своих нот, протестуя против захвата русскими контрабандных товаров, он писал: «Та-

⁶¹ Foreign Relations, 1905, p. 761.

⁶² Ibid., p. 588.

⁶³ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1904 г., д. 179 (Копия ноты поверенного в делах США от 16 июля 1904 г.).

⁶⁴ См. A. Hershey. The International Law and Diplomacy of the Russo-Japanese War. New York, 1906, p. 161—170, 177—181.

кое расширенное толкование контрабанды, при котором уголь и другое горючее, хлопок-сырец подводится под категорию военной контрабанды только из-за того, что они перевозятся нейтральными судами в неблокированный порт воюющего государства, противоречит здравому смыслу и законам нейтральной торговли»⁶⁵.

Но выступления в защиту контрабандной торговли в интересах Японии не ограничивались только дипломатической перепиской. Президент Рузвельт даже угрожал организовать блокаду Владивостока. В июле он обратился к руководству военно-морского флота с предложением разработать план действий, чтобы «в случае необходимости наша азиатская эскадра могла блокировать русскую эскадру у Владивостока». «Я не предвижу никаких осложнений, — пояснил он, — но при таком отношении России к нейтральным судам, перевозящим товары, которые ей угодно называть контрабандой, я хочу быть готовым ко всяким неожиданностям... Я намерен немедленно поставить их в известность, что мы не потерпим этого (захвата еще одного судна. — Л. З.) и продвинем нашу азиатскую эскадру на север», — писал президент государственному секретарю⁶⁶.

Весной 1904 г. американские военно-морские силы проводили небывалые до этого времени «учебные походы»⁶⁷, явно носившие характер морских демонстраций, связанных с развёрнувшимися на Дальнем Востоке событиями. Как писал Кассини, американское правительство «не желает упускать ни малейшей возможности вмешательства в общие политические дела» и стремится «в последнее время играть первенствующую роль во всех международных вопросах и при каждом удобном или неудобном случае показывать силу своего флота»⁶⁸.

В начале июня в Петербурге было получено сообщение из Пекина, в котором говорилось, что «американская эскадра в южно-китайских водах получила приказание перейти в Чифу и крейсировать в Чжиллийском заливе»⁶⁹. В июне морское ведомство США отдало приказ Тихоокеанской эскадре отправиться на север, к берегам Японии⁷⁰.

Все эти передвижения американских военно-морских эскадр, а также «учебные походы» флота преследовали одну цель — оказать помощь Японии, заставить Россию угрозами и шанта-

⁶⁵ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1904 г., д. 179 (Приложение из «New York Herald» от 9 августа 1904 г. с изложением ноты Хэя).

⁶⁶ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. IV, p. 869 (Рузвельт — Хэю, 29 июля 1904 г.); Н. F. Pringle. Theodore Roosevelt: A Biography, p. 376.

⁶⁷ См. А. Добров. Указ. соч., стр. 159—161.

⁶⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1904 г., д. 129, т. 1 (Кассини — Ламсдорфу, 19 июня 1904 г.).

⁶⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1904 г., д. 129, т. 1, л. 914 (22 мая (5 июня) 1904 г.).

⁷⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1904 г., д. 129, т. 1 (Кассини — Ламсдорфу, 2 (15) июня 1904 г.).

жом прекратить или по крайней мере ослабить борьбу против военной контрабанды в пользу японских милитаристов. В дальнейшем, когда Япония одержала ряд решающих побед в сражениях против русского флота и добилась господства на море, монополисты США получили возможность беспрепятственно снабжать Японию своими товарами.

Не требует доказательств, что, не будь американской и английской помощи, Япония не смогла бы выиграть войну против России. Газета «Нью-Йорк таймс» в 1910 г. писала, что «без помощи США Япония потерпела бы финансовый крах и могла проиграть войну»⁷¹.

Американская финансовая помощь Японии

Накануне войны кредит Японии расценивался весьма низко. Когда в 1902 г. Япония вела переговоры о займе, американские банкиры потребовали 10% годовых. Даже в начале 1904 г. попытка Японии добиться заключения с Англией и США займа в 100 млн. не была увенчалась успехом. Однако, когда Япония вероломно напала на Россию и одерживала одну победу за другой, американская финансовая олигархия, поддерживая политику Теодора Рузвельта, охотно финансировала японских милитаристов. Первый заем был предоставлен Японии весной 1904 г. синдикатом «Кун, Леб энд К^о» и «Национальным и коммерческим банком». Выпущенный на общую сумму в 50 млн. долл., заем был распределен поровну между Нью-Йорком и Лондоном⁷².

Реализация первого займа расчистила путь для получения последующих займов, в которых Япония сильно нуждалась. Этому же содействовала политика Рузвельта и государственного департамента США, поощрявшего деятельность американских банкиров и финансовых воротил, тесно связанных с промышленными и торговыми фирмами, загребавшими огромные барыши на контрабандной торговле с Японией.

Второй англо-американский заем в 60 млн. долл. был выпущен в ноябре 1904 г. Половина этого займа с большим успехом была размещена в Нью-Йорке в течение нескольких дней⁷³. Распространение третьего займа в 150 млн. долл., выпущенного в марте-апреле 1905 г., превзошло все ожидания. Подписка на него была перекрыта в несколько раз, несмотря на менее выгодные для кредиторов условия (4,5% вместо прежних 6% по курсу 90 за 100).

⁷¹ «New York Times», 9.III 1910; ЦГА ВМФ, ф. 418, д. 4107 (Донесение капитана Васильева, 6 января 1910 г.).

⁷² G. O g a w a. Expenditures of the Russo-Japanese War. New York, 1923, p. 65, 94.

⁷³ АВПР, ф. Канцелярия. 1904 г., д. 129, т. 2 (Рассни — Ламсдорфу, 3 (16) ноября 1904 г.); G. O g a w a. Op. cit., p. 67.

В июле Япония выпустила четвертый заем, в распространении которого приняли участие банкиры Англии, США и Германии. В США подписка в четыре раза превысила заранее установленную сумму⁷⁴.

Всего Япония получила займов на сумму в 725 млн. нен. Из этой суммы 27 млн. нен она платила банкам за комиссию⁷⁵. Чистая выручка Японии от заграничных займов составляла примерно 698 млн. нен⁷⁶. В США было реализовано 44% общей суммы иностранных займов Японии, что покрывало почти одну пятую расходов на время военных действий.

Таким образом, помощь США Японии в виде займов и снабжения товарами, необходимыми для обеспечения как японской армии, так и населения в тылу, имела колоссальное значение для реализации планов японских милитаристов. Не менее эффективной оказалась и дипломатическая помощь государственного департамента США, оказанная Японии во время войны, и «миротворческая» деятельность Теодора Рузвельта в период подготовки и проведения Портсмутской мирной конференции.

Рузвельт и подготовка мирного посредничества

Посредническая деятельность Рузвельта неотделима от тех целей, которые США преследовали в 1904—1905 гг.⁷⁷ Она тесно связана с его основной стратегической задачей — добиться в результате войны установления неустойчивого равновесия сил на Дальнем Востоке, создать наиболее благоприятные для американских экспансионистов условия для экономического и политического проникновения в Китай. Для выполнения этой миссии Рузвельт не мог не интересоваться европейской политикой, не изучать и не реагировать на события, связанные с марокканским кризисом и углублявшимися противоречиями между Англией и Германией. На Рузвельта, как и на политических деятелей европейских стран, оказала влияние русская революция 1905 г., потрясшая основы царизма и послужившая побудительным, ускоряющим толчком для буржуазных революций в Турции, Иране и Китае. Боясь распространения революции и на другие страны, буржуазия все больше наставляла на примирение воюющих держав. «Европейский капитал спекулирует на мир, — писал В. И. Ленин. — Буржуазия не только в России, но и в Европе начала понимать связь войны с революцией, начала бояться

⁷⁴ G. Ogawa. Op. cit., p. 67, 94.

⁷⁵ T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 297.

⁷⁶ Л. Н. Кутаков. Портсмутский мирный договор. М., 1961, стр. 15.

⁷⁷ В задачу нашей работы не входят проблемы, связанные с изучением хода военных действий, анализа социальных и экономических причин, толкнувших Японию и Россию к окончанию войны, а также общей международной обстановки периода русско-японской войны.

действительно пародного и победоносного движения против царизма. Буржуазия хочет сохранить «общественный порядок» основанного на эксплуатации общества от чрезмерных потрясений, хочет сохранить русскую монархию в виде конституционной, или якобы конституционной, монархии, и поэтому буржуазия спекулирует на мир в интересах противпролетарских и антиреволюционных» ⁷⁸.

С опубликованием личной переписки Рузвельта и использованием ее американскими историками Деннеттом и Бишопом в 1920-х годах много вопросов, связанных с посреднической деятельностью Рузвельта, стали ясными. Прежде всего не подлежит сомнению, что Рузвельт начал добиваться посредничества в мирных переговорах между Россией и Японией по просьбе Японии. В письме к сенатору Лоджу от 16 июня 1905 г. он писал: «Мое первое выступление в мирных переговорах я сделал по просьбе Японии в связи с телеграммой, переданной мне Такахира; она была послана ему министром иностранных дел Японии 31 мая» ⁷⁹. Рузвельт, выполняя просьбу Японии, скрыл это от русской стороны; наоборот, он пытался внушить русским дипломатам, «что Япония весьма неохотно вообще согласилась на вступление... с Россией в мирные переговоры» ⁸⁰.

Победы, одержанные Японией как на суше, так и в морских сражениях, стоили ей большого напряжения. Несмотря на огромную помощь Англии и США, экономические и финансовые ресурсы Японии оказались на пределе. Искляки и людские ресурсы. С большим напряжением удавалось мобилизовать пополнения для армии ⁸¹. Некоторые политические и военные деятели прекрасно понимали, что затяжная война не в интересах Японии. Не удивительно поэтому, что Кацура и Комура с самого начала войны думали о сроках и способах ее окончания ⁸².

Об этом же думало и японское высшее военное командование, прекрасно понимавшее ограниченный характер возможностей Японии и гибельность для страны затяжки военных действий. Сторонниками скорейшего окончания войны выступали маршалы Ямагата, Ояма и генерал Кодама, начальник штаба японских сил в Маньчжурии.

⁷⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 373.

⁷⁹ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. IV, p. 1221 (Рузвельт — Лоджу, 16 июня 1905 г.). Письмо министра иностранных дел Японии см. J. B. Bishop. Theodore Roosevelt and His Time, p. 383. В письме к Строчи, редактору лондонского журнала «Спектейтор», Рузвельт писал: «Я предпринял переговоры только по просьбе Японии...» (Ibid., p. 401).

⁸⁰ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1905 г., д. 121, л. 97 (Донесения Розена в июле 1905 г.).

⁸¹ См. Л. Н. Кутаков. Указ. соч., стр. 15.

⁸² А. Гальперин. Дипломатическая подготовка Портсмутской мирной конференции японо-англо-американским блоком. — «Исторические записки», 1955, № 50, стр. 176.

Японская дипломатия еще до начала 1905 г. не раз неофициально зондировала почву о возможности завязать мирные переговоры.

Так, в июле 1904 г. во время пребывания Витте в Берлине японский посланник в Англии Хаяси выразил желание встретиться с ним⁸³. Витте, учитывая нараставшее революционное движение в России, не прочь был использовать предложение для начала переговоров. Однако, не получив инструкций из Петербурга, отказался от встречи с Хаяси. По возвращении в Россию он узнал от Ламсдорфа, что царь недоброжелательно отнесся к соответствующему донесению русского посла в Лондоне⁸⁴.

Уже в августе—октябре 1904 г. японские руководящие политические деятели разработали конкретные условия будущего мира. Они требовали признания Россией свободы действий Японии в Корее, вывода русских войск из Маньчжурии, уступки Японии Квантунской области и передачи ей железной дороги от Харбина до Порт-Артура. Другие условия — уступка Сахалина, возмещение Россией военных расходов, права рыбной ловли в водах Приморья — ставились в зависимость от развития событий.

Но даже эта грабительская программа требований перестала удовлетворять японских агрессоров. По мере того как Япония одерживала одну победу за другой, росли аппетиты японских милитаристов, расширялись и их требования.

Теодор Рузвельт и его окружение имели полное представление об истощении ресурсов Японии накануне Портсмутской мирной конференции. Президент знал, что Япония вынуждена просить мира. В обстоятельном письме к одному из друзей, Дж. Кеннану, он подробно излагал свои взгляды на создавшееся положение⁸⁵. «Каждый серьезный государственный деятель Америки, — писал он, — знает, что продолжение войны грозит Японии полным истощением, что только при немедленном заключении мира она сможет удержать завоеванное; продолжение же войны не даст ей ничего».

И далее. «... Вам будет небезынтересен факт, что старосты многих деревень и общин в Японии уведомили правительство, что они не могут больше выделить молодых людей, и если будут мобилизованы в армию еще новые резервы, многие рисовые поля останутся необработанными, что приведет к голоду; небольшие же сбережения деревенских жителей все уже израсходованы...»

⁸³ А. Добров. Указ. соч., стр. 215.

⁸⁴ А. Добров. Указ. соч., стр. 216; С. Витте. Воспоминания. М., 1960. т. 2, стр. 319.

⁸⁵ The Letters of Theodore Roosevelt. Vol. V, p. 57 (Рузвельт — Кеннану, 15 октября 1905 г.).

В таких условиях продолжение войны могло закончиться для Японии катастрофой. Характерно, что позднее, в 1910 г., американский банкир Шифф с полной откровенностью писал в газете «Нью-Йорк таймс» о финансировании Японии во время войны и о том, что если бы война продолжалась еще шесть месяцев, то Япония была бы побеждена⁸⁶.

Совершенно ясно, что открытие мирных переговоров последовало не по инициативе России или США, хотя Рузвельт был крайне заинтересован в этом, а исключительно в результате ходатайства Японии. «Меня позабавило, — писал Рузвельт Лоджу о просьбе японцев, — обращение, в котором они просили меня пригласить обе воюющие державы встретиться по моему собственному побуждению и инициативе»⁸⁷.

Но из всего этого вытекает и другое весьма важное обстоятельство: Рузвельт, как и до войны, в процессе мирных переговоров продолжал ту же политику поддержки Японии. Его посредничество проводилось с несомненным пристрастием в пользу Японии. Прав поэтому один из биографов президента, Прингл, когда пишет, что «его мысли о мире ни в коем случае не были мыслями беспристрастного посредника. В июле 1904 г. он признался Хэю, что США могут «оказаться очень полезными Японии, если, выиграв войну, она окажется перед угрозой, что у нее отнимут плоды ее победы...»⁸⁸.

Прингл писал: «... Попытка закончить войну до морского сражения 27 мая 1905 г. провалилась. Однако Рузвельт выработал условия, которые он считал справедливыми. Они являлись новым доказательством сочувствия Рузвельта Японии. Предполагалось предоставить этой стране протекторат над Кореей; Россия должна была получить права (арендные) на Порт-Артур и его окрестности; Маньчжурия возвращалась Китаю»⁸⁹.

При бесспорной поддержке, которую оказывала финансовая олигархия США Японии во время войны и в период мирных переговоров, ее представитель Теодор Рузвельт, как уже было указано, ни на минуту не забывал о том, что в будущем Япония может изменить направление своей политики и выступить против США. Он всегда думал о необходимости организовать защиту Гавайских островов и Филиппин. В феврале 1905 г. он писал секретарю по военным делам Тафту о необходимости свя-

⁸⁶ «New York Times», 9.III 1910.

⁸⁷ The Letters of Theodore Roosevelt. Vol. IV, p. 1222 (Рузвельт — Лоджу, 16 июня 1905 г.).

⁸⁸ H. F. Pringle. Theodore Roosevelt: A Biography, p. 379; см. также The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. IV, p. 865 (Рузвельт — Хэю, 26 июля 1904 г.).

⁸⁹ H. F. Pringle. Theodore Roosevelt: A Biography, p. 383; см. также The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. IV, p. 1115—1116 (Рузвельт — Майеру, 6 февраля 1905 г.).

заться с губернатором Гавайских островов Дж. Р. Картером и узнать, не нужно ли послать туда войсковые подкрепления⁹⁰. В другом письме, к Лоджу, он писал: «Теперь Япония имеет Порт-Артур, Корею и господствующее положение в Маньчжурии, и я считаю, что чем меньше она будет выставлять дополнительных требований, тем лучше»⁹¹.

Рузвельт, бесспорно, хотел быть посредником в урегулировании русско-японского конфликта, чтобы добиться осуществления своих планов расширения американской экспансии, усиления военно-морской мощи США, поднятия американского авторитета и влияния в международной политике. В то же время он опасался вмешательства других держав, которые потребовали бы компенсации за счет Китая не только для воюющих стран, но и для нейтралов. Такая возможность серьезно угрожала бы проводимой США на Дальнем Востоке политике «открытых дверей». В письме к американскому послу в Берлине Тоуэру Рузвельт писал: «Вы сообщаете о том, что, по словам канцлера, Делькассе разработал план заключения мира между Россией и Японией при посредничестве Франции и Англии, причем предусматривается, что китайскую территорию получают не только Россия и Япония, но также Франция и Англия в качестве компенсации за их посредничество... Пожалуйста, уведомьте императора непосредственно или через канцлера, что я категорически откажусь участвовать подобным действиям какой-либо из держав...»⁹²

Таким образом, Рузвельт действительно хотел оказать Японии «искренние услуги». Он стремился занять почетное место посредника, когда для этого наступит подходящий момент, и воспрепятствовать вмешательству держав с целью «ограбления» Японии. «Президент, — как писал Хэй, — абсолютно тверд в своем решении не допускать вторичного ограбления Японии с целью лишения ее плодов победы»⁹³.

Международная обстановка накануне мирной конференции

Подготавливая условия для переговоров между Россией и Японией, Рузвельт вел активные переговоры с Германией, Францией и Англией, пытаясь заблаговременно заручиться их согласием на

⁹⁰ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. IV, p. 1118 (Рузвельт — Тафту, 9 февраля 1905 г.); T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 160.

⁹¹ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. IV, p. 1230 (Рузвельт — Лоджу, 16 июня 1905 г.).

⁹² The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. IV, p. 1288 (Рузвельт — Тоуэру, 27 июля 1905 г.); J. B. Bishop. Op. cit., p. 401—402.

⁹³ W. R. Thayer. Life and Letters of John Hay, Vol. II, p. 361.

посредничество, согласовать с ними основные контуры будущего мирного договора и, если понадобится, использовать их влияние для оказания давления на Россию и Японию.

Большое внимание в этих переговорах уделялось Германии. Рузвельт считал, что интересы США и Германии на Дальнем Востоке в некотором отношении совпадают. Обе державы добились максимального истощения воюющих держав и установления после войны неустойчивого равновесия между Японией и Россией. В начале войны Германия считала, что затяжная война на Востоке благоприятствует ее интересам. Однако серьезные политические изменения, происшедшие в Европе, марокканский кризис и революция 1905 г. не могли не повлиять на политику кайзеровской Германии. В апреле 1904 г., как известно, оформилась англо-французская Антанта, что означало достижение англо-французского соглашения по основным колониальным вопросам, обострение противоречий между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией — с другой. Кайзеровская Германия и император Вильгельм II начали интенсивную дипломатическую кампанию, рассчитанную на то, чтобы добиться расторжения Антанты и образования против Англии союза Германии, России и Франции. Для достижения этой цели Вильгельм II начал тайную переписку с Николаем II, которая в конечном счете привела к подписанию ими Бьёркского секретного соглашения (июль 1905 г.)⁹⁴.

Обострение отношений между Германией и англо-французским империализмом приняло особенно резкие формы в первой половине 1905 г. в связи с первым марокканским кризисом. Англо-французская Антанта была крайне заинтересована в привлечении России на свою сторону. Но Англия в то же время состояла в союзе с Японией и оказывала ей существенную помощь. Все это учитывалось Германией. Вильгельм II приложил немало усилий, чтобы не только не допустить сближения России с Англией, но, наоборот, расстроить франко-русский союз и добиться союза России и Германии. В разгар русско-японской войны Вильгельм II не переставал расточать соболезнования и советы и подбадривал царизм во время неудач в войне. Он помогал в реализации займов, снабжал углем эскадру Рождественского, доказывал Николаю нелояльность его союзницы Франции и т. д.

⁹⁴ В нашу задачу не входит изложение событий, связанных с подписанием Бьёркского договора, марокканских событий и других европейских проблем. Они в достаточной мере освещены в советской и зарубежной исторической литературе (см. «Переписка Вильгельма II с Николаем II». Пг., 1923; S. B. Fay. The Kaisers Secret Negotiations with the Tsar, 1904—1905. — «American Historical Review», Vol. XXIV, October 1918, p. 48—72; Е. В. Тарле. Императоры Вильгельм II и Николай II в 1904—1907 гг. Неизданная переписка. Пг., 1917).

В новой обстановке, возникшей в результате марокканского кризиса, изменилась позиция Германии в отношении русско-японской войны. Если в 1904 г. Германия хотела, чтобы русско-японская война была затяжной, то уже весной и летом 1905 г. Вильгельм выступал за скорейшую ликвидацию войны на Тихом океане. Германия теперь стремилась вернуть Россию к европейским делам, вовлечь ее в орбиту антибританской политики. Огромное значение в перемене германского курса дальневосточной политики имела русская революция 1905 г. Правительственные круги Германии не только опасались за судьбу российской империи, но и за свое собственное будущее в случае распространения революции на страны Запада.

Вильгельм II одновременно вел интенсивную переписку с Теодором Рузвельтом, используя своего посла Штернбурга, друга президента. Вильгельм пытался вовлечь Рузвельта в европейские дела и в разрешение марокканского кризиса, добиться его помощи в дипломатических интригах Германии, направленных против Франции и Англии. Рузвельт же стремился заручиться согласием Германии на свое посредничество в ликвидации дальневосточного кризиса и в сохранении политики «открытых дверей». При этом он также надеялся использовать кайзера для оказания в случае необходимости воздействия на царя.

Германия, опасавшаяся создания после войны англо-франко-русской Антанты, потратила немало усилий, чтобы не допустить посредничества Франции в русско-японской войне. Обострение противоречий между англо-французской Антантой и Германией привело к тому, что обе стороны считали наиболее удобным привлечь Теодора Рузвельта, начавшего после смерти Хэя в 1905 г. лично заниматься иностранными делами, к разрешению дальневосточного кризиса. А это вполне устраивало президента, давно готовившегося к своей посреднической деятельности и заинтересованного в участии США в мировой политике.

В начале июня 1905 г. Вильгельм, убежденный в том, что необходимо начать переговоры о мире, писал Николаю II: «Может быть, мне следует обратить внимание на то обстоятельство, что из всех наций японцы, несомненно, наиболее чтут Америку, потому что эта могущественная, развивающаяся держава с ее страшным флотом находится к ним ближе всех. Если есть кто-нибудь на свете, кто может повлиять на японцев и побудить их быть благоразумными в их требованиях, то это президент Рузвельт. Если бы ты этого пожелал, я бы мог частным образом снестись с ним, потому что мы с ним большие приятели; посол мой тоже с ним дружен»⁹⁵.

Немецкая дипломатия делала все, чтобы не допустить посредничества в русско-японской войне Англии или Франции. Поэтому

⁹⁵ «Переписка Вильгельма II с Николаем II», стр. 105.

Штернбург, выполняя директивы своего правительства, доказывал Рузвельту, что и Англия и Франция хотела бы получить компенсацию за счет Китая; что мир, добытый при их посредничестве, мог бы привести к созданию союза Англии, Франции, России и Японии. Такой результат не только противоречил бы интересам Германии, но и США и их политике на Дальнем Востоке. Штернбург пытался также натравливать Рузвельта на Англию, указывая на ее стремление создать Антанту и нарушить равновесие сил не только в Европе, но и в Азии. В телеграмме, посланной Рузвельту кайзером еще в начале 1905 г., выражалось удовлетворение политикой «открытых дверей»; в то же время указывалось, что этой американской политике, к которой присоединяется и Германия, угрожает реальная опасность со стороны коалиции держав, возглавляемой Францией⁹⁶.

Доброжелательные отношения, установившиеся между кайзером и Рузвельтом, вызвали подозрение и недовольство в правительственных кругах Англии. Рузвельт поэтому написал письмо своему другу Спринг-Райсу, пытаясь рассеять опасения англичан⁹⁷. Как в этом, так и в других письмах президент, хотя и безуспешно, пытался примирить Англию и Германию, в то же время неслестно отзывался о кайзере, считая его «слишком неуравновешенным, слишком непостоянным в своей политике, совершенно неспособным к мыслям и действиям дальнего прицела»⁹⁸. А в письме к Лоджу Рузвельт отмечал: «... Мне всегда забавно, когда я узнаю, что англичане считают, будто я нахожусь под влиянием кайзера»⁹⁹.

Рузвельт серьезно задумывался над проблемами будущего мира в Азии. Он считал, что во время переговоров необходимо обеспечить интересы США и Англии. «Победит ли Россия или Япония, победитель уступит Англии и США лишь то, на что они могут претендовать в силу своей действительной или потенциальной мощи»¹⁰⁰. В том же письме Рузвельт высказал сомнение в возможности возникновения русско-японского союза или четверного русско-германо-франко-японского альянса. Однако как бы ни сложилась в дальнейшем ситуация, он считал, что Англия и США должны самым тесным образом сотрудничать в целях обеспечения выгодных для них условий мира.

Англия и США с начала и до конца войны поддерживали Японию. Однако это не означало отсутствия в их дальневосточ-

⁹⁶ «G. P.», Bd. XIX, Hf. 2, S. 556—557.

⁹⁷ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. IV, p. 1177—1179 (Рузвельт — Спринг-Райсу, 13 мая 1905 г.).

⁹⁸ Ibid., p. 1178.

⁹⁹ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. IV, p. 1181 (Рузвельт — Лоджу, 15 мая 1905 г.).

¹⁰⁰ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. IV, p. 1082—1088 (Рузвельт — Спринг-Райсу, 27 декабря 1904 г.).

вой политике противоречий, что сказалось накануне и во время Портсмутских мирных переговоров. Если Рузвельт добивался установления на Дальнем Востоке после войны не мира, а перемирия, то Англия и ее союзница Япония хотели большего — сокрушительного поражения России. С сильно ослабленной Россией английская дипломатия могла скорее и с большим успехом договориться по вопросам Тибета, Афганистана, Ирана и оборонности границ Индии. Этим же объясняется и тот факт, что Англия долго выступала против мирного посредничества и одно время даже возражала против посредничества Рузвельта. Частично эта позиция объясняется и тем, что Англия, сколачивавшая в это время антигерманский фронт, с подозрением относилась к сближению США с Германией¹⁰¹. В отличие от США Англия, исходя из своей основной цели, не была заинтересована в форсировании событий; она стремилась максимально использовать японский военный кулак для нанесения мощного удара по России в Азии. Этим же объясняется и другой, исключительно важный для Англии факт. Япония добивалась возобновления англо-японского союзного договора, чтобы укрепить свои позиции во время мирных переговоров. Будучи заинтересованной в его пересмотре, Англия тем не менее не сразу выразила согласие¹⁰².

И даже после того как Рузвельт официально выступил с посреднической деятельностью, Англия продолжала свою линию. Не удивительно, что Кассини доносил: «Единственной державой, бесспорно не одобряющей политику президента, является Англия. Очевидно, не желая установления прочного и надежного мира между ее союзницей и Россией, не доведенной еще, как она, вероятно, надеялась, до полного истощения, она пользуется многочисленными имеющимися в ее распоряжении средствами, чтобы вселить в здешних американских и японских кругах недоверие к искренности наших настоящих намерений»¹⁰³.

В отличие от Франции, которая стремилась к скорейшей ликвидации войны и оказывала соответствующее влияние на Россию, Англия отказалась удовлетворить просьбу Рузвельта воздействовать на Японию в духе умеренности. Раздраженный Рузвельт просил государственный департамент отправить Уайтлоу Риду, послу США в Лондоне, телеграмму следующего содержания: «Президент просит Вас выяснить, хочет ли английский правительством мира или нет»¹⁰⁴.

Англия хотела, чтобы после войны на Дальнем Востоке было создано положение, которое исключило бы стремление к ре-

¹⁰¹ См. A. L. P. Dennis. *Adventures...*, p. 404; T. Dennett. *Roosevelt and the Russo-Japanese War*, p. 214.

¹⁰² См. гл. VI.

¹⁰³ АВПР, ф. Канцелярия, 1905 г., д. 121, лл. 89—93 (Донесение Кассини от 31 мая (13 июня) 1905 г.).

¹⁰⁴ T. Dennett. *Roosevelt and the Russo-Japanese War*, p. 211.

ваншу со стороны России. Развитие событий в Европе, углублявшиеся противоречия с Германией и стремление Англии создать условия возможно лучшей защиты своих огромных колониальных владений толкали британских политических деятелей к проведению политики сближения с Россией в целях использования ее военных сил на Западе.

Заключение второго союзного договора с Японией также должно было облегчить Англии защиту ее огромных колониальных владений.

Таковы основные различия в политике Англии и США на Дальнем Востоке в 1905 г. Противоречия между этими странами, выявившиеся к концу русско-японской войны, все же не помешали им по ряду вопросов действовать сообща. Они легко нашли общий язык по вопросам Кореи, Порт-Артура, Маньчжурии и других проблем, связанных с установлением мира на Дальнем Востоке. Подписание соглашения Тафта — Кацура и второй англо-японский союзный договор¹⁰⁵ являлись лучшим доказательством стремления Англии и США действовать единым фронтом, когда речь шла об укреплении их господства над народами Дальнего Востока.

Весной 1905 г. положение, сложившееся в Японии и России, благоприятствовало началу мирных переговоров и посредничеству Теодора Рузвельта. Россия вынуждена была начать мирные переговоры, чтобы покончить с революционным движением, угрожавшим существованию царского самодержавия. Япония, до предела истощенная войной, опасалась ее продолжения и стремилась закрепить плоды одержанных побед. Рузвельт прекрасно знал об этом; еще в начале 1905 г. он пришел к выводу, что «Япония, конечно, уже сильно страдает от истощения людских и прочих ресурсов, она ничего не может выиграть от продолжения войны; она больше потеряет, чем выиграет от этого, даже если она будет побеждать»¹⁰⁶.

Крупнейшие военные деятели Японии, понимавшие необходимость проведения политики единства военной стратегии и дипломатии, явно опасались, что продолжение войны может уменьшить шансы Японии на заключение грабительского мира. Встречи американского посланника Грискома с Комура в марте и их беседы являлись подтверждением желания Японии начать переговоры.

Однако японские политические деятели считали, что прямое и открытое их обращение по этому вопросу может быть оценено как проявление слабости Японии. Поэтому при встрече с Грискомом 12 марта Комура выразил большую признательность Рузвельту за его стремление начать мирные пе-

¹⁰⁵ См. гл. VI.

¹⁰⁶ Th. Roosevelt. An Autobiography. New York, 1946, p. 540.

переговоры и в то же время «дал ясно понять, что инициатива в деле мира должна исходить от России»¹⁰⁷.

Получив сообщения Грискома, президент начал активную посредническую кампанию, установив, как мы видели, связи с Германией и Англией, а через своего нового посла в Петербурге Майера получал необходимую информацию, используемую для воздействия на русскую дипломатию. В апреле, после неудачных переговоров Делькассе с японским посланником Мотоно, японское правительство официально поставило Рузвельта в известность о ходе переговоров Делькассе с Мотоно и сообщило что «японское правительство не намерено отказаться от дружеских услуг, направленных на то, чтобы состоялась встреча воюющих сторон»¹⁰⁸.

Через неделю, 25 апреля 1905 г., Рузвельту была показана секретная телеграмма, полученная Такахира от Комура, в которой говорилось о желании Японии начать переговоры о мире при посредничестве Рузвельта¹⁰⁹. В этой и в других телеграммах японцы настойчиво убеждали Рузвельта в необходимости держать в секрете их обращения о посредничестве.

В течение мая Япония форсировала переговоры с Англией о заключении нового союзного договора для усиления своих позиций на предстоящей мирной конференции. 31 мая, через несколько дней после Цусимского боя, Комура официально обратился к президенту Рузвельту с просьбой «обратиться непосредственно (по собственной инициативе) и от себя лично к воюющим сторонам с предложением начать переговоры»¹¹⁰.

В своем письме к царю от 3 июня Вильгельм настойчиво советовал ему дать согласие на посредничество Рузвельта. В то же время кайзер выражал свою готовность поддерживать все усилия Рузвельта в интересах достижения мира. От американского посла в Берлине Рузвельт также получил сообщение, в котором говорилось, что Вильгельм крайне встревожен создавшимся в России положением и что в письме к Николаю он убеждал его в необходимости скорейшего заключения мира¹¹¹.

5 июня 1905 г. Рузвельт отправил американскому послу в Петербурге Майеру инструкцию добиться свидания с царем, передать ему послание президента и убедить в необходимости открыть мирные переговоры. В послании царю Рузвельт доказывал, что положение России является безнадежным и что, по мнению всех наблюдателей, «в том числе и всех самых предан-

¹⁰⁷ P. J. Treat. *Diplomatic Relations between the United States and Japan, 1895—1905*, p. 240.

¹⁰⁸ T. Dennett. *Roosevelt and the Russo-Japanese War*, p. 177.

¹⁰⁹ *Ibid.*, p. 180.

¹¹⁰ T. Dennett. *Roosevelt and the Russo-Japanese War*, p. 215—216 (Письмо Комура — Такахира, 31 мая 1905 г.).

¹¹¹ См.: «Переписка Вильгельма II с Николаем II», стр. 102—105.

ных друзей России, ... продолжение войны может только кончиться потерей всех русских владений в Восточной Азии»¹¹².

Скрыв от русской дипломатии обращение к нему Японии с просьбой о посредничестве, президент заверял царя в том, что его согласие на переговоры будет держаться в строгой тайне до тех пор, пока американской дипломатии не удастся добиться согласия японской стороны открыть мирные переговоры.

7 июня государственный департамент США получил телеграмму от Майера, в которой сообщалось о согласии царя на переговоры. Царь лишь наставлял при этом, чтобы его согласие держалось в строгом секрете и чтобы президент «по своей инициативе пытался получить согласие японского правительства на встречу русских и японских полномочных представителей без посредников с тем, чтобы они попытались выработать условия мира»¹¹³.

Добившись согласия Петербурга и Токю, Рузвельт обратился 8 июня 1905 г. с идентичными нотами к правительствам России и Японии, предлагая им «не только для их блага, но и в интересах всего цивилизованного человечества начать переговоры о заключении мира»¹¹⁴.

Получив ответ России, Рузвельт поспешил опубликовать текст своего обращения к воюющим странам. Он стремился создать условия, которые затруднили бы России или Японии отступление от их намерений. Заняв, как и раньше, благоприятную в отношении Японии позицию и зная тяжелые условия мира, предложенные Японией, и отношение к ним России, Рузвельт проявлял крайнюю маневренность. Для него не безразлично было, на чьей стороне будет общественное мнение в случае срыва переговоров.

Отметим, что даже 11 июня 1905 г. Такахира в беседе с Штернбургом выразил сомнение в вопросе о контрибуции. «Считаете ли Вы, — спросил он германского посла, — что Япония имеет право на контрибуцию?»¹¹⁵ Майер в своих донесениях неоднократно утверждал, что Россия не согласится на уплату контрибуции и на территориальные уступки.

В связи с этим Рузвельт со свойственной ему энергией пытался внушить русской дипломатии, что он готов оказать России «помощь» и добиться со стороны Японии более «умеренных» требований. Его усилия увенчались успехом. Царское правительство не только выразило согласие на посредничество президента, но и отказалось от требования созыва мирной конференции в одном из европейских городов и согласилось, чтобы она со-

¹¹² См. T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 221—222.

¹¹³ Ibid., p. 223—224.

¹¹⁴ Ibid., p. 224—225.

¹¹⁵ T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 203 (Штернбург — Рузвельту, 11 июня 1905 г.).

стоялась в Америке, «где благотворное влияние могло бы быть оказано присутствием инициатора свидания президента Рузвельта»¹¹⁶.

Портсмутская конференция и позиция США

В течение нескольких недель Рузвельту пришлось преодолевать ряд дипломатических трудностей, чтобы добиться наконец окончательного согласия России и Японии послать уполномоченных для ведения переговоров. Япония опасалась, что Россия назначит второстепенных дипломатов и не предоставит им достаточно широких полномочий. В действительности же полномочия Витте и Розена, назначенных русским правительством для ведения переговоров, оказались более широкими, чем полномочия Комура и Такахира, представлявших Японию. Не удалось Рузвельту договориться с Японией об установлении перемирия. Япония воспользовалась этим и до открытия мирной конференции захватила о-в Сахалин.

Ознакомление с японскими требованиями¹¹⁷, а также беседы Рузвельта с японскими и русскими уполномоченными после их приезда в США убедили его в предстоящих трудностях. Позиция русской делегации, настойчивый и решительный тон Витте заставили Рузвельта усомниться в возможности положительного исхода переговоров. «Он понял, — доносил Витте, — что одностороннее суждение о нашем положении, а главное о нашем настроении»¹¹⁸.

Но Рузвельт не мог допустить срыва переговоров. Ведь речь шла не только о его личной ответственности и репутации как миротворца, но и об определенном экспансионистском курсе, который США проводили на Дальнем Востоке. 17 июня 1905 г. он писал президенту Калифорнийского университета Б. Уиллеру: «Я думаю, что наше будущее будет в большей степени определяться нашим положением на Тихом океане, лицом к Китаю, чем положением на Атлантическом океане лицом к Европе»¹¹⁹.

Считая Россию основным врагом США на Дальнем Востоке, Рузвельт, хотя и опасался чрезмерного усиления Японии, все еще считал возможным использовать ее военную силу в качестве жандарма против колониальных народов Азии. Не удивительно поэтому, что и во время переговоров он занимал явно

¹¹⁶ Из письма Ламсдорфа — Кассини, 30 мая (12 июня) 1905 г. — «Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией о заключении мирного договора (24 мая—3 октября 1905 г.)». СПб., 1906, стр. 14 (далее: «Сборник»).

¹¹⁷ См. полностью Б. А. Романов. Очерки..., стр. 459—460.

¹¹⁸ Витте — Ламсдорфу, 22 июля (4 августа) 1905 г. — «Сборник», стр. 104.

¹¹⁹ T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 3 (Рузвельт — Уиллеру, 17 июня 1905 г.).

прояпонскую позицию, добиваясь максимального удовлетворения ее требований.

Мирная конференция в Портсмуте продолжалась с 9 по 29 августа 1905 г.¹²⁰ На втором заседании японская делегация вручила русским уполномоченным свои условия мира. Они включали: признание Россией преобладающих политических, военных и экономических интересов Японии в Корее; эвакуацию Маньчжурии обеими сторонами; передачу Японии арендных прав на Ляодунский полуостров и всех прав и привилегий на Южно-Маньчжурскую ветвь КВЖД между Харбином и Порт-Артуром; уступку Россией Сахалина; возмещение Японии действительных издержек войны; выдачу Японии интернированных русских военных судов в нейтральных портах; ограничение морских сил России в дальневосточных водах; предоставление Россией японским подданным полных прав рыбной ловли «вдоль побережья, в заливах, гаванях, бухтах и реках своих владений и Японском, Охотском и Беринговом морях»¹²¹.

12 августа Витте, руководствуясь инструкциями своего правительства, вручил ответ русской делегации¹²². В нем категорически отвергались пункты об уступке Сахалина, о военной контрибуции, о сдаче интернированных в нейтральных портах русских военных судов, об ограничении русских военно-морских сил на Дальнем Востоке.

Было решено, по совету Рузвельта, начать с обсуждения тех вопросов, по которым представлялась возможность добиться взаимоприемлемых соглашений.

Необходимо отметить, что Витте как руководитель русской делегации сумел в течение всего периода ведения переговоров воздействовать на общественное мнение США. Он привлек доктора Е. Дж. Диллона, петербургского корреспондента английской газеты «Дейли телеграф», для организации информации и установления связи с американской прессой. Витте сам охотно принимал представителей прессы, пытаясь всеми мерами возбудить и оживить симпатии к России. «Приезд Витте, — писал И. И. Шипов, — безусловно произвел во враждебном, даже злорадном, к нам отношении американского общества как будто перемену; в части публики замечаются признаки симпатии к России. ... Многие деловые люди, например, из банкиров — представитель Моргана Вандерлип, из печати — Стоун, из русских — барон Розен и многие другие влиятельные лица считают необходимым воспользоваться переменной настроения и стараться раздувать тлеющий огонек симпатии к нам»¹²³.

¹²⁰ Подробно о работе конференции см. Б. А. Романов. Портсмутская мирная конференция. — «Исторические записки», т. 46, 1954, стр. 63—126.

¹²¹ «Протоколы Портсмутской мирной конференции». СПб., 1906, стр. 5—6.

¹²² См. Б. А. Романов. Очерки..., стр. 461—464; «Сборник», стр. 110—114.

¹²³ «Красный архив», т. VI, 1924, стр. 25.

На первых восьми заседаниях удалось договориться по восьми, наименее спорным вопросам. Судьба Кореи была решена еще до Портсмутской конференции. По второму англо-японскому союзному договору и по соглашению Тафта — Кацура Англия и США гарантировали Японии неограниченный контроль над Кореей. На самой конференции русская делегация вынуждена была признать японские притязания на Корею, добившись лишь незначительных уступок в виде признания за русскими подданными в этой стране прав наиболее благоприятствуемой страны.

Сравнительно легко были разрешены и другие вопросы. Россия и Япония обязались эвакуировать «совершенно и одновременно» Маньчжурию, кроме Ляодунского полуострова, и «возвратить в исключительное управление Китая вполне и во всем объеме все части Маньчжурии», занятые японскими или русскими войсками¹²⁴. Царизм, пытавшийся до войны закрыть дверь для иностранного капитала в Маньчжурии, теперь признал принцип «равного благоприятствования» для всех наций в сфере землевладения, торговли и промышленности Китая.

Россия уступала Японии аренду и все права на Ляодун, а также на южную ветвь КВЖД, между Чанчунем и Порт-Артуром. Статьи мирного договора, касающиеся Маньчжурии и южной части КВЖД, означали, что обе державы согласились на раздел Маньчжурии на «сферы влияния» — русскую и японскую.

На следующих заседаниях обе стороны не могли договориться о судьбе интернированных судов и о требовании Японии ограничить морские силы России на Тихом океане. Но не это являлось решающим. Конференция зашла в тупик, когда встали вопросы о Сахалине и о контрибуции. 18 августа состоялась встреча Витте и Комура. Оба искали выхода из создавшегося положения. Комура предложил «компромисс», смысл которого сводился к следующему: Япония отказывалась от требования ограничить русские морские силы на Дальнем Востоке, от сдачи интернированных в нейтральных портах судов и даже от контрибуции, за исключением возмещения расходов по содержанию военнопленных, но только при условии передачи Японии части Сахалина южнее 50°; северная часть Сахалина «возвращалась» России, за что она должна заплатить Японии 1200 млн. пен¹²⁵.

Предложение японской делегации, как правильно писал в своих донесениях С. Ю. Витте, в сущности содержало «в скрытом виде не только решение вопроса о Сахалине, но и возмещение расходов войны»¹²⁶. Так расценивали новое предложение японской делегации и в правительственных кругах России¹²⁷. 22 августа

¹²⁴ Б. А. Романов. Очерки..., стр. 465.

¹²⁵ Витте — Ламсдорфу, 5 (18) августа 1905 г. — «Сборник», стр. 140—141.

¹²⁶ Там же, стр. 141.

¹²⁷ См. Л. Н. Кутаков. Указ. соч., стр. 63—65.

Витте получил инструкцию, в которой ему поручалось «прекратить дальнейшие переговоры с японскими делегатами, если последние не будут уполномочены отказаться от тех чрезмерных притязаний, которые ими ныне предъявляются» ¹²⁸.

Угроза полного срыва мирной конференции встревожила Теодора Рузвельта, который зорко следил за всем ходом переговоров. Финансовый агент Японии барон Канеко, поддерживавший тесную связь с японской делегацией на конференции, находился в постоянном контакте с президентом, информируя Рузвельта о ходе работы конференции, о настроениях и планах японских представителей. На самой конференции присутствовал помощник государственного секретаря США Х. Д. Пирс, державший президента в курсе всех дел. Полную информацию Рузвельт получал также от опытного публициста и одного из руководителей агентства Ассошиэйтед Пресс М. Стоуна и журналиста О'Лэфлина, тесно связанного с членами русской делегации.

18 августа Рузвельт получил донесение от Майера из Петербурга о решимости правительства России не заключать мирного договора с Японией, пока она не откажется от требований контрибуции и сдачи ей Сахалина. Штернбург, выполняя линию кайзера, заинтересованного в ликвидации конфликта, убеждал Рузвельта в том, что Франция и Англия только и ждут подходящего момента, чтобы предложить свое посредничество ¹²⁹.

На следующий день, по просьбе Рузвельта, состоялась его встреча с Розеном. Для того чтобы «преодолеть затруднения», Рузвельт предложил вопрос о возмещении военных издержек передать «на предварительное заключение двух лиц, принадлежащих один к национальности, дружественной России, а другой — дружественной Японии». Такая процедура, доказывал Рузвельт, потребует «немало времени», в течение которого «страсти улеглись бы» и в конечном счете вопрос мог бы быть разрешен благополучно ¹³⁰.

Что касается Сахалина, то Рузвельт проявил большую настойчивость, чем японцы. Он пытался внушить Розену, что попытки отстоять Сахалин безнадежны. Остров все равно захвачен японцами, оставлять его они не собираются, и поэтому лучше от него добровольно отказаться.

С этого момента Рузвельт развернул исключительную энергию и использовал все свое влияние и дипломатические связи, чтобы оказать давление на Россию. 22 августа он отправил телеграмму Майеру, предложив ему лично вручить царю президентское послание. Одновременно курьер передал Витте письмо Рузвельта;

¹²⁸ Л. Н. Кутаков. Указ. соч., стр. 65; «Сборник», стр. 167—168.

¹²⁹ T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 265 (Штернбург — Рузвельту, 18 августа 1905 г.).

¹³⁰ Витте — Ламсдорфу, 7 (20) августа 1905 г. — «Сборник», стр. 162—163; T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 252.

в нем содержался текст послания на имя царя для передачи в Петербург телеграфом. В послании к царю Рузвельт пытался доказать целесообразность для России заключить мир на условиях, предложенных Японией. «Японцы, — писал он, — возвратят России северную половину Сахалина, в то время как Россия, конечно, уплатит адекватную сумму за это возвращение и за русских пленных. Если это соглашение может быть достигнуто, вопрос о точной сумме может быть предметом переговоров»¹³¹.

В письме к Витте Рузвельт утверждал, что он во время беседы с Розеном не знал о «компромиссе» Комура. «Если бы я был русским государственным деятелем, — писал он, — я бы с величайшей радостью заключил мир на условиях этого возвращения и уплаты некоторой существенной суммы, как эквивалента за территорию, таким путем возвращенную, и за возвращение русских пленных»¹³².

Витте еще до получения ответа на президентское послание Николаю II написал Рузвельту письмо, в котором опровергал его аргументы о «почетности» предлагаемых мирных условий и, ссылаясь на свою первую беседу с ним накануне открытия мирной конференции, заявил, что «они не могут быть приняты самосознанием России», так как она «не может признать себя побежденной»¹³³.

В Портсмуте было решено отложить заседание на 23 августа. Обе стороны надеялись к этому времени получить соответствующие инструкции. Рузвельт пытался повлиять на царя, используя кайзера и дружественное России французское правительство. В то же время через Канеко он пытался воздействовать на Японию. Письма Рузвельта к Канеко от 22 и 23 августа показывают, что, хотя он прилагал сверхчеловеческую энергию, чтобы добиться для Японии контрибуции и территориальной уступки, он уже тогда начал сомневаться в возможности заставить Россию принять японские условия мира. «Я думаю, — писал Рузвельт в первом письме, — что Россия откажется платить и что общее мнение цивилизованного мира поддержит ее в отказе платить большую запрошенную сумму или что-нибудь подобное такой сумме». В случае продолжения войны Японии, возможно, «удастся завладеть Восточной Сибирью», но для этого ей «придется израсходовать 4 или 5 сотен миллионов долларов сверх того, что уже израсходовано» и «пролить неимоверное количество крови... Россия тогда не будет в состоянии дать вам хоть сколько-нибудь денег»¹³⁴.

¹³¹ Полностью послание Рузвельта см. T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 265—267.

¹³² Б. А. Романов. Портсмутская мирная конференция. — «Исторические записки», т. 46, 1954, стр. 100.

¹³³ «Оранжевая книга» (до войны). Сб. дипломатических документов. СПб., 1905, № 146 (Витте — Ламсдорфу, 9 (22) августа 1905 г.).

¹³⁴ T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 268—269.

В письме к Канеко от 23 августа Рузвельт доказывал, что в интересах Японии ныне заключить мир. Она добилась господства в Корее и Маньчжурии; удвоила свой флот, уничтожив военно-морские силы России; она получила Порт-Артур, Дальний, часть Сахалина и южную часть КВЖД. Бессмысленно поэтому для Японии продолжать войну из-за денег, ибо продолжение войны, вероятно, «поглотит больше денег, чем она в конечном результате сможет получить от России».

Рузвельт апеллировал к Японии, прибегая и к соображениям этическим. Он выражал уверенность в том, что Япония не останется глуха к призыву цивилизованного мира, ожидающего немедленного заключения мира. Впрочем, Рузвельт пояснял: «Помните, я не говорю о том, что надо продолжать войну из-за Сахалина, хотя я и считал бы это правильным; продолжать же войну, чтобы получить побольше денег от России, я считаю бессмысленным»¹³⁵.

Это последнее высказывание Рузвельта показывает его истинные намерения. Он прекрасно понимал стратегическое значение Сахалина и поэтому добивался его полной передачи Японии. Отметим по этому вопросу мнение военного министра России. Он писал: «Остров Сахалин, в случае перехода его во владение Японии, даст ей возможность обратить его в базу для нападения на Приморскую область, базу более близкую, чем японские острова; обладание Северным Сахалином дало бы Японии сверх того возможность запереть вход в Николаевск. Таким образом, переход Сахалина в руки японцев представил бы для нас в военном отношении известные невыгоды»¹³⁶.

На заседании 23 августа, еще до того как Рузвельт получил ответ на свое послание царю, Витте решил прибегнуть к маневру, чтобы доказать общественному мнению, несколько охладевшему к Японии, что она готова возобновить войну из-за денег. Он выдвинул перед японской делегацией ряд вариантов соглашения без контрибуции. Когда японцы ответили отказом, он спросил, как бы они отнеслись к такой комбинации: Россия отказывается от всего Сахалина при условии отказа Японии от военного вознаграждения. Комура ответил, что всякая комбинация, иная, чем комбинация в предложенной форме, была бы непримемлемой. Такой категорический ответ Комура дал возможность русской делегации разоблачить истинные цели Японии и мобилизовать общественное мнение на свою сторону.

23 августа состоялось свидание американского посла с царем, продолжавшееся около двух часов. Из сообщения Майера видно, что царь согласился на раздел Сахалина, но отказался от всякой уплаты военного вознаграждения. В инструкции, отправленной

¹³⁵ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. IV, p. 1312—1313.

¹³⁶ АВПр, ф. Канцелярия, 1905 г., д. 93, л. 13 (Из письма военного министра от 7 августа (ст. ст.) 1905 г.).

Ламсдорфом Витте, указывалось на необходимость прекратить дальнейшие переговоры, объяснив, что Россия уже пошла на достаточную уступку, согласившись на передачу Японии южной части Сахалина. Об уплате же за северную часть острова не может быть и речи ¹³⁷.

На частном заседании 26 августа японцы указали, что они пока еще не получили официального ответа на свое последнее предложение. Витте ответил, что «это предложение отвергнуто». Каковы же тогда условия России, спросил Комура. И вновь Витте категорически заявил, что Россия согласится «на их предложение деления Сахалина с свободными проливами, но без всякого вознаграждения...», предупредив их несколько раз, что ни на какие дальнейшие уступки Россия не пойдет и что они пришли на заседание, чтобы прервать переговоры».

Японская делегация тогда попросила не открывать в этот день официального заседания, созвать его 28 августа, когда они получат инструкции от своего правительства.

Между тем Рузвельт, потеряв веру в возможность повлиять непосредственно на русских уполномоченных, решил вновь обратиться к царю. 25 августа он отправил новое обращение Майеру для передачи царю. Попытка американского посла добиться новой аудиенции у царя закончилась провалом. Ламсдорф отказал ему в этом, заявив, что сам передаст послание царю и что позиция русского правительства остается неизменной. В новом послании Рузвельт опять говорил о необходимости для России немедленно заключить мир, уплатив соответствующую сумму выкупа за «возвращение» северной части Сахалина. Президент запугивал Россию, доказывая, что дальнейшее продолжение войны может навлечь на Россию тяжелые бедствия, что Япония хранит депозитом в США еще не израсходованные 50 млн. долл. Вновь и вновь доказывая необходимость немедленно заключить мир, Рузвельт высказывал опасение, что в противном случае «Япония совсем откажется от заключения мира и от денег; что она решит захватить и удержать Владивосток, Харбин и всю Маньчжурскую железную дорогу — а это равносильно тому, что она завладеет Восточной Сибирью. Такая потеря, по-моему, явится тяжелейшей катастрофой, и я серьезно желаю спасти от нее Россию. Если же будет заключен мир на предлагаемых мною условиях, Россия выйдет из войны, не понеся значительного урона; она сохранит национальную честь, свои интересы, и все, чего она добилась в Азии со времен Ивана Грозного, останется нетронутым» ¹³⁸.

Но и этот маневр Рузвельта потерпел неудачу. Из Петербурга поступило сообщение, что правительство России остается при

¹³⁷ «Сборник», стр. 183.

¹³⁸ Полностью послание см. T. D e n n e t t. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 272—274.

своем ранее высказанном бесповоротном решении. Твердая позиция русского правительства заставила Такахира, знавшего, что Рузвельт все еще продолжает посредничать, попросить Витте отложить заседание конференции на 29 августа. Витте дал согласие на отсрочку, заявив, что уполномоченные России «не пойдут на дальнейшие уступки, прибавив, что он считает недостойным откладывать решение, в то время как весь мир с таким долготерпением ждет результатов переговоров»¹³⁹.

27 августа Рузвельт сделал еще одну, последнюю попытку добиться уплаты японцам военного вознаграждения. Он обратился с письмом к кайзеру с просьбой повлиять на царя. В письме говорилось: «Мир может быть достигнут на следующих условиях: Россия совсем не платит никакой контрибуции и получает обратно северную половину Сахалина, за что должна заплатить Японии сумму, размер которой установит смешанная комиссия»¹⁴⁰. О какой же сумме шла речь? Рузвельт ссылался на заявление, якобы сделанное Витте о том, что русские готовы заплатить за возвращение Северного Сахалина что-нибудь вроде того, что было заплачено за Аляску.

Однако эта последняя попытка Рузвельта добиться хотя бы «исключительно скромной» суммы для Японии оказалась запоздалой. На телеграмме Витте от 14 (27) августа Николай написал: «Завтра во всяком случае окончить переговоры. Я предпочитаю продолжать войну, нежели дожидаться милостивых уступок со стороны Японии»¹⁴¹.

Японские делегаты, зная положение страны, были в полной растерянности. В Токио правительство и политические деятели заседали день и ночь, обсуждая создавшееся положение. О продолжении войны не могло быть и речи. Как политические деятели, так и командование армии и флота, учитывая тяжелое положение страны, выступали за немедленное заключение мира. Финансы страны были истощены. Добиться новых займов, когда и без этого задолженность Японии достигла 2,4 млрд. пен, оказалось почти невозможным. Об этом в одном из своих писем к Такахира писал американский банкир Я. Шифф. Он заявил, что «денежные рынки США, Англии и Германии не будут изъяснять готовность финансировать Японию в больших масштабах, если война будет продолжаться»¹⁴². Стремясь закончить войну, правительство Японии послало своим уполномоченным в Портсмуте инструкцию заключить мир без контрибуций.

¹³⁹ J. J. Korostovetz. *Prewar Diplomacy the Russo-Japanese Problem*. London, 1920, p. 103.

¹⁴⁰ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. IV, p. 1317 (Рузвельт — Вильгельму II, 27 августа 1905 г.).

¹⁴¹ «Сборник», стр. 191—192.

¹⁴² L. M. Gelber. *The Rise of Anglo-American Friendship. 1896—1906. A Study in World Politics*. Oxford, 1938, p. 236.

29 августа, еще до открытия официального заседания, по просьбе Комура состоялась его частная беседа с Витте. Она продолжалась около получаса, после чего Витте вышел из зала совещания. «Он был, — как пишет Коростовец, — красен и улыбался. Остановившись среди комнаты, он взволнованным голосом сказал: «Ну, господа, мир, поздравляю, японцы уступили во всем»»¹⁴³.

В тот же день на официальном заседании конференции был окончательно оформлен вопрос о мире, предпрешенный на частном заседании. Витте зачитал и передал Комура ноту о согласии царя «уступить Японии южную часть острова Сахалина с условием, что северная останется в обладании России, без всякого вознаграждения»¹⁴⁴. Комура заявил, что правительство Японии в своем стремлении добиться мира и успешно завершить мирные переговоры согласно на предложение России о разделе Сахалина на две части по пятидесятому градусу и об оставлении северной части в обладании России без всякого денежного возмещения. Витте ответил согласием, заметив только, что детальное разграничение необходимо произвести после доклада специальной комиссии, изучившей вопрос на месте.

Так закончились мирные переговоры, проведенные при посредничестве Теодора Рузвельта. Дипломатия США, руководимая самим президентом, с начала и до конца Портсмутской конференции проводила политику, которую никак нельзя квалифицировать как беспристрастную. Сам Рузвельт в письмах неоднократно писал о своей симпатии к Японии, которую он стремился использовать в качестве полицейской силы на Дальнем Востоке. Не всегда в процессе переговоров американской дипломатии удавалось полностью провести свою линию. Так, в вопросе о Сахалине Рузвельт явно потерпел неудачу. Все его попытки добиться передачи всего острова Японии закончились провалом. Неудачу потерпел он и в вопросе о контрибуции. Опасаясь срыва мирной конференции, Рузвельт вынужден был оказать давление на Японию, добиваясь ее отказа от контрибуции. Характерно, что Рузвельт писал Спринг-Райсу: «Я думаю, японцы уступили больше, чем в этом была необходимость, когда они согласились на возвращение северной половины Сахалина, которой, я уверен, я мог бы добиться для них — или по крайней мере за которую я смог бы получить с России небольшую сумму денег»¹⁴⁵.

В то же время Рузвельт считал, что «мир был заключен на тех условиях, на каких он должен был быть заключен; он отвечает интересам России, интересам Японии и интересам всего мира»¹⁴⁶.

¹⁴³ J. J. Korostovetz. Op. cit., p. 107.

¹⁴⁴ Ibid., p. 107—108.

¹⁴⁵ Цит. по: T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 261.

¹⁴⁶ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. V, p. 56—60 (Рузвельт — Кеннану, 15 октября 1905 г.).

Сложная политическая и дипломатическая игра Рузвельта как во время войны, так и в период переговоров увенчалась на первый взгляд определенным успехом. Россия вынуждена была заключить тяжелый мир. Ее важнейшие позиции на Тихом океане оказались блокированными. Портсмут предоставил Японии свободу рук в Корее, передал ей половину Сахалина, южную линию КВЖД от Порт-Артура до Чанчуня и арендованную Квантунскую территорию. Портсмутский мир, по мнению Рузвельта, был выгоден и для США¹⁴⁷. По-видимому, он считал, что Япония облегчит проведение политики «открытых дверей», что она допустит внедрение американских капиталов в завоеванные ею области Дальнего Востока. Видный американский историк Тайлер Деннетт, немало проработавший над изучением литературного наследства Рузвельта и явно сочувствующий его экспансионистской политике, писал: «Япония выступила и опрокинула Россию. Это не стоило Соединенным Штатам ни одной жизни и ни одного цента. Японии же это стоило около 1 млрд. пен. . . и около одного процента всего ее мужского трудового населения. Россия была остановлена. Европа также была остановлена. Раздел Китая был отложен и вероятно никогда не будет иметь места. Эти результаты в экономическом и политическом отношении благоприятствовали Соединенным Штатам»¹⁴⁸.

Казалось, Рузвельту удалось добиться неустойчивого равновесия сил на Дальнем Востоке, не потратив для этого «ни одной жизни, ни одного цента». Не имея еще в то время возможности взять на себя полицейские функции на Дальнем Востоке, США надеялись использовать для этого японских империалистов. Оправдались ли эти расчеты американской дипломатии? История даже первых послевоенных лет показывает, что американский империализм просчитался. В результате большой помощи Англии и США Япония одержала решительную победу над гораздо более мощной, несмотря на всю гнилость царского самодержавия, Россией. Япония завоевала положение мировой державы; она стремилась в первую очередь добиться господствующего положения в Китае. Вместо постоянной опасности вооруженных столкновений между Японией и Россией, которых ждали американские империалисты, обе эти державы заключили соглашение, а затем и «альянс», до известной степени направленный против США. В завоеванных Японией областях проводился режим «закрытых дверей». Она самым решительным образом пресекала попытки иностранного капитала, в том числе и американского, добиться железнодорожных и других концессий в Южной Маньчжурии. В Маньчжурии вместо одного оказались два хозяина.

¹⁴⁷ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. V, p. 12—15, 61—64 (см. письма к Спринг-Райсу от 1 ноября 1905 г.; к Лоджу от 6 сентября 1905 г.).

¹⁴⁸ T. D. Bennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 331.

Оба были крайне заинтересованы в том, чтобы совместными усилиями добиться ограничения, если не прекращения вложения американского капитала в Маньчжурию и в другие районы Китая. Укрепившись в Маньчжурии, японские империалисты направили свою экспансию и на другие районы Китая, постепенно и планомерно усиливая свои позиции за счет вытеснения американского капитала. Немного лет потребовалось, чтобы политические деятели США поняли, что их расчеты на выгодные для них последствия русско-японской войны провалились. Главным врагом США на Дальнем Востоке после войны оказалась не Россия, а Япония; основными противоречиями в этом районе земного шара стали американо-японские.

АМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

Миссионеры и их деятельность на Ближнем Востоке

Экспансионистская политика, проводимая США в конце XIX — начале XX в., распространялась главным образом на страны Латинской Америки и Дальнего Востока. Борьба США за установление своей гегемонии в Западном полушарии и за утверждение политики «открытых дверей» в странах Тихого океана поглощала почти все внимание политических деятелей и экспансионистов США. На Ближнем и Среднем Востоке позиции США были еще крайне слабыми, их интересы весьма ограниченными. Даже такие сторонники экспансии, как Мехэн, считали, что экспансия в эти районы неизбежно связана с вовлечением США в дела европейских стран. Еще не совсем были забыты традиции невмешательства США в сложные политические конфликты европейских стран. Только крайние экспансионисты, возглавляемые Теодором Рузвельтом, уже тогда мечтавшие о мировой гегемонии, не соглашались с этими ограничениями. Еще в 90-х годах Теодор Рузвельт писал: «Из всех существующих государств охотнее всего я бы стер с лица земли Испанию и Турцию»¹. Но военные силы США, втянутые в активные экспансионистские авантюры в странах Центральной Америки, на Филиппинах и в Китае, не могли в полной мере заняться районами Ближнего и Среднего Востока, где уже прочно обосновались Англия, Франция, Россия, Германия и другие европейские державы.

Экспансия США в этом районе земного шара отставала на несколько десятилетий по сравнению с теми «достижениями», которых они добились в Западном полушарии и на Дальнем Востоке. Как и в странах Дальнего Востока, на Ближнем Востоке следопытами, проложившими путь американской экономической и политической экспансии, были миссионеры и их организации. Они проникли в эти районы с начала XIX в., и к концу столетия их деятельность охватывала пять районов: Анатолию и Европей-

¹ J. A. DeNovo. American Interests and Policies in the Middle East 1900—1939. Minneapolis, 1963, p. 5.

скую Турцию, Сирию, Иран и районы иранского побережья². За спиной этих миссионерских организаций стоял «Американский миссионерский совет». Он был достаточно богат, содержал собственную типографию, издавал печатные органы, направлял деятельность миссионеров во всех странах, устанавливал связи с государственным департаментом США, вовлекая его в мероприятия по защите миссионеров за границей, сотрудничал с американскими предпринимательскими организациями, заинтересованными в зарубежной экспансии. Под флагом «евангелизации мира при жизни нашего поколения» миссионеры проводили мероприятия, в значительной мере облегчавшие в дальнейшем проникновение американского капитала в районы их деятельности.

Большую активность развернуло также «Американское библейское общество», распространившее в этом районе от 4 до 5 млн. экземпляров Библии на разных языках³.

Миссионерские организации создавали школы, колледжи, больницы и другие общественные организации, в которых принимали участие и местные жители. Часть из них, пройдя определенный курс обучения в этих организациях, постепенно вовлекалась в качестве помощников американских миссионеров и различных представителей США.

Миллионы тратились на образование и на другие американские филантропические организации. Но затраты эти в конечном счете приносили огромные доходы американским промышленникам и купцам. К 90-м годам XIX в. почти во всех странах Ближнего и Среднего Востока «можно было встретить американских священников, учителей и врачей; американские типографии распространяли Библию на всех значительных языках; американские доллары тратились на постройку зданий, предназначенных для размещения всех этих учреждений»⁴.

К началу XX в. в Турции действовали 21 станция и 162 миссионера, а уже к 1914 г. насчитывалось 70 основных станций, 256 филиалов, 426 школ, в которых обучалось свыше 25 тыс. человек⁵. На миссионерскую работу в Турцию «Американский миссионерский совет» по руководству и контролю религиозной деятельностью за границей тратил в среднем 120 тыс. долл. в год. Турция занимала одно из первых мест в планах «Американского миссионерского совета». Совет финансировали руководители и члены американских политических, деловых и религиозных учреждений, заинтересованных в «открытии» новых районов

² J. A. De Novo. Op. cit., p. 8.

³ E. M. Earle. American Missions in the Near East. — «Foreign Affairs», April 1929, p. 399.

⁴ Ibid., p. 402.

⁵ L. J. Gordon. American Relations with Turkey, 1830—1930. Philadelphia, 1932, p. 222.

для религиозной, экономической и политической деятельности. Не кто иной, как Теодор Рузвельт, яркий проводник экспансионистской политики, с восторгом отзывался о работе миссионеров. В одной из речей он заявил: «Слава миссионерам, слава солдатам, слава купцам, которые в наши дни сделали так много для того, чтобы принести свет в темные уголки мира»⁶.

Больше всего американских миссионеров интересовали национальные меньшинства, населявшие Турцию. Не добившись успеха в своих попытках распространения христианства среди турецких мусульман, они почти полностью переключились на работу среди армян и греков, что привело к столкновениям как с официальной армянской церковью, так и с руководителями греческой ортодоксальной общины. В то же время турецкие власти с подозрением относились к деятельности миссионеров среди армян, греков и других национальных меньшинств, считая, что она содействует развитию национального самосознания.

Миссионеры не только открывали церковные учреждения в городах, поселках и деревнях, но и организовывали школы, госпитали и клиники. Они ввели западную систему обучения, применяли часто неизвестные среди населения медицинские методы и лекарства.

Во второй половине XIX в. были созданы Роберт колледж в Константинополе, Центральный турецкий колледж, Восточный колледж для армян в Харпуте и Сирийский протестантский колледж в Бейруте. Несколько позже был основан женский колледж в Константинополе, ставший основной миссионерской школой для женщин. В 1903 г. в Смирне был открыт «Интернациональный колледж» главным образом для армян и греков.

Помимо этих колледжей, открывались мужские средние семинарии и училища, женские пансионаты и обычные школы для мальчиков и девочек. Вся эта школьная сеть создавала огромные возможности для воздействия на местное население, для подготовки американской агентуры в Османской империи. Идеологической обработкой турецкой молодежи занимались не только эти «просветительные» организации, но и известные американские реакционные организации — «Христианская организация молодежи» и «Христианская организация молодых женщин». Они открывали клубы, воскресные школы и другие учреждения; проповедовали не только христианскую мораль, но и «американский образ жизни».

В 1918 г. пресвитерианские миссионеры организовали недалеко от Бейрута своеобразный лечебный курорт для больных туберкулезом. К 1914 г. в Турции действовали девять больниц и 10 амбулаторий, в которых лечилось около 40 тыс. пациентов⁷.

⁶ Цит. по: H. C. Hill. Roosevelt and the Caribbean, p. 207.

⁷ J. A. De Novo. Op. cit., p. 31.

В Кувейте накануне первой мировой войны были организованы госпиталь для мужчин и амбулатория для женщин. Все эти медицинские учреждения обслуживались миссионерами, получившими образование в теологических школах и высших учебных заведениях США. Большинство из них относилось пренебрежительно к мусульманам и их традициям, предпочитая работать среди национальных меньшинств.

Характерно, что в 1903 г. американский консул в Харпите Т. Нортон открыто признал, что деятельность миссионеров за последние 50 лет «во многом содействовала подготовке условий для торговой экспансии»⁸. Об этом же говорил в одном из выступлений в 1909 г. президент У. Тафт. Он утверждал, что престиж США в Турции значительно вырос «благодаря мирному воздействию, оказываемому американскими школами, университетами и миссионерами. Нам необходимо добиться большей доли в торговле Ближнего Востока, поскольку условия для этого в настоящее время более благоприятны, чем когда-либо раньше»⁹.

Миссионеры вели работу и среди арабов. В этом отношении особо выделяется Арабская миссия, возникшая в 90-х годах. Ее основателями были Дж. Кэнтин и М. Цвемер, воспитанники Американской теологической семинарии в Нью-Браунсуике. В августе 1891 г. они открыли миссионерскую станцию в Басре и после года работы пришли к выводу, что повлиять на арабов можно не религиозной пропагандой, а практической медицинской деятельностью. «Все миссионеры в Аравии, — писали они, — указывают на то, что квалифицированный медицинский работник и хирург обладает пропуском, который открывает ему запертые двери и завоевывает самые ожесточенные сердца»¹⁰.

Вскоре деятельность миссии распространилась на острова Бахрейн и Маскат. Она установила связь и с другими центрами арабского населения, включая Кувейт и Ирак. Развивая медицинское обслуживание, миссионеры открыли в 1903 г. госпиталь в Бахрейне, а в 1911 г. — миссионерскую станцию и больницу в Кувейте.

Большое значение деятельности Арабской миссии признает ряд авторов. Так, Гамильтон пишет: «Многие признают, что если бы не прекрасная работа Арабской миссии, американские коммерсанты не смогли бы участвовать в разработке огромных нефтяных источников на Среднем Востоке»¹¹.

Расширение поля деятельности миссионеров и представителей американских филантропических организаций вызывало неоднократные возражения со стороны турецких властей. Еще в 1869 г.

⁸ Цит. по: L. J. Gordon. Op. cit., p. 245.

⁹ Foreign Relations, 1909, p. XIV.

¹⁰ Цит. по: Ch. W. Hamilton. Americans and Oil in the Middle East. Houston, 1962, p. 11.

¹¹ Ibid., p. 12.

был опубликован указ султана, согласно которому в Турции школы могли быть открыты лишь с разрешения правительства. Но американские миссионерские организации игнорировали это постановление и, опираясь на поддержку своего правительства, продолжали открывать новые школы и другие организации. Турецкие власти, как в центре, так и на местах, чинили препятствия миссионерам, обвиняя их в провокационной антиправительственной деятельности среди турецких национальных меньшинств. С другой стороны, и революционные комитеты (болгарские, македонские, армянские) часто выступали против миссионеров, считая, что своей работой они отвлекают их сторонников и мешают проведению намеченных планов.

США и Турция

Миссионеры находились в постоянном контакте с американским посольством в Константинополе и с консулами США¹². «Американский миссионерский совет» неоднократно обращался к государственному департаменту США с просьбами о вмешательстве во внутренние дела Турции. Совет настаивал на посылке военно-морских сил в турецкие воды для оказания соответствующего давления на турецкие власти. Особую активность проявили миссионеры в 1894—1895 гг. во время армянских погромов. Хотя турецкие власти приняли все необходимые меры по охране американских миссионеров и ни один из них не пострадал, их домам и имуществу был нанесен серьезный ущерб. Деятельность американских миссионеров возбудила против них общественное мнение страны.

В правительственных кругах Америки обсуждался вопрос о посылке внушительного флота к турецким берегам для «истребования от турецкого правительства возмещения» за потери, понесенные американскими гражданами во время последних армяно-курдских беспорядков¹³. Возбуждение в США в связи с армянскими погромами в Турции не могло не повлиять и на конгресс США.

В конце января 1896 г. конгрессом и сенатом США была принята объединенная резолюция сочувствия христианам-армянам, пострадавшим во время погромов. Правительство США призывалось «выразить сочувствие армянскому народу и надежду на

¹² Генеральный консул находился в Константинополе, восемь американских консулов обосновались в Александrette, Бейруте, Эрзуруме, Харпите, Иерусалиме, Сивасе, Смирне и Багдаде. В Каире американский генеральный консул занимался египетскими делами. Другие американские консулы действовали на Аравийском полуострове.

¹³ ЦГА ВМФ, ф. 417, 1895 г., д. 10979, лл. 389—391. Морской агент в США Д. Мертвуй 24 декабря 1895 г. сообщал, что обсуждался вопрос о посылке к берегам Турции целой эскадры, включая два крейсера, пять неброненосных судов и др.

то, что султанское правительство немедленно примет необходимые меры для охраны их жизни, имущества и свободы религии»¹⁴.

Посланники США приложили много сил, чтобы добиться у турецкого правительства признания вины за причиненный миссионерам ущерб и необходимость возмещения убытков. Возвратившись в США в декабре 1899 г., бывший посланник в Турции Оскар Штраус сообщил Хью, что удалось добиться обещания турецкого правительства удовлетворить требование США.

В октябре 1899 г. «Американский миссионерский совет» выразил недовольство медлительностью в удовлетворении требований США. «Настало время, — писал Совет, — защитить права наших соотечественников в Турции во что бы то ни стало и любой ценой»¹⁵. В декабре 1900 г. американское правительство отправило к Константинополю военный корабль «Кентукки». Прибытие «Кентукки» ускорило разрешение конфликта. Порты согласилась уплатить в качестве возмещения за причиненный миссионерам ущерб 95 тыс. долл. По просьбе султана сумма эта была включена в стоимость крейсера, заказанного Турцией у американской судостроительной компании «Кремпа»¹⁶.

В 1901 г. возникло новое дело, приведшее к вмешательству государственного департамента США. 3 сентября македонские горцы, боровшиеся против турецкого гнета и заинтересованные в создании затруднений для турецких властей, похитили американскую миссионерку Эллен Стоун и ее подругу — миссионерку албанского происхождения. В течение двух недель ничего не было известно об их судьбе. Все попытки турецких властей пайти похитителей не увенчались успехом. 28 сентября стало известно, что Стоун находится у горцев и может быть освобождена при условии уплаты выкупа в 100 тыс. долл. Как миссионеры, так и официальные представители США в Турции долго не решались на уплату выкупа, опасаясь, что будет создан нежелательный прецедент. Генеральный консул США в Константинополе Дикинсон считал необходимым оказать дипломатическое давление на Турцию. Однако русский посланник объяснил ему, что такие дела на Балканах могут быть разрешены только деньгами, «что всякие угрозы и военные действия, несомненно, по их (похитителей. — Л. З.) традициям и обычаям, вызовут смерть пленницы»¹⁷.

¹⁴ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1896 г., д. 101 (17 (29) января 1896 г. — вырезка из газеты без указания названия); см. также депешу Т. С. Кодебу из Вашингтона от 28 ноября (10 декабря) 1896 г. (лл. 224—229), в которой излагается выступление президента Кливленда по этому вопросу.

¹⁵ L. J. Gordon. Op. cit., p. 242.

¹⁶ Foreign Relations, 1900, p. 514—518, 906—908; *ibid.*, 1901, p. 518.

¹⁷ АВПР, ф. Политархив, 1901 г., д. 1000, лл. 557—561 (Депеша Д. С. Бахметьева из Софии, 9 октября 1901 г.).

Потребовалось не мало времени, чтобы представители США в Турции и государственный департамент США поняли, что угрозами и давлением не удастся освободить Стоун. Миссионеры организовали в США сбор средств, который дал 66 тыс. долл. Долго не могли установить местонахождение Стоун¹⁸, и только 20 января 1902 г. удалось установить контакт и договориться с представителями Македонского комитета об освобождении миссионерки. Через десять дней после уплаты 68 200 долл., 24 февраля 1902 г., она была освобождена¹⁹. Стоун в течение шести месяцев находилась в горах Восточной Румелии. Македонцы не подвергали ее лишениям и даже окружали заботой²⁰. Проникшись горячим сочувствием к болгаро-македонскому движению, Стоун после освобождения «решила вернуться в США, чтобы выступать с лекциями, пробудить сочувствие к македонцам» и собрать средства для устройства технических школ для борющихся македонцев²¹.

Новый американский посланник в Константинополе, Дж. Лейшман, рекомендовал не осложнять отношений с Турцией и не предъявлять ей никаких требований в связи с делом Стоун. Он сообщил, что болгары, освободившиеся от ига Турции, сочувствуют деятельности «Македонского революционного комитета», даже готовы приветствовать «похищение миссионерки, особенно в том случае, когда оно не только дискредитирует турецкое правительство, но ведет к сбору средств в пользу македонцев»²².

Монополисты США интересовались ближневосточным рынком. С начала XIX в. они посылали в Турцию одну миссию за другой, добиваясь заключения американо-турецкого соглашения, права на торговлю со всеми портами империи и открытия консульских учреждений. В мае 1830 г. США удалось заключить первый торговый договор с Турцией. В течение многих десятилетий американские дельцы безуспешно стремились утвердиться на турецких рынках, занять на них господствующее положение. И даже к концу столетия экономические успехи США в Османской империи были незначительными. Торговля США наталкивалась на сильное противодействие ранее утвердившихся в Турции европейских стран, в их числе Англии, Франции, России и Германии. К концу XIX в. экспорт США в Турцию равнялся 522 550 долл.,

¹⁸ Foreign Relations, 1902, p. 502, 997—1011.

¹⁹ Foreign Relations, 1902, p. 1011—1023; АВПР, ф. Политархив, 1902 г., д. 1000 (Донесение Бахметьева от 26 ноября 1901 г.).

²⁰ АВПР, ф. Политархив, 1902 г., д. 1002, лл. 89—91 (Депеша Зиновьева, 22 февраля (7 марта) 1902 г.).

²¹ АВПР, ф. Политархив, 1902 г., д. 1002 (Депеша Зиновьева, 1 (14) марта 1902 г.).

²² A. L. P. Dennis. Adventures in American Diplomacy 1896—1906. p. 454—455.

импорт — 5 644 080 долл.²³ Только Дания, Испания и Швеция уступали США в торговле с Османской империей.

Англия в течение многих десятилетий пользовалась монополией в перевозке грузов для Турции; 90% американских товаров перевозились и вывозились из Турции на английских судах. Этим воспользовались английские монополисты, создававшие невыгодные для американских дельцов условия. Американское представительство в Константинополе, консулы США, агенты американских фирм неустанно боролись за расширение торговых отношений с Турцией и инвестиции американских капиталистов, за установление прямого пароходного сообщения с турецкими портами. В 1899 г. такое сообщение было организовано «Барбер стимшип компани». В последующие годы возникли и другие пароходные компании для перевозки грузов в Турцию. В борьбу за перевозки товаров включились немецкие и итальянские компании. Это привело к снижению стоимости перевозок и к постепенному росту торговли с Турцией. К 1905 г. американский экспорт в Турцию достиг 888 260 долл., импорт — 11 195 128 долл. Через год экспорт США превысил 1,5 млн. долл.²⁴

Американским дельцам не легко было добиться и таких результатов. Их усилия встречали серьезный отпор со стороны английских, французских, итальянских и немецких монополистов. Правительство США оказывало американским промышленникам всю необходимую помощь. Помимо установления прямого пароходного сообщения с турецкими портами, было организовано «Американское Восточное агентство», в состав которого вошли свыше ста американских экспортеров и импортеров. В 1901 г. в Харпите возникло американское агентство для Восточной Турции. Его основная цель сводилась к оказанию содействия в перевозке американских сельскохозяйственных машин в Турцию. В торговле с Турцией активное участие принимали «Стандард ойл компани», заинтересованная в сбыте нефти, керосина и других продуктов, швейная компания Зингер, Американская табачная компания по скупке турецкого табака, «Мак-Эндрюс энд Форбс», добившаяся монополии в закупке и переработке солодкового корня. Эта фирма постепенно захватывала в Турции земельные участки для разведения солодкового корня, беспощадно эксплуатировала труд турецких сельскохозяйственных рабочих.

Импорт из Турции состоял главным образом из хлопка, табака, сушеных фруктов, солодкового корня, кож, лекарств, красящих веществ и хромовой руды. США же экспортировали хлопчатобумажные и шерстяные ткани, сельскохозяйственные орудия и машины, автомобили и велосипеды, электроприборы, различные масла и керосин и т. д.

²³ L. J. Gordon. Op. cit., p. 47.

²⁴ Ibid., p. 60.

Несмотря на то, что США удалось договориться с Турцией по вопросу о возмещении за ущерб, причиненный миссионерским организациям в 1894—1895 гг., отношения между двумя странами оставались напряженными. Турецкие власти продолжали ограничивать в правах не только американских миссионеров, но и представителей американских фирм. Миссионерские организации, в том числе и школы, колледжи и медицинские учреждения, руководимые американцами, не пользовались теми правами, которых добились английские, немецкие, французские и итальянские подданные. Устанавливая тарифы на ввозимые товары, Турция в течение многих лет не считалась с мнением США. Споры возникали и по вопросам экстерриториальности американских подданных. Турецкие власти не соглашались с утверждениями представителей США, будто по ст. IV соглашения 1830 г. американцы должны пользоваться в Турции правами экстерриториальности. Режим канитуляций создавал возможность для многих тысяч бывших турецких подданных, принявших американское гражданство, возвращаться на родину и, опираясь на американские законы, проводить мероприятия в интересах США. С таким положением Турция не могла мириться²⁵. Все попытки США навязать Турции специальный договор по этому вопросу провалились.

Одновременно представители США в Турции и государственный департамент выражали крайнее недовольство тем, что американские миссионеры не пользовались в Турции теми правами и привилегиями, которыми пользовались французские, английские и немецкие миссионеры. В течение многих лет США добивались отмены этого неравенства. Порта всячески уклонялась от принятия необходимых мер для его разрешения.

Споры возникали также о правах миссионерских школ, медицинской и других специальных школ, о признании за лицами, окончившими американскую медицинскую школу в Турции, права на лечебную практику²⁶. США требовали, чтобы Протестантской медицинской школе в Бейруте были дарованы те же привилегии, какие предоставлены французскому Медицинскому институту в Сирии²⁷.

США также добивались превращения американской миссии в Константинополе и турецкой в Вашингтоне в посольства. Спенсер Эдди писал: «...На Соединенные Штаты если и обращают внимание, то лишь как на второразрядную державу, и в связи с этим американские консульства в Турецкой империи встречаются в своей деятельности с большими трудностями, чем

²⁵ Foreign Relations, 1899, p. 770.

²⁶ Подробно о переговорах по этому вопросу см. Foreign Relations, 1903, p. 735—762; *ibid.*, 1904, p. 818—835.

²⁷ АВПР, ф. Политархив, 1904 г., д. 1018, лл. 246—248 (13 (26) июля 1904 г.).

консульства Италии, Австрии или других держав»²⁸. Чтобы покончить с таким положением, Эдди предлагал послать американскую военную эскадру к берегам Турции.

Хотя американский посланник Лейшман высказывался против посылки военной эскадры в Турцию, в начале сентября 1903 г. правительство США отдало приказ об отправке военных судов в Сирию²⁹. Они оставались там до октября 1903 г.³⁰

В январе 1904 г. США отправили военные суда в Смирну с целью оказать давление на Порту и заставить ее удовлетворить все требования США. Лейшман на этот раз сообщил: «Я сделал все возможное, чтобы добиться мирного урегулирования вопроса о школах, но я боюсь, что невозможно достигнуть должного решения без применения насильственных мер...»³¹

2 (15) июня 1904 г. Кассини, сообщая Ламсдорфу об американо-турецких отношениях, писал: «Домогательства США до сих пор не увенчались успехом... Хэй, вероятно, рассчитывает, что присутствие в Средиземном море значительной американской эскадры может склонить Порту к уступчивости»³².

Через несколько недель Ламсдорф получил более подробное донесение Кассини, в котором сообщалось, что «наконец-то американскому посланнику в Константинополе удалось добиться аудиенции у султана». Он предъявил следующие требования: предоставление лицам, «снабженным американскими медицинскими и другими дипломами, тех же прав и привилегий, каковыми пользуются подданные других держав...» Что касается миссионерских организаций и учебных заведений, то посланник США «выразил желание, чтобы они находились под особым покровительством Турции и чтобы их свобода действия была бы ничем не стесняема...»³³

В начале августа Средиземноморской эскадре, руководимой адмиралом Джекелем, вновь было предписано отправиться в турецкие воды. Через несколько недель Турция вынуждена была принять основные требования США³⁴. Однако вопрос о возведении турецкого посланника в Вашингтоне в звание посла оказался неразрешенным.

Прошло более 18 месяцев, тем не менее «турецкое правительство, — как доносил Зиновьев, — питающее непреодолимое предубеждение против американских учреждений, ... не снабдило

²⁸ A. L. P. Dennis. *Adventures...* p. 458—459.

²⁹ Поводом также послужило ложное сообщение об убийстве вице-консула США в Бейруте.

³⁰ *Foreign Relations*, 1903, p. 777—787.

³¹ A. L. P. Dennis. *Adventures...* p. 461.

³² АВПР, ф. Канцелярия, 1904 г., д. 129, т. 1, лл. 192—193.

³³ АВПР, ф. Канцелярия, 1904 г., д. 129, т. 1, лл. 250—251 (Кассини — Ламсдорфу, 27 июля (9 августа) 1904 г.).

³⁴ *Foreign Relations*, 1904, p. 820—833; АВПР, ф. Канцелярия, 1904 г., д. 129, т. 1, лл. 278—279.

местных турецких властей инструкциями относительно предоставления этим учреждениям прав и привилегий, коими пользуются тождественные учреждения других национальностей.

Это обстоятельство принудило Лейшмана, посла США, адресовать Порте ноту, в которой он настаивает на скорейшем выполнении Портой ее обещания»³⁵.

Потребовалось не менее трех лет, чтобы США путем применения угроз и морских демонстраций в турецких портах заставили Порту выполнить все американские требования. Турецкое правительство под различными предлогами постоянно уклонялось от удовлетворения требования США о возведении американской миссии в посольство. Оно опасалось, «что такая мера, усилив влияние американского представителя в Турции, послужит поощрением вредной пропаганде, которую существующие в Малой Азии многочисленные американские школы и другие учреждения ведут среди армянского населения»³⁶.

Достигнутые США «успехи» расчитали американским монополистам путь для усиления экспансии в Турции. В дальнейшем их борьба не ограничивалась торговыми интересами, они стремились приобрести концессии на строительство железных дорог, на нефтяные промыслы и руду.

Американские миссии и благотворительные учреждения в Иране

Американские интересы в Иране в начале XX в. были еще крайне незначительными. Как и в Турции, большую разведывательную работу для развития экспансии в Иране проводили миссионеры. Первые американские миссионеры, Смит и Дуайт, появились в Иране в 1830 г. В течение почти года они совершили поездки по разным районам и, вернувшись в США, представили «Американскому миссионерскому совету» обстоятельную информацию об Иране, Курдистане и Закавказье³⁷.

В 1835 г. в районе оз. Урмия обосновалась постоянная американская миссия Перкинса и Гранта. Ее деятельность — религиозная, «просветительная» и медицинская — проводилась главным образом среди несторианцев. В течение последующих лет миссионерские организации появились и в других местах; к 1871 г., помимо станции в районе Урмии, 48 станций действовали в других районах страны. Вскоре миссии и «благотворительные» организации распространили свою деятельность и на такие крупные

³⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1906 г., д. 38, лл. 217, 218. Нота приложена к донесению (там же, лл. 219—220); там же, ф. Политархив, 1906 г., д. 1024, лл. 106—107 (Депеша Зиновьева, 23 февраля (8 марта) 1906 г.).

³⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1906 г., д. 39, № 167, лл. 276—278 (Донесение от 20 июня (3 июля) 1906 г.).

³⁷ З. З. Абдуллаев. Начало экспансии США в Иране. М., 1963, стр. 4.

центры, как Тегеран, Тебриз, Хамадан, Шираз. Американским миссионерам удалось вовлечь в свою работу 230 местных христиан; они основали 25 церквей, в миссионерских школах обучалось свыше 2500 человек³⁸.

И в Иране пропагандистская работа миссионеров распространялась главным образом среди христиан и местных евреев. Среди мусульман большого успеха миссионеры не имели. «Самое большое, на что могли рассчитывать миссионеры, — пишет американский автор, — это на то, что их благотворительность, школы и медицинская помощь смягчат отношение мусульман к христианству»³⁹.

В 1902 г. миссионерам удалось организовать станцию в Реште, через три года — в Керманшахе и еще через несколько лет — в Мешхеде. Таким образом, почти все основные центры страны оказались охваченными миссионерской и филантропической деятельностью американцев. Им удалось завербовать много сторонников, ставших в дальнейшем пропагандистами американского «образа жизни», ревностными поклонниками «цивилизаторской» миссии американцев, якобы проводящих в других странах политику «невмешательства».

В этом отношении работа миссионеров, безусловно, расчищала путь для экономической экспансии. Вполне справедливо писал один американский автор: «Их (миссионеров. — Л. З.) усилия, направленные на то, чтобы стимулировать сознание, возбуждать энергию, пробуждать честолюбие, вызывать в туземцах сочувственное отношение к западной цивилизации и расширять их представление о мире с его чудесами, помогали развитию торговых сношений»⁴⁰.

Как и в Турции, религиозная и филантропическая пропаганда миссионеров, охватившая главным образом национальные меньшинства, приводила к многочисленным конфликтам. Больше всего эта пропаганда касалась лиц, принявших американское гражданство, а затем вернувшихся на родину.

Дипломатические отношения между США и Ираном были установлены в конце 1856 г. 13 декабря в Константинополе был подписан американо-иранский договор о дружбе и торговле, установивший дипломатические, консульские и торговые представительства и содержащий специальную статью об экстерриториальности⁴¹.

В августе 1857 г. президент Пирс, представляя договор конгрессу, заявил, что он может содействовать развитию американской торговли в Иране. Президент просил конгресс выделить

³⁸ A. Yeselson. United States-Persian Diplomatic Relations. 1883—1921. New Brunswick, 1956, p. 10—11.

³⁹ Ibid., p. 11.

⁴⁰ «Foreign Affairs», April 1929, p. 411.

⁴¹ A. Yeselson. Op. cit., p. 20.

необходимую сумму для организации миссии в Тегеране. Тем не менее конгресс не принял в то время постановления об организации миссии. И только примерно через 25 лет вопрос этот вновь был поднят в конгрессе. В 1880 г. в северо-западном районе Ирана возникло антихристианское движение, угрожавшее жизни американских миссионеров. В конгрессе США обсуждался вопрос о необходимости обратиться к иранскому правительству с требованием обеспечить безопасность миссионеров. Государственный департамент США передал конгрессу всю необходимую документацию о событиях в Иране. 15 июля 1882 г. конгресс принял специальную резолюцию об организации американской дипломатической миссии в Тегеране ⁴².

Первый посланник США С. Бенжамин прибыл в Тегеран весной 1883 г. С самого начала он развернул кипучую деятельность, установил связи с промышленными организациями США, писал о необходимости бороться за завоевание иранского рынка. В своих донесениях Бенжамин ссылаясь на то, что Россия и Англия прибрали к рукам иранские рынки и что государственные деятели Ирана, в том числе и шах, в противовес России и Англич, хотели бы привлечь американские капиталы для развития естественных богатств страны.

Однако успеха Бенжамин не добился. США, развивая активную экспансионистскую деятельность в Центральной Америке и на Дальнем Востоке, не могли в то время активно включиться в борьбу с европейскими державами в Иране.

Еще большую активность проявил Е. С. Пратт, занявший пост посланника США в Тегеране в 1886 г. Оставаясь в Иране в течение пяти лет, Пратт вел неутомимую борьбу за привлечение американских капиталов для эксплуатации богатств страны. Он верил «в значительные естественные богатства этой страны и в то, что их развитие сулит большие барыши» ⁴³. Он поддерживал тесный контакт с министром иностранных дел Ирана, организовавшим Пратту встречу с шахом. Последний с энтузиазмом говорил о богатых минеральных ресурсах и о плодородных землях страны и о том, что американскому капиталу «надо начать действовать и пожинать плоды» ⁴⁴.

Через год с лишним возобновились переговоры Пратта с политическими деятелями Ирана. Они вновь поставили вопрос о привлечении американских капиталов в страну. При этом они указывали на опасность экономического усиления европейских держав, которое может привести к утрате Ираном независимости. От США, которые еще не успели проявить свои экспансионистские тенденции, иранское правительство ждало другого отноше-

⁴² Ibid., p. 25.

⁴³ Ibid., p. 33.

⁴⁴ M. Curti and K. Birr. *Prelude to Point Four, American Technical Missions Overseas 1838—1938*. Madison, 1954, p. 72.

ния. Оно просило о командировке в Иран американских инженеров и геолога для оказания помощи по разработке горных богатств. Опираясь также на свои беседы с иранским министром торговли и телеграфа, Пратт рекомендовал государственному департаменту США серьезно заняться вопросом о возможности инвестиции американских капиталов и использования исключительных условий для завоевания промышленного и торгового господства в Иране ⁴⁵.

Деятельность Пратта ускорила открытие иранской миссии в Вашингтоне. Она обосновалась там в начале октября 1888 г. Представитель Ирана передал президенту США письмо шаха, в котором тот просил оказать ему помощь против Англии и России. Посланники США, подготавливая почву для внедрения американских капиталов в Иране, в донесениях государственному департаменту указывали на необходимость для США противостоять экономической и политической экспансии России в Иране. Посланник Боуэн считал необходимым, чтобы США добивались соглашения с Англией для совместной борьбы против политики России в Иране. Он выступал за применение американского принципа «открытых дверей» на Ближнем и Среднем Востоке. В донесении он писал: «Противостоя русской политике в Иране, мы только будем соблюдать свои законные интересы, как мы это намерены сделать в Китае. Я не сомневаюсь, что наше положение в Китае укрепитя, если мы усилим свои позиции также в Персии... Теперь, когда мы овладели Филиппинами, мы не можем допустить ослабления нашей политики в какой-либо части Востока. Я уверен, что мы должны и имеем возможность открыть двери для торговли в Персидском заливе, так же как в Китае» ⁴⁶.

Новый посланник США продолжал активную борьбу за привлечение американских капиталов в Иран. В 1902 г. он совершил двухмесячную поездку по стране и в результате написал обстоятельный отчет о ее естественных богатствах. Излагая свои соображения об огромных возможностях для внедрения американского капитала, Гриском в то же время подчеркнул и необходимость борьбы с засильем России на севере и Англии на юге страны. Он призывал американских дельцов объединиться, организовать агентства в Тегеране и других центрах и вести борьбу за иранский рынок. В 1904—1905 гг. объем американско-персидской торговли достиг 1,9 млн. кран; к 1910—1911 гг. — 5,3 млн. кран ⁴⁷. Причем американский импорт намного превысил экспорт США в Иран. Эти данные свидетельствуют о том, что монополисты США еще не успели развернуть свою деятельность в Иране.

⁴⁵ M. Curti and K. Birr. *Op. cit.*, p. 73.

⁴⁶ A. Yeselson. *Op. cit.*, p. 57—58.

⁴⁷ З. З. Абдуллаев. Указ. соч., стр. 16.

Борьба за расширение влияния в странах Западного полушария и на Дальнем Востоке, стремление добиться господствующего положения в этих районах мира, строительство Панамского канала и военно-морского флота и другие империалистические и экспансионистские мероприятия, которые проводились Теодором Рузвельтом, требовали концентрации всего внимания и всех сил монополистических кругов. На Ближнем и Среднем Востоке пока еще проводилась только предварительная работа. Своей неутомимой деятельностью дипломатические представители США в Иране оказали большую помощь американским монополистам, подготовив почву для проведения в дальнейшем практических мер по реализации экспансионистских планов. Не меньшее значение в этом отношении имела работа американских миссионеров и филантропических организаций, субсидируемых крупнейшими монополиями США.

Дело Лабари

Обеспечение безопасности миссионеров среди национальных меньшинств Ирана обусловило необходимость постоянного вмешательства со стороны американских дипломатических представителей. Последние неоднократно обращались к государственному департаменту, настаивая на применении репрессивных мер.

В марте 1904 г. в северо-западной части Ирана был убит курдами американский миссионер-пресвитерианец Б. Лабари. Посланник США в Тегеране Р. Пирсон и др., ознакомившиеся с делом, признавали, что убийцы руководствовались не личной обидой, а религиозным фанатизмом и национальной враждой⁴⁸. Миссионеры потребовали, чтобы Пирсон и государственный департамент США приняли все необходимые меры для самого строгого наказания виновных. Генеральный консул США Джон Тайлер безуспешно добивался снятия с постов губернатора и главного судьи Урмии⁴⁹. Пирсон обратился к государственному департаменту США, настаивая на посылке американской военной эскадры в Персидский залив, чтобы дать «этим восточным людям поучительный урок»⁵⁰.

Пока государственный департамент решал возникший вопрос, Пирсон доложил о возможном мирном урегулировании дела. Шах предложил приговорить основного виновника к пожизненному заключению⁵¹, его сообщников — к казни, а семье покойного миссионера дать компенсацию. Но сообщники успели бежать в Турцию. Это осложнило дело, тем более что государственный

⁴⁸ Foreign Relations, 1904, p. 658—671.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ A. Yeselson. Op. cit., p. 70.

⁵¹ По иранским законам он не мог быть приговорен к смертной казни, так как принадлежал к саидам.

департамент требовал обязательного наказания всех участников. Вскоре Пирсон доложил об аресте главного виновника убийства и части его сообщников; для семьи убитого он получил 30 000 долл. компенсации⁵². Пирсон выразил удовлетворение результатами переговоров. Однако миссионеры заявили протест. Они требовали смертной казни для всех лиц, причастных к убийству. В связи с этим государственный департамент США не мог считать дело законченным. В телеграфной инструкции Пирсону Эди писал, что «удовлетворение в этом ужасном деле должно быть показательным и суровым. Нельзя ограничиваться только денежной компенсацией»⁵³. Пирсон вынужден был действовать, требуя применения иранским правительством более суровых мер. Этот нажим вынудил власти Ирана направить в северо-западный район страны карательный отряд. Переход курдами границы Турции привел к столкновениям с турецкими пограничными частями. Воспользовавшись этим, турецкие войска в 1907 г. вторглись на территорию Ирана и захватили ряд районов.

Между тем главный виновник убийства умер в тюрьме, компенсация была выплачена вдове убитого миссионера. Но дело Лабари так и считалось неликвидированным. Давление, оказанное государственным департаментом США на Иран, привело к серьезным турецко-иранским осложнениям. Турция, захватив некоторые районы Ирана, удерживала их длительное время. Сотни персов и армян во время столкновений с турками были убиты и ранены.

Дело Лабари показало, какое огромное влияние миссионеры оказывали на государственный департамент и правительство США. Потребовалось не мало времени и сил, чтобы окончательно ликвидировать конфликт, который нанес серьезный ущерб Ирану⁵⁴.

США и Африка. Дело Пердикариса

Хотя США непосредственно не участвовали в борьбе за раздел Африки, их интерес к этому континенту проявлялся почти с начала организации заатлантической республики. Американские купцы еще в конце XVIII—начале XIX в. вели торговлю с Средиземноморскими странами. Президенту Джефферсону удалось заключить в 1805 г. договор с Триполи; в 1816 г. США силой оружия заставили Алжир подписать договор. Молодая заатлантическая республика, борясь против деятельности пиратов в Средиземноморье, прокладывала пути для беспрепятственной и

⁵² *Foreign Relations*, 1904, p. 676—677.

⁵³ A. Yesselson. *Op. cit.*, p. 71.

⁵⁴ *Foreign Relations*, 1905, p. 722—734; *ibid.*, 1906, p. 1208—1216; *ibid.*, 1907, p. 941—948; *ibid.*, 1908, p. 681—682; *The Letters of Theodore Roosevelt*, Vol. V, p. 698.

выгодной для своих купцов торговли в далеких странах Африки. И только борьба внутри США между сторонниками и противниками рабства, а затем и необходимость после гражданской войны заняться освоением западных территорий, почти полностью поглощавшие силы господствующего класса, сделали невозможным для Соединенных Штатов активно участвовать в разделе Африки. Как Англия, так и Германия пытались втянуть США в африканские дела. В годы острых англо-французских противоречий в Африке Англия пыталась использовать США для воздействия на Францию. Заключение англо-французского соглашения в 1904 г. изменило ситуацию: все спорные между ними колониальные проблемы были полюбовно разрешены. В 1905—1906 гг. во время марокканского кризиса Вильгельм II, используя свои дружеские связи с Рузвельтом, потратил не мало сил, чтобы воздействовать на США в интересах созыва Альхесирасской конференции и ликвидации острейшего франко-германского конфликта.

США установили с Марокко договорные отношения еще в 1836 г. Американские граждане и суда США добились определенных прав защиты, права резиденции американских подданных, консулов и купцов были признаны. США также подписали вместе с девятью европейскими державами специальную конвенцию о содержании вблизи Танжера маяка для защиты торговых судов в Средиземном море.

США добивались признания доктрины «открытых дверей» в Марокко. Они приняли участие в Мадридской конференции 1880 г., на которой решался вопрос о правах марокканцев, служивших в иностранных консульских и дипломатических учреждениях.

Теодор Рузвельт был врагом традиционной политики изоляционизма. Он боролся за то, чтобы политический престиж США признавался всеми великими державами, чтобы США стали арбитром в разрешении важнейших международных политических проблем. Не удивительно поэтому, что Америка приняла активные меры для ликвидации так называемого «дела Пердикариса», возникшего в 1904 г. в Марокко. 18 мая 1904 г. один из марокканских вождей, Рейсали, похитил недалеко от Танжера Пердикариса, считавшегося американским гражданином. Рейсали заявил, что его освобождение возможно только при условии уплаты значительного выкупа. Посланник США в Танжере Гаммерз, считая положение серьезным, предложил, чтобы США приняли самые решительные меры для воздействия на марокканские власти. Государственный департамент реагировал немедленно. В Танжер были посланы Средиземноморская и Южноатлантическая эскадры. Британское правительство также направило в Танжер военное судно, так как вместе с Пердикарисом был похищен английский подданный Варлей. Правительство Франции, к которому обратились США, дало указание своим

представителям оказать всемерную помощь в разрешении возникших трудностей⁵⁵.

События эти развернулись накануне президентских выборов в США. Заинтересованный в поднятии своих политических акций, Рузвельт решил действовать быстро и энергично. Затяжка переговоров с властями Марокко и их фактическая беспомощность в отношении Рейсали вызывали еще большее возмущение Рузвельта, привыкшего применять «большую дубинку». Он писал государственному секретарю Хэю, что о принятии требований «марокканских бандитов» не может быть и речи и что необходимо сделать все возможное для освобождения Пердикариса. Более того, Рузвельт требовал применения смертной казни для всех, причинивших какой-нибудь вред Пердикарису. Он считал целесообразным начать переговоры с Англией и Францией для организации совместной экспедиции «для наказания бандитов, если заявление Гаммерэ о беспомощности султана соответствует действительности»⁵⁶.

Переговоры об освобождении Пердикариса приближались к положительному разрешению. Но американский посланник Гаммерэ, относившийся с крайним недоверием к марокканским властям, продолжал настаивать на применении самых решительных мер. В телеграмме государственному департаменту он предлагал, что в случае, если не удастся организовать обмен пленными, США должны предъявить ультиматум об уплате крупной компенсации за каждый день просрочки, высадить морскую пехоту и захватить таможню. «Я считал, — писал посланник, — такие мероприятия абсолютно необходимыми для освобождения пленников и для предотвращения дальнейшей оттяжки урегулирования дела и двурушничества»⁵⁷.

После консультации с Рузвельтом Хэй послал срочную телеграмму посланнику в Танжере. Ему поручалось потребовать «немедленно выдать Пердикариса живым или Рейсали мертвым»⁵⁸.

Характерно, что на съезде республиканской партии, выдвигавшей кандидатуру Рузвельта на пост президента страны, телеграмма, посланная в Танжер, вызвала восторг у шовинистически настроенных делегатов⁵⁹.

Между тем, как показало исследование вопроса историками, еще за две недели до отправки этой телеграммы Рузвельту уже было известно, что Пердикарис оказался не американским граж-

⁵⁵ Foreign Relations, 1904, p. 307—308, 496—498.

⁵⁶ A. L. P. Dennis. Adventures..., p. 444; Foreign Relations, 1904, p. 338, 498—501.

⁵⁷ A. L. P. Dennis. Adventures..., p. 445.

⁵⁸ Foreign Relations, 1904, p. 502—503; «New York Times», 23.VI 1904.

⁵⁹ Foreign Relations, 1904, p. 503.

данином, а греческим подданным⁶⁰. Однако признать это во всеуслышание и отказаться от принятых мер против Марокко Рузвельт не хотел, боясь, что такое признание может ущемить его достоинство и подорвать его престиж решительно действующего президента.

24 июня 1905 г. Пердикарис был освобожден. Правительство Марокко не только уплатило выкуп за Пердикариса, но еще внесло в пользу США 4 тыс. долл., которые они потребовали в качестве компенсации за понесенные расходы⁶¹. Освобождение Пердикариса произошло еще до того, как телеграмма Хэя была получена в Париже.

Так закончилось нашумевшее дело Пердикариса. И здесь, в далеком Марокко, методы «большой дубинки», применяемые США в отношении малых народов и стран, возымели свое действие. Недаром адмирал Чэдвик писал: «Присутствие нашего флота оказало большое моральное действие. Оно внушило маврам совсем другое представление о нашей мощи»⁶².

Обращение Германии к США о посредничестве

Несмотря на то, что интересы американских монополистов в Африке были незначительны, США использовали дело Пердикариса для грубого вмешательства в дела Марокко. Как известно, действия американского флота во многих странах расчищали путь монополистам для проведения своих экспансионистских планов. И в данном случае речь шла о будущих возможностях активного участия американских монополистов в экономической эксплуатации рынков африканских стран. Американские дипломатические представители и государственный департамент США выступали в защиту доктрины «открытых дверей» и «равных возможностей», против политики закрытых дверей, которая проводилась в Марокко французскими колонизаторами. Не удивительно поэтому, что накануне Альхесирасской конференции, когда между Францией и Германией развернулась острейшая борьба, угрожавшая миру в Европе, Вильгельм II и его дипломаты обратились к США, надеясь использовать их влияние и авторитет в разрешении конфликта.

В начале 1905 г. Бюлов просил германского поверенного в делах в Танжере Кюльмана сообщить, каковы интересы США в Марокко и в какой мере они могут быть задеты в случае принятия султаном французского проекта «реформ», по существу превращавшего Марокко в протекторат Франции. В феврале

⁶⁰ A. Vagts. Deutschland und die Vereinigten Staaten in der Weltpolitik, Bd. II, S. 1822.

⁶¹ Foreign Relations, 1904, p. 504.

⁶² A. L. P. Dennis. Adventures..., p. 445.

Бюлов телеграфировал германскому послу в Вашингтоне Штернбургу, прося его повидаться с президентом Рузвельтом и узнать о его позиции по марокканскому вопросу. Послу была дана инструкция заявить президенту, что Германия заинтересована только в поддержании «открытых дверей» в Марокко и что агрессивные намерения Франции могут быть приостановлены, если Германия и США, действуя сепаратно, «посоветуют» султану созвать совещание нотаблей для обсуждения требований Франции.

Германское посольство в Вашингтоне направило в государственный департамент Соединенных Штатов меморандум, в котором излагались взгляды министерства иностранных дел по марокканскому конфликту. В нем говорилось, что, по мнению императора, если со стороны крупной державы (имелись в виду США), кроме Франции, будет проявлен интерес в проведении политики «открытых дверей» в Марокко и в упрочении его внутреннего положения, то «весь марокканский вопрос может быть быстро и мирно разрешен»⁶³.

Скоре состоялась беседа Штернбурга с Теодором Рузвельтом. Президент просил посла передать Вильгельму, что при проведении своей внешней политики ему приходится постоянно преодолевать серьезную оппозицию со стороны сената, в особенности, когда затрагиваются вопросы, связанные с политикой США в Карибских странах.

«Если я буду вовлечен в дела Марокко, страны совсем у нас неизвестной, я обреку себя на самые жесткие нападки. В деле Пердикариса на карту была поставлена жизнь американского гражданина, а потому интервенция была не так рискована. Если бы я одобрил созыв нотаблей и поощрял надежды султана, я должен был бы быть готовым к дальнейшим действиям во внешней политике; я принципиально не предпринимаю никаких шагов, если у меня нет уверенности, что в случае необходимости я силой добьюсь осуществления моего желания»⁶⁴.

Рузвельт все же отдал распоряжение представителю США в Марокко установить тесную связь с германским посланником.

Между тем обстановка продолжала накаляться. 31 марта Вильгельм II высадился на берегу в Танжере, где ему была устроена торжественная встреча. Отвечая на приветствия, кайзер выступил с речью, которая была подхвачена всей мировой печатью. Он заявил, что Германия заинтересована в благоденствии и процветании Марокко, что он посещает султана как независимого государя и надеется, что под его суверенным руководством свободное Марокко сможет принять участие в международном сотрудничестве народов, без каких-либо ограничений.

⁶³ См. меморандум в кн. A. L. P. Dennis. *Adventures...*, p. 513—514.

⁶⁴ Ibid., p. 488.

В заключение кайзер вновь заявил о намерении Германии отстаивать свои интересы в Марокко⁶⁵.

Речь кайзера, обращенная не только к Франции, но и к Англии, прозвучала как серьезный вызов Антанте. Она показала, что Германия добивалась аннулирования англо-французского соглашения о разделе Марокко, разрушения Антанты и привлечения США на свою сторону. Принципу раздела Марокко Германия противопоставила принцип признания территориальной целостности и независимости Марокко, доктрину «открытых дверей» и «равных возможностей». Такая позиция, занятая германским империализмом, должна была облегчить его борьбу за свои экономические и стратегические интересы в Марокко.

Выступления кайзера в Танжере создали чрезвычайно напряженную обстановку. Казалось, что найти выход из него возможно только путем войны. Германия в то время, писал В. И. Ленин, была «на волосок от войны с Францией и Англией»⁶⁶.

Быстро развивавшиеся события показали, что и Англия, и Франция с напряженным вниманием следили за маневрами кайзеровской Германии. Англия советовала французскому правительству не уступать Германии в Марокко. Она поддерживала министра иностранных дел Франции Делькассе, с которым Германия отказалась вести переговоры. Французские политические деятели интересовались готовностью Англии оказать Франции помощь в случае войны с Германией из-за Марокко. Германскому послу в Лондоне было сообщено, что Англия выполнит свой долг. Своему послу в Париже английский министр иностранных дел писал, что вполне вероятно, что германское правительство может потребовать порт на Марокканском побережье. «Вы уполномочены поэтому заявить министру иностранных дел, что мы готовы присоединиться к французскому правительству, чтобы оказать противодействие такому требованию, и просить его, в случае если этот вопрос возникнет, предоставить нам полную возможность договориться о мерах по оказанию противодействия»⁶⁷.

Подготовка конференции. Позиция США

Не касаясь подробностей развития марокканского кризиса⁶⁸, остановимся на позиции, занятой державами в подготовке Альхесирасской конференции. Убедившись в том, что Англия и

⁶⁵ Подробно о выступлении Вильгельма II в Танжере см. «Allgemeine Zeitung» (Munich), 4.IV 1905; E. N. Anderson. The First Moroccan Crisis, 1904—1906. Chicago, 1930, p. 192—195.

⁶⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 668.

⁶⁷ E. N. Anderson. Op. cit., p. 210.

⁶⁸ Этот вопрос достаточно освещен в нашей литературе и не входит в задачу данной работы.

Франция решили действовать совместно, Германия выступила за созыв международной конференции для ликвидации марокканского кризиса.

Германская дипломатия развернула энергичную деятельность, стремясь вовлечь США в разрешение конфликта. Последовали письма и меморандумы. Дипломатические представители Германии в Марокко искали сближения с посланником США в Танжере. 13 апреля 1905 г. Штернбург передал президенту США меморандум, в котором излагалась позиция Германии. В нем, между прочим, говорилось, что политика английского правительства по этому вопросу определится в зависимости от позиции США. «И чем скорее Англия узнает о ней, тем ей легче будет решить, какую политику следует проводить. Ожидают, что в скором времени султан обратится к участникам договора ⁶⁹ с просьбой высказать свое мнение о предложенных Францией реформах. Император уверен, что, если бы Вы намекнули Англии о Вашей позиции, это помогло бы прийти к мирному разрешению вопроса» ⁷⁰.

Отвечая Штернбургу, Рузвельт выражал сожаление, что, будучи на охоте в Колорадо, он не может вплотную заняться вопросом о Марокко. Он вновь утверждал: «Я не люблю принимать решение... если я полностью не уверен в том, что я смогу его осуществить; наши же интересы в Марокко недостаточно существенны, чтобы я считал возможным втянуть в это дело правительство» ⁷¹. В то же время он советовал Штернбургу повидаться с Тафтом и сообщить ему, «в какой степени Германия намерена вывить позиции Англии» ⁷².

Тафту Рузвельт писал: «Я не думаю, что нам, как правительству, нужно вмешиваться в марокканские дела. У нас есть более важные проблемы, а в Марокко серьезных интересов мы не имеем.

Мне не хотелось бы встать в этом вопросе между Францией и Германией. В то же время, если бы мне удалось выяснить, к чему стремится Германия, я бы с радостью помог ей; мне также искренне хочется, чтобы наладились отношения между Англией и Германией» ⁷³.

Вернувшись в Вашингтон, Т. Рузвельт вплотную занялся вопросами Марокко. Штернбург вновь представил меморандум, в котором утверждалось, что Англия выступает против созыва международной конференции для разрешения марокканского кризиса и стремится использовать конфликт в Марокко для про-

⁶⁹ Имеются в виду державы, подписавшие Мадридский договор 1880 г.

⁷⁰ A. L. P. Dennis. *Adventures...*, p. 516.

⁷¹ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. V, p. 233—234.

⁷² H. K. Beale. *Theodore Roosevelt and the Rise of America to World Power*, p. 311.

⁷³ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. V, p. 232—233.

тиводействия планам Германии на Дальнем Востоке. Штернбург внушал Рузвельту, что его воздействие на Англию и Францию в деле разрешения марокканского кризиса может иметь исключительное значение в деле сохранения мира.

31 мая 1905 г. Рузвельт получил новый германский меморандум. В нем Вильгельм II вновь доказывал, что марокканский кризис тесно связан с событиями на Дальнем Востоке. Еще в 1902 г., когда был заключен англо-японский союз, русское правительство добивалось присоединения Германии к франко-русскому соглашению. Германия тогда ответила отказом. Ныне, утверждалось в меморандуме, марокканский конфликт используется для того, чтобы заставить Германию присоединиться к двойственному союзу.

«Если Англии, — говорилось в меморандуме, — удастся добиться отказа Франции от участия в конференции по марокканскому вопросу, Германия должна будет выбирать между войной против Франции и договоренностью с ней по вопросу о Марокко, к чему настойчиво стремится Франция. Такая договоренность, по мнению императора, предполагает образование новой группировки европейских держав, против чего он возражал, главным образом в связи с Дальним Востоком, о чем он Вам ясно заявил. По его мнению, все зависит от Вашего отношения к конференции... Единственной державой, выступающей против конференции, является Англия, но и она откажется от своих возражений, если Вы согласитесь участвовать в конференции»⁷⁴.

Так германская дипломатия пыталась воздействовать на Рузвельта. Она всячески стремилась доказать, что и Англия, и Франция хотят сорвать посредничество, начатое Рузвельтом для ликвидации русско-японской войны, нарушить его планы по установлению на Дальнем Востоке «равновесия сил».

В начале июня султан Марокко обратился к державам, подписавшим Мадридское соглашение 1880 г., с просьбой принять участие в международной конференции для решения конфликта. Посол США телеграфировал из Лондона, что министр иностранных дел Англии встревожен предложением султана, считая, что созыв конференции является маневром Германии, рассчитанным на срыв планов Франции. Министр иностранных дел Англии Лэнсдаун поэтому запросил мнение Рузвельта. 6 июня Т. Рузвельт телеграфировал послу США в Лондоне Риду, что написал Штернбургу и французскому послу Жюссерану о том, что участие США на конференции по марокканскому вопросу возможно только при условии, если Франция даст свое согласие⁷⁵.

Вынужденная отставка французского министра иностранных дел Делькассе привела к некоторой разрядке в отношениях

⁷⁴ Полностью меморандум см. A. L. P. Dennis. *Adventures...*, p. 517.

⁷⁵ A. L. P. Dennis. *Adventures...*, p. 491.

между Германией и Францией. Премьер-министр Франции Рувье сделал попытку договориться с Германией по вопросам Марокко без созыва конференции. Падение Делькассе и новый курс Рувье вызвали опасения в правящих кругах Англии о возможности предоставления Германии части территории или порта в Марокко. Англия решительно выступила против франко-германских переговоров. Английская печать усилила кампанию против германских домогательств в Марокко.

Учитывая создавшееся положение, германский империализм занял более решительную позицию, добиваясь созыва международной конференции. Германский канцлер заявил французскому послу в Берлине, что в интересах дела нельзя затягивать решение конфликта, нельзя «медлить на пути, по краям которого зияют обрывы и даже пропасти» ⁷⁶.

Именно в это время Рузвельт решил, что его вмешательство, как этого хотела Германия, может оказаться полезным и успешным. Он беседовал с послами Франции, Англии и Германии. Немцам он обещал добиваться созыва конференции и призывал кайзера проявить умеренность. С французским послом Жюссера-ном Рузвельт также имел несколько бесед, доказывая необходимость созыва международной конференции. Примерно через год в пространном письме к послу в Англии Риду Рузвельт изложил ход этих бесед. Он писал: «Мы указывали французскому правительству на опасность войны и на то, что в случае войны помощь Англии окажется малоэффективной, ибо Франции будет угрожать наземное нашествие. Помимо этого, я доказывал, что Франция может рассчитывать на то, что конференция держав не допустит несправедливого наступления Германии на французские интересы и что, если все державы, вернее, все участники конференции, займут благоприятную для Франции позицию в этом вопросе, Германия будет лишена возможности угрожать ей. Я заявил, что приму приглашение участвовать в конференции только при согласии Франции и буду относиться одинаково беспристрастно к обеим сторонам; в случае надобности я буду настойчиво пресекать всякие попытки Германии, которые сочту несправедливыми и незаконными» ⁷⁷.

С английским послом беседа велась несколько по-иному. Рузвельт высказал свои подозрения в отношении Англии, утверждая, что она не хочет смягчения международного напряжения. Он ссылаясь на то, что Англия не оказала ему должной поддержки в его посредничестве между Россией и Японией, а сейчас выступает против созыва конференции для решения марокканского конфликта и т. д. Он призывал Англию не создавать

⁷⁶ O. H a m m a n. Zur Vorgeschichte des Weltkrieges; Erinnerungen aus den Jahren 1897—1906. Berlin, 1919, S. 138.

⁷⁷ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. V, p. 236.

трудностей и не отказываться от участия в конференции, если Франция даст согласие на ее созыв⁷⁸.

Не сразу французский премьер согласился на созыв конференции. Он был сильно взволнован донесениями из различных столиц об угрозах Германии в адрес Франции. В то же время беседы с германским послом в Париже и донесения из Мадрида свидетельствовали о том, что если Франция согласится на созыв конференции, то возможно правительство Германии выразит готовность обсудить все спорные вопросы и тогда окажется возможным обойтись без конференции.

21 июня Франция передала Германии ноту. В принципе правительство Франции не возражало против созыва конференции, но в то же время, надеясь уклониться от ее созыва, призывало Германию к продолжению переговоров. В ноте говорилось, что правительство Франции «желает лишь знать о намерениях имперского правительства о том, каковы главные вопросы, которые будут поставлены на обсуждение конференции, и какие решения по ним предложит германское правительство»⁷⁹.

Французский премьер ознакомил правительства Англии и США как с содержанием ноты, так и с угрозами Германии в отношении Франции. Президента США он просил оказать давление на кайзера в пользу мира. Рузвельт немедленно дал согласие принять все необходимые в этом направлении меры⁸⁰.

Зная позицию французского премьера, Бюлов решил заставить его угрозами и поощрениями принять германские условия. В нотах от 21, 22 и 23 июня он отклонил предложение о продолжении переговоров и предостерегал премьера Франции против возрождения политики Делькассе. В то же время он обещал, что в случае созыва конференции будет «серьезно и лояльно» сотрудничать для достижения положительных результатов. Французскому послу канцлер Бюлов заявил, что он считает положение весьма серьезным и что выход из него можно найти, проявив «добрую волю и решимость». «Но нельзя, — говорил Бюлов, — играть с огнем — это опасная игра и может завести дальше, чем мы с вами желаем».

Канцлер настаивал на скорейшем созыве конференции. Но германская политика не имела того успеха, которого ожидал Бюлов. Италия только условно согласилась на участие в конференции. Английское правительство поддержало позицию Франции. Испания заявила, что будет действовать с учетом франко-испанского соглашения. Во Франции пресса поддержи-

⁷⁸ T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 37, 240; J. B. Bishop. Theodore Roosevelt and His Time, Vol. I, p. 474, 481.

⁷⁹ «G. P.», Bd. XX, Hf. II, S. 452—453, N 6720; S. 494, N 6752.

⁸⁰ British Documents., Vol. III, p. 97—98; «G. P.», Bd. XX, Hf. II, S. 463, N 6727; J. B. Bishop. Op. cit., Vol. I, p. 478.

вала премьера Рувье и его линию. Из США Штернбург телеграфировал следующее заявление Теодора Рузвельта:

«Неофициально французское правительство сообщило мне... что оно больше не возражает против конференции... и, очевидно, нужно будет выработать программу конференции в соответствии с существующими обычаями. Я предложил, чтобы это было согласовано между Францией и Германией... Я хочу искренне поздравить императора с этой важной дипломатической победой»⁸¹.

Правительство Германии отступило. 24 июня, отвечая Франции, оно отказалось от обсуждения программы конференции до ее созыва, но признало «особые интересы» Франции в Марокко. Передавая французскому послу ноту, Бюлов отрицал, что конференция имеет целью хотя бы минимально удовлетворить самолюбие Германии или принизить Францию. Он убеждал отнестись к конференции как к средству, которое поможет этим двум странам избежать «опасной ситуации» и встать «на путь, ведущий к успокоению, соглашению и миру»⁸².

Правительство Франции все еще колебалось. Посол Франции сообщил Рузвельту, что, учитывая неуравновешенный характер кайзера, Франция не может пойти на конференцию без заранее разработанной программы⁸³. Тогда Рузвельт предложил следующий компромисс: «Пусть Франция и Германия придут на конференцию безо всякой программы или соглашения и обсуждают все вопросы, связанные с Марокко, кроме тех, по которым они имеют обязательства с другими державами»⁸⁴.

Сообщая Штернбургу о последних шагах, предпринятых им, Рузвельт заявил, что если Франция и Германия примут его предложение или аналогичный компромисс, США согласятся участвовать в конференции и посоветуют Англии поступить так же.

28 июня Штернбург передал Рузвельту просьбу кайзера, что, если на конференции возникнут разногласия между Францией и Германией, он (кайзер) «готов принять решение, которое Вы сочтете наиболее справедливым и осуществимым»⁸⁵.

Между тем представители Германии доносили из Лондона об антигерманских настроениях, о готовности Англии оказать Франции помощь. Германский посол, сообщая о своей беседе с министром иностранных дел Англии, писал, что Франции обеспечена дипломатическая поддержка со стороны Англии бла-

⁸¹ «G. P.», Bd. XX, Hf. II, S. 466, N 6731 (Донесение Штернбурга, 24 июня 1905 г.); J. B. Bishop. Op. cit., Vol. I, p. 482.

⁸² E. N. Anderson. Op. cit., p. 248.

⁸³ J. B. Bishop. Op. cit., Vol. I, p. 485 ff.

⁸⁴ «G. P.», Bd. XX, Hf. II, S. 479, N 6742; J. B. Bishop. Op. cit., Vol. I, p. 485.

⁸⁵ J. B. Bishop. Op. cit., Vol. I, p. 487 (Штернбург — Рузвельту, 28 июня 1905 г.). Штернбург перефразировал инструкцию Бюлова от 27 июня, усилив обещания Германии.

годаря англо-французскому соглашению; что в случае, если Германия «легкомысленно вступит в войну с Францией, министр иностранных дел Англии считает совершенно невозможным предвидеть, как далеко зайдет общественное мнение в своем стремлении оказать давление на правительство в пользу поддержки Франции»⁸⁶.

Донесения из Парижа также были неутешительными для Германии. Сообщалось, что Англия оказывает давление на Францию, стремясь сорвать созыв конференции. Рувье все еще считал необходимым заранее договориться о программе предстоящей конференции. Чтобы подорвать влияние Англии, Бюлов пошел на дальнейшую уступку. Он согласился, чтобы премьер Франции сделал следующее заявление: «Ввиду заверений князя Радолина, что Германия не будет преследовать на конференции целей, противоречащих справедливым интересам Франции, французское правительство отказалось от своих возражений, касающихся созыва конференции»⁸⁷.

Далее в заявлении указывалось, что, если Франция под влиянием Англии откажется от участия в конференции, возникнет положение, напоминающее вооруженный мир. Участие же на конференции может привести к условиям, когда «не будет ни победителей, ни побежденных»⁸⁸.

Колебания премьера Франции закончились. Считая последние заявления Германии вполне приемлемыми, он решился на участие в международной конференции⁸⁹. Британский поверенный в делах в Париже сообщал своему правительству, что, по мнению Рувье, созыв в настоящих условиях конференции явится лучшим средством для урегулирования споров. Тем более, что император воспринимает это как вопрос его личного престижа. «Франция, говорил Рувье, придет на конференцию, имея поддержку Англии, Испании и, возможно, Италии, в то время как Германия будет одинокой. Германия готова признать преимущества французских интересов на алжирской границе. Настоящее положение настолько опасно, что абсолютно необходимо прийти к какому-либо соглашению. Поскольку вопрос о конференции не был решен, Германия считала себя свободной принимать решения в отношении Марокко; она проявляла большую активность»⁹⁰.

⁸⁶ «G. P.», Bd. XX, Hf. II, S. 636, N 6860; British Documents..., Vol. III, p. 103, N 132a.

⁸⁷ Речь идет о неофициальных заявлениях Радолина от 14 и 18 июня 1905 г. — «G. P.», Bd. XX, Hf. II, S. 487, N 6748 (Бюлов — Радолину, 28 июня 1905 г.).

⁸⁸ «G. P.», Bd. XX, Hf. II, S. 495, N 6753; S. 490, N 6750.

⁸⁹ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. V, p. 239.

⁹⁰ British Documents..., Vol. III, p. 107, N 134 (Листер — Лэнсдауну, 28 июня 1905 г.).

Дальнейшие переговоры между Францией и Германией привели к обмену нотами (8 июля) о созыве конференции⁹¹. Была также опубликована декларация: Германия обещала не проводить на конференции линию, которая компрометировала бы «особые интересы» Франции в Марокко. Оба правительства согласились разработать программу конференции и представить ее султану для апробации. Французская и германская миссии должны были быть отозваны из Марокко, как только конференция начнет свою работу. Посол Германии во Франции также заявил, что эти решения не затрагивают англо-французского и франко-испанского соглашений.

Пресса Германии, Франции и Англии выражала удовлетворение достигнутым соглашением и надежду на благоприятное разрешение конфликта. Заинтересованные державы заявили о своем согласии участвовать в работах конференции. 11 июля Лэнсдаун выступил с речью в палате лордов, в которой он обосновал решение правительства об участии в работе международной конференции⁹².

Достигнутое между Германией и Францией соглашение показало, что уже на этом этапе борьбы по вопросу о Марокко Германия потерпела неудачу. Она не добилась расторжения англо-французского соглашения и вынуждена была признать «особые интересы» Франции в Марокко. Действия германской дипломатии во время длительных переговоров вызывали раздражение в правящих кругах Франции. Они толкали Рувье к большему сближению с Англией на основе политики «сердечного согласия». Если раньше Рувье выступал за территориальные уступки Германии в Марокко, то теперь, согласившись на созыв международной конференции, он отказался от всяких уступок и надеялся получить от конференции мандат на проведение в Марокко намеченных реформ.

Потребовалось не мало времени, чтобы Германия и Франция договорились о повестке дня конференции. Рувье продолжал переговоры с Англией и Испанией, стремясь заручиться их помощью на конференции. При переговорах с Германией возникли расхождения по вопросам о месте предстоящей конференции, об организации полицейских и военных сил в Марокко и т. д. Но главные затруднения возникли, когда стало известно, что германская фирма добилась подписания контракта на сумму в 1300 тыс. марок на строительство мола в танжерском порту; немецкие банки также договорились о предоставлении султану займа в 10 млн. марок. Эти действия Германии не могли не вызвать раздражения в правящих кругах Франции. Французская

⁹¹ Foreign Relations, 1905, p. 669, 670.

⁹² Правительства Франции и Англии проявили крайнюю заинтересованность в том, чтобы Россия и США приняли участие.

официозная пресса обвинила Германию в двурушничестве, в попытках превратить Марокко во вторую Турцию. Рувье, поддержанный Лэнсдауном, выразил серьезный протест, обвинив Германию в нарушении прав Франции и соглашения от 8 июля. Он потребовал отзыва графа Таттенбаха, управляющего германской миссии в Танжере, ответственного за переговоры с Марокко. Споры эти продолжались до 28 сентября 1905 г., когда Франция и Германия наконец подписали соглашение. Стремясь достигнуть сближения с Францией и все еще рассчитывая на возможность создать коалицию континентальных держав против Англии⁹³, Бюлов добивался договоренности с Францией.

По соглашению от 28 сентября 1905 г. обе стороны договорились о созыве конференции в Альхесирасе и о повестке дня⁹⁴. Франция согласилась считать заем, заключенный Германией с Марокко, «авансом»; французские банки получили право участвовать в нем в размере 50% общей суммы⁹⁵.

1 декабря 1905 г. султан направил послание, приглашая заинтересованные державы на Альхесирасскую конференцию.

США решили принять участие в Альхесирасской конференции. Делегатами были назначены Г. Уайт, опытный дипломат, и посланник США в Марокко Гаммерэ. Решение президента и государственного департамента об участии на конференции вызвало споры в сенате. Сенатор Бэкон из штата Джорджия внес резолюцию, в которой утверждалось, что экономические интересы США в Марокко крайне ограничены и поэтому нет необходимости для США участвовать в политических спорах и конфликтах между Германией, с одной стороны, и Францией и Англией — с другой⁹⁶. Сенатор Джордж предложил запросить у президента всю переписку и документацию по вопросу о марокканском конфликте и потребовать, чтобы американские делегаты на конференции приняли участие только в обсуждении экономических вопросов. Сенатор Мони доказывал, что Альхесирасская конференция посвящена политическим вопросам, которые не касаются США, и предложил отказаться от участия⁹⁷.

Однако оппозиция оказалась слабой и малочисленной. Сторонники правительства доказывали целесообразность участия США на Альхесирасской конференции. Сенатор Спунер в своей речи ссылался на то, что европейские державы крайне заинтересованы в участии США в мирном разрешении конфликта⁹⁸.

⁹³ Бьеркский договор еще не был аннулирован, когда шли переговоры. Он был аннулирован только в начале октября 1905 г.

⁹⁴ Foreign Relations, 1905, p. 672—674.

⁹⁵ В свою очередь Германия признавала приоритет французского банковского консорциума в предоставлении займов Марокко.

⁹⁶ Congressional Record, Vol. XL, Pt. I, p. 792.

⁹⁷ Ibid., Pt. III, p. 1529.

⁹⁸ Ibid., p. 2140.

Он считал, что США содействовали созыву конференции, оказывая влияние как на Францию, так и на Германию и Англию, что конференция созвана для того, чтобы избежать войны.

В инструкции государственного департамента США двум делегатам на конференцию подробно изложена позиция правительства по вопросам Марокко⁹⁹. В ней указывалось, что американские интересы и права в Марокко ограничены «теми привилегиями в вопросах о резидентах, торговле и охране, которые были предоставлены правительством Марокко иностранцам и их представителям...»¹⁰⁰ США заинтересованы в расширении этих привилегий всеми «разумными» способами; они признают выгоду, которую политика «открытых дверей» приносит всем державам в их торговых отношениях с Марокко; однако эта политика не может быть эффективно проведена, если внутри страны отсутствуют мир и безопасность.

Алхесирасская конференция

16 января 1906 г. в испанском городе Алхесирасе открылась конференция стран — участниц Мадридского договора 1880 г. 12 стран прислали свои делегации. Германия, выигравшая битву за созыв конференции, вскоре поняла, что она одержала пиррову победу: расстановка сил на конференции оказалась не в ее пользу. Если не считать Австро-Венгрии¹⁰¹, все остальные крупные державы выступали против домогательств германского империализма. Даже Италия, член Тройственного союза, во время обсуждения кардинальных вопросов, поддерживала Францию против Германии. Россия, как бы подчеркивая свой отказ от Бьёркского соглашения, также оказалась на стороне Франции и Англии.

За несколько месяцев до созыва конференции правительство Франции вело интенсивные переговоры с Англией, добиваясь определенного соглашения по вопросу об участии военных сил Англии на стороне Франции в случае войны с Германией. Переговоры велись с новым правительством Англии и с Эдвардом Греем, заменившим Лэнсдауна на посту министра иностранных дел. Грей считал, что конференция окажется в трудном, если не критическом положении. По его мнению, немцы могут отказаться признать «специальные интересы» Франции в Марокко. «Мы же, — говорил он, — не только обещали Франции их признать, но и помочь их добиться. Если с нашей помощью Франция этого достигнет, — это явится большим успехом для англо-французской Антанты; если же она проиграет — престиж Антанты

⁹⁹ Foreign Relations, 1905, p. 678—681.

¹⁰⁰ Ibid., p. 678.

¹⁰¹ Даже австро-венгерская делегация не всегда и не по всем вопросам активно поддерживала Германию.

пострадает и ее влияние уменьшится. Поэтому нашей главной задачей является помочь Франции в проведении ее требований на конференции»¹⁰².

Грей, таким образом, считал сохранение и укрепление англо-французской Антанты основным вопросом. В одной из бесед с германским послом Грей заявил, что в случае нападения Германии на Францию общественное мнение страны будет настолько сильным, что Англия не сможет быть нейтральной. Причем главным для британского общественного мнения будет не враждебное отношение к Германии, а желание сохранить дружбу с Францией. Этой же линии держался Грей и в переговорах с послом Франции Камбоном. В беседе с Греем Камбон заявил: «Нет необходимости и целесообразности в формальном союзе, но очень важно, чтобы французское правительство заранее знало, что в случае нападения Германии на Францию Англия готова оказать Францию вооруженную помощь»¹⁰³.

Грей ответил, что общественное мнение Англии высказалось бы за войну, если бы Германия напала на Францию. И далее, как позднее писал Грей: «Многое будет зависеть от тех обстоятельств, при которых возникнет война между Германией и Францией. Я не думаю, чтобы британский народ был готов сражаться во имя того, чтобы помочь Франции овладеть Марокко. Британский народ сказал бы, что Франция должна выждать удобного случая, что неразумно торопиться с этим делом до такой степени, чтобы решиться на войну. Но если бы, с другой стороны, оказалось, что война была навязана Франции Германией для того, чтобы разрушить англо-французское «согласие», то в этом случае, несомненно, общественное мнение Великобритании было бы всецело на стороне Франции. . .»¹⁰⁴

Отказ Грея заранее дать точно обусловленное обязательство военного характера не помешал английской делегации на Альхесирасской конференции не только поддерживать Францию, но и мобилизовать делегации других государств против Германии.

Борьба на конференции между планами Германии и Франции продолжалась в течение трех месяцев. Наиболее острую форму она приняла при обсуждении вопросов об организации полиции в Марокко и об основании государственного банка. Франция предлагала, чтобы в Марокко была создана полиция под руководством французских и испанских офицеров. Вопрос о руководстве полицией был неотделим от разрешения основного спора: кто же установит контроль над Марокко, кто будет руководить основными портами и таможнями и, следовательно, экономикой, возможно ли

¹⁰² British Documents. . . . Vol. III, p. 162, N 200.

¹⁰³ E. N. Anderson. Op. cit., p. 338.

¹⁰⁴ E. Grey. Twenty Five Years. London, 1925—1926, p. 78—79. Грей одобрил переговоры как между генеральными штабами Англии и Франции, так и с Бельгией, которые не связывали правительства.

будет при этом сохранить принцип «открытых дверей». Французские делегаты считали, что принцип «открытых дверей» вовсе не означает, что те, кто уже живет в доме, должны быть из него выселены. Как писал американский делегат на конференции Г. Уайт, «Франция заявляет, что, поскольку ее инвестиции в Марокко составляют 70 млн. франков, а германские — 5 млн., она не может доверить контроль над полицией какой-либо другой державе»¹⁰⁵.

Защищая интересы своих монополий и финансовых кругов, Германия категорически возражала против французского плана. Она пыталась привлечь на свою сторону президента Рузвельта. В пространной депеше от 20 января она предложила три варианта. По первому все заинтересованные державы участвуют на основе равенства в организации полиции. Каждая получает право руководства в одном порту. Контроль устанавливается на определенный срок. По второму варианту одному или нескольким небольшим государствам (таким, как Швейцария, Норвегия, Дания, Швеция или Голландия) передается контроль над полицией. И, наконец, по последнему варианту руководство остается за султаном, который выбирает по своему желанию иностранных офицеров-инструкторов¹⁰⁶.

Рут ответил, что он должен проконсультироваться с президентом, раньше чем сможет дать конкретный ответ.

Борьба по этому вопросу продолжалась несколько недель. И чем дальше, тем больше делегаций высказывались против германских притязаний. Глава английской делегации Артур Никольсон с самого начала поддерживал Францию¹⁰⁷. Делегация России, стремясь к быстрейшему окончанию работы конференции, выступила в поддержку своей союзницы Франции. К этому, помимо других причин, ее подталкивала необходимость получения у французских банков займа для расправы с революционным движением. Даже Австро-Венгрия, имевшая значительные связи с банками Франции, предлагала Германии пойти на компромисс; австрийский министр иностранных дел, считая создавшееся положение серьезным, заявил, что «Марокко не стоит того, чтобы из-за него воевать»¹⁰⁸.

Германия продолжала упорствовать. Она пыталась повлиять на итальянскую делегацию, занявшую профранцузскую позицию. Через своего посла в Париже Германия оказывала давление на Рувье, выражая недовольство антигерманской позицией, занятой французской прессой. 13 февраля 1906 г. правительство Германии послало идентичные телеграммы в Рим, Вашингтон, Вену, Лондон и Петербург. В них говорилось: «Нет никаких оснований для даль-

¹⁰⁵ A. L. P. Dennis. *Adventures...*, p. 501.

¹⁰⁶ «G. P.», Bd. XXI, Hf. I, S. 99—101, N 6956 (Бюлов — Штернбург, 20 января 1906 г.).

¹⁰⁷ «G. P.», Bd. XXI, Hf. I, S. 122, N 6967; *British Documents...*, Vol. III, p. 227, N 246.

¹⁰⁸ E. N. Anderson. *Op. cit.*, p. 358.

нейшего отступления. Принцип, согласно которому одна страна должна жертвовать своими интересами лишь из-за того, что она мешает другой стране, может привести к очень серьезным последствиям; поэтому мы считаем, что прекращение работы конференции явится меньшим из зол»¹⁰⁹.

Короче говоря, Германия угрожала срывом конференции, если державы не окажут давления на Францию, заставив ее пойти на уступки.

Это выступление Германии привело к еще большему отпору со стороны других держав. Британское правительство заявило о готовности поддержать Францию. Грей имел по этому поводу серьезный разговор с германским послом Меттернихом. Ламсдорф не только заявил о поддержке Франции, но обратился к Грею с предложением о координации действий. Американский посол доносил из Петербурга, что Николай намерен лично оказать воздействие на Вильгельма. Американский представитель Уайт и послы Франции и Англии в Вашингтоне обратились к Рузвельту с просьбой оказать содействие в пользу признания «особых интересов» Франции в Марокко, указывая, что она искренне намерена проводить политику «открытых дверей». Рузвельт считал, что Германия, добившись отстранения Делькассе и созыва конференции, сейчас должна согласиться с французским планом об организации полиции. Это его убеждение подкреплялось позицией Италии, России и даже Австро-Венгрии. Правительства России и Австро-Венгрии просили его оказать воздействие на Вильгельма. Рузвельт перестал верить заявлениям Германии, считая, что она добивается раздела Марокко и захвата порта¹¹⁰. Поэтому, когда и французский посол в Вашингтоне обратился к нему с просьбой о вмешательстве, Рузвельт охотно согласился.

19 февраля по поручению Рузвельта Рут передал германскому послу компромиссное предложение по вопросу об организации полиции в Марокко. Оно сводилось к следующему: «1) Организация полиции остается в ведении султана; 2) средства на ее содержание предоставляются международным банком; 3) французские и испанские офицеры должны ежегодно отчитываться перед султаном и Италией, являющейся третьей Средиземноморской державой; 4) Франция и Испания дают гарантии того, что они обяжут всех своих офицеров, назначенных султаном, соблюдать принципы «открытых дверей» в области торговли и равных возможностей в получении концессий и контрактов на коммунальные строения»¹¹¹.

¹⁰⁹ «G. P.», Bd. XXI, Hf. I, S. 159—160, N 7000. Телеграмма в Вашингтон несколько отличалась от других.

¹¹⁰ J. B. Bishop. Op. cit., Vol. I, p. 489.

¹¹¹ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. V, p. 243 (Рут — Штернбург, 19 февраля 1906 г.).

Вильгельм сам ответил Рузвельту. Выражая ему благодарность за посредничество и стремление найти выход из создавшегося положения, кайзер согласился с 1, 2 и 4-м пунктами предложенного компромисса. Однако он возражал против 3-го пункта, доказывая, что это будет означать признание французского плана установления контроля над полицией. Взамен Германия предложила, чтобы султану предоставили право выбирать руководство полицией из других государств Европы¹¹².

Только при этих условиях Германия соглашалась пойти на уступки. Она заявила о готовности признать за Францией «особые права» и контроль над портом Танжер и еще над одним из портов в Марокко. Рузвельт и Рут, уверенные в том, что эти условия неприемлемы для Франции, отказали Германии в ее просьбе повлиять на Францию.

На самой конференции вновь возникло напряженное положение. Беспокойство и тревога охватили европейские страны. Всюду только и слышались призывы к благоразумию, к необходимости найти какой-то компромисс, который устранил бы опасность вооруженного столкновения. 26 февраля, чтобы избежать срыва конференции, австрийский делегат предложил компромиссный план. По этому плану контроль над полицией в Танжере, Сафи, Рабате и Тетуане передавался Франции; в Могadore, Лараше и Мазагане — Испании; в Касабланке — офицеру Швейцарии или Голландии. Причем последний должен получить право инспекции над всей полицией и подчиняться дипломатическому корпусу в Танжере.

Но и этот план не встретил сочувствия у многих делегаций. 7 марта Рузвельт вновь вмешался. В телеграмме Вильгельму он заявил, что не может просить Францию пойти на дополнительные уступки. Он напомнил кайзеру, что в письме от 28 июня 1905 г., переданном ему Штернбургом, он обещал в случае, если на конференции возникнут осложнения, руководствоваться беспристрастными и практическими советами Рузвельта¹¹³. Считая план, предложенный США, наиболее приемлемым, Рузвельт настаивал на его обсуждении и принятии Германией. Он убеждал Вильгельма в том, что нельзя допустить, чтобы конференция была сорвана по его вине. Если Германия будет настаивать, чтобы Франция пошла на большие уступки, чем содержащиеся в предложенном соглашении, то срыв конференции приведет к тому, что «общее мнение в Европе и Африке сложится не в пользу Германии...»¹¹⁴.

¹¹² The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. V, p. 244.

¹¹³ Штернбург перефразировал указания Бюлова. Поэтому Бюлов 12 марта сделал Штернбургу внушение, указав, что, сличив инструкцию с письмом Штернбурга Рузвельту, он убедился в том, что посол превысил свои полномочия (см. The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. V, p. 241, 245—246).

¹¹⁴ J. B. Bishop. Op. cit., Vol. I, p. 493—495; «G. P.», Bd. XXI, Hf. I, S. 260, N 7074.

Когда Германия все еще продолжала настаивать на принятии австрийского плана, доказывая, что в противном случае не может быть разговора о проведении в Марокко политики «открытых дверей», Рузвельт вновь отправил в Берлин телеграмму, в которой писал: «По моему мнению, предложение Австрии абсурдно, поскольку оно поддерживает идею, которую конференция старалась обойти, а именно: раздел на сферы влияния.

Я считаю, что совместное пребывание испанских и французских офицеров в одних и тех же портах является более надежным, чем размещение их в разных портах... Мое предложение лучше и безопаснее, и только его я намерен поддерживать» ¹¹⁵.

Все дальнейшие попытки Штернбурга убедить Рузвельта в обратном потерпели провал. 14 марта Рут заявил Штернбургу, что американские делегаты будут голосовать против австрийского плана. Через три дня государственный департамент США вручил ноту германскому послу, в которой с позиции США содержался подробный обзор спорного вопроса ¹¹⁶. Рузвельт выразил недовольство и раздражение позицией Германии. Он заявил, что перестал верить в искренность Германии, которая выступает за австрийский план, надеясь получить порт и сферу влияния в Марокко. Германия, по-видимому, своей тактикой обструкции стремится также унижить Францию, а американское общественное мнение все больше и больше поворачивается против Германии, считая, что она преследует агрессивные, воинственные планы. Донесения из Альхесираса также показывают, что германские домогательства всюду вызывают недоверие и сомнение. Рузвельт даже угрожал опубликовать всю переписку, если конференция будет сорвана Германией ¹¹⁷.

Германия тотчас ответила, согласившись с планом Рузвельта. Крайне довольный таким исходом, Рузвельт немедленно обратился к французскому и английскому правительствам с просьбой поддержать его инициативу.

Заключительный этап конференции

Хотя Испания и Франция считали план Рузвельта непрактичным и не одобряли его, давление на Германию все же оказало положительное влияние на дальнейший ход переговоров. После долгих споров Германия и Франция, идя на уступки друг другу, разработали детали об организации государственного банка. Если раньше Франция требовала для своих банкиров в 4 раза больше акций, то теперь согласилась на соотношение 3 : 1. Было также достигнуто соглашение по вопросу об установлении контроля за

¹¹⁵ «G. P.», Bd. XXI, Hf. I, S. 285—286, N 7102.

¹¹⁶ «G. P.», Bd. XXI, Hf. I, S. 305—306, N 7115.

¹¹⁷ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. V, p. 319.

деятельностью банка всеми державами, участвовавшими в конференции. Вскоре и вопрос о полиции был разрешен. 1 апреля Уайт сообщил Руту: «На вчерашнем заседании второй русский делегат внес следующее предложение о распределении портов между Францией и Испанией: в Танжере и Касабланке будут находиться французские офицеры, Тетуане и Лараше — испанские, в четырех других портах — французские.

Это предложение, по-видимому, удовлетворяло как германских и французских, так и других делегатов. Мне кажется, что в результате улучшатся не только франко-германские отношения. . . , но и отношения между некоторыми другими странами. Важные шаги, предпринятые как президентом, так и Вами, получили полное признание» ¹¹⁸.

7 апреля 1906 г. делегаты подписали заключительный акт Альхесирасской конференции. Они признали «независимость» султана, «целостность его государства», «свободу и полное равенство» для всех наций в «экономическом отношении». В то же время, признав за Францией «особые интересы» в Марокко и предоставив ей контроль над полицией, конференция создала условия, обеспечившие превращение Марокко в колонию Франции.

Все споры, которые происходили на конференции, а также принятые после трехмесячной борьбы решения, ничего общего не имели с подлинными интересами Марокко. Никто на конференции и не думал считаться с делегацией этой страны. Все были уверены в том, что султан вынужден будет подписать решения конференции. Признание суверенитета и независимости Марокко являлось для империалистов необходимой ширмой для прикрытия их грабительских планов. Хотя конференция признала принцип «открытых дверей», фактически же установление контроля Франции над вооруженными силами страны, право наблюдения над финансами и распоряжения ими, контроль над таможами и т. д. не могли не привести к экономическому закабалению Марокко, а затем и к потере независимости.

Решения Альхесирасской конференции, а также реформы, проводимые после конференции, вызвали недовольство народных масс Марокко. Даже те руководители Марокко, которые ранее признавали необходимость изменений и реформ, теперь выступали против принятых на конференции решений. Один из марокканских делегатов, эль Торрес, прямо утверждал, что «конференция отдала Марокко во власть Франции» ¹¹⁹. А министр иностранных дел Марокко Бен Слиман считал, что принятые конференцией решения «положили конец марокканскому правительству, как таковому» ¹²⁰.

¹¹⁸ A. L. P. Dennis. *Adventures...*, p. 505.

¹¹⁹ E. N. Anderson. *Op. cit.*, p. 395.

¹²⁰ E. N. Anderson. *Op. cit.*, p. 395; *British Documents...*, Vol. III, p. 338, N 402.

Американские буржуазные историки (Деннис, Бил, Бемис, Невинс и др.) и политические деятели, в их числе Генри Уайт, глава американской делегации, министры Франции, Англии и даже Германии превозносят Рузвельта, считая его «миротворцем».

Французский министр иностранных дел выразил благодарность Рузвельту за оказанную помощь. Французское правительство, по сообщениям из Парижа, признавало заслуги Рузвельта, нашедшего путь примирения между Францией и Германией и способствовавшего якобы такому разрешению марокканского кризиса, при котором «нет ни победителей, ни побежденных». Бюлов, выступая в рейхстаге, также говорил о большой помощи делу мира со стороны США. Своему брату он писал: «Мы избежали войны. . . , в которой рисковали бы очень многим, могли многое потерять, а выиграть мало»¹²¹.

Вряд ли можно согласиться с этими оценками. Как известно, Рузвельт вмешался по просьбе Вильгельма II. Он помог Германии добиться созыва международной конференции по вопросу о Марокко. Но в процессе подготовки конференции и в ходе обсуждения на самой конференции кардинальных проблем, разделявших Францию и Германию, Рузвельт и американские делегаты заняли более благоприятную для Франции позицию. Германия оказалась изолированной и фактически потерпела поражение. Ей не только не удалось разрушить англо-французскую Антанту, но своими домогательствами и действиями она толкнула их на еще большее сближение. Не удалось Германии оторвать Россию от Франции. Наоборот, Россия покончила с Бьёркским соглашением и пошла на дальнейшее сближение с Францией, вслед за этим началось сближение и с Англией. Добившись ослабления России на Дальнем Востоке с помощью Японии, британский империализм теперь искал сближения с Россией как союзником против Германии и народов колониальных и зависимых стран. Италия также заняла на конференции профранцузскую позицию. Недаром на обсуждении внешнеполитических вопросов в рейхстаге в ноябре 1906 г. один из руководителей либеральной партии, Бассерман, говорил: «Теперь в дальнейшем существовании Тройственного союза нет никакого практического смысла. Итальянская пресса и население все больше склоняются в пользу Франции. Австрию слишком захвалили за ее роль «блестящего второго», которую она сама отрицает. Франко-русский союз остался нерушимым, а отношение к нам Франции стало менее дружественным»¹²².

Политика США и президента Рузвельта не была миротворческой. В конечном счете она содействовала осуществлению колониальных вожделений французского империализма, добившегося установления колониального режима эксплуатации и гнета марок-

¹²¹ Цит. по: Н. К. Beale. Op. cit., p. 331.

¹²² Цит. по: E. N. Anderson. Op. cit., p. 400.

канского народа. Результаты Альхесираасской конференции не привели к установлению прочного мира, а скорее к вооруженному перемирию. Противоречия между Германией и союзниками еще более обострились. Обе стороны начали проводить мероприятия по усилению своих военных сил, более интенсивно готовились к войне.

Решения Альхесираасской конференции не только не устранили противоречий между двумя лагерями империалистических держав, они содержали в себе зародыш первой мировой войны.

США и Либерия

С Либерией США сохраняли особые отношения. Это «свободное» африканское государство возникло в результате совместных действий правительства США, Американского колонизационного общества (АКО) и других, филантропических организаций. Возникновение Либерии тесно связано с проблемой рабства в США. Определенная часть американских правящих кругов поддерживала идею образования «переселенческой колонии» свободных негров в Африке, ибо их присутствие в США стимулировало борьбу за эмансипацию и угрожало существованию рабовладельческой системы¹²³.

Первые поселенцы прибыли в Либерию в начале 20-х годов XIX в. С тех пор началась острая борьба за ограждение Либерии от всех посягновений извне. В 1825 г. поселенцы в Монровии приняли конституцию, одобренную Американским колонизационным обществом. В последующие годы появились новые поселения. В 1839 г. они объединились под названием содружества Либерия, образовав центральное правительство. Фактически же руководство «поселенческой колонией» находилось в руках Американского колонизационного общества. Когда Либерия объявила о взимании таможенных сборов с английских товаров, она очутилась в тяжелом положении как непризнанная другими государствами страна. 9 августа 1843 г. британское правительство в ноте, посланной США, интересовалось, намерено ли правительство США осуществить в «колонии» Либерия официальную опеку и охрану своих интересов и «как далеко оно пойдет в этом направлении». В ответе государственного департамента США указывалось, что Либерия занимает «особое положение» и может претендовать на дружеское отношение всех христианских государств; что «правительство США... было бы крайне недовольно любым посягательством на территорию, законно приобретенную Либерией, или на ее права как независимого государства»¹²⁴.

¹²³ Подробно по всем этим вопросам см. М. Ю. Френкель. Негритянская проблема в США и образование республики Либерия. М., 1964.

¹²⁴ R. L. Buell. Liberia: A Century of Survival 1847—1947. Philadelphia, 1947, p. 22.

Торговля стала основным занятием многих поселенцев. В 1832 г. Либерию посетили 59 торговых судов, из них 32 американских; стоимость экспорта достигла 125 549 долл.¹²⁵ Среди деятелей АКО было немало таких, кто мечтал о превращении Либерии в форпост для американской экономической экспансии в Африке. Деятельность АКО расчищала путь для будущей экспансии американских монополистов, заинтересованных в завоевании новых рынков. И правительство США стало придавать огромное значение торговле с Африкой, неоднократно посылая к ее берегам военные суда для защиты интересов американских дельцов.

С 5 по 28 июля 1847 г. в Монровии состоялся специально созванный конституционный конвент, принявший декларацию независимости и конституцию республики Либерии¹²⁶.

Вскоре новая республика была признана Англией и другими европейскими державами. США, где борьба за освобождение негров приняла весьма острые формы, признали Либерию только в 1862 г., Гаити — в 1864 г. и Доминиканскую республику — в 1866 г. Пока же правительство США направило в Либерию агента АКО Ральфа Гарли для изучения положения новой республики, ее экономических возможностей и связей с другими странами. В феврале 1850 г. отчет Гарли был опубликован¹²⁷. Он предлагал, чтобы США признали Либерию, и доказывал, что американцы смогут, оказывая ей вначале экономическую и финансовую помощь, проложить новые пути для экспансии в Западной Африке. Гарли писал о необходимости развивать порты и гавани новой республики Либерии, считая, что в интересах США оказывать Либерии в течение 10 лет ежегодную финансовую помощь в размере 50 млн. долл.

Правительство США, в то время защищая рабовладельческий строй, не могло принять такое решение. Но миссионерские, филантропические и колонизационные общества и организации продолжали посылать ежегодно тысячи долларов для поддержки республики. Переселенческая деятельность продолжалась до 1867 г. К этому времени, согласно данным Колонизационного общества, в Либерию было переселено 13 136 негров, не считая 5722 негров, отправленных в Либерию властями США. В последующие годы переселение значительно сократилось¹²⁸.

Молодая республика выдержала борьбу за свою независимость, отражая домогательства европейских держав, неоднократно пытавшихся пересмотреть границы Либерии. Своим существованием

¹²⁵ М. Ю. Френкель. Указ. соч., стр. 265.

¹²⁶ Текст декларации см. М. Ю. Френкель. Указ. соч., стр. 302—303; текст конституции см. С. Н. Huberich. *The Political and Legislative History of Liberia*. New York, 1947, Vol. II, p. 862—864.

¹²⁷ M. Curti and K. Birr. *Op. cit.*, p. 66.

¹²⁸ R. E. Anderson. *Liberia, America's African Friend*. Chapel Hill, 1952, p. 82.

она опрокинула бытовавшие расовые теории о «неполноценности негров», об их «неспособности к самостоятельному государственному управлению» и т. д.

Когда в 1879 г. Франция предложила установить свой протекторат над Либерией, государственный департамент США заявил, что он «проявляет особую озабоченность в связи с любыми попытками нарушить политическую самостоятельность Либерии ради расширения территории какой-либо из великих держав»¹²⁹.

В течение 90-х годов XIX в. государственный департамент США неоднократно выступал с заявлениями об американской политике в отношении Либерии, помогая ей в разрешении споров с Францией. В 1899 г. Хэй сделал заявление: позиция США в отношении Либерии такова, что они не могут оправдать любые посягательства на ее независимость или отнести к ним равнодушно¹³⁰.

В конце 90-х годов появилась новая угроза независимости Либерии со стороны Германии. Германский губернатор Камеруна составил проект секретного договора об установлении протектората Германии над Либерией. Предполагалось путем применения силы навязать этот договор Либерии. Либерийцы обратились к одному из руководителей миссионеров, американскому епископу Гартзеллу, с просьбой оказать помощь. Гартзелл передал все дело на рассмотрение государственного департамента. При этом он доказывал, что в интересах США отстоять независимость Либерии, ибо ее порты могут быть использованы для развития торговых отношений с африканскими странами. Руководители американского флота также высказывали свою заинтересованность в использовании побережья Либерии.

Государственный департамент США, изучив вопрос, вновь высказал свою серьезную озабоченность в связи с нависшей угрозой независимости и суверенности Либерии. В ноте германскому правительству Хэй писал: «Вам известно, с каким интересом народ и правительство США всегда относились к благополучию республики Либерии. Она была основана цветными иммигрантами из США. Территория была куплена Колонизационными обществами Америки. . . Эти причины, а также слабость Либерии и беспомощность, которые делают ее неспособной противостоять серьезной агрессии со стороны любой великой державы, заставляют США с особым вниманием относиться ко всяким попыткам, угрожающим ее свободе и независимости»¹³¹.

Аналогичная нота была послана государственным департаментом США Франции в 1899 г. Хотя правительство США отказалось гарантировать совместно с Англией независимость и суверенность

¹²⁹ Цит. по: R. L. Buell. Liberia..., p. 23.

¹³⁰ A. L. P. Dennis. Adventures..., p. 438.

¹³¹ Ibid., p. 439.

Либерии, оно тем не менее неоднократно выражало свою «особую заинтересованность» в сохранении независимости этой африканской страны. Наибольшую активность проявил государственный департамент США в 1900 г., когда Либерия согласилась предоставить британскому синдикату концессию на разработку горных пород¹³². В специальной ноте, посланной по этому вопросу Англии, Франции и Германии, США категорически возражали против этой концессии. США заявили, что она затрагивает особые права и интересы членов Американского колонизационного общества и родственных ему организаций, за чьи деньги эти горнорудные земли были приобретены. Кроме этого, США заявили, что предоставление монопольных прав какому-либо синдикату противоречит американскому принципу «открытых дверей и равных возможностей».

В 1904—1905 гг., после заключения соглашения между Англией и Францией по колониальным вопросам, в США была получена информация о переговорах между ними по вопросу об установлении совместного протектората над Либерией. Предполагалось, что Франция добьется территориальных уступок за счет Либерии, а Англия получит специальные условия для развития торговых отношений и контроль над финансами и таможенными республиками.

¹³² R. W. Bixler. The Foreign Policy of the United States in Liberia. New York, 1957, p. 21.

ВООРУЖЕННЫЕ ИНТЕРВЕНЦИИ В СТРАНАХ КАРИБСКОГО БАССЕЙНА

Экономическая экспансия США на Кубе

Установление контроля США над Кубой создало благоприятные условия для экономической экспансии американских промышленников. Опираясь на свою агентуру в правящих кругах Кубы, американские монополисты постепенно начали прибирать к рукам командные экономические позиции в стране. Торговля США с Кубой вскоре заняла одно из первых мест. К 1914 г. Куба занимала пятое место в импорте США, а в экспорте Соединенных Штатов — шестое. Кубинская торговля с США превысила торговлю со странами Центральной Америки в семь раз, а с Гаити и Доминиканской республикой — в 13 раз¹. Американские банкиры навязывали Кубе займы. Первый 5-процентный заем на сумму в 35 млн. долл. был предоставлен Кубе в 1904 г. компанией Спейер (Spreyer and Company of New York, London and Frankfurt)². Банкиры скупили 100-долларовые облигации Кубы по 90,5 долл. и перепродали их американским покупателям по 97 долл. Куба получила 31,7 млн. долл. За этим последовали другие займы, которые являлись звеньями «в золотой цепи, приковывающей Кубу к колеснице Соединенных Штатов»³. Так создавались условия, при которых американские корпорации не только оказывали влияние на политику, проводимую государственным департаментом США в отношении Кубы, но и сами стали орудием воздействия на экономическую и политическую жизнь страны.

Позабывшись о том, чтобы кубинцы «избрали» правительство, которое действовало бы в соответствии с американскими интересами, США вывели свои войска с Кубы. Первый президент Кубы Томас Эстрада Пальма, избранный на четыре года,

¹ Ch. L. Jones. Caribbean Interests of the United States. New York, 1929, p. 89.

² R. H. Fitzgibbon. Cuba and the United States 1900—1935. Ch. IX.

³ «New York Times», 15.VII 1922.

был сторонником присоединения Кубы к США. Американские политические деятели и историки считали, что он «был, вероятно, более платтистом, чем сам Платт», а посланник США доносил, что вряд ли можно найти на Кубе человека, «более преданного США, чем Пальма...»⁴

22 мая 1903 г. правительство Кубы подписало с США Постоянный договор, составленный на основе «поправки Платта». Статьи договора, как и «поправка Платта», давали Соединенным Штатам возможность произвольно вмешиваться во внутренние дела страны и не допускать не угодной им организации внутреннего управления Кубой. Торговый договор, навязанный Кубе в 1903 г., был основан на режиме наибольшего взаимного благоприятствования. Обе стороны согласились на снижение пошлин. Ряд товаров вошел в список, свободный от всяких пошлин. Пошлины на товары, ввозимые с Кубы в США, снижались на 20%. Куба согласилась снизить тарифы на предметы импорта из США на 20—40%⁵. К 1908 г. торговля Кубы с США превысила 120 млн. долл., а уже к началу первой мировой войны она достигла суммы в 200 млн. долл.⁶ Договор о «взаимности» помог США вытеснить с Кубы европейских конкурентов и постепенно подчинить себе экономику страны. Преференциальные тарифы распространялись только на американские товары. На товары же других стран сохранялись запретительные пошлины. В результате Куба становилась все более зависимой от товаров из США.

В годы оккупационного режима, а затем и при правительстве Эстрады американские монополисты добились исключительных условий для инвестиции капиталов, покупки земель, эксплуатации природных богатств страны и ее трудового населения. К моменту первой мировой войны американские инвестиции на Кубе достигли 265 млн. долл., превысив капиталовложения всех других стран, вместе взятых⁷.

Американские дельцы, спекулянты и авантюристы хлынули на Кубу. Началась своеобразная экономическая колонизация острова людьми, заинтересованными в быстром обогащении. Возможности для этого были огромны. «Четыре пятых площади Кубы, — пишет американский историк Л. Дженкс, — оставались необработанными. Это была плодородная, баснословно дешевая земля, вполне пригодная для белых поселенцев»⁸. Американские спекулянты скупали эти земли за бесценок. Член конгресса Хоули из Техаса приобрел 66 тыс. акров необработанных земель

⁴ R. H. Fitzgibbon. Op. cit., p. 112.

⁵ Ch. L. Jones. Caribbean Interests..., p. 86.

⁶ Ibid., p. 85—86.

⁷ Э. Л. Нитобург. Политика американского империализма на Кубе 1918—1939. М., 1965, стр. 18.

⁸ L. H. Jenks. Our Cuban Colony; A Study in Sugar, p. 141—142.

в районе Пуэрто Падре. Вскоре он организовал сахарный завод, ставший в дальнейшем собственностью Кубино-американской сахарной компании. Огромные земельные латифундии были захвачены «Юнайтед фрут компани», американским табачным трестом и др.

Американские дельцы, пользуясь покровительством оккупационных властей, а затем и правительства Эстрады, заинтересованного в привлечении американских капиталов, стали создавать сахарные комбинаты, оборудованные усовершенствованными машинами⁹, и применять более эффективные методы эксплуатации. Непосредственные производители, занятые на предприятиях американцев и связанных с ними местных предпринимателей, превратились в безземельных и малоземельных крестьян, в наемных рабов, которым угрожали безработица, низкий уровень жизни и полуголодное существование.

Получив огромное количество концессий, американские капиталисты занялись строительством железных дорог, используя при этом спекулятивные методы, ранее применявшиеся в США; они добились также концессий на разработку минеральных богатств Кубы, на коммунальные и другие предприятия.

Внедрение американского капитала и рост торговых отношений с США не только не содействовали освобождению острова, но, наоборот, привели к еще большему подчинению и зависимости от американского империализма. Куба превратилась в страну монокультуры, в аграрно-сырьевой придаток американской промышленности.

Сахар и табак стали основными предметами производства страны. В ее экспорте они занимали примерно 90%. По всем жизненно необходимым предметам потребления, не исключая продовольствия, Куба почти полностью оказалась в зависимости от американского импорта. США также стали главным покупателем кубинских продуктов. Не удивительно поэтому, что благосостояние Кубы и ее финансовое положение в огромной степени зависели от того, повысят или понизят США пошлины на сахар и табак; будут ли американские монополии поднимать или снижать цены на основные предметы импорта и экспорта.

Попытки захвата острова Пинос

Спекулятивная лихорадка и жажда наживы, охватившие американских дельцов, привели и к некоторым разногласиям даже с проамериканским правительством Эстрады. В первую очередь это относилось к о-ву Пинос. Американские земельные спекулянты еще до провозглашения республики начали захватывать земельные участки, стремясь «американизировать» этот

⁹ L. H. Jenks. Op. cit.. p. 131.

остров. К 1901 г. они создали ряд компаний для эксплуатации его богатств. Так возникли «Санта-Фэ лэнд компани», «Айл оф Пайнс лэнд энд дивелопмент компани» (Isle of Pines Land and Development Company), «Фрут калчур компани» и др. Они стали обладателями огромных земельных территорий, занялись коммунальным хозяйством, строительством домов, пристаней и т. д. Около 700 американцев поселилось здесь: их собственность оценивалась в 15—21 млн. долл.¹⁰ Свыше 10 тыс. американцев, живущих в США, также были связаны с этой собственностью на острове и поэтому заинтересованы в его судьбе. Все они вели активную кампанию за присоединение острова к США, доказывая, что он является частью США и по Парижскому договору с Испанией должен перейти к Соединенным Штатам. Сторонники захвата острова главным образом ссылались на статью договора, которая гласила: «Испания уступает США остров Пуэрто-Рико и другие острова, находящиеся под властью Испании...» Поднялся спор по вопросу о том, является ли остров Пинос частью Кубы или же его надо отнести к «другим островам Вест-Индии».

В течение почти трех столетий остров Пинос рассматривался как часть Кубы. Администрация Кубы распространялась и на Пинос. Тем не менее американские экспансионисты сейчас пытались оторвать его от Кубы. Захватывая земельные участки на острове, они отказывались признать кубинскую власть и платить налоги. В США даже появились географические карты, на которых о-в Пинос значился как часть их территории. Указывалось и на то, что на острове можно организовать базы для военно-морского флота США.

Развитие антимонополистического движения в США и трудности борьбы против свободолюбивого филиппинского народа заставили правящие круги США занять более либеральную позицию в вопросе об о-ве Пинос. И Рузвельт, и Рут считали, что как Куба, так и о-в Пинос могут быть подчинены США методами экономической экспансии. Поэтому они выступали против методов крайних экспансионистов, требовавших захвата острова. И все же, когда сенату был представлен договор с Кубой, признавший ее права на о-в Пинос, обсуждение вопроса вызвало бурные дебаты. Сторонникам присоединения острова к США удалось затянуть обсуждение вопроса. Сенат так и не принял окончательного решения¹¹.

В ноябре 1905 г. американские резиденты на о-ве Пинос организовали «революцию», объявили о его «независимости» от Кубы и о присоединении к Соединенным Штатам Америки¹². Амери-

¹⁰ R. H. Fitzgibbon. Op. cit., p. 95; Congressional Record, 68th Congress, 2nd Session, Vol. 66, Pt. II, p. 1865.

¹¹ Senate Documents, N 205, 59th Congress, 2nd Session.

¹² L. H. Jenks. Op. cit., p. 149.

канский посланник Сквайрс, поддерживая экспансионистов, предлагал им обратиться к Т. Рузвельту с просьбой послать военное судно к острову для оказания помощи «восставшим». Однако государственный департамент США, зная позицию Рузвельта, отказался реагировать, и 29 ноября, по просьбе кубинских властей, Сквайрс был отозван с Кубы.

Неудавшаяся «революция» и отказ сената США утвердить договор об о-ве Пинос привели к тому, что этот вопрос оставался неразрешенным в течение почти двух десятилетий.

Первая интервенция США на Кубе

Внешне казалось, что между Кубой и США установились нормальные отношения. «Мирное» завоевание Кубы американскими корпорациями вполне удовлетворяло правительственные круги США. В конце декабря 1904 г. Теодор Рузвельт в обращении к конгрессу даже ставил Кубу в пример другим странам Карибского бассейна. Он писал: «Если бы все страны, омываемые Карибским морем, показали такой же пример прогресса по пути установления прочной и истинной цивилизации, какой при помощи поправки Платта показала Куба, после того как наши войска были выведены с острова, цивилизации, которой также успешно достигли многие другие республики в обеих Америках, отпал бы всякий вопрос о вмешательстве нашей страны в их дела»¹³.

Но недолго пришлось ждать, чтобы США использовали «поправку Платта» к конституции Кубы для организации открытой интервенции. Поводом к ней послужило восстание, организованное на острове либералами в августе 1906 г. в ответ на фальсификацию президентских выборов правительством Эстрады Пальмы.

В течение первых лет своей администрации Эстрада не опирался на ту или иную политическую партию. Его кабинет был коалиционным, и президент пытался подавить всякие фракционные выступления. Однако при проведении проамериканской политики Эстрада оказался вынужденным все больше и больше опираться на консервативные силы, прислушиваться к голосу тех элементов, интересы которых срослись с интересами американских корпораций. В начале 1905 г. он официально примкнул к партии умеренных (Partido Moderado), организовал партийный кабинет и на президентских выборах в конце 1905 г. стал кандидатом этой партии. Либеральная партия выдвинула кандидатуру Гомеса, ветерана двух войн за освобождение Кубы.

Кубинский конгресс, вопреки принятой конституции, отказался принять необходимое законодательство о выборности му-

¹³ Н. С. Hill. Roosevelt and the Caribbean, p. 86.

ниципальных органов и судебных инстанций. Этим воспользовалась правящая партия. Исполнительная власть присвоила себе право назначать и сменять муниципальных чиновников и судей. По существовавшему избирательному закону исход выборов во многом зависел от муниципальных властей. Партия умеренных решила добиться победы, используя коррупцию и силу. Муниципалитеты были очищены от представителей либеральной партии. Во главе избирательных районов находились наиболее рьяные сторонники партии умеренных, готовые применять все необходимые меры против своих противников¹⁴. Во многих районах либералы не были допущены к предварительным выборам. Избирательные списки фальсифицировались. Они содержали по крайней мере 150 тыс. фамилий не существующих избирателей. В ход пускались значительные суммы денег для подкупа во время избирательной кампании. Учитывая все эти подлоги, либералы отказались от участия в выборах в декабре 1905 г.

Партия умеренных добилась «победы». Избранный президентом Эстрада Пальма в марте 1906 г. вновь занял президентское кресло, организовав партийный кабинет. Но умеренные ошиблись, считая, что все в стране обстоит благополучно. В августе 1906 г. в центральных и западных районах страны началось восстание, организованное либералами. Вскоре оно распространилось на всю Кубу. Их поддерживали богатые кубинцы, американские резиденты на о-ве Пинос и др.

Восставшие либералы использовали недовольство трудящихся масс экономическим положением в стране. В движение было вовлечено безземельное и малоземельное крестьянство, городская беднота и трудящиеся-негры. В течение короткого времени от 15 до 20 тыс. поднялось на борьбу с правительством Эстрады, беспрекословно выполнявшим волю американских империалистов. Рядовые массы, участвовавшие в движении, считали, что они ведут борьбу не только против своего коррумпированного правительства, но и против его покровителей — американских монополистов.

Общественное мнение США «с напряженным вниманием следило за событиями на Кубе, сознавая, что дальнейшее их развитие может вынудить правительство США на активное вмешательство, упоминание о коем уже... появляется в газетах»¹⁵.

Нападения восставших на предприятия и плантации, принадлежавшие иностранному капиталу, преимущественно американскому, испугали правительство Эстрады, которое в большинстве районов острова не располагало достаточными силами для подав-

¹⁴ House Documents, N 2, 59th Congress, 2nd Session. Vol. II, p. 453, 454.

¹⁵ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1906 г., д. 208, л. 161 (Донесение из США от 20 августа (1 сентября) 1906 г.); там же, ф. Канцелярия, 1906 г., д. 143, т. 1, л. 85.

ления восстания. Неудачными оказались и все попытки договориться с восставшими о прекращении борьбы. В государственный департамент США поступали донесения о серьезности положения на Кубе ¹⁶.

Не будучи в состоянии справиться с создавшимся положением, президент Эстрада решил обратиться к Рузвельту с просьбой об оказании «помощи». 8 сентября 1906 г. генеральный консул США в Гаване Ф. М. Штейнгарт отправил государственному департаменту «весьма секретную» телеграмму, в которой содержалась просьба Эстрады о необходимости немедленно послать два военных суда: одно — в Гавану, а другое — в Сьенфуэгос ¹⁷.

Эстрада и его сторонники предпочитали интервенцию США развитию внутренней борьбы и самостоятельному, без внешнего давления, решению возникших на Кубе проблем. Больше всего они опасались движения народных масс.

Любопытна история генерального консула Штейнгарта. Он прибыл на Кубу в качестве сержанта, но затем стал принимать активное участие в политической жизни и добился назначения генеральным консулом. Фактически же он в течение многих лет, независимо от занимаемого поста, активно участвовал в спекулятивных сделках. С 1906 г. Штейнгарт был связан с Гаванской компанией электрической железной дороги, электросвета и электросилы «Гавана электрик рэйлуэй, лайт энд пауэр компани» (Havana Electric Railway, Light and Power Company) с капиталом в 36 млн. долл. Штейнгарт принимал активное участие в организации подавления восстания. Он энергично настаивал на интервенции США. 12 сентября в Гавану и Сьенфуэгос прибыли военные суда США — «Денвер» и «Мэрриетта». Когда американские моряки, высадившиеся в Гаване, были по приказу из Вашингтона отозваны, Штейнгарт послал Теодору Рузвельту 13 сентября новую телеграмму. В телеграмме сообщалось, что Эстрада и его кабинет ушли в отставку, что вице-президент отказывается занять его пост, а конгресс Кубы не может действовать, поскольку никто не имеет полномочий на его созыв. Если США не вмешаются, Кубе угрожает анархия. «80 тысяч восставших стоят у Гаваны, — говорилось в телеграмме Штейнгарта. — Сьенфуэгос также оставлен на милость мятежников. Три сахарные плантации уничтожены» ¹⁸.

В ответ на это Теодор Рузвельт в письме к посланнику Кубы Кесада предостерег кубинское правительство, заявив о возможности интервенции США в случае, если военные действия на острове не прекратятся.

¹⁶ Foreign Relations, 1906, p. 454—479.

¹⁷ Foreign Relations, 1906, p. 473; L. H. Jenks. Op. cit., p. 89.

¹⁸ L. H. Jenks. Op. cit., p. 91; House Documents, N 1, 59th Congress. 2nd Session. Vol. I, p. 479.

Учитывая развитие событий на Кубе и угрозу ее столице со стороны восставших, Рузвельт немедленно созвал совещание в Ойстербейе. Согласно сообщению русского посла Розена из Вашингтона, в совещании приняли участие «Бекон, из государственного департамента, военный министр Тафт, морской — Бонапарт. Было решено командировать в Гавану Тафта и Бекона для исследования причин восстания и восстановления спокойствия на острове путем примирения враждующих сторон»¹⁹.

Об этом решении Рузвельт поставил в известность посланника Кубы в Вашингтоне. Президент Соединенных Штатов, как доносил русский посол, потребовал «немедленного прекращения военных действий на Кубе и заключения соглашения, которое обеспечило бы прочное умиротворение острова».

Одновременно правительство США держало наготове морскую эскадру, а также отряд войск для сухопутного десанта.

19 сентября на Кубу прибыли секретарь по военным делам США Тафт и помощник государственного секретаря Роберт Бекон, посланные Теодором Рузвельтом для урегулирования конфликта. Они создали ряд совещаний, в которых принимали участие умеренные, либералы и политические деятели других партий, а также представители промышленников.

Однако все попытки Тафта и Бекона примирить враждующие стороны путем компромиссных мероприятий закончились провалом. Эстрада и его сторонники продолжали упорствовать. «Президент Пальма и его кабинет, — сообщал русский посол из Вашингтона, — предпочли выход в отставку принятию компромисса, рекомендованного им комиссарами США»²⁰. Перед Рузвельтом встал вопрос о прямой интервенции, о высадке на Кубе американских войск. В одной из телеграмм Тафту Рузвельт, учитывая оппозицию в США, писал: «Избегайте слова «интервенция» в ваших высказываниях и в печати и старайтесь представить высадку наших моряков и морской пехоты как необходимое мероприятие по охране американских интересов, подчеркивая временный характер этой высадки; выражайте надежду на то, что наши моряки и войска останутся на острове лишь короткое время, до формирования постоянного правительства»²¹.

29 сентября 1906 г. с одобрения президента Рузвельта Тафт опубликовал прокламацию о вооруженном вмешательстве в дела Кубы и об образовании временного правительства во главе с Тафтом в качестве губернатора.

¹⁹ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1906 г., д. 208, лл. 172—175 (Донесения Розена от 6 (19) сентября 1906 г.); там же, ф. Канцелярия, 1906 г., д. 143, т. 1, лл. 89—92.

²⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1906 г., д. 143, т. 1, лл. 95—96 (Розен — Извольскому, 19 сентября (2 октября) 1906 г.).

²¹ Н. С. Hill. Op. cit., p. 100.

В прокламации Тафта указывалось, что временное правительство призвано установить «спокойствие и порядок», что оно будет опираться на конституцию Кубы и останется у власти вплоть до проведения новых выборов и образования постоянного правительства Кубы²². Шесть тысяч американских пехотинцев, высадившихся на острове, занялись разоружением восставших и местной милиции. Либералы сложили оружие и отказались от дальнейшей борьбы. Американский посланник в Гаване остался на своем посту, что создавало иллюзию независимости Кубы. Был даже опубликован приказ губернатора об освобождении политических заключенных, участников восстания.

Тафт возглавлял временное правительство до 13 октября 1906 г., когда он был заменен Чарлзом Магуном, бывшим губернатором полосы отчуждения Панамского канала, а затем помощником генерал-губернатора Филиппинских островов.

В прокламации к населению Магун «вновь подтвердил независимость Кубы и намерение восстановить обычный конституционный порядок, как только обстоятельства это позволят»²³. Магун проводил политику, желательную для Соединенных Штатов и направленную к упрочению влияния на Кубе американских промышленников и плантаторов. Именем президента Рузвельта он объявил все места избранных в конце декабря 1905 г. сенаторов и депутатов в конгресс Кубы вакантными. Их места должны были в ближайшем будущем быть заняты в результате новых, специальных выборов²⁴. Деятельность губернатора Магуна привела к обогащению американских концессионеров и к закабалению трудящихся масс Кубы. Вновь подняли голову спекулятивные элементы из США, увлекавшиеся покупкой земель и устройством сахарных и фруктовых плантаций. Среди них крайние экспансионисты все еще продолжали агитировать за «полную аннексию Кубы; во всяком случае они требовали, чтобы американские войска возможно дольше оставались на Кубе»²⁵.

В начале новой оккупации Кубы в ее государственном казначействе хранилось свыше 13 млн. долл. К концу оккупации образовался дефицит, превышавший 12 млн. долл. Многие концессии, полученные при Магуно, после его ухода были аннулированы как «основанные на безнравственных принципах»²⁶. Ге-

²² АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1906 г., д. 208, л. 184 (Розен — Извольскому, 4 (17) октября 1906 г.). Розен также сообщал, что Пальма «надеялся, что США ограничатся оказанием ему помощи для подавления восстания, и был крайне разочарован, увидев, что Тафт и Бекон выступили в качестве посредников между враждующими сторонами».

²³ АВПР, ф. Канцелярия, 1906 г., д. 143, т. 1, № 46, лл. 95—96 (Розен — Извольскому, 4 (17) октября 1906 г.).

²⁴ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1906 г., д. 208, лл. 267—268 (Розен — Извольскому, 29 ноября (12 декабря) 1906 г.).

²⁵ ЦГА ВМФ, ф. 418, 1907 г., д. 4067, лл. 59—62 (Вашингтон, 7 марта (н. ст.) 1907 г.); там же, ф. 418, 1907 г., д. 4070, лл. 26—85.

²⁶ L. H. Jenks. Op. cit., p. 102.

неральный консул Штейнгарт за свою службу в период оккупации получил самую крупную концессию на расширение сети Гаванской компании электрической железной дороги, электросвета и электросилы. Одновременно с этим Штейнгарт стал финансовым представителем фирмы «Спейер энд компани» на Кубе.

После выборов, происходивших в ноябре 1908 г., либералы одержали победу. Президентом был избран Х. М. Гомес, тесно связанный с сахарными монополиями. В конце января 1909 г. американские войска оставили Кубу.

Доктрина Рузвельта и общественное мнение латиноамериканских стран

Открытая интервенция США на Кубе с целью подавления возникшего в стране оппозиционного движения вполне соответствовала доктрине Монро и «дополнению» Рузвельта, предоставившим США почти неограниченные возможности контролировать «поведение» латиноамериканских стран.

Политика США в отношении Панамы, Венесуэлы и Санто-Доминго не могла не вызвать опасений не только в латиноамериканских странах, но и среди политических деятелей ряда европейских стран. Имеют ли США право распоряжаться судьбой латиноамериканских стран, «регулировать» путем военной интервенции их отношения с другими странами, отрицать «право на революцию» в республиках Центральной Америки? Таковы серьезные вопросы, которые беспокоили малые народы стран Западного полушария. Политические же деятели европейских стран, заинтересованные в защите интересов своих монополий в американских странах, не признавая формально доктрину Монро, не могли не выражать своего недовольства новым, более расширенным ее толкованием президентом Рузвельтом.

Да и в самих США общественное мнение не одобряло открыто империалистического курса Теодора Рузвельта. Как известно, сенат США отказался утвердить протокол, заключенный с Доминиканской республикой 7 февраля 1905 г. Сенаторы-демократы почти единогласно осудили политику Рузвельта, бесспорно отражая общественное мнение. В прессе появился ряд статей против агрессивных мероприятий правительства. Так, газета «Транскрипт», отмечая латиноамериканскую сторону монроизма, писала: «С самого своего возникновения монроизм путем непрерывных толкований продолжал «расширяться», пока не появились симптомы, показывающие, что общественное мнение в южноамериканских странах относится к нему с недоверием. Было бы досадно и крайне неприятно, если бы после 80-летнего существования монроизма сформировался тайный союз латино-

американских стран, направленный против «превышения власти со стороны Соединенных Штатов»²⁷.

Некоторые политические деятели Европы и владельцы долговых обязательств Санто-Доминго и других латиноамериканских республик, главным образом англичане, с одобрением отнеслись к рузвельтовским мероприятиям. Полицейские функции США, по их мнению, могли стать гарантией выполнения долговых обязательств со стороны не только Доминиканской республики, но и Коста-Рики, Гватемалы и Гондураса.

Французская пресса критически отнеслась к «добавлению» Рузвельта, считая, что оно превратило доктрину Монро в орудие для проведения агрессивной политики. В Германии газета юнкерства «Крейц цейгунг» с возмущением отрицала право США присваивать себе полицейские функции в странах Западного полушария. Но официальные лица и политические деятели Германии проявляли крайнюю сдержанность в оценке рузвельтовской политики. Обострение англо-германских и франко-германских противоречий и события на Дальнем Востоке и в Марокко толкали кайзеровскую Германию на сближение с США.

Среди промышленников и плантаторов Латинской Америки, интересы и процветание которых во многом зависели от американских инвесторов, немало было людей, солидаризирующихся с политикой Рузвельта. Но среди патристических слоев населения, заинтересованных в сохранении подлинной независимости своих стран, политика Рузвельта вызвала серьезные опасения. Чтобы несколько смягчить впечатление, возникшее в результате его высказываний относительно Доминиканской республики, Рузвельт выступил в августе 1905 г. с речью, в которой разъяснял, что США вовсе не намерены злоупотреблять вмешательством. Он заявил, что раньше чем начать какие-либо действия в отношении соседей, США «проявят величайшее терпение», что они не предпримут никакой акции, если только достоинство США «этого не потребует», что США не стремятся к какому-либо «территориальному расширению» и что «справедливому и добропорядочному правительству» нечего опасаться США²⁸.

Эти же заверения были повторены Рузвельтом в ежегодном послании конгрессу в 1905 г. В нем он заявил, что с некоторыми латиноамериканскими республиками, достигшими устойчивости и определенного уровня развития, должны быть установлены отношения на «базе равенства» и в «духе искренней дружбы и уважения»²⁹.

Но все эти заверения не могли разрядить атмосферы. Политика «большой дубинки» и полицейские функции, применяемые

²⁷ Цит. по: D. Perkins, H. Off. A History of the Monroe Doctrine, p. 243.

²⁸ «New York Times», 12.VIII 1905.

²⁹ Foreign Relations, 1905, p. XXXIII—XXXV.

Рузвельтом, вызвали резкую критику в странах Латинской Америки, особенно в Аргентине, связи которой с Европой в то время были сильнее, чем с Соединенными Штатами.

Такие газеты, как «Ла Пренса», «Эль Диарио», не замедлили заявить, что «дополнение» Рузвельта к доктрине Монро является серьезной угрозой независимости латиноамериканских республик. «Ла Пренса» охарактеризовала заявление Рузвельта «как наиболее серьезное и угрожающее заявление, направленное против независимости Южной Америки, сделанное когда-либо Вашингтоном»³⁰. Газета утверждала, что Аргентина должна больше опасаться интервенционизма США, чем европейского империализма. «Ла Насьон» высказывалась более осторожно и выражала надежду, что Аргентина не может и не будет включена в разряд отсталых стран Латинской Америки.

Известный политический деятель Аргентины Роке Саэнс Пенья считал, что североамериканцы попирают элементарные принципы публичного права и совершенно не заинтересованы в достижении солидарности стран Западного полушария. Их основная цель — экономические выгоды. Поэтому он утверждал, что «доктрина Монро сделана из резины ... она может быть приспособлена к любым нуждам интервенций, которые проводятся самими Соединенными Штатами»³¹.

В Чили антиамериканские статьи появлялись в прессе в связи с событиями в Панаме и Санто-Доминго. Так, газета «Эль Диарио популар» считала, что Чили должна выразить сочувствие Колумбии, «единственной виной которой является попытка защитить свою собственность»³². Все латиноамериканские страны, писала «Эль Импарсиаль», оставлены теперь на милость США, которые завтра «поглотят Центральную Америку, а затем будут всячески третировать Чили, Аргентину и Бразилию»³³. Другая газета («Эль Диарио плюстрадо») призывала проявить бдительность в отношении американских империалистов, ибо их действия в Панаме могут быть распространены и на другие страны, когда этого потребуют интересы Соединенных Штатов.

Чилийский посланник в Вашингтоне Мартинес в донесениях открыто высказывался против «доктрины Рузвельта». Он писал: «Скоро все латиноамериканские страны будут доведены до положения Кубы. При помощи доктрины Рузвельта латиноамериканские республики потеряли ту независимость, которой они добились в результате войн против Испании»³⁴.

³⁰ См. Th. F. McGann. Argentina, the United States, and the Inter-American System, 1880—1914, p. 223.

³¹ Ibid., p. 230.

³² F. B. Pike. Chile and the United States, 1880—1962, p. 138.

³³ Ibidem.

³⁴ Ibid., p. 139.

Особенно остро разоблачал интерпретацию, даваемую доктрине Монро Т. Рузвельтом, перуанский общественный деятель Гарсиа Кальдерон. В работе «Les Démocraties Latine des L'Amerique» он откровенно говорил об империализме янки, о «североамериканской угрозе». Об экспансионистской политике США Гарсиа Кальдерон писал: «С расширением границ интервенции стали более частым явлением: в Акре — с тем, чтобы основать республику охотников за каучуком; в Панаме, чтобы превратить ее в провинцию и соорудить канал; на Кубе, чтобы под прикрытием поправки Платта установить внутренних «порядок»; в Доминиканской республике, чтобы взять в руки контроль над таможнями; в Венесуэле и Центральной Америке, чтобы, используя внутренние междоусобицы, раздирающие эти страны, навязать им политическую и финансовую опеку... В Гватемале и Гондурасе, чтобы при помощи займов, заключенных с финансовыми монархами Северной Америки, вновь низвести народы до состояния рабства...»³⁵

Заявление государственного секретаря США Рута подтверждает все эти выступления. «В настоящее время население Южной Америки ненавидит нас... главным образом потому, что считает, что мы презираем и третируем их... Я полагаю, что их дружба имеет большое значение для Соединенных Штатов и что легче всего мы можем добиться ее, обращаясь с ними как с джентльменами. Если вы хотите приобрести себе друга, нельзя обращаться с ним, как с желтой собакой»³⁶.

События, развернувшиеся в Доминиканской республике в 1905—1907 гг., показали, что правительство США вовсе не намерено было идти на серьезные уступки. Его заявления преследовали одну-единственную цель — успокоить общественное мнение в странах Западного полушария. Однако подлинные патриоты этих стран перестали верить дипломатическим заявлениям государственных деятелей США.

Интервенция США в Доминиканской республике

Политика Соединенных Штатов в отношении Доминиканской республики в годы администрации Рузвельта вряд ли могла расшеять то недоверие к США, которое уже в те годы имело широкое распространение.

Не считаясь с оппозицией сената, Рузвельт по существу установил протекторат над Доминиканской республикой. Американский флот и морские пехотинцы хозяйничали в стране. Фактически как политическая, так и экономическая жизнь республики

³⁵ См. «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», July 1914, p. 76.

³⁶ Ph. C. Jessup. Elihu Root, Vols 2. New York, 1938, Vol. I, p. 469, 471.

находилась в полном ведении североамериканцев. Все таможенные контролировались американскими офицерами. Во главе таможни был поставлен полковник Колтон, прошедший «хорошую школу» на Филиппинских островах. Сенаторы-оппозиционеры продолжали обвинять Рузвельта в том, что установление протектората над Доминиканской республикой является неконституционным актом, что Колтон может проводить мероприятия только в результате давления американского флота, сконцентрированного в водах Доминиканской республики. И даже сторонники Рузвельта в сенате и вне конгресса не «отрицали справедливость этих обвинений»³⁷.

Отвечая своим критикам, Рузвельт говорил: «Конституция не дает мне прямого права заключить необходимое соглашение с Санто-Доминго. Но конституция и не запрещает мне делать то, что сделал я»³⁸.

Как Рузвельт, так и чиновники из государственного департамента США неоднократно подчеркивали, что вмешательство США покончило с революционными выступлениями в Доминиканской республике, что американцам удалось восстановить на острове положение статус-кво³⁹. Ставший государственным секретарем после смерти Хэя, Э. Рут пытался несколько завуалировать действия США, доказывая, что действия американских войск в Санто-Доминго стали неизбежными «из-за необходимости защитить жизнь и собственность американцев»⁴⁰. Как только возникли разногласия между президентом Доминиканской республики Моралесом и его кабинетом, Рут телеграфировал американскому посланнику: «Мы не должны принимать никакого участия в разногласиях между разными фракциями или должностными лицами (чиновниками) доминиканского правительства. Высадку же войск нужно осуществлять лишь в тех случаях, когда это абсолютно необходимо для защиты жизни и имущества американских граждан; когда же происходит высадка, войска должны быть заняты исключительно этой задачей, применяя мирные методы защиты американцев, которые выполняют свой долг, собирая поступления в таможнях...»⁴¹.

Рузвельт продолжал борьбу за узаконение установленного им протектората над Доминиканской республикой. В первоначальный протокол, заключенный с этой республикой, был внесен ряд изменений. А главное — установление протектората, открывшего новые, более широкие возможности для американских монополистов, изменило отношение сената, который согласился узаконить

³⁷ Congressional Record, 59th Congress, 1st Session, Vol. XL, Pt. II, p. 1422.

³⁸ M. M. Knight. The Americans in Santo Domingo, p. 32.

³⁹ См. выступление временно исполняющего обязанности государственного секретаря Эдди («New York Times», 28.III 1905).

⁴⁰ Foreign Relations, 1905, p. 405—408.

⁴¹ Ibid., p. 408.

взаимоотношения с Доминиканской республикой. 25 февраля 1907 г. был ратифицирован новый договор, содержащий следующие условия: «1) президент США назначает сборщика пошлин и его помощников для Санто-Доминго; 2) правительство США обеспечит им необходимую защиту; 3) правительство Санто-Доминго не имеет права увеличивать свои долги или уменьшать налоги без согласия на то США»⁴².

Сообщая об этом договоре, посол России Розен писал Извольскому: «В силу соглашения, которое Доминиканскому правительству удалось заключить с бондгольдерами, претензии последних были уменьшены на значительную сумму. Ныне для удовлетворения этих претензий США устраивают для Сан-Доминго заем в 20 млн. долларов, проценты и погашение по коему будут уплачиваемы из таможенных доходов Республики, должествующих поступать в распоряжение американских агентов, специально назначаемых для этого президентом США. Расходы по содержанию этих агентов покрываются из таможенных доходов прежде всяких других уплат. Помянутый заем подлежит уплате через 50 лет и может быть выкуплен по истечении десяти лет по цене 102»⁴³.

Заем этот предоставлялся американским банкирским домом «Кун, Леб энд компани».

В течение двух лет доходы от таможен увеличились. К концу первого года после установления протектората США они составили 1 228 536 долл., а к 31 июля 1907 г. они достигли суммы в 3 223 986 долл.⁴⁴ Свыше половины этих доходов вкладывались в банки Нью-Йорка для уплаты долгов Доминиканской республики. Эти суммы никогда не возвращались в страну. Создавалась большая потребность в американской валюте, что также использовалось американскими промышленными и финансовыми дельцами.

Американцы прибрали к рукам сахарную промышленность, создавая жестокие условия эксплуатации; несколько позднее они занялись развитием фруктовых плантаций, инвестировали капиталы в коммунальные предприятия и транспорт.

Характерно, что за календарный 1905 г. экспорт республики достиг 6 880 890, а импорт составлял только 2 736 828 долл.⁴⁵ Кажалось, что такой положительный баланс должен был привести к улучшению положения в стране. Однако, как пишет американский историк М. М. Найт, «положительный баланс на сумму в 4 144 062 долл. был настолько большим, что он по существу

⁴² Foreign Relations, 1907, p. 307—309.

⁴³ АВПр, ф. Канцелярия, 1907 г., д. 136 (Розен — Извольскому, 24 июля (6 августа) 1907 г.). Приложение: Convention between the USA and the Dominican Republic, February 8, 1907.

⁴⁴ H. C. Hill. Op. cit., p. 168.

⁴⁵ M. M. Knight. Op. cit., p. 33.

оказался гибельным»⁴⁶. Объясняется это тем, что половину стоимости экспорта составлял сахар, производство которого находилось в руках иностранцев. 90% этого экспорта направлялось в США. Из доходов пришлось платить за машины и транспорт, контролируемый американской компанией. Повышение заработной платы коснулось не доминиканцев, а рабочих с британских вестиндских островов и с Гаити, труд которых применялся на плантациях.

Развитие сахарной промышленности сделало невозможным выращивание других культур, таких, как пшеница, маис, какао и кофе. Сахарные промышленники уже к этому времени захватили лучшие земли республики. Продукция сахарной промышленности, вывезенная из страны без всяких налогов, давала американским предпринимателям огромные доходы, большинство которых не возвращалось в республику.

Американским властям удалось договориться с кредиторами Доминиканской республики и урезать долги до 17 млн. долл., которые выплачивались из таможенных доходов. Большую работу в «налаживании» всей финансовой системы республики провел американский профессор Холлендер, специально посланный туда Рузвельтом. Но, выполняя свою работу, Холлендер не забыл и собственных интересов. За свой «труд» он получил от обанкротившейся республики 100 тыс. долл., от правительства США — 32 тыс. долл.

Так, установление американского финансового контроля над Санто-Доминго создало условия для обогащения американских инвесторов, постепенно прибравших к рукам экономику страны. Почти одновременно началось открытое вмешательство и в политическую жизнь республики. Беспощадно подавлялась всякая оппозиция против американцев. Контролируя финансы республики и проводя политику беспощадной эксплуатации ее природных богатств и населения, североамериканцы допускали образование только таких правительств, которые являлись их послушным орудием.

Экономическая экспансия США в Мексике

Экспансия США в Мексике приняла несколько иные формы. Диктатор Мексики Порфирио Диас создал исключительно благоприятные условия для привлечения иностранного капитала в страну в форме инвестиций в железные дороги, шахты, промышленные и коммунальные предприятия и т. д. Среди первых американских концессионеров и спекулянтов-дельцов находились такие капиталисты, как Сэнфорд Барнс, Р. С. Рейс, Джей Гульд, Э. Г. Гарриман и др. Почти все они добились железнодорожных

⁴⁶ Ibidem.

концессий, по основное железнодорожное строительство сосредоточилось в руках трех группировок: «Санта-Фэ», «Саузерн Пасифик» и «Денвер энд Рио-Гранде».

Американские капиталисты участвовали в строительстве Mexican Central Railway, проходящей от г. Мехико до Эль-Пасо, Mexican International — от Мехико до Ларедо, построенной в конце 80-х годов, и позднее в Southern Pacific на Западном побережье⁴⁷.

Концессии заключались на крайне выгодных для железнодорожных корпораций условиях. Мексиканское правительство субсидировало железнодорожное строительство в размерах до 700 песо за километр, что составляло от 15 до 18% общей их стоимости. Концессионеры освобождались от федеральных и местных налогов (за исключением гербовых сборов) на 15-летний срок, от импортных пошлин и налогов на рельсы, подвижной состав, запасные части, материалы для телеграфных линий и т. п. на 5-летний срок, а также получали гарантии против постройки конкурирующих линий на период в 10 лет⁴⁸.

Монополисты Америки, Англии и других стран, строя железные дороги в Мексике, в первую очередь преследовали свои цели — создание более благоприятных условий для дальнейшего экономического проникновения в страну. Не удивительно поэтому, что железные дороги соединялись с портами страны; столица Мексики «оказалась связанной рядом железных дорог с границей США»⁴⁹.

Железные дороги стали своеобразными артериями, которые использовались иностранными эксплуататорами для ввоза своих товаров, для вывоза из страны необходимого им сырья, в частности рудных богатств. Вокруг железных дорог американские монополисты и капиталисты других стран захватывали земли, проводили разведку для выявления, а затем и эксплуатации естественных богатств страны. Глубинные же районы Мексики продолжали существовать без железных и других дорог.

Капиталовложения США в Мексике продолжали расти. В 1902 г. они превысили 500 млн. долл.⁵⁰ Половина этой суммы была инвестирована после 1896 г.

К этому же времени американские капиталовложения в железные дороги Мексики превышали 300 млн. долл. К концу 1911 г. эта сумма возросла почти до 600 млн. долл. Американцы

⁴⁷ A. W. Douly. The Railroad Situation in Mexico. — «Journal of International Law», 1920—1921, Vol. II, p. 234, 239.

⁴⁸ Ibid., p. 237.

⁴⁹ «Очерки новой и новейшей истории Мексики, 1810—1945», под ред. М. С. Альперовича и Н. М. Лаврова. М., 1960, стр. 229.

⁵⁰ J. M. Callahan. American Foreign Policy in Mexican Relations. New York, 1932, p. 510.

построили около $\frac{2}{3}$ всей железнодорожной сети общим протяжением в 16 тыс. миль ⁵¹.

Американские капиталисты проникали и в добывающую промышленность, обычно приобретая заброшенные или малоразработанные шахты. Они инвестировали крупные капиталы и совершенствовали оборудование. К 1902 г. их собственность в горной промышленности исчислялась суммой, превышающей 95 млн. долл., а через девять лет она достигла 250 млн. долл. ⁵²

В добывающей промышленности страны орудовали такие американские компании, как «Херст эстейт», Американская сталелитейная компания Гуттенгейма (American Smelting and Refining Company), «Батопилас компани», нью-йоркская группа «Анаконда», «Грин Кананса», «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» и др.

Наряду с железнодорожными магнатами и шахтовладельцами появились американские плантаторы, владельцы ранчо, земельные спекулянты и фермеры. Их проникновению в значительной степени помогли мероприятия правительства Диаса. Его законы лишили крестьян-индейцев наделов и средств существования. В период диктатуры Диаса было захвачено 227 275 акров общинных земель, и весьма вероятно, что фактически «все эти земли прямо или косвенно перешли в собственность помещиков (асендадос) или земельных компаний» ⁵³.

Законодательство Диаса привело к еще большей концентрации в землевладении и к дальнейшему разорению и порабощению пеонов. К концу диктатуры Диаса почти совершенно исчезли мелкие собственники. Из 11,6 млн. сельского населения землю имело не более полумиллиона, в то время как $\frac{2}{3}$ национальных земель сосредоточилось в руках 11 тыс. хозяев. Э. Фиппс пишет: «Штат Морелос принадлежал 20 помещикам. Согласно данным переписи 1910 г., в Мексике было 834 асендадо, в то время как число сельскохозяйственных рабочих, находящихся в долговой кабале (пеонов), доходило до 3 103 402. Последние вместе со своими семьями, по строгим подсчетам, составляли от 9 до 10 млн. человек, т. е. от $\frac{3}{5}$ до $\frac{2}{3}$ всего населения» ⁵⁴.

Иначе говоря, в результате массовой экспроприации общинных земель при Диасе «иностранный капитал и туземные помещики получили двойной эффект — землю и почти даровую рабочую силу, ибо массам обезземеленных крестьян ничего не оставалось делать, как продавать свою рабочую силу тем же помещикам и иностранным компаниям. Многие из них и превраща-

⁵¹ Investigation of Mexican Affairs. Washington, 1920, Vol. II, p. 2533; US Commercial Relations. Washington, 1902, Vol. I, p. 433—435.

⁵² J. F. Rippey. The United States and Mexico. Chicago, 1926, p. 313.

⁵³ H. Phipps. Some Aspects of the Agrarian Question in Mexico. — «University of Texas Bulletin», April 15, 1925, p. 115.

⁵⁴ Ibid., p. 127.

лись постепенно в полурабов, закабаленных системой долгов, т. е. пеонов»⁵⁵.

Правительство Диаса продолжало линию на поощрение иностранных инвестиций и спекуляций. Отменялись неблагоприятные для иностранцев законы. Например, иностранцам часто разрешалось приобретать землю и владеть ею в запретной зоне вдоль побережья или у северной границы⁵⁶. Кроме того, был принят ряд новых законов в интересах иностранцев. В результате Мексика превратилась в «мать для иностранцев и мачеху для мексиканцев»⁵⁷.

В результате этой политики американские монополисты стали владельцами многих шахт, нефтеносных участков и плантаций. Они имели крупные капиталовложения в железные дороги, и им в 1910 г. принадлежало около половины всех земель, находящихся во владении иностранцев. Английские капиталы были вложены в железные дороги, новые промышленные и коммунальные предприятия. Французы контролировали текстильную промышленность.

Крупные американские владения имелись почти в каждом штате Мексики и особенно в тропических районах, где монополисты США вкладывали свои капиталы в сахарные, кофейные, каучуковые, хлопковые и фруктовые плантации. В 1902 г. чикагская компания «Сонора лэнд энд Кэттл компани» владела 1,3 млн. акров земли в штате Сонора. В Чиуауа Херсту принадлежало 250 тыс. акров земли, такой же площадью владела «Корралитос кэттл компани». Около самой границы Нью-Мексико и в Чиуауа компании «Пальмас лэнд энд Кэттл компани» принадлежало 2 млн. акров земли. Близ реки Рио-Гранде в этом же штате Т. О. Рэнчу принадлежал 1 млн. акров земли. В Синалоа «Юнайтед шугар компани» владела 150 тыс. акров, а компания «Ричардсон констракшн компани» оросила в этом же штате 600 тыс. акров. Концессия «Флорес, Хейл и К^о» занимала 5 млн. акров. Около Монтеррея находились шахты Гуггенгейма, в Дуранго — каучуковые плантации Джона Д. Рокфеллера и Нельсона Олдрича и т. д.⁵⁸

Быстро развивалась нефтяная промышленность. Первые попытки начать добычу нефти в 70-х и 80-х годах XIX в. оказались неудачными. Действительное развитие нефтяной промышленности относится к 1900 г. В мае этого года американские дельцы Догени, Кэнфилд и Мак-Гинис произвели удачную разведку

⁵⁵ М. Карповский. К аграрному вопросу в Мексике. — «Аграрные проблемы», 1932, № 3—4, стр. 54.

⁵⁶ J. M. Callahan. Op. cit., p. 504.

⁵⁷ M. Saenz and H. J. Priestley. Some Mexican Problems. Chicago, 1936, p. 7.

⁵⁸ «Times», 7.XI 1923; J. F. Rippey. The United States and Mexico, p. 314; «Очерки новой и новейшей истории Мексики», стр. 236—237.

в районе Сан-Луис-Потоси, близ Тамшико. Поощряемые президентом Мексиканской центральной железной дороги Робинсоном, они купили асьенду в 280 тыс. акров, обеспечив себе право на разработку недр. К этому они присоединили еще заброшенную асьенду в 150 тыс. акров. Вскоре они добились у мексиканского правительства выгодной концессии на эксплуатацию нефти.

Правительство Диаса приняло ряд новых законов о предоставлении льгот концессионерам. Щедрая раздача национальных земель и особые привилегии подготовили почву для быстрого развития нефтяной промышленности при помощи иностранного капитала.

Догени и его компаньоны в 1901 г. пробурили первую скважину в Эбано, близ Тамшико. Эта скважина глубиной в 525 футов давала ежегодно 50 баррелей нефти⁵⁹.

В течение нескольких последующих лет добыча нефти была незначительной. В 1908 г. ударил первый мощный нефтяной фонтан в северной части штата Веракрус. Вскоре были открыты новые месторождения нефти, и добыча начала быстро увеличиваться. Компания заключала контракты на снабжение нефтью железных дорог. Заказы поступили от «Стандард ойл», большое количество нефти отправлялось на Атлантическое побережье США. Годичная продукция группы промышленников во главе с Догени достигла миллиона баррелей в 1907 г.⁶⁰

В борьбу за мексиканскую нефть включились и другие американские концерны, среди них «Стандард ойл», «Уотер Пирс компани», «Пан-Мексикен фьюл компани», «Пануко Бостон компани» и группа Синклера. Конкуренция развивалась и со стороны компаний других стран. В 1906 г. начала оперировать могущественная английская компания Пирсона, за ней последовала «Ройял Датч компани», «Слэниш Мексикен компани» и другие крупные концерны. К 1912 г., однако, стало ясно, что нефтяная промышленность в основном развивалась и контролировалась четырьмя крупными компаниями: «Стандард ойл компани», «Уотер Пирс», «Ройял Датч Шелл» и Пирсон. К этому времени капиталовложения американских дельцов в нефтяную промышленность достигли 15 млн. долл.

Кроме этих главных инвестиций, американские монополисты помещали капиталы и в другие предприятия почти во всех штатах Мексики. Уже в 1902 г. в мексиканскую промышленность было инвестировано около 10 млн. долл. Имущество банков, кредитных и коммерческих компаний в трех штатах Пуэбла, Коауила, Нуэво-Леон и федеральном округе оценивалось в 7 млн. долл.

⁵⁹ U. S. Congress, Senate Committee on Foreign Relations. Investigation of Mexican Affairs. Washington. 1920, p. 242.

⁶⁰ Investigation of Mexican Affairs, Vol. 1, p. 207 ff. Testimony of E. L. Doheny. В 1922 г. добыча достигла 60—70 млн. баррелей.

Стоимость предприятий химической и нефтеочистительной промышленности исчислялась также в 7 млн. долл. Компании коммунальных предприятий владели имуществом на сумму около 6 млн. долл. Больше всего капиталов было вложено в федеральном округе страны, где американские капиталисты контролировали телефонную и телеграфную сеть, городское электротрамвайное сообщение и ряд электрических станций. Значительный капитал был вложен и в церковное имущество. Так, методистская епископальная церковь владела имуществом на сумму в 250 тыс. долл.; имущество пресвитерианцев исчислялось в 111 тыс. долл. и т. д.⁶¹

В то время как в 1902 г. американские инвестиции в Мексике составляли 500 млн. долл., к началу президентства Мадеро они достигли 1,5 млрд. долл. Согласно данным комиссии Фолла, американцам принадлежало в Мексике 78% шахт, 72% металлургических предприятий, 58% предприятий по добыче нефти и 68% — по разработке каучука⁶².

Одновременно с этим расширялась торговля США с Мексикой. В 1860 г. она лишь немногим превышала 7 млн. долл., в 1880 г. — достигла 15 млн., в 1900 г. — 63 млн., в 1905 г. — 92 млн. и в 1910 г. — 117 млн. долл. Уже в 1900 г. доля США в мексиканской торговле была больше доли всех европейских стран. В 1902 г. Мексика экспортировала в США 80% своей продукции, покупая у них 56% своего импорта⁶³.

Правительство Порфирио Диаса делало все возможное, чтобы продать богатства страны иностранным капиталистам. Приток иностранного капитала привел к некоторому оживлению экономики страны, к росту железнодорожной сети, к развитию ряда отраслей добывающей промышленности, расширению внешней торговли и т. д. Однако эти экономические «успехи» дорого обошлись трудовым массам Мексики, подвергавшимся жестокой эксплуатации иностранных монополистов и сросшихся с ними мексиканских помещиков и капиталистов. Мексика превратилась в зависимую от иностранного капитала страну. Ее экономика, определявшаяся главным образом интересами иностранных капиталистов, не могла не носить однобокий, уродливый характер. Важнейшие отрасли промышленности, транспорт и сельское хозяйство приспособлялись к нуждам иностранных монополий. Все больше и больше росла зависимость Мексики от иностранного импорта. В крупных имениях, захваченных иностранными монополистами, сохранялись докапиталистические отношения и формы

⁶¹ J. M. Callahan. Op. cit., p. 515.

⁶² Investigation of Mexican Affairs, Vol. II, p. 3322, 3313; Cl. Lewis. America's Stake International Investments, Washington, 1938, p. 613.

⁶³ W. S. Robertson. Hispanic-American Relations with the United States. New York, 1923, Appendix, p. 419 ff; J. M. Callahan. Op. cit., p. 510, 519.

эксплуатации, тормозившие развитие капитализма в сельском хозяйстве.

Было бы неправильно считать, что не существовало никакой оппозиции проводимой Диасом политике. Конечно, при жестоком диктаторском режиме она не могла проявляться открыто и свободно. Тем не менее прогрессивные элементы, а порой даже консервативная пресса выступали против неограниченного внедрения американского капитала. Как в конгрессе, так и вне его, и особенно на страницах журналов, высказывался страх — чем больше концессий и разного рода уступок предоставляет Диас иностранцам, тем больше будет опасность прямой агрессии со стороны США. Органы печати — «Эль Тьемпо», «Эль Насьональ», «Ла Патриа», «Эль Дебато» и многие другие — проводили антиамериканскую кампанию. Несмотря на вмешательство правительства, в прессе сплошь и рядом по отношению к американским капиталистам употреблялись такие выражения, как «проклятые янки», «грабители мексиканской нефти», «профессиональные убийцы» и т. п.

Доктрина Монро объявлялась символом американского господства. В работах о доктрине Монро Карлос Перейра утверждал, что отношение США к другим американским странам было отнюдь не благожелательным и что доктрина Монро была удобным и эффективным выражением империализма⁶⁴. Он особенно разоблачал интерпретацию, даваемую доктрине Монро Теодором Рузвельтом.

Несмотря на то что Диас и его сторонники безжалостно подавляли все антиамериканские выступления, так как они одновременно были направлены и против Диаса, много признаков указывало на то, что даже в правительственных кругах Мексики начали понимать опасность быстрого внедрения американского капитала. Именно эти соображения заставили правительство Мексики в начале этого столетия предоставить англичанину Пирсону выгодную нефтяную концессию. Предоставление этой концессии было робкой попыткой Диаса противопоставить растущему влиянию США английское влияние.

Политика Диаса привела к упрочению американского господства в экономической жизни Мексики, неслыханному влиянию американцев на политическую жизнь страны, сохранению полуфеодалных форм эксплуатации, разорению и порабощению трудящихся масс и к фактической потере независимости страны, превратившейся в полуколонию США.

Режим террора, экспроприации собственников земли и жесточайшей эксплуатации трудовых масс, установленный Диасом, со-

⁶⁴ «As Our Neighbors See Us». Readings in the Relations of the United States and Latin America, 1820—1940. Stillwater, 1940, p. 1—4; C. Pereyra. The Monroe Doctrine. Manifest Destiny and Imperialism, 1908 (El Mito de Monro. Madrid, 1914).

здавал особенно благоприятные для американских промышленников и финансистов условия. За редким исключением, американцы начали забывать, что у них существует граница на юге. Однако все возрастающее недовольство диктатурой Диаса и рост антиамериканских настроений вызывали беспокойство в правительственных кругах США. Одновременно с этим некоторые американские капиталисты были недовольны попытками мексиканских политических деятелей и финансистов создать конкуренцию иностранным монополиям.

Рост антиамериканских настроений. Выступления против диктатуры Диаса

Уже в 1906 г. возмущение против иностранцев приняло такие размеры, что американский посланник Томсон телеграфно запросил тридцать одного американского консула в Мексике, не существует ли опасность восстания мексиканцев в их районах и изгнания живущих там американских граждан. Ответы были успокаивающими, но при этом подтверждалось, что во многих районах страны сильна ненависть к американцам. Президент Диас заверил, что все меры предосторожности приняты.

Но несмотря на эти заверения, пресса США продолжала сообщать о выступлениях трудящихся Мексики, о забастовочном движении и о росте антиамериканских настроений.

Положение действительно обострялось. Засилье иностранного капитала в промышленности и сельском хозяйстве, жестокие условия труда и дискриминация мексиканских рабочих и других трудящихся привели к резкому обострению классовых противоречий в стране.

Крайне тяжелым было положение пеонов. Мексиканский пеон был прикреплен к асьенде не как раб, а как должник. Он не только наследовал долг своего отца, но и вынужден был увеличивать этот долг. Его заработка с трудом хватало на пищу, а на другие расходы вообще ничего не оставалось. Он должен был покупать в лавке, принадлежащей асендадо, по повышенным ценам. По существу вся жизнь пеона и его семьи полностью зависела от асендадо.

Пеоны и другие труженики земли выступали против голода, нищеты и несправедливости; они боролись под лозунгом «Земля и свобода». Бежавшие из асьенд пеоны создавали отряды партизан для борьбы против реакционной диктатуры Диаса и иностранных эксплуататоров.

В конце XIX—начале XX в. возникли первые мексиканские рабочие организации⁶⁵. Выступления отдельных отрядов пролетариата стали неотделимой и исключительно важной

⁶⁵ «Очерки новой и новейшей истории Мексики», стр. 242—245.

частью общей борьбы прогрессивных сил страны против реакционной диктатуры и иностранного засилья.

Поднялись текстильщики, нефтяники, горняки, железнодорожники, которые находились под двойным гнетом: местных и иностранных предпринимателей. При полном отсутствии трудового законодательства, непомерно длинном рабочем дне, доходившем в ряде мест до 16—18 часов, и жестокой эксплуатации их положение мало чем отличалось от положения тружеников земли.

Даже в прессе США и в донесениях американских консулов описывалось тяжелое положение огромной массы необученных рабочих, преимущественно мексиканцев, резко отличавшееся от жизни квалифицированных рабочих, в основном американцев.

Развернувшееся в 1906 г. забастовочное движение в первую очередь преследовало главную цель — улучшение общего положения трудящихся. Оно носило также и антиамериканскую направленность. Против невыносимых условий труда выступали рабочие текстильных фабрик Пуэблы и Орисабы. Они требовали повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. В начале 1907 г. правительство Диаса издало новые, реакционные законы о труде, запретило стачки, установило цензуру для рабочей печати, посылало войска против бастующих рабочих. В столкновениях с войсками Диаса было убито несколько сот рабочих.

Крупная забастовка вспыхнула на медных рудниках и литейных заводах Кананеа (штат Сонора), принадлежавших американскому концерну «Грин консолидейтид коппер компани». Сообщая об этой забастовке, Таль писал Извольскому, что она носила «характер антиамериканской демонстрации мексиканских рабочих» и одновременно была проявлением «противоправительственной агитации, ведомой группой недовольных режимом Диаса политических честолюбцев, издающих там же (в St. Louis), уже в течение нескольких лет на средства, получаемые секретно из Мексики, оппозиционную революционную газету («Regeneration»), которую они весьма аккуратно посылают всем находящимся здесь дипломатическим миссиям»⁶⁶.

Забастовка в Кананеа охватила около 10 тыс. рабочих. Бастующие мексиканские пролетарии, получавшие примерно половину заработной платы по сравнению с иностранными рабочими, требовали покончить с дискриминацией и отменить унижительные условия, существовавшие на предприятиях. Во время столкновений с вооруженными силами администрации несколько десятков человек было убито и ранено.

⁶⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1906 г., д. 103, л. 32 (Таль — Извольскому, Мексика, 4 (17) октября 1906 г.). В Сент-Луисе обосновался организационный комитет (хунта) либеральной партии, выступавший против реакционной диктатуры Диаса.

Забастовка в Кананеа и другие выступления мексиканских рабочих стимулировали антиимпериалистическое движение. В нем активное участие принимали революционно настроенная интеллигенция, мексиканская буржуазия и обуржуазившиеся помещики.

В опубликованной летом 1906 г. программе либеральной партии содержались требования ликвидации тирании Диаса, ограничения власти церкви, наделения крестьян землей, установления минимума заработной платы и 8-часового рабочего дня и т. д.

Осенью 1906 г. сторонники либеральной партии подняли восстания в штатах Веракрус, Коауила и Табаско. Правительственные силы сравнительно легко справились с восставшими. Слабость либералов объяснялась главным образом их оторванностью от трудовых масс и стремлением добиться своей цели путем заговоров и вооруженных путчей.

Почти одновременно возникла буржуазно-помещичья оппозиция режиму Диаса. Выразителем ее стремлений стал Франсиско Мадеро, выходец из богатой семьи помещиков и промышленников. Мадеро объявил себя апостолом «85 процентов угнетенных». Уже в 1905 году он стал вождем независимых избирателей, открыто выступив против правительства Диаса во время кампании по избранию губернатора штата Коауила. В 1908 г. он опубликовал книгу «La Sucesion Presidencial de 1910», в которой нападал на Диаса, критиковал его авторитарный режим и требовал свободы выборов президента. Мадеро отражал интересы развивавшейся национальной буржуазии, выступавшей за изменение существующего строя, против засилья иностранного капитала; его лозунги привлекали сторонников среди всех антиимпериалистически настроенных слоев мексиканского народа. В то же время Мадеро был далек от понимания основных задач социальной революции и не думал решать аграрный вопрос — основной вопрос мексиканской революции.

Нарастающее недовольство режимом Диаса вызвало серьезное беспокойство в Вашингтоне. Еще в июне 1906 г. государственный секретарь Рут просил посланника США в Мексике узнать, «будет ли мексиканское правительство приветствовать и даст ли согласие на посылку Соединенными Штатами войск для обеспечения порядка в случае чрезвычайного положения до прибытия мексиканских войск»⁶⁷.

Иначе говоря, Рут, которого американские буржуазные историки превозносят за проведение более либеральной политики в отношении соседних стран, прямо предлагал организовать интервенцию для поддержки ненавистного народным массам тирана Диаса. В самих США, особенно в пограничных районах,

⁶⁷ J. M. Callahan. Op. cit., p. 522.

американские власти арестовали ряд мексиканских деятелей, выступавших против власти Диаса. Либеральная хунта, обосновавшаяся в США, была распущена.

Однако ни террор Диаса, ни сочувствие и помощь, которую ему оказывали США, не могли приостановить быстро развивавшееся в Мексике оппозиционное движение против жестокой антинародной диктатуры.

Третья панамериканская конференция

Интервенционистская политика США на Кубе, в Доминиканской республике и в странах Центральной Америки не содействовала развитию панамериканской «солидарности». Доктрина Рузвельта и применение США полицейских функций в отношении латиноамериканских стран порождали недовольство, подозрительность и ненависть к империализму янки. Прогрессивные круги южноамериканских стран больше всего опасались усиления влияния США. Характерно, что правительство Аргентины не платило ежегодных взносов на содержание панамериканских учреждений. Ее представители в Вашингтоне игнорировали межамERICANские совещания. Пресса Аргентины задолго до созыва 3-й панамериканской конференции призывала к бдительности в отношении империализма США и его планов в Южной Америке. «Ла Пренса» призывала к усилению связи с европейскими странами, к отказу от обсуждения на предстоящей конференции доктрины Монро. 26 марта 1906 г. в передовой статье «Ла Пренса» заявила, что Аргентина «не заинтересована в предстоящей панамериканской конференции. Все ее внутренние дела разрешены; ее экономические силы развиваются...; финансовые обязательства ею выполнены...; она располагает всем для нее необходимым и не помышляет о распространении своей гегемонии»⁶⁸.

Другие газеты и журналы призывали латиноамериканские страны к координации своих действий, указывая, что США пытаются, применяя панамериканизм, вбить клин между странами Южной Америки и Европы. «Ревиста» даже ссылалась на выступления Рута в комиссии конгресса, в котором он говорил о необходимости завоевания рынков Латинской Америки.

Зная о настроениях в странах Латинской Америки и стремясь несколько разрядить атмосферу, государственный секретарь Эллиу Рут решил совершить поездку по этим странам и принять участие в 3-й панамериканской конференции в Рио-де-Жанейро. Он вел переговоры в Колумбии, пытаясь умиротворить ее государственных деятелей и помешать делегатам Колумбии поднять неприятные для США вопросы. Государственный департамент активно стал вмешиваться в дела Центральной Америки, стараясь

⁶⁸ Цит. по: Th. F. McGann. Op. cit., p. 238—239.

покончить с конфликтом между Никарагуа, Гондурасом и другими странами. С Бразилией была достигнута договоренность о превращении миссий в посольства и о возведении дипломатических представителей США и Бразилии в ранг послов. В выступлениях Рут избегал упоминания о «принципах 1823 г.», т. е. о доктрине Монро; он призывал к установлению более близких отношений между американскими государствами, к объединению для создания и развития панамериканского общественного мнения.

Работа 3-й панамериканской конференции в Рио-де-Жанейро продолжалась с 23 июня по 26 августа 1906 г. Из американских стран только Гаити и Венесуэла не прислали делегатов. Почетными председателями конференции были избраны министр иностранных дел Бразилии Рио-Бранко и государственный секретарь США Элиу Рут.

Выступая на конференции, Элиу Рут цинично уверял своих слушателей: «Мы (т. е. США. — Л. З.) считаем независимость и равноправие самых небольших и слабых членов семьи народов заслуживающими такого же уважения, как независимость и равноправие самых сильных членов, а соблюдение уважения к ним считаем главной гарантией слабых против сильных. Мы не требуем и даже не желаем ни прав, ни привилегий, ни власти, которые мы уступили бы охотно любой из американских республик. Мы хотим увеличить наше богатство, расширить торговлю, поднять наше благосостояние, мудрость, знания, но вовсе не думаем, чтобы верный путь к этому лежал через унижение других и их гибель. Наоборот, мы хотим помочь всем своим друзьям подняться и укрепнуть общими усилиями»⁶⁹.

Эта декларация могла обмануть только тех, кто хотел быть обманутым. Рут стремился «умиротворить» Латинскую Америку и избежать затруднений на конференции, дав агентуре США среди правящих классов латиноамериканских стран возможность ссылаться на декларацию государственного секретаря для того, чтобы доказать миролюбие и дружелюбие Соединенных Штатов.

Конференция приняла четыре конвенции и несколько резолюций по экономическим, социальным и культурным вопросам, расширила полномочия бюро. Оно превратилось в своего рода постоянную комиссию межамериканских конференций с правом подготавливать предложения для обсуждения на конференции, пересматривать устав организации и т. д.

Делегаты подписали резолюцию о принципах арбитража и договорились о том, чтобы представленные на конференции государства послали в Гаагу представителей с инструкцией до-

⁶⁹ Report of the Delegates of the United States to the Third Inter-American Conference of American States. Washington, 1907, p. 64; Ph. C. Jessup. Elihu Root, Vol. I, p. 468—469, 471, 477; «Washington Post», 5.XII 1906; АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне. 1906 г., д. 208. лл. 144—148.

биваться арбитражной конвенции международного значения. Позиция латиноамериканских делегатов была выражена представителями Гватемалы, которые обязали членов комиссии «точно установить положение, права и обязанности иностранцев и определить, при каких условиях их притязания могут иметь силу; установить случаи, способы и форму дипломатического вмешательства и предлагаемых услуг; точно определить, при каких обстоятельствах и в каких пределах правительства отвечают за поступки своих агентов и чиновников; определить значение и эффективность статьи, обычно включаемой в договоры с иностранцами и в силу которой они обещают не прибегать к дипломатическому давлению»⁷⁰.

Эта декларация отражала настрояние латиноамериканских делегатов; она была направлена против империалистических методов США. Во время обсуждения делегаты избегали поднимать вопрос о доктрине Монро. Среди латиноамериканцев доктрина Драго завоевала гораздо большую популярность. Конференция постановила просить вторую Гаагскую конференцию, которая должна была состояться в 1907 г., обсудить вопрос «о принудительном взыскании государственных долгов и вообще об изыскании средств к уменьшению столкновений, возникающих по финансовым причинам»⁷¹. Что касается материально-денежных претензий, конференция постановила продлить до 31 декабря 1912 г. действие договора, подписанного на предыдущей конференции.

Таким образом, несмотря на усилия Рута и американских делегатов, на 3-й панамериканской конференции все же открыто поднимались голоса против империалистической политики США в Латинской Америке. И не подлежит сомнению, что вопрос о допустимости или недопустимости применения вооруженной силы при взыскании долгов гораздо больше интересовал представителей латиноамериканских стран, чем все остальные вопросы. Французская газета «Тан» в статье, посвященной конференции в Рио-де-Жанейро, отмечала, что южноамериканские делегаты в противовес доктрине Рузвельта «выставили доктрину аргентинского министра иностранных дел Драго, которая отказывает европейским державам в праве домогаться удовлетворения своих требований насильственным путем»⁷². «Journal de Débats» писала: «...Единство американских интересов — пустой звук. Этой формулой США пользуются на конгрессе с целью

⁷⁰ Report of the Delegates of the United States to the Third Inter-American Conference of American States, p. 140.

⁷¹ S. G. Inman. Problems in Pan-Americanism. New York, 1921, p. 203; A. C. Wilgus. The Third International American Conference at Rio de Janeiro, 1906. — «Hispanic American Historical Review», Vol. XII, N 4, November 1932.

⁷² АВНР, ф. Пресса, 1906 г., д. 442, л. 172.

преградить европейской торговле доступ к южным рынкам; но какие интересы могут заставить южноамериканские республики отдать США предпочтение перед Европой, когда статистические данные ясно показывают, что с последней Южная Америка ведет более оживленную торговлю, нежели с США»⁷³.

Продолжая поездку по столицам южноамериканских республик, Рут произносил речи с целью завоевать доверие народов к США. Выступая в Монтевидео 10 августа 1906 г., он даже признал, что в политике США были отдельные «промахи» и «неудачи». В Буэнос-Айресе он выступил с похвалой в адрес Аргентины, указывая на ее энергию, моральную силу и прекрасное будущее⁷⁴. В Чили он провел четыре дня. И здесь он говорил об ошибках и упущениях в прошлом, призывая к установлению лучшего понимания и доверия между Чили и США. В том же духе Рут выступал в сентябре на банкете в Лиме, столице Перу.

Большинство американских историков с похвалой отзываются о пропагандистском туре государственного секретаря, доказывая, что его курс отличался от политики Рузвельта и что ему удалось разрядить напряженную атмосферу в отношениях между странами Латинской Америки и США. Действительность опровергает эти выводы. При авторитарных методах руководства Теодора Рузвельта не могло быть и речи о двух курсах в политике. Рут не только был полностью солидарен с политикой президента, но и восхищался ею. Как опытный юрист, политик и представитель финансовых корпораций, он стремился, прибегая к политической демагогии и применяя более мягкие методы, эффективнее провести в жизнь интервенционистскую политику США. Добиться установления более тесных отношений в результате своего тура ему не удалось. Слишком свежи были в памяти латиноамериканцев события в Панаме, Доминиканской республике, на Кубе, в Венесуэле и в других странах. Более того, не много потребовалось времени после пропагандистского тура государственного секретаря Рута, чтобы народы Латинской Америки вновь убедились в том, что латиноамериканская политика США определялась только интересами американских монополистов.

Провозглашенная Т. Рузвельтом «новая» политика в отношении стран Карибского бассейна, которая эффективно проводилась в жизнь, знаменовала собой начало «дипломатии доллара». Большинство американских историков ошибочно связывает происхождение этой дипломатии с именами президента Тафта и его государственного секретаря Нокса. В действительности же Теодор Рузвельт расчистил дорогу для американских промышленников и банкиров и открыл для них новые сферы приложения капита-

⁷³ ABIP, ф. Пресса, 1906 г., д. 449, л. 149.

⁷⁴ Elihu Root. Latin America and the United States. Addresses by Elihu Root, ed. by R. Bacon and J. B. Scott. Cambridge, 1917, p. 81—86, 92, 97—102.

лов, принесших огромные прибыли. Т. Рузвельт, применяя экономические, дипломатические и военные мероприятия, организовал колониальную империю США. В Карибском бассейне и в Центральной Америке он сумел завоевать господствующее положение для США. Методы, применяемые Т. Рузвельтом в отношении малых народов, включая открытое военное вмешательство во внутренние дела соседних стран, стали примером для последующих администраций, возглавляемых Тафтом, Вильсоном и другими президентами США.

Уже в первые годы XX столетия США добились различных прерогатив в отношении капиталовложений своих граждан в странах Карибского бассейна, в которые после 1898 г. они неоднократно посылали свои войска. В большинстве случаев одним из основных факторов, вызывавших интервенцию, было стремление защитить американские капиталовложения. Однако этот фактор никогда не подчеркивался, а, наоборот, прикрывался разными другими причинами, оправдывавшими применение вооруженной силы.

До конца 1908 г. откровенно интервенционистская политика США, проводимая Т. Рузвельтом, привела к разрешению многих важных политических проблем в интересах американских монополистов. Рузвельт «разрешил» вопрос о Кубе. Огнем и мечом он подавил национально-освободительное движение филиппинского народа. Установленный им колониальный режим превратил Филиппины в придаток американского империализма. Рузвельт, по его выражению, «взял» Панаму, обеспечив «право интервенции» в этой республике. Он «урегулировал» отношения с Доминиканской республикой. Он отрицал «право на революцию» в пяти республиках Центральной Америки. В каждой из этих республик дипломатический представитель США фактически получил право «надзора» за действиями правительства. «Взятие» Панамского канала, согласно заявлению Т. Рузвельта, привело к необходимости дальнейшего упрочения США в странах Карибского района. Подчеркивая в своем выступлении в 1905 г. новое значение, которое в результате постройки канала получила доктрина Монро, Рузвельт заявил, что «в целях самозащиты» было бы необходимо «установить строгий надзор над подступами к каналу» и «ясно осознать наши интересы в Карибском море»⁷⁵.

Речь шла, конечно, о строгом надзоре не только с военной точки зрения, но также с точки зрения обеспечения экономических интересов американских корпораций.

США проводили политику, которая была ярким выражением «дипломатии доллара». Можно привести ряд примеров, подтверждающих это. Во время конфликта с Венесуэлой нью-йоркский банк Зелигмана и компании вел переговоры об урегулировании

⁷⁵ Foreign Relations, 1905, p. XXXIII.

вопроса о долгах республики. 5 декабря 1902 г. государственный секретарь Хэй послал американским послам в Лондоне и Берлине следующую телеграмму: «По просьбе Зелигмана и компании..., которые пытаются достигнуть соглашения по вопросу о долгах Венесуэлы, я рад сообщить, что президент Рузвельт будет очень доволен, если удастся заключить подобное соглашение, благодаря которому можно будет избежать применения насилия со стороны Германии и Великобритании»⁷⁶.

Несмотря на то, что планы Зелигмана и компании не были реализованы, этот документ ясно указывает на тесную связь финансистов с государственным департаментом и дипломатами США. Американские дипломатические представители в других странах часто выполняли, помимо своих прямых обязанностей, функции агентов крупных промышленных и финансовых корпораций США.

Во время президентства Теодора Рузвельта американские банкиры вели переговоры о займе для Гватемалы. Условия займа включали пункт, согласно которому банкиры и акционеры получали право прибегать к защите США в случае нарушения этих условий. Элиу Рут в качестве поверенного компании Спейер вел переговоры о заключении договора между банками и Коста-Рикой и настаивал на внесении в договор пункта, который давал бы США право защищать интересы акционеров. Договор, содержащий подобный пункт, был подписан, но затем отклонен конгрессом Коста-Рики. Установление протектората США над Доминиканской республикой привело к тому, что финансы этой страны находились под полным контролем банковских корпораций США. Если прибавить к этому, что американцы вскоре стали владельцами сахарных заводов, мукомольных и других предприятий, то видно, как мало осталось от независимости республики. Последствия проникновения американского капитала в Санто-Доминго описываются американским профессором Энджеллом следующим образом: «У вершины стоит американский капитал, заинтересованный главным образом в сахаре, у основания — дешевый и сравнительно производительный труд негров Гаити, которых американские собственники ввезли для того, чтобы они работали на сахарных плантациях. В середине — местное население, которому не обеспечены даже необходимые средства для существования»⁷⁷. Даже эти немногочисленные примеры служат подтверждением того, что политика «большой дубинки», проводившаяся Т. Рузвельтом, была неотъемлемой частью «дипломатии доллара».

При проведении интервенционистской политики в странах Западного полушария Теодор Рузвельт опирался на доктрину

⁷⁶ J. F. Rippy. The Caribbean Danger Zone. New York, 1940, p. 141.

⁷⁷ J. W. Angell. Financial Foreign Policy of the United States. New York, 1933, p. 24.

Монро и применял усовершенствованные методы экономического, дипломатического и военного давления. Именно в эти годы США проводили политику, которая превратила страны Центральной Америки и Карибского бассейна в полуколонии американского империализма. Эти формально независимые страны в экономическом и политическом отношении попали в полную зависимость от американских монополий. «Дополнение» Т. Рузвельта к доктрине Монро превратило ее в подлинное орудие агрессии, посредством которого США контролировали «поведение» стран Латинской Америки. «Доктрина Теодора Рузвельта» превратила США не только в «полицейского Западного полушария», но и в международного агента по сбору долгов в странах Латинской Америки.

Политика США в годы президентства Рузвельта подготовила путь для проникновения американских банкиров и промышленников в страны Западного полушария, для завоевания в этих странах господствующего монопольного положения. Эту же цель преследовала политика США и на Дальнем Востоке, где они вынуждены были считаться с интересами таких крупных держав, как Россия, Англия, Германия, Франция и Япония.

ОБОСТРЕНИЕ АМЕРИКАНО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Новая расстановка сил на Дальнем Востоке
после русско-японской войны

Русско-японская война и ее результаты привели к перегруппировке сил на Дальнем Востоке, к новым империалистическим блокам и комбинациям. Не оправдались расчеты США на создание на Дальнем Востоке положения неустойчивого равновесия между Россией и Японией. Россия потерпела серьезное поражение. Но даже после войны она представляла значительную силу, на использовании которой оба складывавшихся в Европе военных блока строили серьезные расчеты. Марокканский кризис и Альхесирасская конференция привели к полному провалу всех попыток германской дипломатии создать новую комбинацию держав в противовес складывавшейся Антанте. Англо-французская Антанта еще более укрепилась. И Франция и Англия, крайне заинтересованные в сближении с царской Россией для использования ее сил против Германии, принимают меры для окончательного оформления Антанты.

Ослабленная войной и революцией Россия не представляла уже серьезной угрозы британским интересам на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. Еще в октябре 1905 г. Англия отозвала с Дальнего Востока свой линейный флот, чтобы укрепить позиции в европейских водах против морского флота Германии. В 1907 г. Англия подписала с Россией соглашение, урегулировавшее серьезные противоречия на Ближнем и Среднем Востоке (Иран, Афганистан, Тибет), обеспечившее присоединение России к англо-французской Антанте. «Для России подписанное соглашение имело, — по мнению английской газеты «Таймс» — особенное значение, потому что оно в значительной степени способствовало поднятию ее международного престижа, поколебленного за последние годы»¹. Новое соглашение содействовало также урегулированию отношений России с английским союзником на Дальнем Востоке — с Японией для укрепления позиций России в Европе.

¹ АВПР, ф. Пресса, 1907 г., д. 463, л. 156.

Сближению Англии и России способствовали не только обострившиеся противоречия с Германией, но и страх перед демократическим движением в странах Востока, развивавшимся под влиянием революции 1905 г. Англия, Франция и другие колониальные державы собирались использовать царизм в качестве жандарма против национально-освободительного движения народов Востока. «Войска русского царя, — писал В. И. Ленин, — позорно разбитые японцами, берут реванш, усердствуя на службе контрреволюции. За подвигами расстрелов, карательных экспедиций, избиений и грабежей в России следуют подвиги тех же казаков по подавлению революции в Персии. Что Николай Романов во главе черносотенных помещиков и запуганных стачками и гражданской войной капиталистов неистовствует против персидских революционеров, это понятно, и роль международных палачей не первый раз выпадает на долю христобливых российских воинов»².

Поскольку империалистические противоречия в Европе и в Средиземноморском бассейне стали основными, колониальные державы проявляли большую озабоченность в сохранении создавшегося на Дальнем Востоке положения; они стремились всеми мерами не только сохранить, но и укрепить свои военные силы в Европе и, следовательно, не допускать серьезных осложнений в районе Тихого океана. А это толкало державы на урегулирование отношений с Японией.

В истории Японии после войны с Россией началась новая эра. Японский военно-феодальный империализм стал признанным колониальным хищником. Престиж Японии возрос не только среди колониальных держав, но и среди народов Азии. Победа Японии над одной из великих держав не могла не оказать влияния на развитие национального самосознания народов Азии. Вместе с тем японские империалисты и милитаристы охотно брали на себя роль жандармов по отношению к национально-освободительному движению народов Дальнего Востока. Это еще больше вынуждало колониальные державы, и в первую очередь Англию, идти на сближение с японскими правящими кругами.

Сразу же после войны и заключения Портсмутского мира Япония взяла решительный курс на реализацию победы как в Южной Маньчжурии, которую она рассматривала как плацдарм для дальнейшего развития своих захватнических планов, так и в Корее, в которой она, по соглашению с другими империалистическими державами, фактически проводила грабительскую колониальную политику. В Южной Маньчжурии Япония стала проводить политику под лозунгом «Южная Маньчжурия только для японцев». При этом, как доносил из Токио Бахметев, «самоуверенности японцев теперь нет границ. Имеют ли они намере-

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 174.

ние совсем оставаться в Корее и Южной Маньчжурии и даже посягнуть на Владивосток — нельзя еще предвидеть... Ни тракаты, ни влияние союзницы Англии не охладят тщательно подерживаемый правительством дух народа, который чувствует, что война «не довоевана» и что Япония слишком мало получила за свои труды и расходы»³.

Новая японская политика в Маньчжурии не могла не затронуть интересы других держав и в первую очередь США. Маньчжурия в этом отношении стала Балканами Дальнего Востока. Для укрепления своих послевоенных позиций японские правящие круги развернули большую дипломатическую кампанию, добиваясь заключения соглашений с другими колониальными державами, в том числе и с царской Россией.

Портсмутский договор предусматривал согласие правительства Китая на передачу Японии в «аренду» Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Дальним, а также железной дороги между Порт-Артуром и Куаньченцзы. 4 января 1906 г. Япония навязала Китаю договор о признании им всех уступок, сделанных Россией по 5-й и 6-й статьям Портсмутского договора. Кроме того, японо-китайский договор содержал дополнительные статьи, которые еще более расширили права Японии в Южной Маньчжурии. Китай вынужден был открыть в Маньчжурии ряд новых портов для иностранной торговли, предоставить Японии право эксплуатации после переоборудования узкоколейной военной железной дороги Мукден—Аньдун, построенной японцами во время войны. Япония также добилась концессии на сооружение Чаньчун-Гиринской дороги. Кроме всего, Китай дал обязательство «не сооружать никаких магистральных линий по соседству и равно никаких боковых линий, могущих нанести ущерб ЮМЖД»; китайское правительство также согласилось на создание смешанного японо-китайского акционерного общества по эксплуатации лесной концессии на реке Ялу⁴.

Японо-китайский договор и дополнительные к нему статьи открыли японским империалистам путь к дальнейшей экспансии в Южной Маньчжурии.

Обострение противоречий в Европе и Средиземном бассейне толкали Францию на стовор с Японией. Франция добивалась усиления Антанты, создания условий, при которых военные силы России могли бы быть сосредоточены в Европе. И Япония, заинтересованная обеспечить за собой свободу действий в Маньчжурии, искала сближения с Францией. В марте 1907 г. Франция

³ АВПР, ф. Посольства в Вашингтоне, 1906 г., д. 208, лл. 159—160 (Бахметьев из Токио, 18 (31) мая 1906 г.).

⁴ G. V. A. Mac Murray. Treaties and Agreements with and the Concerning China, Vol. I, p. 554; Th. F. Millard. America and the Far Eastern Question. New York, 1909, p. 541—552; АВПР, ф. Китайский стол, 1906 г., д. 123, лл. 14—18 (Перевод японо-китайского договора).

предоставила Японии заем на сумму в 300 млн. фр., а Англия — в 11 млн. ф. ст.⁵ А уже 8 июня 1907 г. Япония и Франция подписали соглашение. Формально обе державы подтвердили политику «открытых дверей» и «территориальной неприкосновенности» Китая. Фактически же обе стороны обязались признавать особые интересы в захваченных ими владениях и «сферах влияния». Иначе говоря, Франция признавала интересы Японии в Корее и Маньчжурии, Япония — Франции в Индокитае и Гуандуне. Так, под прикрытием политики «открытых дверей» и «территориальной неприкосновенности» Китая Япония и Франция продолжали империалистический раздел и грабеж Китая в захваченных ими «сферах влияния»⁶.

Соглашения Японии с Англией и Францией должны были неизбежно привести и к полной договоренности между Японией и Россией по всем дальневосточным вопросам. Достигнуть русско-японского соглашения оказалось не легким делом. Портсмутский договор, как известно, не удовлетворил аппетиты агрессивных кругов Японии. Отношения между Россией и Японией продолжали оставаться неопределенными и даже напряженными. Не только в Японии, но и в европейских столицах считали, что Портсмут только установил перемирие; много говорилось о подготовке новой войны с Россией. На заседании Генро в мае 1906 г. указывалось: «Мирный договор, возбудивший народный бунт в Токио, не удовлетворил вожделениям Японии, и она всякими путями будет стараться, не теряя времени, извлечь из последней войны гораздо более материальные пользы, чем было выговорено в Портсмуте»⁷.

И действительно, Япония не медлила. Она проводила лихорадочные мероприятия по развитию военной промышленности, реорганизации, оснащению и усилению вооруженных сил. Японская армия стала серьезной силой на Дальнем Востоке. Напряженные отношения Японии и России устраивали американский империализм, но они могли нарушить антантовские планы Англии и Франции. Обе эти державы оказали не только дипломатическое, но и финансовое давление на Японию, толкая ее на сближение с Россией. Да и царская Россия, занятая подавлением революционного движения в стране, вряд ли могла пойти на новое обострение отношений с Японией. По мнению одного русского дипломатического агента, изучившего создавшееся положение, «между Россией и Японией при нынешних обстоятельствах

⁵ Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны, стр. 396.

⁶ A. Gerard. Ma mission au Japon (1907—1910). Paris, 1919, p. 10, 18; Th. F. Millard. *America...*, Appendix G., p. 558—559; *Foreign Relations*, 1907, p. 754—755.

⁷ АВГР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1906 г., д. 208, лл. 159—160 (Из дознания Бахметьева из Токио. 13 (31) мая 1906 г.).

не может быть войны, а может быть только безжалостное избиение русских»⁸. По инициативе министра иностранных дел России Извольского в начале 1907 г. начались русско-японские переговоры о заключении общеполитического соглашения. Портсмутский договор обязал Россию заключить с Японией новый торговый трактат — конвенцию о рыболовстве и соглашение о железных дорогах в Маньчжурии⁹.

13 июня 1907 г. Япония и Россия подписали конвенцию о соединении русско-японских железных дорог в Маньчжурии. 28 июля были подписаны торговый договор и рыболовная конвенция, 30 июля 1907 г. — общеполитическое соглашение, содержащее также секретные статьи.

Все перечисленные соглашения служили дополнением и развитием Портсмутского договора. По политическому соглашению обе стороны декларировали принцип «открытых дверей» и «территориальной целостности» Китая. Но в секретной его части обе стороны предусмотрели раздел Маньчжурии на японскую (южную) и русскую (северную) сферы влияния. Россия признавала особые интересы Японии в Корее, а Япония — специальные интересы России во Внешней Монголии¹⁰.

Подписание политического соглашения «восполнило существенный пробел Портсмутского договора и привело оба государства к нормальным условиям доброго соседства...»¹¹ Вчерашние враги стали добрыми соседями.

Политическое равновесие, установившееся в Восточной Азии, говорилось в инструкции царскому послу в Токио, «приобретало устойчивость благодаря франко-японскому соглашению от 8 июня 1907 г. и англо-русскому соглашению — 18 (31) августа. Хотя конвенция России с Англией и касается специально Персии, Афганистана и Тибета, однако при наличии англо-японского союза влияние ее распространяется на весь Азиатский материк и создает положительные условия для восстановления нашего престижа у азиатских народов...»¹²

Понятно, все эти соглашения и конвенции заключались за спиной Китая и создавали еще более благоприятные условия для грабежа этой страны. Даже в инструкции министра иностранных дел признавалось, что по русско-японскому торговому трактату Япония получила «возможность вступить с Кореей в теснейший

⁸ Цит. по: Б. А. Романов. Очерки..., стр. 403.

⁹ АВВР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1907 г., д. 223, № 1456 (Извольский — барону Р. Р. Розену, 19 июля 1907 г.).

¹⁰ Русско-японское соглашение см. Б. А. Романов. Очерки..., Приложение, стр. 473—475.

¹¹ АВВР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1908 г., д. 240, лл. 156—163 (Из инструкции послу в Токио от 3 июня 1908 г.).

¹² Там же.

таможенный союз и совершенно поработить ее экономическую жизнь»¹³.

Русско-японское соглашение было с энтузиазмом встречено правящими кругами Японии. Всюду состоялись демонстрации, банкеты. Газеты славословили достижения политических деятелей и дипломатов. Бахметьев сообщал, что к нему явились «представители торговых палат главных городов Японии, а именно: Токио, Киото, Иокогама, Кобе и Асака и представители ведущих органов печати, чтобы принести свои поздравления по случаю столь радостного события»¹⁴.

Заключение всех этих соглашений по существу означало укрепление позиций Антанты и на Дальнем Востоке. Изолированными оказались две державы — США и Германия. Японо-американские отношения приняли крайне напряженный и острый характер. Политические деятели США поняли, что их курс на разжигание японо-русских противоречий, на установление неустойчивого равновесия на Дальнем Востоке обанкротился. Они также осознали и то, что Япония вовсе не намерена создавать в Южной Маньчжурии и в других своих «сферах влияния» выгодные для монополистов США условия. Генеральный консул в Шанхае, опытный специалист по дальневосточным проблемам Чарльз Денби, в конце 1907 г., обзвывая создавшееся положение, высказал весьма скептические взгляды по вопросу об укреплении американских интересов в Китае. Он писал: «Всякий беспристрастный американский наблюдатель должен прийти к заключению, что, несмотря на поражение России в последней войне, поддерживаемая американской дипломатией политика «открытых дверей» ... имеет теперь меньше шансов на реализацию, чем в период, когда она впервые была провозглашена»¹⁵.

Провал попыток Германии создать блок держав против Антанты

Обеспокоенная укреплением Антанты на Дальнем Востоке, Германия вновь попыталась создать союз держав, чтобы разрушить или ослабить Антанту. На кого же рассчитывала Германия? Прежде всего на Китай и США. Министерство иностранных дел Германии уполномочило своего посла в Вашингтоне, Штернбурга, узнать, каковы возможности достижения сближения с США. Вильгельм II стремился вовлечь Рузвельта, используя его боязнь

¹³ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1908 г., д. 240, лл. 156—163 (О русско-японском соглашении 17 (30) июля 1907 г.); см. также ЦГА ВМФ, ф. 418, 1907 г., оп. 1, д. 2905, л. 23.

¹⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1907 г., д. 127 (Депеша Бахметьева, Токио, 20 сентября 1907 г., № 83; о том же в депеше от 4 октября 1907 г., № 90).

¹⁵ E. H. Zabriskie. American-Russian Rivalry in the Far East, p. 138.

чрезмерного усиления Японии, в новую комбинацию против «махинаций» Англии на Дальнем Востоке¹⁶. Надежды кайзера были основаны главным образом на усилившихся американо-японских противоречиях, на растущем в США недовольстве экономическими и политическими мероприятиями Японии в Маньчжурии и росте влияния японских военно-шовинистических кругов.

9 сентября, выполняя инструкцию министерства иностранных дел Германии, Штернбург имел беседу с Теодором Рузвельтом о положении дел на Дальнем Востоке. Штернбург доказывал, что японские милитаристы разработали широкие планы агрессии, которые являются серьезной угрозой для Англии, Франции и США. По его мнению, Япония стремится к установлению гегемонии не только в Китае, но и во всем бассейне Тихого океана, не исключая его южных районов. Все это, утверждал Штернбург, давно предвидел кайзер, призывавший «христианские державы» к объединению против общего врага. Рузвельт, согласно донесению, высказал опасение из-за отсутствия у США укрепленного порта и морской базы на Дальнем Востоке.

Донесения из Пекина и Токио германских представителей рисовали картину интенсивной деятельности японских милитаристов, их подготовки к новой войне. В Вашингтон посылались сведения об антиамериканских планах Японии, о возможности высадки японских войск на Американском побережье. Особенно бешеную дипломатическую кампанию кайзеровская дипломатия развернула в конце 1907 и начале 1908 г. Вильгельм II надеялся, что в связи с развернувшимися на Дальнем Востоке событиями Англия вынуждена будет послать часть своего флота в Тихий океан, что неизбежно приведет к ослаблению ее морской силы в Европе. Дипломатические представители Германии в Перу, Чили и других странах Латинской Америки доносили, что японцы наводняют Южную Калифорнию и готовятся, в случае войны, напасть на район Панамского канала. Об этом же говорил кайзер американскому послу в беседе с ним 8 января 1908 г. Вильгельм, по словам Рузвельта, даже обещал ему помощь германского флота в Атлантике в случае отправки американского флота в воды Тихого океана¹⁷.

Теодор Рузвельт не придавал серьезного значения «диким истерикам кайзера»¹⁸. Тем не менее он продолжал совещания со своим другом Штернбургом.

В беседе, состоявшейся 8 ноября, Рузвельт был весьма откровенен с Штернбургом. Он заявил, что Китай, по-видимому, заинтересован в соглашении, но еще никаких шагов не сделал

¹⁶ «G. P.», Bd. XXI, Hf. 2, S. 465; Bd. XXV, Hf. I, S. 71.

¹⁷ «G. P.», Bd. XXV, Hf. I, S. 78, N 8553; S. 87—89, N 8557; Th. A. Bailey. Theodore Roosevelt and the Japanese-American Crises. Stanford, 1934, p. 268—269; H. F. Pringle. Theodore Roosevelt: A Biography, p. 403—404.

¹⁸ Th. A. Bailey. Theodore Roosevelt..., p. 269.

в этом направлении. Что касается Японии, то Рузвельт считал, что доверять ее декларациям о целостности Китая нельзя, что в конце концов, опираясь на соглашения с Англией, Францией и Россией, Япония может приступить к расчленению Китая. В таком случае она захватит львиную долю этой страны, игнорируя интересы других держав. И все же Рузвельт не считал своевременным заключение американо-германо-китайского соглашения. Он даже высказался против опубликования американо-германской декларации о политике «открытых дверей» и «целостности» Китая. Более целесообразным в то время Рузвельт считал посылку американского флота в страны Тихого океана. Касаясь защиты Циндао, Т. Рузвельт сказал: «Военное значение этого пункта мне неизвестно, но я могу представить себе в будущем возможность совместных действий флотов Германии и США против Японии... Что касается Англии, то я не думаю, что она может принять участие в такой войне — она знает, что в этом случае мы захватим Канаду»¹⁹.

Эта беседа показала, что, хотя Рузвельт высказался против заключения американо-германского соглашения, он допускал возможность в определенных условиях совместных действий флотов США и Германии.

Между тем германский посланник в Пекине граф фон Рекс продолжал настойчиво доказывать необходимость создания блока держав против Японии. Он сообщал, что Китай крайне озабочен существованием секретных соглашений Японии с Россией и Францией, что в случае раздела Китая интересы Германии и США будут обойдены. Рекс считал необходимым не только добиваться создания германо-американо-китайского альянса, но и принять все необходимые меры для привлечения России против Японии²⁰.

Внимательно изучив предложения Рекса, кайзер одобрил их. Он считал, что в конце 1907 г. создалось положение, благоприятное для Германии. Отношения между США и Германией были вполне «сердечными». В Китае развивалось движение за проведение военной реформы и за стабилизацию положения в Маньчжурии. В США рассматривался вопрос о снижении контрибуции, выплачиваемой Китаем за «ущерб» во время движения «И хэ туань». Тафт, совершая поездку по странам Дальнего Востока, посетил Китай и Японию; он вновь подтвердил заинтересованность США в сохранении политики «открытых дверей», независимости и целостности Китая. Посылка американского флота в Тихий океан показала стремление США укрепить свои позиции на Дальнем Востоке. Вильгельм считал, что необходимо уси-

¹⁹ «G. P.», Bd. XXV, Hf. I, S. 78—79, N 8553.

²⁰ «G. P.», Bd. XXV, Hf. I, S. 81—86, N 8556 (Рекс — Бюлову, 7 декабря 1907 г.).

лить переговоры с США и Китаем. «Сердечное согласие с Китаем, — писал кайзер, — ради сохранения статус-кво абсолютно необходимо для нас. В противном случае наша мировая политика потерпит полный крах... Америка тоже заинтересована в заключении такого союза с Китаем..., если она не хочет нанести ущерб своей торговле»²¹.

Однако кайзер не учитывал некоторых других важных факторов. Прежде всего он недооценивал стремлений Рузвельта и японских политических деятелей добиться смягчения возникшей в связи с антиаппонским движением на Западе США напряженности в американо-японских отношениях. Не принял он в расчет и маневренности японской дипломатии, решившей опередить его планы путем заключения договора с США о разделе «сфер влияния» в районе Тихого океана.

В дополнительных инструкциях, посланных Бюловым Рексу и Штернбургу, указывалось, что проектируемая Антанта может быть организована путем обмена нот, в которых политика «открытых дверей» и «целостности» Китая признавались бы как цель трех держав. Ни о каких секретных статьях не могло быть и речи, ибо они противоречили бы духу «открытых дверей». Китай, указывалось в инструкциях, должен обратиться к США с предложением о создании такой Антанти²².

Весной 1908 г. Вильгельм все еще считал, что Рузвельт относится благожелательно к его идее о создании германо-американо-китайского альянса в противовес Англии и Франции. Его особенно ободрило письмо Рузвельта от 4 апреля 1908 г., в котором президент благодарил за дружеское отношение Германии к США и выражал удовлетворение возможностью сотрудничать с ней²³.

Однако развитие событий в последующие месяцы поколебало уверенность кайзера и его окружения. Китайское правительство действительно направило в Вашингтон мукденского губернатора Тан Шао-и, установившего тесные связи с американским консулом в Мукдене У. Стрейтом. Тан Шао-и, помимо экономических дел, должен был от имени китайского правительства выразить благодарность США за снижение суммы контрибуции и дооплатиться за заключения американо-китайского соглашения. Но как только Тан прибыл в Вашингтон, он убедился в том, что не только кайзер, но и он сам недооценил гибкости японской дипломатии. Такахира, вернувшись в феврале 1908 г. в Вашингтон, продолжал самым энергичным образом добиваться заключения общего соглашения с США. Такое соглашение было окончательно подписано 30 ноября 1908 г.²⁴ Тану была предоставлена возмож-

²¹ «G. P.», Bd. XXV, Hf. I, S. 87—89, N 8557.

²² «G. P.», Bd. XXV, Hf. I, S. 89—92, N 8558.

²³ J. B. Bishop. Theodore Roosevelt and His Time, Vol. II, p. 280—281.

²⁴ Th. A. Bailey. Theodore Roosevelt..., p. 292.

ность познакомиться с американо-японским пактом задолго до его подписания.

Так закончилась еще одна попытка Германии разрушить или ослабить Антанту.

Как сообщал новый германский посол в Вашингтоне Бернсторф, Рузвельт в беседе с ним следующим образом объяснил свой отказ от заключения соглашения с Германией и Китаем: «Этим (соглашением. — Л. З.) Китай может быть вовлечен в политику, враждебную Японии. В случае китайско-японского конфликта Китай оказался бы совершенно к нему не подготовленным, и ни Германия, ни Америка не смогли бы его защитить... против Японии...»²⁵

Провал планов кайзера объясняется также тем, что он не понял до конца отношения Рузвельта к Японии. Известно, что Рузвельт относился с пренебрежением к Китаю и Корее, считая, что их народы не являются цивилизованными. Но зато он с уважением отзывался о Японии и японцах, высоко оценивал их культуру, милитаризм и военно-морскую силу²⁶.

Ни кайзер, ни политические деятели других стран не знали в то время о соглашении Тафта—Кацура, которое предшествовало американо-японскому союзу 1905 г. и являлось американо-японским альянсом, первым из азиатских договоров, против которых выступала Германия.

Перемены, произошедшие в Китае после смерти императрицы, отстранение от руководства Юань Ши-кая и отзыв Тана из США дали возможность Рузвельту возложить ответственность за срыв переговоров о создании германо-американо-китайской Антанты на Китай.

Первая попытка «интернационализации» железных дорог Китая

Изменения в расстановке сил на Дальнем Востоке после русско-японской войны означали усиление японского империализма и ослабление позиций американского империализма. Победа над Россией припесла Японии значение мировой державы. Она становится наиболее активной силой на Дальнем Востоке, мечтавшей не только об установлении гегемонии над Китаем, но и над другими районами Тихого океана. Договоры и соглашения Японии с Францией, Англией и Россией развязали руки японским империалистам. Особое значение имело соглашение с Россией: обе державы были крайне заинтересованы в том, чтобы ограничить аппетиты американского монополистического капитала, задержать его экспансию в Маньчжурии и других рай-

²⁵ «G. P.», Bd. XXV, Hf. I, S. 97, N 8565.

²⁶ T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 153—154.

онах Китая. Фактически политика «открытых дверей» получила серьезный удар. И это несмотря на то, что ни Япония, ни Россия открыто не выступали против этой доктрины. Однако их практическая деятельность, в особенности формы и методы освоения японцами Южной Маньчжурии и Кореи и их агрессивные действия в других районах Китая, показали, что доктрина «открытых дверей» превратилась в своего рода «академическую абстракцию». Японскими милитаристами делалось все, чтобы создать преимушественное положение для своих подданных в Маньчжурии за счет ущемления интересов США. Развитие дальневосточной политики США после 1905 г. свидетельствовало, что не Россия является «главной опасностью» для американского империализма, а Япония, успехи которой стали возможны благодаря огромной помощи со стороны Англии и Соединенных Штатов. Не американо-русские, а американо-японские противоречия стали основными и наиболее актуальными на Тихом океане.

Не успела еще закончиться война, как американские монополисты приняли решение об усилении экспансии в Китае. Еще в марте 1905 г. американский посланник в Китае Конжер выступил с проектом передачи Маньчжурской железной дороги Китаю «посредством выкупа ее у России или Японии несколькими державами с сохранением контроля над дорогой за участвующими в выкупе державами»²⁷.

Предложение Конжера являлось первой попыткой «интернационализации» железных дорог Китая. Предполагалось, что монополисты США возьмут на себя львиную долю финансирования этого мероприятия. Добившись преимущественных прав и используя стратегические возможности путем эксплуатации железных дорог, империалисты США намеревались усилить экспансию в Китае, постепенно вытесняя своих конкурентов, в первую очередь Японию и Россию.

Не случайно предложение Конжера было сделано в 1905 г. Война приближалась к концу. Обе воюющие державы, Япония и Россия, были крайне истощены. И Россия, и Япония нуждались в займах: Япония — для развития экономики, в первую очередь военной промышленности; Россия — главным образом для борьбы с революционным движением.

Всего этого не могли не учитывать американские монополисты. Еще до заключения Портсмутского мирного договора американский посланник в Токио Л. Гриском в донесениях выражал опасения по поводу милитаристских планов Японии после войны. Он приложил немало усилий, чтобы заинтересовать американских монополистов в необходимости усилить борьбу за китайские рынки, за обладание морским транспортом через Ти-

²⁷ T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese War, p. 157.

хий океан. Среди американских магнатов, заинтересованных в тихоокеанской торговле, видную роль играл железнодорожный король Э. Г. Гарриман, тесно связанный с банкирским домом «Кун, Леб энд компани», который содействовал размещению японских займов в США. Э. Г. Гарриман, контролировавший не только важнейшие трансконтинентальные железные дороги США, по и тихоокеанский морской транспорт, проявлял особую заинтересованность в китайских рынках. Летом 1905 г. Э. Г. Гарриман с семейством, с дочерью Теодора Рузвельта и одним из своих компаньонов отправился в поездку на Дальний Восток. 31 августа 1905 г. они прибыли в Иокогаму. Гарримана и его спутников встречали японские политические деятели, промышленники и банкиры. Среди них были представители банка Японии и компании Митсуи, директор японской пароходной компании, высшие чины министерства финансов и др. В Токио начались бесконечные приемы, банкеты и визиты. На одном из приемов Гарриман выступил с речью, в которой он фактически изложил свои планы создания единого кругосветного железнодорожного и морского пути под контролем американского капитала ²⁸.

В беседе с Грискомом в Токио Э. Гарриман заявил: «Нет сомнения в том, что, получив от Японии контроль над Южно-Маньчжурской железной дорогой, я приобрету КВЖД у России, проложу железнодорожный путь через Сибирь до Балтики и установлю пароходное сообщение с Америкой. Затем я смогу соединиться с американскими трансконтинентальными железными дорогами, объединиться с «Пасифик мэйл стимшип компани» и японскими тихоокеанскими пароходными компаниями. Это была бы самая замечательная транспортная система в мире. Мы бы опоясали весь земной шар» ²⁹.

Таковы были грандиозные планы Гарримана. Они включали также железные дороги, связывавшие Маньчжурию с Кореей. Реализация таких планов открыла бы для американских монополистов исключительные возможности экономической экспансии в страны Дальнего Востока. Изложив свои цели Грискому, Гарриман сказал: «Единственной возможностью решить, что лучше всего предпринять, — это начать делать что-нибудь... Вы знаете этих японцев. Я хочу, чтобы Вы помогли мне» ³⁰.

Пока Гарриман и сопровождавшие его лица совершали поездку по Китаю и Корее, Гриском начал переговоры и встретил довольно благожелательное отношение к планам Гарримана у премьер-министра Кацура.

²⁸ G. Kennan. E. H. Harriman: A Biography, Vol. II. New York, 1922, p. 6—7.

²⁹ Ch. Vevier. The United States and China 1906—1913. New Brunswick, 1955, p. 22—23.

³⁰ Ibid., p. 23.

Когда в октябре 1905 г. Гарриман вернулся в Токио, все было подготовлено для заключения соглашения. 12 октября Кацура и Гарриман подписали меморандум (предварительное соглашение)³¹. Гарриман и другие связанные с ним банкиры должны были образовать специальный синдикат для покупки недавно перешедшей к Японии Южно-Маньчжурской железной дороги. Японскому правительству и группе Гарримана предоставлялось право (на паритетных началах) совместного владения и эксплуатации железной дороги, лесных, каменноугольных и других концессий, связанных с ЮМЖД. В специально созданной для этой цели корпорации обеим сторонам предоставлялось равное представительство. В случае войны с Россией корпорация должна была выполнять требования японского правительства по перевозке войск³².

Соглашение Гарримана — Кацура открывало американским капиталистам огромные возможности для развития экспансии в Маньчжурии. Речь шла не только об эксплуатации железных дорог, но и всех естественных богатств в районах, прилегающих к ЮМЖД. Монополисты США считали это мероприятие только началом. Гарриман и его друзья мечтали также захватить контроль над КВЖД и другими дорогами³³, чтобы распространить экспансию и на русский Дальний Восток и Сибирь.

Но расчеты американских монополистов были сделаны без хозяина. Они не поняли, что в условиях, когда мирный договор с Россией еще не был подписан, политические деятели Японии, нуждавшиеся в помощи США, охотно шли навстречу их пожеланиям. Вскоре же после заключения Портсмутского мирного договора японцы заговорили другим языком. Не успел еще Гарриман, возвращавшийся в США «на крыльях победы», достичь Сан-Франциско, как ему вручили официальную записку японского консула, в которой говорилось, что «японское правительство сочло необходимым начать более тщательное расследование и изучение вопросов, являющихся основой меморандума от 12 октября 1905 г.»³⁴

Через десять дней, уже в Нью-Йорке, Гарриман получил телеграмму от директора японского Промышленного банка Соеда, одного из участников переговоров, в которой сообщалось, что

³¹ G. Kennan. Op. cit., Vol. II, p. 13—15.

³² Ch. Vevier. Op. cit., p. 23—24.

³³ Посланник России в Китае Покотилев сообщил министерству иностранных дел: «За последнее время происходит оживленный обмен депеш по вопросу о выкупе КВЖД... Савонник Чжоу-фу (нанкинский генерал-губернатор. — *Ред.*) сообщил своим коллегам и министерству иностранных дел в Пекине, что к нему поступило от американских капиталистов предложение ссудить Китаю сумму, необходимую для выкупа маньчжурских железных дорог...» (АВПР, ф. Китайский стол, 1905 г., л. 122, л. 63—63 об. — Дешета из Пекина, 18 октября 1905 г.).

³⁴ G. Kennan. Op. cit., p. 17.

японское правительство считает необходимым «пересмотреть» соглашение Кацура — Гарримана³⁵.

Эта телеграмма явилась «компромиссом» между бароном Комура, министром иностранных дел Японии, выступавшим за немедленную ликвидацию заключенного с Гарриманом соглашения, и теми группировками, которые поддерживали Кацура. Комура ссылаясь на то, что соглашение Кацура — Гарримана противоречило статье 4-й Портсмутского договора. В полученной Гарриманом телеграмме говорилось: «Пока не заключены соглашения с Россией и с Китаем, невозможно точно определить, о каких правах и о каком имуществе идет речь в меморандуме о передаче и каковы будут вероятные доходы железной дороги»³⁶.

Переговоры Японии с правительством Китая продолжались больше месяца. 15 января 1906 г. Соеда направил Гарриману специальное письмо, в котором сообщалось, что Китай отказался дать согласие на признание меморандума Кацура — Гарримана и что поэтому Кацура просит считать его аннулированным³⁷.

Но Гарриман все еще не терял надежды договориться с японцами. Сейчас он возлагал большие надежды на своего друга главу банкирского дома «Кун, Леб и К^о» Якоба Шиффа, имевшего большие заслуги перед японским правительством в деле размещения японских военных займов. Весной 1906 г. Шифф отправился в путешествие по Дальнему Востоку. По просьбе Гарримана он предпринял попытку возобновить переговоры об «интернационализации» маньчжурских железных дорог. В Японии политические деятели и промышленно-финансовые магнаты устроили Шиффу восторженную встречу. Однако, несмотря на то, что японцы крайне нуждались в новых займах, они категорически отказались вести переговоры по вопросу об «интернационализации» железных дорог Маньчжурии.

Укрепление Японии в Южной Маньчжурии

Таким образом, американский план расширения экспансии в Маньчжурии и других районах Дальнего Востока путем «интернационализации» железных дорог потерпел крах. Выиграв войну с Россией ценой огромных жертв и заключив ряд послевоенных соглашений, японские правящие круги намерены были укрепить свои позиции в Маньчжурии и Корее, развернуть мероприятия по установлению монопольного положения на Дальнем Востоке за счет постепенного вытеснения влияния даже своих союзников — Англии и США.

В первую очередь японских агрессоров интересовала Южная

³⁵ G. Kennan. Op. cit., p. 18.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibid., p. 20—21.

Маньчжурия. Еще во время русско-японской войны, ссылаясь на «особые условия» военного времени, японские власти провели ряд административных мер, которые по существу лишали иностранных капиталистов всякой возможности проникнуть в оккупированные районы. То были первые шаги, рассчитанные на установление «закрытых дверей» для иностранного капитала в Китае. При этом японские милитаристы не сделали исключения для своих друзей — англичан и американцев.

Вновь и вновь заявляя о признании принципа «открытых дверей», японские империалисты проводили все более эффективные меры по установлению и укреплению монополии в Маньчжурии. Они не только стремились обезвредить, а затем и вытеснить иностранный торговый и промышленный капитал, но и прибрать к рукам местный капитал. Японские оккупанты проводили самую жестокую политику эксплуатации местного трудового населения, в первую очередь многомиллионного крестьянства. С высшими классами и чиновничеством японские милитаристы заигрывали, создавали видимость независимости китайских властей, но фактически превратили их в послушных марионеток. Деятельность китайского капитала всячески стеснялась, его связи с иностранными монополиями всеми законными и незаконными мерами ликвидировались.

Вскоре японское правительство организовало «Южно-Маньчжурскую железнодорожную компанию», которой были даны широкие права³⁸ по эксплуатации как железных дорог, так и земель, горнорудных богатств и т. д. Вполне естественно, что японские власти установили преференциальные тарифы на японские товары при перевозке по контролируемым ими железным дорогам, беспощадный ввоз их через порт Дальний. Для иностранных дельцов создавались непреодолимые затруднения, задерживалась выдача паспортов и разрешений для проезда в оккупированные японцами районы. Японские поселенцы — «туристы», дельцы и искатели легкой наживы — наводнили Южную Маньчжурию.

Только за 1906 г. от 40 до 60 тыс. японских иммигрантов хлынули в оккупированные районы. Многие обосновались в городах и вокруг железных дорог. Другие поселялись в глубинных районах Южной Маньчжурии³⁹.

³⁸ P. H. Clyde. *International Rivalries in Manchuria 1689—1922*, p. 154—155.

³⁹ Покотилов писал Извольскому: «Громко труби на весь свет об открытии маньчжурских рынков для всемирной торговли, японцы на самом деле принимают все зависящие меры для закрепления исключительно за собой выгод, которые могут быть извлечены из этой торговли». Были установлены дифференциальные тарифы на Южно-Маньчжурской железной дороге «в пользу грузов отправителей японской национальности...» (АВПР, ф. Китайский стол, 1906 г., д. 123, л. 348. — Делепа Покотилова Извольскому из Пекина, 25 октября 1906 г.); Th. F. Millard. *America...*, p. 221.

В донесении из Пекина посланник России в Пекине Покотилов сообщал о формах и методах, к которым прибегали японцы для установления своего контроля в Южной Маньчжурии. Они сводились к следующему: 1) колонизация Мукденской провинции; 2) переоборудование южно-маньчжурской ветви КВЖД и постройка линии от Мукдена до корейской границы; 3) разработка и освоение Фуншуньских каменноугольных копей; 4) присвоение прав совместно с китайцами на эксплуатацию лесных богатств на Ялуцзяне; 5) разработка соляных промыслов в Южной Маньчжурии; 6) захват и эксплуатация рыбных промыслов вдоль всего побережья Маньчжурии⁴⁰.

Короче говоря, как писала газета «Тап», прикрываясь деизмом «Маньчжурия для маньчжур», японцы освободили три восточные провинции от русского владычества и влияния для того только, чтобы затем, переменяя фронт, наложить на них свою руку, но уже более тяжелой⁴¹.

Устанавливая свое господство, «японцы распоряжались в Маньчжурии, как у себя дома»; пекинский же кабинет «не только не протестовал, но даже парализовал стремления китайской высшей администрации в Маньчжурии дать хоть какой-нибудь отпор не в меру бесцеремонным японцам»⁴².

Большой интерес японские агрессоры проявили и к Фуцзянской провинции. «Японцы, — писал Покотилов, — то в одиночестве, то группами в 3—4 человека проникали для производства съемок и фотографий в самые глухие и уединенные местности края, во время таких путешествий иногда даже переодеваясь в китайское платье». При этом их больше всего интересовало побережье, «изрезанное бухтами и изобилующее удобными якорными стоянками»⁴³.

Мероприятия, проведенные японцами, подорвали торговлю ранее процветавшего порта Нючжуана. Если в 1905 г. торговый оборот Нючжуана достигал суммы в 61,7 млн. таэлей, то уже в 1908 г. он упал до 41,1 млн. таэлей⁴⁴. Такое резкое падение товарооборота через Нючжуанский порт объясняется тем, что японцы проявили большую заинтересованность в изменении направления грузов на свою железную дорогу, в развитии порта Дальний, ставший важнейшим узлом в торговых операциях Маньчжурии. Характерно, что японское правительство не постеснялось отказать американцам в их просьбе о назначении своего

⁴⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1906 г., д. 111, лл. 58—60 об. (Донесение Покотилова из Пекина от 19 апреля 1906 г.).

⁴¹ АВПР, ф. Пресса, 1906 г., д. 449, л. 29 (5 июля).

⁴² Там же.

⁴³ АВПР, ф. Канцелярия, 1906 г., д. 111, л. 19 (Письма Покотилова от 30 января 1906 г.).

⁴⁴ А. Добров. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны, стр. 352.

генерального консула в Дальний. Японские дельцы считали, что только они могут и должны распоряжаться всеми концессиями, которые раньше принадлежали русским промышленникам в Южной Маньчжурии. Они включали горнорудные, лесные и другие концессии. Японские оккупанты совершенно не считались с правами Китая. Транспорт перестраивался в интересах развития японской торговли как в Южной Маньчжурии, так и в Корее. Закрепляя свое монопольное положение, японцы создали в 1906 г. специальную организацию «Экспортная гильдия Маньчжурии», в которой участвовали крупнейшие коммерческие гильдии Японии. «Мицуи и компания» действовала в качестве генерального агента экспортной гильдии и правительства, используя филиалы в Маньчжурии. В развитии всех этих монополистических организаций были заинтересованы императорский двор и его окружение, имевшие немало акций во многих развивающихся предприятиях.

В своем стремлении вытеснить иностранные товары из Маньчжурии японские дельцы широко практиковали подделку клейм и знаков иностранных фирм на своих товарах более низкого качества. Эта жульническая практика нанесла серьезный ущерб торговле США, Англии и других стран. США потребовали прекращения таких подделок, заключения специальной конвенции по охране торговых клейм и фабричных марок. Переговоры по этому вопросу с Японией продолжались более трех лет. И только в мае 1908 г. США и Япония подписали наконец конвенцию о взаимной охране патентов и фабричных марок в Китае и Корее. Характерно, что правительство США обязалось признавать юрисдикцию японских судов в Корее в случае нарушения американскими гражданами на территории Кореи законов о патентах или торговых марок. Тем самым США вновь признали монопольное господство японских милитаристов в Корее.

Мероприятия японских властей в Маньчжурии затрагивали больше всего интересы американских монополистов, ранее считавших, что победа Японии в войне с Россией откроет для них широкие возможности для развития экономической экспансии в Китае. Японские мероприятия представляли собой «серьезнейшее нарушение принципа «открытых дверей», на котором строится американская дипломатия в Китае»⁴⁵. Значительно сократилась торговля США в Маньчжурии. Доля американского ввоза в Маньчжурию с 1905 по 1909 г. сократилась с 60 до 35%. Ввоз американских товаров в Маньчжурию, достигнув в 1905 г. суммы в 23,5 млн. долл., к 1909 г. упал до 7,5 млн. долл.⁴⁶ Общий товарооборот США (включая импорт и экспорт)

⁴⁵ Th. F. Millard. Our Eastern Question. New York, 1916, p. 356.

⁴⁶ А. Добров. Указ. соч., стр. 353; Г. Севостьянов. Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке (в Китае и Корее в 1905—1911 гг.). М., 1958, стр. 36.

с Китаем составлял в 1905 г. 93 834 тыс. долл., в 1909 г. он сократился до 58 429 тыс. долл.⁴⁷

Понятно, американские дельцы встречали на своем пути серьезную конкуренцию в Китае и со стороны европейских монополистов. Но основную причину сокращения торговли США с Китаем следует приписать деятельности торгово-промышленных и банковских кругов Японии, их стремлению установить свою монополию на рынках Китая. Провалились и другие попытки американских дельцов, заинтересованных в захвате концессий Лесопромышленной компании в Корее и Южной Маньчжурии и части Фушуньских копей⁴⁸. Помощь, оказанная правительством Японии своим промышленникам, содействовала быстрому росту японо-китайской торговли. Овладев угольными копями Южной Маньчжурии, японцы успешно конкурировали не только с американским, но и с китайским углем. Успешно вытеснялась из рынков Китая американская мука. Эксплуатация лесопромышленных концессий на р. Ялу и на о-ве Хоккайдо помогла японцам освободиться от американской зависимости в лесоматериалах. В 1907 г. японцы начали также интенсивную работу по производству стальных и железных изделий, железнодорожного и другого оборудования, необходимого для контролируемых ими железных дорог.

Этот же курс проводился японскими монополистами и в отношении других американских товаров. С таким положением вряд ли могли мириться американские монополисты и защищавшее их интересы правительство США. С начала 1906 г. дипломатические представители США в Китае и Японии предупреждали государственный департамент о неблагоприятных условиях, сложившихся для американских монополистов в Маньчжурии. Американский консул в Нючжуане доносил о положении в этом порту, о монополистических мероприятиях японских властей в Южной Маньчжурии, подрывавших принципы «открытых дверей» и «равных возможностей». Поверенный в делах в Японии Ф. М. Х. Вильсон предупреждал государственный департамент не доверять заявлениям правительства Японии⁴⁹. Американские коммерсанты также обращались к государственному департаменту с протестами против мероприятий японских властей, затруднявших их деятельность в Маньчжурии.

24 марта 1906 г. государственный секретарь Э. Рут послал подробную инструкцию Вильсону, в которой правительство США выражало озабоченность нарушением японскими властями по-

⁴⁷ Shü-Lun Pan. The Trade of the United States with China, p. 48.

⁴⁸ В. Аварин. Империализм в Маньчжурии, т. I, стр. 108.

⁴⁹ Ch. Vevier. Op. cit., p. 36—37; Foreign Relations, 1906, p. 177—178, 188—227.

литики «открытых дверей» в оккупированных районах⁵⁰. Вновь японское правительство ссылалось на то, что ограничения, проводимые в Южной Маньчжурии, являются «вынужденными» до эвакуации оккупационных войск.

Ответ Японии не мог удовлетворить государственный департамент. Из Китая и Японии продолжали поступать сообщения о дискриминационных мероприятиях японских властей против иностранных дельцов. Британо-американская табачная компания жаловалась, что ее товары, прибывавшие в Дальний, облагались непомерными налогами. Много жалоб поступало от американских дельцов в Шанхае на дискриминационную политику Японии в Китае.

В июне 1906 г. по настоянию американского посланника в Пекине и государственного департамента США Япония дала разрешение на приезд в Маньчжурию комиссии из трех американских дельцов, представлявших американских коммерсантов в Шанхае. Эта комиссия должна была изучить положение на месте, а затем опубликовать свои выводы. Японские власти разработали самый тщательный план для комиссии. Они показывали комиссии все то, что было выгодно для Японии, и принимали все меры, чтобы не допустить встречи с высшими китайскими чиновниками. В начале июля комиссия представила отчет посланнику США. Формально комиссии не удалось доказать преднамеренного со стороны японских властей нарушения политики «открытых дверей»⁵¹. В докладе выражалась надежда, что в дальнейшем будут отменены те ограничения, которые существовали во время оккупации японскими войсками районов Южной Маньчжурии.

Но дело, понятно, было не в формальном, а в фактическом положении в Маньчжурии, возникшем в результате новой японской политики. Япония широко использовала создавшиеся после войны условия для развития своих гегемонистских планов в Маньчжурии и, следовательно, в Китае в целом. «Они, — как писала американская газета «Сан» через несколько лет, — забрались в область, им не принадлежащую, и, в качестве завоевателей, завладели всей местной торговлей. Совершенно безразлично, какие бы дипломатические шаги против этого ни предпринимались в Токио, японцы, невзирая ни на что, дают торговлю другим державам в Маньчжурии..., беспощадно затрудняя и устраняя невыгодную для них конкуренцию»⁵².

Фактически двери в Южную Маньчжурию, которую японские

⁵⁰ P. H. Clyde. Op. cit., p. 162—163; Foreign Relations, 1906, p. 174, 177—178; House Documents, N 1, 59th Congress, 2nd Session, Vol. I, p. 177.

⁵¹ P. H. Clyde. Op. cit., p. 165—170; Foreign Relations, 1906, p. 209, 212.

⁵² См. А. Морской. Разочарование в честном маклерстве. М., 1911, стр. 55; Th. F. Millard. America..., p. 215—217.

империалисты считали своей вотчиной, оказались закрытыми. Иностранные монополисты, и в первую очередь американские дельцы, оказались здесь в гораздо худшем положении, чем во время русской оккупации. Японцы открыли для торговли новые «свободные порты». Однако в результате установленного ими режима «свободные» порты оказались закрытыми.

Экспансионистские планы Японии подкреплялись ростом вооружений, усилением армии и военно-морского флота. Японские милитаристы не только поработили корейский народ, но и проводили все необходимые меры для превращения Южной Маньчжурии в аграрно-сырьевой придаток японского империализма, для окончательного вытеснения оттуда англо-американских и других конкурентов.

Расовые законы в США и усиление американо-японского антагонизма

Такое положение не могло не вызвать крайнего недовольства в правящих кругах США. Японо-американская дружба, достигшая своей высшей точки развития в 1905 г., сменилась острым соперничеством. Обострение американо-японских противоречий было вызвано также законами, принятыми Соединенными Штатами по ограничению японской иммиграции. До 1892 г. эмиграция японцев в США была ничтожна. Всего в этом году в США насчитывалось 3 тыс. японцев. Большинство оседало в штате Калифорния.

К началу 1900 г. в США было 24 326 японцев⁵³. Многие из них стали владельцами небольших участков земли и успешно конкурировали с американскими мелкими фермерами. Шовинисты и расисты уже тогда подняли крик об угрозе «желтой опасности». Они внушали трудящимся массам, что в их тяжелом положении виновны не капиталисты, эксплуатирующие их, а иммигранты из стран Азии, подрывающие жизненный уровень американских трудящихся в штате. В этой расистской кампании не последнюю роль играли реформистские лидеры профсоюзов из гомперсистского лагеря. В специально созданных антияпонских организациях в западных штатах США, занимавшихся огромной агитацией против «желтой опасности», гомперсисты принимали активное участие.

Учитывая создавшееся положение, японское правительство уже в 1900 г. по своей инициативе сообщило о решении запретить массовую эмиграцию своего населения в США и Канаду.

Но въезд японцев на Гавайские острова не был ограничен, и много японцев эмигрировало на Гавайи в поисках заработка.

⁵³ Statistical Abstract of the United States, 1930. Washington, 1930, p. 5.

В 1900 г. на островах насчитывалось 61 111 японцев, к 1910 г. — 79 675 японцев, т. е. около 41% всего гавайского населения⁵⁴.

С Гавайев часть японцев переселялась в Калифорнию или другие штаты Тихоокеанского побережья США. С 1900 по 1906 г. с Гавайев в США переселилось до 30 тыс. японцев. В связи с этим антияпонское движение в Калифорнии и других западных штатах получило еще более организованные формы; во главе его стала Лига, агитировавшая за полное выселение корейцев и японцев из США. В конгресс США был внесен билль о запрещении иммиграции японцев, но президент Рузвельт добился его снятия, считая недопустимым принятие или обсуждение билля, могущего нанести оскорбление дружественному государству⁵⁵.

Между тем антияпонская кампания в западных штатах не улеглась. Наоборот, она приняла более острые формы. В ряде городов Тихоокеанского побережья США был организован бойкот японских товаров, начались погромные выступления против японцев. В Сан-Франциско проводилась агитация против приема японских детей в общие школы. В 1906 г. местные власти предложили детям японцев, корейцев и китайцев покинуть общие школы и перейти в специальные школы для детей азиатского происхождения. Это вызвало бурю негодования в Японии и осуждение правительственных кругов США.

По поручению правительства японский посол в Вашингтоне Аоки посетил государственный департамент США, имел обстоятельную беседу с статс-секретарем Э. Рутом, в которой он протестовал против расовых мероприятий калифорнийских властей⁵⁶.

4 декабря президент Рузвельт в послании к конгрессу осудил действия властей штата Калифорния и указал на то, что проявление враждебного отношения к Японии «может привести к крайне серьезным последствиям для страны». Рузвельт даже предлагал конгрессу принять закон, который давал бы японцам возможность становиться гражданами США. В заключении обращения Рузвельт поставил вопрос об изменении действующих законов с целью предоставления федеральному правительству более широких возможностей для ограждения прав иностранцев, обеспеченных международными договорами. «Для разрешения вопроса, касающегося японцев, — заявил он, — я сделаю все, что в моей власти. Все силы США — военные и гражданские, которые я могу законно использовать, — будут использованы»⁵⁷.

⁵⁴ Statistical Abstract of the United States, 1930, p. 7.

⁵⁵ «Washington Post», 5.XII 1906.

⁵⁶ «The Evening Star», 26.X 1906; «New York Times», 28.X 1906; см. также донесение Бахмetyева из Токио от 20 октября 1906 г. «Все газеты, — писал посол, — взбеленлись, и даже орган МИД, пытавшийся успокоить умы, сделал это вяло, без всякого убеждения...» (АВПР, ф. Канцелярия, 1906 г., д. 135, № 72).

⁵⁷ Congressional Record, 59th Congress, 2nd Session, p. 31; «Washington

«Заявление президента, — доносил русский посол Розен, — вызвало взрыв негодования во всех тихоокеанских штатах. Пресса также не одобрила категорический тон президента»⁵⁸.

Американские шовинисты использовали создавшееся положение для проталкивания своих милитаристских планов, для агитации за усиление армии и морского флота США и создания в стране военного психоза. Военные корреспонденты, пресса и политические деятели, в том числе конгрессмены и сенаторы, выступали с заявлениями об угрозе войны на Тихом океане, о возможности нападения японской армии и военно-морского флота на Филиппины и Гавайи. Так, председатель комиссии по военным делам конгресса США Хэлл еще в марте 1905 г. утверждал, что после победы в войне с Россией Япония развяжет «кровавую войну против США из-за Филиппин»⁵⁹. Газета «Огдэн стандарт» писала, что «японцы вполне уверены в том, что они в состоянии разбить американский флот и уничтожить нашу армию»⁶⁰.

Сенатор Селвейдж в своих выступлениях доказывал, что Япония «угрожает» не только штату Калифорния, но и всей республике⁶¹. Распространялись слухи о шпионаже японцев на Филиппинах, Гавайях и в Южной Калифорнии.

И в правительственных кругах в Вашингтоне чувствовалось беспокойство за судьбу Филиппинских островов. В прессе печаталось много статей о необходимости продать Филиппины. Рузвельт выступал за принятие всех мер для укрепления островов; в противном случае от них лучше отказаться⁶².

Но такие крайние высказывания Теодора Рузвельта являлись прикрытием его действительных намерений. А они заключались в стремлении создать большой военно-морской флот, который по мощи уступал бы только британскому и мог бы играть на Тихом океане решающую роль. Вряд ли можно поэтому серьезно относиться к заявлениям Рузвельта о необходимости отказаться от Филиппин. И действительно, в своем письме к Тафту от 21 августа 1907 г. он писал: «Филиппины являются нашей ахиллесовой пятой. Они делают наши современные отношения с Японией опасными... Я считаю, что, с точки зрения как внутренней, так и внешней политики, нам нужно серьезно рассмотреть вопрос

Post», 5.XII 1906; АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1906 г., д. 208, лл. 277—281 (Розен — Извольскому, 29 ноября (12 декабря) 1906 г.).

⁵⁸ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1906 г., д. 208, лл. 277—281 (Розен — Извольскому, 29 ноября (12 декабря) 1906 г.).

⁵⁹ «San Francisco Chronicle», 16.III 1905.

⁶⁰ «San Francisco Chronicle», 26.III 1906.

⁶¹ Подробно см. R. L. Buell. The Development of Anti-Japanese Agitation in the United States. — «Political Science Quarterly», Vol. XXXVII, N 4, December 1922, p. 605—638.

⁶² См. его письмо к Тафту 31 мая 1905 г. (The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. IV, p. 1198).

об удержании островов... Удерживать острова без того, чтобы не относиться к ним великодушно, но одновременно укреплять их и создавать военный флот, уступающий только Великобритании, было бы катастрофой. Лично я хотел бы видеть эти острова независимыми; причем порядок там обеспечивался бы какими-либо международными гарантиями или же предупреждением с нашей стороны, что в случае беспорядков мы вынуждены будем вмешаться. Все это наряду с другими соображениями заставляет меня предпочесть, чтобы наш народ воевал всю свою жизнь, чем допустить, чтобы в результате применения силы острова подпали бы под власть Японии или какой-либо другой державы»⁶³.

В руководящих кругах адмиралтейства США считали, что слабость американского флота не в его количестве, а в его дислокации. Чтобы передвинуть его в воды Тихого океана, требовалось не менее трехмесячного плавания вокруг Южной Америки. Хотя флот Японии в это время занимал пятое место, он весь находился недалеко от Филиппин и Гавайев. Кроме того, США не имели в то время удобных портов, доков и угольных станций в районе Тихого океана. Рузвельт и верхушка адмиралтейства считали, что флот США должен быть единым и неделимым, что только после открытия Панамского канала и значительного увеличения флота можно будет ставить вопрос о его разделе на Тихоокеанский и Атлантический флоты⁶⁴.

Добиваясь мирного разрешения конфликта с Японией, Рузвельт со свойственной ему энергией вел борьбу за расширение и усиление американского флота. Это совершенно определенно видно из его секретной переписки с Лоджем, Тафтом, контр-адмиралом У. Х. Броунсоном и многими другими политическими деятелями и друзьями. Несмотря на военный психоз, созданный в стране шовинистической прессой и донесениями из европейских столиц, Рузвельт вряд ли верил в возможность японо-американской войны. Но как ярый экспансионист он не мог отказаться от использования возникшей ситуации.

В течение всего конфликта, связанного с антияпонскими выступлениями в западных штатах, федеральное правительство принимало меры по укреплению Филиппин. Секретные инструкции об организации обороны Филиппинских островов были посланы генералу Вуду. Своему другу Спринг-Райсу Рузвельт писал: «Я делаю все возможное, чтобы удовлетворить справедливые требования Японии, чтобы уладить и исправить все недоразумения.

⁶³ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. V, p. 712.

⁶⁴ См. W. R. Braisted. The United States Navy's Dilemma in the Pacific. 1906—1909. — «The Pacific Historical Review», August 1957, p. 235—244; The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. VI, p. 1543 (Рузвельт — Тафту. 3 марта 1909 г.).

Но одновременно я предпринимаю все, чтобы наш флот находился в боевой готовности»⁶⁵.

Для изучения положения в Калифорнии Рузвельт направил в Сан-Франциско министра торговли и труда В. Х. Меткафа. Он провел не мало времени в штате и представил президенту обстоятельный доклад об антияпонском движении и о «школьном вопросе». Доклад стал предметом обсуждения как в конгрессе, так и в сенате⁶⁶. Представители западных штатов резко выступили как против Рузвельта, так и против доклада Меткафа.

Т. Рузвельт пригласил калифорнийский школьный совет приехать в Вашингтон⁶⁷. После долгих споров ему удалось получить согласие на отмену антияпонских законов в Калифорнии. Со своей стороны Рузвельт обещал добиться путем дипломатических переговоров с Японией ограничения въезда японцев в страну.

20 февраля 1907 г. конгресс включил в иммиграционный закон пункт, уполномочивающий президента выселять с территории США лиц, имеющих паспорта, выданные каким-либо иностранным правительством и разрешающие им въезд в любую страну, кроме территории США и их островных владений и зоны канала. На основании этой статьи Рузвельт издал специальный закон о запрещении въезда на территорию США японским рабочим из Мексики, Канады и с Гавайев.

Японцы на Гавайях выступили с протестом против этого закона. В телеграмме в министерство иностранных дел они писали: «Японцы, находящиеся на Гавайях, единодушно выступают против решений американского конгресса, запрещающих их эмиграцию в Америку, поскольку это наносит ущерб достоинству империи и японским интересам на Гавайях. Необходимо энергичное дипломатическое вмешательство»⁶⁸.

Но интересы трудящихся-японцев, которые в результате нового закона попали в полную зависимость от американских капиталистов на Гавайях, не могли повлиять на переговоры между Рузвельтом и японским правительством. Переговоры продолжались много месяцев и закончились заключением так называемого «джентльменского соглашения» 1907 г. Это соглашение не было зафиксировано в одном документе, а излагалось в целой серии дипломатических пот⁶⁹. По этому соглашению правительство

⁶⁵ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. V, p. 698—699 (1 июля 1907 г.).

⁶⁶ Пересылая доклад конгрессу, Рузвельт повторил угрозу «употребить всю власть, принадлежащую в пределах конституции федеральному правительству», ... для защиты «личной и имущественной неприкосновенности японцев».

⁶⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1907 г., д. 136 (Розен — Извольскому из Вашингтона, 24 января (6 февраля) 1907 г.).

⁶⁸ «San Francisco Chronicle», 20.II 1907; Th. A. Bailey. Theodore Roosevelt..., p. 181—182.

⁶⁹ Ibid., p. 165—166, 190—191.

США обещало не запрещать въезд в страну японским иммигрантам, снабженным японскими заграничными паспортами. Японское правительство со своей стороны обязалось ограничить число выдаваемых заграничных паспортов и не предоставлять черно-рабочим паспортов на въезд в США. Это обязательство японского правительства было подтверждено соответствующим пунктом в торговом договоре 1911 г. Пункт этот гласил: «Японское правительство решило сохранять прежнюю силу за теми ограничениями и за тем контролем, которые оно за последние три года применяло касательно иммиграции японских рабочих в Соединенные Штаты»⁷⁰.

«Джентльменское соглашение» регулировало взаимоотношения обоих государств в вопросах иммиграции с 1908 по 1924 г.

Демонстрация военно-морского флота США

«Джентльменское соглашение» привело к некоторому смягчению напряженности в отношениях между США и Японией. Однако борьба между двумя агрессорами, соперничавшими за господство в Маньчжурии и на Тихом океане, не улеглась. Она продолжалась с не меньшей интенсивностью. Мероприятия Японии в Маньчжурии по установлению своей монополии вызывали крайнее раздражение монополистов США.

В западных штатах США продолжались антияпонские демонстрации, принимались расовые законы против японцев, китайцев, индийцев. Шовинисты из рядов монополистической буржуазии и рабочей бюрократии стремились разжечь в массах ненависть к «цветным» народам для того, чтобы мобилизовать общественное мнение на поддержку своей программы милитаризации и усиления военно-морского флота. В правящих кругах США рассматривался вопрос о посылке в Тихий океан крупной эскадры из состава Атлантического флота. Теодор Рузвельт хотел показать Японии и другим странам, что США стали тихоокеанской державой, готовой, если это необходимо, силой заставить своих конкурентов признать их империалистические права на Дальнем Востоке. При этом Рузвельт и другие экспансионисты США считали, будто передвижение флота в Тихий океан и отсутствие эскадры в Атлантическом океане приведет к тому, что восточные штаты «энергично будут поддерживать правительство в его намерении заняться постройкой нового флота»⁷¹.

⁷⁰ «Международная летопись», 1925, № 3, стр. 45; A. W. Griswold. The Far Eastern Policy of the United States, p. 354, 358—362.

⁷¹ АВПР, ф. Пресса, 1907 г., д. 463, л. 99. Об этом писала «Морнинг пост», (№ 42200) и другие газеты разных стран. Официально администрация Рузвельта мотивировала перевод флота в воды Тихого океана необходимостью проверить его мореходные, технические и другие качества во время дальнего плавания.

Идея строительства большого флота все время подогревалась Т. Рузвельтом. 26 июля 1907 г. в секретном письме контр-адмиралу У. Х. Броунсону Рузвельт интересовался, нельзя ли ускорить строительство большого флота. Он писал: «Я хотел бы знать, сможем ли мы в случае войны в течение года или 18 месяцев построить военные суда с тем, чтобы, если война продлится столько времени, мы смогли бы заменить суда, которые неизбежно будут нами потеряны...»⁷²

В обращении к конгрессу в декабре 1907 г. он настоятельно ставил вопрос о постройке большого флота. «По моему мнению, — писал он, — мы должны в этом году утвердить постройку четырех судов. Нам необходимы угольные станции... Надо уже построить большое число миноносцев и минных истребителей. Береговые укрепления лучшего типа должны быть построены на Атлантическом и Тихом берегах вблизи наших больших портов... Никогда еще битва не была выиграна парированием нападения. Она может быть выиграна только сильным ударом, и только агрессивный мореходный флот может нанести такой удар»⁷³.

Так была подготовлена почва для отправки американского флота в тихоокеанские воды. 16 декабря 1907 г. эскадра из 16 крупных боевых судов отправилась в кругосветное путешествие. Американская армада, возглавляемая «боевым Бобом», адмиралом Эвансом, появилась в Тихом океане весной 1908 г., совершив плавание вокруг Южной Америки.

Уже в самом начале военно-морской демонстрации вновь распространились провокационные слухи о возможности американо-японской войны. Об этом больше всего писала пресса европейских держав⁷⁴. Из Японии было получено секретное сообщение, в котором говорилось: «Последняя тревога — известие о посылке в Тихий океан американской эскадры в составе 16 судов — всполошила общественное мнение и заставила крайние газеты бить в набат, как перед пожаром. Некоторые из них с гордостью говорят, что по получении этого известия первая практическая японская эскадра с усиленным рвением занялась стрельбой и что в ней «горячо поднялся дух». Более умеренные органы печати старались найти логичные причины для этого передвижения значительной части флота США, они полагали, что еще «преждевременно считать это передвижение демонстрацией против Японии»⁷⁵.

⁷² Th. A. Bailey. Theodore Roosevelt..., p. 247—248 (Рузвельт — Броунсону, 26 июля 1907 г.).

⁷³ ЦГА ВМФ, ф. 417, д. 3146, № 296, л. 66 (Донесение морского агента в США от 5 января (н. ст.) 1908 г.).

⁷⁴ «London Times», 24.XII 1907, 3, 18.I 1908; «New York Times», 19.I 1908, и др.

⁷⁵ АВПР, ф. Японский стол, 1907 г., д. 911, лл. 265—267 (Секретная телеграмма Бахметьева, Токио, 29 июня 1907 г.).

«Джанап тайме» — официоз министерства иностранных дел Японии — писала, что «исторической дружбе между империей и республикой грозит серьезная опасность»⁷⁶.

Стремясь успокоить общественное мнение в США и других странах, Т. Рузвельт выступил с рядом заявлений о мирных целях демонстрации. «Япония знает, что я отношусь к ней дружески и восхищаюсь ею, — писал президент, — она понимает, что мы, как государство, не намерены нападать на нее»⁷⁷.

Только в марте 1908 г. американский морской министр Меткаф заявил о дальнейшем маршруте эскадры. Флот должен был посетить Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айрес, Порт-о-Пренс, Вальпараисо, Лиму и другие порты; на обратном пути — Австралию, Филиппины, Суэцкий канал и т. д.⁷⁸

В Рио-де-Жанейро американская эскадра была встречена правительством Бразилии с энтузиазмом. Специальные выпуски газет описывали прибытие флота и встречу. Многие из них печатались на английском языке. На роскошных банкетах, организованных правящими классами Бразилии, принимались руководители американского флота. Рузвельт и президент Бразилии обменялись дружественными приветствиями. Визит флота Соединенных Штатов Америки был использован для расширения контактов и усиления экономических связей между двумя странами⁷⁹.

Примеру Бразилии последовали Чили и Перу. Правительственные круги не пожалели средств, и в портах этих стран были организованы встречи флота. Хотя «восторженные» приемы в честь флота США радовали Т. Рузвельта, он ни на минуту не забывал о главном — о необходимости использовать военно-морскую демонстрацию для оказания давления на Японию, а также и на своих фрондирующих конгрессменов и сенаторов, сторонников малой программы морских вооружений, выступавших против строительства флота двух океанов «для ведения войны вне Американского континента»⁸⁰.

Больше всего Т. Рузвельт интересовался состоянием флота в Японии. Сведения по этому вопросу он получал по разным каналам. Узнав о том, что в Англии строятся три военных судна для Бразилии, Рузвельт заподозрил, что они предназначены для Японии. Он поэтому запросил статс-секретаря Рута о возмож-

⁷⁶ АВПР, ф. Японский стол, 1907 г., д. 911 (Бахметьев — Извольскому, 29 июня 1907 г.).

⁷⁷ Th. A. Bailey. Theodore Roosevelt..., p. 261—262.

⁷⁸ Подробности о плавании флота см. «The New Herald», 24.III 1908, 22.X 1908; ЦГА ВМФ, ф. 418, 1908 г., д. 4088, № 525, лл. 12—20 (Донесение Небольсина, 12 (25) октября 1908 г.).

⁷⁹ «New York Times», 13, 14, 16.I 1908.

⁸⁰ H. Sprout and M. Sprout. The Rise of American Naval Power (1776—1918). Princeton, 1946, p. 265.

пости договориться с правительством Бразилии по этому вопросу⁸¹.

Из Германии американский посол Тоуэр сообщал о беседах с Бюловым, который, опираясь на донесения из Японии, говорил о воинственных настроениях населения Японии. Однако Бюлов считал, что правительственные круги Японии «не намерены воевать». Эту позицию Японии Бюлов объяснял не дружественным отношением к США, а финансовыми трудностями, возникшими после русско-японской войны.

Штернбург, ссылаясь на донесения германского военного атташе в Пекине, писал Рузвельту, что Япония не намерена воевать с США. Об этом же писал Брайс, посол Англии в США. В беседе с Такахира, новым послом Японии в США, Брайс интересовался его мнением по вопросу об американо-японских отношениях. Такахира считал, что шовинистические статьи в прессе Японии спровоцированы элементами, заинтересованными в ослаблении англо-японского союза; в США же разговор об «опасности войны» можно объяснить стремлением экспансионистов добиться строительства большого военного флота⁸².

Между тем американская эскадра продолжала плавание: 12 марта 1908 г. она бросила якорь в заливе Магдалена (южная Калифорния) и, получив разрешение мексиканского правительства, провела маневры. Пройден был большой путь. Адмирал Эванс сообщил, что флот находится в хорошем состоянии. Пресса США восторженно писала о большом навигационном подвиге эскадры. И европейская буржуазная пресса, и морские специалисты, бдительно следившие и изучавшие поход, также высоко оценивали достижения американского военно-морского флота⁸³.

Из залива Магдалена флот отбыл 11 апреля. Он посетил Сан-Франциско, Гавайские острова, а затем Новую Зеландию и Австралию. Адмирала Эванса в связи с плохим состоянием здоровья заменил адмирал Спери. Милитаристы Новой Зеландии и Австралии устроили флоту восторженную встречу. Буржуазная пресса этих стран использовала события для антияпонской пропаганды. Прием в Австралии оказался настолько роскошным, что отдельные газеты даже писали об ослаблении связи между Австралией и метрополией⁸⁴.

Из Австралии эскадра отплыла к Филиппинам, а затем в Иокогаму. Политические и общественные деятели Японии бдительно следили за продвижением американского флота. Они проявили большую сдержанность, политический и дипломатиче-

⁸¹ Th. A. Bailey. Theodore Roosevelt..., p. 267 (Рузвельт — Руту, 15 февраля 1908 г.).

⁸² British Documents..., Vol. VIII, p. 455, 459.

⁸³ «London Times», 9.III 1908; «Spectator», August 15, 1908, p. 218; «Review of Reviews», April 1908, p. 402.

⁸⁴ «London Times», 10, 11.VIII, 5, 8.IX 1908.

ский такт. Еще 18 марта 1908 г. барон Такахира передал государственному департаменту США официальную просьбу своего правительства, приглашавшего американскую эскадру посетить Японию. Приглашение, понятно, было принято, а пресса обеих стран благожелательно оценила создавшееся положение.

18 октября 1908 г. американский флот прибыл в Иокогаму и был встречен лучшими японскими боевыми судами. О приеме, оказанном японскими милитаристами, Рузвельт писал как «о самом замечательном событии рейса...»⁸⁵

Тысячи японских детей, изучавших национальные песни США, были мобилизованы для встречи эскадры. Морской агент России в Японии Воскресенский сообщал в морской генеральный штаб: «Прием был объявлен национальным, и в нем должно было принимать участие все население столицы Иокогамы и прилежащих мест. Как правительство, городские управления, так и отдельные лица и учреждения распределили между собой обязанности хозяев. Все возможные и обычные в Японии развлечения были сосредоточены на флотскую неделю. Приемы, обеды, игры и т. п. Декорации улиц и зданий, особые поезда, специальные приставы, киоски, тысячные процессии по городу — все это шло непрерывной лентой. По подсчетам знающих лиц, на прием американского флота со стороны правительства и частных лиц было потрачено до 1 млн. иен»⁸⁶.

Император Японии и президент Рузвельт обменялись приветственными телеграммами.

25 октября 1908 г. американский флот отплыл из Японии. Часть армады вернулась в Манилу для проведения маневров. Другая часть, состоявшая из восьми броненосных судов, отправилась в Амой, эскортируемая тремя китайскими крейсерами. В Амою эскадра была встречена с большим радушием⁸⁷. Китайские правительственные круги еще находились под впечатлением решения американского правительства отказаться от значительной части военного вознаграждения за «ущерб», причиненный США во время движения «И хэ туань». Как известно, США не менее других империалистических держав свирепствовали во время объединенной кампании по подавлению «боксерского» восстания. Им полагалась грабительская сумма контрибуции в 25 млн. долл. Стремясь создать себе агентуру внутри Китая среди «образованных людей» и одновременно выступить в качестве «друга» китайского народа, правительство США в 1908 г. приняло решение

⁸⁵ Th. Roosevelt. An Autobiography, p. 568.

⁸⁶ ЦГА ВМФ, ф. 418, 1908 г., д. 4474, лл. 9—17 (Рапорт Воскресенского 14 (27) октября 1908 г. в морской генеральный штаб).

⁸⁷ ЦГА ВМФ, ф. 418, 1908 г., д. 3871, № 98 (Секретное донесение Коростовца, Пекин, 30 октября 1908 г.); см. также АВПр, ф. Китайский стол, 1908 г., д. 129, лл. 471—473 (Секретное донесение Коростовца Извольскому, Пекин, 30 октября 1908 г.).

сократить сумму контрибуции, которую Китай должен был платить США, до 10 785 286 долл. Эта сумма должна была быть переведена китайским правительством в специальный фонд для китайских студентов как в Китае, так и в США. «Это было ловким приемом, которым американские агрессоры рассчитывали сразу «убить двух зайцев»... В то время как другие империалистические державы упорствовали в своем желании получить сполна контрибуции с Китая, американцы за те же самые китайские деньги занимались обучением и воспитанием китайской молодежи в духе покорности и послушания Соединенным Штатам»⁸⁸.

Понятно, «недавний отказ Америки от значительной части военного вознаграждения за волнения 1900 г., — доносил Покотилов, — должен был создать по крайней мере на время особое положение для Америки на Дальнем Востоке. Наиболее вероятно, что американцы используют это положение, дабы показать себя перед китайцами защитниками их прав против посягательств иностранцев...»⁸⁹

Все возможное было сделано китайским правительством, чтобы придать прему американской эскадры «характер искренности и великолетия...» Оно ассигновало 40 тыс. таэлей для организации встреч и банкетов с американскими морскими офицерами. Шанхайская торговая палата приняла решение о специальном приглашении представителей американских деловых сфер в Китай для ознакомления с китайским рынком с целью развития торговли с США⁹⁰. Приглашение представителей американских торгово-промышленных кругов, находившихся в то время в Японии, последовало после большой предварительной работы, проделанной генеральным консулом США в Шанхае, «лично заинтересованным в развитии американской торговли»⁹¹.

На обратном пути американский флот прошел также через Коломбо, Суэцкий канал, Гибралтар, посетил Мессину (Сицилия) и т. д. Во время своего похода американский флот занимался также разведывательной деятельностью в странах Тихого океана, в том числе и на многочисленных островах. 22 февраля 1909 г. после плавания, продолжавшегося 15 месяцев, флот вернулся в Хэмптон Родс⁹².

Несмотря на то, что Рузвельту удалось во время своей администрации увеличить флот почти вдвое, он продолжал настаивать

⁸⁸ Лю Да-нянь. История американской агрессии в Китае. М., 1951, стр. 55.

⁸⁹ АВПР, ф. Китайский стол, 1908 г., д. 129, лл. 82—83 (Покотилов — Извольскому, Пекин, 31 января 1908 г.).

⁹⁰ АВПР, ф. Китайский стол, 1908 г., д. 129, лл. 471—473 (Коростовец — Извольскому, Пекин, 30 октября 1908 г.).

⁹¹ Там же.

⁹² ЦГА ВМФ, ф. 418, 1909 г., д. 4088, лл. 52—54 (Донесение Небольсина из Вашингтона, 4 (17) февраля 1909 г.); Th. A. Bailey. Theodore Roosevelt..., p. 294—295.

на строительстве новых четырех броненосных судов. Однако как в конгрессе, так и в сенате он не нашел достаточной поддержки. Обе палаты конгресса утвердили программу строительства двух военных кораблей, ассигновав для этого необходимые средства ⁹³.

Каковы же были результаты военно-морской демонстрации? Прежде всего надо признать, что американский флот добился ряда технических усовершенствований и поднятия дисциплины; были изучены военные и стратегические возможности тихоокеанских стран и многочисленных островов. Американский флот, занимавший в то время второе после Англии место ⁹⁴, демонстрировал свою боевую мощь, желая оказать влияние не только на Японию, но и на другие страны Тихого океана. После возвращения флота, подчеркивая значение Тихого океана для экспансии США, Рузвельт заявил: «После этого никто не забудет, что побережье Америки находится не только на Атлантическом, но и на Тихом океане» ⁹⁵.

Посещение флотом Гавайских островов и Филиппин свидетельствовало, что США намерены были усилить колониальный контроль над этими странами, строить необходимые морские порты и гавани, используя их для расширения своей экспансии в другие районы Тихого океана. Характерно, что Рузвельт, считавший захват Панамы и военно-морскую демонстрацию 1908 г. своими крупнейшими достижениями, все же не отрицал, что последняя является составной частью политики «большой дубинки». Он писал: «Недавнее кругосветное плавание нашего флота было не первым случаем, когда я употребил ее (большую дубинку. — Л. З.) для быстрого восстановления мирных отношений между нашей страной и другим государством. Но, конечно, одним из условий такого ее применения является то, что ей сопутствуют вежливость и дружелюбие, проявленные вполне искренне, так как я верю в такую внешнюю политику, когда говорят ласково, а в руках держат большую дубинку» ⁹⁶.

Дипломатическая миссия Тафта. Соглашение Рута—Такахира

«Большая дубинка» применялась Рузвельтом не только в отношении колониальных и зависимых народов, но и к таким странам, как Япония во время обострения антагонизма. Президент

⁹³ Th. A. Bailey. Theodore Roosevelt, p. 296.

⁹⁴ Соотношение военно-морских сил было: Англия — 1 633 116 т, США — 611 616, Франция — 609 079, Германия — 529 032, Япония — 374 701 т (см. Senate Documents, N 100, 60th Congress, 1st Session, p. 587—588; Th. A. Bailey. Theodore Roosevelt..., p. 262).

⁹⁵ «New York Times», 23.II 1909.

⁹⁶ The Letters of Theodore Roosevelt, Vol. VI, p. 1410 (Рузвельт — Уайтлоу Риду, 4 декабря 1908 г.).

сочетал демонстрацию силы с дипломатическими методами борьбы. Еще 13 августа 1907 г. на конференции в Ойстербее (резиденция Рузвельта) при участии Т. Рузвельта и Тафта было решено использовать поездку Тафта на Филиппины для посещения Японии. Ему поручалось обсудить с политическими деятелями Японии все наиболее важные вопросы, подготовить необходимые условия для заключения конвенции, которая исключила бы возможность японской иммиграции в США. В качестве уступки выдвигалось предложение о возможности для японцев, живущих в США, принять американское гражданство.

Тафт посетил Филиппины, где состоялись выборы в национальное собрание. «Жители архипелага, — сообщал царский посол Розен, — отнеслись к выборам с чрезвычайной апатией, и в них приняли участие менее чем 2 процента населения. Победа оказалась на стороне партии националистов, требующих для Филиппин немедленной и полной независимости»⁹⁷. Партия эта («Партидо насьоналиста») возникла накануне выборов. Ее основное требование «немедленной и полной независимости» вовсе не означало применение революционных форм и методов борьбы. Партия исключала эти методы, доказывая необходимость использования только легальных парламентских форм. «Тем не менее лозунг — полная независимость, — пишет А. А. Губер, — обеспечил национальной партии широкую популярность»⁹⁸.

Как выборы 1907 г., так и деятельность избранной в 1907 г. Филиппинской ассамблеи помогли США в утверждении колониального режима и в превращении Филиппин в придаток американского империализма. Опорой для американских колонизаторов служила буржуазно-помещичья верхушка филиппинского общества, интересы которой все более тесно связывались с американским монополистическим капиталом.

28 сентября 1907 г. Тафт прибыл в Японию. Еще в 1905 г. он активно содействовал заключению соглашения с Кацура. Поэтому, по мнению посла России Бахметьева, он приобрел славу «самого искреннего и преданного друга Японии». Он был встречен с большим энтузиазмом. «Японцы, — писал Бахметьев, — устроили большой прием. Газеты были переполнены хвалебными статьями «будущему президенту» с выражением надежд, что его посещение рассеет ошибочные взгляды американцев на положение, будто бы принятое Японией по отношению к калифорнийскому вопросу, и во всех них, за редким исключением, выражается уверенность на мирное улажение дела и на избежание столкновения, сваливая все вызовы и подстрекательства на часть американской пе-

⁹⁷ АВПР. ф. Канцелярия, 1907 г., д. 136, № 44 (Розен — Извольскому, Магния, 17 (30) августа 1907 г.).

⁹⁸ А. А. Губер. Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм, стр. 427.

чати и общественного мнения и настаивая на миролюбии Японии и на ее уверенности в окончательном удовлетворении ее справедливых требований»⁹⁹.

Тафт считал, что Япония «не намерена воевать с США, по крайней мере в течение ближайших 3—4 лет»¹⁰⁰. В беседах с журналистами он больше говорил о необходимости расширения торговых отношений в районах Тихого океана. Его встреча с министром иностранных дел Японии Хаяси протекала в дружественной обстановке. На вопрос министра, насколько реальны слухи о том, что США готовы продать Филиппинские острова, Тафт заявил, что нет «ни малейшего основания верить этим «диким слухам»». Он также напомнил Хаяси, что в 1905 г. Канцлера убедил его, что Япония «не стремится завладеть Филиппинами, но хочет, чтобы США удержали их и установили там устойчивую администрацию»¹⁰¹. Хаяси заявил, что и сейчас Япония придерживается той же точки зрения, она только опасается, что США могут продать их какому-либо европейскому государству.

Вечером 28 сентября Тафт беседовал с графом Танака. Он заверил графа в том, что в калифорнийском вопросе вина за создавшееся напряженное положение падает на американскую желтую прессу; правительственные же круги США по-прежнему относятся к Японии дружелюбно.

При второй беседе с Хаяси 30 сентября вновь всплыл вопрос об иммиграции. Тафт заявил, что только соглашение о взаимном исключении иммиграции является решением возникших трудностей, что японцам, живущим в США, будет предоставлено право стать американскими гражданами. Такое разрешение конфликта не удовлетворило Хаяси. Он утверждал, что если взаимное исключение кажется со стороны «справедливым», фактически оно таким не является, поскольку американские рабочие не едут в Японию. Поэтому, хотя право получения американского гражданства будет воспринято Японией как дружественная уступка, оно не является «компенсацией за взаимное исключение»¹⁰².

30 декабря Тафт выступил с речью в торговой палате Токио. Он заверил представителей палаты, что правительство США питает дружественные в отношении Японии чувства, что война между Японией и США была бы преступлением против цивилизации. Ее не хотят народы Америки и Японии. Он восхвалял колониальную политику Японии в Корее. Вновь затронув вопрос о Филиппинах, Тафт квалифицировал слухи об их продаже как абсурдные. Опытный колонизатор и бывший губернатор Филип-

⁹⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1907 г., д. 127, № 86 (Секретная депеша Бахметьева, Токио, 20 сентября 1907 г.).

¹⁰⁰ R. E. Minger. Taft's Mission to Japan: A Study of Personal Diplomacy. — «The Pacific Historical Review», August, 1961, p. 286.

¹⁰¹ Ibidem.

¹⁰² Ibid., p. 288.

пин, Тафт утверждал, что США должны выполнить свои «обязательства» в отношении народов архипелага.

И в дальнейших встречах Тафта с Хаяси, премьер-министром Сайондзи и с императором Японии были затронуты те же вопросы, в частности о проблеме Филиппин. Политические деятели Японии заявляли о своей неизменной политике в отношении Филиппин.

Дипломатическая поездка Тафта в Японию подготовила почву для заключения «джентльменского соглашения» по вопросам иммиграции и общего американо-японского соглашения по всем тихоокеанским проблемам. Поездка мукденского губернатора Тан Шао-и в Вашингтон вызвала беспокойство как в правительственных кругах России, так и Японии. Царские дипломаты в Пекине, Вашингтоне и Токио опасались сближения Китая с США, считая, что оно может отрицательно сказаться на политике в отношении Маньчжурии. Японские политические деятели были не менее встревожены миссией Тана и перспективой американо-китайского альянса. Они поэтому приложили не мало усилий, чтобы опередить Тана и добиться договора с США и закончить таким образом свою серию соглашений с западными державами для завоевания еще больших возможностей беспрятственно эксплуатировать Китай.

Еще во второй половине 1907 г. японский посол в Вашингтоне Аоки начал переговоры с государственными деятелями США о заключении договора с целью разрешения всех спорных вопросов между Японией и США в Китае и в других районах Тихого океана. Инициатива Аоки встретила сочувствие в правительственных кругах США. Рузвельт и статс-секретарь Э. Рут готовы были вести переговоры по всем этим вопросам. Однако обострившиеся японо-американские отношения в связи с иммиграционным вопросом и военно-морская демонстрация помешали тогда возникшим переговорам. Японское правительство вскоре отозвало Аоки. В октябре 1908 г. новый посол Японии Такахира начал переговоры с государственным департаментом США о заключении общего договора, гарантирующего политику «открытых дверей» на Дальнем Востоке¹⁰³. Администрация Рузвельта охотно согласилась на обмен нот. 30 ноября 1908 г. состоялся обмен нотами по вопросу о Тихом океане и о Китае, известными как соглашение Рута — Такахира. Обе договаривавшиеся державы полностью игнорировали Китай. Они обязались: 1) поддерживать статус-кво на Тихом океане; 2) уважать территориальные владения обеих стран в этом районе; 3) поддерживать политику «открытых дверей» в Китае; 4) поддерживать при помощи мирных средств «независимость и целостность Китая»; 5) вступить в сношения друг

¹⁰³ АВПр, ф. Канцелярия, 1909 г., д. 138 (Розен — Извольскому, 3 (16) февраля 1909 г.).

с другом с целью достигнуть соглашения о мерах, необходимых в случае угрозы статус-кво или принципу равных возможностей¹⁰⁴.

Соглашение Рута — Такахира имело важное политическое значение. США стремились к безраздельному господству в Китае, но они не располагали в то время достаточной военной силой, чтобы заставить Японию отказаться от завоевательных планов. Япония после войны также была ослаблена и не могла задержать рост военно-морского флота США и приостановить их экономическую экспансию. Обе державы, одинаково заинтересованные в порабощении народов Китая и Кореи, стремились к заключению временного перемирия на базе признания ранее сделанных захватов. США и Япония по существу заявили о том, что отныне охрана вод Тихого океана является компетенцией только этих двух государств, и в случае попыток со стороны третьей державы нарушить статус-кво на Тихом океане они примут все меры, которые сочтут необходимыми. Раздел «сфер влияния» на Тихом океане между США и милитаристской Японией только подтверждал, что между ними существовали острые противоречия, которые неизбежно должны были в дальнейшем привести к войне.

В вопросе о Китае США пошли на явные уступки и на дальнейшее поощрение японских захватов. Хотя в соглашении имеется пункт о признании «открытых дверей», другой пункт говорил о том, что обе договаривающиеся стороны обязуются охранять в Китае интересы всех держав и поддерживать его независимость мирными средствами. По существу это означало, что США признавали все захваты Японии в Китае, совершенные ею как до, так и после русско-японской войны¹⁰⁵.

Такое признание со стороны США не могло не поощрять Японию к новым захватам в Китае и Корее. Прав американский историк Гризвольд, когда пишет, что соглашение Рута — Такахира означало признание захватов Японии. «Под статус-кво подразумевались не только права на важные железные дороги, на эксплуатацию минеральных богатств, арендные права и привилегии в Маньчжурии, перешедшие от России к Японии по Портсмутскому договору, но также признание передачи этих прав Китаем путем заключения особого японо-китайского договора 1905 г.; дальнейшее признание особых интересов Японии в Маньчжурии, закрепленное франко-японским и русско-японским до-

¹⁰⁴ Foreign Relations, 1908, p. 510, 511—512; АВПР, ф. Канцелярия, 1908 г., д. 132, лл. 254—256 (Донесение Малевского-Малевица от 14 ноября 1908 г.); ЦГА ВМФ, ф. 418, д. 2905, лл. 4—5; H. C. Croly. Willard Straight. New York, 1924, p. 274; S. F. Bemis. A Diplomatic History of the United States, p. 495—496.

¹⁰⁵ В соглашении нигде не упоминалось о сохранении территориальной целостности Китая. Такой пункт не был включен, несмотря на то, что Рут сделал такое предложение.

говорами 1907 г., и, наконец, признание принципа, утверждающего, что территориальная близость Японии обуславливает ее специальные интересы, которые были зафиксированы в англо-японском союзном договоре 1905 г.»¹⁰⁶.

США и Япония, стремясь укрепить свои позиции на Дальнем Востоке, полностью игнорировали волю китайского народа. Обе державы считали Китай неспособным к самостоятельному государствованию. Фразы о «независимости» и «территориальной целостности» никого обмануть не могли. При распределении «сфер влияния» в районе Тихого океана, и в первую очередь в Китае, политические деятели США и Японии смотрели на Китай как на географическое понятие. Недаром Коростовец писал из Пекина: «Если Китай не выступит с открытым протестом против проектируемого соглашения, последнее, несомненно, вызовет здесь раздражение. Также китайцы не могут не обратить внимание на предполагаемое разделение владычества на Тихом океане, который должен считаться сферой влияния Китая хотя бы в той же мере, как Японии и Америки. Поддержание неприкосновенности и статус-кво, помимо участия самого суверенного государства, является обидным для просыпающегося национального самосознания и будет, вероятно, опротестовано, как и при прежних политических соглашениях»¹⁰⁷.

В правительственных кругах Японии прекрасно понимали значение нового соглашения с США и не скрывали, что оно возбуждает недовольство в Китае. Американский посланник в Китае неоднократно отмечал, что соглашение Рута — Такахира заключено в Вашингтоне «без предварительного его о том уведомления, причем Китай также не был предупрежден о сделанном шаге»¹⁰⁸.

Японский посол в Пекине считал, что «соглашение должно возбудить неудовольствие Китая хотя бы потому, что затрагивает национальное самолюбие»¹⁰⁹.

В правительственных кругах России также оценили первостепенную политическую важность нового соглашения. Высказывались опасения, что соглашение Рута — Такахира, укрепив позиции Японии, развяжет ей руки против России. Ряд послов даже ставили вопрос о целесообразности для России присоединиться к соглашению. Так, русский посол в Японии запрашивал, «следует ли России присоединиться к японо-американскому соглашению... Сделать при таких условиях США участником в том поручительстве, которое мы выговорили себе от Японии в 1907 г.,

¹⁰⁶ A. W. Griswold. Op. cit., p. 130.

¹⁰⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1908 г., д. 109 (Телеграмма Коростовца, Пекин, 17 (30) ноября 1908 г.).

¹⁰⁸ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1908 г., д. 1254, лл. 18—19 (Донесения Коростовца из Пекина от 24 ноября 1908 г.).

¹⁰⁹ Там же.

значит приобрести двойную гарантию неприкосновенности наших владений на побережье и в водах Тихого океана»¹¹⁰.

Однако Коростовец высказал сомнение по поводу целесообразности присоединения России к соглашению, «считая, что китайцы истолкуют делаемый шаг в смысле нового сближения России с Японией и совместных противных действий»¹¹¹.

Французский посол в Токио, содействовавший заключению договоров в 1907 г. между Японией и Францией, Японией и Россией, считал, что соглашение Рута — Такахира было последним в серии договоров, регулировавших отношения держав к Китаю.

Посол Великобритании доносил Грею из Петербурга, что новое соглашение вполне гармонирует с другими договорами 1907 г. и является дополнительной гарантией мирных отношений на Дальнем Востоке¹¹². В связи с этим Никольсон считал, что в правительственных кругах Петербурга оно произвело благоприятное впечатление.

В Германии соглашение Рута — Такахира рассматривалось как продолжение подписанного еще в 1905 г. меморандума Тафта — Кацура. Провал миссии Тан Шао-и, выступавшего за сближение Китая с США и с Германией, вызвал у кайзера горькое разочарование¹¹³.

Британское мнение было выражено Эдуардом Греем в беседе с американским послом в Лондоне и в переписке с Брайсом. Грей писал: «Если бы несколько дней назад меня спросили, какое соглашение между двумя странами я считаю наилучшим, я бы предложил соглашение, подобное тому, которое заключено между США и Японией. Мы его полностью одобряем»¹¹⁴.

Таким образом, государственные деятели империалистических стран поддерживали политику как Японии, так и США. Они по думали считаться с Китаем и его коренными интересами. Меньше всего с Китаем считались США. Рузвельт был заинтересован покончить с американо-японским конфликтом. Его абсолютно не тревожил Китай, который он рассматривал как разменную монету в политической игре на Дальнем Востоке. В 1910 г. по просьбе Тафта Рузвельт изложил свои взгляды по вопросам Тихого океана. Он писал: «Мы крайне заинтересованы в том, чтобы не допускать японцев в нашу страну и в то же время сохранить с Японией дружеские отношения. Японцы жизненно заинтересованы в Маньчжу-

¹¹⁰ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, д. 254, лл. 10—12 (Приложение соглашение Рута — Такахира, 17 (30) ноября 1908 г.).

¹¹¹ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1908 г., д. 254, лл. 18—19 (Донесение Коростовца из Пекина, 24 ноября 1908 г.).

¹¹² British Documents, Vol. VIII, № 360, p. 463 (Никольсон — Грею, Петербург, 3 декабря 1908 г.).

¹¹³ «G. P.», Bd. XXV, Hf. I, S. 97, N 8565.

¹¹⁴ British Documents, Vol. VIII, N 364, p. 465—466 (Грей — Брайсу, 4 декабря 1908 г.).

рии и Корею. Потому нам особенно важно не принимать в отношении Маньчжурии никаких шагов, которые, обоснованно или необоснованно, могут создать у японцев впечатление, что мы относимся к ним враждебно или хотя бы в малейшей степени угрожаем их интересам. Союз с Китаем, абсолютно беспомощным в военном отношении, являлся бы не усилением нашей мощи, а дополнительным бременем для нас. . . Я считаю, что мы должны занимать ту или иную позицию только в том случае, если она приносит успех. Что же касается Маньчжурии, то если Япония захочет следовать неблагоприятному для нас курсу, мы не можем ей помешать, поскольку мы не готовы идти на войну; а чтобы быть успешной, война за Маньчжурию потребует такого же хорошего флота, каким владеет Англия, и такой же сильной армии, как германская» ¹¹⁵.

Итак, соглашение Рута — Такахира означало, что, несмотря на углубление японо-американских противоречий, США продолжали политику поощрения и умиротворения Японии. Предоставив Японии свободу рук в Китае и добившись признания статус-кво на Тихом океане, США надеялись использовать всю экономическую мощь для проведения своих планов на Дальнем Востоке. В то же время они продолжали милитаризацию страны, чтобы в выгодный для них момент политику выжидания и умиротворения заменить политикой открытой агрессии.

Новая попытка США добиться концессий в Китае

Соглашение Рута — Такахира произвело удручающее впечатление на Уилларда Стрэйта, генерального консула США в Мукдене. В течение 1906—1908 гг. Стрэйт развил бешеную энергию, пытаясь всеми мерами привлечь внимание американских монополий к богатствам Маньчжурии. Он считал, что только путем внедрения американского и английского капиталов в Маньчжурию, предоставления займов Китаю и выкупа или нейтрализации маньчжурских железных дорог можно будет приостановить экспансию Японии и превращение Южной Маньчжурии во вторую Корею. Стрэйт превратил генеральное консульство в Мукдене в своеобразную посредническую контору для привлечения внимания американских промышленников и банкиров к богатствам Китая. Консульство изучало не только районы Маньчжурии, но и другие провинции Китая. Его бюллетени рассылались во все крупные монополистические организации США. Тесную связь Стрэйт поддерживал с Гарриманом, с которым сблизился еще в 1905—1906 гг. И даже после провала плана Гарримана Стрэйт

¹¹⁵ A. W. Griswold. Op. cit., p. 131—132 (Рузвельт — Тафту, 22 декабря 1910 г.).

не переставал верить в возможность его реализации в ближайшем будущем.

Для противодействия японской пропагандистской машине Стрэйт организовал издание специальной газеты, во главе которой был поставлен один из его друзей и единомышленников, Джордж Марвин. Во время поездки Тафта по Дальнему Востоку Стрэйт добился встречи с ним, сопровождал от Владивостока до Харбина, пытаясь привлечь его внимание к маньчжурским делам. В пространном документе, представленном Тафту, Стрэйт осуждал агрессивные действия японского империализма в Маньчжурии и доказывал, что Япония, заняв господствующее положение в Маньчжурии, фактически станет хозяйном Китайской империи. Только наступление американского капитала в Маньчжурии может приостановить дальнейшее развитие вредной для интересов США экспансии японского империализма в Китае.

Стрэйт также установил сотрудничество с губернатором Маньчжурии Тан Шао-и, тесно связанным с Юань Ши-каем. Еще в 1907 г. ему удалось наладить с китайскими властями Маньчжурии успешные переговоры о привлечении американских капиталов для развития естественных богатств Маньчжурии. Бесспорно, власти Китая проявляли большую заинтересованность в привлечении как американского, так и английского капитала для противодействия агрессивным планам японских экспансионистов. Такой курс китайских властей был продиктован не только экономическими, но и политическими соображениями. Стрэйту удалось договориться с Тан Шао-и о создании на американские средства Маньчжурского банка с капиталом в 20 млн. долл. Перед банком стояли задачи: стабилизации маньчжурского денежного обращения, развития железнодорожных и промышленных предприятий и постройки дороги от Синьминьтуня до Айгуна. Эта дорога, как предполагалось, должна была войти в состав гарримановской кругосветной сети. Маньчжурскому банку, организованному при помощи американского капитала, в дальнейшем поручалась роль фискального агента, провинциальной администрации для проведения всех основных промышленных и финансовых операций. Развитие Маньчжурии Стрэйт считал только звеном в более крупном плане внедрения американского капитала в Китай. Об этом плане он писал: «Колоссальные возможности. Если этот проект будет принят, мы будем играть главную роль в развитии Маньчжурии. Наше влияние в Китае необычайно возрастет»¹¹⁶.

Стрэйт считал, что главными инвесторами в Маньчжурском банке должны быть Гарриман и связанные с ним банковские предприятия «Кун, Леб энд К^о». Осенью 1907 г. он написал Гарриману о своем плане. При этом Стрэйт доказывал, что участие американского капитала в Маньчжурском банке приведет не

¹¹⁶ H. Croly. Op. cit., p. 241.

только к освоению богатств Маньчжурии, но откроет для американских монополистов огромные возможности эксплуатации всего Китая¹¹⁷. Однако начавшийся в то время кризис в США привел к тому, что Гарриман не реагировал положительно на предложения Стрэйта. Он ссылаясь на невозможность в условиях кризиса создать банковскую группу для финансирования маньчжурского плана¹¹⁸.

Это вовсе не означало, что Гарриман отказался от реализации своего плана. Он только выжидал более благоприятной конъюнктуры, чтобы вновь поднять вопрос о строительстве кругосветного железнодорожно-водного пути. Да и сам Стрэйт решил не складывать оружия, даже тогда, когда соглашение Рута — Такахира, казалось, подорвало всякую возможность реализации плана Стрэйта — Тан Шао-и.

Еще до отъезда в США Тан Шао-и заключил соглашение с английской фирмой «Паулинг энд К^о» о постройке небольшой ветки от Цицикара до Синьминьтуня. Стрэйт знал об этих планах и считал, что американские капиталисты должны войти в кооперацию с английской компанией. Он надеялся не только привлечь английский капитал в Маньчжурию, но и расширить в дальнейшем планы железнодорожного строительства с тем, чтобы установить прямую связь от Печилийского залива до Амура¹¹⁹.

Однако и это соглашение скоро потерпело полный крах. Японцы неоднократно заявляли правительству Китая решительный протест против соглашения с английской компанией, ссылаясь на то, что он противоречит секретной статье договора от 22 декабря 1905 г., воспрещающей Китаю строить дороги, конкурирующие с Южно-Маньчжурской железной дорогой. Под нажимом Японии Китай вынужден был отказаться от этого плана¹²⁰. Японии также удалось добиться отказа Англии от поддержки «Паулинг энд К^о»¹²¹.

Между тем экономическое положение США вскоре улучшилось. Закончились финансовые затруднения. Стрэйт продолжал свою агитацию по вовлечению американских монополистов в маньчжурские дела. Вскоре и сам Гарриман начал действовать. Он просил государственный департамент США отозвать Стрэйта в Вашингтон в качестве эксперта по дальневосточным делам. Просьба Гарримана была удовлетворена¹²².

¹¹⁷ Ch. Vevier. Op. cit., p. 70—71.

¹¹⁸ G. Kennan. Op. cit., Vol. II, p. 25.

¹¹⁹ Ibid., p. 26.

¹²⁰ P. H. Clyde. Op. cit., p. 180—181. В сентябре 1909 г. было заключено японо-китайское соглашение, по которому Китай дал обязательство не строить этой дороги без предварительного согласия Японии.

¹²¹ АВПР, ф. Китайский стол, 1908 г., д. 129 (Покотилов — Извольскому, 3 января 1903 г.); Th. F. Millard. Our Eastern Question, p. 8.

¹²² G. Kennan. Op. cit., Vol. II, p. 26.

Наилучшим консультантом по всем этим вопросам, вызвавшим большой интерес среди финансистов и в государственном департаменте, мог быть Уиллард Стрэйт. Вернувшись в Вашингтон, он вскоре стал руководителем дальневосточного отдела государственного департамента. Много труда приложил Стрэйт, чтобы помочь Тан Шао-и связаться как с руководителями американской дипломатии, так и с представителями делового мира, в особенности с Гарриманом и связанной с ним группой банкиров. Больше всего Стрэйт занимался вопросом о предоставлении необходимых Китаю займов. Уже в то время он считал, что лучше всего было бы создать консорциум при участии не только американских, но и британских, французских и немецких банков для реализации всех займовых и других операций в Китае. Так возникла идея о банковском консорциуме и о «нейтрализации» железных дорог Маньчжурии¹²³.

Предложение об общем займе нашло сочувственный отклик среди руководителей государственного департамента. В переговорах с Рутон Тан Шао-и ссылался на американо-китайский договор 1903 г. и на англо-китайское соглашение 1902 г. Китай, как сообщал Тан, согласен отменить лишки, увеличить таможенные пошлины, пересмотреть законодательство по вопросам горных богатств, провести фискальную реформу и установить золотую валюту. Китай нуждается в займе в размере от 200 до 300 млн. долл. Такой заем плюс доходы от таможен дадут возможность Китаю провести все необходимые реформы¹²⁴.

Стрэйту удалось связать Тана с Гарриманом, Отто Каном, Якобом Шиффом и другими крупными банкирами США. Они благоприятно отнеслись как к вопросу о займе, так и к проблеме создания Маньчжурского банка. Однако как раз, когда казалось, что Тан добился успеха, в Китае произошли серьезные события. 14 ноября скончался император Гуансюй. Императрица Цыси назначила императором Китая двухлетнего Пу И, сына принца Чуня. 15 ноября скончалась Цыси. Регентом стал принц Чунь, брат покойного императора, снявший с ответственных постов многих крупных чиновников с целью усиления власти наиболее реакционных элементов, представителей маньчжурской династии. От власти был также отстранен и Юань Ши-кай, поддерживавший планы Тана. Вскоре Тан, лишившись полномочий, был отозван.

Так закончилась миссия Тан Шао-и. Было бы неверно считать ее полным провалом. План Стрэйта и переговоры Тана с промышленными и банковскими кругами США и его связи с руководством государственного департамента проложили путь для дальнейшей экспансии монополистов США в Маньчжурии и Китае. Более чем когда-либо раньше американские дипломаты, промышленники,

¹²³ Ch. Vevier. Op. cit., p. 77—78.

¹²⁴ H. Croly. Op. cit., p. 277.

банкиры и другие экспансионисты проявляли интерес к дальневосточным рынкам. Их стремления к практическому проведению своих планов по эксплуатации естественных богатств районов Тихого океана становились более конкретными. Экономические, политические и открыто колониалистские планы США получили новый импульс. Более тесной стала связь промышленно-финансовых кругов с государственным департаментом. Вся деятельность правительства по расширению колониальной империи США была направлена на то, чтобы расчистить дорогу для американских монополистов и обеспечить им новые сферы приложения капиталов, приносящие огромные прибыли.

ПРОНИКНОВЕНИЕ США В ТУРЦИЮ И ИРАН

Проект Честера и политика США в Турции

Спор между США и Турцией по вопросу о превращении американской миссии в Константинополе в посольство закончился в августе 1906 г. Не дожидаясь заключения специального соглашения с Турцией по этому вопросу, США приняли решение о переименовании своего представителя в Константинополе в посла. Лейшман стал первым чрезвычайным и полномочным послом США в Турции¹. Одновременно проводились мероприятия по усилению консульств США. В Бейруте и Смирне к 1914 г. обычные консульства были реорганизованы в генеральные. Новые консульства открылись в Алеппо, Мерсине, Трапезунде и других центрах Османской империи.

После продолжительных колебаний султан согласился удовлетворить требование США: американские миссионерские школы и благотворительные учреждения были приравнены в правах к аналогичным организациям других стран.

США в это время стали добиваться, чтобы Турция предоставила их военным судам «некоторые облегчения в турецких водах — на случай, если бы возникли военные действия между США и другой державой»².

Стремясь расширить свои экономические связи с Турцией, США надеялись добиться выгодных для американских монополий концессий. Они считали, что с приходом к власти младотурок дела Соединенных Штатов улучшатся, что государственному департаменту удастся разрешить спорные вопросы. Посол Лейшман, знавший положение в Порте, писал в донесении: «Установление в Турции конституционного правительства имеет для нас определенный материальный интерес, поскольку оно практически устра-

¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1906 г., д. 39, лл. 276—277 (Донесение из Буюкдере, 20 июня (3 июля) 1906 г.); там же, д. 40, лл. 311—312 (Донесение Зиновьева от 25 сентября (8 октября) 1906 г.).

² АВПР, ф. Канцелярия, 1907 г., д. 32, № 165 (Донесение Зиновьева от 9 (22) июня 1907 г.).

няет основные причины, порождавшие наши разногласия с Турцией . . . и создает благоприятные условия для расширения нашей торговли. . . »³

Для поощрения торговли со странами Ближнего Востока в США организовалась Американская торговая палата. Она открыла главный свой филиал в Константинополе, отделения в Смирне, Бейруте, Каире, Салониках и т. д. и активно содействовала американским экспортерам и импортерам в расширении связей с Турцией. К 1914 г. американский экспорт в Турцию достиг 3 328 519 долл., а импорт из Турции — 20 843 077 долл.⁴

Накануне первой мировой войны расширили торговые связи с Турцией такие фирмы, как Американская табачная компания, фирма «Мак-Эндрус энд Форбс», нью-йоркская «Стандард ойл» и др. С 1912 г. Американская табачная компания закупала ежегодно турецкий табак на сумму в 10 млн. долл. для переработки в США. Солодкового корня в 1912 г. было закуплено на сумму в 1 258 990 долл. Значительно расширила свои торговые связи с Турцией нью-йоркская «Стандард ойл» («Сокони»). Она продавала керосин в Египет, Ливан и Малую Азию. В 1911 г. «Сокони» основала филиалы в Константинополе и Смирне. Компания Зингера открыла несколько десятков агентств по сбыту швейных машин в разных районах турецкой империи. Значительно вырос экспорт фиников в США. Накануне первой мировой войны он достиг суммы в 700 тыс. долл.⁵ Общий торговый оборот США с Турцией возрос с 7 млн. долл. в 1897 г. до 25 млн. долл. в 1913 г.⁶

Эти данные не говорят о больших успехах США, встретивших довольно сильное противодействие со стороны западноевропейских империалистических держав. Монополисты США добивались железнодорожных, нефтяных и других концессий. Избыточный капитал США стремился к все большему расширению своих сфер приложения в разных районах мира. Естественно, что Турция, страдавшая от нехватки капиталов и обладавшая огромными и малообработанными естественными богатствами, представляла большой интерес для финансовой олигархии США. Деятельность миссионерских и филантропических организаций подготовила кадры, необходимые предприимчивым монополистам для их деятельности. Как и на Дальнем Востоке, и в Латинской Америке американские монополисты были заинтересованы в железнодорожных концессиях. Как правильно писал русский посол

³ L. J. Gordon. American Relations with Turkey, 1830—1930, p. 58; Foreign Relations, 1908, p. 750.

⁴ L. J. Gordon. Op. cit., p. 60.

⁵ J. A. DeNovo. American Interests and Policies in the Middle East 1900—1939, p. 39—41.

⁶ I. C. Hurewitz. Middle East Dilemmas. The Background of United States Policy. New York, 1953, p. 165.

Чарыков, американцев интересовало «не извлечение доходов из железных дорог, а использование минеральных богатств центральных и юго-восточных областей Малой Азии, причем упомянутые области дрепировались бы по направлению к северо-восточному углу Средиземного моря, вполне открытому для свободного международного мореплавания.

В частности, американцев привлекает нефть, имеющаяся, по-видимому, около Мосула...»⁷

Одна из первых попыток монополистов США вложить свои капиталы в Османскую империю связана с поездкой адмирала Колби Честера в Турцию. Еще в декабре 1900 г. США направили в Константинополь броненосец «Кентукки» во главе с адмиралом Колби Честером. Ему поручалось договориться с Портой о возмещении за потери, понесенные американскими миссионерами во время армянских погромов 1894—1895 гг. Опытный адмирал уже в то время не только выполнил возложенную на него дипломатическую миссию, но проявил большой интерес к потенциальным возможностям концессионного характера⁸. В 1908 г. адмирал Колби Честер участвовал в качестве делегата от США на IX съезде географов в Женеве. Оттуда он вновь поехал в Константинополь. На этот раз в качестве представителя Нью-йоркской торговой палаты и Совета торговли штата Нью-Йорк Честер вел переговоры с официальными лицами из правительственных кругов Турции и добился приема у султана. Усилия Честера увенчались успехом: ему было дано принципиальное согласие на железнодорожную концессию. Об этом Честер немедленно известиł заинтересованные финансовые группы Нью-Йорка.

Вскоре в Константинополь прибыл Артур Честер, сын адмирала, для изучения планов строительства предполагаемой железной дороги. В марте 1908 г. он сделал формальную заявку на концессию. Получив предварительное согласие властей, Честер отправился в Алеппо для определения маршрута новой железной дороги⁹.

Официально правительство США пока еще стояло в стороне от предпринятого Честером дела. Но государственный департамент уже на этой начальной стадии проявил большой интерес к переговорам о концессии. Проекты американцев вызвали немедленную реакцию со стороны других держав. Германия, заинтересованная в строительстве Багдадской железной дороги, больше всего боялась проникновения американского капитала в Турцию и заключения ею соглашения с американскими монопо-

⁷АВПР, ф. Политархив, 1909 г., д. 1035, № 15 (Депеша Чарыкова, Буюк-дере, 22 августа (4 сентября) 1909 г.).

⁸Foreign Relations, 1901, p. 514—515.

⁹E. H. Davenport and S. R. Cooke. The Oil Trust and Anglo-American Relations. London, 1923. p. 24—25.

листами на строительство железной дороги. Англия, Франция и Россия также бдительно следили за происками своих заатлантических конкурентов.

Американцы всячески пытались задобрить турецкие власти. Они доказывали, что США в отличие от других держав не заинтересованы в турецкой территории, что в Америке Турция найдет «единственно честную компетентную помощь» и необходимые для экономического развития страны кредиты, — понятно, в обмен на распределение в США турецких заказов на военно-морские суда, на телеграфную сеть, на несколько тысяч миль рельсов для малоазиатских железных дорог и т. д.

Не удивительно поэтому, что при содействии американского посла в Константинополе 12—14 турецких офицеров были допущены на американскую военно-морскую эскадру, совершавшую поход через Атлантический океан; вслед за этим они осматривали крупные американские заводы по различным отраслям железнодорожного дела.

Учитывая все эти методы американской дипломатии и бизнесменов, Небольсин писал: «Если американская новая программа по отношению к Турции будет выполнена, — то мы, русские, на Ближнем Востоке, вероятно, получим то же положение дел, какое мы имеем на Дальнем Востоке в смысле совместного действия Японии и Америки против интересов России»¹⁰.

Осенью 1909 г. в Турции был принят законопроект о строительстве железных дорог в Малой Азии. Министерству общественных работ было поручено заключить концессионный договор с той компанией или группой, которая предложит наиболее выгодные для Турции условия строительства железных дорог. За короткий срок правительство рассматривало семь разных предложений на постройку железнодорожной сети общим протяжением до 2 тыс. км в районах, которые лежали вне сферы преимущественно русских интересов, установленной русско-турецким соглашением 1900 г.

Преимущество оказалось за американским проектом Честера. Американцы действовали со свойственной им «быстротой и натиском». Вскоре они образовали «Оттоманско-Американскую компанию промышленного развития», от имени которой Честер обратился к турецкому правительству.

«Последнему, — сообщал посол Чарыков, — он представил доказательства того, что эта компания действительно располагает капиталом не менее 500 млн. долл., и теперь подтверждается, что за Честером кроется общество «Стандард ойл» и сам г. Рокфеллер. Сообщалось также, что Честера поддерживает нью-йорк-

¹⁰ ЦГА ВМФ, ф. 418, 1909 г., д. 4088, № 644 (Донесение Небольсина. Вашингтон, 4 (17) февраля 1909 г.); см. также «Washington Post», 15.11.1909.

ский железнодорожный король Мур; что, кроме Мура, в «Оттоманско-Американской компании» участвует Пирпонт Морган и еще несколько крупных американских дельцов, интересующихся не столько железными дорогами, сколько рудниками, и в особенности нефтью»¹¹.

Это обстоятельство указывает, с одной стороны, что «Оттоманско-Американская компания» в деньгах не стеснена, а с другой, — что ее основная цель заключается не во враждебном нам захвате Самсун-Сивасской или Трапезунд-Эрзерумской линии или в облегчении доступа западным товарам в Персию, — а в захвате нефтяных залежей Месопотамии и пограничных с нами и Персией турецких областей»¹².

Американцы заручились поддержкой правительства, министра общественных работ и других влиятельных лиц. В августе 1909 г. меджлис разрешил министру общественных работ заключить с компанией Честера временный договор. Он был подписан в начале 1910 г. на следующих условиях:

«1) Предприятие Честера должно обладать гарантированным капиталом в 100 млн. долл.;

2) дороги должны быть широкой колеи;

3) магистраль должна направиться от Сиваса через Аргану и Диярбакыр в Битлис и, обойдя Ванское озеро с севера или юга, должна окончиться у города Вана;

4) от этой магистрали должна быть построена ветвь к Средиземному морю;

5) другая линия должна направиться, по усмотрению правительства, от той же магистрали на Мосул и Киркук до города Сулеймание на иракской границе;

6) взамен километрической гарантии Обществу предоставляется на 99 лет право разрабатывать всякого рода минеральные богатства в существующих коях или имеющих быть устроенным их Обществом в пределах 20 километров с каждой стороны линии, *не принадлежащих третьим лицам* (подчеркнуто в тексте. — *Ред.*);

7) Общество обязано уведомить правительство не позже 16 месяцев со дня утверждения договора, построит ли оно или нет означенные дороги. В случае отказа изыскания поступают правительству и

8) если Общество не выстроит в установленный договором срок линии от Сиваса до Средиземного моря и по меньшей мере 150-километровой дороги в сторону Битлиса, Общество теряет всякие права на концессию и платит неустойку в 50 тыс. турецких фунтов».

¹¹ АВПР, ф. Политархив, 1909—1910 гг., д. 3628, лл. 136—140 (Донесение посла в Турцию от 28 марта (10 апреля) 1910 г.).

¹² АВПР, ф. Политархив, 1909—1911 гг., д. 3665, лл. 18—20 (Письмо Чарыкова из Константинополя, 22 марта (4 апреля) 1910 г.).

С самого начала проект Честера встретил серьезное противодействие со стороны английских нефтяных концессионеров Киркукского района и Общества Багдадской железной дороги¹³.

Государственный департамент США оказывал честеровской Компании максимальную поддержку. 15 марта 1910 г. Нокс отправил представителю Турции в Вашингтоне ноту, в которой подтвердил, что «Оттоманско-Американская компания» состоит из представителей «высших кругов и что любые их мероприятия заслуживают полного доверия Вашего правительства»¹⁴. Контракт с такой компанией, подчеркивал Нокс, окажет благотворное влияние на все развитие турецко-американских отношений. Через несколько месяцев госдепартамент уже открыто попытался воздействовать на турецкое правительство в пользу американских концессионеров. Статс-секретарь Нокс обещал рассмотреть положительно предложения Турции об увеличении таможенных пошлин с 7 до 11%, о некотором смягчении режима капитуляций, о предоставлении займа и т. д.

Однако вскоре выяснилось, что Германия и ее представители в Турции, используя свое влияние, заявили протест против концессии Честера. Сначала они ссылались на то, что она нарушает договорные права Багдадской дороги. Германский посол барон Маршалль фон Биберштейн жаловался «на противодействие турецкого военного ведомства проведению дороги вдоль берега Александретского залива»¹⁵. Официозный «Танинг» резко упрекал германского посла, указавшего Порте на противоречие между проектом честеровской концессии и действующим горным регламентом¹⁶. Германские дипломаты усиленно распространяли версию о том, что за спиной Компании Честера стоит «Стандард ойл», и, следовательно, речь идет не столько о железнодорожном строительстве, сколько об эксплуатации естественных богатств Турции.

На это последнее обвинение государственный департамент США немедленно реагировал. Американскому послу в Константинополе Оскару Штраусу была послана инструкция, в которой отрицалась связь честеровской Компании с Рокфеллером. Ему поручалось «широко оповестить об этом»¹⁷. Вслед за этим государственный департамент послал инструкции послу в Берлине Дэвиду Хиллу «сделать устное, но вполне определенное заявле-

¹³ АВПР, ф. Политархив, 1909—1910 гг., д. 3628, лл. 116—120 (Депеша Чарыкова, Пера, 4 (17) марта 1910 г.); B. Shwadr an. *The Middle East, Oil and the Great Powers*. New York, 1959, p. 198.

¹⁴ J. A. De Novo. *Op. cit.*, p. 67.

¹⁵ АВПР, ф. Политархив, 1909—1913 гг., д. 3637, лл. 211—212 (Депеша Чарыкова, Пера, 19 апреля (2 мая) 1910 г.).

¹⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1910 г., д. 33, лл. 459—498 (Донесение от 21 мая (3 июня) 1910 г.).

¹⁷ J. A. De Novo. *Op. cit.*, p. 68.

ние германскому министерству иностранных дел, касающееся противодействия, оказанного Германией нашим железнодорожным мероприятиям в Турции»¹⁸.

Когда распространились слухи о том, что германский посол в Константинополе продолжает подрывную работу и пытается настроить представителей других держав против американского железнодорожного проекта, государственный департамент поручил своим представителям в Лондоне, Париже, Риме и Петербурге выяснить достоверность этих слухов. Из всех столиц последовал отрицательный ответ¹⁹.

Из Берлина американский посол телеграфировал, что «германское правительство полностью поддерживает нашу позицию в вопросе об установлении «открытых дверей» в Турции, так же как и в других странах, и подтверждает в меморандуме, что с его стороны нет никаких возражений против учреждения американской железнодорожной концессии в Турции»²⁰. И далее Хилл доносил, что правительство Германии заверило его, что «пока» оно не имело «никакого отношения» к данному делу. Оно объясняло это и тем, что американская Компания пока еще не предприняла никаких шагов, чтобы согласовать свои планы с германскими интересами. Если такие шаги будут предприняты, правительство Германии окажет необходимое влияние в пользу соглашения.

Однако все эти дипломатические заверения расходились с действительным положением дел. Англия сразу же сделала заявление, что она не потерпит никакого посягательства на свой приоритет в районе Персидского залива. Как сообщал Чарыков, «солидная французская фирма обратилась ... к Порте с предложением построить, якобы казенным способом, линии Самсун — Сивас, Сивас — Эрзерум и Эрзерум — Трапезунд... Еще две солидные французские группы сделали Порте подобные же предложения...»

Поступали и другие сообщения о разных вариантах строительства железных дорог. Так, одна английская группа заявила о желании «строить не только линию Самсун — Сивас, но и другую, через всю северную часть Малой Азии до персидской границы»²¹.

В строительстве Самсун-Сивасской дороги была заинтересована Россия, которая надеялась совместно с Францией добиться необходимой железнодорожной концессии.

¹⁸ J. A. DeNovo. Op. cit., p. 70.

¹⁹ J. A. DeNovo. Op. cit., p. 70; А. А. Фурсенко. Нефтяные тресты и мировая политика. М., 1965, стр. 367.

²⁰ J. A. DeNovo. Op. cit., p. 71.

²¹ АВІР, ф. Политархив, 1910 г., д. 1038, лл. 160—162 (Депеша Чарыкова от 19 мая (1 июня) 1910 г.).

Борьба за строительство этой дороги обострялась еще и потому, что она должна была войти в зону Багдадской железной дороги и затрагивала таким образом интересы Германии и «Немецкого банка».

И в самой Германии деловые люди по-иному расценивали положение со строительством железных дорог в Турции. Директор «Немецкого банка» Гвинпер считал, что американский проект нарушает права Багдадской дороги, что честеровский проект «в действительности является не планом железнодорожного строительства, а планом контроля над некоторыми неразработанными нефтяными месторождениями». Германская газета «Берлинер локал-анцейгер» опубликовала статью «Американские ловкачи». В ней доказывалось, что Честер является лишь «подставным лицом», за спиной которого стоит Рокфеллер. «Турецкие простофили, — заключала газета, — почти попали в сети Рокфеллера. Но если они ничего еще не подозревали вчера, то сегодня уже кое-что понимают, и это делает близким их избавление».

Высказывания деловых людей Германии, выступления прессы и деятельность германского посла в Константинополе барона Маршала фон Биберштейна, направленная против честеровских планов, коренились «в основном на желании германского правительства и германского Анатолийско-Багдадского предприятия сохранить за собой характер монополий в деле торгово-промышленной эксплуатации тех частей Малой Азии, в которые американцы хотят вторгнуться»²².

Представители США в Турции и сам Честер приложили немало сил для того, чтобы добиться успеха в своем первом, довольно крупном начинании в Малой Азии. В начале июня 1910 г. казалось, что им удастся добиться представления проекта меджлису до его роспуска на летние каникулы. Посол США в Константинополе Оскар Штраус в то время верил, что «перспективы для США благоприятны», если не считать оппозиции со стороны германского посольства.

Он писал: «Мне кажется, что переговоры являются обнадеживающими для американских предпринимателей; по об окончательных результатах каких-либо переговоров здесь можно судить только, когда они завершены. Турция находится в такой зависимости от шести великих держав, которые фактически держат в своих руках существование самой империи, что стоит одной или нескольким из этих держав, например, Германии или России, выступить против, чтобы это стало серьезным, если не губительным препятствием для получения такой концессии»²³.

²² АВПР, ф. Политархив, 1910 г., д. 1038, лл. 191—193, 207—208 (Депеша Чарыкова, 23 июня (6 июля) 1910 г.).

²³ J. A. DeNovo. Op. cit., p. 69.

Честер попытался договориться с представителями России по вопросу о строительстве Самсун-Сивасской дороги. Как доносил посол Чарыков, Честер, «желая обеспечить себя от враждебности этого синдиката, предлагает взаимопомощь и даже комбинирование синдиката и честеровского предприятия»²⁴. Американское правительство заявило, что «оно желает при осуществлении проекта Честера сообразоваться с русскими и французскими интересами»²⁵.

Однако во второй половине июня 1910 г. оптимизм американских дельцов оказался крайне подорванным. Выяснилось, что германскому послу барону Маршалю фон Биберштейну удалось оказать влияние на турецкого великого визиря и добиться его сочувствия планам Германии. В беседе с Чарыковым американский посол доверительно сообщил, что великий визирь «Хаккы-паша старается противодействовать проекту Честера или по крайней мере отсрочить его рассмотрение парламентом»²⁶.

На обеде, устроенном германским послом Маршалем фон Биберштейном в честь членов турецкого правительства, он произнес речь, в которой предостерегал, что внедрение американского капитала в Турцию явится пагубным и что американцы заинтересованы лишь в захвате нефтеносных районов для «Стандард ойл». Германское посольство даже заявило, что Берлин не согласится с пересмотром таможенных тарифов до тех пор, пока Турция не расторгнет договор с американцами. С другой стороны, в случае расторжения договора Германия обещала Порте помощь в сохранении ее власти над Критом.

Государственный департамент США оказывал нажим на своего посла в Константинополе, добиваясь более энергичного продвижения честеровской концессии. Однако в ходе борьбы с Германией, имевшей значительное влияние в Турции, Штраус оказался беспомощным. 21 июня он сообщил, что дело не продвигается и что великий визирь еще не передал дела Честера на рассмотрение меджлиса²⁷.

28 июня 1910 г. состоялось последнее заседание меджлиса перед летними каникулами. Когда оно окончилось, американское посольство узнало, что вопрос о честеровской концессии на нем не рассматривался. Так закончился первый этап борьбы за утверждение американской железнодорожной концессии.

Государственный департамент США принял решение об активном вмешательстве с целью оживить деятельность Компании. Через руководство «Оттоманско-Американской компании» депар-

²⁴ АВПР, ф. Политархив, 1910 г., д. 1039, № 406, л. 266 (Телеграмма Чарыкова от 2 (15) июля 1910 г.).

²⁵ Там же, № 470 (Донесение от 24 июля (6 августа) 1910 г.).

²⁶ АВПР, ф. Политархив, 1909—1911 гг., д. 3665, лл. 49—50 (Письмо Чарыкова, 2 (15) июня 1910 г.).

²⁷ J. A. De Novo. Op. cit., p. 72.

тамент просил прислать одного из ее членов с целью разработки всех необходимых мероприятий для оказания давления на турецкий парламент в интересах концессии²⁸.

Характерно, что решительные действия государственного департамента, возглавляемого Ноксом, привыкшим «делать дела» в интересах монополистов, предпринимались, несмотря на пессимистические отчеты официальных представителей США в Турции.

Оскар Штраус считал, что в такой стране, как Турция невозможно отделить экономические интересы иностранной державы от политических. Он доказывал, что такое огромное мероприятие, как честеровская концессия не может добиться успеха, если США не готовы поддержать ее всем своим политическим весом, всей силой своего государственного аппарата. А это означало готовность пойти на разрешение политических противоречий не только с Германией, но и с другими державами, заинтересованными в Ближнем Востоке. В таком случае, как утверждал Оскар Штраус, США окажутся вовлеченными в «политический лабиринт «восточного вопроса» либо на стороне Турции, либо на стороне Тройственного соглашения... Нужно помнить, что строительство такой железной дороги, право на которое старается получить «Оттоманско-Американская компания», встретит сопротивление не только со стороны держав, которые сочтут свои экономические интересы или сферы политического влияния ущемленными, но также и со стороны турецкого правительства, которое, вероятно, будет создавать серьезные препятствия, стараясь избежать выполнения обязательств согласно условиям заключенного контракта»²⁹.

Примерно таких же взглядов придерживались и другие представители США в Турции. Госдепартамент, тем не менее, продолжал действовать весьма энергично. Честер заверил департамент в том, что Компания не взялась бы за это дело, не будучи уверена в успешном его исходе. Посетив русское посольство, Честер уверял Чарыкова, что «сила, которою располагают американцы, настолько велика, что они рассчитывают провести свой проект через обе турецкие палаты предстоящей осенью»³⁰.

Государственный департамент направил в Константинополь помощника статс-секретаря Ф. М. Х. Вильсона. Формально он должен был участвовать в торжествах по случаю коронации нового султана Мехмеда V. Фактически же ему поручалось изучить положение с честеровской концессией, помочь Компании на месте, а по возвращении в Вашингтон доложить о возможностях американской экспансии в Турции. Вильсон изучил всю документацию честеровской Компании, имел встречи с великим визирем, ми-

²⁸ L. J. Gordon. Op. cit., p. 261.

²⁹ J. A. De Novo. Op. cit., p. 74 (Штраус — Ноксу, 4 августа 1910 г.).

³⁰ АВПР, ф. Политархив, 1909—1910 гг., д. 3628, лл. 223—227 (Депеша Чарыкова, 7 (20) июля 1910 г.).

нистрами внутренних дел, общественных работ, финансов и военным. Турецкие официальные лица доказывали, что концессия Честера нарушает права Багдадской железнодорожной компании, что их не устраивают пункты концессии о монополии в области эксплуатации минеральных богатств.

Не только Х. Вильсон, но и новый посол США Картер пытались убедить турецкие власти в возможности пересмотра некоторых пунктов концессии и ставили вопрос о компенсации. На эти предложения военный министр Турции ответил, что «ничто не может компенсировать оттоманское правительство за потерю дружбы с Германией»³¹.

Так же как и О. Штраус, Х. Вильсон после тщательного изучения истории честеровских планов, разочаровался в них. Он считал, что в Турции «вся атмосфера пропитана германским влиянием». Он усомнился в целесообразности для США расширять промышленные и другие интересы в стране, внутреннее управление которой находится в таком хаотическом состоянии. Он считал, что для США в то время достаточно было дел в латиноамериканских странах, в особенности в районе Карибского бассейна, и на Дальнем Востоке, где США выдвигали проект «интернационализации» железных дорог Маньчжурии³².

Борьба тем не менее продолжалась. Из беседы американского посла с Чарыковым выяснилось, что Хаккы-паша всячески срывает планы Честера и «положительно губит честеровский железнодорожный проект». Больше всего великий визирь возражал против статьи 4-й проекта об исходном пункте линии на Средиземном море. Он предложил Компании избрать Юмурталык исходным пунктом и отказаться от гавани Суэйдия с тем, чтобы германское Общество Багдадской железной дороги не могло обвинить Порту в нарушении его концессии и предъявить турецкому правительству иск.

Когда американцы заявили о своей готовности «взять на себя все последствия такого иска, военный министр Махмуд-Шевкет-паша прямо заявил, что Германия не допускает уступки Суэйдия американцам и что таковая уступка лишила бы турок германской поддержки, которая им необходима»³³.

Такое категорическое утверждение со стороны военного министра вынудило Честера возобновить переговоры с Турцией о внесении некоторых изменений в проект договора о концессии. В результате стороны договорились о внесении следующих изменений в первоначальный проект концессии: 1) вся американская сеть будет узкоколейной; 2) ее исходным пунктом назначается

³¹ J. A. DeNovo. Op. cit., p. 77—78.

³² Ibid., p. 76.

³³ АВПР, ф. Канцелярия, 1911 г., д. 31, № 22 (Чарыков — Сазонову, Пера, 21 февраля (6 марта) 1911 г.); B. Shwadrān. Op. cit., p. 198.

гавань Юмурталык; 3) участок Харпут—Сивас отходит к французам и 4) права Компании на разработку минеральных богатств подчиняются действию существующего горного регламента.

Чарыков сообщал, что «казенные медные рудники Аргана предоставлены Компании и, по словам Честера, могут возместить ее расходы, если окончательные исследования, дорогостоящие, медленные и еще не произведенные никем, выяснят, что эти рудники еще не истощены, несмотря на тысячелетнюю, хотя и не совершенную разработку»³⁴.

Срок изысканий по дополнительному соглашению был увеличен с 16 месяцев до двух лет.

Честер и его друзья неоднократно обращались к русскому правительству с просьбой оказать поддержку при переговорах с Турцией о предоставлении железнодорожной концессии. Вопрос этот обсуждался в правительственных кругах России. Высказывались также и дипломатические представители. Характерно, что Чарыков вполне благожелательно отнесся к просьбе честеровской Компании. Он считал, что на Ближнем Востоке американцы преследуют исключительно экономические задачи — эксплуатацию минеральных богатств (медь, нефть и др.) и сбыт продуктов американской промышленности. Американцы, по его мнению, избегают вмешательства в область политики, если не считать вопросов, касающихся непосредственно «американских граждан, как, например, последствий аданской резни или новейшего антигреческого бойкота». Противодействие германского правительства и германского Анатолийско-Багдадского предприятия связано с их желанием сохранить за собой монополию в торгово-промышленной эксплуатации Малой Азии. А торгово-промышленная монополия неизбежно влекла за собой германское политическое преобладание в Константинополе.

Такое положение безусловно нежелательно для России. Поэтому принцип «открытых дверей» вполне соответствует интересам России на Ближнем Востоке. Тем более, «что географическая близость к Малой Азии и проливам обеспечивали России политический и торгово-промышленный успех при действительном равенстве остальных планов с другими государствами»³⁵.

Поэтому Чарыков считал, что экономическое проникновение США подорвало бы монополию Германии; с самого начала выгода была бы на «русской стороне, а не на стороне германо-австрийских соперников и противников России».

И в области экономической, по мнению Чарыкова, обстоятельства складывались благоприятно для России. Главное внимание

³⁴ АВПР, ф. Политархив, 1909—1911 гг., д. 3665, л. 187 (Депеша Чарыкова, Пера, 15 (28) января 1911 г.).

³⁵ АВПР, ф. Политархив, 1909—1911 гг., д. 3665, лл. 93—96 (Доверительное письмо Неклюдова, Париж, 8 (21) июля 1910 г.); там же, 1910 г., д. 1038, лл. 57—61, 207—208 (Депеша Чарыкова от 23 июня (6 июля) 1910 г.).

американцев направлялось к Средиземному морю — на линии Диярбакыр — Сивас; они находились вне сферы, опасной для России. Предприятие Честера не соревновалось с русскими торгово-промышленными интересами и не угрожало кавказской нефтяной промышленности. Добытые ею продукты честеровская Компания намеревалась сбывать не к Черному, а к Средиземному морю.

Учитывая все это, Чарыков выступал за поддержку честеровской Компании. Против выступал посланник в Софии Неклюдов; он считал, что сближение с честеровской Компанией не приведет к длительному взаимопониманию. «Юная энергия, отсутствие предрассудков и привычка к решительным поступкам, присущая американскому империализму, могут внушить опасения, что как только для американцев станет выгодным — хотя бы из чисто деловых соображений — оставить нас и перейти на сторону политических наших соперников и недоброжелателей, Соединенные Штаты с самым легким сердцем положат свою юную энергию, свою чуждую предрассудков решительность и свои деньги на чашу весов, противоположную нашей», — писал Неклюдов³⁶.

Председатель совета министров и министр финансов в принципе признали желательным оказать поддержку предприятию Честера. Министр финансов соглашался с доводами Чарыкова и считал, что поддержка Россией правительства США «в его первом выступлении в турецких торгово-промышленных делах может несомненно принести пользу для русских интересов на Ближнем Востоке, так как, с одной стороны, взамен наших услуг американскому делу и мы можем рассчитывать на сочувственное отношение американского правительства к нашим выступлениям здесь, а с другой, — возникновение в Азиатской Турции американских торгово-промышленных интересов создаст противовес враждебному влиянию Германии, добывающей для себя монополию в этом крае, и тем приведет к более равномерному распределению здесь влияния заинтересованных держав»³⁷.

Извольский в письме послу в Константинополе также писал, что «соглашение с Америкой желательно и возможно, если последняя не поставит условием право для себя свободной постройки железной дороги в зоне, прилегающей к персидской границе, как это вытекает из общего смысла концессии»³⁸.

Столыпин присоединился к идее «о желательности достигнуть соглашения с правительством США». Он считал «невозможным» применять к США в данном районе «политику абсолютного

³⁶ АВПР, ф. Политархив, 1909—1911 гг., д. 3665, лл. 93—96.

³⁷ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1910 г., д. 272, лл. 154—156 (Письмо министра финансов министру иностранных дел от 10 июля 1910 г.).

³⁸ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1910 г., д. 272, л. 134 (Письмо Извольского от 31 июня 1910 г.).

вето», которой Россия придерживалась в Северной Маньчжурии. «По моему мнению, — писал Столыпин, — подобная политика представлялась бы для нас в данной области неосуществимой, так как, не имея достаточных средств для развития в Малой Азии собственной экономической деятельности, мы все равно не могли бы помешать появлению здесь накопившейся промышленной и финансовой силы США, все более и более втягивающихся за последнее время в мировой международный политический оборот. К тому же, как отметил Чарыков, на Ближнем Востоке американская предприимчивость направляется, по крайней мере до сих пор, исключительно в сторону торгово-промышленных интересов и, следовательно, не затрагивает непосредственно нашего политического положения, а в то же время создает благоприятный для нас противовес стремлению Германии монополизировать в своих руках эксплуатацию Малой Азии»³⁹.

Казалось, почва была подготовлена для более быстрой реализации планов Честера. Новые изменения, внесенные в концессионный проект, как будто устранили турецкие возражения. Доброжелательное отношение России также стимулировали Честера и его партнеров. Вскоре Картер мог доложить своему правительству о продвижении проекта железнодорожной концессии. Он прошел в совете министров и был передан великим визирем на рассмотрение меджлиса. На этот раз меджлис, по-видимому, не хотел пойти по пути прямого отказа концессионерам. Поэтому 1 июня 1911 г. он выбрал другой путь: большинством в 74 голоса против 64 было решено отложить рассмотрение проекта до осени под предлогом отсутствия времени для более глубокого и детального его изучения. Картер не сомневался, что все это соответствовало заранее разработанному великим визирем плану.

Неудача, постигшая и на этот раз честеровскую Компанию, внесла расстройство в ее ряды. Американцы были возмущены действиями турецкого правительства. Многие из них уехали из Константинополя. Честер и его сотрудник инженер Кольт уехали в Америку; Картер — в отпуск в Париж. Он сообщил Чарыкову, что вина во всем происшедшем падает на великого визиря Хаккы-пашу. Он умышленно затянул дело до конца сессии и, «в противность всем приличиям, внес в палату одновременно законопроект об утверждении договора с Компанией Честера, официальную записку директора департамента железных дорог, доказывающую, что этот законопроект должен быть отвергнут...

Противодействие великого визиря было, по убеждению посла, внушено Порте немцами, и систематические нападки на проект

³⁹ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1910 г., д. 272, лл. 165—166 (Столыпин — министру иностранных дел, 20 июля 1910 г.).

Честера, печатавшиеся за последнее время в газете «Jeune Turk» были германского происхождения»⁴⁰.

Но государственный департамент США решил продолжать дело. В Константинополь был назначен новый посол Рокхилл, имевший большой опыт дипломатической службы на Дальнем Востоке и в России. В начале века он являлся одним из вдохновителей и составителей доктрины «открытых дверей». Ему поручалось изучить честеровское дело и приложить все силы и знания «на поддержание реальных и коммерческих, а не академических интересов Соединенных Штатов на Ближнем Востоке»⁴¹.

Изучив на месте историю концессии, Рокхилл пришел к выводу, что на осенней сессии меджлиса шансы на успех как будто не плохие. Однако для ведения дела необходимо, чтобы представители Честера постоянно были на месте и не упустили бы ни одного благоприятного случая, прибегая при необходимости «к разумному использованию денег» в целях устранения возникающих препятствий. Без этого ни одна компания еще не добила успеха в странах Востока.

Смелые начинания Рокхилла вскоре натолкнулись на серьезные затруднения. Внутри руководства «Оттоманско-Американской компании» возникли сомнения в возможности добиться реализации честеровского плана. Часть партнеров открыто ставила вопрос о выходе из состава Компании. Начавшийся кризис привел к тому, что руководство Компании изъяло в сентябре 1911 г. из турецкого банка денежный залог в 88 тыс. долл., который оно внесло туда весной 1910 г.

Изъятие денежного залога показало, что финансовое положение Компании далеко не блестящее. Об этом же свидетельствовала беседа Честера с русским послом Чарыковым, состоявшаяся еще в феврале 1911 г. Уже тогда Честер ставил вопрос о необходимости договориться с деловыми кругами России и Германии об объединении сил для строительства железных дорог в Турции. В то же время Честер продолжал настаивать на том, что в первую очередь надо добиться утверждения концессии меджлисом. И только после этого «выработать на чисто деловых началах все-сторонне выгодную комбинацию между американскими, русскими и германскими предприятиями»⁴².

Беседа эта показала, во-первых, что честеровские концессионеры стремились при всех условиях сохранить свою руководящую роль; во-вторых, что финансовое состояние «Оттоманско-Амери-

⁴⁰ АВПР, ф. Политархив, 1911—1914 гг., д. 3629, лл. 85—86 (Депеша Чарыкова, Буюкдере, 27 мая (9 июня) 1911 г.); см. также «La Gazette Financière», 5 septembre 1911.

⁴¹ P. A. Varg. Open Door Diplomats. The Life of W. W. Rockhill. Urbana. 1952, p. 114; J. A. DeNovo. Op. cit., p. 79.

⁴² АВПР, ф. Политархив, 1911 г., д. 1041, лл. 22—23 (Депеша Чарыкова, Пера, 6 (19) февраля 1911 г.).

канской компании» не было устойчивым. Такое положение не могло не расстроить Рокхилла, энергично добивавшегося утверждения концессии межджилом. Вскоре он наткнулся на новые, более серьезные трудности. Ему стало известно, что между турецким правительством и Обществом Багдадской железной дороги ведутся переговоры о построении железнодорожной линии «к северу от Багдадского пути до Диярбакыра. Такая линия от Александретты до Диярбакыра шла бы по близкой параллели от проектированной г. Честером железной дороги и сдача ее немцам сделала бы, по замечанию Рокхилла, все планы Честера, ожидающие своего обсуждения в турецкой палате депутатов, неосуществимыми»⁴³.

Новый удар, нанесенный Германией честеровской концессии, привел к распаду «Оттоманско-Американской компании». Среди многих ее членов возникло твердое убеждение в невозможности добиться реализации концессии в Турции, но что изъятие денежного залога из банка заставит турецкое правительство ускорить решение об утверждении честеровской концессии. 18 октября 1911 г. совет директоров «Оттоманско-Американской компании» заявил государственному департаменту США о решении отказаться от концессии. В своем заявлении совет доказывал, что «условия настолько изменились по сравнению с теми, что были вначале, что получение концессии явится тяжелым бременем и ее будет трудно или даже невозможно финансировать и что они не хотят продолжать это предприятие»⁴⁴. Только радикальный пересмотр условий концессии удовлетворил бы руководство Компании, а добиться этого в условиях острейшей борьбы за концессию на Ближнем Востоке между представителями деловых кругов империалистических стран оказалось невозможным.

Попытка меньшинства «Оттоманско-Американской компании» реорганизовать предприятие, найти новых вкладчиков также провалилась.

Так закончилась борьба за внедрение американского капитала в железнодорожные концессии Турции. Встретив сопротивление Германии и даже Англии, не заинтересованной в проникновении американского влияния в Турцию, США вынуждены были отступить⁴⁵. На Ближнем Востоке американские экспансионисты не могли применять те же методы диктата, как в странах Латинской Америки; в этом районе уже давно укрепили свое влияние Германия, Англия, Франция и Россия, и соотношение сил оказалось не в пользу США. Не удивительно поэтому, что Америка в данном случае настаивала на проведении политики «невмешательства»

⁴³ АВПР, ф. Политархив, 1911 г., д. 1041, л. 202 (Свечин — Ператову, Буюк-дере, 25 августа (7 сентября), 1911 г.).

⁴⁴ J. A. DeNovo. Op. cit., p. 81.

⁴⁵ P. A. Varg. Op. cit., p. 114.

в сложные политические споры, противоречия и конфликты, которые разделяли империалистов европейских стран.

Характерно, что во время итало-турецкой войны Тафт не прочь был играть роль мирного посредника. В государственный департамент поступало много петиций, в которых предлагалось, чтобы США выступили в качестве «миротворца» и ускорили окончание войны. В декабре 1911 г. президент Тафт в письме к Ноксу выразил желание быть посредником между воюющими странами. Однако госдепартамент, к которому Турция обратилась с просьбой о вмешательстве, доказал нецелесообразность для США в данном случае взять на себя роль посредника. Примерно через год Тафт вновь поднял этот вопрос, но государственный департамент твердо настаивал на своем предложении о «невмешательстве». Помощник государственного секретаря Х. Вильсон считал, что ближневосточные дела настолько запутаны и противоречивы, что вмешательство США может вызвать недовольство европейских держав.

И во время балканских войн США отказались действовать в качестве мирного посредника. Посол Рокхилл получил инструкцию отказать Турции в ее просьбе о посредничестве США на том основании, что США никогда не принимали участия в политических проблемах, возникавших на Ближнем Востоке.

Однако в 1912—1913 гг. Америка присоединилась к другим державам и послала боевые суда к берегам Турции для защиты жизни и имущества иностранных граждан. Наряду с большим флотом европейских боевых судов в Босфоре, американским крейсерам было предоставлено право находиться у Средиземноморского побережья «на случай каких-либо осложнений, могущих затронуть американские интересы в районе Смирны и Бейрута»⁴⁶.

Адмирал Честер не так легко примирился с провалом своего плана. До первой мировой войны он предпринимал не одну попытку возобновить концессию. В начале 1912 г. Честер вновь обратился в государственный департамент с предложением о концессии, утверждая, что ему удалось реорганизовать Компанию. Но госдепартамент на этот раз отнесся к его планам критически. Рокхиллу была послана инструкция, в которой говорилось, что государственный департамент не расположен поощрять планы Честера, пока не будет определено выяснен главный вопрос о финансовой стабильности предприятия.

Позиция, занятая государственным департаментом, оказалась обоснованной. Моргановская компания, обещавшая примкнуть к этому предприятию, заколебалась. Она командировала своего представителя, бывшего посла Картера, на Ближний Восток для

⁴⁶ Foreign Relations, 1912, p. XIX—XX, 1341—1354; АВПР, ф. Канцелярия, 1912 г., д. 126, л. 280 (Донесение из Вашингтона от 27 октября (9 ноября) 1912 г. о посылке двух крейсеров в турецкие воды для охраны американских граждан и миссионеров).

изучения потенциальных возможностей развития американских мероприятий в этом районе. Сообщения и отчет Картера не оказались обнадеживающими, и Моргановская компания решила воздержаться от участия в честеровской концессии.

В июле 1913 г. была сделана новая попытка добиться концессии. «Оттоманско-Американская компания» реорганизовалась и вновь претендовала на концессию и на соответствующую поддержку правительства Вильсона. На этот раз правительство отказалось поддержать мероприятие Компании. Оно заявило: «Получение этой концессии, — которая подразумевалась и предполагалась как предприятие чисто торговое, — не может быть изолировано от политических вопросов; оно не только не принесет никаких реальных и постоянных выгод нашей стране, но обременит наше правительство серьезными обстоятельствами, которые могут вовлечь нас в международные осложнения в Европе и на Ближнем Востоке, чего мы всегда стремились избежать»⁴⁷.

В соответствующей директиве государственный департамент указал, что посольство в Константинополе может оказать новой компании только официальное содействие, которое обычно оказывается предприятиям за границей во время переговоров. Такая постановка вопроса не удовлетворила Компанию. Она считала, что в Турции борьба за концессию неизбежно приведет к столкновениям с мощными европейскими конкурентами. Поэтому без серьезной помощи со стороны правительства США, как показал опыт прошлых лет, вряд ли можно добиться положительных результатов.

На этом закончились отношения между честеровской Компанией и государственным департаментом США. Они были возобновлены только после первой мировой войны, когда вопрос о предоставлении концессии США стал более реальным.

Но и до войны Рокфеллер интересовался розысками в Анатолии нефтяных источников. В конце сентября 1913 г. «Стандард ойл» направила трех инженеров для исследования поземельных участков в районе Синопа, где, по уверению многих лиц, существовали богатые источники нефти⁴⁸.

В начале 1914 г. компания «Стандард ойл» сделала последнюю попытку перед мировой войной добиться концессии⁴⁹. Поверенный в делах России в Константинополе Гульткевич сообщал об упорных

⁴⁷ J. A. De Novo. Op. cit., p. 85.

⁴⁸ АВПР, ф. Политархив, 1910—1914 гг., д. 1212, лл. 159—160 (Донесение вице-консула из Синопа, 1 октября 1913 г.).

⁴⁹ Нью-Йоркская компания «Стандард ойл» («Сокони») уже имела экспортные связи в этом районе. В Египте имелся филиал компании, обслуживавший Левантское побережье; в 1911 г. «Сокони» организовало представительство в Константинополе и заканчивало строительство нефтехранилищ в Смирне. «Сокони» встречало конкуренцию русских и румынских предприятий.

слухах, «будто американский посол, опирающийся на «Стандард ойл К^о», готов в случае неуспеха в Париже миссии Джавида устроить Порте в Америке заем...»

В Турцию собирались приехать американские банкиры Кун и Леб. Предполагалось, что обеспечением турецкого займа «явилась бы выдача американской концессии на разработку рудников, входивших в проект Честера, и эксплуатация казенных лесов империи, а также нефтяных залежей в Месопотамии»⁵⁰.

Но и эта попытка «Стандард ойл» добиться концессии накануне войны успеха не имела.

«Дипломатия доллара» на Ближнем Востоке не выдержала экзамена. Она оказалась беспомощной в борьбе со старой европейской дипломатией, с деловыми кругами Германии, Англии и других стран, накопивших огромный опыт в эксплуатации народов Ближнего Востока. В борьбе за рынки сбыта, источники сырья и сферы для капиталовложений в этом районе мира экспансионисты США вынуждены были отступить, прикрываясь старыми, испытанными изоляционистскими лозунгами о нежелательности оказаться вовлеченными в водоворот европейской и ближневосточной политики.

Миссия Шустера в Иране

В Иране, как и в Турции, американские миссионерские и филантропические организации, а также дипломатические представители заокеанской республики проделали большую работу, открывая монополиям и госдепартаменту значительные возможности для проведения экспансии.

Экономические связи США с Ираном в начале XX в. еще были крайне ограничены. Стремление американских экспансионистов к их расширению наталкивалось на серьезную конкуренцию и противодействие царской России и Англии, прочно обосновавшихся в этой стране. Англо-русское соглашение 1907 г. разделило Иран на «сферы влияния». Царизм получил возможность проводить свои грабительские мероприятия в северной, большей части страны. Великобритания хозяйничала на юге и, по договору, заключенному с д'Арси, обеспечила за собой исключительное право на изыскания и добычу нефти во всем Иране, кроме северных провинций.

Оба государства приложили не мало усилий в деле сохранения выгодного для них шахского режима, поддерживая контрреволюционные силы. Англичане, заверяя иранскую общественность в поддержке меджлиса и конституции, фактически выступали против иранской революции, опасаясь проникновения ее влияния в Индию. И Британия, и царская Россия боролись про-

⁵⁰ АВПР, ф. Политархив, 1914 г., д. 3262, № 57, л. 19 (Телеграмма поверенного в делах, Константинополь, 18 (31) января 1914 г.).

тив проникновения в Иран влияния других держав, в том числе США и Германии. Германские империалисты, добиваясь усиления своего влияния в Иране, заигрывали с демократическими элементами и даже поддерживали их борьбу против английских и русских планов.

Революция в Иране, направляя свои удары не только против шахского самодержавия и феодалов, но и против империалистического засилья и колониальной эксплуатации, также препятствовала расширению американской экспансии.

В этой весьма сложной ситуации американские монополисты, не располагавшие достаточными силами для активной борьбы с мощными конкурентами, вынуждены были искать новые формы для укрепления своего влияния в Иране.

Воспитанные на революционных традициях Америки, прогрессивные слои США надеялись, что правительство проявит сочувственное к иранской революции отношение. Однако правительство США решило иначе. Оно заняло позицию строгого нейтралитета, всячески избегая даже малейшего намека на возможность оказания моральной помощи революционным силам страны.

Новый посланник Дж. Б. Джексон, сменивший Пирсона, относился с недоверием к меджлису и считал, что дальнейшая борьба между силами революции и контрреволюции может привести к анархии, вмешательству иностранных держав и потере Ираном независимости. В этом духе он информировал свое начальство в государственном департаменте Соединенных Штатов Америки.

На запрос Джексона, какую он должен занять позицию в отношении революционных событий, государственный секретарь США Рут телеграфировал: «Наше правительство не может признать никакое движение, подрывающее существующие основы, до тех пор пока оно не станет действительно силой, управляющей государственной машиной, поддерживаемой народом и способной выполнять международные обязательства. Вы не должны вмешиваться ни подавая советы, ни каким-либо другим путем»⁵¹.

Рут одобрил позицию Джексона и считал, что, избегая вмешательства в дела Ирана и не участвуя с представителями других стран в тех или иных акциях в Иране, он поступает правильно, в духе данных ему директив.

Когда шах, поощряемый царской дипломатией и фарисейским «нейтралитетом» Англии, организовал контрреволюционный переворот и в июне 1908 г. начал самым жестоким образом уничтожать своих противников, оппозиция обратилась к посланнику США с просьбой о вмешательстве. Джексон ответил, что он по-

⁵¹ A. Yeselson. United States-Persian Diplomatic Relations, 1883—1921, p. 89.

лучил самые строгие директивы из Вашингтона о невмешательстве во внутренние дела Ирана.

Это, однако, не означало, что США отказывались от признания происшедших в политической жизни страны перемен. Когда в июле 1909 г., после низложения Мохаммеда-Али-шаха, на престол был возведен его 14-летний сын Султан-Ахмед-Мирза, государственный департамент США немедленно признал новое правительство.

В своем первом обращении к конгрессу в начале марта 1909 г. президент Тафт, отметив конституционные изменения как в Турции, так и в Иране, больше всего говорил о необходимости расширения экономических связей со странами Востока. И в декабре 1909 г. в своем годичном послании конгрессу он вновь подчеркивал, что для США главным является использование новых условий «для захвата большей доли в торговле Ближнего Востока»⁵².

Однако эта прямолинейная и утилитарная политика государственного департамента не всегда и не всюду содействовала «защите» имущества и безопасности американских граждан в некоторых революционных районах Ирана. В Тебризе, например, консул США не только не мог оказать помощи американским гражданам, но даже обеспечить свою собственную безопасность. И когда он в консульстве предоставил убежище армянину, которого преследовали фанатики-мусульмане, ему было сделано соответствующее внушение. В полученной консулом инструкции говорилось: «... Департамент не признает за консульством права предоставлять «убежище» и этим укрывать виновного от справедливого суда. Что касается «защиты», подобной данному случаю, то должна быть проявлена особая осторожность. Консульство не должно вмешиваться в революционное движение, выступая против одной стороны, оказывая помощь другой, поскольку это может поставить под угрозу безопасность консульства»⁵³.

В другой инструкции государственный департамент писал: «Ни вы, ни миссионеры не должны предоставлять кому-либо убежище»⁵⁴.

Такая категорическая установка вызывала недовольство не только консула Доти в Тебризе, но и миссионеров, к которым прятавшиеся от банд Рахим-хана старики, женщины и дети обращались с просьбой о предоставлении убежища.

Среди американцев в Иране, недовольных политикой государственного департамента, особое место занимал Говард С. Бескервиль, молодой преподаватель американец в одной из школ Тебриза. Он резко выступал против официальной политики США,

⁵² Foreign Relations, 1909, p. XIII—XIV; J. A. DeNovo. Op. cit., p. 48.

⁵³ A. Yeselson. Op. cit., p. 95.

⁵⁴ Ibid., p. 96.

считая, что она играет на руку контрреволюции. Он категорически отказался выполнить наказ консула о невмешательстве и открыто стал на сторону революционных сил. Выступив с оружием в руках против контрреволюционных банд, Бескервиль следующим образом доказывал свою правоту: «Я не поднимаю оружия против какого-либо законного правительства, я борюсь лишь, защищая жизнь и имущество американцев и желая помочь несчастному народу в его борьбе против беззаконного грабежа и убийств»⁵⁵.

Никакие увещания консула и указания из Вашингтона не помогли. Бескервиль отказался отдать паспорт по требованию консула и продолжал активно бороться против контрреволюционных банд. 20 апреля 1909 г. он был убит в бою с роялистами. На его похоронах, организованных местным революционным комитетом, присутствовало свыше 3 тыс. человек. Все ораторы говорили о героизме погибшего, о его сочувствии революционному движению. Через 50 лет, в 1959 г. объединенная американская комиссия организовала в Тебризе специальное собрание, посвященное памяти Бескервиля.

Политика «нейтралитета», проводимая Соединенными Штатами, не означала их отказа от борьбы за расширение своих торговых и других связей с Ираном. Государственный департамент просто выкидал лучших времен и не хотел брать на себя ответственность за возможные осложнения как с Ираном, так и с Россией и Англией. Тем не менее даже в это время американцы не прочь были воспользоваться экономическими трудностями, неразберихой, коррупцией, взяточничеством и расточительством, которые почти полностью подорвали финансовую систему Ирана. Они не отказались от использования англо-русских противоречий в Иране и ненависти народных масс к России и Великобритании. США рекламировали политику «невмешательства» и «нейтралитета», добиваясь приглашения американских советников для оказания помощи Ирану в организации финансовой и налоговой системы. В 1907 г. американцы вели переговоры с правящими кругами страны по вопросу о железнодорожных концессиях⁵⁶.

Еще в первые годы революции националисты ставили вопрос о необходимости пригласить иностранных советников для реорганизации фискальной системы. В одном из журналов, выходивших в Калькутте, «Персиан джорнэл», 8 мая 1907 г. появилась статья, в которой ставился вопрос о приглашении иностранных советников для реорганизации налоговой системы страны⁵⁷. Ая-

⁵⁵ Ibid., p. 99.

⁵⁶ М. С. Иванов. Иранская революция 1905—1911 годов. М., 1957, стр. 452—453.

⁵⁷ A. Yeselson. Op. cit., p. 106; W. M. Shuster. The Strangling of Persia. New York, 1920, p. XXXIX.

тор считал, что лучше всего было бы пригласить японцев или американцев. Такая постановка мотивировалась тем, что европейские державы своей колониальной политикой уже достаточно скомпрометировали себя в Иране⁵⁸. В Тегеране новый американский посланник приложил немало сил, чтобы ускорить приглашение американских экспертов. 4 марта 1908 г. он отправил депешу в Вашингтон с сообщением о том, что в правящем лагере в Иране созрела идея о приглашении американских советников. Рут отнесся к этому делу весьма положительно и доложил свои соображения президенту и кабинету. Однако последующие донесения посланника Джексона и других дипломатических представителей США из Тегерана были не обнадеживающими.

Американский поверенный в делах в Тегеране, пессимистически оценивая перспективы развития событий в Иране, считал, что при всех условиях эта страна не может обойтись без иностранной помощи.

Англо-русское соглашение о разделе Ирана на «сферы влияния» и стремление английских и русских империалистов покончить с революцией вызвали огромное недовольство и ненависть к колонизаторам, душителям прогресса. Не удивительно поэтому, что в июне 1910 г. меджлис принял решение добиваться займа в 5 млн. долл. у США. В принятом законе содержался пункт о необходимости пригласить иностранного специалиста для работы в министерстве финансов. Об этом же писали отдельные газеты. Американский посланник в Иране Рассел, используя недовольство в стране политикой России и Англии, развил активную деятельность, добиваясь, чтобы советниками были назначены американцы⁵⁹. При этом он считал, что лучшими кандидатами для занятия должностей советников были бы выпускники военной академии Уэст-Пойнт.

Однако на этот раз государственный департамент не сразу принял решение по этому вопросу. В разработанном департаментом меморандуме, посланном Ноксу, указывалось на неустойчивое политическое положение в Иране и доказывалось, что использование американских советников может быть истолковано европейскими державами как вмешательство США в политические дела Ближнего Востока. Составители меморандума предпочитали занять «выжидательную» позицию.

Между тем проблема эта вскоре приняла весьма реальный характер. Русская дипломатия решила помешать приглашению американских советников в Иран. 14 сентября 1910 г. русский

⁵⁸ См. также донесение Поклевского из Тегерана от 21 ноября 1909 г. (АВПР, ф. Персидский стол, 1909 г., д. 924).

⁵⁹ W. Litten. Persien. Von der «pénétration pacifique» zum «Protectorat», Berlin—Leipzig. 1920, S. 256.

посол в Вашингтоне барон Р. Р. Розен передал государственному департаменту памятную записку, в которой выражалось беспокойство по поводу приглашения в Иран американских советников. В записке также указывалось, что использование американских советников привело бы к нарушению существующих политических условий в стране, и выражалась надежда, что США учтут специальные интересы России и Англии в Иране. Уж если без советников нельзя обойтись, то Россия считала бы более целесообразным пригласить их из Голландии или Бельгии⁶⁰.

Государственный департамент США решил воспользоваться создавшимся положением, чтобы оказать давление на Англию и Россию и добиться некоторых уступок. Эта позиция госдепартамента была изложена в меморандуме помощника статс-секретаря США Х. Вильсона. Он писал:

«Я полагаю, что главным для нас при изучении сложившейся ситуации является вопрос о том, как можно использовать в наших интересах в Турции и на Дальнем Востоке озабоченность России и Великобритании делами Ирана. Поскольку Россия говорит не только за себя, но и за Великобританию, то, если мы до завтра ничего не узнаем из Великобритании, необходимо телеграфировать в посольство в Лондоне, сообщив о том, что заявила Россия, и выяснить, намерена ли Великобритания сделать аналогичное заявление. После этого мы можем предпринять осторожные шаги, с тем чтобы извлечь из этого расследования пользу для задуманного мною дела»⁶¹.

Государственный департамент немедленно отправил своему послу в Риду в Лондон подробную информацию, прося прозондировать почву в английских правящих кругах. Изучив дело, Рид имел беседы с представителями британского правительства. Как и Вильсон, он считал, что США, поддерживая интересы Британии и России на Ближнем Востоке, могут и должны выторговать для себя уступки в вопросах железнодорожных и других концессий на Дальнем Востоке и в Турции. Дальнейшие переговоры Рида привели к положительным результатам, и вскоре он сообщил, что под нажимом Англии Россия пересмотрела свою точку зрения по вопросу о приглашении американских советников для работы в Иране⁶².

Из Тегерана тоже поступили сведения о том, что 27 сентября меджлис принял постановление о приглашении американских финансовых советников. При этом посланники России и Британии заверили Рассела, что их правительства не возражают против использования Ираном американских советников. Они в то же время заявили, что вряд ли Россия и Англия отнеслись

⁶⁰ A. Yeselson. *Op. cit.*, p. 108—109.

⁶¹ *Ibid.*, p. 109.

⁶² *Foreign Relations*, 1911, p. 684, 685.

бы равнодушно, если бы речь шла о приглашении специалистов из другой крупной державы.

Вскоре государственный департамент получил телеграмму Рассела, в которой утверждалось, что в Иране ждут скорейшего приезда американских советников. Но и на этот раз департамент медлил. В меморандуме, разработанном помощником статс-секретаря Эди, вновь ставился вопрос о нецелесообразности вовлечения США в политические дела Ближнего Востока и о том, что назначение американских советников возможно при условии их апробации английскими концернами, также заинтересованными в Иране. Такая постановка вопроса вызвала раздражение американского посланника Рассела, знавшего, что персы не хотят советов англичан в данном вопросе.

28 декабря 1910 г. посланник Ирана в Вашингтоне официально обратился в госдепартамент США с просьбой своего правительства о направлении в Иран американских советников⁶³. Чтобы положить конец нерешительности и колебаниям государственного департамента, президент Тафт обратился 28 декабря с письмом к Ноксу, в котором говорилось: «Я пересылаю письмо от Моргана Шустера на случай возможного запроса иранского правительства о назначении человека, способного наладить все их таможенные и налоговые дела. Ни в нашей стране, ни во всем мире я не знаю человека более подходящего для этого, чем Морган Шустер. Я хотел бы знать Ваше мнение об этом». К этой рекомендации было приложено официальное заявление от Шустера, который подтверждал, что в тот же день он имел беседу с президентом⁶⁴.

Обращение Тафта к статс-секретарю с предложением определенной кандидатуры на пост финансового советника в Иране имело решающее значение. Госдепартамент немедленно реагировал, считая, что назначение американских советников в такой стране, как Иран, разделенной на «сферы влияния» между заинтересованными европейскими державами, может оказаться наилучшим путем для проведения агрессивной политики «долларовой дипломатии». Учитывая настороженность России и Британии, правительство США решило считать миссию Шустера частным делом и тем самым формально снять с себя ответственность за ее деятельность в Иране. Вместе с тем трудно было придумать лучшую форму для усиления влияния США в стране, в которой интересы американских монополистов еще были крайне незначительными. Американские монополисты надеялись, что советники помогут создать прочную финансовую систему в стране и расчистят путь для внедрения американского капитала, для приобретения концессии на эксплуатацию естественных богатств, и в первую очередь нефтяных ресурсов страны.

⁶³ Foreign Relations, 1911, p. 679; A. Yeselson. Op. cit., p. 112.

⁶⁴ Ibidem.

Выбор Моргана Шустера и его ближайших помощников тоже не был случайным. Шустер имел связи с промышленно-финансовыми кругами США, в том числе и с компанией «Стандард ойл». Он накопил богатый опыт работы в колониальных условиях. С 1899 по 1905 г. он занимал разные должности в таможенном управлении Кубы и Филиппин; в 1906—1908 гг. — руководил народным образованием на Филиппинских островах и занимал пост главного казначея. Его непосредственные помощники, выразившие желание работать с ним в Иране, также имели большой опыт в качестве финансовых работников на Кубе и Филиппинах.

2 февраля 1911 г. меджлис принял постановление о приглашении пяти американских советников для министерства финансов и уполномочил кабинет заключить с ними контракт, уплатив им путевые расходы⁶⁵. Перед отъездом в Иран госдепартамент вновь подтвердил им, что они едут на службу иранского правительства и не являются представителями США. Тем самым вновь подчеркивалось нежелание США вмешиваться во внутренние дела Ирана, чтобы не оказаться вовлеченными в борьбу европейских держав на Ближнем Востоке⁶⁶.

12 мая 1911 г. миссия Шустера прибыла в Тегеран и приступила к выполнению своих обязанностей. Правительство либералов, стоявшее у власти в Иране, было крайне заинтересовано в централизации всей финансовой системы, ибо это упрочило бы его позиции и содействовало бы проведению антинародной политики. К централизации финансовой системы стремился и Шустер, перед которым были поставлены серьезные задачи — добиться реорганизации всей налоговой системы страны и создания условий для проведения американских экспансионистских планов.

Шустер разработал детальный законопроект о «реорганизации финансового ведомства». Он обсуждался меджлисом и был утвержден 13 июня 1911 г. По принятому закону Шустер стал главным казначеем страны, наделенным чрезвычайными и неограниченными правами. Его контролю фактически были подчинены все иранские финансы, «все государственные доходы и расходы, монетный двор, займы, концессии, денежные обязательства и т. п.»⁶⁷. В создаваемых им управлениях Шустер имел право назначать и увольнять всех чиновников.

Без ведома главного казначея не мог быть произведен ни один прямой расход или открыт какой-либо кредит. Он получил право организовать управления по сбору налогов и расходов

⁶⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1911 г., д. 123, № 34 (Телеграмма Поклевского, 26 января (3 февраля) 1911 г.).

⁶⁶ W. M. Shuster. Op. cit., p. 4—5.

⁶⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1911 г., д. 123, № 450 (Телеграмма Поклевского, Тегеран, 1 (14) июня 1911 г.).

страны, право ревизии и контроля всех доходов и расходов, операций по чеканке монеты, займам и другим финансовым соглашениям и обязательствам правительства. На Шустера возлагалась обязанность составления государственного бюджета, а это означало, что все министры и правительственные чиновники должны были по его требованию доставлять его ведомству все необходимые сведения. Ему же предоставлялось право вносить через правительство на рассмотрение и утверждение меджлиса возможные изменения финансового законодательства⁶⁸.

Таковы были полномочия, которых добился М. Шустер. Эти в полном смысле слова неограниченные права в вопросах управления государственными финансами открывали перед Шустером, приступившим к делу с чисто американской деловитостью, большие возможности для расширения влияния Соединенных Штатов Америки в Иране.

Вскоре меджлис санкционировал приглашение еще нескольких американских советников для занятия различных должностей в финансовом ведомстве Шустера. Американская финансовая миссия, насчитывавшая в начале своей деятельности пять человек, была доведена до 14 советников⁶⁹.

В своей деятельности Шустер постоянно подчеркивал «бескорыстную» политику США, доказывал ее «коренное отличие» от политики России и Британии, использовал англо-русские противоречия, антиимпериалистические настроения народных масс и национализм молодой иранской буржуазии.

Шустер с самого начала склонен был широко толковать полученные им права. Он не считал необходимым ограничиваться только ролью советника, а добивался большей власти. Он сразу же начал проводить чистку финансового ведомства от неугодных ему чиновников; во все банки и конторы он направил специальный циркуляр, запрещающий финансовые операции без его разрешения и визы. Он попытался поставить под контроль своего ведомства таможенное управление, в котором Россия являлась «наиболее заинтересованной»⁷⁰. Шустер также разработал специальную сеть секретной службы для сбора необходимых сведений о политических настроениях отдельных партий и общественных деятелей страны⁷¹.

Правительства России, Германии, Франции и Италии, встревоженные диктаторскими полномочиями Шустера, сразу же

⁶⁸ W. M. Shuster. Op. cit., p. 356—538; «Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии», вып. VI. СПб., 1912, стр. 159—161; М. С. Иванов. Указ. соч., стр. 455.

⁶⁹ АВПр, ф. Канцелярия, 1911 г., д. 123 (Депеша из Тегерана, 13 (26) июня 1911 г.); там же, д. 124 (Донесение от 30 октября (12 ноября) 1911 г.).

⁷⁰ «Международные отношения в эпоху империализма», т. XVIII, ч. I. Б. м., 1938, док. № 232, стр. 251.

⁷¹ W. M. Shuster. Op. cit., p. 275.

выступили с протестом⁷². Временно управляющий министерством иностранных дел России Нератов писал послу в Лондоне Бенкендорфу: «Мы согласились допустить приглашение Шустера и его сотрудников лишь из желания не обострять отношений с персидским правительством и считая, что деятельность их будет ограничена ролью советников; предоставлять же им фактически полное распоряжение всеми финансами, а через то и вообще всеми делами страны мы считаем безусловно опасным и потому совершенно недопустимым. В противном случае в Персии неизбежно возникло бы влияние третьей державы, наличием коего противоречила бы одной из главных основ нашей совместной политики с Англией в этой стране»⁷³.

Протест против предоставления Шустеру диктаторских прав заявили и другие державы. Англия не присоединилась к протесту, заняв выжидательную позицию. Британские дипломаты проводили более «тонкую» политику. Зная антирусскую позицию Шустера и его друзей, они лавировали, часто даже идя на сближение с Шустером с целью подрыва влияния России.

Вскоре возник конфликт между Шустером и бельгийцем Морнаром, возглавлявшим таможенное управление и считавшимся русофилом. Шустер обратился к банкам и банковским конторам с предписанием прекратить выплачивать таможенные доходы по чекам Морнара. От последнего он потребовал перевести все таможенные поступления на ведомство Шустера и выплачивать жалованье таможенным служащим только чеками, контрассигнированными Шустером. Такое требование, доносил из Тегерана Поклевский, Морнар нашел «унизительным для бельгийцев, лишającym столь необходимого авторитета среди туземных служащих и фактически подчиняющим бельгийцев другим иностранцам»⁷⁴.

Шустеру удалось провести через меджлис закон о передаче американской миссии контроля над расходованием английского займа в 1250 тыс. ф. ст.⁷⁵ Английский шахиншахский банк отказался оплатить несколько чеков Морнара и выдать правительству Ирана остаток англо-русского займа без санкции Шустера⁷⁶. Все это свидетельствовало, что английские представители поддерживали антирусские мероприятия американской миссии в надежде укрепить влияние британских монополистов.

⁷² АВПР, ф. Персидский стол, 1911 г., д. 926, лл. 174—176 (Донесение из Тегерана, 29 июня 1911 г.).

⁷³ «Международные отношения в эпоху империализма», т. XVIII, ч. I, док. № 184, стр. 201.

⁷⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1911 г., д. 172 (т. II), № 521 (Донесение Поклевского, Тегеран, 24 июня (7 июля) 1911 г.); о том же см. там же, № 523 (Донесение от 25 июня (8 июля) 1911 г.).

⁷⁵ «Международные отношения в эпоху империализма», т. XVIII, ч. I, док. № 180, 184, 190, стр. 196—197, 201—202, 208.

⁷⁶ Там же, док. № 180, стр. 196—197.

Борьба между Шустером и Морнаром в конечном счете закончилась поражением Морнара.

Реорганизуя всю налоговую систему страны и пытаясь навести порядок в ее финансах, Морган Шустер действовал весьма энергично. Не много потребовалось времени, чтобы избавиться от старых сборщиков налогов на местах (мостоуфи), привыкших к методам коррумпирования. Они были заменены чиновниками, непосредственно ответственными перед главным казначеем. Так возникла новая финансово-налоговая чиновничья машина, строго централизованная и выполнявшая директивы Шустера. Эти же чиновники собирали и другую информацию на местах, необходимую для главного казначея и его приверженцев. В сентябре Шустер разработал новую систему взимания налогов с населения. Меджлис утвердил эти предложения, и они стали законом страны. Налоги увеличивались: на мясо, табак, табачные изделия, спиртные напитки, красители, опиум и т. д. Все договоры и коммерческие бумаги облагались гербовым сбором. Новая налоговая система не только затрагивала интересы трудовых масс, но и интересы буржуазии и помещиков, в том числе представителей власти, привыкших раньше грабить казну, но не платить налогов ⁷⁷.

Почти одновременно с принятием нового налогового закона Шустер приступил к организации финансовой жандармерии, — вооруженной силы, подчинявшейся непосредственно американской миссии. Создание такой военной силы Шустер объяснял необходимостью внушить всему населению чувство «порядка и общественной безопасности, без коих взимание податей в Персии невозможно» ⁷⁸. Жандармами могли быть персы, но руководство ими передавалось европейским и американским офицерам. К осени 1911 г. уже начали действовать первые отряды финансовых жандармов. Шустер считал, что для успешного выполнения возложенных на них задач «численность жандармерии должна дойти от 12 000 до 15 000» ⁷⁹.

Создавая финансовую жандармерию, Шустер не только хотел «сосредоточить в своих руках финансы и наиболее крупную, организованную на военный лад силу» ⁸⁰, но и постепенно вытеснить казачью бригаду, руководимую русскими офицерами. Не случайно поэтому американская миссия доказывала иранскому правительству, что на содержание казачьей бригады оно тратит ежемесячно 30 тыс. туманов и что наличие одной «хорошо организованной и дисциплинированной силы, каковой явится финан-

⁷⁷ W. M. Shuster. *Op. cit.*, p. 296—301.

⁷⁸ «Международные отношения в эпоху империализма», т. XVIII, ч. I, док. № 419, стр. 420.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же, док. № 426, стр. 434.

совая жандармерия, будет достаточным для поддержания порядка»⁸¹.

Таким образом, это мероприятие Шустера было направлено главным образом против русского влияния в Иране. Стремясь использовать Англию против усилившегося в Иране влияния России, Шустер назначил начальником жандармерии английского военного атташе, опытного разведчика майора Стокса⁸². Шустер утверждал, что, назначая Стокса, он руководствовался только деловыми соображениями. Против назначения Стокса резко выступили дипломатические представители России, больше всего опасавшиеся, что он сможет использовать данные ему полномочия в северных районах Ирана. Активная дипломатическая переписка с министерством иностранных дел Англии и предложение пригласить офицеров «второстепенных держав» не привели к положительным результатам. Шустер категорически заявил, что «о приглашении офицеров второстепенных держав не может быть и речи, так как он считает возможным поручить столь ответственное дело лишь человеку, лично ему известному»⁸³. Таким человеком и был майор Стокс. Подав в отставку, он принял предложенный пост. И Стокс, и Шустер намеревались «в этом вопросе идти напролом»⁸⁴.

Шустер вскоре добился от меджлиса утверждения Стокса в качестве руководителя жандармерии. Он также выхлопотал для него пенсию в 250 ф. ст. в год «по истечении или же на случай нарушения его контракта»⁸⁵. Английское правительство заявило, что оно не могло помешать поступлению Стокса на персидскую службу, ибо, подав в отставку, он являлся частным лицом.

Создание финансовой жандармерии безусловно укрепило позицию Моргана Шустера, влияние которого продолжало расти. Его поддерживали иранское правительство, большинство меджлиса и видные представители буржуазии, в их числе и «демократы». Поддержка, оказываемая Шустеру политическими деятелями Ирана, объясняется в первую очередь тем, что они в одинаковой степени ненавидели русский и английский империализм, были крайне недовольны англо-русским соглашением 1907 г. и считали, что Шустер и его приближенные представляют собой силу, которую можно использовать против англо-русских экс-

⁸¹ Там же, стр. 420.

⁸² Там же, стр. 318 (примечание).

⁸³ «Международные отношения в эпоху империализма», т. XVIII, ч. I, док. № 201, стр. 215.

⁸⁴ «Международные отношения в эпоху империализма», т. XVIII, ч. I, док. № 201, стр. 215; см. также АВПР, ф. Канцелярия, 1911 г., д. 172 (т. II), лл. 219, 220—221 (Донесения Поклевского от 30 июня (13 июля) 1911 г. и от 3 (16) июля 1911 г.).

⁸⁵ «Международные отношения в эпоху империализма», т. XVIII, ч. I, док. № 273, стр. 279.

плуататоров. Они еще плохо знали действительные планы и цели американских экспансионистов. Под флагом «нейтралитета», «невмешательства» и доктрины «открытых дверей» дипломатические представители США и миссия Шустера, координировавшая свои планы с американской миссией, создавали возможности для последующего расширения экспансии США.

Шустер не только получил диктаторские права в финансовой системе страны, он не только создал свою военную организацию — жандармерию, но стал влиятельным лицом в военном министерстве Ирана. На него были возложены обязанности советника военного министерства⁸⁶. Как руководитель всей фискальной машины государства и советник по военным вопросам, волновавшим в то время страну, Шустер мог оказывать большое влияние на происходившие события. В книге «Удушение Персии» Шустер сам признает: «Без полномочий, утвержденных законом от 13 июня, абсолютно ничего нельзя было бы сделать. Достаточно сказать, что без этого неоткуда было бы достать средств для финансирования бахтиаров и других военных отрядов, посланных летом правительством против Мохаммеда-Али...»⁸⁷ Шустер доказывал, что все его финансовые и другие мероприятия связаны исключительно с внутренней политикой страны. Формально он был прав, ибо речь шла главным образом о том, чтобы покончить с устаревшей координированной налоговой и финансовой системой Ирана. Фактически же полученные им полномочия давали ему возможность оказывать серьезное влияние на всю политику страны, в том числе и на внешнюю. Его финансовые мероприятия затрагивали интересы русских купцов и связанных с ними на севере страны персидских и азербайджанских помещиков, привыкших получать «помощь» из централизованной казны, но при всех условиях не вносить причитающиеся с них налоги. Финансируя конституционалистов и сторонников меджлиса, Шустер навлек на себя ненависть роялистов и поддерживавших их внешних сил.

Опираясь на националистически настроенную иранскую буржуазию, Шустер пытался использовать ее неприязнь к англо-русским колонизаторам и завсевать ее расположение к США. Он неслестно отзывался о дипломатии Эдуарда Грея. «Возможно, — писал Шустер, — что даже сэр Эдуард Грей признает, что в дипломатии намеченный курс должен быть либо моральным, либо удачным. Его курс не был ни тем, ни другим»⁸⁸.

Занимая определенную антирусскую и антианглийскую позицию, Шустер окружал себя людьми, сочувствующими его по-

⁸⁶ АВПР, ф. Персидский стол, 1911 г., д. 926 (Донесение из Тегерана, 20 июня 1911 г.).

⁸⁷ W. M. Shuster. Op. cit., p. 301.

⁸⁸ Ibid., p. 263.

литике. Его поддерживало большинство меджлиса⁸⁹. Он не прочь был использовать Кавам-эс-Салтане и Хаким-эль-Молька, тем более что оба являлись сторонниками проамериканской внешнеполитической ориентации. Его ближайшие друзья и сотрудники — майор Стокс, англичанин Лекофр, участник национально-революционного движения в Иране, назначенный Шустером начальником финансовой части в Азербайджане, корреспонденты «Таймс» Мур и агентства Рейтер Малонэ были «душой всей оппозиции Мохаммед-Али-шаху» и выступали против политики России и Англии в Иране⁹⁰. Посол в Лондоне Бенкендорф в одном из донесений писал: «Сэр Артур говорил мне, между прочим, что эти назначения англичан, из которых некоторые, как г. Лекофр, являются просто персидскими националистами, нисколько не считающимися с английской политикой, ни в какой мере не устраивают английское правительство»⁹¹.

Занимаемая Шустером должность советника дала ему возможность установить тесную связь с Ефремом, начальником тегеранской жандармерии, сыгравшим немалую роль в борьбе против роялистских сил страны.

Когда в 1911 г. Мохаммед-Али при содействии царского правительства России сделал попытку вернуть трон и высадился на побережье Каспийского моря, американская миссия заняла определенную позицию. Шустер проявил большую активность и как главный казначей, и как советник военного министерства. Он финансировал вооруженные отряды, выступавшие против экс-шаха и роялистских сил. В стране было введено чрезвычайное военное положение. По инициативе Моргана Шустера меджлис принял решение о назначении награды за головы Мохаммеда-Али и его братьев⁹².

Авантюра экс-шаха Мохаммеда-Али потерпела полный крах. Его поражение стало возможным главным образом в результате сплоченности прогрессивных сил страны, решительно выступивших против реакционных банд. Объективно позиция американской миссии, выступавшей против российских и английских колонизаторов, ненавидевших демократическое движение, также способствовала поражению контрреволюционных планов экс-шаха.

Шустер разработал план экономического развития страны. Он добивался права заключать контракты на концессии «с любой компанией по его собственному выбору», а также «неограни-

⁸⁹ См. З. З. Абдуллаев. Начало экспансии США в Иране, стр. 28—29; «Кавказская копейка», 4.XII 1911.

⁹⁰ АВПР, ф. Персидский стол, 1911 г., д. 926, лл. 186—189 (Поклевский — Нератову, 13 июня 1911 г.).

⁹¹ «Международные отношения в эпоху империализма», т. XVIII, ч. II, док. № 823, стр. 321.

⁹² W. M. Shuster. Op. cit., p. 88, 89.

ченную доверенность и на заключение займа»⁹³. Речь шла главным образом о железнодорожных концессиях. В это время активизировались французские и английские банковские круги. Французские банкиры «выразили готовность финансировать общество изысканий для транзитной железной дороги через Персию»⁹⁴. Переговоры с Ираном вели также синдикат Линча и «Англо-иранская нефтяная компания» о постройке четырех железных дорог на юге страны⁹⁵. Шустер представил правительству свой план на постройку восьми железных дорог⁹⁶. 30 сентября 1911 г. соответствующий закон был принят меджлисом. При этом Шустер добивался передачи концессий на строительство дорог американским компаниям «на условиях, сходных с теми, которые предлагал английский синдикат, добивавшийся железнодорожных концессий на Юге»⁹⁷.

Стараясь получить «неограниченное доверие» меджлиса на заключение займа с банкиром Зелигманом, имевшим тесные связи с финансовыми кругами США, Шустер стремился ослабить влияние русского банка в стране. Переговоры велись с Зелигманом о займе в 4 млн. ф. ст. Он гарантировался, кроме «свободного остатка таможенных доходов, еще доходами с монетного двора и государственных имуществ, паспортным сбором и малиатом как в Южной, так и в Северной Персии, входящей в сферу русского влияния»⁹⁸.

Заем предназначался для выкупа 7% конвертированного долга иранского правительства Учетно-ссудному (русскому) банку, для «полезных общественных работ, вроде орошения и развития торговли и земледелия, для улучшения торговых путей и для установления действительного финансового контроля в Тегеране и провинциях»⁹⁹.

Переговоры Шустера с Зелигманом о займе вызвали беспокойство в дипломатических кругах России. Больше всего они были озабочены условиями займа. В случае задержки платежей по займу банкирский дом Зелигмана требовал для себя права установить контроль над всеми видами доходов, за исключением таможен. Далее Зелигман обуславливал «расходование выручки от займа контролем своего представителя и... сохранения на весь срок займа до его погашения (т. е. на 40 лет. —

⁹³ «Международные отношения в эпоху империализма», т. XVIII, ч. II, док. № 652, стр. 178.

⁹⁴ Там же, док. № 649, стр. 177.

⁹⁵ Там же, док. № 632, стр. 168.

⁹⁶ W. M. Shuster. Op. cit., p. 307—308.

⁹⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1911 г., д. 124, № 948 (Донесение из Тегерана от 4 (17) октября 1911 г.).

⁹⁸ «Международные отношения в эпоху империализма», т. XVIII, ч. II, док. № 482.

⁹⁹ «Международные отношения в эпоху империализма», т. XVIII, ч. II, док. № 447, стр. 8 (примечание); W. M. Shuster. Op. cit., p. 306—307.

Л. З.), должности главного казначея...»¹⁰⁰. При этом Зелигман требовал, чтобы права главного казначея не урезались без его согласия.

Такие условия займа не могли встретить сочувствия в политических кругах России. Министр финансов В. Коковцов резко выступил против, считая, что он «выходит далеко за пределы простой финансовой операции, так как обеспечивает банкирскому дому Зелигман возможность непосредственного влияния на финансовую политику Персии и, что особенно важно, создает серьезные политические интересы Англии в отведенной нам, в силу соглашения с последней, исключительной сфере влияния».¹⁰¹

Займовый план Шустера действительно преследовал далеко идущие цели. С одной стороны, он стремился ослабить англо-русский контроль над финансами Ирана. С другой, — заигрывая с Англией, Шустер пытался по договоренности с Зелигманом распространить влияние британских финансовых кругов и на северную часть Ирана, т. е. на «сферу» царской России. Фирма Зелигмана не была в полном смысле слова английской. Она имела связи с немецкими банковскими кругами, а еще более с финансовой олигархией США. Распространение деятельности этой фирмы и на северную часть Ирана, при дальнейшем укреплении власти главного казначея страны, привело бы к англо-американскому контролю над всем Ираном.

Из-за противодействия царской России Шустеру не удалось заключить с фирмой Зелигмана заем, необходимый для проведения его планов.

Царские дипломаты решили покончить с деятельностью Шустера, подрывавшего влияние России в Иране. Они никогда не давали полного согласия на сохранение на посту руководителя финансовой жандармерии майора Стокса. Никакие заверения главного казначея, что Стокс не будет иметь отношения к северным провинциям страны, не помогли. Царская дипломатия требовала его освобождения, оказывая в этом отношении давление и на Англию. Шустер вызвал также недовольство России, назначив Лекофра, известного русофоба, начальником финансовой части в Азербайджане¹⁰². И Британия выступила против назначения Лекофра, считая его сторонником национальной буржуазии Ирана, недовольной колониальной политикой Англии и России. Хотя между Россией и Великобританией имелись противоречия в Иране, обе державы, учитывая положение в мире и

¹⁰⁰ «Международные отношения в эпоху империализма», т. XVIII, ч. II, док. № 482, стр. 39.

¹⁰¹ Там же, стр. 40.

¹⁰² АВВР, ф. Персидский стол, 1911 г., д. 926, лл. 270—272 (Поклевский — Ператову, Тегеран, 27 октября 1911 г.).

в Европе, заинтересованы были в сохранении англо-русского соглашения. Поэтому попытки Шустера подорвать его приводили к сближению дипломатии Англии и России и в конце концов к созданию условий для устранения Шустера и всей американской миссии. В письме русскому послу в Лондоне Бенкендорфу Нератов писал: «Грей поручил Бьюкенену сказать мне и Коковцову, что он чрезвычайно дорожит сохранением наших добрых отношений и что он за все время трений на почве персидских дел напирал все усилия, чтобы поддерживать нашу точку зрения не только в Персии, но и у себя дома. Отметив, что нет ни одного мирового вопроса, в котором Россия и Англия не шли бы рука об руку, Грей сказал, что ему было бы особенно обидно, если бы из-за персидского вопроса между обеими державами возникли недоразумения».

Вскоре царская Россия, искавшая повод для более решительной постановки вопроса об американской миссии, использовала дело о конфискации Шустером дома и имений принца Шоа-эс-Салтане, брата изгнанного из страны бывшего шаха Мохаммеда-Али. Для обеспечения своей безопасности Шоа-эс-Салтане принял турецкое подданство. Еще в 1908 г. он вступил с русским Учетно-ссудным банком в Иране «в фиктивную, засвидетельствованную лишь в миссии сделку, на основании коей принц признавал себя должным банку 120 тыс. томанов и предоставлял в обеспечение этого долга некоторые из своих имений»¹⁰³. Русский посланник в Тегеране признавал, что «принц нашему банку ничего не должен...»¹⁰⁴ Тем не менее на основании фиктивной сделки «банк обещал постараться принять нужные меры, дабы охранить эти имения от чьих бы то ни было посягательств, нападений и претензий...»¹⁰⁵

Выполняя решения меджлиса и кабинета о конфискации имений Шоа, Шустер направил финансовых жандармов в городской дом Шоа-эс-Салтане и его пригородное имение Доулетабад, арендованное компанией из двух русских и двух иранских подданных. Узнав об этом, русский генеральный консул в Тегеране, без согласования с миссией, направил в имение Шоа своих представителей и отряд казаков. Они выгнали из дома Шоа финансовых жандармов Шустера. В пригородном имении драгоман консульства Петров обезоружил жандармов Шустера, отправив их под конвоем в генеральное консульство. На следующий день Шустер направил в дом Шоа 120 жандармов, которые беспрепятственно им завладели¹⁰⁶.

¹⁰³ «Международные отношения в эпоху империализма», т. XVIII, ч. II, док. № 603, стр. 146 (Поклевский — Нератову, 12 октября 1911 г.).

¹⁰⁴ Там же, стр. 146.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же, док. № 616, стр. 154—155.

Этот инцидент дал повод царской России решительно выступить против правительства Ирана и американской миссии в Тегеране. Британскому послу в Петербурге было заявлено, что дальнейшие действия Шустера против Шоа-эс-Салтане могут вынудить Россию применить крайние меры, не исключая оккупации северной части Ирана.

Создавшееся напряженное положение осложнилось еще и тем, что Шустер опубликовал в лондонской газете «Таймс» открытое письмо, в котором обвинял «Россию и Англию в недоброжелательстве и недоверии к нынешнему правительству Персии». России он ставил в упрек «защиту деятелей старого режима»¹⁰⁷. Согласно оценке газеты «Речь» письмо Шустера являлось обвинительным актом «против России и попутно против Англии», которая упрекалась «больше в попустительстве, чем в активном соучастии». «Обвинение, — писала газета, — основывается на фактах, за достоверность которых Морган Шустер ручается и которые он берет на себя подтвердить документально»¹⁰⁸.

Полный текст статьи¹⁰⁹ Шустера был издан в виде отдельной брошюры на персидском языке, которая распространялась среди политических деятелей и населения Ирана.

В начале ноября, согласно инструкции министерства иностранных дел России, посланник в Тегеране предъявил иранскому правительству ультимативные требования об удалении жандармов Шустера из дома и имения Шоа-эс-Салтане и полного удовлетворения русских чиновников за нанесенную им обиду. И в межджише, и в кабинете министров возникли серьезные разногласия в связи с требованиями царской России. Однако из опасения, что Россия может прибегнуть к «крайним мерам», председатель совета министров потребовал от Шустера удалить его жандармов из дома и имения Шоа-эс-Салтане. Шустер отказался выполнить распоряжение премьера, указав, что приказ о конфискации был подписан всем составом кабинета. И только когда новое распоряжение будет подписано всеми министрами, он примет необходимые меры для его выполнения.

В связи с этим возник кризис кабинета. Как сообщал русский посланник, первый министр и министр иностранных дел подали в отставку, и «совещания о сформировании нового кабинета не дали никакого результата»¹¹⁰. Только после того как царское правительство решило двинуть отряд казаков численностью в 4 тыс. человек в направлении Казвина, кризис кабинета был ликвидирован. Реорганизованный кабинет вновь возглавил Самсам-эс-

¹⁰⁷ «Петербургский листок», 1.XI 1911.

¹⁰⁸ «Речь», 2.XI 1911. Письмо появилось в «Таймс» 10 и 11 ноября 1911 г. (н. ст.).

¹⁰⁹ Полный текст см. W. M. Shuster. Op. cit., p. 358—371.

¹¹⁰ «Международные отношения в эпоху империализма», т. XIX, ч. I, док. № 9 (Поклевский — Нератову, 14 ноября 1911 г.).

Салтане. Получив новый приказ, подписанный всеми министрами, Шустер выполнил его, и жандармы очистили занятые им дом и имение принца ¹¹¹.

Между тем русские войска высадились в Иране и начали двигаться в направлении Решта. Хотя министр иностранных дел Ирана принес извинения русскому посланнику за «оскорбление» чиновников консульства, войска продолжали продвижение. Посланник России заявил, что императорское правительство вряд ли может теперь «удовольствоваться исполнением первых двух наших требований...» ¹¹²

В конце ноября царская Россия предъявила Персии второй ультиматум, в котором содержались следующие требования: 1) увольнение Шустера и Лекофра; 2) обязательство иранского правительства не приглашать на службу иностранцев без предварительного согласия русской и английской миссий в Тегеране; 3) возмещение правительством Ирана расходов, вызванных интервенцией ¹¹³.

Предъявление нового ультиматума Ирану было встречено в дипломатических кругах Великобритании без особого энтузиазма. В беседе с русским послом в Лондоне Эдуард Грей сказал, что он считает «прикорбным фактом» предъявление русского ультиматума Ирану из-за вопроса об имении Шоа, — «вопроса незначительного»; «прикорбным» является и то, что, вопреки принятию первого ультиматума России, русские войска не были отозваны и были предъявлены новые требования. Что касается нового ультиматума, то Грей не возражал против пунктов, касающихся увольнения Шустера и приглашения иностранных советников. Однако он считал необходимым смягчить второй пункт, требуя от иранского правительства «обещания» не приглашать их «без совещания с русской и английской миссиями вместо того, чтобы связывать его обязательством испрашивать их согласие». Что касается третьего пункта ультиматума, то Грей «выразил сожаление по поводу требуемого возмещения убытков» ¹¹⁴. Грей также категорически выступал против реставрации Мохаммеда-Али.

1 декабря 1911 г. иранское правительство отвергло ультиматум России и выразило готовность приступить к переговорам об изменении требований ¹¹⁵.

¹¹¹ W. M. Shuster. Op. cit., p. 162; «Международные отношения в эпоху империализма», т. XIX, ч. I, док. № 56, стр. 50.

¹¹² «Международные отношения в эпоху империализма», т. XIX, ч. I, док. № 90, стр. 85.

¹¹³ «Международные отношения в эпоху империализма», т. XIX, ч. I, док. № 104, стр. 97—98.

¹¹⁴ «Международные отношения в эпоху империализма», т. XIX, ч. I, стр. 122—123 (Бенкендорф — Нератову, 2 декабря 1911 г.); там же, док. № 140.

¹¹⁵ Там же, док. № 146, стр. 128—129.

Воспользовавшись продвижением русских войск, иранская реакция подняла голову и решила разделаться с патриотическими силами страны. В середине декабря отряды бахтиар и дашнаков заставили меджлис принять решение о самороспуске. Вскоре правительство Самсама-эс-Салтане уволило со службы Шустера и Лекофра¹¹⁶.

Так закончилась деятельность американской миссии в Иране, возглавляемой Морганом Шустером. За восемь месяцев своей работы Шустер успел показать большую предприимчивость, деловитость и американский размах. В его руках сконцентрировалась огромная власть, во многом превосходящая компетенцию любого из министров иранского правительства. Фактически он стал финансовым диктатором страны, и нет сомнения в том, что, оставаясь дольше во главе своего ведомства в Иране, он привлек бы к эксплуатации естественных ресурсов страны американских монополистов. Планы, разработанные Шустером по экономическому развитию Ирана и по развитию железных дорог, могли быть выполнены только путем привлечения иностранного капитала. Борьба за железнодорожные концессии, а затем и их монополизация создают для империалистических колонизаторов наиболее благоприятные условия для захвата источников сырья, сфер дальнейшего внедрения капиталов, всех экономически-командных высот колониальных и зависимых стран. Шустер не только стал финансовым диктатором Ирана, но и советником военного министерства. Его деятельность не могла не носить политического характера. Она преследовала далеко идущие цели: подорвать влияние как России, так и Англии в Иране. Хотя англичане всячески лавировали и Шустер многократно использовал для проведения своего курса англо-русские противоречия, существовавшие вопреки соглашению 1907 г., он в то же время не раз разоблачал колониальные мероприятия Великобритании. Все это делалось для одной цели: завоевать симпатии господствующей иранской элиты к США, внушить ей, что США проводят, в отличие от европейских колонизаторов, «бескорыстную» политику. Государственный департамент США строго придерживался политики «нейтралитета» и «невмешательства» в иранские дела. Эта линия также облегчала Шустеру задачу доказать, что американская политика коренным образом отличается от политики России и Англии, что США будто бы не заинтересованы в проведении колониальной политики.

Огромная власть, которой добился Шустер за короткий период своей деятельности в Иране, создала своеобразные условия для внедрения в ближайшем будущем американского капитала. США не могли не учитывать позиций России и Англии в этой

¹¹⁶ Там же, док. № 258, стр. 237—238 (Нога шахского министерства иностранных дел от 24 декабря 1911 г.).

стране. Ситуация в Европе, второй марокканский кризис и углубление англо-германских противоречий толкали Англию на дальнейшее сближение с Россией. Считаясь со всем этим, США прибегли к новому методу расчищения пути для своих потенциальных возможностей экономической, а затем и политической экспансии в Иране, — к организации финансовой миссии в стране. Диктаторские полномочия Шустера, его политика привлечения на свою сторону буржуазно-политических группировок и то влияние, которое он оказывал на развитие событий в стране, привели к тому, что фактически им был установлен «замаскированный протекторат». В. И. Ленин, конспектируя книгу Г. Деморньи «Персидский вопрос и война», специально обратил внимание на следующий вывод автора: «Контроль над государственными финансами, которого хотят добиваться, стал новой формулой замаскированного протектората, чрезвычайно модной в настоящий момент»¹¹⁷.

Замаскированная форма протектората, установленная Морганом Шустером в Иране, не прошла без последствий. Почва для будущей экспансии США была до известной степени подготовлена. В годы после первой мировой войны США в борьбе за расширение своих экспансионистских планов в Иране учитывали как сильные, так и слабые стороны деятельности американской миссии во главе с Морганом Шустером. Опыт Шустера учитывался и последующими миссиями США в Иране.

¹¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 702.

**«ДИПЛОМАТИЯ ДОЛЛАРА»
В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ****«Превентивная политика» — политика интервенции**

Избрание Уильяма Говарда Тафта президентом США в конце 1908 г. и назначение Филандера Нокса в 1909 г. на пост секретаря государственного департамента означали дальнейшее усиление агрессивной внешней политики. Тафт начал служебную карьеру как адвокат¹. В прошлом он пользовался среди магнатов капитала репутацией выдающегося адвоката по делам корпораций. За «заслуги» в качестве члена Верховного суда штата Огайо Тафт был назначен главой филиппинской комиссии, а затем и первым гражданским губернатором Филиппинских островов, где самым жестоким образом подавлял борьбу народа за независимость. Его «достижения» на Филиппинах привели его на пост военного министра в правительстве Рузвельта. И на этом посту Тафт выполнял ряд специальных поручений президента Рузвельта по дальневосточным делам. Он содействовал заключению соглашения с японским министром иностранных дел Кацура в 1905 г., которое было направлено против интересов народов Кореи и Китая. При прямой помощи Тафта был разработан ряд мероприятий, связанных с борьбой американских монополий за дальневосточные рынки, за создание условий для эксплуатации как природных богатств, так и народов Китая и Кореи. Не удивительно поэтому, что Тафта избрали президентом США при прямой поддержке Т. Рузвельта. Большую помощь во время избирательной кампании оказали Тафту крупные промышленники и финансисты во главе с Рокфеллером.

Тафт был крайним консерваторм. Его внешнеполитический курс являлся прямым продолжением империалистической политики Рузвельта с той только разницей, что Тафт не считал необходимым скрывать свои отношения с трестами и их руководи-

¹ W. H. Calcott. The Caribbean Policy of the United States, 1890—1920. p. 258.

телями. В то время как Т. Рузвельт полностью контролировал республиканскую партию и довольно ловко примирял в ней противоречивые элементы, Тафт не обладал способностями, которые необходимы для руководства буржуазной партией. Теодор Рузвельт, характеризуя Тафта, говорил: «Он был хорошим лейтенантом, но плохим капитаном».

Кабинет Тафта состоял главным образом из адвокатов трестов, имевших большой опыт в защите прав монополий. Государственный секретарь Ф. Нокс стал самым близким другом президента. Своей основной обязанностью Нокс считал содействие интересам американских магнатов. Он привык вести дела с крупными капиталистами и, как пишет американский историк Калькотт, «считал их людьми, стоящими внимания, а к людям, не умеющим наживать деньги, относился как к низшим»².

Тафт и Нокс проводили активную политику в странах Латинской Америки. Несмотря на критику, которой подверглась политика Рузвельта, администрация Тафта не только продолжала эту политику в Доминиканской республике, но и стремилась распространить ее на Никарагуа, Гондурас и другие республики Центральной Америки.

Опираясь на «доктрину Рузвельта», Нокс старался превратить американский капитал в орудие «обеспечения финансовой стабильности, устойчивости, а следовательно, процветания и мира в наиболее отсталых республиках, лежащих поблизости от Панамского канала»³.

А установление «финансовой стабильности» и «устойчивости» в этих республиках в понимании американских экспансионистов означало использование США «права» на интервенцию с целью оказания им «помощи» для установления правительства, выгодного монополистам Соединенных Штатов.

При проведении новой политики Тафт и Нокс опирались также и на панамериканизм, усиливая пропаганду за сближение между США и латиноамериканскими странами. Стремясь опереться на более крупные страны Южной Америки, государственный департамент США и весь пропагандистский аппарат американских монополий пытались рассеять подозрительность, недоверие и боязнь империализма латиноамериканцев, которые существовали среди народов южнее Рио-Гранде. Эту же цель преследовала 4-я панамериканская конференция.

Она состоялась в Буэнос-Айресе с 12 июля по 30 августа 1910 г. при участии всех латиноамериканских республик, кроме Боливии. По заявлению председателя делегации США, «от начала и до конца конференции не было сказано ни одного недоброго или

² W. H. Calcott. Op. cit., p. 259.

³ Foreign Relations, 1912, p. 581.

недружелюбного слова»⁴. Такой успех был достигнут ценой исключения из программы всех спорных вопросов.

Обсуждавшиеся на конференции вопросы касались по преимуществу сфер патентов, авторского права, фабричных марок, пошлин, путей сообщения. Делегаты приняли в другой редакции и продлили на неопределенное время соглашение о применении арбитража в разрешении вопросов, касающихся претензий. Бюро американских республик было еще раз реорганизовано, его функции расширены, а название изменено на «Панамериканский союз»⁵. Благодаря стараниям делегации США безуспешной оказалась попытка внести в конвенцию пункт о передаче претензий в арбитраж только после явно несправедливого отказа в судах того государства, с которого взыскиваются платежи⁶.

Делегаты латиноамериканских стран выдвинули требование, чтобы американские правительства, не признанные США, могли иметь своих представителей в административном совете Панамериканского союза. Ответом на такое недружелюбное для США возражение послужило внесение поправки: «Каждая республика, не имеющая представителя, аккредитованного при правительстве США, может передать одному из членов административного совета право представлять ее в Союзе американских республик, причем он получает право голосовать за каждую из представляемых им стран»⁷.

Не осталась без внимания доктрина Монро. Набуко, бывший бразильский посол в США, незадолго до смерти собиравшийся внести конференции предложение о признании странами Латинской Америки доктрины Монро фактором постоянного мира в обеих Америках. В предложении Набуко, одобренном бразильской делегацией, говорилось: «Продолжительное время, истекшее с момента провозглашения доктрины Монро, позволяет признать ее неизменным фактором международного мира на Американском континенте. На этом основании Латинская Америка выражает своей великой северной сестре, в ознаменование своих первых шагов к независимости, сердечную благодарность за этот благородный и бескорыстный акт, имевший также великие благотворительные последствия для всего Нового света»⁸.

Прежде чем предложить эту резолюцию, бразильская делегация, стремившаяся выслужиться перед США, попыталась

⁴ H. White. The Fourth International Conference of American States. — «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», May 1911, p. 8.

⁵ The International Conferences of American States, 1889—1928. New York, 1931, p. 153—206.

⁶ Senate Documents, N 744, 61st Congress, 3d Session, Fourth International Conference of American States, p. 21.

⁷ The International Conferences of American States, 1889—1928, p. 178.

⁸ Ibid., p. 193—196.

получить одобрение других делегаций. Но при ознакомлении с проектом у многих возникли опасения, что в такой редакции резолюция может быть истолкована как санкционирование тех многочисленных империалистических мероприятий, которые проводились США под прикрытием доктрины Монро⁹.

Выяснилось, что трудно и, пожалуй, даже невозможно получить единогласное одобрение какой бы то ни было резолюции. Делегаты выражали опасения, что принятие резолюции будет равносильно санкционированию «многих проявлений гегемонии США, оскорблявших не одну страну, как посягательство на ее независимость и суверенитет»¹⁰. Когда обратились за советом к делегатам США, те предложили отказаться от резолюции, которая может вызвать разлад среди участников конференции.

Бразильцы согласились с таким мнением, и вопрос о резолюции больше не поднимался. Характерно, что ряд делегатов добивался дополнения доктрины Монро новыми принципами, которые ограничивали бы гегемонию США.

Решения 4-й панамериканской конференции ничуть не помещали Тафту и Ноксу более широко применять интервенционистские методы в странах Центральной Америки и в Карибском бассейне. Интервенции проводились на Кубе, в Никарагуа, в Мексике и других республиках. Они привели к дальнейшему порабощению соседних республик в интересах финансовой олигархии США. Государственный департамент часто играл роль советника, указывавшего капиталистам на предприятия, в которые им выгодно вложить свои капиталы.

По инициативе, а иногда и по прямому указанию госдепартамента американские банкиры предоставляли займы Кубе, Никарагуа, Санто-Доминго и Гондурасу с тем, чтобы освободить Карибские страны от их зависимости от Европы и тем самым открыть широкие возможности для внедрения американского капитала в эти страны. Так, в 1910 г. Нокс выразил протест против преобладания французского капитала в сумме 16-миллионного займа, предоставленного Гаити. В результате этого вмешательства Национальный банк Нью-Йорка стал фактическим хозяином всей финансовой системы Гаити и за несколько лет выкупил все иностранные акции.

Займовые операции влекли за собой установление контроля над таможенными этих стран, приводили к открытому вмешательству частей морской пехоты США. И это делалось вопреки заявлениям президента Тафта, считавшего, что «дипломатия дол-

⁹ См. дискуссию: *The International Conferences of American States, 1889—1928*, p. 193—196. Изложение дискуссии дано в кн. A. Alvarez. *The Monroe Doctrine, its Importance in the International Life of the States of the New World*. New York—London, 1924.

¹⁰ *The International Conferences of American States, 1889—1928*, p. 195.

лара», откровенно направленная на расширение американской торговли, заменяет «штыки долларами»¹¹.

Приход к власти Вильсона в начале 1913 г. не привел к серьезным изменениям во внешней политике США. Неоднократно выступая против «долларовой дипломатии», Вильсон на деле был не менее вдохновенным приверженцем американской империи, чем его предшественники — Рузвельт и Тафт. Так же, как они, он использовал власть правительства, военные и морские силы США для поддержки американских промышленников и финансистов за границей. Убеденный в том, что США не могут дольше оставаться изолированными от остального мира, Вильсон боролся за такую внешнюю политику, которая отвечала бы новым требованиям усиливающегося империалистического государства.

Тафт и Вильсон утверждали, что латиноамериканские страны неспособны самостоятельно установить конституционные правительства, и поэтому США «морально ответственны» за оказание им «помощи» в этом направлении путем открытой империалистической интервенции. Нет сомнений в том, что полицейские обязанности, помимо «моральных обоснований», требовали еще наличия возможностей практического характера. США с их высоким экономическим потенциалом обладали такими возможностями. «Наша страна, — заявил по этому поводу член конгресса США Фесс, — с ее многомиллионным населением, стремящаяся к одной цели — обеспечению благосостояния для всех, — является единственной полицейской силой, охраняющей американизм на этом континенте»¹².

Обзор империалистической политики США в странах Латинской Америки за 1909—1914 гг. доказывает правильность этой оценки. США в качестве «полицейской силы» Западного полушария своей интервенционистской политикой лишали малые народы Латинской Америки «права на восстание», а следовательно, и права на самоуправление, подавляли национально-освободительные движения, создавали условия «избрания» в этих странах правительств, выгодных для американских корпораций.

Вмешательство в дела Кубы

Особое внимание правящие круги США уделяли Кубе. Во время президентства Тафта политика США по отношению к этой республике несколько изменилась. Она характеризовалась

¹¹ Annual Message to Congress, December 3, 1912. Когда в 1913 г. Коста-Рика заключила договор с английской компанией Пирсона на разработку нефти, США заявили категорический протест, мотивируя тем, что сдача концессии европейскому государству в данном районе затрагивает интересы США. из-за близости Панамского канала. Коста-Рика вынуждена была расторгнуть договор.

¹² Congressional Record, 63d Congress, 2nd Session, p. 85—99.

двумя основными особенностями: проведением новой, так называемой «превентивной политики» и «дипломатией доллара», которая вообще была характерна для внешней политики президента Тафта и статс-секретаря Нокса.

«Превентивная политика», разработанная Тафтом, связана с новой интерпретацией «права» США на интервенцию на Кубе и в других странах Карибского бассейна и Центральной Америки.

Новое толкование этого «права» заключалось в оправдании своего рода полицейского надзора за Кубой, подобного тому, какой Рузвельт установил для остальных Карибских стран. Цель этого надзора заключалась, согласно объяснению государственного департамента, в «охране мира» на Кубе, с тем чтобы, не дожидаясь «состояния анархии», которое сделает необходимым вооруженную интервенцию, использовать влияние США для предотвращения этой угрозы. Это новое толкование по существу приводило к постоянному вмешательству в экономическую и политическую жизнь Кубы и других подчиненных США латиноамериканских стран. Оно означало также, что всякое действие кубинского правительства, которое, по мнению госдепартамента США, может привести к осложнениям, должно быть запрещено. Американский посланник в Гаване уполномочивался налагать вето на всякое распоряжение правительства, которое, по его мнению, противоречило «интересам Кубы». Американский посланник постоянно вмешивался в политику Кубы, часто прибегая к угрозам интервенции или замены существующего правительства новым, готовым подчиняться приказам Вашингтона. «Превентивная политика, — писал американский автор Дженкс, — означает непрерывное вмешательство, которое по временам превращает американского посланника в Гаване в неофициального члена кабинета, пользующегося правом вето»¹³. Правительство Кубы неоднократно выражало протест против политики «непрерывного вмешательства», утверждая, что «поправка Платта» не дает США права на вмешательство во внутренние дела республики.

Президентом Кубы в 1909—1913 гг. являлся либерал Х. М. Гомес, ставленник США. Во время избирательной кампании Гомес обещал покончить с коррупцией, которая процветала при Магуне, ввести режим экономии, не добиваться получения новых займов и т. д. Все это было вскоре забыто. Уже в 1909 г. Куба получила новый заем у той же американской банковской компании Спейера. Номинальная стоимость облигаций составляла сумму в 16,5 млн. долл. Куба обязалась выплачивать 4,5% годовых, а банкиры получали 9,4% комиссионных. Таким образом Куба получала 88,12 долл. за 100-долларовую облигацию. Казначейство Кубы

¹³ L. H. J e n k s. Our Cuban Colony; A Study in Sugar, p. 106.

получило общую сумму в 14,5 млн. долл.¹⁴ Как и заем 1904 г., этот заем был рассчитан на 40 лет.

Правительство Гомеса тратило огромные суммы на санитарные мероприятия, на благоустройство Гаваны и Сьенфуэгоса, на расширение армии и флота и организацию военной академии. Годы 1909—1913 были в экономическом отношении благоприятными и урожайными; цены на сахар на мировых рынках — удовлетворительными. Однако доходы пошли в основном на обогащение американских предпринимателей и их агенты из помещичье-буржуазных кругов Кубы. Положение же трудящихся продолжало оставаться тяжелым. Обогащалась и господствующая в стране клика, в первую очередь сам Гомес. Известный американский автор К. Билс писал: «Исключительные таланты Гомеса заключались в умении набивать свои карманы. Войдя в правительство бедняком, он вышел из него, имея возможность затратить 250 тыс. долл. на свой мраморный дворец в Прадо, а его капиталовложения в рудники и сахарную промышленность достигли 8 млн. долл.»¹⁵

Американские корпорации при Гомесе добились широких прав и больших возможностей для прямых и косвенных инвестиций. Они оказывали влияние на политику, проводимую государственным департаментом. Зная, что в случае необходимости их интересы будут защищены всей силой государственного аппарата США, они действовали смело и решительно.

Вскоре США представился случай применить эту новую «превентивную» политику во всем «блеске». Когда в конце 1911 г. ветераны войны за независимость Кубы начали яростную агитацию за устранение с общественных должностей всех кубинцев, боровшихся во время войны на стороне Испании, и угрожая восстанием, США отправили правительству Кубы ноту, содержащую прямую угрозу интервенции¹⁶. Опасаясь, что США, вторгнувшись на Кубу, не уйдут оттуда, ветераны подписали в марте 1912 г. соглашение с правительством, и конфликт был урегулирован.

Более серьезное положение создалось в 1912 г., когда «Партия независимости цветных народностей» — негритянская политическая организация во главе с Э. Эстенос — подняла восстание. 20 мая 1912 г. в Гаване, Санта-Кларе и Орьенте восстали вооруженные отряды негров. Несмотря на то, что кубинское правительство немедленно послало войска для усмирения восставших, 23 мая США отдали приказ об отправке морской пехоты в Гуантанамо. Сенат США принял резолюцию о необходимости

¹⁴ C. Beals. The Crime of Cuba. Philadelphia, 1933, p. 213.

¹⁵ Ibid., p. 214.

¹⁶ Foreign Relations, 1912, p. 241; АВПР, ф. Канцелярия, 1912 г., д. 126, лл. 17—18 (Бахметьев — Сазонову, Вашингтон, 18 (31) января 1912 г.).

провести расследование и установить время и характер возможной интервенции. Военные корабли получили приказ находиться в боевой готовности. Государственный секретарь Нокс поручил американскому посланнику в Гаване уведомить президента Кубы, что «продолжение неудачи со стороны его правительства охранять жизнь и имущество неизбежно принудит здешнее правительство США к вмешательству на Кубе, согласно его трактатных прав и обязательствам»¹⁷. При этом Нокс указывал, что все это «не является интервенцией», а «превентивной» мерой для защиты жизни и собственности американцев.

Правительство Кубы ответило нотой протеста, заявляя, что действия США «оскорбляют чувства народа, стремящегося к независимости, особенно при условии, когда эти меры не были предусмотрены соглашением, ранее заключенным обеими странами»¹⁸. Правительство Кубы отправило против восставших 3 тыс. солдат, заявив, что оно само в состоянии справиться с созданным положением и поэтому считает вмешательство США ничем не оправданным. Президент Тафт цинично ответил, что «эти обычные меры предосторожности совершенно не имеют ничего общего с интервенцией». Нокс открыто заявил, что «в случае кризиса, который потребует временной высадки американских вооруженных сил для защиты собственности американских граждан на основе принципов, применяющихся в практике международных отношений, правительство США не будет предварительно советоваться об этом с правительством Кубы»¹⁹.

5 июня высадились четыре отряда американских моряков, захвативших Гуантанамо. Еще один отряд занял Эль-Кобре. Кроме того, моряки заняли сахарные заводы, расположенные в американских владениях в Гуантанамо и по западной железной дороге.

В Гавану, по просьбе американского посланника, США направили два военных судна. Протесты Кубы не помогли²⁰. США отказались отозвать американские войска; они оставались на Кубе в течение нескольких недель, охраняя рудники и сахарные плантации, принадлежавшие американским корпорациям. Восстание, стоившее жизни трем тысячам негров и их руководителю Эстеносу, было подавлено к концу июля 1912 г.

Другой конфликт возник в связи с концессией на болоте Сапата. Предполагалось, что огромные болота полуострова Сапата, на южном побережье Санта-Клары, являющиеся основным источником древесного угля, богаты ценными сортами леса. Прави-

¹⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1912 г., д. 126, л. 22 (Телеграмма Бахметьева из Вашингтона, 26 мая (8 июня) 1912 г.).

¹⁸ Foreign Relations, 1912, p. 245.

¹⁹ Переписку по поводу негритянского восстания см. Foreign Relations, 1912, p. 257.

²⁰ Foreign Relations, 1912, p. 257—260.

тельство Кубы решило уступить эти леса и государственные земли кубинской «Земледельческой компании Сапата» на 8 лет при условии, что она осушит и подготовит почву полуострова для обработки. Это решение вызвало протест США. Ссылаясь на 2-ю и 3-ю статьи «поправки Платта», Нокс заявил, что «концессия на болоте Сапата кажется настолько неблагоприятным проектом, такой расточительной и опрометчивой тратой средств и естественных ресурсов, что правительство США вынуждено выразить правительству Кубы свое неодобрение»²¹. Президент Гомес ответил, что «поправка Платта» не санкционировала права на вмешательство во внутренние дела Кубы и установление контроля или опеки над действиями местных властей, ибо такой надзор и цензура явились бы пагубными для независимости и достоинства республики²².

Давление США и угроза интервенции заставили правительство Кубы отменить декрет о концессии. Вскоре выяснилось, что все это являлось фарсом. Вмешательство США объяснялось тем, что в получении концессии на болоте Сапата был заинтересован американский делец Чемпион. Однако проведенные изыскания показали, что лес, растущий на полуострове Сапата, не представляет большой ценности²³. Узнав об этом, государственный департамент взял обратно свои возражения против уступки концессии Сапата кубинской компании.

Когда же в 1907—1909 гг. американская «Бетлехем айрон К^о» захватила в восточной части острова в свои руки запасы железной руды, составлявшие не менее миллиона тонн, госдепартамент США остался безучастным. Не реагировал он и тогда, когда американские сахарозаводчики и их партнеры кубинцы сжигали сотни тысяч акров леса в провинциях Камагуэй и Орьенте²⁴.

Таким образом, «поправка Платта» использовалась правительством США для обеспечения на Кубе преимущественного положения американским капиталистам по сравнению с монополиями других стран и даже по сравнению с правительством самой Кубы.

Когда государственный департамент США узнал, что конгресс Кубы намеревается дать английским капиталистам концессию на железную дорогу Нуэвитас — Кайбарьен, он послал телеграмму (5 марта 1912 г.), требуя отложить заключение этого концессионного договора, ибо он возложит тяжелое бремя на казначейство Кубы, в то время как выиграет от этого капитал, который не является ни американским, ни кубинским²⁵. А уже

²¹ L. H. Jenks. Op. cit., p. 108—109.

²² Foreign Relations, 1912, p. 312.

²³ L. H. Jenks. Op. cit., p. 110.

²⁴ Ibid., p. 109.

²⁵ Foreign Relations, 1912, p. 381.

14 мая государственный департамент открыто выступил против одобрения «железнодорожного проекта в теперешнем его виде». Правительство Кубы не могло согласиться с такой практикой, доказывая, что представленные им на обсуждение законопроекты вовсе не нуждаются «в одобрении государственного департамента в Вашингтоне. . .»²⁶

В связи с постоянным вмешательством США во внутренние дела республики в марте 1913 г. конгресс Кубы предложил назначить комиссию для расследования вопроса о том, не являются ли предъявляемые правительством Вашингтона требования опасными для независимости Кубы. Возбужденное общественное мнение Кубы настаивало на необходимости внесения полной ясности в толкование сущности «поправки Платта» и вопроса о том, как далеко пойдут США в своем вмешательстве во внутренние дела Кубы.

«Превентивная политика» до известной степени продолжалась и во время президентства Вудро Вильсона. Новый президент Кубы, генерал Менокаль, некогда участник войны за освобождение в США, в Корнельском университете, во время первой американской оккупации выполнял обязанности главы полицейского департамента и жесточайшим образом расправился с первой всеобщей забастовкой на Кубе. В дальнейшем он связал свою судьбу с американскими сахарозаводчиками, стал преуспевающим владельцем больших плантаций, а затем занял руководящий пост на крупнейшей сахарной плантации «Кубен-Америкэн шугер компани». Менокаль, «выдвинутый в президенты от сахара. . .», по словам видного публициста Джорджа Марвина, заявлял, что «считает себя больше американцем, чем кубинцем. . .»²⁷

Неудивительно, что Менокаль, не менее чем его предшественники, создавал для американских магнатов условия для быстрого обогащения за счет эксплуатации трудовых масс и народных богатств страны. Американские корпорации монополизировали лучшие земли для производства сахара. В 1914 г. Кубе вновь был навязан кабальный заем на сумму в 10 млн. долл. На этот раз он был получен у компании Моргана по 94 долл. за 100-долларовую облигацию, что дало казначейству Кубы 9,4 млн. долл. Заем был дан на 35 лет из 5 % годовых и обеспечивался таможенными поступлениями, так же как и ранее полученные займы. Куба вскоре заняла одно из первых мест по торговле с США. Однако превращенная американскими монополистами и их агентурой на острове в страну монокультуры, Куба попадала во все большую зависимость от США. Американские корпорации не только ока-

²⁶ Foreign Relations. 1913, p. 383.

²⁷ C. Beals. The Crime of Cuba, p. 218.

зывали влияние на политику, проводимую государственным департаментом по отношению к Кубе, но и сами являлись орудием воздействия на экономическую и политическую жизнь страны. Они назначали и свергали президентов, организовывали или подавляли восстания, сообразуясь с интересами американских вкладчиков.

Интервенция США в Никарагуа

Интервенционистская политика США в Центральной Америке лучше всего иллюстрируется отношениями США и Никарагуа. К этой небольшой республике, история которой тесно связана с историей Гватемалы, Коста-Рики, Сальвадора и Гондураса, США проявляли особый интерес. Он объясняется не только экономическими, но и стратегическими соображениями. В течение многих лет США намеревались строить межokeанский канал, используя территорию Никарагуа. Вопрос этот не был спят с порядком дня даже после открытия Панамского канала. Предполагалось, что возросшая военно-морская мощь США может потребовать прорытия второго межokeанского канала.

Близость центральноамериканских республик к району Панамского канала давала повод американским экспансионистам проявлять особую «бдительность» в отношении этих республик. Путем постоянного вмешательства в их внутренние дела США добивались установления выгодных для своих монополий и военного ведомства правительств. Стратегические соображения в дальнейшем переплетались с экономическими интересами американских корпораций.

Проникновение американского капитала в Центральную Америку развивалось быстрыми темпами. Корпорации США, постепенно вытесняя европейских конкурентов, и в первую очередь англичан, к началу XX в. заняли господствующее положение в экономике Центральной Америки. Производство бананов, кофе и других тропических продуктов подпало под контроль американских монополий. Показательным в этом отношении является американская корпорация «Юнайтед фрут компани», действовавшая в республиках Центральной Америки и Карибского бассейна. Эта компания захватила огромные площади обработанных и необработанных земель в Сальвадоре, Коста-Рике и других странах²⁸. Банановые плантации компании находятся в Колумбии, Коста-Рике, Гватемале, Гондурасе, Панаме, на Ямайке и Канарских островах. Фруктовая компания стала владельцем железных дорог и торгового флота, отелей, магазинов и т. д. «Эта могущественная компания, — писали авторы книги «Банановая империя» Кепнер и Сутилл, — уничтожила своих конкурентов, распоряжа-

²⁸ См. Ch. D. Kepner and J. H. Soothill. The Banana Empire. New York. 1935, p. 26—28.

лась правительствами, завладела железными дорогами, разоряла плантаторов, кооперативы, поработала рабочих, ведя борьбу против организованного труда, и эксплуатировала потребителей. Такое использование власти корпорации индустриально развитого государства в сравнительно слабых странах представляет собой своего рода экономический империализм»²⁹.

Власть, которой пользовалась «Юнайтед фрут компани», является примером не «экономического империализма», а империализма чистейшей воды. Она являлась лишь частью общей экспансионистской политики США. Наряду с «Юнайтед фрут компани» действовали и другие корпорации США и финансовые воротилы. Американский капитал прибрал к рукам железные дороги Коста-Рики, Сальвадора и Никарагуа. Практически все индустриальные предприятия Гондураса контролировались американскими монополиями³⁰. Займы, навязанные американскими финансовыми учреждениями нуждающимся правительствам, также содействовали установлению контроля США над этими республиками.

И в торговом отношении эти страны зависели от США — самого крупного покупателя их тропических продуктов и основного поставщика не только промышленных товаров, но также и продуктов питания.

Таким образом, капиталовложения американцев в центрально-американских странах, близость их от США, направление главных торговых путей, удобство морских перевозок и т. д. оказывали серьезное влияние на политику США, заинтересованных не только в обеспечении огромных прибылей для своих корпораций, но и в создании преимущественного положения в этом районе для своих военных и морских сил.

Политические и стратегические доводы американских экспансионистов в этих странах отчасти базировались на «старых принципах» доктрины Монро. Здесь сказывались попытки США удерживать европейские державы от вмешательства во внутренние дела Центральной Америки. Частично же их доводы основывались на более позднем толковании доктрины Монро, когда США присвоили себе монопольное право активно применять вооруженную силу для укрепления господства в странах Карибской и Центральной Америки.

Власть в Никарагуа с 1893 по 1909 г. осуществлял президент Хосе Сантос Селайя, глава партии либералов. Раскол в лагере консерваторов, господствовавших в стране с 1863 г., помог генералу Селайе добиться президентского кресла. Консерваторы, представлявшие интересы наиболее реакционных кругов землевладельцев и буржуазии, были тесно связаны с американскими монополиями. Именно они ответственны за превращение Никара-

²⁹ Ch. D. Kepner and J. H. Soothill. Op. cit., p. 336—337.

³⁰ Ch. L. Jones. Caribbean Interests of the United States, p. 30—31.

гуа в колонию США. Партию либералов поддерживали представители торговой буржуазии и буржуазной интеллигенции, заинтересованные в развитии национальной экономики страны, в освобождении от засилья американских монополий, в некоторой демократизации политического строя. Селайя провел ряд буржуазных реформ, ввел всеобщее избирательное право, построил железную дорогу от Атлантического океана до озера Никарагуа. Он также поощрял строительство электростанций и пристаней. В то же время Селайя благоприятствовал развитию иностранных монополий и раздавал концессии, оказавшиеся в дальнейшем роковыми для страны. В последние годы господства Селайи в стране создалось очень тяжелое экономическое и финансовое положение. Валютная система была подорвана обилием обесцененных бумажных денег. Долги республики неимоверно выросли.

В 1905 г. Селайе удалось договориться с Англией об окончательной уступке Никарагуа резервации берега Москито³¹. Как ярый националист, Селайя мечтал об объединении стран Центральной Америки³². Он активно вмешивался в дела соседней. Его борьба против Эстрады Кабреры, диктатора Гватемалы, привела к постоянным войнам между соседними республиками. Военные расходы и заключение новых кабальных займов с иностранными банками влекли за собой увеличение налогов внутри страны, рост задолженности республики.

В 1906 г. разразилась война между Сальвадором и Гватемалой. Республика Гондурас и Никарагуа поддерживали Сальвадор. Война угрожала превратиться в общую войну республик Центральной Америки. США и Мексика настаивали на прекращении войны и предлагали посредничество. Оно было принято, и вскоре на америкапском крейсере «Марблхед» состоялась конференция заинтересованных стран³³. Гватемала, Сальвадор и Гондурас подписали соглашение о прекращении военных действий и о передаче всех спорных вопросов на разрешение арбитража США и Мексики. В сентябре 1906 г. в Сан-Хосе эти страны заключили договор о мире и дружбе.

Но вскоре мир в Центральной Америке был нарушен. Войска Гондураса вторглись на территорию Никарагуа, убив несколько никарагуанцев. Селайя мобилизовал 16-тысячную армию и начал поход против Гондураса. Несмотря на помощь, оказанную Гондурасу Сальвадором и Гватемалой, войска Селайи разгромили армию Гондураса. Президент Бонилья вынужден был бежать из страны.

³¹ Foreign Relations, 1905, p. 702.

³² В 1895 г. Селайе удалось объединить Никарагуа, Сальвадор и Гондурас. Но это объединение быстро распалось.

³³ АВПР, ф. Канцелярия, 1906 г., д. 103, лл. 12—15 (Таль — Извольскому, Мексика, 12 (25) июля 1906 г.).

Селайя стремился установить в Гондурасе власть либералов. В противовес ему Сальвадор и Гватемала продолжали поддерживать изгнанного из Гондураса президента-консерватора Бонилью. Вновь возникла опасность войны. США и Мексика опять обратились к правительствам центральноамериканских республик с предложением посредничества. 17 сентября был подписан предварительный протокол о созыве в Вашингтоне конференции республик Центральной Америки.

Вашингтонская конференция в ноябре-декабре 1907 г. приняла ряд важных постановлений³⁴. Было решено, что впредь все спорные вопросы, возникающие в Центральной Америке, будут поступать на рассмотрение арбитражного суда Центральной Америки, состоящего из представителей от всех пяти центральноамериканских республик. Договор о мире и дружбе, подписанный на конференции, обязал все пять правительств ограничить в своих странах деятельность политических эмигрантов из других государств и отказаться от всякой поддержки «революционных» движений. Кроме того, конференция приняла ряд решений, направленных к более тесному экономическому и культурному сотрудничеству республик Центральной Америки.

США не подписали ни одной из принятых на этой конференции конвенций, но они все же использовали их в борьбе за сохранение своего господства в странах Центральной Америки.

Правительство США искало повода для открытого вмешательства во внутренние дела Никарагуа. Америку не устраивало независимое поведение Селайи, не отказавшегося от политики давления на другие страны Центральной Америки и все еще мечтавшего о создании более мощного центральноамериканского государства. Монополисты США не хотели мириться с тем, что Селайя, нуждаясь в займе, обратился не к американским банковским учреждениям, а к лондонскому синдикату Этельбарга. Кроме того, в правительственных кругах США опасались, что Селайя может дать концессию другому государству на строительство канала³⁵. США также обвинили Селайю в том, что он поддерживал военные экспедиции в Сальвадор, Гондурас и даже в Эквадор и Колумбию.

Чтобы сбросить Селайю, США начали усиленно готовить «революцию» в Никарагуа. Главную роль в подготовке и прове-

³⁴ См. R. L. Buell. The United States and Central American Stability. — «Foreign Policy Reports», Vol. VII, N 9, July 8, 1931, p. 166—170; Foreign Relations, 1907, p. 665—727.

³⁵ Через два года после интервенции США в Никарагуа было опубликовано письмо, отправленное якобы министром иностранных дел Никарагуа 29 апреля 1908 г. своему представителю в Париже, уполномочивающее начать переговоры с Японией по вопросу о строительстве канала. Ряд авторов считает, что оно было подделкой (см. R. L. Buell. The United States... — «Foreign Policy Reports», Vol. VII, N 9, July 8, 1931, p. 169).

дении восстания играл американский консул в никарагуанском порту Блуфилдс—Моффат. Восстание финансировалось американскими дельцами Блуфилдса, организованными Адольфо Диасом, служившим в Американской горной корпорации³⁶. Заговорщики образовали временное правительство во главе с генералом Хуаном Эстрадой. Их «войска» получили все необходимое вооружение и продовольствие, доставленное на пароходах «Юнайтед фрут компани». Два американских крейсера появились в порту Блуфилдс. Четыреста американских морских пехотинцев высадились на берег. К восставшим начали присоединяться недовольные режимом Селайи, в особенности консерваторы и некоторые американские дельцы-авантюристы. Захваченные правительственными войсками и осужденные военным трибуналом, двое из них, американцы Р. Кэннон и Л. Гросс, были расстреляны. Госдепартамент США заявил о разрыве дипломатических отношений с Никарагуа³⁷. В стране началась гражданская война. США опасались, что правительственные войска Селайи вторгнутся в Коста-Рику, что могло бы привести к непредвиденным осложнениям для восставших. Поэтому госдепартамент оказывал нажим на Коста-Рику, предлагая совместное выступление против Селайи. Однако правительство Коста-Рики заявило, что оно намерено занять позицию нейтралитета. США все же не успокоились, продолжая нажим. Госдепартамент через своего посланника заявил о готовности США открыто выступить против Никарагуа, если правительства Коста-Рики, Гватемалы и Сальвадора об этом попросят³⁸. И вновь правительство Коста-Рики ответило, что нет никаких оснований для войны против Селайи, тем более что такие действия явились бы нарушением принятых на конференции в Вашингтоне постановлений.

Между тем «революционное» правительство во главе с Хуаном Эстрадой, опираясь на поддержку США (вначале тайную, а затем и открытую), одерживало одну победу за другой. Это правительство, согласно донесению американского консула, «было дружественным по отношению к Америке» и обещало «аннулировать все концессии, не принадлежащие иностранцам»³⁹.

Дальнейшие успехи инсургентов, пользовавшихся неограниченной поддержкой США, заставили Селайю уйти в отставку. 16 декабря 1909 г. он обратился к ассамблее Никарагуа с заявлением об отречении от власти.

³⁶ Позднее Моффат заявил, что американские компании дали 1 млн. долл. для организации восстания.

³⁷ R. M. The United States and Nicaragua. A Survey of the Relations from 1909 to 1932.—«The Department of State Latin American Series», N 6. Washington, 1932, p. 7—8; Foreign Relations, 1909, p. 452.

³⁸ R. L. Buell. The United States...—«Foreign Policy Reports», Vol. VII, N 9, July 8, 1931, p. 169.

³⁹ Foreign Relations, 1909, p. 452; ЦГА ВМФ, ф. 418, 1909 г., д. 4093, № 89 (Рапорт Васильева из Вашингтона. 25 ноября 1909 г.).

Он ссылаясь на «враждебное отношение могущественного государства, которое, нарушая все права, вмешивается в наши политические дела и открыто оказывает помощь, за которой обратились к нему мятежники, разбитые благодаря героизму нашей армии»⁴⁰. Селайя оставил страну, уехав на мексиканском военном судне в Мексику.

Национальная ассамблея Никарагуа избрала временным президентом либерала Хосе Мадриса. Но он не устраивал США, продолжавших поддерживать Х. Эстраду. Благодаря этой поддержке Эстрада смог разбить правительственные войска и в конце августа 1910 г. вместе с генералом Эмилиано Чаморро вступить в столицу Никарагуа Манагуа. Так закончилась организованная США «революция» в Никарагуа. У власти оказалось марионеточное правительство, возглавляемое ставленником США генералом Эстрадой⁴¹.

Признав правительство Эстрады, США немедленно послали Томаса Даусона, организовавшего в свое время контроль над таможенными в Доминиканской республике, в качестве специального агента в Никарагуа. Даусон начал переговоры с Эстрадой, в результате которых обе стороны подписали ряд «соглашений», получивших название «пакта Даусона»⁴². Согласно пакту Никарагуа обязались: 1) созвать учредительное собрание для избрания на два года президентом Эстрады, а вице-президентом Адольфо Диаса; 2) образовать комиссию для разбора всех претензий США; наказать виновных за расстрел двух американцев (Кэннона и Гросса); 4) разработать мероприятия для получения от США займа, обеспеченного таможенными сборами; 5) не допускать сторонников Селайи к административным должностям.

В соответствии с пактом Даусона 27—29 ноября 1910 г. учредительное собрание Никарагуа избрало Эстраду президентом республики, а Диаса — вице-президентом. 1 января 1911 г. президент США Тафт официально признал новое правительство Никарагуа.

Пакт Даусона и методы, при помощи которых Эстрада пришел к власти, вызвали бурное возмущение в Никарагуа. Настоящие патриоты понимали, что дело идет об установлении длительного протектората со стороны США. Они понимали, что основной причиной, заставлявшей США поддерживать Эстраду и его сторонников, являлось стремление путем займовых операций добиться контроля над таможенными республиками. И не только в Никарагуа, но и в других республиках Центральной Америки росло недовольство и возмущение незаконными и интервенционистскими методами США. Об этом доносил новый американский

⁴⁰ Foreign Relations, 1909, p. 459.

⁴¹ Foreign Relations, 1910, p. 762.

⁴² Foreign Relations, 1911, p. 651.

посланник в Никарагуа Эллиотт Норткотт. Он писал: «После долгих размышлений Эстрада пришел к заключению, что единственной надеждой Никарагуа является тесное сотрудничество с США. Что этот его курс вызовет антагонистическое отношение всех республик Центральной Америки, — явно чувствуется здесь... Кроме того, враждебное отношение к США является естественным для подавляющего большинства никарагуанцев...»⁴³

Несколько позже Норткотт откровенно признал, что «президент Эстрада держится исключительно благодаря нашей (т. е. США. — Л. З.) поддержке и уверенности в том, что в случае волнений он безусловно эту поддержку получит...»⁴⁴ Короче говоря, власть Эстрады держалась на американских штыках. Когда в апреле 1911 г. учредительное собрание Никарагуа приняло конституцию, утверждавшую независимость страны и направленную против иностранного контроля, представители США выразили свое недовольство. При поддержке госдепартамента США Эстрада разогнал собрание и организовал новые выборы. Одновременно Эстрада сделал попытку удалить с занимаемого поста военного министра Мена, сконцентрировавшего в своих руках значительную власть. Все эти мероприятия вызвали резкие протесты и привели к отставке Эстрады, пост которого занял вице-президент Диас⁴⁵. «Я уверен, — доносил американский посланник государственному департаменту, — что собрание утвердит избрание Диаса в президенты, как оно проведет любой план, указанный департаментом. Для оказания морального воздействия необходима военная сила»⁴⁶.

Недовольство против продажного правительства Диаса росло. Военный министр Мена, мобилизовав своих сторонников, поднял восстание. Диас обратился к США с просьбой «обеспечить при помощи военной силы охрану имущества американских граждан в Никарагуа и распространить эту защиту на всех жителей республики»⁴⁷.

Просьба ставленника США Диаса была удовлетворена. 4 августа 1912 г. в Манагуа прибыл первый отряд американской морской пехоты, а за ним новые подкрепления. К сентябрю в Никарагуа находилось более 2700 американских моряков⁴⁸. В водах Никарагуа патрулировали военные суда США. Госдепартамент, как обычно цинично, заявил, что интервенция необходима для поддержания «порядка» и «законно избранного» правительства.

⁴³ Цит. по: R. L. Buell. The United States... — «Foreign Policy Reports», Vol. VII, N 9, July 8, 1931, p. 172.

⁴⁴ R. L. Buell. The United States... — «Foreign Policy Reports», Vol. VII, N 9, July 8, 1931, p. 172; Foreign Relations, 1911, p. 655, 656.

⁴⁵ Foreign Relations, 1911, p. 657—660.

⁴⁶ Ibid., p. 661.

⁴⁷ Foreign Relations, 1912, p. 1032.

⁴⁸ I. J. Cox. Nicaragua and the United States, 1909—1927. Boston, 1927, p. 718.

Вмешательство США во внутренние дела Никарагуа вызвало не только возмущение народа Никарагуа, но и протесты соседних стран Центральной Америки, особенно Сальвадора. Президент Сальвадора указывал, что американская интервенция является прямым нарушением принятых в Вашингтоне в 1907 г. решений. Он апеллировал к Центральноамериканскому арбитражному суду. Обращаясь непосредственно к президенту Тафту, он доказывал, что присутствие американской армии в Никарагуа наносит удар по суверенитету и независимости республик Центральной Америки.

Однако все его протесты не помогли. Президент США и государственный департамент настаивали на праве «защищать» жизнь и имущество своих граждан и интересы монополистов, которым угрожают «недовольные» установленным в Никарагуа режимом. Более того, государственный департамент утверждал, что США имеют «моральный мандат» силой добиваться проведения в жизнь решений Вашингтонской конференции 1907 г.

США не только организовали военное вмешательство в Никарагуа для поддержки своего ставленника, но и предупредили другие центральноамериканские правительства, что они не допустят организации на их территории никаких движений, направленных против Диаса. Государственный департамент также потребовал, чтобы правительство Коста-Рики выслало из страны никарагуанцев, находящихся в оппозиции к режиму Диаса. Коста-Рика ответила отказом, считая, что такие действия не соответствуют духу конституции страны⁴⁹.

Войскам Диаса и американским пехотинцам удалось разгромить повстанцев и установить «порядок» в стране. Адольфо Диас был «переизбран» президентом Никарагуа на новый четырехлетний срок начиная с 1 января 1913 г.

Еще до этих событий, в мае 1911 г. правительство Никарагуа уполномочило Диаса начать переговоры о получении займа на сумму в 20 млн. долл. В результате переговоров 6 июня 1911 г. было подписано соглашение Нюкса — Кастрильо⁵⁰. Американские банкиры выпустили в пользу Никарагуа заем в 15 млн. долл., который обеспечивался таможенными поступлениями. Никарагуа давала обязательство не изменять таможенных пошлин без разрешения государственного департамента.

Сенат США отказался ратифицировать этот договор, считая положение в Никарагуа нестабильным. Тяжелое финансовое положение вынудило Никарагуа вести с американскими банкирами переговоры о временном займе.

⁴⁹ Foreign Relations, 1914, p. 183.

⁵⁰ The United States and Nicaragua. A Survey of the Foreign Relations from 1909 to 1932, p. 126—128.

Соглашение о временном займе было подписано с нью-йоркскими компаниями — «Бразер Браун энд компани» и «Дж. энд В. Зелигман». Никарагуа предоставлялся временный заем на сумму в 1,5 млн. долл. Он предназначался для организации Национального банка Никарагуа, проведения денежной реформы и создания комиссии по разбору претензий.

Американские банкиры согласились на реорганизацию Национального банка при условии получения ими 51% акций и предоставления Никарагуа лишь 49%. Финансовые затруднения вынудили республику искать новых займов. В результате в руках американских банкиров сосредоточился также 51% общего числа акций железных дорог. Они получили право в дальнейшем приобрести эти акции за 1 млн. долл. и действовать как посредники в отношении английских и французских держателей акций.

Это соглашение с американскими банками, а также назначение американца главным сборщиком таможенных пошлин составляют характерную особенность «дипломатии доллара». Не менее важным признаком финансового контроля США является соглашение, утверждавшее право «защиты» (точнее говоря, право интервенции) и делавшее государственного секретаря США верховным арбитром при разрешении всех «недоразумений, спорных вопросов или затруднений, могущих возникнуть при интерпретации соглашения или его выполнении...»⁵¹

Таким образом, различные займы, выданные Никарагуа на кабальных условиях, контроль американских банкиров над 51% всех акций Национального банка, покупка финансистами железнодорожных акций, особая роль главного сборщика таможенных пошлин, а также наличие в Никарагуа американской пехоты — все это ставило страну в зависимое от США положение и создавало для американских промышленников и финансистов благоприятные условия для захвата ее богатств.

Правительство США также проявляло большой интерес к потенциальной возможности использовать территорию Никарагуа для строительства канала. В 1913 г. переговоры по этому вопросу привели к подписанию соглашения. США получили право постройки канала через территорию Никарагуа. Им разрешалось укреплять острова Корн близ побережья Карибского моря и построить морскую базу в заливе Фонсека. После утверждения договора и обмена ратификационными грамотами США обязались уплатить Никарагуа 3 млн. долл.⁵²

С приходом к власти президента Вильсона этот договор был изменен с целью установления прямого протектората США над

⁵¹ I. J. Cox. Op. cit., p. 715—716; Foreign Relations, 1912, p. 1078—1082; D. G. Munro. The Five Central American Republics. New York, 1918, p. 235—240.

⁵² Foreign Relations, 1913, p. 1021—1034; *ibid.*, 1914, p. 953—969.

Никарагуа. По дополнительным условиям Никарагуа лишалась права объявлять войну и заключать договоры и соглашения с другими странами, которые могли бы затронуть ее независимость и суверенитет, без согласия США. Правительство США получало право прибегнуть к интервенции для «защиты» независимости республики, жизни и собственности американских граждан⁵³.

Цинизм нового, откровенно грабительского договора вызвал протесты со стороны центральноамериканских республик⁵⁴. Сенат США не мог не считаться с создавшимся положением; он отверг установление полного протектората. 5 августа 1914 г. США и Никарагуа подписали договор в первоначальном варианте. Только в 1916 г. он был ратифицирован и получил название договора Брайана — Чаморро. Основное содержание договора заключалось в следующем:

1) Правительство Никарагуа предоставило США «на вечные времена» исключительные права на сооружение и использование канала по реке Сан-Хуан и по Великому озеру или по любому другому пути без всяких налогов.

2) Для охраны американских интересов США получали в аренду сроком на 99 лет острова Большой и Малый Корн, а также право постройки морской базы в любом удобном для США месте на территории Никарагуа, граничащей с заливом Фонсека. При этом США гарантировалось право в последующем возобновить эти условия на такой же период.

3) В свою очередь США обязывались уплатить Никарагуа 3 млн. долл. золотом.

В договор включалась следующая оговорка: «Поскольку Коста-Рика, Сальвадор и Гондурас заявили протест против ратификации настоящего договора, опасаясь, что он может в каком-либо отношении ущемить существующие права указанных государств, сенат заявляет, что согласие на ратификацию этого договора с соответствующими изменениями было дано при условии, что ничто в указанном договоре не может нарушить существующих прав любого из вышеозначенных государств»⁵⁵.

Оговорка не удовлетворила ни Коста-Рику, ни Сальвадор. Коста-Рика указывала на то, что согласно арбитражному решению президента Кливленда, принятому еще в 1888 г., Никарагуа не разрешалось использование реки Сан-Хуан для устройства канала без предварительного согласия Коста-Рики. Сальвадор утверждал, что залив Фонсека, на побережье которого США получили право постройки военно-морской базы, находится в общем владении Сальвадора, Гондураса и Никарагуа.

⁵³ Договор см. I. J. Cox. Op. cit., p. 827—828.

⁵⁴ Ibid., p. 828—831.

⁵⁵ I. J. Cox. Op. cit., p. 838—840; United States Statutes at Large, Vol. XXXIX, Pt. II, p. 1661.

Вопрос был передан в арбитражный суд Центральной Америки. Вынесенное решение осуждало действия Никарагуа, заключившей договор, но сам договор оставался в силе. США и Никарагуа отказались признать право суда решать подобного рода вопросы. Занятая США позиция подорвала престиж Центральноамериканского суда, который вскоре был распушен.

«Долларовая дипломатия», кабальные займовые операции, открытое вмешательство во внутреннюю жизнь страны и неравноправные договоры навязывались США не только Панаме, Санто-Доминго и Никарагуа, но и Гондурасу и другим центральноамериканским республикам. За спиной государственного департамента США стояли такие мощные тресты, как «Юнайтед фрут компани», железнодорожные магнаты, контролировавшие концессии в этих республиках, и крупные банковские учреждения. Государственный секретарь Нокс, выступая 3 мая 1911 г. перед сенатским комитетом по внешнеполитическим делам, совершенно откровенно говорил о необходимости использования американского капитала как «орудия» для достижения «финансовой устойчивости» в центральноамериканских республиках. А это неизбежно влекло за собой контроль над таможенными со стороны США и другие последствия, пагубные для независимости и суверенитета малых стран ⁵⁶.

Нокс настаивал на том, что контроль над таможнями со стороны США абсолютно необходим, ибо нельзя допустить, чтобы они попали в руки «революционных» элементов, которые могут использовать таможенные доходы «как средство для проведения решительной и безнравственной революции» ⁵⁷.

Именно эти соображения, направленные против национально-освободительных движений, легли в основу интервенционистской политики США и в Гондурасе.

Интервенционистская политика США в Гондурасе

Еще в договоре о мире и дружбе, подписанном в 1907 г. в Вашингтоне центральноамериканскими республиками, содержался специальный пункт (пункт III) о необходимости обеспечить нейтралитет Гондураса. Однако развернувшиеся вскоре события привели к его нарушению. Бонилья бежал из страны. Селайя, опираясь на президента Давилу, по существу контролировал политику Гондураса. Гватемала и Коста-Рика продолжали поддерживать бывшего президента Бонилью.

После изгнания Селайи из Никарагуа положение президента Давилы в Гондурасе было подорвано. Обосновавшись в Новом Орлеане (США), Бонилья и американский генерал, авантюрист Ли

⁵⁶ См. Foreign Relations, 1912, p. 581, 588.

⁵⁷ Ibid., p. 589, 586.

Кристинмас закупали оружие, создавали боевые отряды для организации переворота в Гондурасе. На пароходе «Хорнст» они отправили своим сторонникам в Гондурасе военное снаряжение. Американские дельцы, заинтересованные в концессиях, охотно финансировали заговорщиков, всемерно помогали им в создании вооруженных банд для свержения правительства Давилы.

Заговорщиков поддерживали не только Сальвадор и Коста-Рика, но неофициально и США. Повстанцы вооружали свои банды сначала на территории США, а затем уже в Гондурасе. Вся подготовка восстания велась при молчаливом согласии властей США. Вскоре восставшим удалось захватить порты Амапала и Трухильо. Восстания начались и в других районах Гондураса. Стремясь удержаться у власти, президент Давила начал переговоры с США. Он заявил о своем согласии с планом Нокса: установление в Гондурасе финансового контроля США. Выступление Нокса имело непосредственную связь с теми переговорами, которые велись Гондурасом с американскими банкирами по вопросу о предоставлении займа, гарантированного доходами от таможен⁵⁸.

Внешние долги Гондураса составляли примерно 27 млн. долл. Европейские кредиторы оказывали сильный нажим на правительство Гондураса. В 1908 г. при дипломатической поддержке Англии они потребовали уплаты долгов, разработали для этого соответствующий план, который обеспечивался не только таможенными доходами, но и доходами от железных дорог и других предприятий страны. Американский посланник резко выступил против этого плана, а государственный департамент США стал инициатором переговоров между Гондурасом и банкирским домом Моргана. Госдепартамент считал, что сохранение нейтралитета Гондураса возможно только при условии установления «финансовой стабильности». А это означало, что он готов гарантировать заем американских банкиров⁵⁹ и не допустит вмешательства европейских держав в интересы своих граждан-кредиторов. Заключение конвенции о займе создавало для США все необходимые условия для проведения интервенционистской политики и навязывания Гондурасу финансового контроля. Выступая перед сенатским комитетом по иностранным делам, Нокс откровенно заявил: «... При наличии подобной конвенции любая интервенция, которая окажется необходимой, будет подтверждена договорными правами»⁶⁰.

США охотно согласились оказать «помощь» Гондурасу. Вскоре конвенция о займе была подписана. Между тем в развернувшихся военных действиях в республике заговорщики добились ряда успе-

⁵⁸ Foreign Relations, 1911, p. 561; *ibid.*, 1912, p. 588.

⁵⁹ Foreign Relations, 1912, p. 549.

⁶⁰ R. L. Buell. The United States... — «Foreign Policy Reports», Vol. VII, N 9, July 8, 1931, p. 175.

хов. Давила вновь обратился к США с просьбой покончить с гражданской войной в Гондурасе. Он заявил о готовности подать в отставку, если США обеспечат избрание нового президента республики⁶¹. Нажим США вскоре оказал свое влияние: обе стороны согласились на переговоры. Они состоялись на американском крейсере «Такома» под председательством специально посланного для этой цели Даусона. Стороны договорились о прекращении военных действий, о назначении временного президента и создании кабинета из представителей всех политических партий, о проведении в стране в октябре 1911 г. всеобщих выборов. Временным президентом стал доктор Франсиско Бернард. В октябре 1911 г. в результате состоявшихся выборов Бонилья занял пост президента.

Приход Бонильи к власти стал возможен только благодаря открытому вмешательству США. Статс-секретарь Нокс, опираясь на «доктрину Рузвельта», утверждал, что США не должны допустить вмешательства европейских стран, что только США могут и должны организовать заем для Гондураса с целью ликвидации долгов и установления «финансовой стабильности» в республике. Для достижения этой цели США обязаны, если этого потребуют обстоятельства, прибегнуть к «полицейской» силе. В одном из выступлений Нокс заявил: «Правильно или ложно, но для всего мира, благодаря доктрине Монро, мы несем ответственность за порядок в Центральной Америке. Близость этой территории к зоне канала делает особенно необходимым сохранение там порядка.

Помимо вышензложенных чисто альтруистических соображений, нужно учесть, что существует другая, эгоистическая причина, заставляющая заключить настоящую конвенцию⁶². Развитие Центральной Америки и обеспечение там мира принесет весьма существенные выгоды для южных портов США — Галвестона, Нового Орлеана, Мобила и др., поскольку все они будут чаще посещаться и расширят рынки для сбыта своих продуктов; республики же Центральной Америки обретут готовые рынки для своей возросшей продукции...»⁶³

Понятно, Нокс был откровенен не до конца. Фактически речь шла об установлении политического и финансового контроля США над Гондурасом, что означало превращение формально независимой республики в своеобразную колонию США.

По соглашению с моргановским банкирским домом Гондурасу предоставлялся заем в 10 млн. долл. для ликвидации внешних долгов и установления в стране стабильной валюты. Заем обеспечивался таможенными доходами; генеральным сборщиком назначался американец. Однако когда это соглашение было внесено на

⁶¹ Foreign Relations, 1911, p. 297.

⁶² Речь идет о займовой конвенции. — Л. 3.

⁶³ Foreign Relations, 1912, p. 581, 588, 592, 593.

утверждение конгресса Гондураса, сразу же возникли серьезные трудности. Никакой нажим со стороны властей не помог. Депутаты конгресса резко выступали против соглашения о займе, и оно было отвергнуто 32 голосами против 4⁶⁴. В стране возникли стихийные демонстрации патриотов против заключения соглашения. Депутаты конгресса опубликовали манифест против займового соглашения, нарушавшего конституцию страны и фактически превращавшего Гондурас в «зависимый от США административный район»⁶⁵.

Огромное недовольство, возникшее в стране, сделало невозможным в то время проведение фискального плана Нокса в жизнь. Однако пришедшее к власти правительство Бонильи по существу стало марионеткой США. Оно создало все необходимые условия для еще большего проникновения американского капитала в экономику Гондураса. Возросшее экономическое влияние США неизбежно привело и к усилению политической зависимости республики.

Открытое вмешательство США во внутренние дела центральноамериканских стран, навязывание им кабальных займов и контроль над таможнями не могли не вызвать ненависти к империализму США. Государственный секретарь США Нокс решил совершить поездку по странам Латинской Америки и добиться хотя бы некоторого смягчения напряженных отношений, рассеять недоверие и боязнь, которые южные соседи испытывали к США. В течение почти двух месяцев Нокс путешествовал по республикам Центральной Америки и Антильских островов. Он посетил Панаму, Коста-Рику, Никарагуа, Гондурас, Сальвадор, Гватемалу, Доминиканскую республику, Гаити, Кубу. В апреле 1912 г. он вернулся в Вашингтон. Выступая в латиноамериканских республиках, Нокс больше всего говорил о доктрине Монро, о «помощи» со стороны США республикам при установлении «стабильных» правительств. В Никарагуа он похвалил марионеточное правительство за то, что оно согласилось с установлением финансового контроля США.

Однако речи Нокса вызывали еще большее раздражение патриотически настроенных слоев населения латиноамериканских республик. О том, как встречали Нокса в столицах многих республик, доносил русский посол. Он писал: «...По-видимому, Нокс весьма доволен своими путешествиями, хотя по слухам, пришедшим оттуда, народ не выказывал особенного восторга при появлении представителя великой державы, всякий взгляд которой по направлению на Юг вызывает тревогу у ее скромных и запуганных соседей.

В Венесуэлу Нокс предпочел не заезжать; в Никарагуа были,

⁶⁴ Foreign Relations, 1912, p. 614.

⁶⁵ Ibid., p. 577.

говорят, найдены бомбы на рельсах пути, по которому ожидался его поезд, но они по счастливой случайности не разорвались; в Кубе не было ни флагов, ни музыки при его встрече; в Мексике он, конечно, не пытался заглянуть»⁶⁶.

Таким образом, поездка Нокса не смогла привести к какому-либо смягчению той атмосферы недоверия и страха перед США, которые все усиливались в странах Латинской Америки.

США против мексиканской революции

Более сложными, чем со странами Центральной Америки, оказались отношения США с Мексикой. Политика Диаса вполне устраивала финансовую олигархию США. Однако уже с 1906 г. в стране началось движение против диктатуры Диаса, против его режима террора и жестокой эксплуатации народных масс и создания исключительно выгодных для американских магнатов условий. Движение ширилось, охватив крестьян, рабочих, национальную буржуазию и обуржуазившихся помещиков, недовольных засильем иностранного капитала.

Назревание в стране революционной ситуации испугало не только правящие круги Мексики, но и империалистов США, опасавшихся, что падение режима Диаса может нанести серьезный ущерб их интересам в Мексике.

В 1907 г. государственный секретарь Элну Рут посетил Мексику. В честь гостя президент Диас устроил банкет в Национальном дворце. В своих речах Рут высказывал одобрение Диасу и его политике. Руту удалось добиться согласия мексиканского диктатора на использование США бухты Магдалепа в течение двух лет. В марте 1908 г. Рут подписал арбитражную конвенцию о разрешении спорных вопросов.

Предвидя возможность серьезных событий к югу от Рио-Гранде в связи с ростом недовольства политикой президента Диаса, Тафт и Рут считали желательным назначение посланником в Мексику «человека, знакомого с психологией латиноамериканцев и знающего испанский язык»⁶⁷. Посланником был назначен Генри Вильсон, бывший американский посланник в Бельгии. Он знал не только «психологию латиноамериканцев», но и интересы крупных американских корпораций, с которыми был тесно связан.

16 октября состоялась встреча Тафта и Диаса на границе⁶⁸. Накануне этого дня Тафт писал: «Встреча с Диасом будет исто-

⁶⁶ АВПР, ф. Канцелярия, 1912 г., д. 126, лл. 73—74 (Донесение из Вашингтона, 14 (27) апреля 1912 г.).

⁶⁷ H. L. Wilson. *Diplomatic Episodes in Mexico, Belgium and Chile*. New York, 1927, p. 159.

⁶⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1909 г., д. 138 (Крупенский — Сазонову, Вашингтон, 14 (27) октября 1909 г.).

рической... Я рад оказать ему помощь..., так как мы вложили в Мексику капитал в 2 млрд. долл., который подвергнется большой опасности, если Диас умрет, а его правительство распадется. Он избрал человека, который должен наследовать его пост, но возможно, что это приведет к революции. Я надеюсь на то, что его кончина не произойдет до окончания моего президентства, и молюсь об этом»⁶⁹.

Однако желание президента Тафта не сбылось. Недовольство диктатурой Диаса росло и начинало принимать форму революционного движения. В избирательной кампании весной 1910 г. партия противников переизбрания Диаса выдвинула на пост президента Франсиско Мадеро. Во время избирательной кампании, испугавшись роста популярности Мадеро, Диас бросил его в тюрьму. «Победу» на выборах одержал Диас. Оппозиционная партия представила в судебные органы документы, разоблачавшие мошеннические методы, которые применялись во время выборов, но суд отказался их рассмотреть. Конгресс объявил об «единогласном» избрании Диаса. Однако его правление длилось недолго. Находясь в тюрьме, Мадеро разработал «План Сан-Луис-Потоси», в котором выдвигал следующие требования: эффективное избирательное право; запрещение переизбрания; аграрные реформы; безвозмездное возвращение земель, отнятых у индейских племен; освобождение всех политических заключенных; свобода слова, печати, собраний и т. д.

Лозунги Мадеро — «Земля для безземельных» и «Мексика для мексиканцев» — находили живой отклик у эксплуатируемых масс. у миллионов сельскохозяйственных рабочих и пеонов, условия существования которых мало отличались от рабства, и у промышленных рабочих, получавших нищенскую заработную плату.

После своего освобождения Мадеро бежал в США, где начал активную подготовку восстания против Диаса. В Сан-Антонио и Эль-Пасо (Техас) Мадеро организовал революционные хунты (комитеты), закупал оружие и снаряжение. Правительство Диаса протестовало против деятельности Мадеро на территории США и обвиняло США в нарушении нейтралитета. Оно утверждало, что революция против Диаса задумана, спланирована и обеспечена оружием на американской почве.

Политика лавирования, проводимая в последние годы пребывания Диаса у власти, привела к усилению в США недовольства его режимом. Против Диаса выступала компания «Стандард ойл», раздраженная его заигрыванием с английской компанией Пирсона. Посланник США в Мексике Вильсон в мемуарах прямо писал, что «из определенных источников в США и Европе» Ма-

⁶⁹ H. F. Pringle. The Life and Times of W. H. Taft. New York, 1939, Vol. I, p. 462.

деро получил финансовую помощь и что «в материалах министерства юстиции США находятся документы, разоблачающие связь Франсиско Мадеро с нефтяными компаниями, оперирующими в Мексике, и с активными агентами одной оружейной компании в Вашингтоне»⁷⁰.

США бдительно следили за развивающимися в Южной Калифорнии событиями. Их интересовала бухта Магдалена. В 1910 г. истек срок ее аренды. Распространялись слухи о переговорах между правительством Диаса и Японией о сдаче бухты в аренду последней. Прибывшему в то время в мексиканские порты японскому военному судну была устроена пышная встреча. Все это вызывало недовольство в правящих кругах США. Русский посол в Вашингтоне в донесениях сообщал, что радушный прием, «оказанный Мексикой японским офицерам и кадетам, расценивается американскими газетами как недружелюбный жест по отношению к Америке»⁷¹.

Постепенно в правящих кругах США складывалось убеждение в невозможности сохранить режим Диаса. Возник вопрос, какова должна быть тактика США в новых условиях развивающихся в Мексике революционных событий; как добиться такого положения, чтобы направить движение в русло, выгодное для США, и использовать его не только для сохранения, но и для дальнейшего укрепления экономических позиций американской финансовой олигархии в Мексике.

Надежды монополистов США на возможность прихода к власти вице-президента Корраля или посланника Мексики в Вашингтоне де ла Барры не оправдались. Это свидетельствовало о том, что американские империалисты не разобрались в тех сложных и глубоких социальных изменениях, которые происходили в Мексике. Они не поняли подлинной роли национальной буржуазии в революционных событиях Мексики, антиимпериалистического характера выступлений народных масс, крайне недовольных засильем иностранного капитала в экономике республики. Именно поэтому монополисты США начали поддерживать Мадеро. Они надеялись, что им удастся прибрать его к рукам, превратить в марионетку США.

Мексиканское правительство потребовало ареста Мадеро, обосновавшегося на территории США и занимавшегося организацией доставки оружия своим сторонникам в Мексике. В пограничных городах Нако, Эль-Пасо, Пресидио и др. формировались отряды для борьбы против Диаса⁷². Мексиканский посланник в Вашингтоне неоднократно обращался к госдепартаменту США,

⁷⁰ H. L. Wilson. Op. cit., p. 205.

⁷¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1910 г., д. 132, л. 28.

⁷² М. Альперович, Б. Руденко. Мексиканская революция 1910—1917 гг. и политика США. М., 1958, стр. 87.

требуя принятия суровых мер по отношению к Мадеро, нарушившему законы о нейтралитете США и сосредоточившему в пограничных с Мексикой американских городах значительное количество оружия и живой силы для вторжения в Мексику⁷³.

Однако государственный департамент не реагировал на демарши Мексики. Вскоре сторонники Мадеро перешли границу в Чиуауа и начали активные действия против Диаса. Усилия мексиканского правительства не увенчались успехом. «Ввиду больших пространств и гористой местности, — доносил русский посланник, — мятежники в состоянии вести с успехом партизанскую войну, избегая решительных сражений...»⁷⁴ Сторонники Мадеро заняли Хуарес и Агуа-Приету. Их успехам способствовали массовая крестьянская борьба к югу от столицы и «сочувствие большинства народонаселения штатов Чиуауа и других северных штатов...»⁷⁵

Пытаясь удержаться у власти, Диас пообещал: покончить с системой феодального судопроизводства; обеспечить всеобщее голосование; разделить крупные поместья и обеспечить наделами недовольных существующими земельными законами; провести закон, запрещающий вторичное избрание президента; искоренить злоупотребления со стороны местных властей⁷⁶.

Но Диас опоздал с этими обещаниями. Сила и влияние Мадеро росли. Сторонники Мадеро одержали ряд серьезных побед в штатах Сонора и Керетаро. Революционное движение распространилось и на другие районы страны. В центральных штатах Мексики войска Диаса не могли справиться с крестьянским движением. Отряды Сапаты и Фигероа успешно выступали в Герреро и Морелосе. Считалось, что Диас располагает армией в 30 тыс. человек. В действительности же цифра эта была преувеличена по крайней мере вдвое⁷⁷. Таким образом, правительство не располагало достаточными силами для борьбы с мадеристами и с крестьянским движением.

Между тем правительство Тафта решило перейти к более активным действиям. Оно начало стягивать войска к мексиканской границе. К марту 1911 г. не менее 20 тыс. американских войск заняли позиции на американо-мексиканской границе. У Галвестона находились четыре крейсера; четыре других меньших военных корабля курсировали вдоль побережья Мексики. США объясняли, что им необходимо обеспечить «нейтралитет», борьбу с «пиратством» и защиту в случае необходимости американских интересов.

⁷³ Foreign Relations, 1911, p. 374, 380—381, 386, 403.

⁷⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1911 г., д. 91 (Донесение Сазонову из Мексики. 25 февраля (10 марта) 1911 г.).

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Foreign Relations, 1911, p. 445—447.

⁷⁷ H. F. Cline. The United States and Mexico. New York, 1963, p. 23.

Концентрация американских войск и посылка крейсеров в мексиканские воды вызвали большую тревогу в Мексике. Свои действия США мотивировали «исключительно маневрами». «Телеграммой из Вашингтона, — писал русский посланник, — мексиканский посол подтвердил это и передал заявление президента Тафта и решение строго соблюдать нейтралитет»⁷⁸.

Недоверие к США было настолько велико, что обе враждующие в Мексике группировки высказались против вмешательства США. Представители же революционных сил в Нью-Йорке заявили, что «если только американские войска перейдут границу, то революционеры соединятся с правительственными войсками и пойдут войной против непрощенных гостей»⁷⁹. Из Бразилии (Петрополис) поступило сообщение, что «некоторые из южноамериканских республик с особым интересом следят за событиями в Мексике, за действиями США на мексиканской границе и за их намерением вмешиваться во внутренние дела республики...»⁸⁰

Скорее, однако, американская пресса вскрыла действительные мотивы, побудившие правительство Тафта сосредоточить американские войска на мексиканской границе. Беспокойство в правящих кругах США объяснялось «слухами о секретных переговорах между Мексикой и Японией об уступке будто бы Японии угольной станции в Южной Калифорнии близ американской границы»⁸¹. США также опасались за жизнь, а главным образом за собственность и капиталы американских граждан, находящихся в Мексике⁸². Они поэтому стремились добиться установления в республике «прочного правительства».

Сам Тафт в инструкции главнокомандующему американскими войсками на границе писал о возможности, в случае необходимости, вступления войск в Мексику для защиты жизни и собственности американских подданных⁸³.

В Мексике боялись, что войска США могут оккупировать северные штаты Мексики и Южную Калифорнию. Об этом же писал поверенный в делах в Вашингтоне Кудашев⁸⁴. Все это

⁷⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1911 г., д. 91, л. 7 (Донесение из Мехико от 26 февраля (11 марта) 1911 г.).

⁷⁹ АВПР, ф. Канцелярия, 1911 г., д. 133, лл. 53—56 (Донесение Кудашева от 2 (15) марта 1911 г.; см. также его донесение от 30 марта (12 апреля) 1911 г. — № 28, лл. 78—79).

⁸⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1911 г., д. 101, лл. 17—19 (Донесение Нератова от 14 (27) марта 1911 г. из Петрополиса).

⁸¹ ЦГА ВМФ, ф. 418, 1911 г., д. 4129, № 364 (Рапорт Васильева из Вашингтона, 2 марта 1911 г.).

⁸² АВПР, ф. Канцелярия, 1911 г., д. 133, л. 58 (Приложение — вырезки из прессы).

⁸³ Foreign Relations, 1911, p. XII.

⁸⁴ АВПР, ф. Канцелярия, 1911 г., д. 133, лл. 53—56 (Донесение от 2 (15) марта 1911 г. из Вашингтона).

не могло не привести к усилению антиамериканских настроений среди всех слоев мексиканского населения. Бурная реакция мексиканцев против агрессивных действий США, а также выступления в других странах Латинской Америки против интервенционистских методов США несколько охладили пыл американских экспансионистов.

Революционное движение в Мексике продолжало усиливаться. Никакие маневры американского посланника Вильсона и мексиканского министра финансов Лимантура, искавших компромиссного выхода из создавшегося положения, не помогли. Логика революционных событий толкала мадеристов на более решительные действия. И США, убедившись в невозможности применить открыто интервенционистские методы, стали на путь поддержки мадеристов. Потерпев ряд серьезных поражений, Диас вынужден был подать в отставку и покинуть страну. Отозванный из Вашингтона де ла Барра занял пост временного президента до проведения новых выборов.

В октябре 1911 г. состоялись выборы. Президентом был избран Мадеро. К началу революционных событий в Мексике торговля США с этой страной достигала суммы в 117 млн. долл. в год; инвестиции американских граждан превышали миллиард долларов⁸⁵. Верное империалистической доктрине защиты интересов своих капиталистов за границей, правительство США напряженно следило за событиями, происходящими в Мексике. Больше всего правящие круги США опасались антиамериканских демонстраций, перешедших в ряде центров Мексики в открытые выступления против американцев. В ходе антиамериканских демонстраций выдвигались требования бойкота американских товаров и изгнания из страны эксплуататоров-янки.

Мадеро, после прихода к власти, оказался не в состоянии подавить антиамериканские настроения. Некоторые газеты в г. Мехико даже утверждали, что Мадеро получил помощь от американского правительства для свержения Диаса и поэтому чувствует себя обязанным США. Посланник Вильсон, занявший враждебную правительству Мадеро позицию, вскоре уведомил о жестоких нападках на Мадеро и его кабинет, об обвинениях по адресу США в связи с их отношением к Мексике. Далее он извещал о революционных выступлениях против новой власти в пяти или шести штатах и о притеснениях американцев в некоторых районах страны.

Мадеро не смог установить прочную власть. Его программа демократических преобразований, в частности разрешения аграрного вопроса, осталась на бумаге. По-прежнему иностранцы занимали господствующее положение в экономической жизни страны. По мнению государственного секретаря США, Мадеро

⁸⁵ J. F. Rippey. The United States and Mexico, p. 8.

«совершенно безвластен; он... не мог привлечь на свою сторону консерваторов, и они теперь открыто от него отвернулись; войско далеко не надежно, и со дня на день можно ожидать общего восстания или, скорее, междоусобной войны...»⁸⁶

Недовольство политикой Мадеро все росло. Образовалась оппозиция как справа, так и слева. На юге вспыхнуло восстание, во главе которого стал вождь индейских крестьян Эмилиано Сапата. Он обвинял Мадеро в измене принципам, провозглашенным в «Плане Сан-Луис-Потоси». «План Айяла», провозглашенный Сапатай, предусматривал экспроприацию земель крупных собственников и передачу их крестьянам. Сапата стал символом народной борьбы. Его лозунг «Земля и свобода» привлекал массы пеонов и безземельных крестьян. Крестьянское движение охватило обширные области страны. 60-тысячная армия, посланная в районы крестьянского восстания, жестоко расправлялась с восставшими. Но подавить партизанское движение крестьян Мадеро не удалось.

Восстал и генерал Ороско, бывший в 1911 г. одним из помощников Мадеро. Он захватил г. Хуарес и провозгласил президентом Э. Васкеса Гомеса. Недовольство правительством Мадеро охватило также рабочих. Выросшие в годы революции рабочие организации все более и более прибегали к забастовочной борьбе в защиту своих насущных требований. И среди радикальной части национальной буржуазии росло недовольство новым режимом Мадеро, его отказом от проведения в жизнь основных обещаний, выдвинутых накануне революции.

В правящих кругах США были крайне недовольны тем, что Мадеро не может справиться с массовым движением в стране и покончить с антиамериканскими выступлениями. Хотя Мадеро и покровительствовал американским нефтяным компаниям в противовес английским, он вынужден был, как представитель национальной буржуазии, провести ряд мероприятий, ограничивающих привилегии иностранного капитала. Так, например, американские нефтепромышленники теперь оплачивали гербовый сбор, от которого они освобождались при Диасе. Были приняты меры по замене американского персонала на железных дорогах мексиканским.

Эти мероприятия вызывали протесты со стороны монополистов США, требовавших от правительства проведения более решительных мер против Мексики. Американский посланник в Мехико Генри Вильсон, связанный с компанией Гуггенгейма, вел подрывную деятельность против Мадеро.

⁸⁶ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1912 г., д. 311, лл. 21—22 (Донесение от 31 января (13 февраля) 1912 г.); там же, ф. Канцелярия, 1912 г., д. 126, лл. 22—23.

Таким образом, вскоре после прихода к власти Мадеро Со-единенные Штаты Америки, прежде поддерживавшие его, от него отвернулись.

Правительство Тафта формально продолжало политику невмешательства, но с течением времени позиция его становилась все более угрожающей. 4 февраля 1912 г. Тафт отдал приказ о сосредоточении на мексиканской границе 100 тыс. солдат, а 2 марта американский посланник Генри Вильсон получил распоряжение государственного департамента предостеречь американцев покинуть опасную зону. Вслед за этим президент США опубликовал два воззвания. Первое из них (от 2 марта) призывало американцев не принимать участия в «революционных беспорядках», происходящих в Мексике. Второе (от 14 марта) требовало более строгого контроля над экспортом оружия и обмундирования в Мексику⁸⁷.

Выступления против американцев, особенно на территории, находящейся во власти восставших, не прекращались. США направили мексиканскому правительству решительную ноту (14 апреля 1912 г.), в которой возлагали «на Мексику и мексиканский народ ответственность за все насильственные действия, которые угрожают жизни американцев или наносят ущерб американской собственности или их капиталовложениям»⁸⁸. Мексиканский министр иностранных дел ответил, что «мексиканское правительство полностью признает свои обязательства», но не может считать себя ответственным за события, происходящие в «районах, которые вышли из повиновения законным властям», и отвечать за «вождей мятежников»⁸⁹.

В течение нескольких последующих месяцев войска Мадеро вели успешные действия против отрядов Виллы и Ороско на севере. Однако разбитые войска восставших распадались на мелкие отряды, продолжавшие борьбу. На юге сторонники Сапаты были более удачливы.

Американский посланник Вильсон, открыто выступавший против Мадеро, в своих телеграммах и донесениях требовал более решительных действий против Мексики. «Я вижу, — писал он, — что обычные дипломатические методы потерпели неудачу... Нужно понять также, что, хотя это правительство является формально проамериканским и даже вследствие этого кажущегося проамериканизма теряет в глазах общественного мнения страны, в действительности оно ведет политику, враждебную американским интересам в Мексике»⁹⁰.

⁸⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1912 г., д. 126, лл. 50—53 (Вашингтон, 14 (27) марта 1912 г.).

⁸⁸ Foreign Relations, 1912, p. 787, 794.

⁸⁹ Foreign Relations, 1912, p. 792—793.

⁹⁰ Ibid., p. 831.

Реакционные круги США настаивали на более решительных действиях по отношению к Мексике и критиковали правительство Тафта за его «долготерпение». 4 сентября 1912 г. Тафт в беседе с мексиканским посланником, отъезжавшим на родину, заявил, что, если события будут и дальше развиваться в том же духе, он будет вынужден предложить конгрессу обсудить вопрос о том, как выйти из создавшегося положения⁹¹.

15 сентября США направили мексиканскому правительству ноту, равносильную ультиматуму. В ноте перечислялись имена 17 убитых в Мексике американцев, выражался протест США и выставлялся ряд требований. Правительство США потребовало «в возможно более короткий срок исчерпывающего и категорического уведомления о мероприятиях», которые мексиканское правительство собирается провести с целью удовлетворения американских претензий⁹².

Мексиканский министр иностранных дел Педро Ласкурайн лишь 22 ноября 1912 г. официально ответил на эту ноту. Он заявил, что в отношении виновных в убийстве американцев мексиканское правительство свои обещания выполнило и что обвинение его во враждебном отношении к американцам в Мексике необоснованно. Что же касается требования США, чтобы они были поставлены в известность о мерах, которые мексиканское правительство намерено предпринять для умиротворения страны, то он ограничился общими сообщениями об успехах, достигнутых правительством Мадеро в подавлении восстания⁹³.

Скоро события в Мексике начали развиваться неблагоприятно для Мадеро и его правительства. Американский посланник Вильсон продолжал свою деятельность, направленную к свержению Мадеро, терроризируя его угрозой интервенции. Вильсон жаловался вашингтонскому правительству на бессилие Мадеро и не останавливался перед прямым вмешательством в дела Мексики. Посольство США в Мехико превратилось в штаб-квартиру для организации переворота в стране.

9 февраля 1913 г. в Мехико вспыхнул мятеж, во главе которого стал племянник Диаса Феликс Диас. Генри Вильсон открыто поддерживал его.

Борьба продолжалась в течение десяти дней. Вильсон советовал правительству США направить к берегам Мексики крупные военные суда с морской пехотой⁹⁴. Не довольствуясь этим, Вильсон созвал конференцию иностранных послов, которая едино-

⁹¹ Ibid., p. 834.

⁹² Ibid., p. 845—846.

⁹³ Ibid., p. 871—877.

⁹⁴ Взгляды Г. Л. Вильсона изложены в его мемуарах и в статье «Ошибки, допущенные в Мексике...» (*The Annals of the American Academy of Political and Social Science*), July 1914, p. 148—161).

гласно решила предложить Мадеро отречься от власти. Однако президент Мадеро заявил, что готов, если нужно, умереть, защищая свои права законно избранного президента⁹⁵.

Но на помощь мятежникам пришел генерал В. Уэрта, возглавлявший правительственные войска. Он изменил президенту Мадеро и перешел на сторону восставших.

С Уэртой поддерживал непосредственную связь Генри Вильсон. Уэрта был как раз той фигурой, которая импонировала американским империалистам и их представителю Вильсону. Викторiano Уэрта — «зловещая фигура» в истории Мексики. Еще при Порфирио Диасе он отличился как генерал-каратель, неоднократно подавлявший движение народных масс.

Контрреволюционный переворот, организованный при помощи американской дипломатии, увенчался победой мятежников, которые 18 февраля арестовали Мадеро и вице-президента Суареса. Через два дня они были убиты, в то время как их вели под конвоем из Национального дворца в тюрьму⁹⁶.

Посол организовал переговоры между Уэртой и Феликсом Диасом и добился соглашения между ними. Переговоры завершились в американском посольстве. Вильсон писал по этому поводу: «Я решил пригласить генералов Уэрту и Диаса в посольство, которое как нейтральная территория могло бы обеспечить добрую волю и защиту для переговоров»⁹⁷. Мятежники договорились действовать совместно. Уэрта должен был стать временным президентом.

В штатах Сонора и Коауила образовалась сильная оппозиция против нового правительства. Задерживалось его признание иностранными державами. Предложение посланника Вильсона о немедленном признании Уэрты не было принято Тафтом, который не хотел заниматься мексиканскими делами в последние дни своего президентства. Таким образом этот вопрос перешел на рассмотрение нового правительства президента США Вильсона.

В последние месяцы пребывания на посту президента Тафта доктрина Монро получила дальнейшее развитие, приведшее к запрещению латиноамериканским странам сдавать концессии, могущие задеть интересы США.

Новое «дополнение» к доктрине Монро возникло в связи с распространившимися в США и охватившими даже дипломатические круги слухами о том, что японское правительство получает концессию на залив Магдалены в Мексике для превращения

⁹⁵ Foreign Relations, 1913, p. 732.

⁹⁶ Генерал Уэрта объяснял, что они были убиты при попытке их освободить (АВПР, ф. Канцелярия, 1913 г., д. 112, л. 17).

⁹⁷ H. L. Wilson. Op. cit., p. 279.

его в морскую базу⁹⁸. Внесенная сенатором Лоджем резолюция, вызвавшая оживленную дискуссию, была принята 2 августа 1912 г. 51 голосом против 4. «Правительство США считает, — гласила резолюция, — что никакая гавань или другая территория на Американском материке, расположенная таким образом, что оккупация ее для морских или военных целей может угрожать коммуникациям или безопасности США, не должна находиться во владении корпорации или объединения, состоящих в таких отношениях с иностранным правительством (кроме американского), которые давали бы этому правительству практическую возможность осуществлять контроль над этой территорией для морских или военных целей»⁹⁹.

Хотя в резолюции Лоджа не упоминалось о доктрине Монро и сам Лодж заявил, что его предложение основано на общепринятых принципах международного права, более старых, чем доктрина 1823 г., американская и мировая печать единодушно рассматривала эту резолюцию как новое «дополнение» к доктрине Монро.

К этой резолюции, известной под названием «дополнение Лоджа», прибегали много раз после 1912 г., причем не во взаимоотношениях с другими странами, а для того, чтобы помешать переходу в руки иностранцев мексиканских земель, находящихся во владении американских граждан¹⁰⁰.

Принципы, положенные в основу «дополнения Лоджа», нашли отражение во внешней политике США. Они еще больше подчеркивали стремление США к установлению неограниченного господства в Карибском бассейне и оправдывали вмешательство США во внутренние дела карибских республик. Правительства этих стран лишались возможности свободно вести дела с неамериканскими компаниями. Прежде чем предоставить концессию неамериканцам, они должны были дать гарантии, что эти концессии никогда не будут использованы таким образом, чтобы это угрожало «безопасности или коммуникациям Соединенных Штатов». Единственным судьей в подобных случаях являлось правительство США. По словам одного историка Южной Америки, «для того чтобы превратить доктрину Монро в орудие американского империализма, ее ложно истолковали и неправильно применяли»¹⁰¹.

⁹⁸ Подробно об этом см. Th. A. Bailey. *Lodge Corollary of the Monroe Doctrine*. — «Political Science Quarterly», Vol. XLVII, 1933; *Congressional Record*, 62nd Congress, 2nd Session, Vol. 48, Senate Exec. Documents, p. 10044—10046.

⁹⁹ *Ibid.*, p. 10046.

¹⁰⁰ Th. A. Bailey. *Lodge Corollary of the Monroe Doctrine*. — «Political Science Quarterly», Vol. XLVII, 1933, p. 226—236.

¹⁰¹ G. Nerval. *Autopsy of the Monroe Doctrine*. New York, 1934, p. 286.

Заняв президентский пост, Вудро Вильсон выдвинул по отношению к латиноамериканским странам теорию «патернализма» и «доктрину непризнания». Эти две «теории» тесно связаны между собой. Первая исходит из того, будто народы этих стран неспособны к самоуправлению и долг США взять на себя «отеческое» попечение над ними, помочь им приобщиться к современной «цивилизации». «Доктрина непризнания» рассчитана на оказание помощи американским корпорациям, хозяйничавшим в этих странах. На практике это приводило к тому, что США отказывались от признания тех правительств, которые не были удобны американским монополистам. Против таких правительств организовывалась политическая и экономическая блокада. Их противники снабжались оружием и деньгами для организации «революции». Прав американский автор Гастон Нерваль, который писал, что теория непризнания Вильсона была простым и откровенным вмешательством во внутренние дела стран, считавшихся независимыми. Она утверждала за президентом США привилегию решать вопрос о пригодности правительств, избранных для себя народами латиноамериканских стран, и оставляла за США последнее слово в выборе этих правительств. Более того, эта теория лишала латиноамериканцев «права на восстание, а следовательно, и права на самоуправление, являющееся самым элементарным признаком суверенитета»¹⁰².

Политику «непризнания» президент Вильсон применил в отношении Мексики. Отказ от признания он мотивировал «моральными» причинами, утверждая, что Уэрта пришел к власти незаконным путем. Однако истинной причиной непризнания являлась нефть: правительство Уэрты оказывало покровительство английским нефтепромышленникам.

Будучи не согласен с новой политикой, американский посланник в Мексике Генри Вильсон продолжал убеждать государственный департамент в необходимости признать правительство Уэрты. Он доказывал, что затажка признания губительно отражается на американских интересах в Мексике. Он даже устроил в посольстве обед в честь Уэрты. Поведение Г. Вильсона настолько противоречило политике президента США, что в июле 1913 г. он был отозван¹⁰³.

Между тем правительство Уэрты вскоре признали Англия, Германия, Испания, Франция, Россия, Бельгия, Италия, Португалия, Дания и Япония. Несмотря на это, Вильсон начал борьбу за то, чтобы великие державы последовали его политике и Уэрта оказался бы изолированным. Страны «АВС» (т. е. Аргентина,

¹⁰² G. Nerval. Op. cit., p. 282—284.

¹⁰³ АВПР, ф. Канцелярия, 1913 г., д. 90, лл. 53—55 (Донесение Сазонову из Мексики от 29 июля 1913 г.).

Бразилия, Чили) и Уругвай заявили о согласии следовать примеру США.

После отзыва посланника из Мексики Вильсон направил туда губернатора Миннесоты Джона Линда со специальной миссией. Линд предъявил мексиканскому правительству следующие требования: 1) торжественное заключение перемирия между воюющими сторонами и прекращение военных действий на всей территории страны; 2) обязательство правительства провести в скором времени свободные выборы; 3) отказ Уэрты от выдвижения своей кандидатуры в президенты; 4) обязательство всех партий подчиниться результатам выборов и лояльно сотрудничать в деле образования и поддержки нового правительства¹⁰⁴.

Линд заверил правительство Мексики, что в случае принятия этих условий президент США поставит в известность американских банкиров о благожелательном отношении к предоставлению Мексике займа на сумму, необходимую для удовлетворения ее неотложных потребностей. Уэрта решительно отверг эти требования. Обвинив США во вмешательстве во внутренние дела Мексики, министр иностранных дел в правительстве Уэрты отказался даже отвечать на это «многозначительное предложение», заявив, что оно «является «соблазнительным», рассчитанным на то, что, движимые мелкими интересами, мы откажемся от своих неоспоримых прав»¹⁰⁵.

Таким образом, миссия Линда полностью провалилась. Однако в обращении к конгрессу, в котором он признавал свою неудачу, президент Вудро Вильсон заявил, что «правительства нескольких держав оказали моральную поддержку стремлению настоять на том, чтобы правительство Мексики приняло наши предложения в том духе, в котором они были сделаны». И далее президент Вильсон заявил, что «нельзя ожидать успокоения в Мексике, пока генерал Уэрта не отречется от незаконно захваченной им власти...»¹⁰⁶.

Беспокойство в правительственных кругах США вызывала политика Англии. Британский посланник в Мексике Л. Карден, представлявший интересы английских нефтепромышленников, был известен своим враждебным отношением к США. Он все-

¹⁰⁴ The Public Papers of Woodrow Wilson, Vols 2. New York—London, 1926, Vol. I, p. 48; Foreign Relations, 1913, p. 822; АВПР, ф. Канцелярия, 1913 г., д. 90, лл. 73—76 (Сталевский — Сазонову, Мехико, 14 (27) августа 1913 г.).

¹⁰⁵ Foreign Relations, 1913, p. 833, 835; АВПР, ф. Канцелярия, 1913 г., д. 118, л. 62 (Донесение Бахметьева из Вашингтона, 15 (28) августа 1913 г.).

¹⁰⁶ The Public Papers of Woodrow Wilson, Vol. I, p. 50—51; Wilson's Address in Full, p. 41—51; см. также Congressional Record, 63d Congress, 1st Session, Vol. 51, p. 43. — Обращение Вильсона к конгрессу США от 2 декабря 1913 г.; АВПР, ф. Канцелярия, 1913 г., д. 111, лл. 50—51 (Бахметьев — Сазонову, 29 ноября (12 декабря) 1913 г.).

мерно поддерживал Уэрту, стремясь оказать содействие интересам монополистов Великобритании и в первую очередь нефтяному магнату Пирсону.

Американская дипломатия всеми силами стремилась повлиять на английскую политику. Она нашла поддержку в некоторых кругах Англии, которые понимали, что в момент, когда угроза войны становилась весьма реальной, в интересах Великобритании сохранять дружественные отношения с США. Поскольку английский посланник в Мексике являлся препятствием на этом пути, некоторые английские газеты настаивали на его отзывании¹⁰⁷.

Новый американский посол в Великобритании Пэйдж пытался убедить лорда Грея поддержать политику президента Вильсона в Мексике. Грей постепенно уступал, хотя понимал, что признание этой политики равносильно признанию господствующего положения США в Мексике и Латинской Америке. Однако развитие событий в Европе и обострение германо-английских противоречий заставили английского министра в конце концов уступить.

Во Франции также начался перелом в пользу поддержки политики президента Вильсона. Французское правительство даже заявило парижским банкирам, что оказание финансовой помощи Уэрте явилось бы нежелательным.

Тем временем положение в Мексике становилось все более напряженным. Борьба против Уэрты усиливалась. Губернатор Сопоры Майторена, генералы Обрегон, Анхелес и Вилья подняли открытое восстание против него. Некоторые руководители восстания впоследствии пользовались прямой поддержкой США. Руководящей фигурой оппозиции был губернатор штата Коауила генерал Карранса, возглавлявший «конституционалистов». Карранса и его сторонники приняли так называемый «план Гуадалупе». Они поставили себе целью восстановление конституционного строя, наказание виновных, возрождение национального достоинства, проведение политических и экономических реформ, образование действительно конституционного правительства, проведение свободных выборов. Чем больше росло влияние оппозиции, тем агрессивней становился Уэрта. Подготавливаясь к выборам, которые должны были состояться 26 октября 1913 г., Уэрта прибегал к методам террора. 10 октября его наемники убили сенатора Б. Домингеса, назвавшего Уэрту узурпатором и убийцей. Когда мексиканский конгресс принял резолюцию о расследовании, Уэрта арестовал двух сенаторов и 10 членов палаты депутатов. Вслед за этим он «распустил военной силой Национальное собрание»¹⁰⁸ и издал декрет о передаче ему всей полноты власти.

¹⁰⁷ См., например, «Daily News», 8.XI 1913; «Morning Post», 6.XI 1913 и др.

¹⁰⁸ АВПР, ф. Канцелярия, 1913 г., д. 192, л. 3 (Донесение из Мехико от 28 сентября (11 октября 1913 г.); там же, д. 90, л. 142 (Донесение 11 (24) октября 1913 г.).

«Выборы» принесли победу Уэрте. 2 ноября собрался конгресс. В начале декабря избирательный комитет доложил Уэрте, что из 14 425 избирательных округов сведения поступили от 7157 и таким образом президентские выборы по существу не состоялись. Конгресс все же предложил Уэрте остаться на посту вплоть до проведения законных выборов.

Правительство США заявило, что оно не признает результаты выборов в Мексике. 27 ноября государственный департамент США послал различным посольствам и Джону Линду сообщение, в котором разъяснялась политика США. «Современная политика, — говорилось в нем, — направлена к тому, чтобы совершенно изолировать Уэрту, лишить его поддержки других стран, а также моральной и материальной базы внутри страны и сместить его»¹⁰⁹.

Требованием Вильсона стал лозунг «Уэрта должен уйти». Политика Вильсона и давление, оказываемое им на европейских дипломатов, разрушили надежды Уэрты на получение займа. Великобритания отозвала своего посланника, являющегося другом Уэрты, и на его место назначила человека, сочувствующего политике США¹¹⁰.

В начале февраля 1914 г. президент Вильсон покончил с политикой «бдительного выжидания». Он отменил прокламацию Тафта от 14 марта 1912 г., воспрещавшую вывоз оружия и боевых снарядов из США. Он рассчитывал, что мексиканские силы, борющиеся против Уэрты, «будут немедленно снабжены недостающими им ружьями и артиллерией и их шансы на успех удвоятся»¹¹¹.

Вслед за этим последовал инцидент в Тампико. 9 апреля 1914 г. американское судно зашло в порт Тампико, и моряки, сошедшие на берег, чтобы закупить газولين, были арестованы солдатами Уэрты. Через полтора часа их освободили, и были принесены формальные извинения. Однако эти извинения не удовлетворили адмирала США Майо. Он потребовал, чтобы был дан салют в честь американского флага¹¹². Уэрта согласился на это при условии, что американцы дадут ответный салют. Американцы отказались принять эти условия. Президент Вильсон, «после совещания с министрами, приказал Атлантической эскадре, состоящей из 7 броненосцев, присоединиться к судам, находящимся в Тампико, что составит 11 броненосцев с 10 тыс. человек команды и морских солдат»¹¹³. 20 апреля 1914 г. Вильсон обратился в конгресс

¹⁰⁹ Foreign Relations, 1913, p. 856; *ibid.*, 1914, p. 443—444.

¹¹⁰ H. F. Cline. *Op. cit.*, p. 153.

¹¹¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1914 г., д. 105, лл. 36—3в (Донесение Бахметьева, 23 января (5 февраля) 1914 г.); там же, ф. Посольство в Вашингтоне, 1914 г., д. 346 (22 января (4 февраля) 1914 г.).

¹¹² АВПР, ф. Канцелярия, 1914 г., д. 47, л. 26 (Донесение Бахметьева из Вашингтона, 2 (15) апреля 1914 г.).

¹¹³ АВПР, ф. Канцелярия, 1914 г., д. 47, л. 26 (Донесение Бахметьева из Вашингтона, 2 (15) апреля 1914 г.); ЦГА ВМФ, ф. 418, 1914 г., д. 4150, № 731 (Рапорт Васильева из Вашингтона, 20 апреля (3 мая) 1914 г.).

с просьбой санкционировать карательную экспедицию войск в Мексику, для того чтобы внушить уважение к американскому правительству¹¹⁴. Его просьба была поддержана обеими палатами. 21 апреля адмирал Флетчер получил приказ правительства захватить порт и таможню в Веракрусе. В это время транспорт с оружием для Уэрты находился на пути из Германии. Чтобы помешать выгрузке этого оружия, американские войска 21 апреля захватили порт, а 22 апреля заняли г. Веракрус.

Против высадившихся американцев выступили моряки, портовые рабочие, рыбаки и мексиканские пехотинцы. «Американцы, — сообщал русский вице-консул из Веракруса, — установили орудия среднего калибра, которыми обстреливали, поддерживаемые огнем из канонерской лодки «Прери», дома и крыши, где показывались регулярные федеральные войска и добровольцы. Самое сильное сопротивление было оказано американцам кадетами морского корпуса. Отряд, получивший приказ наступать на здание корпуса, был встречен сильным огнем и был вынужден отступить. И несмотря на незначительное число офицеров и солдат (всего 150 человек), наступающий отряд оказался не в состоянии взять их позицию; тогда был дан приказ обстрелять здание из орудий, что было исполнено крейсером «Монтана» и канонерской лодкой «Прери». Кадеты продержались еще 7—8 часов и отступили под прикрытием темноты. . . »¹¹⁵

Несмотря на героическую борьбу, мексиканцы вынуждены были отступить перед превосходящими силами американцев. К вечеру 22 апреля весь город был практически в руках американских оккупантов.

Оккупация Веракруса вызвала большое возбуждение и рост антиамериканских настроений в Мексике. В ответ на обращение к нему президента Вильсона Карранса выразил протест против оккупации Веракруса и потребовал немедленно отозвать американские войска с мексиканской территории¹¹⁶. Уэрта порвал дипломатические отношения с США, объявил общую амнистию, надеясь мобилизовать силы на борьбу против США. «Уэрта, — сообщал русский посол из Вашингтона, — ответил вызовом, сообщенным им во все газеты, в котором он объявлял, что Мексика защищает не только свою независимость, но и свободу всей Латинской Америки, что он не сражается против американского народа, а только против его правительства. . . »¹¹⁷

¹¹⁴ The Public Papers of Woodrow Wilson, Vol. I, p. 99—102; ЦГА ВМФ, ф. 418, 1914 г., д. 4150, № 729 (Донесение от 12 (25) апреля 1914 г.).

¹¹⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1914 г., д. 273, лл. 29—33 (Донесение из Веракруса, 8 (21) апреля 1914 г.).

¹¹⁶ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1914 г., д. 346, № 27 (Донесение Сазонову от 11 (24) апреля 1914 г.).

¹¹⁷ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1914 г., д. 346, № 25 (Донесение из Вашингтона от 10 (23) апреля 1914 г.).

По всей стране проходили демонстрации против оккупантов. Флаг США волочили по улицам, американцы подвергались оскорблениям, а иногда и арестам. Наибольшее возбуждение царило в Тампико, откуда 25 тыс. американцев вынуждены были бежать¹¹⁸.

Захват Веракруса войсками США вызвал также огромное недовольство в других странах Латинской Америки. Он показал народам этих стран действительную цену «пацифистских» и «дружелюбных» выступлений президента Вильсона. В самих США только открытые джингоисты в конгрессе и вне его усилили кампанию за проведение более «решительного курса» в Мексике. Прогрессивные же круги выступили против захвата Веракруса, указывая, что это неизбежно приведет к войне с мексиканским народом. Однако не в интересах Вильсона было подорвать окончательно свое влияние в странах Латинской Америки. В условиях надвигавшейся первой мировой войны США стремились расширить влияние и подготовить почву для установления гегемонии не только в Карибском бассейне, но и в южноамериканских странах. Достигнуть этого можно было скорее путем применения замаскированных империалистических методов. Вильсон поэтому искал повода, чтобы отступить, но при этом сохранить достоинство.

И когда посланники Аргентины, Чили и Бразилии в Вашингтоне обратились к правительству США с предложением своих услуг «для мирного урегулирования конфликта между США и Мексикой»¹¹⁹, Вильсон был рад воспользоваться их посредничеством.

Правительство США считало необходимым привлечь к переговорам не только уполномоченных Уэрты, но и представителей «конституционалистов», с тем чтобы рассмотреть вопрос о внутреннем положении в Мексике в целом.

Уэрта дал согласие послать своих представителей для переговоров с посредниками и прекратить военные действия на время переговоров¹²⁰. Карранса же, успешно проводивший военные действия против Уэрты, медлил с ответом. Только 3 мая 1914 г. Карранса заявил, что конференция может обсуждать вопрос, касающийся только конфликта между США и Уэртой, что же касается разрешения внутреннего спора в самой Мексике, то его решение должно быть предоставлено самим мексиканцам. Исходя из этого, «он считал нецелесообразной для конституционалистов приостановку военных действий, которая могла послужить только на пользу Уэрте»¹²¹.

¹¹⁸ Congressional Record, 63d Congress, 2nd Session, p. 7408, 8966.

¹¹⁹ Foreign Relations, 1914, p. 489; АВПР, ф. Канцелярия, 1914 г., д. 47, л. 35 (Донесение из Вашингтона, 13 (26) апреля 1914 г.).

¹²⁰ АВПР, ф. Канцелярия, 1914 г., д. 47, л. 38 (Вашингтон, 1 (14) мая 1914 г.).

¹²¹ Foreign Relations, 1914, p. 518.

Конференция открылась 20 мая в Ниагаре без участия сторонников Каррансы, которые к этому времени успели одержать ряд побед и захватить Тампико. После многих недель бесплодных споров конференция закрылась, не дав никаких реальных результатов.

Известный аргентинский писатель Мануэль Угарте, осуждая действия представителей «АВС», писал: «... В мексиканской прессе в 1914 г. и последующие годы нетрудно найти сотни статей, в которых действия «АВС» осуждаются как злейшая ирония на латиноамериканское братство. Вместо того чтобы поддерживать оскорбленную страну, южные нации кончили тем, что санкционировали иностранную интервенцию»¹²².

Между тем «конституционалисты» одержали ряд решающих побед. 15 июля 1914 г. Уэрта вынужден был уйти в отставку и бежать из страны, но «... отнюдь не в угоду президенту Вильсону, — как писал русский посланник, — и не под влиянием его строгих увещаний»¹²³, а в результате побед войск Каррансы, Сапаты, Виллы и др., находившихся в оппозиции к его режиму. Новый временный президент Франсиско Карвахаль (бывший главный судья Верховного суда Мексики) немедленно начал переговоры с Каррансой о сдаче столицы при условии объявления амнистии солдатам и офицерам Уэрты. 13 августа было подписано соглашение о сдаче столицы. 15 августа войска «конституционалистов» заняли город, а через неделю Карранса возглавил новое правительство. Однако потребовалось много времени для того, чтобы власть нового президента смогла укрепиться.

Борьба революционного крестьянства, возглавляемого Вильей и Сапатой, продолжалась на севере и на юге. Они очень скоро убедились, что Карранса как крупный асенадо-скотовод и представитель интересов либеральных помещиков и национальной буржуазии не хотел и не мог разрешить коренные вопросы революции, и в особенности аграрную проблему, что его политика направлена к тому, чтобы путем реформ задержать дальнейшее развитие революции.

Государственный департамент США был встревожен продолжающейся в Мексике войной и антиамериканскими выступлениями. Эвакуация войск из Веракруса задерживалась, несмотря на то, что Карранса на ней настаивал, заявляя, что присутствие иностранных войск на территории суверенного государства является незаконным вторжением. Только после того как началась первая мировая война, правительство Вильсона вынуждено было, считаясь с ростом национально-освободительного движения, отозвать войска из Веракруса.

¹²² M. Ugarte. The Destiny of a Continent. New York, 1925, p. 245.

¹²³ АВПР, ф. Канцелярия, 1914 г., д. 273, лл. 114—115 (Донесение из Нью-Йорка, 10 (23) июля 1914 г.).

Когда правительство Тафта — Нокса начало проводить свою «новую политику», неразрешенными оставались отношения между США, Колумбией и Панамой. Все еще не были определены права США в Панаме, общественное мнение Колумбии продолжало быть враждебным к империализму янки.

Деятельность американских капиталистов в Панаме не могла не вызывать недовольства среди патристически настроенных панамцев. На сооружение канала США израсходовали свыше 500 млн. долл. Панамская железная дорога, роскошные отели, тысячи жилых домов, дорогие общественные здания, громадные магазины — все это принадлежало американскому правительству. Государственные магазины существовали еще до захвата США Панамского перешейка, но торговля в них в то время была ограничена. Когда же американцы стали хозяйничать в зоне канала, торговля в магазинах быстро расширилась и со временем охватила все виды продовольствия, одежду и предметы роскоши для населения. Магазины превратились в преуспевающие торговые предприятия, приносящие американцам огромные доходы ¹²⁴.

Не только правительство Панамы, но и отдельные капиталисты неоднократно жаловались на то, что американские магазины, контрабанда и злоупотребления американских чиновников, присвоивших себе особые привилегии, наносят вред местной торговле.

Правительство Панамы требовало: прекратить продажу предметов роскоши в американских магазинах, так как это являлось нарушением договора 1903 г.; запретить торговлю табаком — главным предметом контрабанды в армейских постах; прекратить снабжение судов, проходящих через канал, теми предметами, которыми в состоянии их снабдить Панама; вернуть земельные участки, принадлежавшие Панамской железной дороге в гг. Панаме и Колоне; облегчить местным жителям пользование складами железной дороги.

По договору 1903 г. Панама уступила США права на Панамскую железную дорогу, которая в результате выкупа у французских владельцев сделалась собственностью правительства США. В договоре, однако, предусматривалось, что железнодорожная компания и компания канала вернут правительству Панамы все земли, лежащие за пределами зоны канала, «кроме земель, принадлежащих или находящихся в пользовании этих компаний в гг. Панаме и Колоне или в портах и на конечных станциях» ¹²⁵.

Панама возражала главным образом против контроля железнодорожной компании над землями в Колоне. Приводя постановления

¹²⁴ Foreign Policy Reports, Vol. VII, January 20, 1932, p. 420.

¹²⁵ Ст. VIII договора см. D. G. Munro. The Latin American Republics. A History. New York, 1942, p. 278.

ние Верховного суда Колумбии, Панама настаивала на том, что компания имела лишь право пользования землей в Колоне и поэтому эта территория должна быть возвращена панамскому правительству согласно ст. VIII договора о канале 1903 г.

Споры продолжались в течение многих лет. До начала первой мировой войны они оставались неразрешенными. Между тем все возраставшая заинтересованность правительства США, американских промышленников и банкиров в Панаме и зоне канала привела к претензии США на право вмешательства в дела Панамы. Этот вопрос вызвал многочисленные дебаты между обоими государствами. В обоснование своего права на вмешательство во внутреннюю и внешнюю политику Панамы США ссылались на статьи I и VII договора 1903 г.¹²⁶

Под давлением США в конституцию Панамы была внесена ст. 136, охарактеризованная в одной из брошюр, изданной в Панаме, как «вечный и тяжкий позор и оскорбление». Эта статья гласила: «Правительство США имеет право интервенции в любой части Панамской республики для восстановления общественного спокойствия и законного порядка в случае их нарушения при условии, что они (США) путем договора возьмут на себя обязательство гарантировать независимость и суверенность республики»¹²⁷.

Тафт, еще будучи военным министром в правительстве Рузвельта, считал, что США имеют право подавлять революционные выступления в Панаме. Он писал: «Я, не задумываясь, утверждаю, что, по моему мнению, всякое восстание в любой части республики нарушит спокойствие в Панаме, Колоне и прилежащих к ним территориях и увеличит трудности, связанные со строительством канала Соединенными Штатами. И хотя, конечно, наши правительственные силы не должны вмешиваться до тех пор, пока не станет очевидным, что Панамская республика не может сама обеспечить сохранение порядка на ее территории, я думаю, что США имеют право... подавить любое восстание в любой части республики»¹²⁸.

В 1909 г. Нокс заявил, что США имеют «моральное право препятствовать участию Панамы в конфликте с каким-либо государством, который может потребовать вмешательства в него США для поддержки Панамы»¹²⁹.

Выборы 1908 г. в Панаме проходили под «наблюдением» США. Вмешательство США во время выборов в 1908 г., приведшее к избранию кандидата оппозиции Обальди, превратилось, по словам одного члена правительства, в унижительный, «печальный эпизод» для Панамы.

¹²⁶ D. G. Munro. The Latin American Republics, p. 278.

¹²⁷ Foreign Policy Reports, Vol. VII, January 20, 1932, p. 412.

¹²⁸ Ibid., p. 414.

¹²⁹ Foreign Policy Reports, Vol. VII, p. 410; Foreign Relations, 1909, p. 469.

Выборы 1912 г. снова проходили под «наблюдением» США. Борьба велась между «патриотическим союзом», состоявшим из консерваторов и правительственной группы, выставивших кандидатом Педро А. Диаса, и либеральной партией, выдвинувшей Б. Порраса. Либералы имели большинство в конгрессе и поэтому могли контролировать выборы; правительство же опиралось на полицию. Когда стало известным, что оппозиция пытается подтасовать списки избирателей, правительство Панамы обратилось к США с призывом вмешаться в проведение выборов. США дали согласие. Но в ходе избирательной кампании выяснилось, что правительство потерпит поражение, тогда «патриотический союз» обвинил американцев в подкупе и пристрастии и отказался от дальнейшего участия в выборах. В результате президентом был избран Поррас.

США присвоили себе право вмешательства, когда речь шла о предоставлении Панамой концессий гражданам или компаниям других государств. Так, в 1912 г. Панама вынуждена была из-за протеста США аннулировать соглашение о железнодорожной концессии с англо-германским синдикатом¹³⁰.

Серьезные разногласия между Панамой и США возникли в связи с вопросом о «праве» экспроприации земли вне зоны канала.

Ст. II договора 1903 г. гласила: «Панамская республика гарантирует США постоянное право пользования и контроля над всеми землями и водным пространством вне вышеупомянутой зоны, которые окажутся необходимыми и удобными для сооружения, содержания и эксплуатации канала, а также для санитарного обслуживания и охраны как указанного канала, так и вспомогательных каналов и других сооружений, необходимых для строительства, содержания, эксплуатации, санитарного обслуживания и охраны предприятия»¹³¹.

В 1908 г. США впервые потребовали участок земли вне зоны канала. В 1912 г. Панама снова была вынуждена уступить США около 167 кв. миль, включая оз. Гатуи, его берега, острова и полуостров, к которому нет другого доступа, кроме озера или зоны канала.

В начале мая 1914 г. США заявили, что защита канала требует постройки дорог между Эмпайр и Чоррера, Балибоа и Чоррера и от г. Хуан-Диаса до устья реки того же названия. Панама должна была содействовать получению США необходимых прав на постройку дороги за определенную компенсацию. «Фактически, — писал американский историк Мак-Кейн, — США на основе ст. II договора Хэя — Буэно-Варилья экспроприировали земли

¹³⁰ Foreign Relations, 1912, p. 1198.

¹³¹ W. M. Malloy (comp.). Treaties, Conventions..., Vol. II, p. 1349; H. C. Commager. Documents of American History, p. 210.

Панамы по своему усмотрению и без всякой компенсации панамскому правительству»¹³².

Кроме этих трудностей, связанных с «правами» США, возникло много других осложнений в связи с экономическим проникновением американского капитала в Панаму.

Американцы начали вкладывать капитал в Панаму еще до 1903 г. Такие предприятия, как «Юнайтед фрут компани», «Телеграфная компания Центральной и Южной Америки», «Карибская марганцовая компания» и многие другие, производили операции в Панаме до 1903 г., но лишь после этого года американские капиталы широким потоком устремились в Панаму. Монополии США приобретали в большом количестве земельные участки для нужд сельского хозяйства, горной промышленности и лесоразработок.

Американские банки играли важную роль в банковском деле Панамы. Некоторые из них, как, например, «Международная банковская корпорация Коннектикута», имели свои филиалы в республике. Займовые операции усиливали зависимость Панамы от США.

Договорные «права» США в Панаме, а также захват земель, внедрение капиталов и эксплуатация корпорациями естественных ресурсов республики превращали Панаму в зависимое от США государство. Согласно одной острой и правильной характеристике Панама осталась «суверенным государством лишь постольку, поскольку ее суверенитет не вступал в противоречия с идеями главных деятелей военного и морского министерств в Вашингтоне»¹³³.

В 1912 г. возникли разногласия между США и Англией по вопросу о правилах прохода судов через канал. Конгресс США принял закон о Панамском канале, который уполномочивал президента устанавливать пошлины на суда, проходящие через канал, и одновременно освобождал от пошлин американские суда, занятые в береговой или межokeанской торговле¹³⁴. Это решение вызвало недовольство в английских правительственных кругах. Немедленно поступили протесты, в которых указывалось, что принятый закон противоречит условиям договора Хэя — Паунсефота¹³⁵. Тафт, несмотря «на совет старших сенаторов и на горячие увещевания всей печати, за исключением желтой»¹³⁶, одобрил и подписал закон.

Великобритания продолжала протестовать, настаивая на своих требованиях. Английский поверенный в делах заявил в госдепар-

¹³² W. D. McCain. The United States and the Republic of Panama, p. 159.

¹³³ «The American Mercury». Vol. XXVI, 1932, p. 54.

¹³⁴ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1912 г., д. 311, лл. 1—5 (Донесение Нератову, 13 (26) июля 1912 г.).

¹³⁵ H. G. Miller. The Isthmian Highway. New York, 1929, p. 303; Foreign Relations, 1912, p. 481, 486.

¹³⁶ АВПР, ф. Посольство в Вашингтоне, 1912 г., д. 311, лл. 6—7 (Донесение Сазонову от 24 августа (6 сентября) 1912 г.).

таменте, что «в случае продолжения разногласия в толковании трактата Англия предоставит разрешение вопроса международному третейскому суду»¹³⁷. Англичане утверждали, что закон, принятый конгрессом, нарушает принцип равенства в отношении британских судов и поэтому противоречит договору, и заявляли, что в интересах обеих стран разрешить дружеским путем этот вопрос до открытия навигации¹³⁸.

Президент Вильсон стоял за отмену пункта об освобождении американских судов от пошлины. В обращении к конгрессу от 5 марта 1914 г. он настаивал на том, что политические соображения требуют аннулирования этого пункта. Президент утверждал, что этот пункт «является выражением экономической политики, ошибочной во всех отношениях, и к тому же явно противоречит договору, заключенному с Великобританией. . . Единственное, что мы можем и должны сделать, — заявил он, — это добровольно отказаться от занимаемой позиции, вызывающей везде недоумение и неправильное понимание. Мы должны изменить свои действия так, чтобы они не вызвали вопроса о том, правы мы или нет. . .»¹³⁹ Вильсон настаивал на этом не только для установления хороших отношений с Англией, но и из-за соображений внутренней политики. Те, кто поддерживал его, утверждали, что освобождение от пошлин явится не стимулом к участию судовых компаний в береговой торговле, а лишь завуалированной субсидией трестам торгового судоходства.

После продолжительных прений в конгрессе, во время которых даже некоторые демократы отказались поддержать президента, так как они стояли за программу прежнего правительства, закон был принят и 15 июня 1914 г. утвержден президентом. До того как он был окончательно сформулирован, сенат внес поправку о том, что «принятие этого закона не должно рассматриваться как отказ от прав, приобретенных США по договору с Англией. . .; воспрещается делать исключения в пользу судов Америки путем освобождения их, так же как и граждан Соединенных Штатов Америки от уплаты пошлин за проезд через указанный канал, или отмены, умаления или изменения каких-либо прав США, а именно: суверенных прав на владение каналом, контроль над ним и на его содержание, а также регулирование судоходства и установление тарифа»¹⁴⁰.

Принятие этой поправки показывает, что не только в палате, но и в сенате Вильсон встретил сильную оппозицию. Во-

¹³⁷ АВПР, ф. Канцелярия, 1912 г., д. 126, л. 262 (Донесение из Нью-Порта, 16 (29) августа 1912 г.).

¹³⁸ Foreign Relations, 1913, p. 547—549.

¹³⁹ Foreign Relations, 1914, p. 317; The Public Papers of Woodrow Wilson, Vol. I, p. 92—93; АВПР, ф. Канцелярия, 1914 г., д. 311 (Донесение Бахметьева, 25 февраля (10 марта) 1914 г.).

¹⁴⁰ Congressional Record, 63d Congress, 2nd Session, Vol. LI, p. 10076—10077.

прос об отмене закона 1912 г. о льготах американским судам при проходе через Панамский канал, как писал русский посол, «разрешился в пользу президента, хотя победа, одержанная им, оказалась не такой блестящей, как он ожидал... Сенаторы в сущности не уступили президенту «с полной охотой и в полной мере», как он их приглашал, а нашли искуственный компромисс между его желанием и народным чувством...»¹⁴¹

Напряженными все еще оставались отношения с Колумбией. Правительство Тафта неоднократно пыталось умиротворить Колумбию, но эти попытки оказались безуспешными. Тогда правительство США предложило уплатить Колумбии дополнительно 100 млн. долл. за ратификацию договора, за право прорытия канала через Аtrato и уступку двух небольших островов в Карибском море для устройства угольных баз.

Эти предложения были отвергнуты Колумбией. На вопрос, что она считала бы для себя приемлемым, Колумбия ответила: «Арбитражное решение вопроса о Панаме или непосредственное предложение со стороны США компенсировать все моральные, физические и финансовые убытки, понесенные Колумбией в результате отделения Панамы»¹⁴².

Между тем американские капиталисты заинтересовались нефтью Колумбии. Они не могли и не хотели допустить, чтобы нефтяные компании европейских стран добились концессии у колумбийского правительства. Скоро, однако, в США стало известно, что английская фирма «Пирсон и сыновья» получила концессию, предоставлявшую ей право на 10 тыс. кв. км нефтеносной земли в любой части Колумбии. Согласно заключенному контракту синдикат Пирсона получал право на эксплуатацию неразработанных нефтеносных земель республики, постройку железных дорог, доков, каналов, а также право на проведение телеграфа и телефона.

Пришедшее к власти правительство Вильсона немедленно начало действовать, чтобы сорвать планы английского синдиката. Государственный секретарь США Брайан жаловался на «махинации и политические интриги иностранных концессионеров в республиках Центральной и Южной Америки» и на то, что вновь, «как сто лет назад», республикам угрожают иностранные правительства¹⁴³.

Прикрываясь теорией опеки, Вильсон и Брайан вели жестокую борьбу в интересах американских магнатов и добились успеха. Под давлением госдепартамента нефтяная концессия, полученная Пирсоном от Колумбии, была аннулирована.

Однако, чтобы проложить дорогу американским нефтяным промышленникам, было необходимо урегулировать старые споры с Ко-

¹⁴¹ АВПР, ф. Канцелярия, 1914 г., д. 311, лл. 10—11 (Бахметьев — Сазонову, Нью-Порт, 12 (25) июня 1914 г.).

¹⁴² Foreign Relations, 1913, p. 307.

¹⁴³ Foreign Policy Association, Vol. V, N 2, April 3, 1929, p. 23—24.

лумбией. Статс-секретарь Крайан начал переговоры с Колумбией. Осведомившись у правительства Колумбии о том, какие условия оно сочтет справедливыми, США, со своей стороны, предложили следующее: выразить сожаление по поводу событий, имевших место в 1903 г.; разрешить Колумбии беспопытно пропускать через канал суда и войска; установить для грузов, пассажиров и почты Колумбии те же условия перевозки, что и для США; уплатить компенсацию в размере 20 млн. долл. (эта сумма впоследствии была увеличена до 25 млн. долл.). Со своей стороны Колумбия должна была признать независимость Панама и принять линию границы, указанную в договоре ¹⁴⁴.

Однако условия договора вызвали возражения со стороны многих сенаторов. Против него выступил Теодор Рузвельт. Он заявил, что договор представляет собой «покушение на честь США» и «принятие его опозорило бы их». Обсуждение в палате представителей и сенате затянулось. Все усиливавшаяся оппозиция к договору, наряду с новыми неотложными вопросами, выдвинутыми первой мировой войной, заставили отложить обсуждение договора до 1919 г.

Таким образом, совершенно очевидно, что политика правительства Тафта по существу своему принципиально не отличалась от «политики большой дубинки», проводившейся Теодором Рузвельтом. Она соответствовала всему курсу империалистической экспансии, осуществлявшемуся Соединенными Штатами на рубеже XIX—XX в.

¹⁴⁴ Foreign Relations, 1913, p. 328. Колумбия настаивала на уплате 50 млн. долл. (Ibid., p. 324).

- Абаза 195
 Абдуллаев З. З. 263, 266, 399
 Аварин В. 170, 343
 Агинальдо Эмилио 48, 49, 53, 59, 61, 62
 Адамс Брукс 14, 27—29, 36
 Адамс Генри 23, 27, 28, 74
 Адамс Герберт Бэкстер 23
 Адамс Джон 15
 Адамс Чарлз Френсис 50
 Алексеев 139, 142—144, 146, 173, 175, 176, 179, 191
 Аллен Горас 185, 191, 192, 197, 198, 200
 Альварес А. 410
 Альперович М. С. 433
 Амадор Герреро Мануэль 92, 93, 95, 97
 Андерсон Е. Н. 273, 278, 283, 284, 288, 289, 291
 Анхелес 444
 Аоки 192, 346, 359
 Аранго Хосе Августин 92
 Ариас Томас 92
 Аткинсон 51
 Бальфур Артур Джеймс 83
 Барджесс Джон 23, 24, 26
 Барнс Сэнфорд 309
 Барранкилья 94
 Барроус Дж. 26
 Бассерман 289
 Батлер 78
 Бахметьев Д. С. 258, 259, 327—329, 331, 346, 351, 352, 357, 358, 413, 414, 443, 445, 453, 454
 Баш А. У. 122—124
 Бебель Август 141
 Бевридж Альберт 33, 34, 42
 Бейли Т. А. 17, 20, 42, 220, 332, 334, 349, 351—353, 355, 356, 441
 Безобразов А. М. 175, 195
 Бемис С. Ф. 82, 105, 141, 143—145, 289, 360
 Бен Слиман 288
 Бенжамин С. 265
 Бенкендорф А. К. 395, 399, 402, 404
 Бересфорд Чарлз 128
 Берлинский 218
 Бернард Франсиско 429
 Бернсторф 335
 Бёр Р. Н. 110
 Бёрас А. Ф. 15
 Бескервиль Г. С. 388, 389
 Бикслер Р. В. 293
 Бил Г. К. 28, 29, 36, 140, 221, 274, 289
 Билс К. 104, 413, 416
 Бирд Мэри 15
 Бирд Чарлз 15, 28
 Бирр К. 265, 266, 291
 Бишоп Дж. Б. 88, 91, 94, 204, 231, 277, 278, 285, 286, 334
 Блисс 107
 Блэйн Джеймс Г. 105—108
 Бойд Фредерико 92
 Болховитинов Н. Н. 69
 Бонапарт 301
 Бонилья 419, 420, 427, 429
 Боппе А. М. 87, 90
 Боуэн 266
 Брайан Уильям Дженнингс 49, 426, 454, 455
 Брайс Джеймс 22, 353, 362
 Бриннер Ю. Н. 189, 195
 Бродский Р. М. 143, 144, 214, 222
 Броун 191
 Броунсон У. Х. 348, 351
 Брук 43, 44
 Брэдфорд Э. 51, 77
 Брэйстед У. Р. 122, 348
 Бульвер 80—85

Бэкон Р. (Бекон) 55, 281, 301, 302
Бэлл 60
Бьюкенен Джеймс 70
Бьюкенен Джордж Уильям 402
Бьюэлл Р. Л. 290, 292, 347, 420, 421,
423, 428
Бюлов Бернгард фон 153, 202, 271,
272, 277—279, 281, 284, 286, 289,
333, 334, 353
Бюно-Варилья Филипп 92, 93, 95—
97, 102, 451

Вайнберг А. К. 33, 34
Вальдерзее Альфред фон 136, 149
Вандербильт 15
Вандербильт Франк 41
Вандербильты 21
Вандерлип 243
Варг П. А. 382, 383.
Варлей 269
Васильев 229, 421, 435, 445
Васкес Гомес Э. 437
Вашингтон Джордж 15, 51
Вебер 190
Вебстер Дэвид 42
Вевье Ч. 337, 338, 343, 365, 366
Вейлер 61
Виктория 53
Вильгельм II 113, 235, 236, 240, 249,
269, 271, 272, 275, 285, 286, 289,
331—334
Вильсон Вудро 323, 385, 411, 416,
425, 440, 442—448, 453, 454
Вильсон Генри Л. 431—433, 436—
440, 442
Вильсон Ф. М. Х. 343, 377, 378, 384,
391
Вилья Франсиско 438, 444, 448
Вильямс Б. Г. 39
Витте С. Ю. 132, 160, 169—171, 176,
194, 195, 232, 242—250
Воскресенский 354
Вуд Леонард 43—46, 348
Вэст Джордж Г. 52, 53

Гальперин А. 162, 205, 231
Гамильтон Ч. В. 256
Гаммерэ 269, 270, 281
Гаммэн О. 276
Гарли Ральф 291
Гарриман Э. Г. 122, 224, 309, 337—
339, 363—366
Гарсей 139
Гарсиа Кальдерон 306
Гартзелл 292
Гвиннер 375
Гельбер Л. М. 249

Гендерсон Дж. Б. 107
Гент В. Дж. 21
Гиппиус А. И. 161, 163, 166, 171, 177,
178, 189, 196, 197
Гирс М. Н. 114, 137—140, 147
Глинский Б. Б. 155, 156, 158, 170,
175, 193, 195
Голлебен 73
Гомес Х. М. 298, 303, 412, 413, 415
Гомперс С. 51
Гонимонский С. А. 86
Гопкинс Джонс 18, 23
Гордон Л. Дж. 254, 256, 258, 260, 369,
377
Горелик С. Б. 159, 160
Грант 263
Грант Улисс Симпсон 70
Грей Эдуард 204, 282, 283, 285, 362,
398, 402, 404, 444
Грешэм 192
Гризвольд А. У. 116, 118, 126, 128,
132, 143, 145, 213, 350, 360, 361,
363
Гримм Э. Д. 190
Гриском Л. 178, 180, 226, 239, 240,
266, 336, 337
Гросс Л. 421, 422
Гуансюй 366
Губер А. А. 48, 57, 58, 65, 357
Губерич К. Г. 291
Гуггенгейм 311, 312, 437
Гудноу 217
Гульд Джей 309
Гульды 21
Гулькевич 385
Гуревич Дж. К. 369

Д'Арси 386
Давенпорт Е. Г. 370
Давила Мигель 427—429
Даллес Ф. Р. 32, 141
Даллес Р. Дж. 41, 212
Даусон Томас 76, 422, 429
Дебс Юджин 22
Девис 101
Де-Воллан 115, 141, 146
Дейвис 20
Делькассе Т. 240, 273, 275—277, 285
Деморньи Г. 406
Денби Чарлз 17, 48, 71, 117, 122, 331
Деннетт Тайлер 121, 130, 141, 155,
161, 187, 188, 203, 209, 211, 213, 215,
225, 230, 231, 234, 238, 240—242,
245, 246, 248, 250, 251, 277, 335, 366
Деннис А. Л. П. 72, 83, 91, 116,
127—129, 132, 134, 141, 143, 146,
155, 165, 167, 172, 174—176, 179,
180, 194, 202, 214, 218, 238, 259,

262, 270—272, 274, 275, 284, 288,
289, 292
 Деново Дж. А. 253—255, 369, 373—
378, 382, 383, 385, 388
 Джавид 386
 Джеймс Уильям 51
 Джексон Дж. Б. 387, 390
 Джексон Эндрю 35
 Джекинс 182
 Дженкс Л. Г. 43, 295—297, 300, 302,
412, 415
 Джессеп Ф. К. 306, 320
 Джефферсон Томас 15, 35, 268
 Джонс Ч. Л. 212, 294, 295, 418
 Джордан Д. С. 50
 Джордж 281
 Джюль 262
 Диас Адольфо 421—424
 Диас Педро А. 451
 Диас Порфирио 309, 311—319, 431—
434, 436, 437, 439, 440
 Диас Феликс 439, 440
 Дикинсон 258
 Диллон Е. Дж. 243
 Дингли 101
 Добров А. 198, 199, 212, 223, 226, 228,
232, 341, 342
 Добрынин А. Ф. 198
 Домингес Б. 444
 Донеги 312, 313
 Доти 388
 Доули А. В. 310
 Драго Луис 78, 79, 321
 Дуайт 263
 Дьюи 49, 56, 73
 Дэви М. Р. 55
 Ефрем 399
 Жерар А. 329
 Жюссеран 275, 276
 Забрицкий Е. Х. 133, 156, 162, 179,
180, 331
 Заэнц М. 312
 Зеллингман 323, 324, 400, 401
 Зингер 222, 260, 369
 Зиновьев И. А. 259, 262, 263, 368

Иван Грозный 248
 Иванов М. С. 389, 394
 Извольский А. П. 194, 301, 302, 308,
317, 330, 340, 347, 349, 352, 354, 355,
357, 359, 365, 380, 419

Иммэн С. Г. 79, 321
 Ито Хиробуми 193, 206—208
 И Ха Юнг 200

Кавам-эс-Салтане 399
 Казаков 222
 Кайзерлинг 189
 Каллахан Дж. М. 310, 312, 314, 318
 Кальво К. 78, 79
 Калькотт У. Г. 91, 407, 408
 Камбон Жюль 283
 Кан Отто 366
 Канско 202, 224, 245—247
 Канторович А. 124, 126, 146
 Карвахаль Франсиско 448
 Карден Л. 443
 Карлеги Эндрю 21, 51, 56, 107, 118
 Карновский М. 312
 Карранса Венустиано 444, 446—448
 Картер Джон 30, 41, 69
 Картер Дж. Р. 234, 378, 381, 384,
385
 Картер Дж. С. 51
 Кассини А. П. 46—48, 51, 58, 62, 65, 72,
73, 75, 78, 82—85, 88, 96, 123, 125—
127, 132, 133, 153, 154, 158—160,
163—165, 167, 168, 172—175, 198,
216—218, 223—229, 238, 242, 262
 Кастрильо 424
 Кастро С. 72
 Кацура Таро 202, 203, 206, 231, 239,
244, 335, 337—339, 357, 358, 362,
407
 Кейло Т. М. 48, 49, 51, 59, 60
 Келлер А. Г. 55
 Кембелл Ч. С. 118, 119, 121, 134,
135
 Кеннан Джордж 203, 213, 232, 250,
337—339, 365
 Кент П. Г. 124
 Кеннер Ч. Д. 417, 418
 Керзон 127
 Кёрти М. 265, 266, 291
 Кесада 106
 Кесада 300
 Кинтана М. 70, 107
 Кинлинг Р. 36
 Клайд П. Г. 157, 340, 344, 365
 Клайн Г. Ф. 434, 445
 Кларк Дж. Р. 72
 Клей Генри 41
 Клейтон Генри 80—85
 Кливленд Стивен Гровер 35, 81, 106,
258, 426
 Кодама 231
 Коковцов В. П. 401, 402
 Кокс И. Дж. 423, 425, 426
 Колтон 307

Кольт 381
 Комура Джотаро 190, 191, 194, 226,
 227, 231, 239, 240, 242, 244, 246—
 248, 250, 339
 Конжер Э. Г. 117, 118, 137, 141, 142,
 144, 147, 155, 156, 161, 162, 168,
 171—173, 176, 177, 218, 336
 Конча 86, 87
 Коростовец 140, 249, 250, 354, 355,
 361, 362
 Корраль 433
 Костер Чарлз 122
 Коцебу Т. С. 258
 Крейн Р. Г. 51
 Кристмас Ли 428
 Кромвель Уильям Нельсон 86, 92
 Кросби 51
 Кроули Р. 360, 364, 366
 Крупенский 431
 Кудашев Н. А. 435
 Кук С. Р. 370
 Кун 386
 Курино 177, 196, 197
 Куропаткин А. Н. 175
 Кутаков Л. Н. 230, 231, 244, 245
 Кучинский Ю. 14
 Кэтин Дж. 256
 Кэнион Р. 421, 422
 Кэнфилд 312
 Кюльман 271

Лабарн Б. 267, 268
 Ламсдорф В. Н. 33, 46, 47, 51, 62,
 65, 72, 73, 75, 78, 84, 85, 88, 96, 125,
 136, 140, 145, 146, 153, 154, 157—
 160, 163—165, 168, 170, 171, 173,
 177, 193, 195—198, 217—219, 221—
 224, 228, 229, 232, 242, 244—246,
 248, 262, 285
 Лагер У. Л. 115, 124
 Лаптев 138
 Ласкурайн Педро 439
 Латане Дж. Г. 77, 81, 82, 143
 Лаутон 59
 Леб 386
 Левинсон Г. И. 66
 Лейшман Дж. 259, 262, 263, 368
 Лексфр 399, 401, 404, 405
 Ленин В. И. 16, 19, 50, 112, 114, 115,
 141, 163, 176, 177, 181, 184, 211, 221,
 230, 231, 272, 327, 406
 Леон де ла Барра Франсиско 433,
 436
 Лессар П. М. 175, 216, 219
 Лессепс Фердинанд 82
 Ли Хун-чжап 123, 145, 155, 160—162
 Ливермор С. У. 144
 Лимантура 436

Линд Джон 443, 445
 Линкольн Авраам 51, 52
 Липич 400
 Липпенкотт Дж. 15
 Листер 279
 Литтен У. 390
 Личоуко М. П. 58, 59, 63, 64, 67
 Лобанов 190
 Лодж Генри Кэбот 23, 27, 28, 32,
 34—37, 42, 56, 57, 85, 92, 119, 231,
 233, 234, 237, 241, 348, 441
 Лумис Френсис 91, 92, 94, 224
 Луна Антонио 59
 Льюис К. 314
 Лэнсдаун Генри 85, 180, 206, 275,
 279—282
 Лю Да-нянь 355
 Люксембург Роза 141

Магун Чарлз 302, 412
 Мадеро Франсиско 314, 318, 432—
 434, 436—440
 Мадрис Хосе 422
 Майер 233, 240, 241, 245, 247, 248
 Майо 445
 Майторена 444
 Мак Г. 96
 Мак-Ганн Т. Ф. 106, 108, 109, 305,
 319
 Мак-Гинис 312
 Мак-Кейн У. Д. 101, 102, 451, 452
 Маккензи Ф. А. 182, 207, 208
 Мак-Кинли Уильям 13, 28, 39, 45,
 48, 49, 55, 109, 129, 145, 162
 Мак-Кормик Р. С. 172, 179
 Мак-Крейн Р. С. 15
 Мак-Мюррей Г. В. А. 130, 178, 205,
 328
 Малевский-Малевич Н. 360
 Маллори 54
 Малон 399
 Манфред А. З. 11
 Марвин Джордж 364, 416
 Маркс Карл 15
 Мартин А. Е. 43
 Мартинес 305
 Маршалл фон Биберштейн А. Г. 373,
 375, 376
 Махмуд-Шевкет-паша 378
 Мегата 201
 Мен 423
 Мендес Капоте 45
 Мелокаль Марио 416
 Меринг Франц 141
 Мерит 56
 Мертвий Д. 257
 Меткаф В. Х. 349, 352
 Меттерних 73, 285

Мехмед V 377
 Мехэн Альфред Т. 29—32, 34, 36, 131, 253
 Миллард Т. Ф. 328, 329, 340, 342, 344, 365
 Миллер Х. Г. 452
 Минн 188
 Минн Юнг Чан 209
 Монн 281
 Мингер Р. Е. 358
 Монро Джеймс 40, 46, 54, 67, 69—78, 81, 84, 98, 111, 130, 303—306, 315, 319—324, 323, 325, 409, 410, 418, 429, 430, 440, 441
 Моралес К. Ф. 76, 77, 307
 Морганы 15, 21, 200, 206, 243, 372, 416, 428
 Морз Г. Б. 114, 124
 Морз Джеймс 185
 Морнар 395, 396
 Моррет 51
 Морской А. 344
 Мотоно 240
 Моффат 421
 Мохаммед-Али-шах 388, 398, 399, 402, 404
 Муди Джон 16
 Мун Паркер Томас 76
 Мунро Д. Г. 425, 449
 Мур Джон Бассет 70, 76, 91
 Мур 399
 Муравьев М. Н. 48, 82, 83, 113, 114, 127, 132, 133, 138
 Мэдисон Ч. 15
 Набуко 409
 Пайт М. М. 74, 307—309
 Наполеон III 71
 Небольсин А. 66, 352, 355, 371
 Невинс 289
 Неклюдов 379, 380
 Нельсон М. Ф. 183, 192, 200, 209
 Нератов 383, 395, 399, 401—404, 435, 452
 Нерваль Г. 441, 442
 Николай II 195, 235, 236, 240, 246, 249, 285, 327
 Никольсон Артур 284, 362
 Ниринг С. 16
 Нитобург Э. Л. 295
 Нокс Фландер 322, 373, 377, 384, 390, 392, 407, 408, 410, 412, 414, 415, 424, 427—431, 449, 450
 Норткотт Эллиотт 423
 Нортоп Т. 256
 Нортон 54
 Ньютон И. 40

Обалдия 450
 Оберлах Т. У. 113
 Оберхольтцер Е. П. 26
 Обрегон Альваро 444
 Огава Г. 229, 230
 О'Лэфлин 245
 Олдрич Нельсон 312
 Олни Ричард 70, 71
 Ороско Паскуаль 437, 438
 Отис 48, 49
 Офф Г. 69, 74, 75, 304
 Оффутт М. 88, 90
 Ояма 231

Павлов 113, 115
 Пайк Ф. Б. 106, 305
 Пан Шю-Лун 120, 122, 124, 343
 Паркс Г. Б. 15
 Паунсефот, лорд 83—85, 128, 452
 Пейдлфорд Н. Дж. 100
 Пердикарис 268—271
 Перейра Карлос 315
 Перкинс Д. 69, 74, 75, 304
 Перкнис 263
 Петик 123
 Петров 402
 Петтигрю Р. Ф. 22, 50, 61
 Пирс Фр. 264
 Пирс Х. Д. 145, 245
 Пирсон Р. 267, 268, 387
 Пирсон 313, 315, 411, 444, 454
 Пишон 140
 Платт Орвилл 44, 46, 57, 67, 295, 298, 412, 415, 416
 Поклевский 390, 393, 395, 397, 399, 401—403
 Покотилов Д. Д. 338, 340, 341, 355, 365
 Покровский М. Н. 194
 Полк Джеймс К. 70
 Поррас Б. 451
 Поттер 51
 Поунелл 188
 Прагг Дж. У. 20, 24, 26, 27, 33—35, 43, 52, 57
 Прагг Е. С. 265, 266
 Приплл Г. Ф. 88, 90—92, 95, 98, 127, 228, 233, 332, 432
 Пристли Г. Дж. 312
 Пу И 366
 Пэйдж 444

Радолин 278
 Рам Шива В. 17
 Расселл 390—392
 Рахим-хан 388

- Рейес Рафаэль 99
 Рейнш П. С. 64, 112, 114, 128, 211
 Рейс Р. С. 309
 Рейсали 269, 270
 Рекс 333, 334
 Рид Уайтлоу 238, 275, 276, 356, 391
 Ример Ч. Ф. 120
 Риппи Дж. Ф. 42, 69, 89, 92—94, 97, 98, 104, 311, 312, 324, 436
 Робертсон У. С. 314
 Робинсон 313
 Роджерс 182
 Рождественский 235
 Розен Р. Р. 173, 179, 190, 195, 231, 242, 243, 245, 246, 301, 302, 308, 330, 347, 349, 357, 359, 391
 Рокфеллер 371, 373, 375, 385, 407
 Рокфеллер Джон Д. 15, 21, 312
 Рокфеллеры 21
 Рокхилл У. 129, 140, 155, 213, 382—384
 Романов Б. А. 116, 123, 132, 145, 151, 154, 158, 161, 166, 167, 170, 177, 180, 190, 192, 193, 205, 214, 242—244, 246, 329, 330
 Романовы 195
 Рувье Морис 276, 278—281, 284
 Руденко Б. Т. 433
 Рузвельт Теодор 14, 23, 25, 28, 32, 36—38, 42, 46, 56, 71—79, 84, 88, 90—93, 95—98, 102, 103, 111, 119, 127, 162, 165, 167, 172, 174, 175, 197—203, 205, 207, 209, 211—215, 218, 222, 228—243, 245—251, 253, 255, 267, 269—272, 274—278, 284—287, 289, 297, 298, 300—307, 309, 315, 319, 321—325, 331—335, 337, 346—357, 359, 362, 363, 407, 408, 411, 412, 429, 450, 455
 Рут Элиу 46, 60, 90, 98, 99, 209, 284—288, 297, 306, 307, 318—322, 324, 343, 346, 352, 353, 356, 359—363, 365, 366, 387, 390, 431
 Рэнч Т. О. 312
 Сазонов С. Д. 378, 413, 431, 434, 442, 443, 446, 452, 454
 Сайондзи 359
 Салливан 26
 Самнер Уильям Г. 18, 51, 55
 Самсам-эс-Салтане 403, 405
 Сапата Эмилиано 434, 437, 438, 448
 Сатоу Эрнст 155, 161
 Сазнс Пенья Роке 107, 305
 Свечин 383
 Швеци П. М. 43
 Севостьянов Г. Н. 342
 Сейвет Е. Н. 23
 Селайя Хосе Сантос 418—422, 427
 Селвейдт 347
 Синклер 313
 Сквайрс 298
 Смит 263
 Смит 60
 Соед 338, 339
 Солсбери Артур 83, 153
 Спейер 324, 412
 Спенсер Герберт 18, 19, 21, 25, 27
 Сперри 353
 Спринг-Райс 202, 212, 237, 250, 251, 348
 Спрут Г. 352
 Спрут М. 352
 Спунер 86, 281
 Сталевский 443
 Стивенс Д. У. 200
 Стимсон 64
 Стокс 397, 399, 401
 Столыпин И. А. 380, 381
 Стоун (Стоун) 243, 245
 Сторей Мурфильд 22, 50, 51, 58, 59, 63, 64, 67
 Стоун Эллен 258, 259
 Стронг Дж. 26
 Стройт Уиллард 334, 363—366
 Суарес 440
 Султан-Ахмед-Мирза 388
 Сутилл Дж. Г. 417, 418
 Сьюард Уильям Х. 20
 Тайер У. Р. 153, 234
 Тайлер Джон 267
 Тайлер М. 23
 Такахира 208, 214, 218, 227, 231, 240—242, 249, 334, 353, 354, 356, 359—363, 365
 Таль 317, 419
 Тан Шао-и 334, 335, 359, 362, 364—366
 Тапака 358
 Тарле Е. В. 235
 Таттенбах 281
 Тафт Уильям Г. 32, 62, 63, 67, 91, 102, 202, 203, 206, 233, 234, 239, 244, 256, 274, 301, 302, 322, 323, 333, 335, 347, 348, 356—359, 362—364, 384, 388, 392, 407, 408, 410—412, 414, 422, 424, 431, 432, 434, 435, 438—440, 449, 450, 452, 454, 455
 Твен Марк 51
 Теплов В. 33
 Томсон 316
 Торрес 288
 Тоуэр Ч. 133, 164, 234, 353
 Трит П. Дж. 143, 180, 187, 194, 202, 240

Тягай Г. Д. 185, 191

Уайт А. Д. 23

Уайт Г. 281, 284, 285, 288

Уайт 82, 83

Угарте Мануэль 104, 448

Уилгас А. К. 110, 321

Уиллер Б. 242

Уиллогби У. Ф. 63, 64

Уорчестер Д. С. 49

Уошбарн С. 225

Урусов 136, 163

Уэрта Викториано 440—448

Уэрта 95

Фаггс А. 122, 135, 271

Фань Вень-лань 113, 114, 136, 138, 149

Фенстон 62

Фесс 411

Фигероа 434

Фиппис Элен 311

Фиске Джон 25, 26

Фитцгиббон Р. Г. 42, 294, 295, 297

Фиш Г. 28

Флетчер 446

Форбс У. К. 60

Франклин Вениамин 15

Френкель М. Ю. 290, 291

Фримен Дж. 16

Фримен Э. А. 23

Фруд 54

Фурсенко А. А. 123, 124, 130, 133, 374

Фут 184

Фушими 224

Фьюсс К. М. 52, 55

Фэй С. Б. 235

Фэррар В. Дж. 20

Хаким-эль-Мольке 399

Хаккы-паша 378, 381

Хальберт Х. Б. 207—209

Хаммонд Дж. Х. 225

Хан Ку Сул 208

Ханна Марк 41, 91

Харрингтон Ф. Г. 50, 191, 198, 200

Харт А. В. 23

Хасегава 208

Хаяси 156, 198, 208, 232, 358, 359

Хепборн 86, 135

Херст 312

Херши А. 227

Хили Д. Ф. 43, 44, 46, 47

Хилл Г. К. 14, 36, 38, 77, 255, 298, 301, 308

Хилл Джеймс 21

Хилл Дэвид 373, 374

Хилл Р. Г. 116, 117

Хиппелли 129

Холлендер 309

Холт У. С. 49

Хор 22, 50—54, 61

Хосмер Джеймс К. 23, 24

Хоули 295

Хофстедтер Р. 18, 20, 21, 24, 37

Ху Шен 131, 148

Хуббард 97

Хьюбермен Л. 14, 43

Хэй Джон 23, 32, 72, 78, 83—88, 90—93, 95—97, 109, 119, 127—129, 131, 133, 134, 142—144, 147, 153, 155, 156, 158—160, 162, 164, 165, 167, 171, 172, 174—176, 178, 192, 199, 200, 203, 209, 215, 216, 219, 221, 224, 226—228, 233, 234, 236, 258, 262, 270, 271, 292, 307, 324, 451, 452

Хэлл Дж. 213, 347

Цвемер М. 256

Цин 173, 176

Цыси 190, 366

Чаморро Эмилиано 422, 426

Чанг Г. 183, 207, 208

Чарыков П. В. 370—382

Чемберлен Джозеф 126

Чемпион 415

Честер Колби 40, 368, 370—373, 375—384, 386

Честер Артур 370

Чеффи 142

Чжоу-фу 338

Чилтон 54

Чунь 366

Чэдвик 271

Шводрен Б. 373, 378

Шепард Эдвард 51

Шерман Якоб 48, 57, 62

Шпербранд Вольф фон 117, 121, 168, 169, 212

Шиллинг 82

Шилс И. И. 243

Шифф Якоб 122, 233, 249, 339, 366

Шоа-эс-Салтане 402—404

Шоу Альберт 32

Штейнгарт Ф. М. 300, 303

Штернбург Шпек фон 73, 127, 199, 201, 202, 214, 236, 237, 241, 245, 272, 274, 275, 278, 284—287, 331, 332, 334, 353

Штраус Оскар 258, 373, 375—378

Шурц Карл 22, 50, 51, 55, 56
Шустер Морган 386, 389, 392—406
Шуфельд 183, 184

Эванс 351, 353
Эди О. А. 165, 268, 307, 392
Эдди Спенсер 261, 262
Элиот 37
Энгельс Фридрих 15
Энджелл Дж. У. 324
Эрл Е. М. 254
Эрман 95
Эрран Томас 87
Эстенос Э. 413, 414

Эстрада Хуан 421—423
Эстрада Кабрера 419
Эстрада Пальма Томас 47, 294, 296,
298—302
Этельбарг 420

Юань Ши-кай 137, 138, 227, 335,
364, 366
Юзельсон Л. 264—268, 387—389, 391,
392

Ямагата Аритомо 190, 231

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие <i>А. З. Манфреда</i>	5
---	---

Глава первая

Идеологические основы экспансии США на рубеже XIX—XX вв.	13
--	----

Глава вторая

Американский империализм на Кубе и Филиппинах

Планы американской экспансии	39
Установление протектората США над Кубой	41
Оккупация Филиппин Соединенными Штатами. Выступления антиимпериалистов против захвата архипелага	47
Война США против филиппинского народа	57
Организация колониального режима на Филиппинах	62
Экспансия США в странах Латинской Америки. Агрессивный характер доктрины Монро	67
Венесуэльский конфликт	71
Вмешательство США во внутренние дела Доминиканской республики	74

Глава третья

Панамский канал

Проблема межokeанского канала и англо-американское соперничество	80
Пажим США на Колумбию	86
«Панамская революция»	90
Американо-панамский договор	99
Первая панамериканская конференция	103
Вторая панамериканская конференция	109

Глава четвертая

Экспансия США в Китае и доктрина «открытых дверей»

Раздел Китая на «сферы влияния» империалистическими державами	112
Борьба США за Китай	115
Участие США в «битве за концессии»	122
Доктрина «открытых дверей»	125
Ответы держав на ноту Хэя	131
Народное восстание против империалистов в Китае	135
Участие США в подавлении народного восстания в Китае	141

Глава пятая

Дальневосточная политика в 1901—1904 гг.

Сепаратные переговоры России с Китаем о Маньчжурии. Позиция держав	151
Переговоры США с Россией о Маньчжурии	158
Англо-японский союзный договор и подготовка войны против России	162
Новые требования царской России. Роль США в развязывании русско-японской войны	171

Глава шестая

США и независимость Кореи

Американские экспансионисты и Корея	182
Японский и российский империализм и Корея	186
Вопрос о нейтрализации Кореи	191
Корея накануне русско-японской войны	194
Антикорейская позиция Теодора Рузвельта	197
Грабительская политика японских агрессоров и позиция США	199
Соглашение Тафта—Кадура	202
Корея и второй англо-японский договор 1905 г.	204
Установление протектората Японии над Кореей	206

Глава седьмая

Теодор Рузвельт и Портсмутский мир

Политика США во время русско-японской войны	211
США и нейтралитет Китая	215
Антиамериканский бойкот в Китае в годы войны	220
США и контрабандная торговля в годы войны	222
Американская финансовая помощь Японии	229
Рузвельт и подготовка мирного посредничества	230

Международная обстановка накануне мирной конференции	234
Портсмутская конференция и позиция США	242

Глава восьмая

Американская политика на Ближнем Востоке и в Северной Африке

Миссионеры и их деятельность на Ближнем Востоке	253
США и Турция	257
Американские миссии и благотворительные учреждения в Иране . .	263
Дело Лабари	267
США и Африка. Дело Пердикариса	268
Обращение Германии к США о посредничестве	271
Подготовка конференции. Позиция США	273
Альхесирасская конференция	282
Заключительный этап конференции	287
США и Либерия	290

Глава девятая

Вооруженные интервенции в странах Карибского бассейна

Экономическая экспансия США на Кубе	294
Попытки захвата острова Пинос	296
Первая интервенция США на Кубе	298
Доктрина Рузвельта и общественное мнение латиноамериканских стран	303
Интервенция США в Доминиканской республике	306
Экономическая экспансия США в Мексике	309
Рост антиамериканских настроений. Выступления против диктатуры Диаса	316
Третья панамериканская конференция	319

Глава десятая

Обострение американо-японских отношений

Новая расстановка сил на Дальнем Востоке после русско-японской войны	326
Провал попыток Германии создать блок держав против Антанты . .	331
Первая попытка «интернационализации» железных дорог Китая . .	335
Укрепление Японии в Южной Маньчжурии	339
Расовые законы в США и усиление американо-японского антагонизма	345
Демонстрация военно-морского флота США	350

Дипломатическая миссия Тафта. Соглашение Рута—Такахира . . .	356
Новая попытка США добиться концессий в Китае	363

Глава одиннадцатая

Проникновение США в Турцию и Иран

Проект Честера и политика США в Турции	368
Миссий Шустера в Иране	386

Глава двенадцатая

«Дипломатия доллара» в Латинской Америке

«Превентивная политика» — политика интервенции	407
Вмешательство в дела Кубы	411
Интервенция США в Никарагуа	417
Интервенционистская политика США в Гондурасе	427
США против мексиканской революции	431
«Доктрина непризнания». Вильсон против Уэрты	442
США, Панама и Колумбия	449
Указатель имен	456

Лев Израилевич Зубок

**Экспансионистская политика США
в начале XX века**

*Утверждено к печати
Институтом истории Академии наук СССР*

Редактор издательства *Л. И. Бельская*
Художник *Е. И. Ильсикова*
Технический редактор *В. Д. Прилепская*

Сдано в набор 17/X-1968 г. Подписано к печати
18/IV 1969 г. Формат набора 60×90¹/₁₆. Печ. л. 29,25 +
+1 вкл. Уч.-изд. л. 29,2 (29,1+0,1 вкл.). Тираж 2000 экз.
Бумага № 2. Т-05734. Тип. зак. 1379.

Цена 2 р. 03 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука».
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
67	15 св.	тысячу жителей	тысячу американских жителей
102	5 св.	Антон	Анкон
122	6 св.	экспорте	импорте
215	5 св.	Дузвельт	Рузвельт
331	8 св.	Асака	Осака
343	15 св.	о монополистических мероприятиях	о мероприятиях
352	11 св.	Понт-о-Пренс	Порт-о-Пренс
398	23 св.	координированной	коррумпированной
455	1 св.	Крайан	Брайан

Л. И. Зубок. Экспансионистская политика США в начале XX века.

27. 02. 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А. И. ЗУБОВ Экспансионистская политика США в начале XX века